Н. М. Карамзинъ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

Томъ XI.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ".

ЗА

НОЯБРЬ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1892.

Wyższa Szkoła Pedagogiczna
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
w Kielcach
098291

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1892 года.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
Томъ XI.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса Годунова.

Г. 1598—1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

Духовенство, Синклитъ и Чины Государственные, съ хоругвями Церкви и отечества, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицаніяхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще оставивъ его въ келліи, 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропустную, Борисъ въѣхалъ въ столицу: встрѣченный, предъ стѣнами деревянной крѣпости, всѣми гостями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, г. 1598. Москва встрѣчаетъ Царя.

жемчугомъ и многими иными *дарами Царскими* (1). онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ Казнѣ. За гостями встрѣтили Царя Іовъ и все Духовенство: за Духовенствомъ Синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ молебенъ, Патріархъ *вторично* благословилъ Бориса на Государство, осѣнивъ крестомъ Животворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣтіе какъ Царю, такъ и всему Дому Державному: Царицѣ Маріи Григоріевнѣ, юному сыну ихъ Ѳеодору и дочери Ксеніи. Тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „Славимъ Тебя, Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего „моленія, услышалъ вопль и рыданіе Христіанъ, преложилъ „ихъ скорбь на веселіе, и даровалъ намъ Царя, коего мы денно и „нощно просили у Тебя со слезами!“ Послѣ Литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ (2) и Ѳеодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ (3); посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами государственными.

Присяга Борису.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Іоны (4); клялися не измѣнять Царю ни дѣломъ, ни словомъ; не умышлять на жизнь или здравіе Державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ (5); не думать о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ ними тайныхъ сношеній, ни переписки; доносить о всякихъ *скопахъ* и *заговорахъ*, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ

случаѣ; не уходить въ иныя земли, въ Литву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ того Бояре, чиновники Думные и Посольскіе обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, судіи не кривить душею въ тяжбахъ, Казначеи не корыстоваться Царскимъ достояніемъ, Дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи Государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дни звонить въ колокола, и молиться въ храмахъ *сперва* о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, *послѣ* о Державномъ ея братѣ, семействѣ его, Боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 Марта) Соборомъ уставилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ Царя благословеннаго возложить на себя вѣнецъ и порфиру; уставилъ еще на вѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ Земской утвердить данную Монарху присягу Соборною Грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги ([6]), всегда и во всемъ слушаться *указа Царскаго и приговора Боярскаго*, чтобы *въ дѣлахъ Розрядныхъ и Земскихъ не доводить Государя до кручины*. Всѣ Члены Великой Думы отвѣтствовали единогласно: „даемъ обѣтъ положить свои души и головы за Царя, „Царицу и дѣтей ихъ!“ Велѣли писать хартію, въ такомъ смыслѣ, первымъ грамотѣямъ Россіи. Собориая грамота.

Сіе дѣло чрезвычайное не мѣшало теченію обыкновенныхъ дѣлъ государственныхъ, коими занимался Борисъ съ отмѣнною ревностію, и въ келліяхъ монастыря и въ Думѣ, часто пріѣзжая въ Москву. Не знали, когда онъ находилъ время для успокоенія, для сна и трапезы ([7]): безпрестанно видѣли его въ совѣтѣ съ Боярами и съ Дьяками, или подлѣ несчастной Ирины, утѣшающаго и скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что Ирина дѣйствительно имѣла нужду въ присутствіи единственнаго человѣка, еще милаго ея сердцу; сраженная кончиною супруга, искренно и нѣжно любимаго ею, она тосковала и плакала неутѣшно до изнуренія силъ, очевидно угасая и нося уже смерть въ груди, истерзанной рыданіями. Святители, Дѣятельность Борисова.

Вельможи тщетно убѣждали Царя оставить печальную для него Обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ Кремлевскія палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ: Борисъ отвѣтствовалъ: „не могу разлучиться съ Великою „Государынею, моею сестрою злосчастною“ — и даже снова, неутомимый въ лицемѣріи, увѣрялъ, что не желаетъ быть Царемъ (8). Но Ирина вторично *велѣла* ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе Государю!

Торжественный входъ въ столицу.

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Въ часъ утра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклитъ, Дворъ, Приказы, воинство, всѣ граждане ждали Царя у каменнаго моста, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: „Вы наши Государи, мы ваши подданные“, Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ дары, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Патріархъ возложилъ ему на грудь Животворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣнчанія), и въ *третій разъ* благословилъ его на Великое Государство Московское. Отслушавъ Литургію, новый Самодержецъ, провождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя пре-

лестную Ксенію (9), вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ Патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время. — Борисъ не хотѣлъ жить въ комнатахъ, гдѣ скончался Ѳеодоръ: занялъ ту часть Кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина и велѣлъ пристроить къ нимъ для себя новый дворецъ деревянный.

Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скиптра; еще не могъ назваться *Царемъ Боговѣнчаннымъ*, *Помазанникомъ Господнимъ*. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя вѣнецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освящаютъ лице Властителя: сего требовали Патріархъ и Синклитъ именемъ Россіи; сего безъ сомнѣнія хотѣлъ и Борисъ, чтобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолъ за собою и своимъ родомъ: но хитрымъ умомъ властвуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ новое очарованіе; вмѣсто скиптра взялъ мечь въ десницу и спѣшилъ въ поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны и жизни. Такъ царствованіе самое миролюбивое началося ополченіемъ, которое приводило на память возстаніе Россіянъ для битвы съ Мамаемъ! Знаменитое ополченіе.

Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ келліи Новодѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ Хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Воеводы Оскольскаго (10), что плѣнникъ, взятый Козаками за Донцемъ въ сшибкѣ съ толпою Крымскихъ разбойниковъ, говоритъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами Султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало достовѣрнаго извѣстія, и рѣшился, не теряя времени, двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писалъ о томъ къ Воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя отъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствованія, въ доказательство любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ Дѣти Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно садились на коней; го-

родскія и сельскія дружины безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначено быть въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Каширѣ, Передовому Полку въ Калугѣ, Сторожевому въ Коломнѣ ([11]).— 20 Апрѣля пришли новыя вѣсти: писали изъ Бѣлагорода, что Татаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гонятъ вездѣ нашихъ стражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для *похода Царскаго*, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго, и сына Кайбулина, Бояръ, Князей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ,—многихъ знатныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго,—Печатника Василья Щелкалова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Стольника, 20 Стряпчихъ, 274 Жильца—однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны и для совѣта и для пышности Дворской. Въ Москвѣ остался, при Царицахъ Инокинѣ Александрѣ и Маріи, юный Ѳеодоръ съ Боярами Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, Князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Ѳеодорѣ *дядька* Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады ея: назначили Воеводъ для защиты стѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и битвъ внѣ укрѣпленій.— 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили Царю двухъ плѣнниковъ, Литовскаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣряли, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцевъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей *съ милостивымъ словомъ*: въ Тулу, Осколъ, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было *спросить о здравіи* какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ, Сотниковъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; вручить грамоты Царскія первымъ, и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. „Я стою на берегу Оки (писалъ „Борисъ) и смотрю на степи: гдѣ явятся непріятели, тамъ

„и меня увидите“ (12). Въ Серпуховѣ онъ распорядилъ Воеводство, давъ *почетное* Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василію Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѳею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ (13), и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордвою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали дотолѣ: *полмилліона войска*, какъ увѣряютъ (14), въ движеніи стройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мѣстъ* (15). Сія ревность, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячъ людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами (16). Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали его; тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго то-

пота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная.—

Ханское Посольство.

Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ ([17]).

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго ижденія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ Пословъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они въѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій, видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ ([18]); въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ Царскихъ шатровъ, на лугахъ Оки, гдѣ уже нѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное ([19]), готовое къ битвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, итти къ Царю, сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные въ шатеръ Царскій, гдѣ все блистало оружіемъ и великолѣпіемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ — Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя дого-

воръ, заключенный въ Ѳеодорово царствованіе: *будетъ въ волѣ* Борисовой и готовъ со всею Ордою итти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Въ сей же день Св. Петра и Павла, Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ ([20]): 500,000 гостей пировало на лугахъ Оки; яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было: „люблю воинство Хри„стіанское и надѣюсь на его вѣрность“. Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ Лѣтописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно.—Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили: но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу. Угощеніе войска.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: „Богомъ из„бранный, Богомъ возлюбленный, Великій Самодержецъ! мы „видимъ славу твою: ты благодаришь Всевышняго! Благода„римъ Его вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися съ „нами, совершивъ подвигъ безсмертный! Государство, жизнь и „достояніе людей цѣлы; а лютый врагъ, преклонивъ колѣна, „молитъ о мирѣ! *Ты не скрылъ, но умножилъ талантъ „свой* въ семъ случаѣ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе „нежели человѣческою мудростію... Здравствуй о Господѣ, „Царь любезный Небу и народу! Отъ радости плачемъ, и „тебѣ кланяемся ([21])“. Патріархъ, Духовенство и народъ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смиреніе, Рѣчь Патріарха.

Государь спѣшилъ въ храмъ Успенія, славословить Всевышняго, и въ монастырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ. Всѣ дома были украшены зеленью и цвѣтами.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское вѣнчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить сей важный обрядъ въ Новое Лѣто, въ день общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота избирательная была написана отъ имени Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ:

Прибавленіе къ грамотѣ избирательной.

„Всѣмъ ослушникамъ Царской воли неблагословеніе и клятва „отъ Церкви ([22]), месть и казнь отъ Синклита и Государства; „клятва и казнь всякому мятежнику, *раскольнику любопри-„тельному*, который дерзнетъ противорѣчить дѣянію Собор-„ному и колебать умы людей молвами злыми, кто бы онъ ни „былъ, Священнаго ли сана или Боярскаго, Думнаго или „воинскаго, гражданинъ или Вельможа: да погибнетъ и па-„мять его во вѣки!“ Сію грамоту утвердили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Ѳеодоръ, Іовъ, всѣ Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Келари, Старцы чиновные, — Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Стольники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ: одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другій въ Патріаршую ризницу, въ храмѣ Успенія.—Казалось, что мудрость человѣческая сдѣлала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ!

Царское вѣнчаніе

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда Царь, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургіи воззвалъ громогласно ([23]): „Отче, Великій „Патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ Цар-„ствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго“ — и тряся верхъ

своей рубашки, примолвилъ: „отдамъ и сію послѣднюю народу“: тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другій важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскія (24). Однимъ словомъ, никакое Царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. — Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ спѣшилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій. Милости.

Новый Царь Касимовскій

Началося съ Двора и Синклита: Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе (25); Дмитрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто добраго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода (26), и въ тайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ноготкова и Александра Романова-Юрьева въ Бояре; Михайла Романова, Бѣльскаго (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе; многихъ въ Стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ воинскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье (27), гостямъ Московскимъ и другимъ торговать безпошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно (28). — Обнародовавъ съ Престола сіи Царскія благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Происшествія въ Сибири.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вожделеннымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицемъ побѣжденнаго. Мы оставили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской ([29]), непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Ѳеодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли, и все еще опаснаго. Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему Князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ ([30]). Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илитенъ и Канъ Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера вытѣснили Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отомстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя, Не зная о судьбѣ Кучюма, и думая, что онъ подобно Ермаку утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно прожить

вѣкъ благодѣяніями Государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Тулъ-Могметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Татаръ, на берегу Оби: слѣпой старецъ, неодолимый бѣдствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами; выслушалъ рѣчь Сеитову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: „Я не хотѣлъ къ нему и въ лучшее время, доброю волею, „цѣлый и богатый: теперь поѣду ли за смертію? Я слѣпъ „и глухъ, бѣденъ и сиръ. Жалѣю не о богатствѣ, но только „о миломъ сынѣ Асманакѣ, взятомъ Россіянами: съ нимъ „однимъ, безъ Царства и богатства, безъ женъ и другихъ „сыновей, я могъ бы еще жить на свѣтѣ. Теперь посылаю остальныхъ дѣтей въ Бухарію, а самъ ѣду къ Ногаямъ“ ([31]). Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни коней, и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы, и тамъ въ присутствіи Сеита, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня — и скрылся для Исторіи. Остались только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ Верхняго Иртыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Заисанъ-Нора похитивъ нѣсколько лошадей, былъ гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина, и почти одинъ явился въ Улусѣ Ногаевъ, которые безжалостно умертвили слѣпаго старца изгнанника, сказавъ: „Отецъ твой насъ грабилъ; а ты не лучше отца“ ([32]). Гибель Кучюма. Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Борисъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлить съ нею всѣ чистыя удовольствія Державнаго сана ([33]). Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго, если не могуществомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полунощною Азіею. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе

сего неизмѣримаго края звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; велѣли привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе видѣть ихъ торжественный въѣздъ
г. 1599 (въ Генварѣ 1599 году). Жены, дочери, невѣстки и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богатыхъ *рѣзныхъ* саняхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бархатныхъ, атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоцѣнныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ, съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями Россіянами и чужеземцами ([34]). Царицъ и Царевичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ, Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ
г. 1598-1604. основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ ([35]); населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Литовскими или Малороссійскими, и самыхъ коренныхъ жителей Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Дѣла внѣшней Политики.

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Россійской ничто не перемѣнилось: ни духъ ея, ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріобрѣтеній безъ войны, готовясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству тѣхъ, коихъ польза была несовмѣстна съ нашею, и не упускали случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между тѣмъ Донскіе Козаки тревожили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую область ([36]). Наконецъ, въ Іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шертную грамоту со всѣми торжественными обрядами, но еще хотѣлъ тридцати тысячь рублей и жаловался, что Россіяне стѣсняютъ Ханскіе улусы основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, которыя были дотолѣ привольемъ Татарскимъ. „Не „видимъ ли“ (говорилъ онъ) „вашего умысла, столь недруже„любнаго? Вы хотите задушить насъ въ оградѣ. А я вамъ „другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ мыслію итти на Россію, „но слышитъ отъ меня всегда одно слово: *далеко! тамъ пу„стыни, лѣса, воды, болота, грязи непроходимыя*“. Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки *книгу* (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: „обѣщаю искреннее дружество Казы-Гирею: вотъ „моя *большая присяга*“; не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ без-

полезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; чествлъ Хана умѣренными дарами, а всего болѣе надѣялся на войско, готовое для защиты юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однакожь безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ отъ впаденія въ Карасанскій Улусъ, отвѣтствуя грубо: „у васъ есть сабля; а мое дѣло сноситься только съ „Ханомъ, не съ ворами Козаками“. Но сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подтвердилъ обязательство умереть нашимъ другомъ, опасаясь тогда Султана и думая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и съ Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ея Правителемъ, дядею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ участію въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древнія Орденскія владѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ.

Судьба Принца Шведскаго Густава въ Россіи.

Мы упоминали о сынѣ Шведскаго Короля Эрика, изгнанникѣ Густавѣ ([37]). Скитаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ жалованьемъ брата своего, Сигизмунда, и рѣшился (въ 1599 году) искать счастія въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Ѳеодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или Удѣлъ. На границѣ, въ Новѣгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами ([38]); одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву

на богатой колесницѣ; представили Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Ѳеодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій языкъ); сѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣлъ Калужскій, три города съ волостями, для дохода ([39]). Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства: душевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химіи, такъ что заслужилъ имя втораго Ѳеофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіянскій, Нѣмецкій, Французскій ([40]); много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе Политики, какъ втораго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстилъ Густава надеждою быть Властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, некогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единоземцевъ ([41]). Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣсняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ, что если хотятъ они спасти вольность

свою и Вѣру отцовъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться *Папистами или Іезуитами*: то щитъ Россіи надъ ними, а мечь ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшій изъ Вѣнценосцевъ, равно славный и мудростію и человѣколюбіемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и ждетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію ([42]). Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступитъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностію Россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: „Европѣ извѣстна бѣдственная судьба „моего родителя; а тебѣ извѣстны ея виновники и мои „гонители: оставляю месть Богу. Нынѣ я въ *тихомъ* и *без-„боязненномъ пристанищѣ*, у великаго Монарха, милости-„ваго къ несчастнымъ Державнаго племени. Здѣсь могу быть „полезенъ нашему любезному отечеству, если ты уступишь мнѣ „Эстонію, угрожаемую Сигизмундовымъ властолюбіемъ: съ по-„мощію Божіею и Царскою буду не только стоять за города „ея, но возьму и всю Ливонію, мою законную отчизну“. Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ Приказѣ Московскомъ, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швеціею!

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною — отъ трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ

жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно ([43]). 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига ([44]); не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгоряченный виномъ, въ присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину Семену Годунову, а Боринъ Царю, который, въ гнѣвѣ отнявъ у неблагодарнаго и сокровища и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожъ скоро умилостивился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличъ. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ ([45]); удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Кашинъ, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтренность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго ([46]).

Между тѣмъ мы имѣли случай гордостію отплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Литовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказывали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, отвергнули и еще нѣсколько

Перемиріе съ Литвою.

мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы ([47]). Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Ѳеодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя—право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже *съ слезами* ([48]), чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аѳонасіемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: „будемъ ждать Короля „въ Вильнѣ“—и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли холодъ и недостатокъ ([49]), но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія пренія. Литовскіе вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: „если „дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего Короля „Шведскимъ, а Эстонію собственностію Польши“. Салтыковъ отвѣчалъ: „Миръ вамъ нужнѣе, нежели намъ. Эстонія и Ли„вонія собственность Россіи отъ временъ Ярослава Великаго; „а Шведскимъ Королевствомъ владѣетъ нынѣ Герцогъ Карлъ: „Царь не даетъ никому пустыхъ титуловъ“... „Карлъ „есть измѣнникъ и хищникъ“, возражали Паны: „Государь „вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ *Астраханскимъ* „или *Сибирскимъ*, если какой нибудь разбойникъ на время

„завладѣетъ сими землями? Знатная часть Венгріи нынѣ въ „рукахъ Султана, но Цесарь именуется Венгерскимъ, а Ко„роль Испанскій Іерусалимскимъ“. Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: „клянуся именемъ Божіимъ умереть съ „моимъ наслѣдственнымъ титуломъ Короля Шведскаго, не „уступать никому Эстоніи и въ теченіе сего двадцатилѣтняго „перемирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ городовъ ея, „кѣмъ бы они ни были заняты“. Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: „Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ „Великому Государю, Борису Ѳеодоровичу, по точнымъ сло„вамъ грамоты, безъ всякаго прибавленія—или клятва не въ „клятву!“ Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ нами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ *Царя* и *Самодержца:* чего мы требовали и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. „Хорошо“ (говорили Паны) „и двадцать лѣтъ не лить Христіанской крови; „еще лучше успокоить навсегда обѣ Державы. Двадцать лѣтъ „пройдутъ скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и въ Литвѣ „и въ Россіи, неизвѣстно“ ([50]). Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскіе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствіи будущаго вызвались цѣловать у него руку: сей отрокъ семилѣтній, коему надлежало, въ возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей Исторіи, привѣтствовалъ ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться Царевичу Ѳеодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Боярин Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ

Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россіянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ.—Возвратясь, послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Сношенія съ Швеціею.

Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, дозволялъ Шведамъ итти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новогородское владѣніе ([51]) и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи. Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвычайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него *исполнить* ли ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться ли *Королемъ* Шведскимъ? Царь совѣтовалъ *исполнить, и немедленно, для истиннаго блага Швеціи*, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову ([52]); совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Литовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года ([53]), писанную отъ имени Ѳеодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. „Мы заключили миръ“ (говорили они Боярамъ) „не между Ѳеодоромъ и Сигизмундомъ, а между Шве„ціею и Россіею, до скончанія вѣковъ, именемъ Божіимъ, и

„добросовѣстно исполнили условія: отдали Кексгольмъ вопреки „Сигизмундову несогласію. Нѣтъ, Герцогъ Карлъ не повѣ„ритъ, чтобы Царь думалъ нарушить обѣтъ, запечатлѣнный „цѣлованіемъ креста на Святомъ Евангеліи. Если Сигизмундъ „уступаетъ вамъ города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: „половина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ съ Литвою на„деженъ ли для Царя? Прекратились ли споры о Кіевѣ и „Смоленскѣ? Гораздо скорѣе можно согласить выгоды Швеціи „и Россіи: главная ихъ выгода есть мирное, доброе сосѣдство. „Не самъ ли Царь убѣждалъ Карла не мириться съ Сигиз„мундомъ? Мы воюемъ и беремъ города: что мѣшаетъ вамъ „также ополчиться и раздѣлить Ливонію съ нами?“ Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя войны между Герцогомъ и Королемъ, не мыслилъ въ ней участвовать, по крайней мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный миръ съ Карломъ: отпустилъ его Пословъ ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы присоединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ непрямодушіемъ—но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливонской: ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ Шведской короны съ Польскою, а торжество Карлово раздѣляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Государей Европейскихъ, и всѣхъ охотнѣе, призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался только Правителемъ.

Тѣсная связь съ Даніею.

Новая, важная связь Борисова съ наслѣдственнымъ врагомъ Швеціи могла также безпокоить Карла. Извѣстивъ сосѣдственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Императора, Елисавету, о своемъ воцареніи, Борисъ долго медлилъ оказать сію учтивость Королю Датскому, Христіану; но съ 1601 года начались весьма дружелюбныя сношенія между ими (54). Въ одно время Послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карлъ Бриске, отправились въ Москву, а наши, знатный Дворянинъ Ржевскій и Дьякъ Дмитріевъ, въ Копенгагенъ, для взаимнаго привѣтствія и для разрѣшенія старыхъ. безконечныхъ споровъ

о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся Лапландія принадлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался на Исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографію ([55]); говорилъ еще, что сами Россіяне издревле называютъ Лапландію *Мурманскою* или Норвежскою землею; а мы возражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича Новогородскій Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей, и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ ([56]): „Жилъ нѣкогда въ Корелѣ или „Кексгольмѣ знаменитый *Владѣтель*, именемъ *Валитъ* или „Варентъ, данникъ Великаго Новагорода, мужъ не обычной „храбрости и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ господ„ствовать надъ Лопью или *Мурманскою* землею. Лопари „требовали защиты сосѣдственныхъ *Норвежскихъ* Нѣмцевъ; „но Валитъ разбилъ и Нѣмцевъ, тамъ гдѣ нынѣ *Лѣтній* „погостъ *Варенгскій*, и гдѣ онъ, въ память вѣкамъ, поло„жилъ своими руками огромный камень, въ вышину болѣе „сажени; сдѣлалъ вокругъ его твердую ограду *въ двѣнадцать* „*стѣнъ* и назвалъ ее *Вавилономъ:* сей камень и теперь „именуется *Валитовымъ*. Такая же ограда существовала на „мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣстны еще въ землѣ Мурман„ской *губа Валитова* и *городище Валитово* среди острова „или высокой скалы, гдѣ безопасно отдыхалъ витязь Корель„скій. Наконецъ побѣжденные Нѣмцы заключили съ нимъ „миръ, отдавъ ему всю Лопь до рѣки Ивгея. Долго славный „и счастливый, Валитъ, именемъ Христіанскимъ Василій, „умеръ и схороненъ въ Кексгольмѣ, въ церкви Спаса; Ло„пари же съ того времени платили дань Новугороду и Ца„рямъ Московскимъ“. Сіи историческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весьма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, предоставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить гра-

ницы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобновили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего Дому въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Годуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ ([57]), и Король, не устрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ осилить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились ([58]): не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи ([59]); не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воевалъ тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: спѣшилъ возвратиться, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала гостя ладія Царская, устланная бархатомъ ([60])—и какъ скоро Герцогъ ступилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Боринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтствовали его именемъ Царя — ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоцѣннѣйшихъ соболей. Въ ка-

Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи.

ретѣ, блистающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Ивань-городъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣтствовали его и Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе чествли Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, три Сенатора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ) восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько Дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ угощали ихъ какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Свѣтлѣйшему Королевичу*. Ѣхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдай, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ; въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: „ѣду къ „Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, чтобы навыкать всему Рус„скому“. Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: „Я знаю, что въ сей день вы празднуете новый „годъ; что Духовенство, Синклитъ и Дворъ нынѣ торжественно „желаютъ многолѣтія Государю: еще не имѣю счастія видѣть „его лице, но также усердно молюся, да здравствуетъ“ — спросилъ вина, и стоя пилъ *Царскія чаши*, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляютъ обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебряными кружевами! Царь требовалъ сихъ подробностей — и высылалъ новые дары путешественнику: богатыя ткани Азіятскія, шапки низанныя жем-

чугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что Государь боялся спѣшною ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приближились къ столицѣ.

Не только воины и люди сановитые, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ ([61]). Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами ([62]). 28 Сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины: на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князья Трубецкій и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Царевичь были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога, Борисъ и Ѳеодоръ встали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Ѳеодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣ-

ковъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ,— лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно когда блистали въ нихъ слезы умиленья и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя ([63]). Строгій обычай не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую... О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ ([64]):

„Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая Царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный Ѳеодоръ; коня его вели знатные чиновники. Позади Бояре и Придворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ красный ящикъ, чтобы представить Государю. Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую везли десять бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 Боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами“.—Тамъ, въ Обители тишины и святости, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.

Императорская Публичная Библиотека

Между тѣмъ жениха ежедневно чествли Царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для Русской одежды;* прислали и богатую постелю, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ ([85]). Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ ([86]), чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чемъ молились родители и невѣста — то не было угодно Провидѣнію... На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ ([87]), Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Ѳеодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакалъ, крушился; говорилъ: „Юноша несчастный! ты оставилъ мать, родныхъ, отечество, и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы умереть безвременно“ ([88])! Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 Октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы, на двадцатомъ году жизни... Не только семейство Царское, Датчане, Нѣмцы, но и весь Дворъ, всѣ жители столицы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: „любезная дочь! твое счастіе и мое утѣшеніе погибло!“ Она упала безъ чувства къ ногамъ его... Велѣли оказать всю должную честь умершему. Отворили казну Царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; питали нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Іоаннъ; къ тѣлу приставили знатныхъ чиновниковъ; запретили его анатомить и вложили въ деревянную гробницу,

наполненную ароматами, а послѣ въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую чернымъ бархатомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста въ срединѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему Царя и народа Россійскаго, объ ихъ печали неутѣшной. Въ день погребенія, 25 Ноября, Борисъ простился съ тѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ везли на колесницѣ, подъ тремя черными знаменами, съ гербомъ Даніи, Мекленбургскимъ и Голштейнскимъ; на обѣихъ сторонахъ шли воины Царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане—до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Исповѣданія, схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность ([69])...

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и страшася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Ѳеодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больнаго ([70])? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченнаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ ([71]); хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксеніи; давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣлъ, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе ([72]), доказывая, что всѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія, и чувствовалъ, можетъ быть, казнь

Небесную въ совѣсти, готовивъ счастіе для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ; отвергнулъ украшенія Царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъявлялъ глубокое уныніе (73)... Все, чѣмъ дарили Герцога, было послано въ Копенгагенъ; всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда съ новыми, щедрыми дарами; не забыли и гослѣдняго изъ служителей (74). Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія остается въ неразрывномъ дружествѣ съ Даніею: оно дѣйствительно не разорвалося, какъ бы утверждаемое для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго Герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ Воскреснымъ (75).

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію (76), ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть тамъ Удѣльнымъ Княземъ (77). Сіе условіе не исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Переговоры съ Австріею.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ и въ Ѳеодорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный Дьякъ Власьевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи (78). Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ

заградилъ оному въ Литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ *Князей Азійскихъ* дѣйствовать усильно противъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Литовскимъ Панамъ утвердить союзъ съ Императоромъ и съ нами возведеніемъ Максимиліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли, если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата ([79]). Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы смирили Хана. „Императоръ“ — говорили его Министры — „любя Царя, не хочетъ, чтобы онъ подвергалъ себя опас„ности *личной* въ битвахъ съ варварами ([80]): у васъ много „Воеводъ мужественныхъ, которые легко могутъ и безъ Царя „унять Крымцевъ: вотъ главное дѣло! Если угодно Небу, „то корона Польская, при добромъ содѣйствіи великодушнаго „Царя, не уйдетъ отъ Максимиліана; но теперь не время „умножать число враговъ“. И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимиліана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія ([81]) — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау; а Думный Дьякъ Власьевъ вторично ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу ([82]), удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ

коему ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву ([83]), и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а *для него* и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому ([84])—и въ знакъ особенной любви прислалъ къ своему *брату Московскому* съ Вельможею Лачинъ-Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ* ([85]), вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Ѳеодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ. Посольство Персидское.

Царь Александръ не переставалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю Иверіи. Послы его такъ говорили Боярамъ ([86]): „Мы плакали отъ невѣрныхъ, и для того отда„лися головами Царю православному, да защититъ насъ; но „плачемъ и нынѣ. Наши домы, церкви и монастыри въ раз„валинахъ, семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То ли „вы намъ обѣщали? И невѣрные смѣются надъ Христіанами, „спрашивая: гдѣ же щитъ Царя Бѣлаго? гдѣ вашъ заступ„никъ?“ Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско, и не соединилось ([87]); однакожь послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Терскими Воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжкой болѣзни Александровой сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Властителемъ: отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Державства: *Царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ* ([88]). Сего мало: онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына ана- Происшествія въ Грузіи.

ѳемѣ и гнѣву Божію, который дѣйствительно постигъ изверга: Давидъ въ незапной, мучительной болѣзни испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ милости Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Султана, и дерзая укорять Бориса алчностію къ дарамъ. „Мнѣ ли“ — сказалъ Царь съ негодованіемъ — „мнѣ ли прельщаться дарами ни„щихъ, когда могу всю Иверію *наполнить серебромъ* и *„засыпать золотомъ?“* Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго Посла Иверскаго, Архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнить ихъ ([89]), и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ— другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры—а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда существовалъ городъ, будто бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ ([90]).

Для сего предпріятія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знатныхъ Воеводъ, Окольничихъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, дѣйствовать вмѣстѣ съ Терскими Воеводами и ждать къ себѣ вспомогательной рати Иверской, клятвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жалѣли денегъ, выдавъ изъ казны не менѣе трехъ сотъ тысячь рублей на издержки похода столь отдаленнаго и труднаго ([91]). Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкалъ, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не льзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и

пивами; въ горахъ были ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, известь; назвали Тарки *Новымъ городомъ*; заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячь пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыхъ. О семъ кровопролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы*, Михайла Татищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не взирая на имя Россійскаго данника, и не страшася оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. „Никогда (говорилъ онъ) Иверія не бѣдствовала ужаснѣе „нынѣшняго: стоимъ подъ ножами Султана и Шаха; оба хо„тятъ нашей крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали себя „Россіи: пусть же Россія возметъ насъ, не словомъ, а дѣломъ!

„Нѣтъ времени медлить: скоро не кому будетъ здѣсь цѣло-
„вать креста въ безполезной вѣрности къ ея Самодержцу.
„Онъ могъ бы спасти насъ. Турки, Персіяне, Кумыки силою
„къ намъ врываются; а васъ зовемъ добровольно: придите
„и спасите! Ты видишь Иверію, ея скалы, ущелья, дебри:
„если поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ войско
„Русское, то будемъ истинно ваши, и цѣлы, и неубоимся
„ни Шаха, ни Султана“ ([92]). Свѣдавъ, что Турки идутъ къ Загему, Юрій убѣждалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣльцевъ для битвы съ ними: умный Посолъ долго колебался, опасаясь безъ указа Царскаго какъ бы объявить войну Султану; наконецъ рѣшился удостовѣрить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ воиновъ, которые присоединились къ пяти или шести тысячамъ Грузинскихъ, съ доблимъ Сотникомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впереди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля; густая передовая толпа его вдругъ стала рѣже; онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ; узналъ Россіянъ, и дрогнулъ, не зная ихъ малаго числа. Юрій съ своими ударилъ мужественно, и болѣе гналъ, нежели сражался: ибо Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея воины взяли четыре хоругви Султанскія и множество плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками, явилъ народу трофеи, уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ.

Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую Вѣру ([93]), какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверіею, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно итти къ Шамахѣ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ,

который безполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается — и толмачь, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій достойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра ([94]), который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. „Родитель мой“ (говорилъ онъ) „сдѣлался жертвою междоусобія сыновей: несчастіе весьма обы-

„кновенное въ нашей землѣ! Самъ Александръ извелъ отца сво-
„его, убилъ и брата: я тоже сдѣлалъ, *не зная, къ добру ли,*
„*къ худу ли* для свѣта. По крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ
„моему слову и заслужу милость Государя Россійскаго лучше
„Александра и Юрія; благодаренъ ему за крѣпости, основан-
„ныя имъ въ землѣ Шавкаловой, и скоро пришлю въ Москву
„богатые дары“. Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей,
а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи,
и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единственно
Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется
Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защит-
никомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: „гдѣ
„твердый вашъ *хребетъ*, на который мы въ случаѣ нужды
„могли бы опереться?“ Съ симъ Татищевъ долженъ былъ вы-
ѣхать изъ Замега, торжественно объявивъ, что Борисъ не
уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ
Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое друже-
ство, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею.—
Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права назы-
вать его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, на-
шелъ другое Царство для титула Борисова!

Видя юнаго Ѳеодора уже близкаго къ совершенному воз-
расту и снова предложивъ руку дочери Датскому Принцу ([95]),
но желая на всякій случай имѣть для нее другаго мужа въ
готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты и жениха въ
отечествѣ славной Тамари, знаменитой супруги Георгія Андре-
евича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ
нашимъ Боярамъ красоту Иверскаго Царевича, Давидова сына.
Теймураса, и Княжны или Царевны Карталинской, Елены,
внуки Симеоновой: Татищеву велѣно было видѣть ихъ; онъ
не нашелъ Теймураса, отданнаго Шаху въ аманаты, и по-
ѣхалъ въ Карталинію, видѣть семейство ея Владѣтеля. Сія
область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ Даге-
станскихъ Кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели
восточная Грузія или Кахетія. Тамъ господствовалъ отецъ
Еленинъ, Князь Юрій, послѣ Симеона, взятаго въ плѣнъ

Турками: онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонскаго и другихъ), многочисленныхъ *царедворцевъ*, Бояръ и *Святителей*; угостилъ Татищева въ шатрахъ, и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Россіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родственника своего, юнаго Князя Хоздроя, *если* они имѣютъ всѣ достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово. „Сія честь велика“, сказалъ усердный Посолъ: „Императоръ и Короли Шведскій, Датскій, „Французскій искали ее ревностно“. Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погубилъ себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вмѣстѣ Царямъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. „Желая угодить „Аббасу (говорилъ онъ), Александръ не далъ намъ войска, „чтобы истребить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и до„зволилъ ему быть Магометаниномъ, то есть, острить ножъ „на отца и Христіанство; сослалъ туда и внука, узнавъ о „намѣреніи Государя выдать за него Царевну Ксенію: ибо „страшился, чтобы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ приданое „за Царевною; но могъ ли Великій Царь нашъ разлучиться „съ нею для бѣднаго престола Загемскаго, имѣя у себя многія „знаменитѣйшія Княжества въ Удѣлъ милому зятю? Але„ксандръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не стоилъ ея силь„наго вспоможенія“. Сорокъ Московскихъ Стрѣльцевъ спасли Загемъ: Татищевъ обязался немедленно прислать въ Карталинію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую дружину, для безопасности будущаго свата Борисова—и Юрій съ обрядами священными назвалъ себя Россійскимъ данникомъ. Тѣмъ болѣе желая родственнаго союза съ Царемъ, онъ представилъ на судъ Татищеву жениха и невѣсту, сказавъ: „Отдаюсь Россіи и съ Царствомъ и съ душею. „Князь Хоздрой воспитанъ моею матерью вмѣстѣ со мною и „служитъ мнѣ правою рукою въ дѣлахъ ратныхъ; когда онъ „въ полѣ, тогда могу быть спокоенъ дома. Дѣтей у меня „двое: сынъ мое око, а дочь сердце: веселюсь ими и въ бѣд„ствіяхъ нашего отечества; но не стою за Елену, когда

„такъ угодно Богу и Государю Россійскому“. Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣстѣ, Татищевъ пишетъ: „Хоздрою „23 года отъ рожденія: онъ высокъ и строенъ; лице у него „красиво и чисто, но смугло; глаза свѣтлые каріе, носъ съ „горбиною, волосы темнорусые, усъ тонкій; бороду уже брѣетъ; „въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ; знаетъ языкъ Турецкій „и грамоту Иверскую; однимъ словомъ, хорошъ, но не отли„ченъ; вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно... Елену ви„дѣлъ я въ шатрѣ у Царицы: она сидѣла между матерью „и бабкою на золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ „бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ украшенной ка„меньями драгоцѣнными. Отецъ велѣлъ ей встать, снять съ „себя верхнюю одежду и шапку; вымѣрилъ ея ростъ дере„цомъ и подалъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ данною „отъ Государя. Елена прелестна, но не чрезвычайно: бѣла и „еще нѣсколько бѣлится; глаза у нее черные, носъ не боль„шой, волосы *крашеные*; станомъ пряма, но слишкомъ тонка „отъ молодости: ибо ей только 10 лѣтъ; и въ лицѣ не до„вольно полна. Старшій братъ Еленинъ гораздо благовиднѣе“. Татищевъ хотѣлъ везти въ Москву невѣсту и жениха, говоря, что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Царицы Маріи, учиться языку и навыкать обычаямъ Русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздроя, Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства Царскаго, и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ разлуки безполезной: ибо Елена уже не нашла бы въ Москвѣ своего жениха злосчастнаго! Татищевъ долженъ былъ оставить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ Турки отмстили намъ съ лихвою за геройство Московскихъ Стрѣльцевъ въ Иверіи, и гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились всего, кромѣ добраго имени воинскаго!

Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ.

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани, а въ Ѳеодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а Цари еще увѣряли Султановъ въ дружелюбіи ([96]), удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ какъ

ошибкѣ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинцами, Аварами, и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій ([97]); а Паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей Воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ ([98]). Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожь видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ, колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и мн гочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ тяжелоуязвленнаго Князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ Султаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячь воиновъ, и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе ([99]) и Борисъ, не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы-Мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу.

Дружество съ Англіею.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. „Не только Послы Императора и „Римскіе“ ([100])—писалъ онъ къ Елисаветѣ—„но и другіе „иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты будто бы „въ тѣсной связи съ Султаномъ: мы дивились и не вѣрили. „Нѣтъ, ты не будешь никогда дружить злодѣямъ Христіан„ства, и конечно пристанешь къ общему союзу Государей „Европейскихъ, чтобы унизить высокую руку невѣрныхъ: „цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!“ Но Елисавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбію Царя знаками чрезвычайнаго къ нему уваженія. Посланника нашего, Дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда онъ (18 Сент. 1600) плылъ Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисаветиной каретѣ, провождаемой тремя стами чиновныхъ всадниковъ, Алдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ ([101]). Улицы были тѣсны для множества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили Королевины люди: Елисавета прислала ему изъ своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и спѣшили исполнять его желанія; но онъ велъ себя умно и скромно: за все благодарилъ и ничего не требовалъ. Представленіе было въ Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила на встрѣчу Посланнику; славила вопареніе Бориса, своего *брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англичанамъ;* говорила, что *ежедневно молится о немъ Богу;* что имѣетъ друзей между Государями Европейскими, но никого изъ нихъ не любитъ столь всердушно, какъ Само-

держца Россійскаго ([102]); что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею: Лорды и знатные чиновники не садились; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ Рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орденскій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св. Павла и торжественный въѣздъ Королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей тщетно овладѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ—Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника ([103]). — Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволе-

нѣмъ принявъ Посланника Елисаветина, Ричарда Ли ([104]), коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. „Вселенная полна славы твоей“, писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: „ибо ты, силь„нѣйшій изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая чужаго. „Враги хотятъ быть съ тобою въ мирѣ отъ страха, а друзья „въ союзѣ отъ любви и довѣренности. Когда бы всѣ Хри„стіанскіе Вѣнценосцы мыслили подобно тебѣ, тогда бы цар„ствовала тишина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни Папа не „могли бы возмутить ея спокойствія“. Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Ѳеодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, столь знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнію къ Россіи, устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I ([105]), не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею, и писалъ: „наслѣдовавъ престолъ „моей тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней любовь“. Посолъ Іакова, Ѳома Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ ([106]), сказалъ ему, что „Король, Англій„скій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухо„путнымъ, еще сильнѣйшій любовію народною, только од„ного Московскаго Вѣнценосца проситъ о дружбѣ: ибо всѣ „иные Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ „имѣетъ двоякое право на сію дружбу, требуя оной въ па„мять великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Дат„скаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ столь нѣжно и

„столь горестно оплакалъ“. Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда остаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточныя земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ Царемъ гостямъ Лондонскимъ, но объявили, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Бакѣ и Шамахѣ; что Царь до времени не можетъ пустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею; одна торговля служила твердою связію между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожь дать и Нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще не довольная Ѳеодоровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву Любскаго Бургомистра Гермерса, трехъ Ратсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ коней, льва, единорога, носорога, оленя, струса, пеликана, грифа и павлина ([107]). Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вольможъ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени *пятидевяти-десяти* Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ *челобитную*, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали Ганза.

имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской, и за то искони пользовалась благоволеніемъ *Державныхъ предковъ Царя*, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Колмогорахъ, въ Архангельскѣ, и далъ гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцевъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Датскаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается Любчанамъ ([108]): ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои товары по совѣсти, что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни Католикамъ, ни Лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ держать вино Русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ кубахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы.—Съ сею жалованною грамотою Посли выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Ростовскому,

и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, такъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ, на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жители радовались не менѣе Любчанъ, воспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили обрадовать Любекъ успѣхомъ своего дѣла — и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ ([109]).

Посольства Римскія и Флорентійское.

Между Европейскими Посольствами замѣтимъ еще Римскія и Флорентійское. Въ 1601 году были въ Москвѣ Нунціи Климента VIII, Францискъ Коста и Дидакъ Миранда, а другіе въ 1603 году, требуя дозволенія ѣхать въ Персію ([110]): Царь велѣлъ имъ дать суда, чтобы плыть Волгою въ Астрахань.—Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ Властителей славнаго рода Медицисовъ, великодушный другъ Генрика IV, присылалъ къ Борису (въ Мартѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ чрезъ наши Двинскія гавани ([111]).

Греки въ Москвѣ.

Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахметомъ I ([112]), мы узнавали всѣ происшествія Константинопольскія отъ Греческихъ Святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостынею, съ иконами и съ благословеніемъ Патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обители дворъ въ Китаѣ-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ея странники-Иноки

и другіе Греки, искавшіе службы въ Россіи ([113]). Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской Имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Дѣла Ногайскія.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусобіемъ ихъ Властителей, коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскіе ([114]). Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокувата ([115]), но тогда повиновался двумъ Князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янараславъ отвѣчалъ: „Царь Московскій желаетъ чуда: велитъ „овцамъ дружиться съ волками и пить воду изъ одной про„руби!“ Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрѣ 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ, чтобы ему и всему Исмаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давать никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева, не имѣть войны междоусобной, не сноситься съ Шахомъ, Султаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, *Ташкенцами*, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевать въ степяхъ Астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвать къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣть имъ, чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на Востокъ и Сѣверъ, не было въ степяхъ иной Орды Ногайской, кромѣ Иштерековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ

Казыевъ, отдѣляясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ отъ Турковъ и Крымцевъ, часто искалъ милости въ Царѣ, обѣщалъ служить Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ: чтобы унять или совершенно истребить его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогать Иштереку, и прославъ ему въ даръ богатую саблю, писалъ: „она будетъ или на шеѣ злодѣевъ „Россіи или на твоей собственной". Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ, такъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани.—Третій Ногайскій Улусъ ([116]), именуясь *Алтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою: Иштерекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины.

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіятской—Политики во обще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной*—представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи. дѣла внутреннія.

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его ([117]). Жалованная грамота Патріарху.

Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбы- Законъ о крестьянахъ.

точныхъ, какъ мы сказали ([118]), имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись ([119]). Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ, Дѣтей Боярскихъ и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ Бояръ, Дворянъ, знатныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Святительскимъ, монастырскимъ велѣлъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ ([120]). Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка ([121]) не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе ([122]). Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Ѳеодорово время существовали въ большихъ городахъ казенные питейные домы, гдѣ продавалось и вино хлѣбное ([123]), неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства: Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ

Питейные домы.

ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ ([124]): но хотѣвъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ отъ страсти равно вредной и гнусной, Царь не могъ истребить корчемства, и самые казенные питейные домы, непрерывъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ.

Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже *Университеты* ([125]), чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ Генварѣ 1601): „Ваше Царское Величество хотите быть „истиннымъ отцемъ отечества и заслужить всемирную, безсмерт„ную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое, „новое для Россіи: просвѣтить умъ вашего народа несмѣтнаго, „и тѣмъ возвысить его душу вмѣстѣ съ государственнымъ „могуществомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи и Рима, и „знаменитыхъ Державъ Европейскихъ, цвѣтущихъ Искусствами „и Науками благородными“. Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій Духовенства, которое представило Царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ Закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для Церкви ([126]); что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Лютеранамъ. Но оставивъ мысль заводить *Университеты* въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ *Боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію, учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться Русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное

въ ономъ превосходство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только лекарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ Посланникъ нашъ, Микулинъ, сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ: но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскомъ, наравнѣ съ Князьями Владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости ([127]). Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли итти во дворецъ, будучи худо одѣты: Царь велѣлъ сказать имъ: „хочу видѣть людей, а не платье“; обѣдалъ съ ними, утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: Дворянъ сдѣлаетъ Князьями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье ([128]), не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ увидимъ, не обманули Царя, съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ ([129]), ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской церкви, въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: „мирно слушая ученіе Христіанское и торжественно „славословя Всевышняго по обрядамъ Вѣры своей, Нѣмцы „Московскіе плакали отъ радости, что дожили до такого „счастія!“

Признательность иноземцевъ къ милостямъ Царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый Фидлеръ, житель

Кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово ([130]), которое читала Европа, и въ коемъ Ораторъ уподобляетъ своего Героя Нумѣ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и *чистоту нравовъ*. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости ([131]), ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи; изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ ([132]). Готовя въ сынѣ достойнаго Монарха для великой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя ([133]); ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Похвальное слово Годунову.

Горячность Борисова къ сыну.

Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

Начало бѣдствій.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Борисова.

Г. 1600—1605.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненіе. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.

г. 1600-1605. Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Блестящее властвованіе Бориса. Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія ([134]): она была на высшей степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сиротъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, но

касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою ([135]). Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, чтимое Царемъ набожнымъ—однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ ([136]), *любила* своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя ([137]); являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей—какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова—онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ* и *вечеряхъ*, *за чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи „Слуги Божія, Царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Во„сточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о „благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ „единаго Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, чтобы всѣ „иные Властители предъ нимъ уклонялись и *рабски служили* „ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца все„ленныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога „за такого Монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце

Молитва о Царѣ.

„исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепе-
„тали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и
„расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова Дому
„возросли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣняли
„оную до скончанія вѣковъ“ (138)! То есть, святое дѣйствіе
души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ,
Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣ-
ріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Все-
видящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!...
Подозрѣнія Борисовы. Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе стра-
шился людей, и еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія
и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый,
искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чув-
ствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія,
то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для пре-
ступника, обнаружилось въ Царѣ несчастными дѣйствіями по-
дозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію.
Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже
мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ (139):
ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли
имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость.
Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву
постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей:
хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать,
чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣд-
ственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу граж-
данъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ
тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто
охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него
при Ѳеодорѣ (140)—свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій.
Гоненія. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Москов-
скаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ,—
снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ
самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго

Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго ([141]), безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцевъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: „Борисъ Царь въ Москвѣ, а „я Царь въ Борисовѣ“ ([142])! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга)—и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ домомъ Мономаховой крови было для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Боярин Никита Романовичь, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Ѳедора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца ([143]). Честя ихъ наружно—давъ старшимъ, Ѳедору и Александру, Боярство, Михаилу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ ([144])— Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Ѳеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ Государства ([145]): молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Ѳеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ ([146]); но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Ѳеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Ѳедора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу ([147]): Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская: и главный клеврет новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ ([148]), далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кла-

довой у Боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ—и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ,— грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ ([149]); мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ предъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣнѣ* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнѣ 1601 года исполнился *приговоръ Боярскій* ([150]): Ѳедора Никитича Романова (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также по-

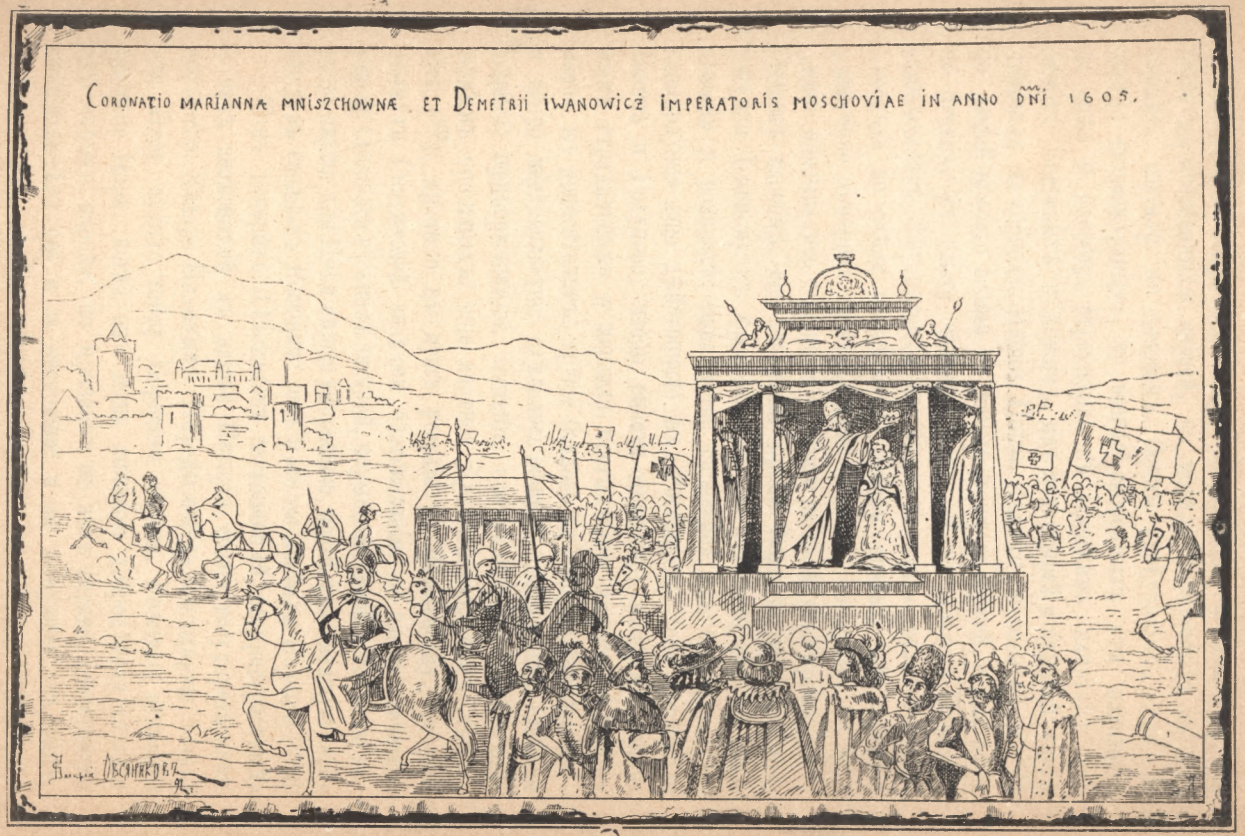
стриженную и названную Маѳою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, Дворянку *Шестову*, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро ([151]); сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ: одного же изъ послѣднихъ, Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія, въ Уфу ([152]). Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ *измѣнниковъ*, ни ходитъ близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Ѳедору Никитичу, Иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный Приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ Царю, что Филаретъ не находитъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ ([153]); что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная,

гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастію Россіи!). Донесли также Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ Приставу: „истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія“. Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ,—перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ ([154]): перваго схоронили въ Лудѣ, второго въ семи верстахъ отъ Чардыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою ([155]). — Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ

смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь *милостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*) ѣхать въ Уфу *на службу*, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Маѳѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлоозерѣ ([156]), велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету ([157]): позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Іеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ ([158]). Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его ([159]); удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ тоже время грозилъ



Въѣздъ Марины въ Москву (снимокъ со старинной картины).

немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними ([160]). Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы ([161]) на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! „И въ дикихъ Ордахъ“ (прибавляетъ Лѣтописецъ) не бываетъ столь великаго зла: „господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе „искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности“. Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ; наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ ([162]), хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками благоволенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: *они уже не любили Бориса* ([163])!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію: Келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣ-

рились, и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностію къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ
Голодъ. тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ. — Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно ([164]), такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль го-

лодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей ([165]). Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку ([166]) — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы, изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и съ дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячь рублей ([167]), и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что не льзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. „Свидѣтель„ствуюсь истиною и Богомъ“ — пишетъ одинъ изъ нихъ ([168]) — „что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, ко„торые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и „питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно“. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались.... И въ сіе время другіе изверги

копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!... Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ ([169]). Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія ([170]), и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ ([171]); но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями ([172]): велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ ([173]), ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное ([174]).— Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ пре-

пятствія. и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до десяти копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика*: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами, бочками* или *кадями*, четвертями и осьминами ([175]).

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши ([176]): вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго, тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго ([177]), пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ на мѣстѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную ([178]), чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о веселѣніи! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные Историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣ-

Новыя зданія въ Кремлѣ.

бомъ ([179]). Извѣстіе конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство ([180]). „Изливая на бѣдныхъ щедроты“ — говорятъ Лѣтописцы — „онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да „піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, „расхитивъ имѣніе Вельможъ честныхъ, и древнія сокровища „Царскія осквернивъ добычею грабежа“. — Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни; ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной ([181]): ибо незнаемо изготовилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. „Великій „разумъ и жестокость Грознаго“ — по словамъ Лѣтописца — „не давали двинуться зміямъ; а кроткій, набожный Ѳеодоръ „связывалъ ихъ своею молитвою“ ([182]); но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ ([183]): законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному Дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ

господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ ([184]), совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ домы Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда въ противность Іоаннову Судебнику ([185]), даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и не слугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою ([186]). Но въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по окрайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорять тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго) — вмѣстѣ съ Украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи ([187]). Явились шайки на дорогахъ; завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный Воевода, Окольничій Иванъ Ѳедоровичъ Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одо- Разбои.

лѣли ихъ остервененіе: большую часть истребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ ([188]), но, повидимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію ([189]).—Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа—всѣмъ, что предшествуетъ испроверженію Государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Порочные нравы

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ ([190]); если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими: распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее Дворянство, и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій Царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія ([191]), разсказываютъ, „что не рѣдко

„восходили тогда двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; Мнимыя чудеса.
„столпы огненные, ночью пылая на тверди, въ своихъ бы-
„стрыхъ движеніяхъ представляли битву воинствъ, и крас-
„нымъ цвѣтомъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей падали
„колокольни и башни; женщины и животныя производили на
„свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и дичь
„въ лѣсахъ исчезали, или, употребляемыя въ пищу, не имѣ-
„ли вкуса; алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, по-
„жирали людей и другъ друга; звѣри и птицы невиданные
„явились; орлы парили надъ Москвою; въ улицахъ, у сама-
„го дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ
„1604 году), въ свѣтлый полдень, возсіяла на небѣ Коме-
„та, и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ
„вызванный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ Дьяку Госу-
„дарственному (Власьеву), что Царству угрожаетъ великая
„опасность“. Оставимъ суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы
не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ Исторіи
народовъ.

Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго Кончина Ирины.
монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добро-
вольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ
ея смиренному жилищу ([192]). Жена знаменитая и душевными
качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ мате-
ри, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ сча-
стіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ — и добродѣтельная;
первая *Державная Царица* Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ
Монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ
Исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала
путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любо-
вію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не
зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ
ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному
святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только
добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества ([193])
и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ
ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію,

жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти душу свою отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Явленіе Самозванца.

Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ ([194]), служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Три-

фономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ Началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла:* ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже посѣлилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ ([195]), однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятью Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: „знаете ли, что я буду Царемъ на Москвѣ?“ Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что „недостойный „Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ“: добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе ([196]). Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крыло-

таниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ келліи ([197]), гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: „Я Царевичь Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду „твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего“. Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ,— гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Сульбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безумiемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина ([198]): туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ *Днѣпрова* монастыря, Пименъ ([199]), и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей.

Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами ([200]). Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ пришлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ ([201]): уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился мірянином, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ, нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика ([202]), Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли пришлеца на иномъ театрѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою Грамматикою ([203]): ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца ([204]). Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною

Поведеніе и наружность обманщика.

ловкостію. Имѣя наружность не красивую — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой — Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною ([205]). Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: „Умираю. „Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣтей „Царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба; когда же „закрою глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ ложемъ „свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ су„дилъ мнѣ умереть въ злосчастіи“ ([206]). Духовникъ былъ Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичь Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ ([207]); что злодѣи, присланные въ Угличь, умертвили одного сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай ([208]). Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ ([209]).

Вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною! бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ Московскомъ! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготовивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатыя одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына.

Братъ Князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другаго, Мнишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, что Царевичь дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ; а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и пронырливыми Іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая. Іезуиты.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего не льзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію.—Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій письменно обязался за себя и за Рос-

сію пристать къ Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ ([210]), но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ Королю и ручался за добрые слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. „Я самъ былъ „тому свидѣтелемъ“, пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли ([211]), *вѣря мнимому Царевичу:* „я видѣлъ, какъ Нунцій обни„малъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и „говоря, что ему должно торжественно объявить себя Като„ликомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Димитрій съ видомъ „сердечнаго умиленія клялся въ непремѣнномъ исполненіи дан„наго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ сію клятву въ домѣ „у Нунція, въ присутствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Ца„ревича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ его во дворецъ.

Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Подъ-скимъ.

„Сигизмундъ, обыкновенно важный и величавый, принялъ „Димитрія въ кабинетѣ, стоя, и съ ласковою улыбкою. Ди„митрій поцѣловалъ у него руку, разсказалъ ему всю свою „исторію“, и заключилъ такъ ([212]): *Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помощи.* „Чиновникъ Королевскій далъ знакъ „Царевичу, чтобы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ Вое„вода Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король остался „наединѣ съ Нунціемъ, и чрезъ нѣсколько минутъ снова при„звалъ Димитрія. Положивъ руку на сердце, смиренный Ца„ревичь болѣе вздохами, нежели словами убѣждалъ Сигиз„мунда быть милостивымъ. Тогда Король съ веселымъ видомъ, „приподнявъ свою шляпу, сказалъ: *Да поможетъ вамъ „Богъ, Московскій Князь Димитрій! а мы, выслушавъ „и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно „видимъ въ васъ Іоаннова сына, и въ доказательство „нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежеже„годно* 40,000 *злотыхъ*“ (54,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ), *„на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ*

„*того вы, какъ истинный другъ Республики, вольны сно-*
„*ситься съ нашими Панами, и пользоваться ихъ усерд-*
„*нымъ вспоможеніемъ*. Сія рѣчь столь восхитила Димитрія,
„что онъ не могъ сказать ни единаго слова: Нунцій благо-
„дарилъ Короля, привезъ Царевича въ домъ къ Воеводѣ Сен-
„домирскому, и снова обнявъ его, совѣтовалъ ему дѣйство-
„вать немедленно, чтобы скорѣе достигнуть цѣли: отнять Дер-
„жаву у Годунова и навѣки утвердить въ Россіи Вѣру ка-
„толическую съ Іезуитами“. Прежде всего надлежало самому Лжедимитрію принять сію Вѣру: чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Латинской Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдовался, отрекся отъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло Христово съ муропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества* ([213]), которое славило *будущія* великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока!*— Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя—и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника ([214]). Письмо къ Папѣ.

Должно отдать справедливость уму Разстриги: предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ, Гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московской Державы, легко обуздаетъ Турковъ, Хана

и Шведовъ, возметъ Эстонію и всю Ливонію, откроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе, требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено Сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготовиться къ оборонѣ ([215]). Тщетно старецъ Замойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаменитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго Воеводства: внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу ([216]), отпустилъ его съ двумя Іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маетностяхъ Вельможи Мнишка, подъ распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и чернь, чтобы итти на Москву.

Собраніе войска.

Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, не легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятыя Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 Мая 1604,

Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ.

собственною рукою Воеводы Сендомирскаго) ([217]): „Мы Дими-
„трій *Ивановичъ*, Божіею милостію *Царевичъ* Великой Россіи,
„Углицкій, Дмитровскій и проч., Князь отъ колѣна предковъ
„своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и на-
„слѣдникъ, по уставу Небесному и примѣру Монарховъ Хри-
„стіанскихъ избрали себѣ достойную супругу, Вельможную
„Панну Марину, дочь Ясновельможнаго Пана Юрія Мнишка,
„коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и
„любовь къ намъ, но отложили бракосочетаніе до нашего во-
„царенія: тогда—въ чемъ клянемся именемъ Св. Троицы и
„прямымъ словомъ Царскимъ—женюся на Паннѣ Маринѣ, обя-
„зываясь 1) выдать немедленно милліонъ злотыхъ“ (1,350,000
нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) „на уплату его долговъ и
„на ея путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя
„пришлемъ ей изъ нашей казны Московской; 2) торжествен-
„нымъ Посольствомъ извѣстить о семъ дѣлѣ Короля Сигиз-
„мунда, и просить его благосклоннаго согласія на оное; 3) бу-
„дущей супругѣ нашей уступить два Великія Государства,
„Новгородъ и Псковъ, со всѣми Уѣздами и пригородами, съ
„людьми Думными, Дворянами, Дѣтьми Боярскими и съ Ду-
„ховенствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить въ
„нихъ самовластно, опредѣлять Намѣстниковъ, раздавать вот-
„чины и помѣстья своимъ людямъ служивымъ, заводить школы,
„строить монастыри и церкви Латинской Вѣры, свободно
„исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами приняли, съ твер-
„дымъ намѣреніемъ ввести оную во всемъ Государствѣ Мо-
„сковскомъ. Если же—отъ чего Боже сохрани—Россія вос-
„противится нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего обя-
„зательства въ теченіе года, то Панна Марина вольна разве-
„стися со мною или взять терпѣніе еще на годъ,“ и проч.
Сего не довольно: въ восторгѣ благодарности Лжедимитрій
другою грамотою (писанною 12 Іюня 1604) отдалъ Мнишку
въ наслѣдственное владѣніе Княжество Смоленское и Сѣвер-
ское, кромѣ нѣкоторыхъ Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ
Королю Сигизмунду и Республикѣ, въ залогъ вѣчнаго, нена-
рушимаго мира между ею и Московскою Державою ([218])...

Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворяне, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за изгнанника Царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ: стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды ([219]), но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее: на богатое вѣно Марины и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицомъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мнишку въ Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили ([220]). Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами ([221]), пали къ ногамъ мнимаго Царевича и составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ—зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго ([222]) съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корела

и Михайло Нѣжакожъ ([223]), спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его чествмаго Сигизмундомъ, Вельможными Панами, и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичь. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ ([224]), вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ Лжедимитрія къ Россіянамъ ([225]), съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской ([226]), обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы: онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщенныхъ мыслію вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи ([227]), сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ ([228]): гонца задержали въ Иванѣгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посыланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „объ„явите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ Царевичемъ „Димитріемъ!“ Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя!... но чѣмъ

Мѣры взятыя Борисомъ.

болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова ([229]), онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій Монастырь съ Патріархомъ ([230]), воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами выѣдать ея тайну: но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую ([231]), Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожь чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго ([232]), вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Черница Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; вторый и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника ([233]); послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хру-

щова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу ([234]). Уже Разстрига (15 Августа) двинулся съ своими г. 1604.
дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ: Хрущовъ, представленный ему въ цѣпяхъ, взглянулъ на него.... залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: „вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой „слуга навѣки!“ Съ него сняли оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что „народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Ди„митрію; что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и „другіе ([235]), пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и „были, по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умер„твилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда „видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя „явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Лив„нахъ, будто бы на случай Ханскаго вторженія; что главные „Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, „встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ ска„зали: *насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная вой„на—но трудно поднять руку на Государя природнаго;* „что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, „и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и „въ Персію“. Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу ([236]); съ жадностію слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями еще не основательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ

двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣстить его представленіемъ, сколь унизительно для Вѣнценосца Христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ ([237]), кто сей мнимый Царевичь, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣлъ лукавствовать, и подобно своимъ Вельможамъ отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедимитрія и не мыслитъ нарушать перемирія; что нѣкоторые Ляхи самовольно помогаютъ сему бродягѣ, *ушедшему* въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. „Мы хотѣли обмануть Бога“ (пишетъ современникъ, одинъ изъ знатныхъ Ляховъ), „увѣряя безсовѣстно, что Король и „Республика не участвуютъ въ Димитріевомъ предпріятіи“ ([238]). Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Патріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ старалось удалить кровопролитіе за богоотступника Разстригу ([239]); всѣ наши Епископы скрѣпили Патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева Монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василію Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ Церкви; обличить Разстригу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы Патріарховы не возвратились; ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову, ни Духовенство, ни Князь Острожскій; ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ.

всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія ([240]). Главными Предводителями были самъ Лжедимитрій (сопровождаемый двумя Іезуитами), юный Мнишекъ (сынъ Воеводы Сендомирскаго, Дворжицкій. Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Мнишекъ первенствовалъ въ ихъ Думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами Донскихъ Козаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы, Кіевской и Сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 Октября вступили въ Россію ([241])..... Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться въ оборонѣ; послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпости, съ Головами Стрѣлецкими; а знатныхъ Бояръ, Князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско ([242]). Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыя бѣглымъ разстригою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ; объявлялъ Россіанамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на ѳеатръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго ([243]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ ([244]), дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжеди-

митрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы ([245]) и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова— не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго Діакона въ союзникѣ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей—доказывая, что присяга, данная Годунову не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ ([246]); что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отрепьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлилъ свое войско ([247]): послалъ часть его къ Бѣлугороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпною дружиною переметчиковъ, которые служили ему вѣрными путеводителями, зная мѣста и людей. Едва поставивъ ногу на Русскую землю (18 Октября) въ Слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, выдали Воеводъ своихъ Лжедимитрію; встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью ([248]). Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный прошлецъ велъ себя съ

Первая измѣна.

отмѣнною ловкостію: торжественно славилъ Бога; изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ Воеводъ Моравскихъ вѣрностію къ Борису, жалѣя только объ ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ, не безъ искусства представляя лице Державнаго, такъ, что отъ Литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ неимовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Лжедимитріи—и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ ([249]), изъ коихъ главный, Князь Иванъ Андреевичъ Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ второй Хрущовъ безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна; Лжедимитрій, раздѣливъ ее между своими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и спѣшилъ къ Новугороду Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ: „да здравствуетъ Государь нашъ, Димитрій!“

Но вѣсти не было изъ Новагорода: жители не высылали ко Лжедимитрію ни призывныхъ грамотъ, ни Воеводъ связанныхъ: тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый—и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда ([250]), которые, всѣмъ жертвуя Іоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе: наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, нестрогою, будучи го-

товъ на добро и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Боярином, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ ([251]); но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго; принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истиною и грозою обуздалъ предательство: самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ; самъ не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнію; сжегъ предмѣстія, и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей ([252]). 11 Ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новугороду: тутъ Россіяне привѣтствовали его, въ первый разъ, ядрами и пулями! Онъ требовалъ переговоровъ: Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева, Ляха Бучинскаго, который сказалъ, что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставитъ живымъ ни груднаго младенца въ Новѣгородѣ. „Великій Князь и Царь „въ Москвѣ“, отвѣтствовалъ Басмановъ: а вашъ Димитрій „разбойникъ сядетъ на колъ, вмѣстѣ съ вами“. Отрепьевъ посылалъ и Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но безполезно; хотѣлъ взять крѣпость смѣлымъ приступомъ, и былъ отраженъ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны, но не успѣлъ и въ томъ; лишился многихъ людей, и видѣлъ бѣдствіе предъ собою: станъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ неробости инымъ градоначальникамъ.

Витязь Басмановъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путивлѣ начальствовали знатный Окольничій, Михайло Салтыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей послѣдній,

какъ воинъ не безъ достоинства, гражданинъ безъ чести и правилъ, съ Дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за мнимаго Царевича; самъ возмутилъ гражданъ и ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣсто Разстригѣ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣтникомъ ([253]). Не менѣе важный Рыльскъ, Волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда Монахъ Леонидъ ([254]) подъ именемъ Григорія Отрепьева) также поддалися Самозванцу. Вся южная Россія кипѣла бунтомъ; вездѣ вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедимитрію, который немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію принималъ къ себѣ въ службу ([255]). Рать его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвативъ казну, тайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ ([256]), онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ Князю Вишневецкому и Пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ подъ Новымгородомъ, стрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны ([257]). Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости, и зная, что войско Борисово идетъ спасти ее, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будто бы въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ ([258]), естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Само-

званца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана ([259]), будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній —и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ!

Робость Годунова.

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія; который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличь мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они—*не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти ([260]), и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ ([261]), свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнителной смерти Царе-

вича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына ([262]). Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали только имя Царицы-Инокини; никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключенною въ пустынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи Самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана; любя древнее племя Царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ Его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника и тирана ([263]). По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими Ляхами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю рождаетъ нечувствительность и къ государственной чести! Общее расположеніе умовъ.

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ ([264]), какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру: слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедимитріемъ Іезуитамъ и Легату Папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство Святителей въ изслѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности; но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, отверженному Церковію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ

четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ—слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ ([265])—Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и Церкви, грозилъ жестокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣйствительно велѣлъ наказывать ослушныхъ безъ пощады: лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и всѣ слуги Патріаршіе, Святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленности. „Бывали времена“—сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта—„когда и самые Иноки, Священники, „Діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей „крови; но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, „да молятся о Государѣ и Государствѣ„. Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячь всадниковъ въ Брянскѣ ([266]), вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ Царя, *коего любила Россія!*

Великодушіе Борисово.

Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время воевала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго ([267]). Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему ненужна, а въ случаѣ невѣрности безполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ: не льзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичь Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и

спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріево, Воеводы Борисовы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную ([268]). Мнишекъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріятель ушелъ безъ

битвы, какъ слабѣйшій, едва ли имѣя и 12000 воиновъ ([269]). Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ Дѣтей Боярскихъ. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ ([270]), стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряютъ, громко произнести слѣдующія слова: „Всевышній! „Ты зришь глубину моего сердца. Если обнажаю мечь не„праведно и беззаконно, то сокруши меня Небеснымъ громомъ“... (увидимъ 17 Мая 1606 года!)... „Когда же я „правъ и чистъ душею, дай силу неодолимую рукѣ моей въ „битвѣ! А ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воин„ства“ ([271])! 21 Декабря началося дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья Дмитрій Шуйскій и Михайло Кашинъ: оно дрогнуло, и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій: изумленный такою робостію и такимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ; облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю; дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ плѣна ([272]). Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедимитрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ смѣлыхъ Ляховъ, то вся рать Московская, какъ пишутъ очевидцы, представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства; но онъ далъ ей время опомниться: 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени ([273]), прекратилъ битву. Обѣ стороны вдругъ отступили, Лжедимитрій хвалясь побѣдою и четырмя тысячами убитыхъ непріятелей, а Борисовы Воеводы отъ стыда безмолвствуя, хотя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чтобы менѣе стыдиться, Россіяне выдумали басню: увѣряли,

Битва.

что Ляхи испугали ихъ коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выворотъ; иноземцы же, свидѣтели сего малодушнаго бѣгства, пишутъ, что Россіяне не имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя единственно ноги (274)!

Однакожь мнимый побѣдитель не веселился. Сія битва странная доказала и то, чего хотѣлось Самозванцу: Россіяне сражались съ нимъ худо, безъ усердія, но сражались; бѣжали, но отъ него, а не къ нему. Онъ зналъ, что безъ ихъ общаго иредательства ни Ляхи, ни Козаки не свергнуть Бориса, и страшился быть между двумя огнями, двумя вѣрными Воеводами, Мстиславскимъ и Басмановымъ, который, видя отступленіе перваго, снова заключился въ крѣпости, готовый умереть въ ея развалинахъ. На другой день присоединилось къ Лжедимитрію 4000 Запорожцевъ (275), и войско Борисово удалилось къ Стародубу Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новугороду, обороняемому столь усильно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ—и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за Царя Годунова. Тщетно убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удальцевъ Польскихъ (276); всѣ другіе бѣжали во-свояси, а съ ними и горестный Мнишекъ. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Марины, сей вѣтреный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратію. Но Самозванецъ, едва ли уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ землѣ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей, и снявъ осаду Новагорода, расположился станомъ въ Комарницкой Волости, занялъ

Поляки оставляютъ Самозванца.

Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ: гражданъ и земледѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе воеводъ Московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить Царя о битвѣ: узнавъ отъ дру-
г. 1605. гихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, Борисъ (1 Генваря) послалъ Князя Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ предводителемъ онаго, а Чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, *ударить* ему *челомъ* за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ Государя: „Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь „образъ Спасовъ, Богоматери, Чудотворцевъ Московскихъ и „наши Царскія очи: тогда пожалуемъ тебя свыше твоего чая„нія. Нынѣ шлемъ къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ „и снова на конѣ ратномъ“. Всѣмъ инымъ Воеводамъ Царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости ([277]). Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ Россіянъ,
Честь Басманову. Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ на встрѣчу къ Герою и собственныя великолѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею Царскою пышностію; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей ([278]), множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Боярина Думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига и милостію Царскою; превозносили его необыкновенныя достоинства—и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно раждала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой домъ отъ гибели и Россію отъ бѣдствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться

его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души Вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку его тиранскаго сердца, и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ Стольниковъ и Стряпчихъ ([279]), нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ унынiи, съ предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячь воиновъ ([280]). Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ, вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000, конныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячь. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ расплохъ нагрянуть на сонныхъ: тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился ([281]). Ждали разсвѣта (21 Генваря). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новогородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ 400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ; чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ ([283]): за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая

Побѣда Воеводъ Борисовыхъ.

къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечь, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ: угадалъ мысль непріятеля, и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ Разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную ([283]), не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ—и не трогалась, какъ бы въ оцѣпнѣніи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячь ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха—и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись-было во всю прыть довершить легкую побѣду своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott (*помоги Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы Воеводы, какъ пишутъ ([284]), не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ, и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія...

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольничаго, послалъ съ любимымъ Стольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей ([285]), и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ

иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ ([286]).

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей ([287]), такъ, что они съ досадою и стыдомъ ушли во-свояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ Литовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну ([288]), безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остервенепіе мятежниковъ, ненависть къ Царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію Воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на голову, почти истребленный, съ горстію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву: измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ: „мы „всѣмъ тебѣ жертвовали, а ты думаешь только о жизни по„стыдной, и предаешь насъ мести Годунова; но еще можемъ „спастися, выдавъ тебя живаго Борису“! ([289]). Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достояніе; ободрили его; ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ, и въ Государствѣ. Не менѣе ревности оказали и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Путивль ([290]); другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедимитрій

волею и неволею остался; послалъ Князя Татева къ Сигизмунду ([291]) требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣплялъ Путивль, и слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымышленную исторію о Димитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ ([292]), особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Іоанновомъ. Сей вторый Манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнію, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣпаго остервененія Нѣмцевъ; что провидѣніе очевидно хотѣло спасти сего витязя и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истиннаго Димитрія, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли бы имѣть столь великаго усердія къ обманщику. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ—тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: „служимъ Царю Димитрію“—и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность ([293]). Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комар-

ницкую Волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитріи и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Острогъ Радогостскій Окольничаго Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться успѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца ([294]), многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Ѳедора Шереметева ([295]), уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій постъ, начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячь восемдесять или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ ([296]) съ храбрымъ Атаманомъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Боярин Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ ([297]). Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули нака- Осада Кромъ.

зать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ—и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки ([298]). Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта ([299]). Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ, что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженныя Кромы ([300]).

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ злодѣя. Три Инока, знавшіе Отрепьева Діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 Марта) съ грамотами отъ Государя и Патріарха къ тамошнимъ жителямъ: первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго; второй грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ Церковной анаѳемы. Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ Царскомъ одѣяніи, на тронѣ, сидѣлъ Полякъ Иваницкій, и представляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ: „знаете ли меня?“ Монахи сказали: „нѣтъ; знаемъ только, что „ты во всякомъ случаѣ не Димитрій“. Ихъ стали пытать: двое терпѣли и молчали; а третій спасъ себя объявленіемъ ([301]), что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли уморить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести. Увѣряютъ, что онъ, хваляся явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ Патріарху и къ самому Царю: укорялъ Іова злоупотребленіемъ Церковной власти въ пользу хищника,

а Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему свою Царскую милость ([302]). Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости! Письмо Самозванца къ Борису.

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ ([303]). Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; вторый блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы унынiемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели—и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился—Богу, неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго.

Кончина Годунова.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ ([304]), обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами...

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной внезапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія!... Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ ([305]); но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ

бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ продъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

ГЛАВА III.

Царствованіе Ѳеодора Борисовича Годунова.

Г. 1605.

Присяга Ѳеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Ѳеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство.

г. 1605. Присяга Ѳеодору.

Еще Россіяне погребли Бориса съ честію во храмѣ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу* ([306])! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули „Царицѣ „Маріи и дѣтямъ ея, *Царю* Ѳеодору и Ксеніи ([307]), обя„зываясь страшными клятвами не измѣнять имъ, не умышлять „на ихъ жизнь, и не хотѣть на Государство Московское ни „бывшаго Великаго Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни „злодѣя, именующаго себя Димитріемъ; не избѣгать Царской „службы, и не бояться въ ней ни трудовъ, ни смерти“. Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожь Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою ([308]), и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ

удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію ([309]). Чего не льзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Ѳеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ. Достоинства юнаго Царя.

Еще Ѳеодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ; мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василью и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому ([310]), чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы; искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали—Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Ѳеодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: „служи „намъ, какъ ты служилъ отцу моему“—и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу ([311])! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новогородскаго, Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Ѳеодора.—Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ Царя усопшаго; гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи Государства, Избраніе Басманова въ Военачальники.

предвидя бурю. Съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана — и первыя донесенія новыхъ Воеводъ казались еще благопріятными.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля ([312]) прибылъ въ станъ, и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена; извѣстилъ ихъ о воцареніи Ѳеодора, и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя; юный Монархъ обѣщалъ вѣрному усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Присяга войска. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Ѳеодору. Съ симъ извѣстіемъ Митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ.... а чрезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Измѣна Басманова. Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковый часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь мужественно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Ѳеодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничиженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками? ([313])? Но полки еще клялися именемъ Божіимъ въ вѣрности къ Ѳеодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска ([314]). Сей честолюбецъ безъ пра

вилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Ѳеодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною — и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными? Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственнаго, Ѳеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго сумудріемъ для успокоенія сердца; онъ могъ думать, что измѣною спасетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго Вѣнценосца Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лжедимитрія на путь добра и милости: обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ—ея счастіемъ! Можетъ быть, Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ, для выгодъ своего честолюбія; можетъ быть, онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Воеводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору (ибо никто не дерзнулъ быть первый мятежникомъ), но большею частію съ нехотѣніемъ или съ унынiемъ. И тѣ, которые дотолѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены внезапною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство, что не самозванецъ, а дѣйствительно наслѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ они думали ([315]) — несомнительно благоволитъ о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Ѳеодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Отрепье-

вымъ: слагатели ея, вѣроятно безъ умысла, написали единственно: *клянемся не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитріемъ* (316). „Слѣдственно“—говорили многіе— „сказка о бѣгломъ Діаконѣ Чудовскомъ уже торжественно „объявляется вымысломъ. Кто же сей Димитрій, если не истинный“? Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Ѳеодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Самозванецъ усиливается.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мнишку, что надѣется на счастіе болѣе, нежели когда нибудь: посылалъ дары къ Хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всадниковъ, приведенныхъ къ нему Михайломъ Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сендомирскій съ Королевскими полками (317). Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги: о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца, Дворянина Бахметова (318); о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самого Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ.

Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова.

Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможства подъ скиптромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ: Боярина Князя Василья Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Салтыкова (319), которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ: обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедимитріи всѣ признаки истиннаго (320), добродѣтели Царскія и свойства

души высокой; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукавствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Ѳеодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскіе Дѣти городовъ Рязани ([321]), Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторяя, что для Россіянъ одна присяга законная: данная ими Іоанну и дѣтямъ его; что новѣйшія, взятыя съ нихъ на имя Бориса и Ѳеодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 Мая ([322]), заговоръ открылся: ударили тревогу; Басмановъ сѣлъ на коня и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: „да здравствуетъ же отецъ нашъ, Государь „Димитрій Іоанновичь?“ Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичь Годуновъ; но поздно! Видя малое число усердныхъ къ Ѳеодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами ([323]): ихъ гнали, били; настигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тронѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ!... Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавствомъ: Князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая

Измѣна войска

на всякій случай увѣрить Россію, что предается обманщику невольно ([324])!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Ѳеодору, быть вѣрнымъ мнимому Димитрію, и дало знать Атаману Корелѣ, что они служатъ уже одному Государю. Война прекратилась: Кромскіе защитники выползли изъ своихъ норъ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а Князъ Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ *Царевичу*, а къ *Царю* ([325]), *съ повинною* отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Лжедимитрій имѣлъ нужду въ необыкновенной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво, сидѣлъ на тронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ сановниковъ и Дворянъ ([326]), смиренно билъ ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ: „Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ „державу Россіи, и ждетъ твоего милосердія. Обольщенные „Борисомъ, мы долго противились нашему Царю законному: „нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно тебѣ присягнули. „Иди на престолъ родительскій царствуй счастливо и многія лѣта! „Враги твои, клевреты Борисовы, въ узахъ. Если Москва „дерзнетъ быть строптивою, то смиримъ ее. Иди съ нами въ „столицу, вѣнчаться на царство!“... Въ сей самый часъ, по извѣстію Лѣтописца, нѣкоторые Дворяне Московскіе, смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ Діакона Отрепьева ([327]): содрогнулись, но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро представляя лице Монарха великодушнаго, тронутаго раскаяніемъ виновныхъ подданныхъ, счастливый обманщикъ не благодарилъ, а только простилъ войско; велѣлъ ему итти къ Орлу ([328]), и самъ выступилъ туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, съ Донцами и своими Россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужествомъ ихъ защитниковъ; и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячь добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными

Походъ къ Москвѣ.

пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу Воеводы, Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и Глава предательства, Басмановъ... сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лжедимитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія ([329]), другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ тихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Ѳеодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу ([330]). Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ волненіи, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны; она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами ([331]). Ѳеодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами— и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ троиѣ, видя вокругъ себя уже немногихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами ([332]). Можетъ быть зломысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву наканунѣ ея закланія: обманывали Ѳеодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ

Опасительныя умовенія въ столицѣ.

палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ,— когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и невинности, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣпенѣніе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе ложное, смертопосное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ ([333]); грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу; наконецъ неустерегли—и въ одинъ часъ все совершилось!

Измѣна Москвитянъ.

Лжедимитрій, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ сановниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина ([334]): далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносельскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію, и торжественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча: а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣкоторые пристали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановникамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и чернымъ ([335]). „Вы клялися отцу моему“—писалъ Разстри-

га— „не измѣнять его дѣтямъ и потомству его во вѣки вѣ-
„ковъ, но взяли Годунова въ Цари. Не упрекаю васъ: вы
„думали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣтахъ младенче-
„скихъ; не знали его лукавства и не смѣли противиться чело-
„вѣку, который уже самовластвовалъ и въ царствованіе Ѳео-
„дора Іоанновича,— жаловалъ и казнилъ, кого хотѣлъ. Имъ
„обольщенные, вы не вѣрили, что я, спасенный Богомъ, иду
„къ вамъ съ любовію и кротостію. Драгоцѣнная кровь лила-
„ся... Но жалѣю о томъ безъ гнѣва: невѣдѣніе и страхъ
„извиняютъ васъ. Уже судьба рѣшилась: города и войска
„мои. Дерзнете ли на брань междоусобную въ угодность Ма-
„ріи Годуновой и сыну ея? Имъ не жаль Россіи: они не
„своимъ, а чужимъ владѣютъ; упитали кровію землю Сѣвер-
„скую и хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было отъ
„Годунова вамъ, Бояре, Воеводы и всѣ люди знаменитые:
„сколько опалъ и безчестія несноснаго! А вы, Дворяне и
„дѣти Боярскіе, чего не претерпѣли въ тягостныхъ служ-
„бахъ и въ ссылкахъ? А вы, купцы и гости, сколько утѣс-
„неній имѣли въ торговлѣ, и какими неумѣренными пошли-
„нами отягощались? Мы же хотимъ васъ жаловать безпри-
„мѣрно: Бояръ и всѣхъ мужей сановитыхъ честію и новыми
„отчинами, Дворянъ и людей Приказныхъ милостію, гостей
„и купцевъ льготою, въ непрерывное теченіе дней мирныхъ
„и тихихъ. Дерзнете ли быть непреклонными? Но отъ нашей
„Царской руки не избудете: иду и сяду на престолѣ отца
„моего; иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ и Литовскимъ:
„ибо не только Россіяне, но и чужеземцы охотно жертвуютъ
„мнѣ жизнію. Самые невѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за
„мною: я велѣлъ имъ остаться въ степяхъ, щадя Россію.
„Страшитесь гибели, временной и вѣчной; страшитесь отвѣта
„въ день суда Божія: смиритесь, и немедленно пришлите Митро-
„политовъ, Архіепископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ Дво-
„рянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торговыхъ, бить намъ
„челомъ, какъ вашему Царю законному“. Народъ Московскій
слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ ([336]): „Войско
„и Бояре поддалися безъ сомнѣнія не ложному Димитрію.

„Онъ приближается къ Москвѣ: съ кѣмъ стоять намъ противъ его „силы? съ горстію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими ли „старцами, женами и младенцами? и за кого? за ненавистныхъ „Годуновыхъ, похитителей Державной власти? Для ихъ спасенія „предадимъ ли Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ „ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ безполезнымъ. Слѣдственно „не о чемъ думать: должно прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!“

И въ то время, когда сіе беззаконное Вѣче располагало Царствомъ, главные совѣтники Престола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ молилъ Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи духа, не мыслилъ явиться на Лобномъ мѣстѣ въ ризахъ Святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ ([337])! Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцевъ Лжедимитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и завопилъ: „Время Годуновыхъ мино„валось! Мы были съ ними во тьмѣ кромѣшней: солнце восхо„дитъ для Россіи! Да здравствуетъ Царь Димитрій! Клятва „Борисовой памяти! Гибель племени Годуновыхъ!“ Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Ѳеодора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ, и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго Царя съ престола ([338]), гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ ногамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшилися быть извергами: безвредно вывели Ѳеодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ,

Сведеніе Ѳеодора съ престола.

что все казенное уже есть Димитріево ([339]). Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына ([340]) явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими Боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію, и (3 Іюня) Вельможи, Князья Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Андрей Телятевскій, Петръ Шереметьевъ, Думный Дьякъ Власьевъ, и другіе знатнѣйшіе чиновники, Дворяне, граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу ([341]). Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ; уже Разстрига зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и еще не былъ спокоенъ: послалъ туда Князя Василья Голицына, Мосальскаго и Дьяка Сутупова ([342]) съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Присяга Лжедимитрію.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Ѳеодора, онѣмѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими Святителями *бивъ челомъ* Самозванцу ([343]), надѣялся ли Іовъ снискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить Царскій вѣнецъ на своего бѣглаго Діакона — и для того Послы Самозванцевы объявили народу Московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ остаться Первосвятителемъ. Свергнувъ царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Патріарха ([344]). Іовъ совершалъ Литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколіемъ, вбѣгаютъ въ церковь; не слушаютъ Божественнаго пѣнія; стремятся въ Олтарь, хватаютъ и влекутъ Патріарха; рвутъ съ него одежду Святительскую... Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ

Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ.

громогласно: „Здѣсь, предъ сею Святою иконою, я былъ удостоенъ „сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость Вѣры: нынѣ „вижу бѣдствіе Церкви, торжество обмана и ереси. Матерь „Божія! спаси Православіе!“ Его одѣли въ черную ризу, *таскали, позорили* въ храмѣ, на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ.— Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ ([345]): отправили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства.

Цареубійство.

Юный Ѳеодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на ѳсатръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Народъ еще уважалъ въ нихъ святость Царскаго сана,— можетъ быть, и святость непорочности; можетъ быть, въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь несчастнымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженный, законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, возводимаго на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовитъ другую — и никакая пустыня не скрыла бы державнаго юношу отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожь не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерефединовъ ([346]), взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцевъ, 10 Іюня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Ѳеодора и Ксенію сидящихъ спокойно, подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей; вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли Стрѣльцамъ дѣйствовать: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Ѳеодоръ, надѣленный отъ природы силою

необыкновенною, долго боролся съ четырмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его ([347]). Ксенія была несчастнѣе матери и брата: осталась жива; гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ объ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Ѳеодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія ([348]). Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ—и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! „Святая кровь Димитріева,“ говорятъ Лѣтописцы, „требовала крови чистой ([349]) и невинные „пали за виновнаго, да страшатся преступники и за своихъ „ближнихъ!“ Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единственно благодѣяніями, и косой Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній ([350]); еще болѣе жалѣли о Ѳеодорѣ, который цвѣлъ добродѣтелію и надеждою: столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго, для счастія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію!— Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ ([351]), и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Ѳеодора и Маріи!

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началася новая надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

Царствованіе Лжедимитрія.

Г. 1605—1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Просишествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ дому Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Г. 1605. Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли—какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу—сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Козака-разбойника и слуги Пана Ли-

товскаго въ три года ставъ царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралося болѣе ста тысячь людей воинскихъ и чиновныхъ ([352]), множество купцевъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ городовъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными бить челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе Думные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе, чтобы достойно вкусить плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Лжедимитрія Козаки, новые Донскіе выходцы (Смага Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ уничиженныхъ, особенно Князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону ([353]). Вельможи представили Лжедимитрію печать государственную, ключи отъ казны Кремлевской, одежды, доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началося Державство Разстриги, который по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйствуя свободно, рѣшительно, какъ бы человѣкъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власти: 11 Іюня, еще не имѣвъ вѣсти о Ѳеодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города и въ самую дальнюю Сибирь, что онъ, укрытый *невидимою* силою отъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ до мужества, правомъ наслѣдія сѣлъ на Государствѣ Московскомъ; что Духовенство, Синклитъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что Воеводы городскіе должны немедленно взять со всѣхъ людей такую же присягу на имя Царицы-матери, Инокини Маѳы Ѳеодоровны, и его, Царя Димитрія, съ обязательствомъ служить имъ вѣрно и *не давать отравы*, Указы Лжедимитріевы.

не сноситься ни съ женою, ни съ сыномъ Борисовымъ, *Ѳедькою*, и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мстить никому, не убивать никого безъ указа Государева, жить въ тишинѣ и мирѣ, а на службѣ *прямить* и мужествовать неизмѣнно (354). Уже Самозванецъ занимался и дѣлами внѣшними: велѣлъ догнать Посла Англійскаго, Смита, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взять у него Борисовы письма къ Королю, и сказать ему, что новый Царь, въ знакъ особеннаго дружества къ Англіи, дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ торговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправитъ изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову (355).

Посолъ Англійскій.

Шествіе къ Москвѣ.

Узнавъ, что воля его исполнилась: Патріархъ сверженъ, Ѳеодоръ и Марія въ могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія,— Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, златые кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: „Иди и владѣй достояніемъ твоихъ предковъ. Святые храмы, „Москва и чертоги Іоанновы ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ зло„дѣевъ: земля поглотила ихъ. Настало время мира, любви „и веселія“ (356). Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрны Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: „мы честно исполнили „долгъ присяги, и какъ служили Борису, такъ готовы слу„жить и тебѣ, уже Царю законному“. Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: „будьте для „меня то же, что вы были для Годунова: я вѣрю вамъ болѣе, „нежели своимъ Русскимъ“ (357)! Онъ хотѣлъ видѣть Нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской битвѣ, и

Довѣренность къ Нѣмцамъ.

положивъ ему руку на грудь, славилъ его неустрашимость: чего не могли слушать Россіяне съ удовольствіемъ; но они должны были изъявлять радость!

Вступленіе въ столицу.

20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди Поляки ([358]), литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестернями и верховыя лошади Царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, Духовенство съ крестами ([359]) и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: „Здравствуй отецъ нашъ, Государь и Великій „Князь Димитрій Іоанновичь, спасенный Богомъ для нашего „благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!“ Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось ([360]). Сей случай естественный поразилъ-воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: „Спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это „худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!“ Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били

въ бубны, заглушая пѣніе молебна ([361]). Увидѣли и другую непристойность: вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ: чего никогда не бывало, и что казалось народу осквернѣніемъ храма ([362]). Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ!... Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: „О родитель „любезный! ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи; но „святыми твоими молитвами я цѣлъ и державствую!“ Сіе искусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: „то истинный Димитрій!“ Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ.

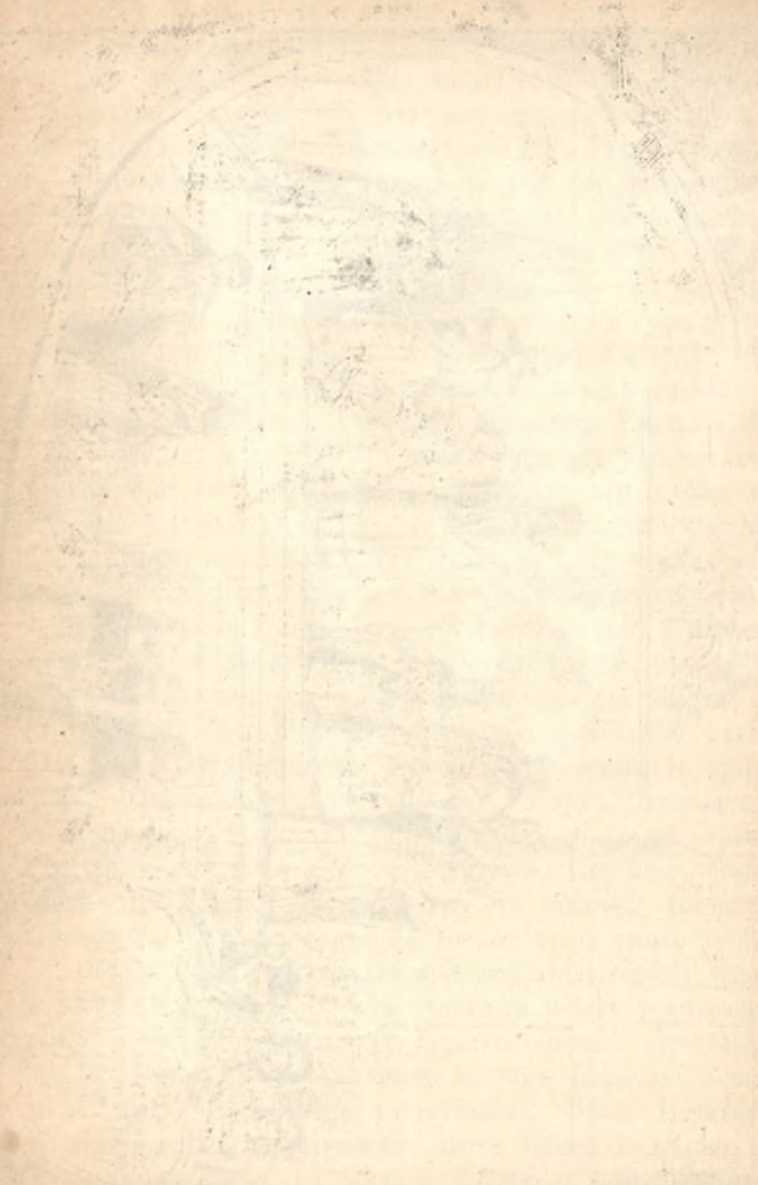
Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ ([363]); убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: „мно„гія лѣта Государю нашему Димитрію! Да погибнутъ враги „его!“—Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи. „Но плачь былъ не далеко отъ радости,“ говоритъ Лѣтописецъ, „и вино лилось въ Москвѣ предъ кровію“ ([364]).

Пиръ.

Милости.

Объявили милости: Лжедимитрій возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Борисова времени: страдальца Михайла Ногаго ([365]) пожаловалъ въ санъ *Великаго* Конюшаго; брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ Шереметевыхъ, двухъ Князей Голицыныхъ, Долгорукаго, Татева, Куракина и Кашина въ Бояре; многихъ въ Окольничіе, и между ими знаменитаго Василья Щелкалова,

Бракосочетаніе Лжедимитрія и Марины въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (снимокъ со старинной картины).



удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; Князя Василья Голицына назвалъ *Великимъ* Дворецкимъ, Бѣльскаго *Великимъ* Оружничимъ, Князя Михайла Скопина-Шуйскаго *Великимъ Мечникомъ*, Князя Лыкова-Оболенскаго *Великимъ* Крайчимъ, Пушкина *Великимъ* Сокольничимъ, Дьяка Сутупова *Великимъ Секретаремъ* и Печатникомъ, а Власьева также *Секретаремъ Великимъ* и *Надворнымъ Подскарбіемъ* или Казначеемъ, —то есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноязычныя, заимствованныя отъ Ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго, опальнаго Инока Филарета изъ Сійской пустыни, чтобы дать ему санъ Митрополита Ростовскаго ([366]): сей добродѣтельный мужъ, нѣкогда главный изъ Вельможъ и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына. Съ того времени Инокиня Марѳа и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ: ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Четомъ, и богато украшенъ ими. — Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичь, ослѣпленный, какъ увѣряютъ ([367]), и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедимитріева благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко Двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ ([368]). Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мѣста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе ([369]).

Филаретъ и юный Михаилъ.

Царь Симеонъ.

Годуновы.

Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву.

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску ([370]); велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго

Благодѣянія.

запретилъ всякое мздоимство и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги ([371]). Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей ([372]) и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетворивъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Преобразованіе Думы.

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началася его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею, Лжедимитрій не удовольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ ([373]), надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшалъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостью ([374]). Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блисталъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть, въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому, Генрику IV ([375]); хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостью, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: „я могу двумя способами удержаться на „престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и

Любовь Самозванца къ Генрику IV. Милосердіе.

„вѣрно исполнить обѣтъ, данный мною Богу: не проливать „крови“ (376). Такъ говорилъ убійца непорочнаго Ѳеодора и благодѣтельной Маріи!... Разстригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость*, а Патріархъ Іерусалимскій униженною грамотою извѣстилъ его, что вся Палестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавителя, и что три лампады денно и нощно пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димитрія (377). Похвальное Слово Разстригѣ.

Ближніе люди Самозванца совѣтовали ему, для утвержденія своей власти, немедленно вѣнчаться на Царство: ибо многіе думали, что и злосчастный Ѳеодоръ не столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны, если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ торжественный надлежало совершить Патріарху: не довѣряя Россійскому Духовенству, Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнатія, Архіепископа Кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣсколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ Епархію Рязанскою. Онъ снискалъ милость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чистой Вѣры, ни любви въ Россіи, ни стыда нравственнаго (378), и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поставили Игнатія въ Патріархи, и наспѣхъ готовились къ Царскому вѣнчанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торжественное явленіе, необходимое для полнаго удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына. Избраніе новаго Патріарха.

Войско, Синклитъ, всѣ Чины государственные признали обманщика Димитріемъ,—всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда (379): ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣ-

ренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную—сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ ([380])—и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню Великаго Мечника, Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго ([381]), и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство—и самъ, 18 Іюля ([382]), выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ.—Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ ([383])—не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга, и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, воспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россіею! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ,

Безмолвное свидѣтельство Царицы Инокини.

чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ нескромности или раскаянія ([384]).

21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами ([385]); но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Іезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго Монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ ([386]). Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силясь наперерывъ оказывать ему усердіе и радость—но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось! Вѣнчаніе.

Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — надменный, безразсудный и неосторожный отъ счастія. Удивляя Бояръ остротою и живостію ума въ дѣлахъ государственныхъ, Державный прошлецъ часто забывался: оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѣздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей ([387]). Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ ([388]). Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Симозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедимитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубостію огорчая Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ Безразсудность Лжедимитрія.

однакожь въ разговорахъ съ нимъ до вольности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ неуважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей (389).

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными Ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою (390). Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню (391). Страстный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ (392); ѣлъ телятину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне отъ Вѣнценосцевъ до мѣщанина), но любилъ въ сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самдругъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золотарямъ, Аптекарямъ (393); а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились Москвитяне, дотолѣ видавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшенныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей (394); самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небрежно, сшибали съ ногъ, давили (395) — то есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, за-

бывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспыльчиваго: за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя ([396]) и бивалъ, палкою, знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей ([397])—а народъ не любитъ расточительности въ Государяхъ, ибо страшится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшенномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный ореолъ изъ того же металла ([398]). Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азіятскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами ([399]); возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными, и сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный ([400]), Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный ([401]), украсилъ стѣны шелковыми Персидскими тканями, цвѣтныя изразцовыя печи серебряными рѣшетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзались и бряцали ([402]): „чѣмъ „Лжедимитрій,“ какъ сказано въ лѣтописи, „предвѣстилъ „себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшнюю!“

Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, Лжедимитрій презиралъ и святѣйшіе законы нравственности: не хотѣлъ обуздывать вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы цѣломудрія и пристойности, какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю; безчестилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейства и святыя Обители дерзостію разврата, и не устыдился дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступленій: убивъ мать и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы ([403]). Красота сей несчастной Царевны могла увянуть отъ горести; но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство неистовое казалось прелестію для изверга, который симъ однимъ мерзостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ его... Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію постригли, назвали Ольгою и заключили въ пустынѣ на Бѣлѣозерѣ, близъ монастыря Кириллова.

Дѣла гнусныя.

Постриженіе Ксеніи.

Но самозванецъ подъ личиною Димитрія, вѣроятно, могъ бы еще долго безумствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мономаховомъ, если бы сія, какъ бы волшебная личина не спала съ него въ глазахъ народа: столь велико было усердіе Россіянъ къ древнему племени Державному! Заблужденіе возвысило бродягу: истина долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока перемѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменьшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться, и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ; не ходилъ только въ святую Обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ не удивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе люди шептали между собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ

Шепотъ о Разстригѣ.

становился внятнѣе—и скоро взволновалъ столицу. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ ([401]): Инока тайно умертвили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины—тотъ, кому Судьба вручала месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳедора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ ([405]). Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ соумышленниковъ и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишили только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста ([406]), гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: „Ве„ликій Бояринъ, Князь Василій Ивановичь Шуйскій, измѣ-

Обличенія.

Шуйскій.

„нилъ мнѣ, законному Государю вашему, Димитрію Іоанно-„вичу всея Россіи; коварствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня „съ вами, добрыми подданными: называлъ Лжецаремъ; хо-тѣлъ свергнуть съ престола. Для того осужденъ на казнь: „да умретъ за измѣну и вѣроломство!“ Народъ безмолвство-валъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: „братья! умираю за истину, „за Вѣру Христіанскую и за васъ ([407])!“ Уже голова осу-жденнаго лежала на плахѣ... Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ дви-женіи радости: славили Царя, какъ въ первый день его тор-жественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные при-верженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновид-нѣйшіе изъ нихъ и не ошиблись ([408]): могъ ли забыть Шуй-скій пытки и плаху? Узнали, что не вѣтреный Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ ве-ликодушія, но что Царица-Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣ-дила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его ([409])!.. Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную по-собницу обмана: спасая мученика истины, Марѳа надѣялась уменьшить грѣхъ свой продъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, видя, сколь живое участіе принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность.—Всѣхъ трехъ Шуй-скихъ, Князя Василія, Дмитрія, Ивана, сослали въ приго-роды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство мно-гихъ Галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары ([410]): они видѣли его, узнали и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника), сослали въ Сибирь. Схватали еще Дворянина Петра Тургенева и мѣ-

мѣщанина Ѳедора, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявилъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ Сатаны ([411]), жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: „умираете за дѣло!“—Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе: ибо Самозванецъ, дотолѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и для того благопріятствовалъ извѣтамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстригѣ. По такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія, пустынныя Обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покоѣ Крутицкаго Митрополита Пафнутія ([412]), который съ перваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Григорія, бывъ въ его время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ, что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и, явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками ([413]): выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подъ начальствомъ *Капитановъ:* Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и протазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы ([414]). Мѣра достойная бродяги, игрою Судьбы вознесеннаго на степень Дер-

Нѣмцы тѣлохранители.

жавства: триста иноземныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедимитрій хотѣлъ веселья: музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и не знатные старались блистать одеждою богатою ([415]). Всякій день казался праздникомъ. „Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами“, говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей неубогихъ считались знакомъ худого усердія къ Царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Пышность и веселья.

Утишивъ ([416]), какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностію, сердцемъ или Политикою: предложить руку и вѣнецъ Маринѣ, которая любовію и довѣренностію къ бродягѣ заслуживала честь сидѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою Сендомирскимъ и нареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: „Способствовавъ счастію „Димитрія, я готовъ стараться, чтобы оно было и счастіемъ „Россіи, побуждаемый къ сему моею всегдашнею къ ней лю„бовію, и надеждою на вашу благодарность, когда вы увидите „мое ревностное о васъ ходатайство предъ Трономъ, и будете „имѣть новыя выгоды, новыя важныя права, неизвѣстные „донынѣ въ Московскомъ Государствѣ“ ([417]). Наконецъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) Лжедимитрій послалъ Великаго Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власьева, въ Краковъ для торжественнаго сватовства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду и другую отъ Царицы-Инокини Маѳы къ отцу невѣстину. Могли ли Россіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знатнаго, но не Державнаго племени,—съ удовольствіемъ видѣть спесиваго Пана тестемъ Царскимъ, ждать къ себѣ толпу его

Посольство въ Литву за невѣстою.

ближнихъ, не менѣе спесивыхъ, и раболѣпно чтитъ въ нихъ свойство съ Вѣнценосцемъ, который избраніемъ чужеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаю, даже и не извѣстилъ Бояръ о семъ важномъ дѣлѣ ([418]): говорилъ, совѣтовался единственно съ Ляхами. Но, легкомысленно досаждая Россіянамъ, онъ въ тоже время не вполнѣ удовлетворялъ и желаніямъ своихъ друзей иноземныхъ. Неудовольствія.

Никто ревностнѣе Нунція Папскаго, Рангони, не служилъ обманщику: пышною грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на тронѣ ([419]), Рангони славилъ Бога и восклицалъ: *мы побѣдили!* льстилъ ему хвалами неумѣренными и надѣялся, что соединеніе Церквей будетъ первымъ изъ его дѣлъ безсмертныхъ; писалъ: „Изображеніе лица твоего уже въ рукахъ „Св. Отца, исполненнаго къ тебѣ любви и дружества. Не „медли изъявить свою благодарность Главѣ вѣрныхъ... и пріими „отъ меня дары духовные: образъ сильнаго Воеводы, Коего „содѣйствіемъ ты побѣдилъ и царствуешь; четки молитвенныя „и Библію Латинскую, да услаждаешься ея чтеніемъ, и да „будешь вторымъ Давидомъ“. Скоро прибылъ въ Москву и чиновникъ Римскій ([420]), Графъ Александръ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апостольскимъ благословеніемъ* и съ поздравительною грамотою отъ преемника Климентова, нетерпѣливаго въ желаніи видѣть себя Главою нашей Церкви; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣтѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею, истребившею злодѣя, *отцеубійцу* его, не сказалъ ни слова о соединеніи Церквей: говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ Императоромъ итти на Султана, чтобы стереть Державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа до мира съ Турками: для чего хотѣлъ отправить въ Австрію и собственнаго Посла. Лжедимитрій писалъ и вторично къ Папѣ, обѣщая доставить безопасность его Миссіонаріямъ на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и *быть вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова;* посылалъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели Церковнаго дѣла: для

переговоровъ о войнѣ Турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ ([421])! Сія ревность еще сильнѣе воспылала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что нѣкоторые данники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи ([422]). Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитріева? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, *отрѣзать крылья и правую руку* у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго *яснаго* слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянъ Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лжедимитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный ([423]). Вывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца — оказавъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воиновъ, и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману— Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя ([424]), нескрюмно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ *мятежника* Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ молвою удивительною. „Недавно

(говорилъ сей чиновникъ) „выѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ „Приказный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ, устрашен„ный твоими побѣдами, и слѣдуя наставленію волхвовъ, онъ „уступилъ Державу сыну, юному Ѳеодору, притворился мерт„вымъ, и велѣлъ торжественно, вмѣсто себя, схоронить другаго „человѣка, опоеннаго ядомъ; а самъ взявъ множество золота, „съ вѣдома одной Царицы и Семена Годунова бѣжалъ въ „Англію, называясь купцемъ. Поручивъ надежнымъ людямъ „развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли укрывается тамъ „опасный злодѣй твой, Сигизмундъ, какъ истинный другъ, „счелъ за нужное предостеречь тебя, и думая, что вѣрность „Россіянъ еще сомнительна, далъ указъ нашимъ Литовскимъ „Воеводамъ быть въ готовности для твоей защиты“. Сія сказка не испугала Лжедимитрія: онъ благодарилъ Короля, но отвѣтствовалъ, что „въ смерти Борисовой не сомнѣвается; что готовъ быть недругомъ мятежнику Шведскому, но прежде хочетъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Сигизмунда, который, вопреки ласковымъ словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ достоинство“—ибо Сигизмундъ въ письмѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Великимъ Княземъ, а не *Царемъ:* Самозванецъ же хотѣлъ не только сего титула, но и новаго, пышнѣйшаго: вздумалъ именовать себя *Цесаремъ*, и даже *непобѣдимымъ*, мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ ([425])! Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Сигизмундъ изъявилъ досаду, и Вельможные Паны упрекали недавняго бродягу смѣшнымъ высокоуміемъ, злою неблагодарностію; а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву, что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигизмундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ отца; желаетъ утвердить съ нимъ союзъ, но не престанетъ требовать Цесарскаго титула, хотя и не мыслитъ грозить ему за то войною ([426]), Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нунцій Папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду не льзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не менѣе благоразумные люди думали, что Республика не должна ссориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ

Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ.

Титулъ Цесаря.

быть ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; но Паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому ([427]): „Богъ не любитъ „гордыхъ, и *непобѣдимому* Царю вашему не усидѣть на тронѣ“.—Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 Ноября ([428]) *Великій Посолъ* Царскій, Аѳанасій Власьевъ, съ многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть Державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему, во дни его невсгоды и печали, знаменитымъ ея родителемъ ([429]). 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Анны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое въ стихахъ Пиндарическихъ ([430]) Іезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными, блистала равно, и красотою и пышностію. Именемъ Мнишка сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ Краковскій, славя „достоинства, воспитаніе и знатный родъ Марины *вольной „Дворянки Государства вольнаго*,—честность Димитрія въ „исполненіи даннаго имъ обѣта, счастіе Россіи имѣть закон„наго, отечественнаго Вѣнценосца, вмѣсто иноземнаго или по„хитителя, и видѣть искреннюю дружбу между Сигизмундомъ „и Царемъ, который безъ сомнѣнія не будетъ примѣромъ „неблагодарности, зная, чѣмъ обязанъ Королю и Королевству „Польскому“. Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: veni Creator: всѣ преклонили колѣна; но Власьевъ стоялъ—и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа: „не обрученъ ли Димитрій съ другою невѣстою?“ отвѣтствуя: *а мнѣ какъ знать? того у меня нѣтъ въ наказѣ* ([431]). Мѣняясь перстнями, онъ вынулъ Царскій изъ

Обрученіе.

ящика, съ однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу; а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный столъ у Воеводы Сендомирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы-Инокини Маѳы; перо изъ рубиновъ; чашу гіацинтовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотого быка, пеликана и павлина; какія-то *удивительныя* часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ ([432]), и проч. и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною, ни пить, ни ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лице Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и *Царицы*: уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцовали съ Мариною; а Власьевъ уклонился отъ сей чести, говоря: „дерзну ли коснуться Ея Величества!“ Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги Московскаго Вѣнценосца; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей: „Чудесно возвышен„ная Богомъ, не забудь, чѣмъ ты обязана странѣ своего ро„жденія и воспитанія,—странѣ, гдѣ оставляешь ближнихъ, „и гдѣ нашло тебя счастіе необыкновенное. Питай въ супругѣ „дружество къ намъ и благодарность за сдѣланное для него „мною и твоимъ отцемъ. Имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, „чти родителей и *не измѣняй обычаямъ Польскимъ*“. Снявъ „съ себя шапку, онъ перекрестилъ Марину, собственными руками отдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сендомирскому ѣхать съ нею въ Россію; а Власьевъ, немедленно отправивъ къ Самозванцу перстень невѣсты и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Сигизмундово бракосочетаніе съ Австрійскою Эрцгер-

погинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидать тамъ Мнишка и Марины на пути ихъ въ Россію ([433]); но ждалъ долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною частію своего богатства, Воевода Сендомирскій не былъ доволенъ однимъ дарами: требовалъ отъ него денегъ, чтобы расплатиться съ заимодавцами, и не хотѣлъ безъ того выѣхать изъ Кракова ([434]); скучалъ, досадовалъ и тревожился худою молвою о будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣлалось въ Москвѣ; знали о негодованіи Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому происхожденію Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ всенародно, предостерегали Короля и Мнишка. Сама Царица-Инокиня Марѳа, какъ увѣряютъ, тайно велѣла чрезъ одного Шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрій не есть сынъ ея ([435]). Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣрятъ, желая приписывать ихъ единственно внушеніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Годунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его убытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), Секретарь *Янъ* Бучинскій привезъ изъ Москвы 200 тысячъ злотыхъ Мнишку, сверхъ ста тысячъ, отданныхъ Лжедимитріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него Воевода Сендомирскій на ополченіе 1604 года ([436]). Разстрига изъявлялъ нетерпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ ближнихъ, уже въ распутицу, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ отъ худой дороги возвратились ([437]),—къ ихъ счастію: ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ.

Г. 1606. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы.

Происшествія въ Москвѣ.

Оградивъ себя иноземными тѣлохранителями, и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при дворѣ, Лжедимитрій совершенно успокоился; вѣрилъ какому-то предсказанію, что ему властвовать 34 года ([438]), и пировалъ съ Боярами

на ихъ свадьбахъ ([439]), дозволивъ имъ свободно выбирать себѣ невѣстъ и жениться: чего не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣйшій Вельможа, Князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру Царицы-Инокини Маѳы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ Царемъ: никогда не бывало въ ней столько пировъ и шума; никогда не видали столько денегъ въ обращеніи: ибо Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лжедимитрія, отъ щедротъ его сыпали золотомъ ([440]), къ немалой выгодѣ Московскаго купечества, и хвастаясь богатствомъ, по словамъ Лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, расположенный къ дѣйствіямъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки ([441]): возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ многочисленныхъ друзей, которые умѣли хитрю ослѣпить его прелестію такого великодушія, и, вѣроятно, уже не безъ намѣренія, гибельнаго для Лжецаря. Всѣми уважаемый какъ первостепенный мужъ государственный и потомокъ Рюриковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа, прославивъ себя неустрашимою твердостію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистательный вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ Бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть столько власти надъ умами, какъ сей Князь, равно честолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ на себя письменное обязательство въ вѣрности Лжедимитрію ([442]), онъ возвратился въ столицу, по видимому инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ его слугою, и снискалъ въ немъ особенную довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые говорили, что можно изъ милосердія, иногда одобряемаго Политикою, не казнить измѣнника и клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій, не видавъ отъ Димитрія ничего кромѣ благоволенія, замышлялъ его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился любви къ своему карателю, хотя и правосудному; исполнился, вѣроятнѣе, злобы и мести, скры-

Возвращеніе Шуйскихъ.

ваемыхъ подъ личиною раскаянія. Они говорили истину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, чтобы погибнуть или погубить Лжедимитрія. Но легкоумный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милости, любитъ прощать совершенно, не вполовину, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ (443). Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы—однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде: вѣтрено и безразсудно; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: „Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вязьмы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ: тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость; торжествовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму Азовъ*—и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію: ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими (444), тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву“. Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: на примѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ

оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ: величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами ([445]); суда не было.—Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унизить санъ Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску ([446]): то есть, смѣлый бродяга, бурею кинутый на престолъ шаткій, и новою бурею угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго!—Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей: ибо онъ, дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремлѣ, дозволилъ и Лютеранскимъ Пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его тѣлохранители не имѣли труда ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу ([447]).

Самозванецъ Петръ.

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи. Завидуя успѣху и чести Донцевъ, ихъ братья, Козаки Волжскіе и Терскіе, назвали одного изъ своихъ товарищей, молодаго Козака Илейку, сыномъ Государя Ѳеодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣшилась отъ бремени симъ Ца-

ревичемъ, коего властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою (Ѳеодосіею). Ихъ собралося 4000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ; ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ, что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячь рублей ([448]); а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать, и писалъ къ мнимому Петру—вѣроятно, желая заманить его въ сѣти—что если онъ истинный сынъ Ѳеодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честію. Никто не вѣрилъ новому обманщику; но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняли одну басню другою; многіе даже думали, что оба Самозванца въ тайномъ согласіи; что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ Козакамъ грабить купцевъ для обогащенія казны своей ([449]), и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго тиранства надъ Россіянами, ему ненавистными. Илейка дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разстриги и шелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало ([450]).

Начало заговора.

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимитрія, который изготовилъ легкій успѣхъ онаго досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ, можетъ быть, осторожнѣйшіе изъ Бояръ не захотѣли бы свергнуть Властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго: чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстригина царствованія; вѣдая, кто онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человѣкъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастіе дѣлами достохвальными; увидѣли безуміе—и возстали на обманщика: ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьева и Лжедимитрія ([451]). Любопытно знать, что самые ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ не-

счастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедимитрію, сказалъ имъ: „вы имѣете въ немъ „отца и благодѣтствуете въ Россіи: молитесь о здравіи его „вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и *не сынъ Іоанновъ*, но Госу„дарь нашъ: ибо мы *присягали* ему, и лучшаго найти не „можемъ ([452])“. Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что *присяга*, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще недавно внушали народу друзья Лжедимитріевы, склоняя его измѣнить юному Ѳеодору ([453]); сею же мыслію успокоивалъ и Шуйскій Россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность кововъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клевретовъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедимитрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлося предателей-извѣтниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственныя до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Отрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные; говорили, что онъ, пылая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимитрій несомнительно думалъ воевать съ Султаномъ, назначилъ для того Посольство къ Шаху Аббасу ([454]), чтобы пріобрѣсти въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ Дѣтей Боярскихъ итти въ Елецъ, отправивъ туда множество пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: „Всѣхъ со„сѣдственныхъ Государей увѣдомивъ о своемъ воцареніи, увѣ„домляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ „Королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты „возвратилъ ему Державную власть, похищенную тобою вѣ„роломно, вопреки уставу Божественному, Естественному и На„родному Праву — или вооружишь на себя могущественную

Посольство къ Шаху.

Собраніе войска въ Ельцѣ.

Письмо къ Шведскому Королю.

„Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса „Годунова; такъ Всевышній казнитъ похитителей—казнитъ и „тебя“ [455]). Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ Хана опустошать южныя владѣнія Россіи, и желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ ([456]); басня, опровергаемая современными государственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи Самозванца предать нашу Церковь Папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ: о чемъ сказывалъ Боярамъ Дворянинъ Золотой-Квашнинъ, бѣглецъ Іоаннова времени, который долго жилъ въ Польшѣ ([457]). Говорили, что Разстрига ждетъ только Воеводы Сендомирскаго съ новыми шайками Ляховъ для исполненія своихъ умысловъ, гибельныхъ для отечества. Уже начальники заговора хотѣли было приступить къ дѣлу ([458]); но отложили ударъ до свадьбы Лжедимитріевой, для того ли, какъ пишутъ, чтобы съ невѣстою и съ ея ближними возвратились въ Москву древнія Царскія сокровища, раздаренныя имъ щедростію Самозванца, или для того, чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще болѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконіями, предвидѣнными Шуйскимъ и друзьями его?

Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія.

Между тѣмъ два или три случая, не будучи въ связи съ заговоромъ, могли потревожить Самозванца. Ему донесли, что нѣкоторые Стрѣльцы всенародно злословятъ его, какъ врага Вѣры ([459]): онъ призвалъ всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ Головою Григоріемъ Микулинымъ, объявилъ имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ, чтобы вѣрные воины суд ли измѣнниковъ; Микулинъ обнажилъ мечь, и хулители Лжецаря, не изъявляя ни раскаянія, ни страха, были изсѣчены въ куски своими братьями: за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ усерднаго слугу, въ Дворяне Думные, а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ страдальцевъ. Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быть и Дьякъ Тимоѳей Осиповъ: пылая ревностію изобличить Разстригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился Святыхъ Таинъ, и торжественно, въ палатахъ Царскихъ, предъ всѣми Боярами, назвалъ его *Гри-*

Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова.

кою Отрепьсвымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ ([460]). Всѣ пзумились, а самъ Лжедимитрій безмолвствовалъ въ смятеніи: опомнился и велѣлъ умертвить сего въ Исторіи незабвеннаго мужа, который своею кровію, вмѣстѣ съ немногими другими, искупалъ Россіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ. Пишутъ, что и Стрѣльцы и Дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе безстрашнымъ оказалъ себя и знаменитый слѣпецъ, такъ называемый Царь Симеонъ: будучи ревностнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ Латинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милость и ласки, всенародно изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ истинныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святые уставы: Симеона, обвиняемаго въ неблагодарности, удалили въ монастырь Соловецкій и постригли ([461]). Тогда же чиновникъ извѣстный способностями ума и гибкостію нрава, бывъ въ равной довѣренности у Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ Михайло Татищевъ, вдругъ заслужилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды, за столомъ Царскимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блюда телятины, въ первый разъ сказалъ Лжедимитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку ([462]); но Басмановъ чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что Татищевъ не даромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная вспыльчивость Лжедимитрія хотѣли вырвать изъ него какое нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастію, Лжедимитрій по нраву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сію безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпномъ пріемѣ Марины.

Опала Царя Симеона и Татищева.

Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною.

Но воевода Сендомирскій какъ долго не трогался съ мѣста, такъ медленно и путешествовалъ; вездѣ останавливался, пировалъ, къ досадѣ своего провожатаго Аѳанасія Власьева, и еще изъ Минска писалъ въ Москву, что ему не льзя выѣхать изъ Литовскихъ владѣній, пока Царь не заплатитъ Королю *всего долга;* что грубость излишно ревностнаго слуги Власьева, нудящаго ихъ *не ѣхать, а летѣть* въ Россію, несносна для него, ветхаго старца, и для нѣжной Марины. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался удовлетворить всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ, прислалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ, и сверхъ того 5000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи ([463]); но изъявилъ неудовольствіе. „Вижу“, писалъ онъ къ Мнишку, „что вы едва ли и „весною достигнете нашей столицы, гдѣ можете не найти меня: „ибо я намѣренъ встрѣтить лѣто въ станѣ моего войска, и „буду въ полѣ до зимы. Бояре, высланные ждать васъ на „рубежѣ, истратили въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы „и должны будутъ возвратиться, къ стыду и поношенію Цар„скаго имени“. Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхать назадъ; однакожь, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя нетерпѣніемъ его страстной любви, 8 Апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣкъ отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы ([464]). Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячь, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Мнишекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ—Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли бы выдать дочерей своихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ се-

ребрянымъ орломъ ([465]); возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и домы для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ подносили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, пламеннымъ Ляхамъ ([466]), которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиреннымъ, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы—надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское!.. Оставивъ Марину въ Вязьмѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку ([467]).

25 Апрѣля, имѣвъ пышный въѣздъ въ столицу ([468]), Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ Боярами и духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедимитріеву; говорилъ рѣчь, и не находилъ словъ для выраженія своего счастія. „Не знаю „(сказалъ онъ), какое чувство господствуетъ теперь въ душѣ „моей: удивленіе ли чрезмѣрное или радость неописанная? „Мы проливали нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть о „жалостной, мнимой кончинѣ Димитрія—и видимъ его вос„кресшаго! Давно ли, съ горестію инаго рода, съ участіемъ „искреннимъ и нѣжнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего гостя „печальнаго—и сію руку, нынѣ Державную, лобызаю съ благо„говѣніемъ!... О счастіе! какъ ты играешь смертными! Но „что говорю? не слѣпому счастію, а Провидѣнію дивимся въ „судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвысило, къ утѣшенію „Россіи и всего Христіанства. Уже извѣстны мнѣ твои блес-

Рѣчь Мнишка.

„тящія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу битвы неустрашимаго, „въ трудахъ воинскихъ неутомимаго, къ хладу зимнему „нечувствительнаго... ты бодрствовалъ въ полѣ, когда и звѣри „Сѣвера въ своихъ норахъ таились. Исторія и Стихотворство „прославятъ тебя за мужество и за многія иныя добродѣтели, „которыя спѣши открыть въ себѣ міру; но я особенно дол„женъ славить твою высокую ко мнѣ милость, щедрую на„граду за мое къ тебѣ раннее дружество, которое предупредило „честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлишь свое величіе съ „моею дочерью, умѣя цѣнить ея нравственное воспитаніе и „выгоды, данныя ей рожденіемъ въ Государствѣ свободномъ, „гдѣ Дворянство столь важно и сильно—а всего болѣе зная, „что одна добродѣтель есть истинное украшеніе человѣка“. Лжедимитрій слушалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно утирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни слова: вмѣсто Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мнишекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство, и вкусъ украшеній ([469]). Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за *серебряною трапезою*, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки ([470]). Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры ([471]); Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Ввечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являлся то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ: „слава Царю!“—Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Воеводѣ Сендомирскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея ([472]); должна также наблюдать обычаи Московскіе, и *не убирать волосовъ*: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ ([473]). Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, пріобщалась Святыхъ Тайнъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожъ свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кромѣ Митрополита Казанскаго Гермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно *крестить*, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ ([474]). Гордяся хитрою Политикою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ, и Москву — устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ Царскимъ.

Условія.

Ошалъ двухъ Святителей.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 Мая верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мѣщане съ дарами — 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско: Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязкою на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячь ([475]). Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между

Въѣздъ Марины въ столицу.

ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились Бояре: Князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми ([476]): въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и тремя дружинами Царскихъ тѣлохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ музыкантами, а позади ѣхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ *вторично* бѣдственное предзнаменованіе ([477]): увѣряютъ, что въ сей день свирѣпствовала буря, такъ же, какъ и во время Разстригина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтили бы невѣсту Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя несносный для слуха шумъ и громъ. При въѣздѣ ея въ Спасскія ворота музыканты Польскіе играли свою народную пѣсню: *навѣки въ счастьѣ и несчастьѣ* ([478]); колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго Монастыря: тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею ([479]); тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Негодованіе Москвитянъ.

Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣстивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ ([480]) Борисовомъ (вертепѣ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и выгнали хозяевъ, не только купцевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ ([481]): сдѣлался крикъ и вопль. — Съ другой стороны, видя тысячи гостей незваныхъ, съ ногъ до головы

вооруженныхъ — видя, какъ они еще изъ телегъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу какъ на битву ([482])? и говорили другъ другу, что Поляки хотятъ овладѣть столицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву Великіе Послы Сигизмундовы, Паны Олесницкій и Госѣвскій ([483]), также съ воинскою многочисленною дружиною, и также къ безпокойству народа, который думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Марины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска ([484])—мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего Посольства: Олесницкій и Госѣвскій должны были только, вмѣсто Короля, присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія ([485]), утвердить Сигизмундову съ нимъ дружбу и союзъ съ Россіею, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли Россійской Ляхамъ ([486])—и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Папу, обманулъ бы и тестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ учится нашему Закону и постится, готовясь къ крещенію, ([487]): въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совсѣмъ не монастырскіе ([488]). Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ Обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ

Соблазны.

и самомъ Инокинь непорочныхъ ([489]). Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ инаго рода, плодъ вѣтренности Лжедимитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь ([490]), сказалъ ему: „Если кто нибудь удивится твоему союзу съ „домомъ Мнишка, перваго изъ Вельможъ Королевскихъ, то „пусть заглянетъ въ Исторію Государства Московскаго: *прадѣдъ* твой, думаю, былъ женатъ на дочери Витовта, а дѣдъ „на Глинской — и Россія жаловалась ли на соединеніи Царской крови съ Литовскою? ни мало. Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходствуютъ „въ языкѣ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, но „донынѣ не знали мира искренняго, и своею закоснѣлою „враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ же готовы, какъ истинные „братья, дѣйствовать единодушно, чтобы низвергнуть Луну „ненавистную... и слава твоя какъ солнце возсіяетъ на странахъ Сѣвера“. За родственниками Воеводы Сендомирскаго, важно и величаво, шли Послы. Лжедимитрій сидѣлъ на престолѣ: сказавъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, говоря, что она писана къ какому-то *Князю* Димитрію, а Монархъ Россійскій есть *Цесарь*; что Послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему Государю. Изумленный Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: „Принимаю съ благоговѣніемъ; но что дѣлается? оскорбленіе безпримѣрное для „Короля,—для всѣхъ знаменитыхъ Ляховъ, стоящихъ здѣсь „предъ тобою,—для всего нашего отечества, гдѣ мы еще не „давно видѣли тебя, осыпаемаго ласками и благодѣяніями! „Ты съ презрѣніемъ отвергаешь письмо Его Величества, на „семъ тронѣ, на коемъ сидишь по милости Божіей, Государя „моего и народа Польскаго!...“ Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана, и какъ бы обрадовался

Ссора съ Послами.

случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону ([491]), и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: „Необыкновенное, „неслыханное дѣло, чтобы Вѣнценосцы, сидя на престолѣ, „спорили съ иноземными Послами; но Король упрямствомъ „выводитъ меня изъ терпѣнія. Ему изъяснено и доказано, „что я не только Князь, не только Господарь и Царь, но „и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. „Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, „какъ титулы иныхъ Королей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, „ниже Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнѣйшаго права „такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ названіемъ Князя „и Господаря, когда мнѣ служатъ не только Господари и „Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ „полуночныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли Мо„нархи Европейскіе называютъ меня Императоромъ? Для чего „же Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олесницкій! спрашиваю: „могъ ли бы ты принять на свое имя письмо, если бы въ „его надписи не было означено твое Шляхетское достоинство?... „Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого еще не „имѣла Республика Польская; а теперь вижу въ немъ своего „зложелателя“. Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжедимитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никогда не думали именоваться *Цесарями;* предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣроятное слѣдствіе такого неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ; наконецъ смягчился, и далъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакомца; но разгоряченный Панъ сказалъ: „или я Посолъ или не могу цѣловать руки „твоей“—и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: „для того (сказалъ „Власьевъ), что Царь, готовясь къ брачному веселію, распо„ложенъ къ снисходительности и къ мирнымъ чувствамъ“. Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и

Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, но сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признаетъ его Императоромъ изъ благодарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ.—Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской: ибо Лжедимитрій не имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали ([492]). Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало
Дары. въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дни до свадьбы принесли Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячь рублей ([493]), а Мнишку выдали еще 100 тысячь злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей ([494]), кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ, и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ ([495]) привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Цар-

ской ([496]); что достояніе отечества, собранное умомъ и трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обрученіе и свадьба.

7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунѣ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ: на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: „Наияснѣйшая Великая Государыня, *Цесарева* „Марія Юріевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, „Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть „его супругою: вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и „властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами“ ([497])! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и Діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостлан-

пымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стрянчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началося священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ ([498]), вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревѣ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности ([499]). Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ ([500]), но тихо и невнятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Столовой палатѣ; но сидѣли не долго: встали и проводили его до

спальни, а Мнишекъ и Князь Василій Шуйскій до постели ([501]). Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйствовать наступало.

Новыя причины къ негодованію.

Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разстриги, Москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и что Марина приметъ Законъ нашъ; ждали того до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали отреченія отъ Латинства. Хотя Марина цѣловала наши святыя иконы, вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ Патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена *благовѣрною Царицею*; но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самыхъ Царицъ, истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ: для Анастасіи. Ирины и Маріи Годуновой ([502]). Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее вниманіе ([503]): шутили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины ([504]). Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣ-

дняго изъ людей вольныхъ.... Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Пиръ. Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника ([505]): сія шумная музыка не умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; Послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: „Вы требуете неслыханнаго: „у насъ никому нѣтъ мѣста за особенною Царскою трапезою; „Король же угостилъ меня наравнѣ съ Послами Император„скимъ и Римскимъ: слѣдственно не сдѣлалъ ничего чрезвы„чайнаго, ибо Государь не менѣе ни Императора, ни Римскаго „Владыки—нѣтъ, Великій Цесарь Димитрій болѣе ихъ: что „у васъ Папа, то у него Попы“ ([506]). Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Лжедимитрій не есть Папистъ. Олесницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ находилъ требованіе Пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Новая ссора съ Литовскими Послами.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою ([507]). Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ Царскихъ ком-

натахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ ([508]). Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна ([509]). Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто *возлѣ* стола Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, сказавъ Олесницкому: „я не звалъ Короля къ себѣ на свадьбу: слѣд„ственно ты здѣсь не въ лицѣ его, а только въ качествѣ Посла“; но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская ([510]) и родственницы Воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ ([511]). Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя ([512]). Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами: они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины ([513]).—12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: „мы пируемъ не въ Москвѣ „и не у Царя, а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у Короля „нашего“ ([514]). Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ

гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ — Но Царица оказала милость и Россіянамъ: 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская ([515])... Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ!—Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей ([516]). Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные ([517]).

Переговоры государственные.

Утомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ ([518]): онъ велѣлъ Посламъ итти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ великодушное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: „Король хочетъ знать: вѣ-„римъ; но хочетъ ли дѣйствительно помогать непобѣдимому Це-„сарю въ войнѣ съ Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать, „съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется намъ только обма-„номъ и лукавствомъ“. Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовались Власьевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ

воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ; „самъ Цесарь будетъ говорить съ вами „въ присутствіи Бояръ“, отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Замышляемыя потѣхи.

Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Срѣтенскими воротами, и вывезти туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ ([519]). Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Наглость Ляховъ.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ ([520]), то сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, а наглость Ляховъ все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе Россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ торжественно назвать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундовымъ ([521]). На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: „мы дали вамъ „Царя!“ Но Россіяне сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелію, еще имѣли гордость народную; кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: „часъ мести не далеко!“ Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою

извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы ([522]); мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не страшась закона ([523]).

Такъ было—и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими Ляхами—когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина—Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются Князь Василій Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ)—не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей сторонникъ: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ ([524]), которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ ([525]). „Заблужденіе скоро „исчезло“, продолжалъ онъ—„и вы знаете, кто первый дер„знулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, „а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась!“ Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ ([526]) и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную*—изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами Ляховъ,—ихъ дерзость и насилія—Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне, сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Ли-

Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго.

товскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ ([527])? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячь надежныхъ людей ([528]), призванныхъ ими въ Москву изъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились— и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Дерзкія рѣчи на площади.

12 Мая говорили торжественно, на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь *поганый*: не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской ([529]). Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дни примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ

Волненіе народа.

Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ ([530]); что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ ([531]). Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и Ляховъ; остерегалъ перваго и Басмановъ,—одинъ изъ Россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: „какъ вы, Ляхи, малодушны!“ а Посламъ Сигизмундовымъ: „я держу въ рукѣ „Москву и Государство; ничто не смѣетъ двинуться безъ моей воли“. Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей ([532]): онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію.—16 Мая иноземцы уже не могли купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороху и никакого оружія ([533]): всѣ лавки были для нихъ заперты. Ночью, на канунѣ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву съ разныхъ сторонъ до 18 тысячь воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были итти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ ([534]). Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою ([535]). Самые Поляки, хотя и не

Спокойствіе Лжедимитрія.

Измѣна войска.

чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести: Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую; но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ, или не думали кровію Русскою спасать иноплеменниковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части Москвитянъ ([536]): ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли, для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ. Послѣдняя ночь для Самозванца.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня ([537]), прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ ([538]), и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: „во имя Божіе идите на злаго еретика!“ указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата ([539]), Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: Возстаніе Москвы

ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Боярин, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: „веди насъ „къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!“ Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: „Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы „твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!“ Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ ([540]): Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Сей Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: „я вамъ „не Годуновъ!“ Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ ([541]): иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на канунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему—увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: „злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Ца„ремъ“ ([542])! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ

испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца... судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи! Гибель Басманова.

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечъ, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ ([543])—вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость ([544]). Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: „если онъ сынъ ея, то „мы умремъ за него; а если Царица скажетъ, что онъ Лже„димитрій, то воленъ въ немъ Богъ“ ([545]). Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная Боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ ([546]). Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею, виняся предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Марѳа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нее хранилось ([547]) и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина. Свидѣтельство Царицы-Инокини.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре, велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ

стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность ([548]). Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: „кто ты, злодѣй?“ отвѣчалъ: „вы знаете: я Дими„трій“ — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ ([549]) возразилъ ему: „ея свидѣтельство уже „намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни“. Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: „несите меня на лобное мѣсто: „тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ“ ([550]). Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится ([551])—и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне ([552]) Иванъ Воейковъ и Григорій Валуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: „будьте не„разлучны и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга!“ Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ у ногъ Разстригиныхъ ([553]).

Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія.

Щадитъ Марину.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣстницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея Польская Гофмейстерина съ Шляхтянками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не

приспѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу для безопасности ([554]); не могли однакожь или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ—и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпѣненіи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: „смерть Ляхамъ!“ Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ Разстригиныхъ ([555]), опустошивъ домъ Іезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, на канунѣ гордые, лобызали ноги Россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли—клялися прислать и болѣе изъ отечества ([556]): ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: „губите ненавистниковъ нашей Вѣры“ ([557])! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни

Убійства

одного человѣка живаго; но тутъ явились Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго ([558]), другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ наглымъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію ([559]). Сказали Воеводѣ Сендомирскому: „Судьба Царствъ зависитъ отъ Все„вышняго, и ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: такъ „и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство „бродяги, и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его „опекунъ и наставникъ—ты, который привелъ обманщика къ „намъ, чтобы возмутить Россію мирную—не достоинъ ли участи „сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалися „счастіемъ: ты живъ, и будешь цѣлъ; дочь твоя спасена— „благодари Небо“ ([560])! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Бояре утишаютъ мятежъ.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра ([561]), все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрез-

вычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: „въ теченіи семи „часовъ“, пишутъ они, „мы не слыхали ничего кромѣ набата, „стрѣльбы, стука мечей и крика: *сѣки, руби злодѣевъ!* не „видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, скаканія, смертоу„бійства и мятежа“ (562). Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами (563). Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ (564), къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и „не думали“ (говоритъ Лѣтописецъ) „бла„годарить Всевышняго: храмы были затворены“ (565)! Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая (566): казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая третьею! Глубокая тишина ночи.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, обагренные Козни властолюбія.

кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра Мономаха, Александра Невскаго; вторый Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: „если меня изберутъ въ Цари, то немедленно пойду въ Мо„нахи“ ([567]). Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ ([568]), что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что̀ говорить въ Синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу ([569]), произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной Самодержцами Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію,

Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.

пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. „Но мы“, говорилъ Шуйскій, „загладили сію слабость, когда насталъ часъ умереть или „спасти Россію. Жалѣю, что я, предупредивъ другихъ въ „смѣлости, обязанъ жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ права, „но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ разбойникъ „милуетъ иногда странника. Признаюсь, что я колебался, „боясь упрека въ неблагодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, „отечества, вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ „ревность къ великому подвигу. Дѣло наше есть правое, „необходимое, святое; оно, къ несчастію, требовало крови: „но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ—слѣдственно оно Ему „угодно!... Теперь, избывъ злодѣя, еретика, чернокнижника, „должны мы думать объ избраніи достойнаго Властителя. Уже „нѣтъ племени Царскаго, но есть Россія: въ ней можемъ „снова найти угасшее на престолѣ. Мы должны искать мужа „знаменитаго родомъ, усерднаго въ Вѣрѣ и къ нашимъ древ- „нимъ обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣдственно уже „не юнаго—человѣка, который, пріявъ вѣнецъ и скипетръ, „любилъ бы не роскошь и пышность, но умѣренность и правду, „ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, но любовію „подданныхъ; не умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но „избытокъ и довольствіе народа считалъ бы собственнымъ „богатствомъ. Вы скажете, что такого человѣка найти трудно: „знаю; но добрый гражданинъ обязанъ желать совершенства, „по крайней мѣрѣ возможнаго, въ Государѣ!“

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не льзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство ([570]). Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не

имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скиптра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя... Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная площадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи... тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: „Государь нужнѣе Па„тріарха для отечества!“ и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство ([571]).

Избраніе новаго Царя.

Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и труповъ: вывезли, схоронили ихъ за городомъ ([572]). Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги ([573]). Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей:

суевѣріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою (574): чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву, съ великолѣпіемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя; но примѣръ остался: увидимъ слѣдствія!

Развѣяніе Самозванцева праха.

Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный,—хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ.

Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедимитріевой памяти. Они разсказываютъ слѣдующее (576): „Годуновъ, предпріявъ умер„твить Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе Царевиче„чеву Медику, старому Нѣмцу, именемъ Симону, который, „притворно давъ слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, спро„силъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ ли онъ столько „душевной силы, чтобы снести изгнаніе, бѣдствіе и нищету,

„если Богу угодно будетъ искусить онымъ твердость его? „Царевичь отвѣтствовалъ: *имью*; а Медикъ сказалъ: *Въ сію „ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась спать, обмѣ- „няйся бѣльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесникомъ; „положи его къ себѣ на ложе, и скройся за печь: что „бы ни случилось въ комнатѣ, сиди безмолвно, и жди „меня.* Димитрій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отво- „рилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали слугу вмѣсто „Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ увидѣли кровь и мерт- „ваго: думали, что убитъ Царевичь, и сказали о томъ матери. „Сдѣлалась тревога. Царица кинулась на трупъ, и въ отчаяніи „не узнала, что сей мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ „наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали виновныхъ и не- „винныхъ; отнесли тѣло въ церковь, и всѣ разошлися. Дво- „рецъ опустѣлъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Ди- „митрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украйну, къ Князю „*Ивану Мстиславскому, который жилъ тамъ въ ссылкѣ „еще со временъ Іоанновыхъ*. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Док- „торъ и Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію искать „безопасности въ Литвѣ. Сей юноша присталъ къ странству- „ющимъ Инокамъ; былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Во- „лошской ([577]), и наконецъ явился въ домѣ Князя Вишне- „вецкаго“. Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору ([578]); но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году ([579]), и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ ([580]), и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына ([581]). Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не

говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко видавъ Димитрія въ церкви ([582]), обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичь убитъ въ полдень: кѣмъ? злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца... и кто предалъ его на убіеніе? мамка:—отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допросами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ ([583]): слѣдственно не льзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ *ложнымъ*. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

„Но Царица-Инокиня Марѳа признала сына въ томъ, кто „назывался Димитріемъ?“ Она же признала его и самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ ([584]), выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клят-

веннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти: которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища ([585])—сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду: грозили единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Марѳа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокини ([586]), съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умиряло совѣсть виновной Марѳы. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго, (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ-было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу ([587]).

Возражаютъ еще: „Король Сигизмундъ не взялъ бы столь „живаго участія въ судьбѣ обманщика, и Вельможа Мнишекъ „не выдалъ бы дочери за бродягу;“ но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ

страстей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостію, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ *торжественно* признать Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулись, можетъ быть, не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: „войско, Бояре, Москва, не приняли бы „его въ Цари безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ сынъ „Іоанновъ“ ([588]). Но войско, Бояре, Москва и свергнули его, какъ уличеннаго самозванца: для чего вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ; но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ Исторія... и самаго Лжедимитрія!

Напомнимъ Читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія, и клялъ Россіянъ за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова ([589]). Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) „Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузендъ ([590]), бывъ „40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Ѳеодору, Годунову,

„Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно видавъ Димитрія во „младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, что мнимый „Царь Димитрій есть совсѣмъ другой человѣкъ, и не похо„дитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты „матери, съ которою Самозванецъ ни мало не сходствовалъ.— „2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, Дво„рянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ „повивальною бабкою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ и „ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ—непрестанно „видавъ Димитрія живаго, видѣвъ и мертваго.— 3) Скоро „по убіеніи Лжедимитрія выѣхалъ я изъ Москвы въ Углич, „и разговаривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, быв„шимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его объявить мнѣ „истину о Царѣ убитомъ. Онъ всталъ, перекрестился и такъ „отвѣтствовалъ: *Москвитяне клялися ему въ вѣрности „и нарушили клятву: не хвалю ихъ. Убитъ человѣкъ „разумный и храбрый, но не сынъ Іоанновъ, дѣйстви„тельно зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его мертваго, „лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. „Богъ судія Князьямъ и Боярамъ нашимъ: время пока„жетъ, будемъ ли счастливѣе*“.

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать ([591]); а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ ([592]), и

прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ, что они узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой Церкви ([593]). Никто изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, писалъ съ легкостію ([594]), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ ([595]), видимъ въ Латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя Приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что келліи не производятъ витязей, уничтожается исторіею его юности: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизнь смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то *величіе* ([596]), необыкновенное для человѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами, ни счастіемъ нравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакожь худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безпристрастные ([597]).—Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генриха IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжеди-

митрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго ([598]). Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ ([599]). Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ ([600]), когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ ([601]); ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ, для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію,—уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

КОНЕЦЪ XI ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса Годунова.

Г. 1598—1664.

Стр.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій 3

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Борисова.

Г. 1604—1605.

Блестящее властваніе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова. 56

ГЛАВА III.

Царствованіе Ѳеодора Борисовича Годунова.

Г. 1605.

стр.

Присяга Ѳеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Ѳеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство 110

ГЛАВА IV.

Царствованіе Лжедимитрія.

Г. 1605—1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ. 124

Хожденіе на осляти, въ Вербное Воскресенье.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

(1) Въ грамотѣ Іова Патріарха къ Гермогену, Митрополиту Казанскому (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ, между *историческими дѣлами* г. 1598, No 1): «И встрѣтоша его (Бориса) за древянымъ градомъ гости «Московскаго Государства и всѣхъ городовъ Москов. Царствія всена«родное множество Хрестьянъ съ подобающею Царскою честію, съ хлѣбы «и съ собольми, и съ позлащенными купки, и съ золотными и съ иными «Царскими дары». См. также Мих. Шиля Relation 458, и Борисову Избирательную Грамоту, въ *Рос. Вивліов.* VII, 83

(2) Въ рукописной Избир. Грамотѣ: «и потомъ приходитъ ко гробу «Вел. Государя Царя и В. К. Ѳедора Ивановича... и ко отцу его, Вел. «Государю Ц. и В. Князю Ивану Васильевичу».

(3) Тамъ же: «иде во свои Царьскіе полаты; потомъ же поѣде къ «сестрѣ своей... и оттуду возвратися и иде въ домъ Преч. Богородицы «и Вел. Чюдотворцевъ, Петра и Алексѣя и Іоны, къ отцу своему, Свят. «Іеву Патріарху... наединѣ бесѣдовавъ не мало», и проч.

(4) Тамъ же: «какъ есте» (говоритъ Патріархъ Боярамъ, чиновникамъ и купцамъ) «имъ Государемъ» (Царскому семейству) «души свои «дали у Преч. Богородицы чюдотворново ея образа и у цѣльбоносныхъ «гробовъ Вел. Чюдотворцевъ».

(5) Сія присяга сохранилась въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ. Тамъ сказано: «Ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никаково не учи«нити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и не ве«лѣти давати; а хто мнѣ учнетъ зелье и коренье давати, или говорити, «чтобъ мнѣ надъ своимъ Государемъ... и надъ Царицею... и надъ ихъ «дѣтьми какое лихо учинити, и мнѣ не слушати... да и людей своихъ съ «вѣдомствомъ не посылати, и вѣдуновъ не добывати на Государское «лихо... и на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаньемъ не испортити, и «вѣдовствомъ по вѣтру никакова лиха не насылати, и слѣду не вымати «ни которыми дѣлы... а хто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или «дѣлати, а язъ то свѣдаю, и мнѣ сказати Государю или его ближнимъ «людемъ... и того поимати и привести... На Государя Царя и на его «Царицу и на ихъ Царскихъ дѣтей и которыхъ имъ впередъ Богъ дастъ, «не мыслити и къ себѣ никого не приводити, не *семьитись* и не соединя«тися... и съ тѣми, кто будетъ въ томъ скопѣ, мнѣ битися до смерти... «не убивати и убивати никакова человѣка не велѣти», и проч.

Въ грамотахъ Іова къ Гермогену: «на полунощницѣ и на повечер-«ницѣ октенья послѣ прощенья: *помолимся о благовѣрной Царицѣ и Вел. «Княгинѣ Инокѣ Александрѣ, и о Державномъ Государѣ нашемъ, благо-«вѣрномъ и христолюбивомъ Царѣ и о Вел. Князѣ Борисѣ*... Пѣвцы же «глаголютъ: *благовѣрной Царицѣ и В. Княгинѣ Александрѣ и благовѣр-«ному Царю и В. Князю Борису Ѳедоровичу всея Русіи Самодержцу*», и проч. Но тамъ же въ другомъ мѣстѣ: «Октенія великая на Заутрени «и на Литургіи и на Вечернѣ: міромъ Господу помолимся... о благовѣр-«номъ Царѣ и В. Князѣ Борисѣ и о всѣхъ Боларѣхъ и о воехъ его, о «пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата... Еще «молимся о благовѣрн. Царицѣ и В. Княгинѣ Инокѣ Александрѣ».—Далѣе см. Избирательную Грамоту.

(6) Въ Грам. Избирательной: «и не по своему достоинству, свыше «своего отечества и службы», чести себѣ не хотѣти».

(7) Тамъ же: «и бысть ему не малъ и велій подвигъ и великіе «труды, еже у сестры своея, Великія Государыни нашея, неотступно «пребывати, и въ вотчину свою въ Царств. градъ Москву частая при-«хожденія, и о всей земли своей веліе промышленіе», и проч.

(8) См. тамъ же, стр. 95, 97.

(9) См. тамъ же, стр. 100—102, и Шилеву Relation 458, 459.

(10) К. Ив. Солнцева-Засѣкина: см. Архив. Розряд. Книгу, л. 831, Степен. Кн. Латухина, Берову Chron. Muscov., Маржерета 23.

(11) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 832, 833, 836, 837. Съ Государемъ въ походѣ были Царевичи Арасланей Кайбуловичь, Казацкой или Киргизской Орды Уразъ-Магметъ, Сибирскій Маметкулъ (или Магметъ-Кулъ) Алтауловичь, *Шермохамскій* Шихимъ, Юргенскій Магметъ; Бояре Князья Мстиславскій, Вас. Ив. Шуйскій, Дм. Ив. Шуйскій, Тимоѳ. Ив. Трубецкій, Александръ Ив. Шуйскій, К. Ив. Ив. Голицынъ, Степ. Вас. Годуновъ, Ив. Вас. Годуновъ, Ѳед. Никит. Романовъ-Юрьевъ, Кравчій Ал. Ник. Романовъ-Юрьевъ, Оружничій Б. Я. Бѣльскій, Печатникъ Вас. Як. Щелкаловъ, Окольничіе, Дворяне Думные, Постельничій, Стряпчій *съ ключемъ*, Ловчій, Ясельничій, Дьяки Думные, 11 Дьяковъ изъ Приказовъ, 1 *Барашъ* или Шатерничій, 7 Рындъ, и проч.—Далѣе въ Розрядн. Кн.: «А на Москвѣ оставилъ у Царицы и В. К. Иноки Александры и «у Царицы у Марьи *сына* своего» (не *у сына*) «Царевича Ѳед. Борис. «всеа Русіи, а *съ Царевичемъ* Бояръ... Окольничій Андрей Ив. Клеш-«нинъ... у Государыни у ѣствы К. Ан. Ив. Гундуровъ; у Царевича «дядька Ив. Ив. сынъ Чемодановъ. Дьяки по Приказамъ... у Государыни «Дьяки... Въ осадное время въ *Большомъ старомъ* камен. городѣ быти «Бояринъ... да въ старомъ же городѣ объѣзщики для огней... въ *другомъ «камен. въ городѣ*... въ *новомъ камен. городѣ* на Большомъ посадѣ отъ «Неглинны по Яузу и по Москву рѣку... да въ *новомъ* же въ камен. го-«родѣ на Бо́льшомъ посадѣ у вежи (башни) для береженья... въ *новомъ* «же въ камен. въ *Царевѣ городѣ* за Неглинною отъ Москвы рѣки по «Неглинну... въ *новомъ деревянномъ* городѣ отъ Тверскіе улицы по Яузу «и до Москвы рѣки и до Царева города... а на вылазкѣ быти Воеводамъ «К. М. Ѳ. Кашину, да К. Г. Долгорукому-Черту... въ другой половинѣ «въ деревянномъ городѣ быти Воеводамъ... а на вылазкѣ К. Меркурью «Щербатому», и проч. Въ каждой части города была *вежа* или сторожевая башня.

(12) См. Архив. Розряд. Кн. л. 842.

(13) Тамъ же, л. 843: «Маія въ 11 Государь смотрѣлъ засѣчныхъ «чертежей», и проч.

(14) Современники Маржеретъ и Беръ. Первый: selon le dire tant des estrangers, que des Russes qui estoient présens... je parle encore du moins. Маржеретъ служилъ въ нашемъ войскѣ.

(15) Въ Архив. Розрядн. Кн. 830: «И Государь молылъ Ив. Полеву: «били мнѣ челомъ Патріархъ Іевъ и весь Соборъ и Бояре и Приказные «люди, и Воеводы и Дворяне всѣ, чтобъ я пожаловалъ велѣлъ Бояромъ «и Воеводамъ и вамъ, Дворяномъ, быти безъ мѣстъ на нашей службѣ».

(16) Маржеретъ 62: il fit festin par l'espace de six semaines presque journellement à dix mille hommes chacune fois, и проч.

(17) Въ Розрядн. Кн.: «того сторожа Софонка за ту службу Госу«дарь пожаловалъ: велѣлъ ему изъ казны дать платье, да 5 рублевъ де«негъ, да велѣлъ ему быти на Елцѣ въ Дѣтехъ Боярскихъ».

(18) Въ Розрядн. Кн. 846, 847: «и были бъ Воеводы и Дворяне и «Дѣти Боярскіе нарядны и цвѣтны, и лошади бъ у нихъ были лучшіе... «а Стрѣльцомъ и Козакомъ стрѣляти изъ пищалей въ засѣкахъ вверхъ». См. также и *Никон. Лѣт.* 38.

(19) Въ Розрядн. Кн. 848: «Іюня въ 26 Государь указалъ для Крым«скихъ Пословъ быти у себя въ Серпуховѣ съ берегу изо всѣхъ полковъ «Бояромъ и Воеводамъ съ Дворяны, и съ Дѣтьми Боярскими и съ да«точными людьми, что есть въ тѣхъ полкахъ *всякихъ* ратныхъ людей». См. также Бера.

Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 г. означена грамота Казы-Гиреева, писанная съ Мурзою Алеемъ.

(20) См. Chron. Петрея 270 и Берову. Въ Степ. Кн. Латухина: «Они «же (воины) вси возрадовашася, чающе и впредь тако ему (Борису) ми«лостиву быти».

О движеніи войска къ границѣ Литов. и Шведской см. въ Архив. Розрядн. Кн. 855.

(21) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я сію краткую *похвалу и встрѣчную рѣчь Царю Борису*, гдѣ сказано: «Возложилъ еси, Вел. Государь, неуклонную надежду на «всемогущаго Бога; подщался еси отъ Бога данный ти талантъ сугубо «преумножити... Свѣтлыя и прехвальныя безъ крови побѣды... Подвигъ «свой велій сотворилъ еси: свободилъ еси родъ Христіанскій отъ плѣне«нія... Слышавъ скорое твое ополченіе, недругъ Крымскій убояся и устра«шися зѣло, и прислалъ къ тебѣ челомъ бити... И радостная глаголемъ «тебѣ, Государю Великому: радуйся и веселися, Богомъ избранный и «Богомъ возлюбленный и Богомъ почтенный», и проч. Въ концѣ: «и по «семъ Святѣйшій Патріархъ со всѣмъ Соборомъ и со всѣмъ всенарод«нымъ множествомъ предъ Царемъ падаютъ на землю, отъ радости сер«дечныя благодарныя слезы изливаютъ, и возставъ отъ земли здравство«ваша ему... на его Государевѣ вотчинѣ и на Царьскомъ престолѣ и на «всѣхъ Государствахъ Россійскія земли *скифетросодержанія*». См. Петрея 271.

(22) См. Избират. Грам. 110, 111. Въ печатной находимъ только подписи Духовенства, а въ рукописной и Духовенства и всѣхъ государствен. чиновниковъ. Тамъ же: «Авг. въ 1 день... а назади у обѣихъ «утвержденныхъ грамотъ, что у Государя Царя... въ его Царьской казнѣ, «и что въ Патріарховѣ ризницѣ руки приложили». Въ печатной: «Подо«бастъ убо намъ сію грамоту принести къ Государю... и молити, чтобы «велѣлъ положити въ своихъ Царскихъ сокровищахъ съ прочими гра«мотами, идѣ же и прежнихъ Государей грамоты о всякихъ земскихъ «дѣлѣхъ лежатъ».

(23) Въ *Исторіи* современника, знаменитаго Келаря Троицкой Лавры, Аврамія Палицына: «И во время Св. Литургіи, стоя подъ рукою Свя«тѣйш. Патріарха, не вѣмы чего ради, испусти сицевъ глаголъ зѣло вы«сокъ: *се, Отче В. Патріархъ Іевъ, Богъ свидѣтель сему, никто же бу«детъ въ моемъ Царствіи нищъ или бѣденъ* — и тряся верхъ срачицы на «себѣ: *и сію послѣднюю*, рече, *раздѣлю со всѣми*». См. также Латух. Степен. Кн. и Хронографы.

(24) См. Бера и Петрея 271. Сей обѣтъ, говорятъ они, далъ Борисъ на пять лѣтъ.

(25) Въ Архивскихъ Сибирскихъ бумагахъ 1600 г. Уразъ-Магметъ уже называется *Царемъ*. О пожалованіи въ Бояре и проч. см. Списокъ въ *Рос. Вивліов.* XX, 70. Санъ Окольничихъ былъ данъ Годуновымъ Семену Никитичу, Степану Степановичу, Матвѣю Михайловичу, Никитѣ Васильевичу.

(26) Въ Степен. Кн. Латухина: «сродника своего, Григорія Вас. Го«дунова, отравою (Борисъ) уморилъ, занеже возбранялъ ему отъ власто«любія». Въ Послужномъ Спискѣ Бояръ сказано, что Дворецкій Григ. Вас. Годуновъ умеръ скоро по кончинѣ Царя Ѳеодора.

(27) См. Шилеву Relation 462 и въ Сибирск. Исторіи Миллера, стр. 347, указъ Борисовъ 25 Іюня 1600 о невзиманіи ясашной подати съ Сибирскихъ народовъ. Въ Дѣлахъ Австрійскихъ, Крымскихъ и другихъ сего времени также упоминается о милостяхъ Царскихъ: о двойномъ жалованьѣ, о льготѣ, данной купечеству и проч.

(28) Въ Шилев. Relation 462: Die Pauern und armen Leuth, so unter den Bojarn oder Edelleuthen ihre Wohe haben, und zuvor bey andern Grossfürsten von ihren Herren für *leibeigen* gehalten worden, seindt auch von ihrer Grossm. begnadet und einem jeden Edelmann, so Untersassen oder Pauern hat, järlichen ein Ordnung gemacht, wie viel und was ihme seine Unterthanen zu geben, zu dienen schuldig, und weiss jezo ein jede Dorfschafft oder Wohnung, wie hoch sie ihrer Obrigkeit verpflicht seyen. Сей любопытный указъ до насъ не дошелъ. Шиль пишетъ, что господа при другихъ Великихъ Князьяхъ считали земледѣльцевъ своими *рабами:* то есть обходились съ ними какъ съ рабами, хотя законъ и давалъ крестьянамъ свободу переходить отъ владѣльца къ владѣльцу.

(29) См. Т. X, стр. 25.

(30) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ *Отписки города Тары Воеводъ Кузмина и Воейкова къ Царю* въ Сент. 1598. О числѣ ратниковъ, которые вышли съ Анд. Воейковымъ изъ Тары: «Три сына Боярскихъ, да «два Атамана, да Тарскихъ служивыхъ людей, и Литвы и Козаковъ, «сто человѣкъ, да юртовскихъ служивыхъ Татаръ 30 человѣкъ, да во«лостныхъ ясашныхъ людей 60 человѣкъ, да Тобольскихъ служивыхъ «людей сто... да Тюменскихъ». Здѣсь не льзя разобрать ни числа, ни слѣдующихъ строкъ: «Четыреста безъ трехъ человѣкъ. Литвы и Коза«ковъ, и юртовскихъ и волостныхъ Татаръ... И въ роспросѣ лутчіе люди «сказали, пошолъ-де Кучюмъ Царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку съ «дѣтьми и со всѣми своими людми, гдѣ у него хлѣбъ сѣенъ... хочетъ-де «итти подъ городъ Тару... и язъ холопъ твой (А. Воейковъ) исшолъ Ку«чюма на Оби на рѣкѣ, выше *Чатъ* три днища... отъ Калмаковъ въ дву «днищахъ», и проч. Воейковъ пишетъ, что онъ велѣлъ побить и перевѣшать всѣхъ Татаръ плѣнниковъ, кромѣ знатныхъ.

(31) Тамъ же: «Сшолъ онъ (Сеитъ) Кучюма Царя за Обью рѣкою «на лѣсу, внизъ по Оби рѣкѣ, отъ Кучюмова побою въ дву днищахъ... «и Кучюмъ съ нимъ приказалъ къ намъ: *не попхалъ-дей я къ Государю*

«*по Государевъ грамотѣ своею волею, въ кою-дей пору я былъ цѣлъ; а за* «*саблею*-дей *мнѣ къ Государю ѣхати не по что. А нынѣча*-дей *я сталъ* «*глухъ и слѣпъ, и безо всего живота; взяли*-дей *у меня промышленника,* «*сына моего, Асманакъ-Царевича; хотя бы*-дей *у меня всѣхъ дѣтей по-*«*имали, а одинъ бы*-дей *у меня остался Асманакъ, и язъ бы*-дей *объ немъ* «*ещо прожилъ*», и проч. О бѣгствѣ его: «побѣжалъ съ кочевья своего «вверхъ по Оби рѣкѣ; а его-дей Сеита отпустилъ въ Чаты».

(32) См. Сибирскія лѣтописи, Ремезовскую и Саввы Есипова, и Мил. Сибир. Ист. 305—307.

(33) См. Шилеву Relation въ Вихман. Sammlung, стр. 432. Извѣстіе о побѣдѣ Воейкова пришло въ Москву 15 Ноября (Новаго Стиля) 1598.

(34) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумаги о пріѣздѣ въ Москву семейства Кучюмова, г. 1598—1600, No 2. Тамъ означены имена и лѣта Царевичей: старшему было 23 года, а младшему только годъ. Выписываю изъ сихъ бумагъ слѣдующую *Роспись, какъ въѣхати въ Москву Царевичамъ и Царицамъ Сибирскимъ:* «Изготовлены на Москвѣ 38 человѣкъ «въ шубахъ собольихъ, которые ѣдутъ съ Царицами; и тѣмъ шубы на-«дѣвать выворачивая, подпоясывая; а всѣхъ будетъ въ шубахъ съ Дѣтьми «Боярскими 60 человѣкъ; а ѣхати имъ по два въ рядъ съ пищальми... «А Царевичамъ ѣхать въ санехъ по одному; а съ меньшими двѣма, ко-«торые по 4 годы, ѣхать въ санехъ по Татарину; а который Царевичь «году, тому ѣхать съ матерью. Всего надобетъ 6 сани вырѣзни, готовы «въ Переславской слободѣ. Подъ Царицы 6 каптанъ, а въ нихъ 12 под-«водъ. А ѣхати въ Москву во Вторникъ, въ 4 или въ 5 часу дни, въ «деревянной городъ и въ каменной въ Стрѣтенскіе ворота, Стрѣтенкою «улицею, да полымъ мѣстомъ мимо Пречистые Гребнивскіе и Литовскаго «Двора; а въ ту пору Литов. Дворъ и Арменской не затворяти — а съ «полого мѣста ѣхати въ Ильинскіе вороты, да Ильинскимъ Хрестцомъ «во Фроловскіе къ Посольской Полатѣ; и Царевичамъ итти въ Полату, «а Царицамъ Царевнамъ стоять въ каптанахъ у Полаты, покамѣста Ца-«ревичи побудутъ у Василья (Щелкалова)... и проводити ихъ по дворьямъ... «На Бѣлобородовѣ дворѣ стояти Асманаку Царевичу, а въ приставахъ «у него быти Савину Воейкову, а съ нимъ два сына Боярскихъ, да тол-«мачю... на Алексѣевскомъ дворѣ Хозникова Шаиму Царевичю... за «Встрѣтенскими вороты на Михайловѣ дворѣ Зубина Кучюмовой боль-«шой Царицѣ Салтанымъ... Послати имъ Государева жалованья: Асма-«наку ферези багрецовые на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ камчатъ, «шапка черна, сапоги сафьянные желты, рубашка да порты; Шаимъ-«Царевичю тожь ферези багрецовые на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ «камчатъ на черевѣхъ на песцовыхъ... Бабадшѣ Царевичю ферези сукно «*лундышь*... Большой Царицѣ шуба камка адамашка рудожелта на куни-«цахъ, опушена атласомъ съ серебромъ; кругъ ее круживо шелкъ чернъ «съ серебромъ, пуговицы корольковые... другой Царицѣ Сюйджданъ «шуба камка адамашка бѣла на пупкахъ на собольихъ, пушена атласомъ «золотымъ; кругъ ее круживо и по швомъ шолкъ червчатъ да чернъ съ «золотомъ; пугвицы серебряные... Мурзамъ по ферезямъ, сукно *на стра-*«*филь* лазорево на хрептѣхъ на бѣльихъ, да по шапкѣ по багрецовой, «да по сапогамъ: одному сафьянные, другому барановые, третьему теля-«тинные зелены... Корму Царевичу Асманаку давати съ яму на день «2 калача денежныхъ, утя, куря, да на недѣлю баранъ шерстью, на мел-«кое и на свѣчи 6 денегъ на день, съ дворца 4 чарки вина доброво, да «съ яму четверть ведра меду паточново, ведро меду Княжого, да на «три дни возъ дровъ», и проч.—Абдулъ-Хаиръ крестился въ 1600 году: воспріемниками его были Бояринъ К. Ѳед. Андр. Ноготковъ и Дьякъ

Василій Таракановъ (см. Розряд. Кн.). Маметкулъ, честимый Борисомъ, жилъ въ Бѣжецкомъ Верху.

(35) См. Миллер. *Сибирск. Исторію* 329—392.

(36) Въ Розрядн. Книгахъ сказано, что въ Іюнѣ 1600 г. Крымцы нападали на Бѣлгородъ и шли къ Курску, но были изгнаны Орловскимъ Воеводою, К. Борисомъ Петр. Татевымъ.

29 Іюля 1601 были посланы Окольничій Бутурлинъ, Ив. Пушкинъ и Дьякъ Клобуковъ въ новый Борисовъ городокъ для *размѣна* (какъ тогда говорили) Россійскихъ и Крымскихъ Пословъ. 27 Сент. отпустили изъ Москвы Крымскаго гонца Казанъ-Агу съ увѣдомленіемъ, что наши Послы готовы ѣхать къ Хану. 4 Окт. выѣхалъ изъ Москвы въ Тавриду Посолъ К. Григ. Волконскій съ Дьякомъ Ивановымъ. Въ Окт. 1602 пріѣхалъ въ Москву Казы-Гиреевъ гонецъ Ахметъ-Челибей съ Шертною грамотою. Въ Авг. 1604 тотъ же гонецъ былъ у Царя съ жалобою на впаденія Донскихъ Козаковъ въ Ханскія владѣнія. См. въ Архивѣ Крымскія Дѣла сего времени.

Нашъ посолъ говорилъ Крымскимъ Вельможамъ: «Которые бѣглые «люди наши отъ воровства бѣгаютъ въ Крымъ, и Казы-Гирей тѣхъ «воровъ отдавать назадъ не велитъ. Въ прошломъ году побѣжалъ изъ «Государевыхъ украйныхъ городовъ отъ смертные казни вѣдомой воръ «и разбойникъ Казаринко Уваровъ; а нынѣ онъ у Казы-Гирея въ толма-«чехъ... Казы-Гирей того Казаринка велѣлъ бы отослати къ Государю».

О принятіи Шертной грамоты: «Велѣлъ Государь быти Янъ-Ахметъ-«Челибею у себя наодинѣ... и взялъ въ свои Царскіе руки книгу, и по-«державъ молылъ: *то наша большая правда; тое больше у насъ не жи-«вет*ъ — и книгу отдалъ Боярину Семену Микитичу; и въ кое время «книгу держалъ въ своихъ рукахъ, и въ тѣ поры Янъ-Ахметъ-Челибей «челомъ ударилъ о землю, а послѣ того говорилъ: Государь нашъ, Казы-«Гиреево величество, какъ передъ вашимъ Посломъ К. Григ. Волкон-«скимъ прямую Шерть учинилъ на Куранѣ (Алкоранѣ), и К. Григорей «тое книги велѣлъ смотрѣть толмачю своему, а со мною Казы-Гирей «прислалъ Дьяка Гречина для такова же дѣла: и въ томъ какъ ты, «Государь, повелишь. И Государь говорилъ: сказывалъ я тебѣ, что мы «такіе правды не чинивали, какъ нынѣ брату своему правду учинили «есмя; а съ которыми великими Государями бываетъ у насъ мирное «постановленье, и съ ихъ Послы утверждаютъ Бояре наши и Окольничіе «и Думные Дьяки, а большое укрѣпленье Царское слово бываетъ: то и «правда. А нынѣ, свыше всѣхъ Государей похотя съ нимъ братство «крѣпить, велѣли есмя тебѣ у себя наодинѣ быти, а только тепере при «насъ сродникъ (и указалъ на Боярина на Семена Микитича), да ближней «нашъ Дьякъ Ѳеонасей Власьевъ; потому что всѣ большіе дѣла тайные»

Сей гонецъ, будучи у насъ въ Авг. 1604, сказалъ Царю отъ имени Казы-Гирея: «Послали есте (въ 1603 г.) къ намъ Пословъ своихъ, К. «Ѳедора Борятинскаго, да Дьяка Дороѳея Бохина, — и послѣ того, какъ «у насъ на Посольствѣ были, на пятой день учинилась вѣсть, что при-«ходили на наши Улусы Донскіе Козаки... и Посолъ твой отказалъ, что «х' Козакамъ не ѣдетъ и не пошлетъ, а говорилъ усердо... А потому «есмя вашего Посла изъ Крыму и выслали... И послѣ того прислали «вы, братъ нашъ, къ намъ гонца своего, Александра Хрущова, съ «грамотою», и проч. — Въ лѣтописяхъ несправедливо сказано, что Царь на мѣсто Борятинскаго послалъ въ Крымъ Волконскаго. Челибей жилъ въ Москвѣ до воцаренія Лжедимитріева.

(37) См. Т. X, стр. 169, и Далина глав. XV, 22, 23.

(38) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Д. *выписку о пріѣздѣ Королевича Густава*. Въ Иванѣ-городѣ встрѣтилъ его Леонтій Лодыженскій, въ Новѣгородѣ К. Симеонъ Долгорукій, въ Твери Окольничій К. Хилковъ и Борятинскій, а *съ платьемъ* Чашникъ К. Лыковъ. Далѣе: «Съ возкомъ по«сланъ х^ Королевичу въ стрѣчю въ село Святыхъ Отецъ Ясельничей «М. Татищевъ: да съ нимъ же послано Королевичевымъ людемъ 20 ло«шадей; а у Москвы за деревяннымъ городомъ по Тверской дорогѣ, «проѣхавъ гонную (ямскую) слободу, на первомъ вражкѣ встрѣчали «Королевича Вас. Морозовъ да К. Вас. Лобановъ, а на выѣздѣ были «Дворяне Большіе и Стольники и Стряпчіе и Дьяки... а передъ Корале«вичемъ ѣхали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ чистомъ платьѣ 100 «человѣкъ... а по обѣ стороны стояли Стрѣльцы... Королевичь вышелъ «изъ возка на мостки противъ Казенные Палаты середнево быка (ро«гатки?) и шелъ ко Государю мимо Благовѣщенья папертью... А Бояре «при Государѣ въ золотыхъ шубахъ; а въ сѣнехъ сидѣли Дворяне и «Приказные люди въ золотѣ жъ... И Государь Королевича позвалъ къ «рукѣ, и далъ ему руку, а послѣ того Государь Царевичь».

(39) Въ Царскомъ наказѣ Клаусу, посланному изъ Москвы въ Дерптъ и въ Ригу (30 Ноября 1599): «А будетъ Рижскіе и Юрьевскіе «Нѣмцы спросятъ: Густава Королевича чѣмъ Государь пожаловалъ? и «Кляузу говорити; пожаловалъ многою казною, золотыми и деньгами, и «судами золотыми и серебряными, и платьемъ дорогимъ; да Колужскимъ «Удѣломъ съ тремя городы и со многими волостьми и селы».

(40) См. Далина глав. XV, 22.

(41) См. въ Архивѣ Кол. И. Д., между историческими бумагами 1599 г. грамоты жалованныя Москов. Нѣмецкимъ гостямъ и присягу ихъ: Вита, Бекмана, Керклина, Бука, Брикса и другихъ. Изъ нихъ каждому дано было отъ 300 до 500 тогдашнихъ рублей. См. также Chron. Бера и Петрея 272.

(42) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. наказъ, данный Клаусу для склоненія гражданъ Рижскихъ къ Рос. подданству,—Царскія грамоты къ воеводамъ въ Ивань-городъ и Псковъ, и грамоту Густава къ Правителю Шведскому Карлу. Въ первой бумагѣ сказано: «И Кляузу говорити: «слухъ дошелъ до Вел. Государя, что имъ Рижаномъ отъ Польскихъ и «отъ Литовскихъ людей во всемъ тѣснота, и хотятъ Рижскихъ людей «отвести отъ ихъ Вѣры и привести въ Папежскую и въ *Езовитцкую* «Вѣру, и правы и обряды и вольности ихъ порушити, и такъ здѣлати, «чтобы ихъ Нѣмецъ всѣхъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской «землѣ... и Вел. Государь про то добрѣ поскорбѣлъ... и жалованье и мило«сердіе показалъ ко многимъ Ливонскимъ Нѣмцомъ, которые были въ «закоснѣньѣ много лѣтъ: пожаловалъ ихъ на торговлю многими деньгами «и торговать имъ велѣлъ безпошлинно; и тѣ Нѣмцы, видя свои вотчины «въ чюжихъ рукахъ, бьютъ челомъ Царск. Величеству, чтобъ имъ своихъ «вотчинъ доступить; а нынѣ перемирные времена (Россіи съ Литвою) «выходятъ... и похстятъ Рижане, лутчіе люди, быти подъ рукою Государя, «и вотчины ихъ будутъ за ними по прежнему; а изъ Риги никого вы«водити не велитъ, и урядовъ и правъ, какъ у нихъ велось изстари при «Арцыбискупѣ Вилимѣ Бранденборскомъ и при Маистрѣ, порушити не «велитъ... а служивыхъ людей пожалуетъ отчинами... а дани брати не «велитъ... и торговати всѣмъ безпошлинно... А такова милосердья имъ «ни отъ котораго Государя не бывало и не будетъ... Такова Государя «благочестива и храбра и разумна отъ начала Рускіе земли не бывало», и проч. Тамъ же о Густавѣ: «Вел. Государь иноземцомъ пріѣзжимъ «служилымъ людемъ далъ повольность служить Густаву Королевичу».

Въ письмѣ Густава къ Карлу отъ 28 Октября 1599: «Его (Борисово) «славное имя услышавъ, что онъ есть мудрый и храбрый Государь, и «ко всѣмъ новопріѣзжимъ Государскимъ дѣтемъ милостивъ, пріѣхалъ есми «къ его Пресвѣтл. Царскому Величеству, къ тихому и къ безбоязненному «пристанищу... и чего есми у милосердаго Бога просилъ и жадалъ, то «есми получилъ... И намъ вѣдомо учинилось, что братъ нашъ Жигимонтъ «посылаетъ рать свою х' Колывани... и къ Ругодиву, хотя ихъ привести «подъ корону Польскую, и мы били челомъ Его Царск. Величеству, чтобы «повволилъ мнѣ отъ себя отписати къ Жигимонту, и язъ писалъ, чтобъ «онъ подъ тѣ городы рати не посылалъ. Да Жигимонтъ просилъ у Царск. «Величества, чтобъ велѣлъ чрезъ свою землю на Ивань-городъ ратныхъ «людей (Литовскихъ) въ Свею пропустити, и Царск. Величество, меня «жалуючи, не велѣлъ... и Жигимонтъ ратныхъ людей распустилъ» (все не правда)... «Надѣюся, что ты съ нами въ любви и въ дружбѣ роздѣлъ «учинишь», и проч. Это не похоже на переводъ съ Шведскаго, какъ сказано въ заглавіи письма.

(43) См. Петрея Chron. 277, гдѣ главнымъ измѣнникомъ названъ Конрадъ Бусъ. Между Архивскими бумагами 1601 г. есть отписка Воеводы Псковскаго, К. Голицына, о желаніи Шведа *Кондрата Буша* отдать намъ въ руки городъ Алыстъ или Маріенбургъ. Тамъ же есть извѣстіе (1600 г.) о пріѣздѣ въ Москву Нарвскаго *Палатника Армана Скрова*, который говорилъ, что многіе изъ его согражданъ желаютъ поддаться Царю.—Въ Февр. 1599 г. Борисъ посылалъ въ Нарву гостя Выходцова съ прозьбою, чтобы Шведы дозволили нашимъ купцамъ возстановить тамъ Русскую церковь Св. Николая.

(44) См. Chron. Бера и Петрея 274. Первый называетъ ее die Tatersche. Разсказываютъ басню, что Густавъ, ѣдучи въ Москву, оставилъ Царскую *опасную грамоту* въ Ригѣ у Генрика Флогеля; что Борисъ подкупилъ его Секретаря Скульта и черезъ него тайно досталъ сію грамоту; что Скультъ, безъ вѣдома Принцова, въ угодность Борису написалъ манифестъ къ жителямъ Финляндіи, убѣждая ихъ признать Густава своимъ Властителемъ; что Густавъ, желая выѣхать изъ Россіи въ Германію, послалъ туда Гофмейстера, Христофа Катора, но что сего вѣрнаго слугу отравили ядомъ во Псковѣ, взявъ у него всѣ бумаги; что Густавъ жаловался на то Борисову Медику Фидлеру; а Фидлеръ оклеветалъ его передъ Царемъ (см. Далина глав. 15, § 23). — Въ 1614 г. еще хранился въ Архивѣ *столникъ* 1602 года *о Свейскомъ Густавѣ Королевичѣ, какъ онъ былъ на Угличѣ;* но сія связка бумагъ утратилась или сгорѣла (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.). Маржеретъ пишетъ, что Густавъ могъ имѣть съ Углича 4000 рублей доходу.

(45) См. въ Архивѣ *выписку о пріѣздѣ Густава,* г. 1601. Царь велѣлъ отослать къ нему кушанье на домъ.

(46) См. Chron. Бера, который самъ погребалъ Густава, не въ монастырѣ Димитрія Солунскаго, какъ онъ пишетъ, а развѣ близъ сего монастыря, или внѣ ограды его: см. Chron. Петрея 276.

(47) Въ Дѣлахъ Польск. No 24, л. 80: «Будетъ Государь вашъ не «велитъ насъ отпустить, и мы на кони сядемъ и поѣдемъ сами; а хто «насъ станетъ бить, и мы учнемъ сами бить: потому что пришло намъ «не до Государскіе чести, до своего живота; намъ животъ свой всего «дороже; въ неволѣ жить не извыкли... За печалованіемъ сына своего «(л. 90) велѣлъ Государь Бояромъ перемирья переговорить». По Архив. Переписной Книгѣ 1614 г. намъ извѣстно, что въ 1598 или 1599 г. ѣздилъ въ Литву Посланникъ Мих. Татищевъ, а въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Сигизмундовъ, Варѳоломей Бердовскій, въ 1603 Богданъ Хреп-

товичъ и въ томъ же году Янъ Деветольскій; книги ихъ посольства утратились (вмѣстѣ со многими иными временъ Годунова): уцѣлѣла только грамота Сигизмундова къ Борису отъ 26 Мая 1599, въ которой онъ поздравляетъ его съ вокареніемъ и проситъ не помогать мятежнику Карлу.

(48) Тамъ же, л. 80: «мы (Сапѣга) Государя вашего съ Бояры много «говорили и *плакали*».

(49) Тамъ же, л. 3, 98: «А какъ Послы перешли за рубежъ (въ «Октябрѣ), и стояли въ деревнѣ въ Кутейнѣ полчетверты недѣли: корму «Королевскаго не давали и приходить ни кому ни съ чѣмъ не велѣли... а «лошади ходили зимою на полѣ на снѣгу». Литовскіе Вельможи оправдываясь говорили Посламъ: «и то вамъ сталось отъ себя: пришли есте «въ Государя нашего землю безъ вѣдомости». См. л. 92 и 96. Король пріѣхалъ въ Вильну 13 Дек., а Салтыковъ съ Власьевымъ 26 Дек. 1601; послѣдніе возвратились въ Москву 30 Генв. 1602.

(50) Дѣла Польск. No 25, л. 147. О Владиславѣ (No 24, л. 178): «А какъ столъ почали издавать, поставили сахары и овощи, и въ тѣ «поры пришолъ х' Королю Королевичь Владиславъ, а передъ нимъ шло «Стольниковъ и Дворянъ человѣкъ съ тритцать: и Послы вставъ покло«нились. И Королевичь сѣлъ по конецъ стола, по правую сторону отъ «Короля въ крѣслѣхъ, оболоченныхъ бархатомъ червчатымъ. И послы, «поговоря межъ себя, обослались съ Паны Радами и говорили Канцлеру «Льву Сапѣгѣ: приказъ съ нами Вел. Государя нашего, Царевича, къ «Владиславу.. и Канцлеръ ходилъ х' Королю... и приказалъ, что Жиги«монтъ велѣлъ имъ рѣчью говорить Королевичу послѣ стола... И какъ «скатерть съ стола испередъ Короля сняли и столъ отнесли, и съ По«сольскаго стола скатерть сняли, и Посломъ поставили скамейку противъ «Короля, а Паны Рада сѣли по обѣ стороны Короля въ крѣслѣхъ, и «Король велѣлъ Посломъ сѣсти: а посидѣвъ немного, Послы вставъ отъ «Государя Царевича поклонъ Владиславу правили, и Королевичь про «Царевичево здоровье спросилъ, вставъ и шляпку снявъ... И Левъ отъ «Королевича говорилъ: Владиславъ Королевичь, слыша про Государя «вашего, Князя Ѳ. Б. здоровье, радуется и поздравляетъ, чтобъ онъ «впередъ былъ счастливъ, а съ нимъ въ ссылкѣ и въ любви... И Послы «говорили: будетъ Королевичь насъ пожалуетъ, и мы къ рукѣ идемъ... «И Королевичь звалъ Пословъ къ рукѣ... и противъ Пословъ сымалъ «шапочку», и проч.

(51) См. въ Архивѣ грамоту Шведскаго Фельдмаршала Акселя Рипинга (отъ 13 Ноября 1599) къ Воеводѣ Копорскому, К. Г. Звенигородскому, также грамоты Герцога Карла къ Борису отъ 14 Іюля 1598, 8 и 10 Генв. 1599 (на Русскомъ языкѣ съ Латинскою подписью Карлова имени), 5 Генв. 1600 и другія, привезенныя его гонцами въ Москву. Борисъ въ 1598 г. посылалъ въ Швецію Никиф. Елагина съ нѣкоторыми освобожденными Шведскими плѣнниками и П. Хомутова (задержаннаго въ Финляндіи Абовскимъ начальникомъ, вѣрнымъ Королю Сигизмунду), а въ Іюнѣ 1599 Дворянина Вас. Сукина и Думнаго Дьяка Постника Дмитріева (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.).

(52) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. меморіалъ Швед. Пословъ Гендрихсона съ товарищи, гдѣ сказано: Haben wir verstanden, dass Eure grossmechtige Zarische Hocheit ob dem, was der Durchl. Hochgeborn. Fürst, Hertzog Carl, unser gnedigster Herr, wegen Annehmung der Königlichen Crone und Scepters, so seiner fürstl. Durchleuchtigkeit von den Stenden des Reichs Schweden einhellig mit höchstem Flehen angeboten wird, sich bey Eurer Gr. Zarischen Hocheit Radts erholet, ein gnediges Gefallen tragen und für billich erachten. dass der Hert-

zog, unser gn. Fürst, nach unsern Schwedischen Rechten sich der Crone anneĥme, etc. Сіи Послы, *Карлъ Гендриксонъ, Юргенъ Клаусонъ* и *Яганъ Юргенсонъ* (у Видекинда, въ *Hist. Belli Svedo-Moscovit.*, Georgius Claudii, Erlandus Beronis, Magnus Strijk), пріѣхали къ намъ въ исходѣ 1600 г., а меморіалъ свой вручили Боярамъ 16 Февр. 1601.

(53) См. тамъ же. — Карлъ 22 Апр. 1601 писалъ къ Борису, чтобы не держать Шведскихъ Пословъ въ Москвѣ безъ всякаго дѣла; въ письмѣ отъ 1 Окт. жалуется, что ихъ выслали неучтиво и безъ всякаго отвѣта на его грамоту; въ другомъ, отъ 16 Дек., упрекаетъ Царь нашими происками въ Эстоніи, и спрашиваетъ, хотимъ ли содержать вѣчный миръ съ Швеціею или нѣтъ? Карлъ въ Іюнѣ 1602 г. предлагалъ снова съѣхаться Посламъ на границѣ, а въ Маѣ 1604 г. требовалъ наказанія тѣхъ Россіянъ, которые нагло обидѣли Шведскихъ гонцевъ, распечатали его грамоту и въ дракѣ убили одного Шведа; въ противномъ случаѣ хотѣлъ искать управы силою. Однимъ словомъ, Борисъ до конца жизни своей не подтвердилъ Ѳеодорова мирнаго договора съ Швеціею. — Въ нашихъ Розрядн. Книгахъ 1601 г. уже дается Герцогу имя Короля Шведскаго, принятое имъ только въ 1604 году.

(54) Еще въ 1600 г. Борисъ хотѣлъ было отправить въ Данію *Пословъ*, Князя Ѳед. Борятинскаго, Тимоѳея Грязнаго и Дьяка Ив. Максимова (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.); но раздумалъ (см. грамоты Борисовы къ Кольскимъ Воеводамъ въ 1601 г.). Въ Маѣ 1601 былъ у насъ Христіановъ гонецъ, требуя *опасной грамоты* для пріѣзда Датскихъ Пословъ; въ Авг. отплыли Ржевскій и Дмитріевъ изъ Архангельска въ Копенгагенъ; 18 Окт. Христіановы Послы, по нашимъ бумагамъ Эскиль Брокъ, Карлъ Бруксъ и Симонъ Силининъ (Sallingen), пріѣхали въ Москву (см. Шлегел. Leben Christ. IV, стр. 301), а выѣхали въ 1602 году. Начальникъ Кольскій, Ѳед. Хлоповъ, въ 1601 г. спорилъ съ Норвежскими чиновниками о 110 ефимкахъ, коихъ они требовали съ нашихъ Лопарей.

(55) См. Датскія Архивскія извѣстія въ Бишинг. Histor. Magaz. VII, 317—319.

(56) Въ бумагахъ Посланника Ржевскаго: «Былъ въ Корелѣ и во «всей Корельской земли большой Владѣтель, именемъ Велитъ, Варентъ «тожь, а послушна была Корела къ В. Новугороду съ Двинскою землею, «и посаженникъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣнье отъ Ново«городскихъ Посадниковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учалъ вой«ною приводити подъ свою власть, и Мурмане били челомъ Норвецкимъ «Нѣмцомъ, чтобъ они по сосѣдству за нихъ стали... и отстояти (Нѣмцы) «ихъ не могли, потому что онъ самъ собою былъ дороденъ, ратной че«ловѣкъ и къ рати не обычный охотникъ: то у него былъ большой про«мыслъ, что рать... и побивалъ Нѣмецъ, а въ Варенгѣ на побоище Нѣ«мецкомъ, гдѣ Варенской лѣтней погостъ, на славу свою принесши съ «берегу своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и «нынѣ больше косые сажени; а около его подалѣ выкладено каменьемъ «кабы городовой окладъ въ 12 стѣнъ; а названъ у него былъ тотъ окладъ «Вавилономъ. А въ Колѣ, гдѣ нынѣ острогъ, обложено было у него ка«меньемъ въ 12 стѣнъ тѣмъ же обычаемъ; и тотъ камень, что въ Ва«ренгѣ, и по сей часъ словетъ Валитовъ камень; а что было въ Колѣ, «то развалено, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки, отъ «Печенгскіе губы по ту сторону верстъ съ 35, есть губа морская, вышла «въ берегъ кругла, а середь ее островъ каменъ высокъ, кругомъ сверху «ровенъ: тутъ у него для крѣпости и покоя за города мѣсто было... А «какъ Валита не стало, а въ крещеньѣ ему было имя Василей, и

«положенъ въ Корелѣ на посадѣ», и проч. Сіе преданіе узнали отъ Лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году К. Звенигородскій и Васильчиковъ: см. Т. X, примѣч. 333. О крещеніи Лапландцевъ см. Т. VII, стран. 192, и примѣч. 371.

(57) См. Маллета Hist. de Dannem. кн. X, г. 1601.

(58) Въ лѣтописи сказано (см. *Никонов. Лѣт.* VIII. 49), что Царь посылалъ сватомъ въ Данію Дьяка Аѳан. Власьева; но дипломатическія бумаги свидѣтельствуютъ, что Власьевъ находился осенью и зимою 1601 года въ Литвѣ, возвратился въ Москву 30 Генв. 1602, принималъ тамъ Флорентійскаго Посланника въ концѣ Марта (см. ниже), а въ Іюнѣ выѣхалъ встрѣчать Герцога Іоанна: когда же могъ быть въ Даніи? развѣ на возвратномъ пути изъ Любека въ 1600 г., когда онъ (см. ниже) ѣздилъ въ Германію къ Императору? Власьевъ дѣйствительно былъ въ Даніи сватомъ, но уже около 1604 года (см. ниже, примѣч. 77.

(59) Сіе условіе намъ извѣстно по письму Іоанна, Герцога Шлезвигскаго, къ Королю Христіану: см. ниже, примѣч. 77.

(60) Салтыковъ и Власьевъ пишутъ къ Царю: «Авг., Государь, въ «11 д., за часъ до свѣта отпустили мы х' Королевичу судно большое, «въ которомъ ему сидѣти; а на суднѣ здѣланъ чердакъ, изнутри подво«лоченъ до лавокъ бархатомъ червчатымъ, а отъ лавокъ до помосту «сланъ ковры; а верхъ у чердака покрытъ сукномъ багрецомъ; а набои «у судна и по набоемъ решетки покрыты красками розными—да 30 су«денъ большихъ и середнихъ, на чемъ ѣхати Королевичевымъ людемъ, «и обиходу и рухляди... И того же дни Королевичь на вашу, Государь, «сторону пріѣхалъ; а мы стояли у берегу близко вашего Государева «шатра... и какъ Королевичь вшелъ въ шатеръ, и велѣлъ намъ быть у «себя... и спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ и билъ челомъ на вашемъ «жалованьѣ... И подвезли возокъ, и Ягань поѣхалъ въ большіе шатры, «и помешкавъ немного въ шатрахъ, поѣхалъ въ Иваньгородъ; а шли «напередъ Стрѣльцы пѣшіе, а за ними ѣхали Дворяне выборные, 100 «человѣкъ; а за ними Королевичевы люди; а за ними Королевичь, а съ «нимъ сидѣли въ возку 3 человѣка Королевскихъ Бояръ Думныхъ; а за «Королевичемъ мы, холопи твои, полкомъ... И Королевичь насъ жалуетъ «не по нашей мѣрѣ: противъ насъ встаетъ и витаетца (здравствуется), «шляпку снявъ». Иванегородскій Воевода, К. Вас. Ростовскій, писалъ къ Царю: «Сказывалъ намъ толмачь Тишка: былъ-де онъ за рѣкою на «Ругодивской сторонѣ и ему-де сказывалъ Староста Якушъ: какъ-де при«шелъ Королевичь въ Ивань-городъ, и съ нимъ былъ братъ его родной «большой, имени-де ему не вѣдаетъ, и ночевалъ, а на другой день былъ «въ Ругодивѣ и пировалъ у Державца, и въ Ругодивѣ-де для того «стрѣльба была... и поѣхалъ на море». Если сіе извѣстіе справедливо, то Іоанна проводилъ до Россіи Ульрихъ, Епископъ Шверинскій.—Далѣе пишутъ Салтыковъ и Власьевъ: «Платьицо, Государь, на немъ (Іоаннѣ) «было атласъ алъ, дѣлано съ конютелью по Нѣметцки; шляпка пуховая: «на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ конютелью; чюлочки «шелкъ алъ, а башмачки сафьянъ синь». Въ другомъ мѣстѣ: «А платьицо «на немъ въ то время было атласъ желтъ съ кружевцомъ, шапочка ва«шего Государскаго жалованья третьего наряду, бархатъ синь, низана «жемчюгомъ, околь соболей, чюлочки шолкъ жолтъ... Спрашивалъ меня «о вашемъ здоровьѣ, и язъ (Салтыковъ) сказалъ: *далъ Богъ, здоровъ; «пошли молитись къ Живонач. Троицѣ, да и въ Колязинъ монастырь...* «и Королевичь учинился радостенъ, и спрашиваетъ меня про ваше Царь «ское здоровье по вся дни... Пришли Королевичевы люди со всею рух«лядью въ Новгородъ, а подводъ подъ ними шло 300, и отпускаетъ ихъ

«Королевичь въ судѣхъ... Крестьянуса Короля Послы говорятъ Королевичу, чтобъ онъ Русскіе обычаи переималъ не вдругъ», и проч. и проч. См. въ Архивѣ, между Датскими Дѣлами, отписки Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Іоаннѣ; также Musskowit. Reise und Einzug dess D. Fürsten, Hertzog Hansen dess jüngern auss Dennemark, въ Бишинг. Magaz. VIII, 257: т. е. «Описаніе Іоаннова путешествія, пребыванія въ «Москвѣ, болѣзни и смерти его, напечатанное въ Магдебургѣ въ 1604 «году». Въ Архивѣ Кол. И. Д. есть *Переводъ изъ печатныя книги о полученныхъ отъ Царя Бориса Θед. Дацкимъ Королевичемъ Яганомъ дорогихъ дарахъ:* это современный переводъ изъ сего Описанія, изданнаго по волѣ Короля Христіана. Тамъ сказано: «Дарилъ (Царь) его Княжескую ми«лость на дорогѣ: *платно*» (въ Нѣмецк. Rock.) «бархатъ золотной, а на «немъ по семи запонъ (Geschmücke) на сторонѣ; платно бархатъ золот«ной, шолкъ лазоревъ да желтъ съ *плащи* съ дорогими каменьи, по пяти «каменей въ *плащѣ* (Spangen, darein 5 Edelgesteine)... платно *изуфь* «зеленая (grün seiden Cammelotten-Rock) съ круживомъ (Posamenten), «13 пуговицъ золотыхъ... Возокъ, 6 лошадей сѣрыхъ, шлеи червчатые; «у возку желѣзо посеребрено; покрытъ лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ «обито камкою пестрою; подушки въ немъ лазоревы и червчаты; а по «сторонамъ писанъ золотомъ и розными красками; колеса и дышло «крашены... Три лошади (верховыя): одна чюбара что рысь; сѣдло «бархатное, шитое золотомъ; покровъ на немъ золотной, а снасть вся у «сѣдла серебряная... Послѣ стола (въ Москвѣ) Его Величество, а послѣ «того Царевичь, снявъ съ себя по дорогой чѣпи, полны сажены алмазы «и яхонты, и клали на его Княжескую милость съ великою честію».

(61) См. *Никон. Лѣт.* и Musskowit. Reise въ Бишингѣ 264. До Тушина Приставами у Герцога были К. Сем. Кропоткинъ и Ив. Сѣдаковъ, смѣненные тамъ К. Гр. Ромодановскимъ. У городскихъ воротъ встрѣчали Іоанна Бояринъ К. Вас. Вас. Голицынъ и Окольничіе Вас. Морозовъ и Петръ Θед. Басмановъ.

(62) Въ Musskowit. Reise 268: 100 Essen in Schüsseln von lautern klarem Golde, gar gross und dicke; derselben waren 200, dann ein jedes Essen hatte eine Deckschüssel.

(63) Въ *Написаніи о Царехъ Московскихъ* (въ *Русск. Достопамяти.* I, 174): «Царевна Ксенія, отроковица чюднаго домышленія, зѣльною «красотою лѣпа, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, свѣт«лостію блистаяся; когда же въ жалости слезы отъ очію испущаше, «тогда наипаче свѣтлостію зѣльною блисташе; бровми союзна, тѣломъ «изобильна, млечною бѣлостію обліянна; возрастомъ ни высока, ни низка; «власы имѣя черны, велики, аки трубы по плечамъ лежаху; воистинну «во всѣхъ женахъ благочиннѣйша, и писанію книжному (искусна?), и «многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, во всѣхъ дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣ«ваемыя любляше, и пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше». — Въ Musskowit Reise 270: Es kann wohl seyn, dass sie (Цирица и Ксенія) am verborgenen ort gestanden und Ihr F. G. Auff und Abzug angesehen. Шлегель (Leben Christ. 314) пишетъ о *помолвкѣ* (Verlobung) въ тотъ же день; но *обрученія* не было, когда женихъ уѣхалъ не видавъ Ксеніи.

(64) См. Musskowit. Reise 270. Авторъ говоритъ, что карета Θеодорова походила на Нѣмецкія, *висячія*, hängenden; что верхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ Царицыной могли сидѣть три человѣка рядомъ; что шляпы Боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висящими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые. О старыхъ всадни-

кахъ: Es ritten für der Kaiserinnen, etzliche Glied drey bey einander alte Menner, derer mehrer Theil mit langen grawen Bärten, sonst wol staffieret.

(65) Въ Архивской бумагѣ о дарахъ (см. выше, примѣч. 60): «По«стеля и бѣлье: 7 сорочекъ шитыхъ золотомъ и серебромъ; 5 паръ пор«товъ; 41 платокъ бѣлыхъ; постеля отласъ съ розными цвѣты; двѣ пе«рины, да два зголовья, одно отласъ желтой, а другое камка желтая; «одѣяло бархатъ червчатъ; двѣ подушки отласные маленькіе; одѣяло «золотное, исподъ соболей, опушено пухомъ».

(66) Въ Степен. Кн. Латухина: «онъ же (Іоаннъ) восхотѣ *крестити«ся*».

(67) Въ Розрядн. Кн.: «Окт. въ 16 пріѣзжалъ къ Царю въ Брато«шино о здоровьѣ спрашивать да съ грамотою отъ Дацк. Королевича «Дворенинъ Индрикъ». Маржеретъ говоритъ, что Іоаннъ занемогъ отъ невоздержности, d'un excez, comme l'on tient...

(68) См. Musskowit. Reise 272. Царь, какъ пишетъ Авторъ, бранилъ переводчика, что онъ не хотѣлъ сказать ему правды о болѣзни Іоанновой. По одной Розрядной Книгѣ Іоаннъ умеръ 29 Окт. въ 3 часу ночи, по другой Окт. 27, во второмъ часу ночи (въ надгробной надписи: septima hora vespertina), и прибавлено: «схоронили его въ Нѣмецкой сло«бодѣ въ *Кукуѣ;* и Государь въ тѣ поры самъ былъ на Посольскомъ «Дворѣ, и отпустя его, поѣхалъ съ Бояры отъ Посольскаго Двора въ «городъ».

(69) См. Musskowit. Reise 272—277. Въ надгробной надписи не сказано прямо, что Іоаннъ ѣхалъ въ Россію жениться, а только: ad Magnum Muscoviae Imperatorem in re perquam seria se contulit, postquam ob praeclares animi corporisque dotes ab eodem benigne amplexus, nec non summo cum populi applausu salvus et incolumis introductus erat... Ardenti febri correptus... et cum ingenti praedicti Imperatoris et subditorumque suorum luctu et planctu... in Christo obdormivit.

Въ 1614 г. еще хранилась въ нашемъ Архивѣ *связка челобитныхъ Дацкаго Королевича Ягана и дворянъ его къ Царю Борису о всякихъ дѣлъхъ.*

(70) Въ *Никон. Лѣт.:* «Дойде же до Царя Бориса, что его (Іоанна) «любятъ всею землею; онъ же яростію наполнися и зависти, и чаяше «того, что по смерти моей не посадятъ сына моего на Царство, и начатъ «Королевича не любити и не пощади дочери своей, и повелѣ Семену «Годунову, какъ бы надъ нимъ промыслити... Королевичь же впаде въ «болѣзнь и посла по Дохтуровъ: Дохтуры же быша у того Боярина «Семена въ приказѣ... и возвѣстиша Семену, яко можно ему пособити; «онъ же на нихъ свирѣпымъ окомъ зряше, и ничего не проглаго«лаше; они же то видяху, яко негодно быть, Королевичь же и умре «не *крещенъ*».

(71) Чрезъ Боярина Салтыкова и Дьяка Власьева, которые ѣхали съ Іоанномъ отъ Наровы до Москвы (см. выше).

(72) См. выше примѣч. 60. Подъ заглавіемъ сказано: Durch einen der Wahrheit Liebhaber, dem Hochlöbl. Hauss Dennemarck und Hollstein zu sondern Ehren zusammen getragen.

(73) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, 7 Ноября 1602: «А Государь Царь «сидѣлъ» (принимая гонца Ханскаго) «въ полатѣ въ своемъ Царскомъ «мѣстѣ, въ шубѣ бархатной въ *смирной* и въ *черной шапкѣ*, для того, «чтобы выѣхалъ былъ на Государево имя Дацкаго Короля братъ Яганъ «Королевичь, а Государь хотѣлъ за него дать дочь свою, и Божіимъ

«судомъ Королевича не стало». И Царевичь и весь Дворъ были въ одеждѣ печальной.

(74) См. Chron. Бера.

(75) См. Шлегеля Leben. Chr. 315 и Chron. Бера.

(76) 7 Ноября, т. е. черезъ 10 дней по Іоанновой смерти, Борисъ принималъ гонца Ханскаго (см. выше, примѣч. 73).

(77) См. бумаги Копенгагенскаго Архива, напечатанныя въ Бишинг. Hist. Magaz. VII, 321. Герцогъ Шлезвигскій, Іоаннъ, отъ 6 марта 1605 собственноручно писалъ къ Христіану изъ Зондербурга, что около того времени, какъ Гамбургъ присягнулъ ему (Королю) въ подданствѣ (въ 1603 г.), началося дѣло о сватовствѣ между ими и Царемъ Московскимъ; что Рос. Послы Michael Rönnon и Affinassa (*Михайло Глѣбовичь* Салтыковъ и Думный Дьякъ Аѳанасій Власьевъ?) предлагали сыну его, Фридерику, жениться на Царевнѣ Ксеніи, а послѣ Альберту, но что Іоаннъ убѣждалъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына его. Филиппа, который, *подобно Христіанову брату*, умершему женихомъ въ Москвѣ, охотно переселится въ Россію, гдѣ назначается Удѣлъ (mit Land und Leuten) для Ксенінна супруга; что Послы изъявили согласіе, но что съ того времени не было уже никакихъ вѣстей отъ Царя; что Іоаннъ молитъ Короля способствовать успѣху сего важнаго дѣла, скорѣе отправить въ Москву надежнаго Посла, и проч. Но Борисъ въ 1605 году уже не могъ думать о сватовствѣ.

Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 г. упоминается еще о Датскихъ Посланникахъ, Николаѣ Крагѣ и Клаусѣ, гонцѣ Борисѣ и Маркѣ Гесѣ, которые были въ Москвѣ около 1603 года.

(78) См. въ Дѣлахъ Цесарскаго двора Статейный Списокъ Дьяка Аѳанасья Власьева. Тамъ, стран. 11: «а какъ ѣхалъ Аѳанасей къ городу «(Гамбургу), и за городомъ версты за три и въ городѣ по улицамъ стояли «многіе люди, и изъ города стрѣляли изъ наряду, и трубники играли». Власьевъ пріѣхалъ къ Императору въ Октябрѣ, а возвратился уже лѣтомъ въ 1600 году.

(79) См. Т. X, 97.

(80) Въ донесеніи Власьева: «Цесарское Величество добрѣ скорбитъ, что Царское Величество хочетъ самъ своею персоною итти, чтобъ притча какая не учинилася».

(81) См. Дѣла Крымскія сего времени.

(82) Въ Дѣлахъ Грузинскихъ 1604 года: «и ссылки межъ ихъ, Госу- «дарей (Рудольфа и Бориса), частые, и, противъ Турского Салтана Госу- «дарь нашъ Рудольфу, Цесарю Римскому, *своею* Царскою *казною вспо- моженье* учинилъ».

Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ, что Борисъ послалъ къ Императору соболей и черныхъ лисицъ на нѣсколько тысячь рублей, и будто бы обязался дать ему 10,000 воиновъ въ помощь.

Австрійскія дѣла Борисова времени сожжены Поляками во время междоцарствія, а другія сгорѣли въ Московскій ужасный пожаръ 1626 года. Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 года упоминается о грамотахъ Рудольфовыхъ къ Царю, привезенныхъ гонцемъ Михайломъ *Шелемъ* (или Шилемъ) въ 1599 и 1601 годахъ, Посланникомъ Николаемъ *Варкочемъ* въ 1599, гонцемъ *Бальцирем*ъ въ 1603. Тамъ же упоминается о вторичномъ Посольствѣ Аѳанасія Власьева къ Императору около 1604 года. Въ письмахъ Рудольфовыхъ, которыя еще сохранились въ Архивѣ, именованы Посланники Австрійскіе Мих. Шель, Стефанъ *Какусъ* и посолъ Баронъ Логау: первый былъ въ Москвѣ зимою 1601, вторый осенью 1602, а третій въ 1604 году.

Шиль (въ Нѣмецк. бумагахъ Schiele) еще и въ Сент. 1598 года пріѣзжалъ въ Москву съ Императорскою грамотою, въ коей Рудольфъ поздравлялъ Бориса съ восшествіемъ на престолъ. Мы уже ссылались на донесеніе Шилево, напечатанное въ Вихман. Sammlung kleiner Schriften. «11 Сент.» (пишетъ сей чиновникъ, Hoffdiener) «видѣлись со «мной главный Царскій Секретарь, Андрей Ивановичъ и Нѣм. Перевод- «чикъ, Рейхартъ Бекманъ... и другой, Адольфъ Затлеръ... Канцлеръ Вас. «Щелкаловъ хотѣлъ знать, есть ли со мною дары?... У меня было только «двое боевыхъ часовъ: онъ похвалилъ ихъ, но сказалъ, что надобно тайно «прибавить къ нимъ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи изъ казны Государе- «вой и поднести оныя Царю отъ имени Императора... хотѣлъ дать «мнѣ еще и трехъ слугъ въ Нѣмецк. платьѣ, чтобы нести дары во дво- «рецъ, вмѣстѣ съ двумя моими слугами, но, раздумавъ, сказалъ: *поднеси «часы отъ себя, и довольно*... 14 Ноября Приставъ объявилъ мнѣ, что «Государевы воины на голову побили Сибирскаго Царя, который въ «бѣгствѣ утонулъ... Съ сею счастливою вѣстію самъ Государь былъ у «сестры своей въ монастырѣ, и тамъ ночевалъ... Три дни звонили въ «колокола... *Вице-Канцлеръ* Аѳанасій (Власьевъ) сказалъ мнѣ, что Царь «въ знакъ особенной любви къ Императору приметъ меня не какъ «гонца, а какъ Посланника... и что съ начала Россіи не бывало въ ней «Вѣнценосца подобнаго Борису въ мудрости... Царь требовалъ въ Литвѣ «опасной грамоты для проѣзда своихъ Пословъ къ Императору; но тамош- «ніе Вельможи не дали ее, удивляясь, что онъ ссылается съ Государями «столь отдаленными, а не хочетъ извѣстить сосѣда, Короля ихъ, о сво- «емъ воцареніи. Борисъ велѣлъ сказать имъ: *не знаю, кто у васъ нынѣ «Королемъ*... 6 Дек. я былъ представленъ Борису, еще первый въ его «царствованіе, какъ мнѣ сказывали... и 23 Генв. выѣхалъ изъ Москвы, «чтобъ возвратиться чрезъ Ливонію».

Между Архивскими грамотами Рудольфа замѣтимъ Латинскую отъ 23 Мая 1600, привезенную Власьевымъ: Императоръ пишетъ, что не можетъ отвѣтствовать на *тайное* порученіе сего Дьяка, пока Царь не изъяснится откровеннѣе; что въ такомъ случаѣ онъ (Рудольфъ) спроситъ у своихъ братьевъ, Эрцгерцоговъ, объ ихъ расположеніи, и немедленно будетъ отвѣчать Борису, или грамотою въ цыфрахъ или словесно чрезъ Посла нарочнаго. Дѣло шло, кажется, о сватовствѣ: вѣроятно что Борисъ хотѣлъ выдать Ксенію за Эрцгерцога; но не знаемъ вѣрно—и сіе предложеніе (если оно было сдѣлано) не имѣло никакого слѣдствія.

(83) Шиль и Какусъ. Императоръ писалъ къ Борису, чтобы онъ дозволилъ имъ ѣхать изъ Москвы въ Персію (см. въ Архивѣ Рудольфовы грамоты 1600 и 1602 года).

(84) Въ отпискѣ къ Царю изъ Колмогоръ отъ 12 Авг. 1600 (см. въ Архивѣ Англ. Дѣла): «Иванъ, Государь, Чепчюговъ да Гр. Елизаровъ «(Приставы), съ Кизылбашскимъ Посланникомъ съ Исеналѣемъ и съ «Англичаниномъ съ Донъ-Онтономъ пришли на Колмогоры Іюня во 2 день, «а къ Архангельскому Іюня въ 23, а отъ Архангельскаго города, отъ кораб- «ленной пристани, Кызылбашскаго Посланника Исеналѣя да Агл. Донъ- «Онтона съ Дворяны и съ людми на кораблѣ за море отпустили Іюля «въ 9; а нанялъ, Государь, подъ нихъ тотъ корабль Иванъ Ульяновъ да «Рыцарь Юрьевъ (Англичане) у Галанскихъ у торговыхъ Нѣмецъ». Отъ Шаха Аббаса въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Посолъ Перхулы-Бекъ, съ коимъ (въ Сентябрѣ) отправились въ Персію Намѣстникъ Шацкій К. Александръ Ѳед. Засѣкинъ, Дворянинъ *Темирь* Вас. Засѣцкій и Дьякъ Ив. Шараповъ, имѣя для заключенія союза примѣрную грамоту такого содержанія: «Быть Царю и Шаху на всѣхъ недруговъ за-одинъ; Посламъ

и купцамъ ѣздить свободно изъ Россіи въ Персію, изъ Персіи въ Россію: не вводить новыхъ торговыхъ пошлинъ», и проч. Царь и Царевичь послали въ даръ Аббасу скарлатныя однорядки съ кружевомъ, нѣсколько кречетовъ, соболей, черныхъ лисицъ, 7 костей рыбьяго зубу, панцырь, 2 самопала, *порошницу* Нѣмецкую *съ наводомъ*, боевые часы, да по желанію Шахову медвѣдя-гонца, двухъ собакъ борзыхъ и двухъ *Меделенскихъ* (Миланскихъ), 200 ведръ вина (изъ Казани), два куба винные съ трубами, крышками и таганами. Въ наставленіи К. Засѣкину сказано: «Будетъ Шаховы ближніе люди учнутъ говорити что о Шевкалѣ и о «Косійскомъ городѣ... и К. Александру съ товарищи говорити: В. Госу«дарь нашъ для любви брата своего, Шахова Величества, городъ съ «Койсы снести велитъ; а Аббасъ Шахово бъ Величество къ Шевкалу «послалъ, чтобъ онъ исправился, прежнія свои неправды покрылъ прав«дою, и въ винахъ своихъ добилъ челомъ В. Государю нашему, и былъ «бы со всею землею въ жалованьѣ у Его Царск. Величества крѣпко и «неподвижно... А нѣчто по грѣхомъ принесетъ васъ подъ Турскій городъ «подъ Дербентъ, или на морѣ васъ возмутъ Турскіе люди, и вы наказъ «и грамоты, изготовя тайно, съ каменемъ вкиньте въ воду». Сіе Посольство возвратилось въ 1603 году.

(85) Въ Дѣлахъ Цесар. Двора г. 1604: «Прислалъ Шахъ къ Вел. «Государю нашему мѣсто Царьское золото съ лалы и съ яхонты и съ «инымъ дорогимъ каменьемъ прежнихъ великихъ Государей Персиц«кихъ». Статейный списокъ Лачинъ-Бекова (равно какъ и Перкулы-Бекова) Посольства утратился. Въ Розрядн. Кн. сказано, что сей Вельможа въѣхалъ въ Москву 28 Авг., и былъ представленъ 3 Сентября.

(86) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ Грузинск. Пословъ, Князя Сулеймана и Дьяка Леона въ Мартѣ 1599. Въ Іюнѣ сего года возвратились въ Москву изъ Грузіи Посланники Козма Совинъ и Андрей Полухановъ, отправленные еще въ 1596 году. Въ донесеніи ихъ между прочимъ сказано: «Въ 104 (1596) году приходилъ въ Грузи къ Александру «Царю отъ Абасъ-Шаха Посолъ, чтобъ Царь далъ дочь свою за Шаха, «и многую казну прислалъ: и Царь дочери не далъ, а далъ ее за Дадь«янскаго Князя, и казну Шахову за дочерью далъ, а къ Шаху писалъ, «что дочь его сговорена прежде той присылки... Да въ 105 г. Шахъ «прислалъ другова Посла къ Царю, съ грозою великою, чтобъ онъ выбралъ «изъ своего роду лучшую дѣвку и прислалъ къ нему... и Александръ «послалъ къ Шаху племянницу жены своей»

(87) См. Т. X, стран. 184. Иванъ Аѳан. Нащокинъ и Подъячій Леонтьевъ отправлены въ Іюлѣ 1601.

(88) См. въ бумагахъ Посла Александрова, Архимандрита Кирилла, пріѣхавшаго въ исходѣ 1603 года, вмѣстѣ съ Нащокинымъ и Леонтьевымъ. Кириллъ разсказывалъ: «Царь Александръ былъ боленъ огневою, «и лежалъ за-мертво 3 дни, и Царевичи Давидъ и Юрій о Государьствѣ «межъ себя учали говорить... и помирились, и далъ Давидъ Юрью Удѣлъ, «а самъ сѣлъ на Царствѣ, и многіе люди говорили Юрію, чтобъ убить «Давида, и Юрій отказалъ, что крестного цѣлованья преступить не «хочетъ; а Давидъ пришелъ къ отцу, и ухватясь за ногу, говорилъ, что «онъ передъ нимъ виноватъ... и учали измѣнники говорить ему: птица-де «летаетъ по воздуху, и коли ее поймаешь, и она въ рукахъ; а какъ «изъ рукъ выпустишь, и тогды ее не увидишь; а то-де Царьство тебѣ «Богъ далъ... и Давидъ послалъ къ отцу, чтобъ прислалъ къ нему знамя «Царьское, и шапку и саблю съ поясомъ: то у нихъ въ обычаѣ ведетца «вмѣсто Царьского вѣнча... а мыслилъ то: только отецъ тое чести къ «нему не пришлетъ, и онъ хотѣлъ его удавить... а Юрья скова, и послалъ

«въ заточенье... и былъ на Государьствѣ съ годъ: отцу тѣсноты чинилъ «гладомъ и наготою... и убилъ ближнихъ людей 17 человѣкъ: иныхъ «велѣлъ метать съ высокихъ стѣнъ... и въ церкви ближнему человѣку, «Сторозану, голову отсѣчь.... и Царь Александръ прибѣжалъ въ церковь «Богоматери... и Давида проклялъ; и съ того времени Давидъ учалъ «быть боленъ: пришла опухоль, и въ 7 день розсѣлся: утроба вывали- «лась», и проч.

(89) Нащокинъ, не доѣхавъ до Москвы, умеръ. Леонтьева посадили въ темницу. Они сердились на Александра за худое угощеніе и за дары скудные.

(90) Слова Кирилловы: «Городище Тарки въ Кумыцкой землѣ, отъ «морсково берегу версты съ двѣ; изстари городъ бывалъ каменной: стоитъ «на горѣ; а та гора отошла отъ большихъ горъ къ морю гребнемъ, и по «ней лѣсъ большой, а верхъ ее саженъ съ 30, и тамъ стоитъ башня «каменная, и съ тое башни можно очищать изъ наряду до моря и на «всѣ стороны; а съ одной стороны у той горы отъ моря заломъ камен- «ной самородной; а подъ заломомъ внизу, отъ верху саженъ съ 20, «стоитъ на той же горѣ дворъ Шевкаловъ, полаты каменные и избы; «да тутo жь съ одново края, позади Шевкалова двора, башня другая «каменная, да городище старое: съ дву сторонъ горы стѣна была камен- «ная; и для крѣпости къ тѣмъ старымъ башнямъ по старому городищу «изнова съ дву сторонъ дѣлати стѣна каменная или деревянная; а камени «туто добрѣ много, и извесной камень есть же; а лѣсъ дубъ и всякой «похожей отъ Тарковъ съ версту. А ниже Шевкалова двора, на самомъ «низу, мечеть каменная; да тутожь дворовъ чорныхъ съ 300, и живутъ «пашенные люди не съѣзжая; а воинскіе люди приходятъ отъ Шевкала «временемъ, какъ хлѣбъ поспѣетъ, и они его хоронятъ по ямомъ и по «горамъ, и блюдутца приходу людей Государевыхъ съ Койсы... Ключевые «родники на горѣ и подъ заломомъ многіе, и воды добрѣ здоровы; а на «ключахъ мельницы. А отъ Косинского острогу до Тарковъ 15 верстъ; «а отъ Койсы до Терки 3 днища; а отъ Тарковъ дорога въ Грузинскую «землю въ Загемъ прямо черезъ горы; а ходятъ на лошадехъ съ вьюки... «а тою дорогою отъ Тарковъ до Таркаловъ полднища, а отъ Таркаловъ «до Кафыръ-Кумыковъ полднища, а отъ Кафыръ-Кумыковъ до Казы- «Кумыковъ днище, а отъ Казы-Кумыковъ до Грузинскіе земли и до «Загема 2 днища. А Шевкалъ и дѣти его живутъ больши въ Казы- «Кумыкѣхъ въ горахъ, подалѣ отъ Русскихъ городовъ, и мѣста крѣпкіе; «а только Государевы люди его тамъ найдутъ, и ему только бѣжать въ «Шамаху и въ Баку къ Турскому; а въ Дербень не пойдетъ, потому «что тотъ городъ не крѣпокъ и безлюденъ.—А другой городъ ставити у «озера у соленово, зовутъ Бузлыкъ; около того озера верстъ съ 20, а «отъ Тарковъ съ 5; а соли много, и лѣсу, и пашни, и травы, и воды «ключевые.. а около мѣста ровные, и опричь того мѣста во всѣхъ горахъ «соли нѣтъ; и Шевкалу будетъ утѣсненье велико.—А третье мѣсто горо- «дище старое на горѣ, надъ рѣкою Буйнакомъ, отъ Тарковъ днище; а «на томъ городищѣ стѣны и башни и нынѣ есть; а мѣрою городище въ «длину и поперегъ саженъ по 300; а бывалъ тотъ городъ поставленья «Олександра Царя Македонскаго; и около села и деревни многіе, и «виноградy, и пашни, и лѣсу много... и рѣкою можно ходить до моря... «и тутъ прилегло двѣ дороги, къ Дербени и въ Шемаху и въ Баку».

(91) Въ Статейномъ Спискѣ Татищева (см. ниже): «а сталъ нынѣш- «ній подъемъ, опричь ратныхъ людей, больши трехъ сотъ тысячь рублевъ». Всѣ слѣдующія подробности взяты изъ донесеній Татищева, съ коимъ ѣздилъ въ Грузію Дьякъ Андрей Ивановъ.

(92) «Чтобъ вы, Вел. Государь, всю Грузинскую землю пожаловали, «велѣли поставить въ ней городъ или два, избравъ мѣста для большаго «укрѣпленія, и своихъ людей въ нихъ посадили... а нашихъ-де людей «(Грузинскихъ) тысечь съ дватцать будетъ на аргамацѣхъ и въ доспѣ-«хахъ; и на насъ-де Турской и Кизылбашской взозрить не посмѣютъ». Татищевъ взялъ новую присягу съ Юрія и народа въ Генв. 1605.

(93) См. Т. X, стран. 133. Александръ съ Константиномъ пріѣхали въ Загемъ 8 Марта 1605; черезъ 4 дни убили перваго.

(94) Въ донесеніи Татищева: «и сказывали Посломъ Грузинскіе «люди, которые были у Шаха со Александромъ, что Александра и Юрья «велѣлъ Шахъ убить за то, что-де они ссылались съ Турскимъ; а ино-«де и за то, что онъ (Александръ) отъ Шаха отставъ, почелъ быть въ «Государевѣ жалованьѣ, подъ его рукою; а изстари Грузинскіе Государи «бывали подъ Шаховою рукою».

(95) См. выше въ семъ Томѣ. О Тамари см. Т. III, стр. 137. — Татищевъ въѣхалъ въ Карталинію 15 Апрѣля.

(96) Въ такомъ смыслѣ сносились Іоаннъ и Ѳеодоръ съ Султанами.

(97) Терская крѣпость была построена на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья рѣки Терека (см. Больш. Чертежъ 98), и называлась *Терскимъ городомъ* или *городомъ на Терку*.

(98) См. Степен. Кн. Латухина, гдѣ всѣ главныя обстоятельства описаны согласно съ донесеніемъ Татищева, и лучше. Тамъ сказано: «Егда же приближися весна, собрашася Кумыцкіе люди, Шевкалъ и «Кримъ-Шевкалъ... съ ними же Турской Паша изъ Шемахи... и осадиша «Койсу и начаша ко граду земляную гору подводити, чтобъ тою горою «въ градъ войти... Оттуда пріидоша подъ Тарки... и къ вышкѣ каменной «древяную гору наметали и подкопъ подъ нее подвели, и зеліемъ вышку «взорвало... Кумычане же и Турчане начаша изъ ручныхъ *турокъ* въ «городъ стрѣляти и людей множество убивати... Былъ Паша у Окольни-«чего въ шатрахъ, пировалъ... И учиниша между собою повольной торгъ», и проч. Кромѣ Ив. М. Бутурлина, его сына Ѳедора, Ив. Полева, Осипа Плещеева съ сыновьями Богданомъ и Львомъ, убиты Письменные Головы Калинникъ Зюзинъ, Демидъ Черемисиновъ, Иванъ Исуповъ, Сотникъ Ив. Мановъ и проч.; кромѣ К. Вл. Ив. Бахтѣярова, взяли въ полонъ Петра Ив. Бутурлина съ двумя Головами, Аѳ. Благимъ и Смирновымъ-Маматовымъ. Въ *Никон. Лѣт.*: «Сій же окаянный Смирной у нихъ «обусурманися... Всѣхъ побиша на томъ бою больши 7000, окромѣ Боярскихъ людей. Товарищъ же ихъ, К. Владим. Мосальской, отойде не съ «великими людьми и пойде на Койсу къ запасомъ; а Петръ Головинъ «тутъ стояше, дожидаясь присылки отъ нихъ; а въ тѣ поры на Койсѣ «Воевода К. Волод. Долгорукій. Воеводы же... Койсу сожгоша, и сами «отыдоша на Терекъ. Тогожъ К. Володимера (Мосальскаго?) съ товарищи «взяша у Царя Турскаго въ Кафѣ въ тюрмѣ сѣдяща; а К. Володимiра «(Бахтѣярова?) съ товарищи пожаловалъ (кто? Султанъ?), отпустилъ ихъ «на Терекъ; тово жь бусурмана Смирново, свѣдавъ, что онъ обусурма-«нился, повелѣ (кто?) ему дати разныя муки; а напослѣди же ево окаян-«ново велѣлъ обдати нефтью и повелѣ зажечь; тутъ окаянный и скончася».

(99) Татищевъ возвратился въ Москву 5 Ноября 1605, уже при Димитріи Самозванцѣ.

(100) См. въ Архивѣ бумаги объ отпускѣ гостя Англ. *Фрянчика Чарея* (Francis Cherry) въ Дек. 1598. Поздравляя Бориса съ восшествіемъ на престолъ, Елисавета писала: «радуемся, что нашъ доброхотъ «учинился на такомъ преславномъ Государствѣ по избранію всего народа «Великимъ Государемъ».

(101) Въ Статейномъ Спискѣ Послан. Григорья Микулина и Подъячаго Ив. Зиновьева, л. 4: «И тогожь дни (Сент. 18) Григорей и Ивашко «изъ карабля высѣли подъ городкомъ подъ Гравзендемъ, и встрѣтили ихъ «у судовъ того городка приказной человѣкъ, а съ нимъ посадцкихъ людей «человѣкъ съ 200; а въ тѣ поры изъ городка и изъ кораблей стрѣляли «изъ пушекъ... И пріѣхалъ къ Григорью въ Гравзендъ Королевнинъ «Дворянинъ и Воевода Хибирской (Ирландскій) Князь Ульянъ Розсѣй... «и витались за руки, и говорилъ Князь Ульянъ отъ Королевны рѣчь, «снявъ шляпу... а Королевны въ Лундѣ нѣтъ: живетъ въ селѣхъ своихъ, «отъ Лунды верстъ съ 20... и сѣли со К. Ульяномъ въ суды вмѣстѣ, «а шелъ К. Ульянъ съ лѣвые руки, и говорилъ: въ томъ-де мѣстѣ, гдѣ «вамъ вытти изъ судовъ, приставаетъ Государыня наша Елисаветъ «Королевна, а опричь нихто... а велѣла васъ встрѣтить ближнему своему «человѣку Дворовому Воеводѣ, Лордъ-Харберту Пенброку... А какъ вышли «изъ судовъ, и встрѣтили Григорья Воевода Лордъ Пенброкъ, а съ нимъ «Князи и Дворяне и Алдерманы и гости на жеребцѣхъ, въ нарядѣ и «золотыхъ чепяхъ, человѣкъ съ 300... да Королевниныхъ Дрѣбантовъ «человѣкъ до 100 съ рогатинами золочеными и съ корды въ скорлатномъ «въ червчатомъ платьѣ, а на платьѣ шиты Королевнины печати золотомъ... «и Королевна прислала подъ Григорья и подъ Ивашка свои *кочи;* а сн- «дѣлъ Григорей въ большомъ мѣстѣ, а противъ Лордъ Пенброкъ, а въ «дверцѣхъ съ правые стороны У. Розсѣй, а съ лѣвую гость Ив. Ульянновъ; а въ другой кочѣ Подъячій Ивашко... а Князи и Дворяне ѣхали «*верхи* передъ кочами и по сторонамъ... и говорилъ Л. Пенброкъ: Государыня наша велѣла про васъ ѣсти готовить своимъ поваромъ; а впередъ «какъ похотите, Королевнинымъ или своимъ... А какъ въѣхали въ посадъ «въ Лунду, съ города и съ кораблей стрѣляли изо многово наряду; а «городъ Лунда *Вышегородъ* (замокъ, Tower) каменъ не великъ, а около «его воды обводные; а большой городъ стѣна камена жь, стоитъ на «ровномъ мѣстѣ, окою его версты съ 4; а черезъ рѣку Темзь межъ посадовъ мостъ каменъ, и на мосту устроены домы каменые и лавки».

(102) «Со многими-де у меня съ Великими Крестьянскими Государи «братцкая любовь, а ни съ которымъ такіе любви нѣтъ, что съ Вел. «Государемъ вашимъ... велѣла вамъ сегодни (6 Генв.) на праздникъ у «себя хлѣба ѣсти, а иду я къ обѣднѣ, и вы подите посмотрите нашихъ «чиновъ... И велѣла Григорью итти передъ собою... и на выходѣ въ «сѣнехъ ударилъ челомъ Королевнѣ Италіанскіе земли Флоренской Удѣльной Князь, а Францовскому Королю шуринъ, и Королевна звала его «хлѣба ѣсти; а сказали приставы, за столомъ-де ему у Королевны съ «вами вмѣстѣ не сидѣти, а ѣсти-де ему въ другой полатѣ съ Бояры... «Пришла Королевна въ столовую полату, и сѣла за столъ, а Григорья «и Ивашка и переводчика Ондрея велѣла посадити за особнымъ столомъ «у себя по лѣвую руку... а Бояре и Дворяне всѣ стояли, а не сидѣлъ «ни одинъ... И какъ столъ отшелъ, и Королевна почала умывать руки, «и умывъ, велѣла серебряникъ съ водою поднести Григорью; и Григорей «на жалованьѣ челомъ билъ, а рукъ не умывалъ, и говорилъ: Вел. Государь нашъ Королевну зоветъ себѣ любительною сестрою, и мнѣ, «холопу его, при ней рукъ умывать не пригодитца... и Королевна почала «быти весела, и Григорью то похвалила, что ее почтилъ, рукъ при ней «не умывалъ».

(103) Слова Елисаветины въ письмѣ отъ 16 Мая: Uppon an occasion of some rebellious attemptes against the peace of our government, happing at his being here, was readye to have come forthe and to

have putt hymselfe in danger against the undertakers thereof. — Микулинъ возвратился въ Іюлѣ 1601.

(104) Ли (Lee, а не Lea) пріѣхалъ въ концѣ 1600, а выѣхалъ въ Апр. 1601. Хваля Бориса, Ли говоритъ, что онъ не такъ, какъ иные: «только держатъ имя Хрестьянскихъ Государей, а ищутъ проливати кровь «и разоряти другъ друга, а не такъ, какъ быти въ добромъ миру и въ «соединеньѣ противъ Бусурманина Турка и невѣрнаго Папы; а онъ «(Папа) таковъ же, какъ Турокъ или пуще». См. въ Архивѣ бумаги Ліева Посольства. Елисавета писала еще къ Борису съ Мерикомъ и съ другими купцами. Между бумагами Британскаго Музея, присланными къ Графу Н. П. Румянцову, есть письмо Борисово, въ Англійскомъ переводѣ, къ Елисаветѣ, писанное въ Апрѣлѣ 1603 года, о невѣстѣ, ею предложенной. Царь отвѣчалъ: Your Highness made knowne unto us, that amongst others you have made choise of a young Lady, being a pure maden, nobly descended by father and mother, adorned with graces and exraordinary guifts of nature, about eleven yeares af age, of whon you make an offer unto us, that if it be the pleasure of God to encline the hearts of the two young coople to like one of the other, all circumstrances shall be accomodated on your part... But your Majestie hath therin not written unto us of that worthee Lady, what she is, whether she is of your Highness blood, descended of your Royal race, by your father or mother, or from some other Archiduke or Duke (т. е., Борисъ хотѣлъ знать, происходитъ ли невѣста отъ одного рода съ Елисаветою, или отъ какого инаго Эрцгерцога или Герцога).

Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома издан. 1824 года: Королева Елисавета еще въ 1601 году, 17 Сент., писала къ Борису, что она—свѣдавъ о намѣреніи Царя искать невѣсты и жениха для дѣтей своихъ между юными Принцами и Принцессами Европейскими, особенно Австрійскаго Дома (см. выше, примѣч. 82) — хотѣла предложить въ невѣсты для его сына одну изъ дочерей знаменитаго Графа Дерби, ея родственника (of our cosen, the Earle of Darbie, being of our blood royall), но, къ сожалѣнію, узнала о неравенствѣ лѣтъ (ибо Царевичу Ѳеодору было тогда 13, а младшей Графинѣ Дарби 18 лѣтъ); что она (Елисавета) съ радостію отдала бы за Борисова сына не только родственницу, но и собственную дочь, если бы имѣла ее (if we had any one of our own blood, nay of our owne bodie), любя Царя, и слыша о добрыхъ качествахъ Ѳеодора. «Но»—пишетъ Елисавета — «Богу, дер- «жащему въ рукѣ сердца Государей, не угодно было вселить въ меня «склонности къ супружеству: о чемъ жалѣю не для себя, а для своего «народа, видя, какъ онъ хотѣлъ бы имѣть наслѣдниковъ отъ моей крови, «чтобы повиноваться имъ съ любовію, для свободы и благоденствія оте- «чества». Далѣе хитрая Елисавета, съ оговорками и съ лестію, предостерегаетъ Бориса отъ связи съ тѣми Государями, которые думаютъ единственно о своихъ особенныхъ выгодахъ, не умѣя искренно любить его, и которые, замышлявъ погубить Англію, невольно способствовали ея величію. (См. бумаги Британскаго Музея).

(105) Іаковъ еще до восшествія своего на престолъ Англіи хотѣлъ быть въ сношеніи съ Россіею. Въ бумагахъ Микулина: «Апр. въ 12 при- «ходили къ Григорію (въ Лондонѣ) отъ Посла Шкотцкого Короля 3 че- «ловѣка, люди его, и правили поклонъ, и говорили: Посолъ-де Эрль Бод- «вель велѣлъ тебѣ говорити, чтобъ-де для любви мнѣ съ вами видѣтца... «И Григорій говорилъ: будетъ похочетъ, и онъ бы къ намъ ѣхалъ, а мы «его пріѣзду ради. И послѣ того сказывали Григорію, что приходилъ-де «къ тебѣ самъ Посолъ, а назвался своимъ человѣкомъ... И Маія въ 7

«пріѣхалъ къ Григорію Посолъ Эрль Бодвель, а съ нимъ Королевскихъ «Дворянъ 6 человѣкъ, да людей съ 50... и вшедъ въ полату, учелъ гово-«рити, снявъ шляпу: пріѣхалъ-де есми къ вамъ для любви и за свою «вину бити челомъ, что есми приходилъ къ вамъ простымъ обычаемъ, «хотя васъ видѣти... А нѣчто бъ-де далъ Богъ впередъ, чтобъ межъ Вел. «Государемъ вашимъ и Якубомъ Королемъ намъ любительную ссылку и «дружбу видѣти».

(106) Дары Королевскіе: «возокъ поволоченъ бархатомъ червчатымъ; «2 сулеи серебряны золочены; сосудъ хрустальной, обдѣланъ золотомъ; «лахань да рукомойникъ серебряные золочены; 2 столы серебряные зо-«лочены; кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрышкою; поставъ сукна скар-«лату; 4 поставы суконъ розными цвѣты». См. въ Архивѣ бумаги Смитова Посольства.

Въ Мильтон. History of Moscovia сказано, что Борисъ, отпустивъ Смита, послалъ ему на домъ къ обѣду 300 блюдъ рыбы (ибо день былъ постный) удивительной величины и чрезвычайно вкусной (of such strangeness, greatness and goodness as scarce would be credible to report).

(107) См. Hansische Chronik III, 122, въ Мил. Samml. V, 164, и въ нашемъ Архивѣ бумаги *о пріѣздѣ Любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ Пословъ:* Любск. Бургомистра Гермерса, Ратсгера Генр. Керкринга, Секретаря І. Брамбаха, и двухъ Стральзундскихъ Ратсгеровъ, Ник. Динниса и І. Штиленберга. Въ бумагахъ упоминается о 72 городахъ, но именуется только 59. — Шведскій Правитель Карлъ, жалуясь, что Ганза даетъ корабли Сигизмунду, просилъ Царя о задержаніи купцевъ ея въ Россіи со всѣми ихъ товарами: для того еще въ 1600 году Любскіе Бургомистры присылали въ Москву купца Меера, убѣждая Бориса не вѣрить клеветамъ Герцога Карла и возвратить товары Нѣмецкихъ гостей, остановленные въ Иванѣгородѣ и Псковѣ. Мееръ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ и взялъ у Царя *опасную грамоту* для сего Ганзейскаго Посольства.

(108) Бояре 12 Апр. объявили Посламъ, что Государь не можетъ уступить пошлины Ганзейскимъ купцамъ; а 26 Мая сказали: «Всѣхъ «Государствъ съ торговыхъ людей въ Вел. Государя нашего Государ-«ствахъ пошлину емлютъ... и Любскимъ торговымъ людемъ также было «пошлина платити; да Вел. Государь нашъ и сынъ его Любскихъ Бур-«мистровъ и Ратмановъ и Полатниковъ пожаловали, съ ихъ торговыхъ «людей велѣли пошлины имати передъ иными иноземцы в' полы, а дру-«гой половины таможные пошлины съ товаровъ ихъ имати не велитъ». Такъ и въ Hans. Chron. III, 171. Послы выѣхали изъ Москвы 11 Іюня, изъ Новагорода 30 того же мѣсяца, а изъ Пскова 8 Іюля.

(109) См. въ Архивѣ г. 1604—1605 отписки изъ Колмогоръ о приходѣ иноземныхъ кораблей.

(110) См. въ *Никон. Лѣт.* VIII, 48, Розрядн. Книги и въ Архивѣ Кол. И. Д. грамоту Рудольфову къ Борису отъ 2 Іюня 1601, о пропускѣ въ Персію чрезъ Россію Папскихъ Нунціевъ, Ф. Косты и Дидака Миранда.

(111) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ въ Москву сего Флорент. чиновника. Въ 1600 г. Борисъ посылалъ какого-то Берента Хепера во Флоренцію моремъ, черезъ Архангельскъ и Голландію: онъ былъ у Герцога Тосканскаго и сказалъ ему, что Борисъ желаетъ имѣть у себя искусныхъ Медиковъ и всякихъ *мудрыхъ ремесленниковъ* (см. тамъ же).

(112) Въ Дѣлахъ Цесарскаго Двора г. 1604: «какъ Вел. Государь «нашъ (говорятъ Бояре) учинился на Вел. Государствахъ Россійского «Царьствія, и Государь нашъ къ нему (Султану) ни о чемъ не писы-

«валъ, и отъ Турского Магметъ-Салтана присылка къ его Царск. Вели-«честву также ни какова не бывала». Слѣдственно и Петрей и Пасторъ Беръ говорятъ несправедливо, что около 1602 года былъ въ Москвѣ Посланникъ или Гонецъ Султанскій съ дарами и съ предложеніемъ дружбы, но что Царь выслалъ его съ безчестіемъ: не взялъ даровъ, и вмѣсто шубы послалъ Султану свиную шкуру съ парчевымъ мѣшкомъ, наполненнымъ нечистотою (salvo honore, mit Schweinsdreck gefüllet). Умный Борисъ не могъ дозволить себѣ такого дѣла.

(113) Въ грамотѣ 8 Февр. 1603: «Мы, Вел. Государь... и нашего «Царск. Величества сынъ, Вел. Государь Царевичь, пожаловали есмя «Св. Горы Аѳони Введенія Пречѣ. Богородицы Хилондаря монастыря «Св. Савы и Семіона Архим. Антонія, что билъ челомъ съ братьею, а «сказали: въ прежнихъ лѣтѣхъ даны имъ жалованные грамоты блажен-«ные памяти Вел. Госуд. Царя и В. К. Ивана Васильевича... и сына «его, В. Г. Царя и В. К. Ѳедора Ив., что пожаловали ихъ въ вѣчной «поминокъ въ царств. градѣ Москвѣ на пріѣздъ дворомъ со всѣми по-«требными хоромами въ *Китай-городѣ у Богоявленского монастыря*... и «мы тожь пожаловали», и проч. — См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ къ намъ Греческихъ Святителей, Архимандритовъ, старцевъ,—грамоту Іеру-салим. Патріарха Софронія, поздравительную съ избраніемъ Бориса на Рос. Царство, и другія. Въ 1604 г. выѣхалъ къ намъ знатный Грекъ Христоферъ Аркадонскій, чтобы служить Царю. Между Австр. грамотами есть одна (отъ 8 Авг. 1603), въ коей Имп. Рудольфъ проситъ Бориса быть милостивымъ къ Терновскому (Болгарскому) Архіепископу Діонисію Палеологу, который ѣхалъ въ Россію.

(114) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 40.

(115) См. въ Архивѣ Дѣла Ногайск. г. 1601 — 1604, о посылкѣ Окольничаго Степ. Годунова въ Астрахань и проч.

(116) См. Ногайск. Дѣла г. 1604; см. также, для сравненія, Т. VII, стран. 232. Ногаи и въ Василіево время раздѣлялись на три Улуса: имя *Шидака* есть безъ сомнѣнія одно съ *Шейдяковымъ*, о коемъ упоминается въ Ногайск. бумагахъ 1604 г.; а Князь, названный въ запискахъ Гер-берштейна *Кошумомъ*, не есть ли *Казый?*

Царь чрезъ Степана Годунова объявилъ всѣмъ Улуснымъ людямъ: «Пожаловали мы васъ, для нынѣшніе ваше скудости, съ вашихъ база-«ровъ, какъ учнете торговати въ нашей Царской отчинѣ, въ Асторо-«хани, съ вашихъ лошадей и съ товаровъ нашихъ Царскихъ пошлинъ «на нынѣшней годъ имати не велѣли есмя, и жити бъ вамъ подъ нашею «высокою рукою въ тишинѣ и въ покоѣ, и Улусы бъ свои полнили по «прежнему».

(117) Въ *Собр. Государств. Грамотъ* II, 153: «Божіею милостію «Мы, Вел. Государь... и сынъ нашъ... для отца своего, Іева Патріарха... «что поминалъ намъ и грамоту жалованную блаженные памяти Государя «Ив. Вас. положилъ ветху, какова была дана Аѳонасію Митрополиту... «и намъ бы та грамота велѣти переписати на свое имя... Бояре наши «и Намѣстники... его Патріаршихъ монастырей Архимандритовъ и Игу-«меновъ и Священниковъ и Старцовъ, и всякихъ его Приказныхъ людей, «и Дѣтей Боярскихъ и ихъ людей и Патріарховыхъ крестьянъ, и «монастырей его слугъ и крестьянъ... и у которыхъ Патріаршихъ людей «будутъ отчины и купли... и тѣхъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душе-«губства, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, и не всылаютъ къ «нимъ ни по что... Тѣ крестьяне Намѣстнича и Волостелина двора не «дѣлаютъ, и съ тяглыми людми ни въ которые проторы не тянутъ, и «сѣнъ нашихъ не косятъ, и закосного, и лугового, и тукового, и подым-

«ново, и поворотново, и въ воры на лоси, и на медвѣжьи, и на волчьи, «и на лисьи поля не ходятъ; а ловчіе наши къ нимъ не въѣзжаютъ... и «никоторыхъ поборовъ не емлютъ. А кому будетъ искати на нихъ..... и «они посылаютъ отца нашего, Іева Патріарха, Недѣльщиковъ; а судитъ «ихъ Іевъ Патріархъ... А кому будетъ чего Патріаршимъ искати на «другихъ... и Патріарши по тѣхъ посылаютъ нашихъ Недѣльщиковъ; а «сужу ихъ язъ Царь... А явитца въ Патріаршихъ волостяхъ, или въ «монастырскихъ... и у Патріаршихъ людей убитой человѣкъ, и Намѣст-«ники и Волостели душегубца судятъ надъ убитою головою по Уставной «грамотѣ по волостной; а не будетъ грамоты, и они продажу емлютъ «по Судебнику», и проч. Сія грамота подтверждена Царями Вас. Шуй-«скимъ въ Апр. 1607, Михаиломъ въ Сент. 1613, Алексіемъ въ Февр. 1657.

(118) См. Т. X, стран. 195.

(119) См. Указъ Царя Василія Шуйскаго 1607 года, Т. X, въ примѣч. 349, и въ *Судебн.* Татищева стран. 241.

(120) Въ Судебникѣ Татищева 222: «Лѣта 7110, *Новемврія* въ «21 день, по Государеву Цареву и В. К. Бориса Ѳеодоровича всея «Русіи указу память Окольничему Вас. Петровичу Морозову:

«Въ нынѣшнемъ въ 110 году В. Г. Царь и В. К. Борисъ Ѳ. и «сынъ его, Государь Царевичь, К. Ѳед. Бор., пожаловали во всемъ сво-«емъ Московскомъ Государствѣ, оть налогъ и отъ продажъ охраняя, «велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ Дворяномъ, кото-«рые служатъ изъ выбора, и Жильцомъ... и Дѣтемъ Боярскимъ, Дворо-«вымъ и городовымъ Прикащикамъ, всѣхъ же городовъ иноземцамъ вся-«кимъ, и Большаго Двора Дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ, Степеннымъ «и Путнымъ Ключникамъ, Стряпчимъ, Сытникамъ и Подключникамъ, «Конюшеннаго Приказа Столповымъ Прикащикамъ, Конюшеннымъ, Ко-«нюхамъ, Стремяннымъ и Стряпчимъ, Ловчаго Пути Корытникомъ, Охот-«никомъ и коннымъ Псаремъ, Сокольнича Пути Кречетникомъ, Сокольникомъ, Ястребинникомъ, Трубникомъ и Сурначеемъ, и Государыни «Царицы... Дѣтемъ Боярскимъ и всѣхъ Приказовъ преднимъ Подъячимъ, «Стрѣлецкаго Приказа Сотникомъ Стрѣлецкимъ и Головамъ Козачьимъ, «Посольскаго Приказа Переводчикомъ и Толмачемъ, Патріаршимъ и «Митрополичимъ и Архіепископлимъ Приказнымъ людемъ и Дѣтемъ Бо-«ярскимъ *промежъ себя*». Только симъ людямъ дозволено было принимать крестьянъ другъ отъ друга. Далѣе: «А срокъ крестьяномъ отписывати «Юрьевъ день осенній, да послѣ Юрьева дни въ двѣ седмицы; а пожи-«ловъ крестьяномъ платити положено за дворъ рубль и 6 копѣекъ». Теперь слѣдуетъ означеніе тѣхъ, кому не дозволялось принимать крестьянъ: «А въ Дворцовые волости и села, и въ черныя волости, и «за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архіепископы и Епископы, и за «монастыри, и за Бояръ и Окольничихъ, и за Дворянъ Большихъ и за «Приказныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за Стряпчихъ «(Царскихъ?) и за Головъ Стрѣлецкихъ и за иныхъ (Головъ?) *возити* «крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году *не велѣно;* а въ *Московскомъ* Уѣздѣ «*всѣмъ* людемъ промежъ собою, да изъ иныхъ городовъ въ Московской «Уѣздъ потому жь крестьяномъ не отказывати и *не возити;* а которымъ «людемъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, «и тѣмъ по Государеву Цареву и В. К. указу возити одному человѣку «изъ-за одного *одного* крестьянина или *двухъ*, а трехъ и четырехъ одному «изъ-за одного никому не возити». То есть, Царь дозволилъ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ господъ переходить къ мелкопомѣстнымъ, а не къ богатымъ владѣльцамъ, которые легко могли сманивать къ себѣ работ-

никовъ отъ владѣльцевъ неизбыточныхъ. Сіе указаніе о крестьянахъ не имѣетъ отношенія къ голоду Борисова времени: ибо въ 1601 г. онъ еще не былъ силенъ (см. *Исторію Келаря Палицына,* стр. 9), и земледѣльцы засѣяли свои поля.

(121) Татищевъ (въ Судебн. 224): «Сей законъ о вольности *по-прежнему* крестьянъ онъ (Годуновъ) учинилъ противъ своего разсужденія и «перваго о неволѣ ихъ узаконенія, надѣясь тѣмъ ласканіемъ болѣе «Духовнымъ и Вельможамъ угодить и себя на престолѣ утвердить, а «роптаніе и многія тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша большее о семъ «негодованіе и ропотъ, что *Духовные* и *Вельможи,* имѣющіе множество «пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ Дворянъ *крестьянъ къ себѣ перезвали,* принужденъ паки вскорѣ перемѣнить, и не токмо крестьянъ, но «и холопей невольными сдѣлалъ: изъ чего великая бѣда приключилась, «и большею частію чрезъ то престолъ съ жизнію всея своея фамиліи «потерялъ, а Государство великое разореніе претерпѣло, какъ о томъ «*Монахъ Іосифъ пишетъ*» (Какой? развѣ Аврамій Палицынъ?). Здѣсь, кажется, недоразумѣніе: Борисъ въ Ноябрѣ 110 или 1601 года указалъ, какъ мы видѣли (см. выше, примѣч. 120), принимать крестьянъ только малочиновнымъ людямъ, или мелкимъ владѣльцамъ, а не *Духовенству,* не *Вельможамъ:* для послѣднихъ—даже и для самаго Царя, какъ вотчинника или владѣльца Дворцовыхъ селъ—законъ 1593 г. остался въ своей силѣ. Шуйскій въ своемъ Указѣ, истинномъ или подложномъ (см. Т. X, примѣч. 349), говоритъ только: «Борисъ Ѳед., видя въ народѣ «волненіе веліе, тѣ книги (крѣпостныя) оставилъ и переходъ крестьяномъ «далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому суды вершити, «и *нынѣ*» (уже послѣ Годунова?) «великія въ томъ учинились распри», и проч.

(122) См. Т. VI, стран. 363, и Т. IX, примѣч. 767.

(123) Флетчеръ 44: in every great towne he (Царь) hath a Caback, where is sold aqua vitae, which they cal *Russe wine* (водка или Русское вино), mead, beere etc.

(124) Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ такъ: «Годуновъ ста«рался истреблять грубые пороки своего народа... запретилъ пьянство и «содержаніе (вольныхъ) питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе согла«сится простить воровство и даже убійство, чѣмъ нарушеніе сего указа, «что дома всякой можетъ ѣсть, пить и веселиться съ гостями, какъ ему «угодно, но только не продаватъ вина; что если содержатели (вольныхъ) «кабаковъ не имѣютъ инаго способа жить, то должны просить земель у «Царя», и проч. Въ нашихъ Хронографахъ: «Государь Царь Борисъ «Ѳед. ко мздоиманію зѣло бысть ненавистенъ, разбойства и татьбы и «корчемства много покусився, еже бы во свое царство таковое неблаго«угодное дѣло искоренити, но не возможе отнюдь». Аврамій Палицынъ въ своей *Исторіи:* «корчемницы бо, пьянству и душегубству и блуду «желатели, *во всѣхъ градѣхъ въ прекупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ*» (въ Борисово царствованіе).

(125) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. письмо Лиценціата Правъ, Товіи Лонціуса (Thobias Loncius, der Kayserlichen Rechte Licentiatus) къ Царю Борису, изъ Гамбурга, отъ 24 Генв. 1601. Онъ пишетъ: Hat er (Крамеръ, посланный Борисомъ въ Германію) viel Fleiss undt Bitt bey mir angeleget, mich in Ew. Keys. undt Kunigl. Majest. Lande zu vorfügen, denn Ew. Keys. und Kunigl. M. nicht alleine gelehrte Leute begehreten, sondern weren auch selbst allergnädigst gesinnet undt Vorhabens, in Ihren Keyserthum undt Landen Schulen undt *Universiteten* zu stifften undt anzurichten... Ist gewiss, dass Ew. Keys. undt

Kunigl. Mayest. sich hirdurch als ein rechter Vater des Vaterlandes einen unsterblichen Nahmen in aller Welt zubereiten werden: welchen Gott sonderlich zum Heil des Landes erwerket undt eingesetzet habe. So lange als das Keyserthum der Reussen bekandt undt in Beruff gewesen, ist solche Wohlfahrt dem Lande nicht zugestanden. Ein Keyser, König, Fürst oder Herr kan seinen Reich undt Lande keine höher Ehre anthun, oder derselben einen grössern Schatz zubereiten, als wan er dahin gedenket, wie dasselbe mit Weissheit undt schönen Künsten möchte versehen werden: dann darauff die Wohlfahrt des gantzen Volkes stehet undt beruhet, wie dann von den Aegiptern, Römern, Griechen, Teutschen, Spaniern, Italiänern, Engelischen, Frantzosen undt andern Völckern gar viel Exempel könten angetzogen werden, und proч. Далѣе: «Мнѣ случилось быть въ Ливоніи, въ Дерптѣ, «гдѣ подданные Вашего *Императорскаго* и *Королевскаго* Величества, купцы «Псковскіе, имѣютъ свой гостиный дворъ и торгуютъ: я познакомился «съ ними, и могу сказать искренно, что самые Нѣмцы не оказывали «мнѣ столько чести и доброжелательства, какъ сіи добрые Россіяне. За «то и люблю ихъ душевно, усердствуя быть орудіемъ Вышняго Про«мысла для ученія и наставленія юношества въ Россіи, во славу Божію «и ко благу отечества. Но ѣхать въ землю столь отдаленную не могу «безъ удостовѣренія, что то угодно В. Величеству». Далѣе онъ требуетъ паспорта или *опасной грамоты* и денегъ на дорогу; упоминаетъ о Рейнгольдѣ Бекманѣ, присыланномъ изъ Москвы въ Любекъ за Докторами; вызывается привезти съ собою одного искуснаго Медика, и проч.

(126) Беръ пишетъ: «Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ людьми образованными и свѣдущими, онъ предложилъ Государственному Совѣту выписать изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Англіи и «Франціи ученыхъ мужей и для изученія разныхъ языковъ учредить «школы; но Монахи и Попы сказали, что ихъ Государство обширно и «велико, но единовѣрно и единоправно; что если въ немъ будутъ гово«рить не однимъ Русскимъ языкомъ, а разными, то согласіе и миръ «исчезнутъ. Борисъ оставилъ сіе намѣреніе, однакожъ послалъ 18 моло«дыхъ *Дворянъ* въ чужія земли: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ «Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ, но только одинъ «изъ нихъ возвратился въ Россію, именемъ Димитрій, данный Швед«скимъ Королемъ въ Переводчики Генералу П. де-ла-Гарди: другіе раз«сѣялись по Европѣ». См. также и Петрея 271. Въ Любекъ было послано не 6, а только 5 молодыхъ Россіянъ, о коихъ, въ Ноябрѣ 1606 года, Любскіе Бургомистры и Ратманы писали къ Царю, Василію Шуйскому: «Чинимъ вѣдомо Ваш. Царск. Величеству, что прежней Царь и В. К. «Борисъ Θед. блаженные памяти, какъ третьево году были Послы наши «на Москвѣ, и какъ отпущены съ Москвы, и ѣдучи къ Новугороду, при«слано къ нимъ Русскихъ *пятеро* робятъ, чтобъ наши Послы тѣхъ ро«бятъ взяли въ Любку учити языку и грамотѣ Нѣметцкой, и поити и «кормити и одежду на нихъ класти; и мы тѣхъ робятъ давали учити, и «поили и кормили, и чинили имъ по нашему возможенью все добро; а «они не послушливы, и поученья не слушали, и нынѣ двое робятъ отъ «насъ побѣжали, не вѣдомо за што... Бьемъ челомъ, чтобъ В. В. пожа«ловали отписали о достальныхъ о трехъ робятахъ, ещо ли намъ ихъ «у себя держати, или ихъ къ себѣ велите прислать». — Въ отпискѣ Воеводъ къ Царю изъ Архангельска отъ 1 Авг. 1602: «По твоей Государевѣ грамотѣ велѣно намъ отпустити въ Англинскую землю на кораблѣ «Микифора Олферьева сына Григорьева, да Софона Михайлова сына «Кожухова, да Казарина Давыдова, да Θетьку Костомарова, которые

«отпущены отъ тебя, Государя, въ Англинскую землю съ Иваномъ Ульяновымъ (Мерикомъ) для науки розныхъ языковъ и грамотѣ... и мы «отпустили ихъ на Англин. кораблехъ Іюля въ 30 день». Въ указѣ Царскомъ *на Двину въ новой Архангельской городъ* (въ Іюнѣ 1600): «отпущены съ Москвы съ Англ. гостемъ съ Ив. съ Ульяновымъ за море «Францовской Нѣмчинъ Жанъ Паркетъ, лѣтъ въ 18, да Англичанинъ «Ульянъ Колеръ лѣтъ въ 15, робята молоди, а на Москвѣ *учились Рус-скому* языку». См. въ Архивѣ Кол. И. Д. между бумагами Любскими и Англійскими означенныхъ годовъ.

(127) Въ Статейн. Спискѣ Г. Микулина, л. 40: «Апр. въ 20 день «(1601) пріѣхали къ Григорью Цесарскіе области Князи, три брата, а «отечествомъ слывутъ Бароны... и говорили: мы-де ѣздимъ по рознымъ «Государствамъ для науки и посмотрѣть въ Государствахъ обычаевъ... «и были-де мы у Францовского Короля, а отъ Франц. пріѣхали къ Ан-«глинской Королевнѣ, и хотимъ ѣхать къ Шкотцкому Королю, а отъ «Шкот. къ Датцкому, а отъ Д. къ Свейскому, а отъ Св. къ Москвѣ, и «желаемъ видѣти Вел. Государя вашего, слышавъ въ розныхъ Государ-«ствахъ про Его Царск. Величество къ иноземцамъ великое жалованье. «И Григорій спросилъ: какимъ обычаемъ хотите ѣхать къ Царск. Вели-«честву: на его имя служити, или бывъ у него Ц. В. ѣхати назадъ въ «свою землю? И Князи говорили: мы-де хотимъ ѣхати къ его Ц. В. для «того, чтобъ намъ его Царскіе очи видѣти и передъ Вел. Государемъ «противъ его Государева недруга служба своя показати. И Григорій «говорилъ: пожалуетъ васъ по вашему достоинству... Къ Государю ѣдутъ «служити изо многихъ Государствъ Цари и Царевичи, и Королевичи и «Государскіе дѣти», и проч.

(128) См. Бера Muskow. Chron. Сіи изгнанники Ливонскіе жили нѣсколько времени въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова, откуда Борисъ призвалъ ихъ къ себѣ. Беръ пишетъ: «Нѣмцы (23 Дек. 1601) «кланялись Царю по своему обычаю. Онъ сказалъ имъ чрезъ перевод-«чика: *Чужеземцы! здравствуйте въ моемъ Государствѣ. Радуюсь, что вы «совершили путь свой благополучно. Ваше бѣдственное изгнаніе меня «трогаетъ: каждому изъ васъ дамъ втрое болѣе того, чего вы лишились «вмѣстѣ съ отечествомъ... Одарю васъ землею, слугами, работниками; «одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши день-«гами; буду вамъ не Царемъ, а истиннымъ отцемъ; буду единъ вашъ по-«велитель и судія. Мирно и свободно наблюдайте обряды своего Богослу-«женія... Дайте только обѣтъ не измѣнять мнѣ, не уходить къ нашимъ «врагамъ, не молчать, если узнаете какой противъ меня умыселъ, и не «посягать на жизнь мою ни ядомъ, ни чародѣйствомъ. Тогда осыплю васъ «милостями, о которыхъ будетъ говорить вся Нѣмецкая Имперія.* Ливон. «Дворянинъ, Д. фонъ-Тизенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, про-«изнесъ отъ имени всѣхъ краткую благодарственную рѣчь... и клялся, «что всѣ Нѣмцы будутъ до гроба вѣрны отцу своему, Монарху Россій-«скому. Царь отвѣтствовалъ: *молитесь, Нѣмцы, Богу о моемъ здоровье: «пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться;* указавъ на свое жем-«чужное ожерелье, примолвилъ: *и сими подѣлюся съ вами;* протянулъ къ «нимъ руку съ жезломъ своимъ и далъ ее цѣловать каждому... За обѣ-«домъ Нѣмцы сидѣли такъ, что Царь могъ ихъ видѣть въ лице. Онъ «сказалъ: *я звалъ васъ, любезные Нѣмцы, на мою Царскую хлѣбъ-соль... «пью за ваше здоровье: слѣдуйте моему примѣру.* Бояре старались на-«поить гостей; но гости остерегались, зная, что Царь любитъ трезвость: «онъ замѣтилъ и спросилъ: *для чего не пьете, какъ у васъ водится?* Они «дали чувствовать, что въ присутствіи воздержнаго Царя имъ должно

«быть воздержными; а Царь засмѣялся и сказалъ: *Я васъ потѣшаю какъ хозяинъ: веселитесь смѣло; пейте кругомъ за мое здоровье. Лошади готовы. васъ отвезутъ домой въ цѣлости, когда будетъ время.* Государь всталъ, «чтобъ итти къ Царицѣ; но велѣвъ подать серебряныя бочки съ золо«тыми обручами, наполненныя разными винами, приказалъ Боярамъ «употчивать Нѣмцевъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести». Сихъ Ливонскихъ изгнанниковъ раздѣлили на четыре *статьи:* въ *первой* были знатные Дворяне: каждый изъ нихъ получилъ 50 рублей въ даръ, 50 р. годоваго жалованья, Венгерскій кафтанъ изъ золотой парчи, кусокъ чернаго бархату, 40 соболей, 800 четвертей земли и 100 душъ крестьянъ въ вотчину; каждый Дворянинъ *второй статьи* 30 рублей въ даръ, 30 р. жалованья, кафтанъ изъ серебряной парчи, кусокъ камки, 40 соболей, 500 четвертей земли и 50 душъ крестьянъ; въ *третьей* 20 р. въ даръ и жалованья, кусокъ бархату и кармазину, 40 соболей, 400 четвертей земли и 30 душъ крестьянъ; въ *четвертой* (составленной большею частію изъ слугъ) 15 р. въ даръ и жалованья, кусокъ камки, 40 соболей, 300 четвертей земли и 20 душъ крестьянъ.

(129) См. Т. X, примѣч. 463, и Бера Muskow. Chron., который говоритъ: «Московскіе Нѣмцы, кромѣ старыхъ Пасторовъ изъ Ливонскихъ «плѣнниковъ, имѣли тогда еще двухъ Проповѣдниковъ: Германа Губе«манна изъ Вестфаліи и Студента *Мартина Бера*» (Автора Хроники) «изъ Нейштата».

(130) Подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio loculenta in Borissum Godunowium Regiomonti 1602. Переведена на Русской С. Вороновымъ и напечатана въ 1773 году.

(131) Въ Мильтонов. Hist. of Moscovia 53: He (Борисъ) had but one son, whom he lov'd so fondly, as no to suffer him out of sight, using to say, he was Lord and father of his son, and yet his servant, yea his slave; то есть: «Борисъ столь нѣжно любилъ сына, что не могъ «выпустить его изъ глазъ, и часто называлъ себя уже не повелителемъ «и не отцемъ, а слугою и даже рабомъ его».

(132) Hessel Gerard: см. Blaenwisch. Atlass, T. I, и Готфрид. Archontol. Cosm. въ надписи: Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor, filius Tzaris Boris, desumta, и проч.

(133) На примѣръ, изъ уваженія къ ходатайству Царевича Борисъ заключилъ перемиріе съ Литвою (см. выше въ семъ Томѣ).

(134) Современникъ Авр. Палицынъ въ своей *Исторіи*, стр. 7: «Двое«лѣтнему жь времени прешедшу, и всѣми благими Россія цвѣтяше: Царь «же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ Цар«ству вещей зѣло печашеся». Маржеретъ 93: jouissant (Борисъ) paisiblement de l'Empire en plus grande prospérité qu'aucun de ses prédécesseurs. См. также о похвальныхъ качествахъ и дѣлахъ Борисовыхъ въ The Russian Impostor, стр. 13, исторіи основанной на современныхъ извѣстіяхъ.

(135) Маржеретъ 111: il ne s'est pas exécuté publiquement pendant son règne dix personnes (сіи не многіе казненные были разбойники (см. ниже).

(136) Палицынъ, стр. 7: «и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть».

(137) См. Маржерет. 93.

(138) Въ Хронографахъ: «Состави (Годуновъ) о себѣ къ Богу мо«литву мудрыми слагатели, и написа и предастъ, еже на трапезахъ и «вечерняхъ за чашами о немъ и родѣ его молити Бога сице: Отца без«начальна и Сына сприсносущна... Иже отъ Св. Духа воплотися... су-

«щій днесь въ полатѣ сей молимъ о душевномъ спасеніи и о тѣлеспомъ «здравіи и о побѣдѣ на враги Божіему слузѣ, великому, благочестивому, «и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превознесенному... Го«сударю Царю Борису Ѳеодоровичу, самодержащему скифетры на всей «Восточной странѣ и на Сѣверѣ... и его Царск. пресвѣтлаго Величества «Царицѣ и ихъ благороднымъ чадомъ... и христолюбивому ихъ воинству... «и о тишинѣ всему православному Христіанству... И на томъ убо и «чашу сію Царскую воздвигнули, и повелѣли есте мнѣ» (гости хозяину) «грѣшному предпоставити въ руки ваша... Дай Богъ, Государь нашъ и «В. К. Борисъ Ѳ., единый подсолнечный Христіанскій Царь... и его «Царица... и ихъ Царьскія Дѣти... на многія лѣта здравы были и счастны, «и недругомъ своимъ страшны, чтобъ всѣ великіе Государи приносили «достойную почесть Его Величеству... и имя славилося отъ моря до «моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и къ повышенію, «а преславнымъ его Царствамъ къ прибавленію... чтобы тѣ великіе Го«сударі Его Царск. Величеству послушливы были съ рабскимъ послу«женіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали... чтобы его «прекрасно-цвѣтущія, младо-умножаемыя вѣтви Царьскаго изращенія «въ наслѣдіе превысочайшаго Рос. Царствія были навѣки и неконча«мые вѣки, безъ урыву; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премуд«раго его разума и обычая и милостиваго нрава неоскудныя рѣки ми«лосердія изливалися выше прежнего... Къ воинскому чину призрѣніе «и храбское устроеніе, и много милости бѣднымъ и вдовымъ и сиротамъ, «и всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое защищеніе, а виннымъ пощада «и долготерпѣніе», и проч.

(139) См. выше, примѣч. 5.

(140) См. Т. X, стр. 9.

(141) См. *Никон. Лѣт.*, Латухин. С. К. и Розрядн. Кн. г. 1600.

(142) См. Бера Chron. Muscovit.

(143) Палицынъ: «Клятву же (Борисъ) къ Вел. Болярину Никитѣ «Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблю«деніе». См. также *Никон. Лѣт.* и Латухин. С. К.

(144) Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Романовой еще до опалы ея ближнихъ: потому Ирина и не была сослана вмѣстѣ съ ними.

(145) См. Т. X, примѣч. 370.

Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома, изданія 1824 года:

Келарь Аврамій пишетъ (стр. 264): «Глаголютъ бо, яко зѣло любяше «Борисъ волхвы и звѣздочетцы, и тіи сказаша ему, яко отъ рода Ники«тичевъ Романовыхъ востати имать Скипетродержецъ Россійскому Госу«дарству... Царь же Борисъ, таковая слыша отъ волхвовъ, и умысли, «яко да потребитъ родъ сей».

(146) Палицынъ, стр. 7: «оставшее племя Царя блаженнаго Ѳеодора «(Борисъ) нача не любити ради смущенія своихъ ближнихъ». Въ доказательство, что Бояре, угождая Царю, старались всячески чернить Романовыхъ, выписываю слѣдующее изъ Розрядн. Книги 1598 года: «Іюля «въ 21 день билъ челомъ Государю К. Ѳед. Ноготковъ, что въ нынѣш«немъ году на Государевѣ службѣ, на берегу, былъ въ правой рукѣ Боя«ринъ К. Ив. Вас. Сицкой, а въ передовомъ полку К. Александръ Рѣп«нинъ Оболенской, и К. Александръ, дружася съ К. Ив. Сицкимъ, и «удружа Ѳедору Никитину сыну Романову, потому что Ѳедоръ и К. Ив. «Сицкой и К. Алек. Рѣпнинъ межь собой братья и великіе други, на «К. Ивана не билъ челомъ въ отечествѣ, и тѣмъ воровскимъ печело«битьемъ поруху и укоръ учинилъ всѣмъ Оболенскимъ», и проч. Борисъ

пашелъ требованіе К. Ноготкова справедливымъ и велѣлъ записать въ книгахъ, что Оболенскіе по службѣ остаются выше Сицкихъ.

(147) Сей рабъ назывался Воинко: см. Ростов. Лѣт., *Никон.* 41—45 и Латухин. С. К.

(148) Бартенева втораго.

(149) Въ *Никон. Лът.*: «Ѳедора жь Никитича съ братьею и съ пле«мянникомъ, со К. Ив. Борис. Черкасскимъ, приводиша не одиново къ «пыткѣ».

(150) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ. Сійскій монастырь въ Архангельской Епархіи. Историки наши долго спорили о родѣ супруги Ѳедора Никитича: Миллеръ считалъ ее Княжною Сицкою, а К. Щербатовъ Княжною Шестуновою: она была просто Шестова, какъ означено въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ.

(151) Княгиня Черкасская называлась Маріею (Никитишною); съ нею сослали на Бѣлоозеро сестру ея Анастасію и семейство брата, Александра Никитича. Жену К. Ив. Сицкаго, также сестру Романовыхъ, Евфимію, назвали въ инокиняхъ Евдокіею. Въ Приставахъ были съ Романовыми съ Ѳед. Романъ Дуровъ, съ Александромъ Леонт. Лодыженскій, съ Михайломъ Ром. Тушинъ, съ Иваномъ Смирной Маматовъ, съ Васильемъ Сотникъ Стрѣлецкій Ив. Некрасовъ, съ К. Ив. Сицкимъ Тимоѳ. Грязной, съ К. Ив. Черкасскимъ Вас. Нагай Хлоповъ, съ тещею Ѳед. Никитича, Марьею Шестовою, Як. Вельяминовъ.

(152) См. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(153) Тамъ же, въ донесеніи новаго Пристава Богдана Воейкова, изъ Софійскаго монастыря отъ 25 Ноября 1602: «Твой, Государевъ, из«мѣнникъ, Старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разго«ворѣ говорилъ: Бояре-де мнѣ великіе недруги; искали-де головъ нашихъ, «а иные-де научали на насъ говорити людей нашихъ; а я-де самъ ви«далъ то не одиножды. Да онъ же про твоихъ Бояръ про всѣхъ гово«рилъ: не станетъ-де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разум«пово; одинъ-де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльской: къ Посольскимъ и «ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужь... Коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ «говоритъ: *Милые мои дѣтки маленьки бѣдные остались: кому ихъ кор«мить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива ли? Чаю, она «здѣ близко таковожь замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што «надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино што «рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи «что слышать, штобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ; и язъ бы тому обрадо«вался; а чаю, и жена моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть; а «мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною своею дущею».*

Приставъ Некрасовъ сказалъ Василью Романову: «Кому Божьимъ «милосердьемъ и постомъ и молитвою и милостынею Богъ далъ Госу«дарство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли Царство достать вѣдовствомъ «и кореньемъ... И Василей» (такъ доносилъ Некрасовъ) «учалъ говорити «подсмѣхая: Свята-де та милостыня, што мечютъ по улицамъ! Добра-де «та милостыня, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала».—Вѣрный слуга Вас. Романова назывался Сенькою. Объ Иванѣ Никит. сказано въ донесеніи, что онъ боленъ старою болѣзнію, не владѣетъ рукою и едва приступаетъ на ногу. См. тамъ же.

(154) См. *Никон. Лът.*

(155) См. въ *Географ. Словарѣ Р. Г.* статью *Ныробъ;* а Г. Берхъ сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской Губерніи: «Въ Ныробѣ еще не давно умеръ столѣтній старецъ, крестья«нинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ, который любилъ разсказывать о

«Мих. Никит. Романовѣ. Сего страдальца привезли туда зимою въ 1601 «году Ром. Андр. Пушинъ (бывшій въ 1608 г. Воеводою въ Туринскѣ) «и шесть сторожей. Въ то время, какъ они копали для него землянку, «Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ «въ сторону шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были маленькая печь «и отверстіе для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Ныробцы «научили дѣтей своихъ носить къ узнику въ дудочкахъ квасъ, масло и «проч.: какъ будто игоая у землянки, они впускали въ оную дудочки и «питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ Москву шесть чело- «вѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей зломысленныхъ: возвратились двое, «уже въ царствованіе Шуйскаго; другіе умерли въ пыткахъ. Узникъ «жилъ около года. Старецъ Максимъ слышалъ преданіе, что сторожи, «ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма тѣсна «и сыра.—Мих. Никит. былъ высокъ ростомъ, дороденъ и силачь. Же- «лѣза его хранятся въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, «вѣсомъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или нижнія желѣза «въ 19, замокъ въ 10 ф.», и проч.

(156) 17 Авг. 1602 уже не было въ живыхъ мужа ея, К. Бориса Черкасскаго: см. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(157) См. тамъ же и *Исторію Рос. Іерархіи* II, 647.

(158) См. Маржерет. 94.

(159) См. Розрядн. Кн. г. 1600. Скоро послѣ того К. Бахтѣяровъ снова именуется въ числѣ Воеводъ. — Около 1602 года удаленный отъ дѣлъ Васильій Щелкаловъ является Окольничимъ въ царствованіе Лжедимитрія: см. Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліов.* XX, 78.

(160) См. Маржерет. 109 и Морозов. Лѣт. 117.

(161) См. *Никон. Лѣт.* 41, Палицына 8 и Латухин. С. К. Въ Розрядн. Кн. г. 1601: «Послалъ Царь Борисъ въ Сибирь Пушкиныхъ Остафья съ «братьею за опалу, что на него доводили люди его, Филипка да Гришка; «а Левонтія и Ивашку Пушкиныхъ за то, что они били челомъ на К. «Ондрея Елецково въ отечествѣ, и тѣмъ Царя раскручинили... помѣстья «и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а животы раскродать».

(162) См. Маржерета 108.

(163) Палицынъ 17; «И такозыхъ ради дѣлъ, иже сотвори Борисъ, «въ ненависть бысть всему міру.. Отай уже вси поношаху ему крови «ради неповинныхъ, и разграбленія имѣній, и нововводимыхъ дѣлъ; «ереси же Арменстѣй и Латынстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ «бысть... и старіи мужи брады своя постризаху и въ юноши премѣняхуся».

(164) См. тамъ же 9 и рукописи. *Повѣсть о злом еретикѣ Гришкѣ Отрепиевѣ*, гдѣ сказано, что сильный морозъ былъ 28 Іюля (а не 15 Авг., какъ говоритъ Келарь Палицынъ).

(165) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Въ лѣто 7109 рано въ лѣтѣ сташа «великіе морозы и побило рожь и ярь... Въ 110 (1602) купили ржи чет- «верть по два рубли, а жита по тому жь, а четверть была старая не «велика, противъ нынѣшней вдвое меньше; а овса по рублю по десяти «алтынъ. А въ 111 (1603) купили рожь по три рубли четверть, а жита по «полтретья рубли четверть, а овса по рублю и по десяти алтынъ. И въ «тѣ поры несказанно многіе люди въ Псковѣ и по селомъ и по инымъ «городомъ померли; и оттолѣ почала хлѣбная цѣна низитися». Маржеретъ: la mesure du bled, laquelle se vendoit auparavant quinze sols, se vendoit trois roubles, qui font presque vingt livres. Беръ въ Chron. Muscov.: «бочка ржи стоила отъ «10 до 12 гульденовъ» (или 19 талеровъ, какъ говоритъ Петрей). См. Т. X, стран. 177.

(166) Или три Нѣмецк. гроша, по сказанію Петрееву: см. Бера. Маржеретъ: à chacun un Moscof, qui est quelque sept deniers tournois... és principales festes et dimanches un denin, qui est le double.

(167) 30,000 талеровъ, говоритъ Петрей. По сказанію Маржерета, Борисъ прекратилъ сію раздачу, увидѣвъ ея вредъ.

(168) Беръ въ Chron. Moscov. Въ *Повѣсти о Гришкѣ Отрепьевѣ*. «ядоша всяку траву и мертвину, и пси и кошки, а инъ кору липовую «и сосновую; а иные живые мертвыхъ и другъ друга ядоша: то бо есмь «азъ видѣхъ своима очима; богатыхъ домы грабили и розбивали и за«жигали; тѣхъ людей имаху и казняху: овыхъ зжигали, а иныхъ въ воду «метали». Петрей увѣряетъ, что онъ также собственными глазами видѣлъ мать, которая на улицѣ глодала своего младенца. Далѣе см. Бера. «Четыре женщины (пишетъ Маржеретъ), оставленныя мужьями, зазвали «къ себѣ крестьянина съ возомъ дровъ, удавили и спрятали въ холод«ное мѣсто, для пищи; а между тѣмъ убили и съѣли его лошадь. Сіе «злодѣйство открылось, и женщины признались, что онѣ уже съѣли двухъ «человѣкъ, ими убитыхъ».

(169) Авр. Палицынъ: «За два лѣта и четыре мѣсяца, считающе «по повелѣнію Цареву, погребоша въ трехъ скудельницахъ 127,000 то«лико во едиюй Москвѣ. Но что се? тогда бысть въ царств. градѣ болѣ «четырехъ сотъ церквей: у всѣхъ же тѣхъ невѣдомо колико погребоша «христолюбцы; а еже во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, никто же исповѣдати «можетъ: нѣсть бо сему постиженія; пси бо и звѣріе и птицы небесныя «преизобильствоваху сицевою пищею». Далѣе см. Бера и Петрея.

(170) См. *Ядро Рос. Исторіи* 270 и Маржерет. 107. Въ Розрядн. Кн.: «Послалъ Государь въ Новгородъ Ив. Ржевскаго, да Дьяка Нечая «Ѳедорова, а въ Псковъ Тимоѳ. Лазарева да Дьяка Палицына, а въ «Ивань-городъ Головина, а велѣно имъ бѣднымъ людемъ давать хлѣбъ и «деньги». Асцентини (см. Т. X, примѣч. 451) пишетъ, что отъ голода произошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь, Cholera morbus.

(171) Авр. Палицынъ: «Царь же Борисъ хотя пользу сотворити, на «время оскудити нѣкихъ, дабы препитати бѣдныхъ... и оскудивъ много «во всей Россіи; но таковаго ради времени не бы ему въ грѣхъ вмѣ«нилося, аще бы впереди написалъ исправити таковая. И се же паки «неразсудно содѣя: подаемую убо пшеницу отъ Царскихъ житницъ въ «приношеніе безкровныя жертвы всѣхъ благъ Подателю, повелѣ вмѣ«сто ея рожь давати. Но аще и не по повелѣнію его, но на грѣхъ «простершися житопродавцы: худу бо и гнилу рожь даяху; инѣмъ же «въ селѣхъ далеко отъ царств. града повелѣваху имати, и то по ве«лицѣй мздѣ».

(172) См. Бера. Аврамій П.: «Въ таже лѣта мнози имущіи глаго«лаху къ просящимъ: *не имамы ничто же*. Во время жь плѣненія отъ «всѣхъ окольнихъ языкъ, наипаче же отъ своихъ» (въ царствованіе Шуйскаго и послѣ) «обрѣтеся безчисленно расхищаему всякаго хлѣба, «и давныя житницы неистощены, и въ поляхъ скирды, гумна же пре«исполнена одоней и копенъ».

(173) Ямщики въ Новогородской области должны были держать по три лошади на человѣка: лошади тогда пали, а люди разбѣжались (см. въ Архивѣ Датскія Дѣла г. 1601, связку No 1).

(174) Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопями разбивалъ тогда домы людей богатыхъ!! Царь, какъ вѣроятно, по доносу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.

(175) То есть, четвертями и осьминами окова, бочки или кади. См. Т. III, примѣч. 8, стран. 8, Хронографы и Латухин. Степен. Книгу.

(176) См. Бера и Петрея 295. Они говорятъ здѣсь объ Императорскомъ Посольствѣ въ 1604 году; но тогда уже миновалось бѣдствіе. Когда Датскіе Послы съ Герцогомъ Іоанномъ въѣзжали въ Россію, тогда свирѣпствовалъ въ ней голодъ. Беръ пишетъ, что Царь, ожидая Барона Логау, велѣлъ Дворянамъ своимъ одѣться въ бархатъ и парчу; что многіе изъ нихъ разорились, и въ богатомъ платьѣ умирали съ голоду.

(177) Надпись на главѣ Ивана Великаго: «Изволеніемъ Святыя «Троицы, повелѣніемъ Вел. Государя Царя и В. К. Бориса Ѳедоровича, «всеа Россіи Самодержца, и сына его, благовѣрн. Вел. Государя Царе«вича и В. К. Ѳедора Борисовича всеа Росссіи, храмъ совершенъ и по«злащенъ во второе лѣто государства ихъ 108-го»—то есть, 1600: слѣдственно еще до голода.

(178) Въ *Никон. Лѣт.* 48: «*О каменномъ дѣлѣ въ меженину* (въ го«лодъ). Видя Борисъ такое Божіе прогнѣваніе, и повелѣ дѣлати камен«ное дѣло многое, чтобы людемъ питатися, и здѣлаша каменные полаты «большіе на взрубѣ, гдѣ были Царя Ивана хоромы». Сіи двѣ новыя палаты безъ сомнѣнія были *Столовая* и *Панихидная*, о коихъ прежде не упоминалось, а съ сего времени упоминается (см. Т. X, примѣч. 453). Онѣ изображены за Грановитою и Золотою на планѣ Кремля, изданномъ въ Германіи скоро послѣ Борисова царствованія: мы увидимъ сей планъ при любопытномъ *Описаніи Москвы*, сочиняемомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ.

(179) См. Бера и Петрея 245, и въ Архив. Дѣлахъ Датскихъ 1602 г. No 1, отписки Иванегородскаго Воеводы К. Вас. Ростовскаго.

(180) Авр. Палицынъ 8: «Сихъ ради Никитичевъ (Романовыхъ)... «изліяніе гнѣвобыстрое бысть отъ Бога» (голодъ)... «Царь же Борисъ «многу милостыню творяще; не помяну же слово се покаянію наставника, «иже убо отъ лихоимѣнія и отъ неправды творяй милостыню, подобится «сей зарѣзавшему сына у отца, и кровь его принося въ златой чашѣ, «да піетъ отъ нея ко здравію си. Той Борисъ сему же подобно сотво«ривъ: домы великихъ Бояръ сосланныхъ вся истощивъ и принесе въ «Царскія полаты, и древняя Царская сокровища вся тѣмъ осквернi». Въ *Подробн. Лѣтописи* III, 152: «причитаху жь Борису и весь народъ «зло беззаконіе быти, и для его разумѣша быти всему тому гнѣву Божію».

(181) См. Авр. Палицына 12.

(182) Тамъ же.

(183) На примѣръ, еще по закону Ярослава Великаго всякой человѣкъ вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (см. сей *Исторіи* Т. II, 50).

(184) См. Т. X, въ примѣч. 352, указъ о холопяхъ.

(185) См. сей *Исторіи* Т. IX, 449.

(186) Авр. Палицынъ 12: «При блажен. Царѣ Ѳедорѣ Б. Годуновъ «и мнози отъ Вельможъ, не токмо рода его, но и блюдомiи ими многихъ «человѣкъ въ неволю къ себѣ введше служити, инѣхъ же ласканіемъ и «дарми въ домы своя притягнувше, и не отъ простыхъ токмо ради на«рочита рукодѣлія или какова хитра художества, но и отъ честнѣйшихъ «издавна многимъ имѣніемъ и съ селы и съ вотчины, наипаче же избран«ныхъ меченосцевъ и крѣпкихъ въ оружіи, и свѣтлы тѣлесы, и красны «образомъ и возрастомъ излишествующихъ. Мнози же и иніи, началь«ствующимъ послѣдствующе, въ неволю порабощающе, и написаніе слу«жилое силою и муками емлюще. Во время же глада озрѣвшеся, яко не «мощно питати многую челядь, и начаша рабовъ на волю отпущати,

«иніи истинно, иніи же лицемѣрствомъ: истинствующіе съ писаніемъ, «лицемѣрницы же токмо изъ дому изгонятъ, и аще къ кому прибѣгнетъ, «той злѣ продаваемъ бываше, и многъ сносъ и убытки платяху... Мнози «же имущи чѣмъ препитати домашнихъ, но восхотѣвше много богатства «собрати, и того ради челядь свою отпущающе... и гладомъ скончеваю- «щихся туне презрѣша. Бяше же и се зло во многихъ: лѣто убо все «тружаются, въ зиму же не имѣютъ гдѣ главы подклонити, и паки въ «лѣто въ дѣлѣхъ злѣ страждутъ у господій своихъ... Домы же Вел. Бояръ «злѣ отъ Царя Бориса распужены и вси рабы распущены быша; заповѣдь «же о нихъ вездѣ положена бысть, еже не пріимати тѣхъ никому же. «Иніи же сами поминающе благодѣяніе господій своихъ и въ негодованіи «на Царя пребывающе, но времени ждуще, злѣ распыхахуся... а иже «воинственному дѣлу искусни, сіи къ великому грѣху уклоняхуся: во «грады бо вышереченныя Украйныя отхождаху, аще и не вкупѣ, но «*болѣ двадесяти тысящь* сицевыхъ воровъ, по мнозѣ времени, въ осадѣ «въ сидѣніи въ Колугѣ и въ Тулѣ обрѣтеся» (уже въ царствованіе Шуй- «скаго) «кромѣ тамошнихъ собравшихся старыхъ воровъ».

(187) Въ Степен. Кн. Латухина: «и воровство отъ нихъ въ Россіи «быти начинашеся». См. также *Никон. Лѣт.* 53.

(188) Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 года: «Столпъ 1'12 «(1604) году о задорѣхъ и о разбойникѣхъ, о *Косолапѣ* съ товарищи». Сей столпъ пропалъ.

Убитаго Окольничаго Басманова съ честію схоронили *у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ* (см. *Никон. Лѣт.* 54).

(189) См. Маржерет. 111. Онъ говоритъ, что разбойниковъ было «человѣкъ съ пять сотъ.

(190) Авр. Палицынъ: «Въ объяденіе и пьянство велико и въ блудъ «впадохомъ и въ лихвы и въ неправды, и во вся злая дѣла... Егда «гладомъ наказа насъ Господь, мы же въ злѣйшая впадохомъ, и не токмо «простіи, но и чинъ Священствующихъ». Беръ: «Во всѣхъ состояніяхъ «господствовали раздоръ и ненависть; ни одинъ человѣкъ не вѣрилъ «другому. Корыстолюбіе возвысило на все цѣну, и ростовщики превзошли «Жидовъ въ лихоимствѣ. Ближній ближнему не даваль денегъ безъ за- «клада. Распутство и плутовство доходило до крайности. Не говорю уже «о новыхъ порокахъ, заимствованныхъ Россіянами отъ иноземцевъ; на «примѣръ, о высокомѣріи, презрѣніи къ другимъ», и проч.

(191) См. Бера. Въ современной *Повѣсти о Гр. Отрепьевѣ:* «И «тогда знаменія велики и многи быша на небеси и на земли, и громы «велицы и молній блистанія, и земли трясенія», и проч. Беръ пишетъ, что Комета явилась въ 1604 г. послѣ Троицына дня во второе Воскре- сенье, въ самый полдень; а другіе говорятъ о семъ явленіи 3 Октября (См. Вагнер. Gesch. des Russ. Reichs, кн. 43, стр. 71).

Изъ прибавленій въ концѣ сего XI тома, издан. 1824 года: О Кометѣ 1604 года сказано въ Cométographie Г. Пенгре: C'était une nouvelle étoile au pied oriental d'Ophiuchus; т. е. сочли новую звѣзду за Комету. И мнимая комета 1584 года, будто бы предвѣстившая смерть Іоанну Грозному (см. Т. IX, 433), была, вѣроятно, не что иное, какъ метеоръ. Пенгре говоритъ: Leovitius avait prédit pour cette année (1584) l'apparition d'une grande comète; son Astrologie s'est trouvée en défaut.

(192) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ означено, что Ирина преставилась 26 Окт. 1603 года. Въ *Собран. Государств. Грамотъ* (II, 186), подъ духовною Патріарха Іова, конечно ошибкою напечатано *лѣто* 7113, вмѣсто 7112 или 7111: ибо Ирины уже тогда не было; а Патріархъ го-

воритъ въ сей духовной: «Вел. Княгини, *кыи* же Божіею милостію «Иноки Александры;» а въ другомъ мѣстѣ: «благодать же, милость, миръ «Господа І[Х.] буди на тебѣ (Царѣ Борисѣ)... такоже и на единородной *сестрѣ* твоей». См. еще *Никон. Лѣт.* 35 и 53; также и Розрядн. Кн. г. 7112.

(193) Съ вѣстію о пораженіи Кучюма Борисъ спѣшилъ къ сестрѣ въ монастырь: см. выше, стран. 26. Самые злодѣи Борисовы, предатели отечества, называли *память* Ирины *святою* (см. *Собран. Государств. Грамотъ* II, 178).

(194) См. Дѣла Польск. No 26, л. 72 на об., *Собран. Г. Г.* II, 163, и рукописн. современную *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ* и *Растригѣ* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), гдѣ сказано, что отецъ Разстригинъ *назывался Яковомъ, какъ и самъ Годуновъ* (слѣдственно *Яковъ-Борисъ*). Въ концѣ: «Покусихся азъ многогрѣшный... предати повѣсть сію писаніемъ, «не слухомъ увѣряясь, кромѣ того, какъ той еретикъ (Самозванецъ) былъ «въ Литов. земли, а что сотворись въ Росс. Царствѣ, то вся зря своима «очима». Въ письмѣ Борисовомъ къ Сигизмунду, которое видѣлъ Нарушевичъ въ библіотекѣ Залуцкаго и приводитъ въ *Исторіи Ходкѣвича* (Historia Jana Karola Chodkiew., T. I, 426), сказано такъ: «До по«стриженія (Григор. Отрепьевъ) именовался Юшкою; по своему злонравію «не слушался отца, впалъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, «пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дому и лукаво «вступилъ въ Монашество». Въ Хронографѣ: «Той Юшка остася послѣ «отца младъ зѣло съ матерію и наученъ бысть отъ нея Божественному «Писанію; егда жь изучи Часовникъ и Псалтирь, отыде отъ матери и «нача витати въ Москвѣ... и случися ему бесѣда Вяцкой области, града «Хлынова, Успенск. монастыря со Игуменомъ Трифономъ... и по совѣту «того Игумена пострижесь, и наречесь имя ему Григорій. Въ то время «бѣста ему лѣтъ 14, и отыде въ Суждаль, въ Евфимьевъ монастырь... «и въ томъ же уѣздѣ въ монастырь ко Спасу на Куксу... и въ другіе». Въ *Никон. Лѣт.*: «У Замятни Отрепьева были два сына, Смирной да «Богданъ; у Богдана же родися сынъ Юшка, и даша его въ Москвѣ на «ученіе грамотѣ: грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и бысть зѣло «грамотѣ гораздъ, и во младости постриженся... и пріиде въ Суздаль, въ «Евф. монастырь: Архим. же Левкій даде его подъ началъ; онъ же жилъ «ту годъ, и пріиде въ м. на Куксу, и жилъ ту 12 недѣль... и пріиде въ «Чюдовъ монастырь». Въ рукописн. *Сказаніи, еже содѣяся въ Москвѣ, и о Растригѣ:* «Сей Гришка Отрепьевъ къ Князю Ивану Борисовичу «Черкасскому въ его благодатный домъ часто приходилъ, и тоя ради «вины на него Царь Борисъ негодова: той же лукавый избѣжавъ отъ «Царя, тайно постриженся». Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 73: «билъ че«ломъ объ немъ» (Гришкѣ) «въ Чюдовѣ м. Архимандриту Пафнутью, что «нынѣ Крутицкой Митрополитъ, Богородицкой Протопопъ Евфимей, чтобъ «велѣлъ ему жити въ кельѣ у дѣда своего, у Замятни... и былъ въ Дьяко«нѣхъ съ годъ; и послѣ взялъ его къ себѣ Патріархъ... и впалъ злодѣй «въ еретичество, и хотѣли его съ *Собору* сослати въ заточенье на смерть». (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано, что Гришку съ его единомышленниками хотѣли сослать на Бѣлоозеро). См. также Латухин. Степен. Книгу и Архив. *Ростов. Лѣт.* Вотъ главные источники для описанія Лжедимитріевой исторіи; но предпочтительно слѣдую Государственнымъ бумагамъ.

(195) См. Петрея 285, ниже примѣч. 601 и The Russ. Impostor 14. Беръ называлъ сего злаго совѣтника Отрепьевымъ: ибо вѣря сказкѣ Поляковъ, думалъ, что Самозванецъ, хотя и дѣйствительно обманщикъ, былъ другой человѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ (см. ниже).

(196) См. *Никон., Ростов. Лѣт.* и Латухин. С. К. Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 1: «Въ лѣто 7110 убѣже» (Гришка) въ Литву». Въ Хронографѣ: «Изъ Чюдова пріиде къ Николѣ на Угрѣшу... и впаде въ ересь... и все-«лися (послѣ) въ предѣлахъ Углича въ м. Іоанпа на Желѣзномъ Борку... «и паки пріиде къ Москвѣ... и отбѣжа въ Литву» (съ Мисаиломъ и Варлаамомъ *Яцкимъ*, какъ сказано въ грамотѣ Іова: см. ниже) «въ 108 «(1600) году въ Вел. постъ на другой недѣлѣ во Вторникъ изъ иконнаго «ряду за Москву-рѣку, и наняша подводы до Болхова». Въ *Никон. Лѣт.*: «Побѣже съ Москвы въ Галичь м. къ Якову на Желѣзной Борокъ, и «сойде въ Муромъ въ Борисоглѣбскій м., и Строитель даде ему лошадь. «Опъ же Гришка пойде на Сѣверу, и въ Брянскѣ съ нимъ сошлися та-«кіе же воры Чернцы, М. Повадинъ съ товарищемъ». Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: «Съ нимъ (Гришкою) въ томъ же преступленіи бысть «того жь чину Серпьянинъ Мисаилъ Трифоновъ... Мыслитъ окаянный «(Гришка) итти въ Брянескъ, въ Шильскій монастырь, и говоритъ Ми-«саилу: сіи страны кипятъ обиліемъ: да тамо вселимся и поживемъ въ «Путивлѣ, и въ Черниговѣ помолимся, и паки возвратимся въ царствую-«щій градъ. Мисаилъ же радостенъ бысть: простъ сый въ разумѣ — и «призываетъ третьяго друга своего (Варлаама)... И пріидоша къ Троицѣ «въ паперть и знаменевашася образомъ Богоматери, яко другъ отъ «друга не разлучатися... И пріидоша града Брянска въ *Сянскій* мона-«стырь, и тамо пребыша 7 дній въ покоѣ. Той же лютый волкъ не «воспрія питія: Мисаилъ же и Варлаамъ зѣло негодуючи на него, яко «не піетъ съ ними, но творитъ себя яко свята. И ту абіе умысли по «Сѣверской странѣ съ образомъ ходити и на церковное строеніе збирати».

(197) Въ *Никон. Лѣт.*: «Отпрошался (Гришка у Архим. въ Новѣ-«городѣ Сѣверск.) «съ тѣми жь Старцы въ Путивль; сказалъ, что есть-де «мнѣ въ Путивлѣ свои. Окаянный же Гришка написалъ: *азъ есмь Царе-«вичь*... и ту памятцу оставилъ въ кельѣ... Архим. же пріиде къ ложѣ «своей, и видя надъ главою памятцу... Они же окаян. Чернцы пріидоша «къ пути, коимъ ходятъ въ Кіевъ, и поворотиша на ту дорогу... и про-«вожатаго отъ себя отбиша: той же путь знаетъ Мис. Повадинъ».

(198) См. V, VI, IX и X.

(199) Въ грамотѣ Патріарха Іова о Разстригѣ, писанной къ Архи-мандриту Солевычегодской Обители Введенія и полученной мною въ современномъ спискѣ отъ А. И. Ермолаева: «Чернецъ Пименъ, постри-«женикъ Днѣпрова монастыря сказалъ, что онъ съ тѣмъ воромъ да съ «Гришкиными совѣтники, съ Попомъ Варлаамомъ да съ крылош. Мисаи-«ломъ, познался въ Новѣгородкѣ С. въ Спасск. монастырѣ, а изъ Нова-«дей городка взяхъ его съ собою для знатья дороги, и шли къ *Старо-«дубу*... а онъ проводилъ ихъ за Л. рубежъ до имѣнья Пановъ Стони-«слава да брата его Александра, до села Слободки». Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: «Внидоша» (Гришка съ товарищами) «въ нѣкую весь «близь Литов. рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія «ихъ въ домъ единa жена, и сѣдяще за столомъ, вопросиша жену о пути, «и глагола жена: путь сей за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ «пути заставы суть отъ Царя: не вѣмъ, кто съ Москвы бѣгу ся ятъ... «И Гришка бѣ отъ страху яко мертвъ... Жена же показа имъ путь къ «Чернигову. Монахи же шествіе твориху, и отъ солнечнаго жженія воз-«сѣдше подъ древомъ, Гришка откры совѣтъ свой и рѣче: *Вы слышали, «братія, яко заставы по всей Сѣверской сторонѣ... насъ ради заставы «сія... Да избѣжимъ сѣти; да пойдемъ чащею сею за рубежъ*... И постави «Гришка образъ Богоматери и нача молитися, да избѣгнутъ отъ руки «Бориса... и пройдоша непроходимые дебри, и идоша три дни, и пріидоша

«на нѣкій боръ, и тамъ видятъ человѣка ходяща и кошницу на плещу «носяща... и познаша, яко Польскій человѣкъ, и ради быша... и начаша «вопрошати... Полякъ же рѣче: *Страна сія Бѣлорусская; владѣетъ ею «Король Жигимонтъ: имѣяше двою братовъ, Николая и Яна Виловичей. «Мой Панъ Николай не далече отсель на пути къ Луевой горѣ. Азъ «ссмь бортникъ Якубъ*». Описывается, какъ Паны Виловичи угощали бѣглыхъ Монаховъ. Далѣе: «и отпущены быша къ Луевымъ горамъ кон«нымъ путемъ, и пріидоша въ Луевъ городокъ, и ту Панъ Станиславъ «Прокулицкій пріятъ ихъ любезно, и отпусти въ Кіевъ». Въ Хронографѣ: «Въ Новѣгородкѣ Сѣв. вождя добыша, Ивашка Семенова, и пойдоша на «Стародубъ... и первой городъ Литовской имъ Люевъ замокъ, а другой «Любескъ... и быша въ Кіевѣ, въ Печерск. монастырѣ, 3 недѣли, и от«туда пріидоша до Острога, до К. Василья Острожскаго, и лѣтоваша у «него; и на осень К. Василей послалъ Варлаама да Мисаила въ Дер«манскій монастырь, а Гришка съѣхалъ въ Гощей городокъ, и платье «иноческое съ себя скинулъ». Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч.: «По«вѣдаша объ нихъ» (Гришкѣ и товарищахъ его) «Князю Вас. Острож«скому, и повелѣ имъ внити въ полаты своя... и видѣхъ благовѣрн. Князя «сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрастомъ мала суща, браду имѣя до земли; «на колѣнѣхъ же его посланъ бяше платъ, на немъ же лежаше его брада».

(200) См. въ Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, кн. VI, стр. 295, гдѣ приведено мѣсто изъ письма К. Острожскаго (Васильева сына) къ Королю. «Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія», пишетъ Острожскій: «онъ, «прежде былъ въ Дерманѣ монастырѣ отца моего, а потомъ у Анабап«тистовъ». См. также *Сказаніе, еже содѣяся*, и проч. Въ *Никон. Лѣт.*: «Гришка съ товарищи приде въ Кіевъ; въ Кіевѣ же господствовалъ К. «Вас. Константиновичъ Острожской... и повелѣ Гришкѣ служити у себя «Обѣдню, и посла его въ Печерской м... Видяху же его (Гришкино) «житіе скверное, и возвѣстиша К. Василью: Князь же повелѣ его каз«нити... Онъ же побѣже... и облекся въ мірское платье... и бысть у К. «Адама Вишн. въ простыхъ людехъ».

(201) Въ современной рукописн. *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Раз«стригѣ*: «Прельсти съ собою отъити въ Кіевъ трехъ Иноковъ: Черньца «Мисаила, да Чернца *Венедикта*» (вмѣсто Варлаама: см. ниже, примѣч. 202) «да Чернца Леонида, Крыпецкаго монастыря—и жилъ въ Печер«скомъ монастырѣ, *и повелѣ тому Леониду зватись своимъ именемъ, «Гришкою Отрепьевымъ*, а самъ ложно наименова себя Царевичемъ «Дмитріемъ». Въ Морозов. Лѣт. (л. 96) тоже извѣстіе, съ прибавленіемъ: «и провозвѣщая о себѣ въ Кіевѣ, будто Богъ его избавилъ отъ убіенія «Бориса, нѣкою женою сохраненъ бысть и отданъ былъ въ монастырь «на соблюденіе». Симъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, «что Монахъ Отрепьевъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, а не Самозва«нецъ. Герардъ Гревенбрухъ въ 1609 году издалъ въ Кельнѣ свою книгу «о Лжедимитріи подъ титуломъ: Tragoedia Moscovitica sive de vita et «morte Demetrii. Авторъ самъ не былъ въ Россіи.

(202) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч.: «И оставляетъ Мисаила и «Варлаама... и приложися къ Запорожскимъ Козакомъ, въ роту Старѣ«шины ихъ Герасима Евангелика, суще пріятъ бысть ими честно, и «много крови разбойнымъ обычаемъ проливалъ... и пріиде въ Печерскій «монастырь, и Архимандритъ Елисей хотя его поимати... и (Гришка) «утече». Въ грамотѣ Патріарха Іова о Разстригѣ (см. выше, примѣч. 199): «Воръ Гришка учалъ воровати у Запорожскихъ Черкасовъ». См. ниже, примѣч. 232.

(203) См. Хронографы и Нѣмцев. Dz. Pan. Zygmunta III, кн. VI, 238. Послѣдній ссылается на рукописное сочиненіе Жмудскаго шляхтича Товянскаго, коего имѣю списокъ. Гаща, мѣстечко Пановъ Гаскихъ, въ Луцкомъ Уѣздѣ.—Мѣсто, гдѣ жилъ А. Вишневецкій, названо въ Хронографѣ Брагинъ и Брачинъ, а въ Польскомъ рукописномъ сочиненіи о Лжедимитріи (Rzeczy и проч. za Dimitra: см. ниже) Braznia. См. Т. II, примѣч. 311.

(204) Въ Хронографѣ: «Князь же Адамъ бражникъ и безуменъ».

Знатные Князья Вишневецкіе происходили отъ Корибута, сына Ольгердова и Княжны Россійской (см. Т. IV, 207 и примѣч. 267, и Т. V, примѣч. 50).

(205) См. Вассенберга въ Исторіи Владислава (Gesta Vladislai IV, 15), Лубенскаго (Lubienski Op. Posth. 29, и Чилли въ Нѣмцев. кн. VI, 244, 245; также Маржерет. 168 и Хронографы. Въ Лѣтописцѣ Кубасова (въ *Русск. Достопамятн.* I, 175): «Ростригa возрастомъ малъ, груди «широки имѣя, мышцы толсты, лице не Царского достоянія, препростое «обличеніе, тѣло вельми помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи «книжномъ доволенъ; дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе «любляше вельми; на враги ополчителенъ, смѣлъ, храбрость имѣя и силу «велію; воинственно же зѣло любляше».

(206) См. *Никон. Лѣт.* 58 и Вассенберга 14. Въ подробномъ Хронографѣ: «Призва къ себѣ (Гришка) Латинскія Вѣры Попа». Но въ Хронографѣ сокращенномъ названъ Попъ Греческимъ.

(207) Въ отвѣтахъ Мнишка на вопросы нашихъ Бояръ (въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 293): «Пребывалъ (Гришка) въ Кіевѣ въ монастырѣ, «въ Старческомъ одѣяніи; а потомъ бывъ у Г. Воеводы Кіевскаго (В. «Острожскаго), *не хотѣлъ сказаться,* и пришелъ къ К. Адаму Вишне«вецкому, сказывая, что онъ есть истинный потомокъ В. К. Ивана, пред«лагая, какъ его Господь Богъ, помощію *Доктора* его, отъ смерти спасъ... «а потомъ тотъ Докторъ отдалъ его къ нѣкоторому Боярскому Сыну для «воспитанія, который присовѣтывалъ ему скрыться между Чернецами». Ниже сообщимъ всю эту сказку съ ея разными измѣненіями. Въ одной Розрядн. Книгѣ (см. *Собран. Г. Г.* II, 163): «Гришка въ 111 (1603) году «збѣжалъ въ Литву и пришолъ въ Печерскій монастырь... и умысля «Дьявольскою кознью, разболѣлся до умертвія.. и духовнѣ сказалъ Игу«мену, будто онъ сынъ Царя Ив. Вас., а ходитъ будто въ искусѣ не «постриженъ, укрываяся отъ Бориса... И тотъ Игуменъ учалъ его чтить, «и вѣдомо учинилъ Королю и Сенаторѣмъ». Но согласное сказаніе Лѣтописца нашего, Вассенберга и Мнишка свидѣтельствуетъ, что Лжедимитрій открылся Вишневецкому, а не Игумену Кіевскому. Въ *Сказаніи, еже содѣяся,* и проч. находится слѣдующая басня: «Приде Гришка изъ «Кіева во градъ Самборъ, въ имѣніе Пана Михайла Ратомскаго, Князей «Александра и Юрья Свирскихъ... и послаша его въ Стодолъ монастырь, «идѣ же у нихъ родители лежатъ... Онъ окаянный тамъ сверже съ себя «Ангельскій образъ и бысть Латинскій Мнихъ... и нача изнемогати и «рече Игумену Пимену, да поволитъ ему пріяти духовнаго отца... и «приде къ нему Грекъ Арсеній... и дерзнулъ (Гришка) въ исповѣданіи «нарещися Царевичемъ Димитріемъ... и повѣда Арсеній Игумену... Егда «же Князи Свирскіе пріидоша въ Стодольскій монастырь, Игуменъ воз«вѣсти имъ вся по ряду... и Князи начаша его (Лжедимитрія) вопро«шати... и злый еретикъ нача съ рыданіемъ повѣдати, и дерзнулъ наре«щися Димитріемъ... и отпустиша его Князи въ келлію... И пріидоча «(вторично) въ Стольскій м. въ день Недѣльный и повелѣли литургисати «въ Рустѣй церкви Св. Екатерины Священнику Арсенію: бѣ бо та цер-

«ковъ отъ монастыря поприще въ слободѣ Русской... И егда изнесоша «изъ Царскихъ дверей живодательное тѣло и кровь Господа І. Х., и на- «чаша глаголати къ Гришкѣ отецъ его духовной и оба Князи и вси «Мнихи: повѣсть предъ сею страшною и живодательною трапезою, истин- «ный ли ты Царскій сынъ? Онъ же съ клятвою изрече, крестнымъ зна- «меніемъ себя огради и дерзостно рече: *на томъ пріимаю тѣло Господне...* «и причастися. По Литургіи же облечеся окаянный въ мірскія ризы по «достоянію Царску, и на трапезѣ предстояста оба Князя предъ нимъ «яко рабы... и пояста его во градъ свой... и промчеся слава объ немъ... «и дойде вѣсть къ Борису Царю, и посла къ Воеводѣ Кіевскому, К. «Вас. Конст. Острожскому, дабы ему выдать тѣхъ Мниховъ трехъ, Гришку «съ товарищи. Князь же обѣщася, и посылаетъ по Мисаила и Варлаама «въ свой монастырь, и велитъ имъ провѣдати въ Самборѣ о Гришкѣ. «Они же дойдоша во градъ Самборъ, и входятъ ко Княземъ Свирскимъ «во дворъ: тогда же оба Князя съ Гришкою по обѣдѣ рыцарствоваху... «Гришка же позна ихъ... и рече: *знаете ли мене?* они же слабы суще, «падше поклонишася ему. Онъ же угости ихъ, и повелѣ имъ жити у «себя... Князи же Свирскіе описаша объ немъ къ Королю, и присылаетъ «Король дву Русскихъ Дворянъ, съ Вел. Новагорода, Осипа и Кирилла «Хрипуновыхъ» (см. ниже): «понеже они отъ Бориса отъѣхали въ Литву «и знали Дмитрея Царевича на Угличѣ... Они же поклонишася ему: онъ «же прельсти ихъ и отпусти къ Королю... Король же повелѣ Гришкѣ «быти въ Краковъ».

(208) См. Т. VIII, 217.

(209) См. Нѣмцев. кн. VI, 239. Беръ пишетъ слѣдующее: «Однажды, «разсердясь въ банѣ на своего Каммердинера, Лжедимитрія, Вишневец- «кій далъ ему пощечину... слуга заплакалъ и сказалъ: *если бы зналъ, «кто я!* Князь спросилъ: *кто же ты?* Обманщикъ, разсказавъ вымыш- «ленную исторію, упалъ къ его ногамъ... Князь извинился передъ нимъ; «велѣлъ ему остаться въ банѣ, а людямъ своимъ изготовить все нужное «для угощенія Царя Русскаго, возвратился въ баню съ двѣнадцатью «слугами и съ богатою одеждою для Лжедимитрія, самъ надѣлъ ее на «бывшаго слугу, коему подарилъ также великолѣпную карету и шесть «верховыхъ лошадей... Борисъ узналъ и чрезъ гонца предложилъ Вишне- «вецкому нѣсколько замковъ и городовъ, съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ «ему Самозванца. Вишневецкій для безопасности уѣхалъ съ своимъ Ца- «ревичемъ далѣе отъ предѣловъ Русскихъ въ городъ Вишневецъ и тамъ «показалъ ему письмо Борисово. Лжедимитрій упалъ на колѣна, говоря: «*Богу и тебѣ извѣстно кто я: дѣлай со мною, что хочешь!* Князь Адамъ «никакъ не хотѣлъ измѣнить мнимому Царевичу, а Борисъ еще писалъ «къ Вишневецкому и прислалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы застрѣлить «Самозванца: тогда Князь Адамъ отправилъ его къ Воеводѣ Сендомир- «скому». Въ Хронографѣ: «Князь же Адамъ учинилъ его на колесницахъ «и на конехъ; и изъ Брагина К. Адамъ поѣхалъ до Вишневца, и Гришку «съ собою взялъ... и тамъ Гришка у него лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ «Великаго дни К. Адамъ его Гришку допроводилъ до Кракова».

Въ отвѣтахъ Юрія Мнишка нашимъ Боярамъ (въ *Собран. Г. Г.* II, 294): «Князь Адамъ извѣстіе о томъ (о Самозванцѣ) учинилъ брату сво- «ему, К. Константину Вишневецкому, зятю Г. Воеводы, а потомъ его и «къ нему отдалъ. И въ то время слуга Канцлера Литовскаго, именуемый «Петровской, въ Жаложицы къ К. Константину пріѣхалъ, сказывая, «какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и предлагая о знакахъ, которые онъ «на его тѣлѣ видѣлъ... И въ Самборѣ нѣкоторый слуга Г. Воеводы, ко- «торый подъ Псковомъ поиманъ былъ, и нѣсколько лѣтъ находясь въ

«Москвѣ въ неволѣ, зналъ его тогда еще въ дѣтствѣ и призналъ его за «того же». Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 106: «Тотъ Петровской вѣдо«мой воръ» (говорили наши Послы въ царствованіе Шуйскаго Канцлеру Литовскому, Сапѣгѣ): «Тебѣ, Льву, самому про него вѣдомо: слу«жилъ онъ на Москвѣ у Сына Боярского, Истомы Михнова, а звали его «Петрушею, а не Юрьемъ Петровскимъ... а на Угличѣ николи не бы«валъ, и Царевича Дмитрея не видалъ: у насъ такихъ страдниковъ» (подлыхъ людей) «ко Государскимъ дѣтямъ не припускаютъ... И въ прош«ломъ 109 (1601) году, какъ были у Жигимонта Короля Послы Б. М. Г. «Салтыковъ съ товарищи, а тотъ Петруша былъ съ Истомою въ Вильнѣ «же съ Послы, и заворовался, и пократчи его, збѣжалъ въ Вильнѣ къ «тебѣ, ко Льву... и былъ у тебя въ худыхъ людехъ... и какъ было та«кому вору въ такомъ великомъ дѣлѣ Королю и вамъ, Паномъ повѣрити»?

(210) См. Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Нѣмцев. кн. VI, 241.

(211) См. тамъ же, въ Нѣмцев. VI, 242.

(212) См. Лубѣнск. Op. Posth. 29, Гревенбр. Tragoed. Moscov. 13 и Histoire de J. A. de Thou, кн. CXXXV, стран. 47. Сихъ словъ нѣтъ въ Чилли. Лубѣнскій пишетъ, что Самозванецъ сказалъ Королю: «Киръ и Ромулъ, воспитанные пастухами, но будучи также Царскаго «племени, сдѣлались основателями Государствъ великихъ».

(213) См. Annuae Litterae Societatis Jesu, an. 1604, стран. 704, 705. Сіи письма, напечатанныя въ 1618 г., весьма рѣдки: они доставлены мнѣ изъ бывшей Полоцкой Іезуитской библіотеки. Вотъ переводъ:

«Здѣсь»—пишутъ Краковскіе Іезнуты къ другимъ братьямъ сего Ордена—«здѣсь всегда есть случай служить ближнимъ, когда и Дворъ Ко«ролевскій и вся земля съ жадностію требуетъ нашей помочи. — Труды «и ревность нашихъ не ослабѣли: шестьдесятъ восемь еретиковъ при«ведены въ нѣдра Церкви, и въ числѣ ихъ Великій Князь Московскій «Димитрій, который почти въ младенчествѣ лишился отца и Царства; «потомъ, заключенный въ одинъ изъ Греческихъ монастырей — дабы не «впасть въ руки тирана, замышлявшаго умертвить его—тайно воспиты«вался и достигнулъ совершеннаго возраста. Между тѣмъ одинъ изъ «Вельможъ, уже предъ тѣмъ желавшій Царской власти, полагая, что «(сей) наслѣдникъ убитъ, овладѣлъ тономъ; а Князь, имѣя уже болѣе «двадцати лѣтъ отъ роду, узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, «отбылъ тайно къ нѣкоторымъ Вельможамъ Королевства Польскаго тре«бовать ихъ заступленія, и, хотя не безъ труда, получилъ наконецъ «вспомогательное войско. Тогда, готовясь и къ пути и къ брани, онъ «устремилъ все свое вниманіе на то, чтобы въ дѣлѣ столь трудномъ «имѣть помощникомъ Бога: рѣшился принять Католическую Вѣру; но «опасаясь, чтобы Россіяне о томъ не свѣдали и не порицали его име«немъ Католика, будучи чрезмѣрно привержены къ Схизмѣ, онъ закрылъ «лице свое, перемѣнилъ одежду, и сопровождаемый однимъ Польскимъ «Вельможею, въ видѣ нищаго пришелъ въ нашу обитель: открылъ себя, «и выбравъ одного изъ насъ, исповѣдалъ ему всѣ грѣхи жизни своей; «*отрекся Схизмы* и съ великимъ усердіемъ *присоединился къ Римской «Церкви*. Не довольствуясь симъ, Димитрій принялъ отъ пребывающаго «въ здѣшнемъ городѣ Апостольскаго Нунція таинства Евхаристіи и «Муропомазанія и утвержденъ въ воспріятой имъ Вѣрѣ. Сей Князь обѣ«щаетъ со временемъ великія добродѣтели и постоянство въ начатомъ «дѣлѣ. Кажется, что онъ одушевленъ удивительнымъ усердіемъ къ рас«пространенію Религіи Католической». — См. также Чилли, въ Нѣмцев. VI, 244.

(214) См. Гревенбр. 12, 13, и ниже, примѣч. 252, гдѣ упоминается о *грамотѣ Папежской* къ Самозванцу.—Учителемъ Разстриги въ Латинскомъ языкѣ былъ Іезуитъ Савицкій; но онъ (Разстрига) худо зналъ сей языкъ или почти совсѣмъ не зналъ (см. Маржерета).

(215) См. Нѣмцевъ, кн. VI, 246, и Нарушев. Historia J. K. Chodkiew. I, 237.

(216) См. Дѣла Польск. No 26, л. 105 на об.; далѣе см. Нѣмцев. VI, 248. Въ баснословномъ *Сказаніи, еже содѣяся,* и проч.: «Король «пріятъ Гришку съ честію, и постави его въ Краковѣ въ Арменской «слободѣ, и повелѣ разнымъ Паномъ примѣчати въ разумѣ, не увѣряяся, «яко онъ Царскій сынъ. Не по мнозѣ же времени пріидоша изъ Москвы «отъ Ц. Бориса Послы и принесоша въ дары много злата, яко да «выдастъ того еретика... и Король мысляше, аще не истинный бы Цар«скій сынъ былъ, то не бы его Борисъ крѣпко доступалъ... И повелѣ «Жигимонтъ всѣмъ своимъ Паномъ итти къ Гришкѣ и говорити, дабы «оставилъ Греческую Вѣру и принялъ Римскую: да аще оставитъ, то «прямой воръ, а не Царскій сынъ... И Гришка имъ въ отвѣтъ рече: *Не мудро съ вами Король умыслилъ, веля мнѣ Вѣру свою попрати... Аще «не возрите на меня нынѣ, имамъ бо итти къ Цесарю или къ Персид«скому Царю.* И сія вся слышавше, сказаша Королю: *прямый Царскій «сынъ!...* И повелѣ Король ему къ себѣ быти... и не возможе удержатися «отъ слезъ послушающе его... и возставъ и взялъ его за руку, и посади «на Царское мѣсто одесную себя... и обѣда съ нимъ... И пишетъ Папа «объ немъ къ Королю, повелѣваетъ его чтити... И Гришка даетъ руко«писаніе, что приметъ Римскую и Іезуитскую Вѣру... И съѣхашася вси «Панове въ Лашевъ градъ на сонмище... И Гришка сказуетъ имъ сло«веса лжива, что есть прямой Царевичь, и ту на сонмѣ прилучишася «измѣнники Россійскіе, Дѣти Боярскіе, и тѣ на сонмѣ то же повѣдали... «и съ сонма взятъ его къ себѣ Воевода Сендомирской въ Сендомирь, и «бысть въ дому его больше года учася ересемъ... Юрій Мнишекъ бывалъ «въ Римѣ въ Латинскихъ Мнисѣхъ, и сверже съ себѣ Мнишескій чинъ... «и быша оба (съ Гришкою) розстриги, и потому прозванъ бысть «*Мнишекъ*»!!

(217) См. *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 160. Грамота писана на языкѣ Польскомъ съ Русскимъ переводомъ. Начало такъ: «Мы Дмитрей Ив., «Божіею милостію Царевичь Великой Руссіи, Углетцкій, Дмитровскій «и иныхъ, Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ «Московскихъ Государь и дѣдичь. Разсуждая о будущемъ состояніи «житія нашего не только по примѣру иныхъ Монарховъ и предковъ «нашихъ, но и всѣхъ Христіански живущихъ—за призрѣніемъ Господа «Бога всемогущаго, отъ Котораго живетъ начало и конецъ, а жена и «смерть бываетъ отъ Него жь—усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи «въ Королевствѣ Польскомъ, въ дому честнѣмъ, великого роду, житья «честного и побожного, пріятеля и товарища (съ которымъ бы мнѣ, за «помочью Божіею, въ милости и любви непремѣняемой житіе свое про«водити) Яснѣвельможную Панну Марину съ Великихъ Кончицъ Мниш«ковну, Воеводенку Сендомирскую, Старостенку Львовскую, Самборскую, «Меденицкую и проч., дочь Яснѣвельможнаго Пана Юрья Мнишка съ «Великихъ Кончицъ, Воеводы Сендомирскаго, Львовскаго, Самборскаго, «Меденицкаго и проч., Старосты Жупъ Рускихъ Жупника» и проч. Далѣе: «И ему бъ (Мнишку) попомнити слово свое прямое вмѣстѣ съ Панною «Мариною за присягою; а язъ попомню свою присягу... Изъ казны «нашей Московской выдамъ клейнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и «серебра столоваго къ снаряду ея... А будетъ у нашей жены, по грѣ-

«хомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обои Государства (Новгородъ и «Псковъ) ей приказати Намѣстникомъ своимъ, владѣти и судити, и «вольно ей будетъ своимъ служилымъ людемъ помѣстья и вотчины (тамъ) «давати... а самой жити съ нами; а Попы свои держати, сколько ей «надобе; также набоженство своея Римскія Вѣры держати безо всякія «забороны, *яко же и мы сами*, съ Божіею милостію, *соединеніе сіе при-«няли*, и станемъ накрѣпко промышляти, чтобъ все Государство Москов-«ское въ одну Вѣру Римскую привести. А того Боже намъ не дай, «будетъ тѣ наши рѣчи въ Государствахъ нашихъ не полюбятца, и въ «годъ того не здѣлаемъ, ино будетъ вольно Пану отцу и Паннѣ Маринѣ «со мною развестися, или пожалуютъ подождутъ до другаго году. А язъ «теперь даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованіемъ... «при Святцкомъ чину, при Попѣхъ, что мнѣ все по сей записи здержати «крѣпко и всѣхъ Русскихъ людей въ вѣру Латынскую привести. Писана «въ Самборѣ, м. Маія 25 дня, лѣта 1604». Подпись Латинская и Рус-ская: Dmitr Carewicz, *Царевичъ Димитрій*. Приложена восковая печать. На оборотѣ: «Постановленіе и ассекурація Димитрія, Царя Московскаго, «данная Г. Мнишкѣ, Воеводѣ Сендомирскому». Тутъ же приписано: «Въ «Пятницу, на другой день праздника Успенія П. Д. М., лѣта 1668, «рукопись сію Провинціальный Королевскій главный Надзиратель, «Лаврентій Катчевичъ Соноклескій, представилъ для пріобщенія къ «дѣламъ Староства. Принято и записано».

(218) См. тамъ же, стран. 165. Сказано: «Въ вѣчныя времена дали «мы ему (Мнишку) и наслѣдникомъ его Смоленское и Сѣверское Кня-«жества... съ городами, замками, селами, подданными обоего пола... Смо-«ленской земли другую половину (оставляя при Г. Воеводѣ самой замокъ «съ городомъ Смоленскомъ) подарили и записали, какъ о томъ въ осо-«бомъ привиліи (привилегіи) изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи «Посполитой, съ шестью городами въ Княжествѣ Сѣверскомъ». Печать красная восковая въ ковчегѣ.

(219) Нѣмцев. кн. VI, 248, и Нарушев. кн. IV, 239.

(220) См. Хронографы, гдѣ прибавлено: «А онъ, Яковъ, у казни «называлъ его ростригою, Гришкою Отрепьевымъ». Сей *Пыхачевъ* былъ, кажется, изъ числа бѣглыхъ, которые укрывались въ Литвѣ. Въ бума-гахъ Государственныхъ упоминается о Боярскомъ Сынѣ Аѳанасьѣ, *Сухо-човѣ*, взятомъ въ плѣнъ Донскими Козаками; но это долженъ быть дру-гой человѣкъ. Въ Хронографѣ же: «Называли Гришку Царевичемъ *Хри-«пуновыхъ* пять братовъ» (см. выше, примѣч. 207), да Истомы Михнева «слуга Петрушка (Петровской), да Ивашка, что вожъ былъ» (т. е. про-вожатый Самозванца изъ Новагорода Сѣверскаго) «да люди посадцкіе «Кіевляне». *Хрипуновы*, ушедшіе въ царствованіе Борисово, не присто-яли къ Лжедимитрію до его восшествія на престолъ: Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ, когда Сигизмундъ писалъ къ нему, чтобы онъ позволилъ симъ братьямъ возвратиться въ Россію (см. *Собран. Госуд. Грамот.* II, 216).

(221) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Москвѣ въ 1606 году, гдѣ сказано: «Пріѣхало въ Краковъ «до того Дмитра съ Москвы до колкинадцать человѣкъ, Сыновъ Боярскихъ, «именемъ Иванъ Борошинъ съ товарищми».

(222) См. Дѣла Польск. No 26, л. 74, и *Никон. Лѣт.*

(223) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ (выше, примѣч. 221). Атаманы пріѣхали къ Самозванцу въ Краковъ.

(224) См. Нѣмцев. кп. VI, 248. Именно о *двухъ* Монахахъ, которые ревностно служили обманщику, упоминается въ ОтвѣтахъОсловъ Сигизмундовыхъ. О Леонидѣ, см. выше, примѣч. 201.

(225) Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 74: «Лазучники, Литовскіе «люди, приходя въ Вел. Государя нашего Государства, воровскіе письма «приносили, въ городахъ и на посадѣхъ и на дорогахъ листы воровскіе «метали». Тамъ же, л. 98: «Въ прошломъ 111 (1603) году присылалъ къ Черниговскому Воеводѣ, къ К. Мих. Ѳед., изъ Любеча Подстаростей «Гомашъ Цебровской съ Черниговцомъ съ Ивашкомъ Корѣлою листъ о «томъ баламутѣ, называючи его Государскимъ сыномъ. Да въ 112 году «пріѣхалъ Государя нашего къ Украйному городу къ Монастыревскому «(Моравску), изъ котораго первая прелесть стала, Литвинъ Гомашко «отъ Старосты Остринского, отъ Мих. Ратомского, къ Сотнику Стрѣлец- «кому, къ Третьяку Козловскому, а привезъ листъ отъ того же вора «Розстриги.... а послѣ того пріѣзжали отъ Михайла жь Р. Исачко Ляхъ «да Истомка Билинъ съ товарыщи, человѣкъ съ тритцать, въ судѣхъ съ «грамотами о томъ же ворѣ».

(226) См. выше, около примѣч. 181. Далѣе см. Нарушев. 240.

(227) См. выше, примѣч. 201.

(228) См. Бера.

(229) Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая отовсюду извѣстіе о мнимомъ Димитріи, самъ началъ было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго: справлялся, допрашивалъ, и наконецъ увѣрился, что симъ именемъ называется обманщикъ.—Борису служили тогда лазутчиками многіе изъ жителей Малороссіи: между Архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о Самозванцѣ.

(230) Въ показаніяхъ измѣнника Хрущова (см. *Собр. Госуд. Грам.* II, 178): «О матери Царевичевой сказалъ, что въ Москву привезена и «въ замкѣ (Кремлѣ) въ монастырѣ Дѣвичьемъ живетъ; что къ ней Па- «тріархъ и Борисъ ѣздили, и она въ покояхъ Борисовыхъ была... она въ «монастырѣ крѣпко содержится».

(231) См. выше, и *Никон. Лет.* 60, гдѣ сказано: «Того жь Смирнова «повелѣ (Царь) считать, и взочтоша на него дворцовые казны, и пове- «лѣша его бити на правежѣ, и убиша до смерти». Тамъ же 59: «Въ то «же время бысть Смоленское моровое повѣтріе» (см. выше): «заставы «быша по всему Смоленскому рубежу. Борисъ же повелѣ наипаче крѣ- «пити заставы, и прибавиша до Брянска, чтобъ нихто изъ Литвы и въ «Литву не ходилъ».

(232) Въ показаніяхъ Хрущова Лжедимитрію (*Собран. Г. Г.* II, 174): «Слышалъ я, что общенародно Борисъ о вашей Царской милости сказы- «валъ». Въ грамотѣ Патріарха Іова Архимандриту Солевычегодской Оби- «тели: «Чернецъ Пименъ» (см. выше, примѣч. 199) «да Чернецъ Вене- «диктъ, постриженикъ Троицы Сергіева монастыря, да Ярославецъ по- «сацкой человѣкъ, Степанко иконникъ съ товарищи, и тѣ предо мною, Іе- «вомъ Патріархомъ, на Освященномъ Соборѣ въ роспросѣ сказывали: «Пименъ сказалъ» (см. выше, примѣч. 199)... Венедиктъ сказалъ, что онъ «забѣжалъ въ Кіевъ изъ Смоленска, и былъ въ Печерскомъ монастырѣ, «и видѣлъ того вора Гришку въ Чернцахъ. А послѣ того присталъ тотъ «воръ къ Лютаремъ (Лютеранамъ), и учалъ воровати у Запорожскихъ «Черкасовъ: въ Чернцахъ мясо ѣсти; и онъ-дей Венедиктъ того страд- «ника обличалъ, и извѣщалъ Печерскому Игумену, и Игуменъ посылалъ «х'Козакомъ того вора имати Печерскихъ Старцовъ и слугъ, и его Ве- «недикта; и тотъ воръ ухоронился, и ушелъ къ Князю Адаму Вишневец-

«кому, и по Сотонинскому ученью и по Вишневецкихъ Князей умышленью, «и по Королевскому велѣнью, учалъ называтись Княземъ Дмитріемъ. А «Стефанъ иконникъ въ роспросѣ сказалъ: ѣздилъ онъ въ Кіевъ промѣнивати «образовъ, и жилъ въ Кіевѣ годъ да 13 недѣль, и того роструиу Гришку «видѣлъ въ Кіевѣ въ Чернцахъ, и былъ-де онъ у Князя Василья Острож- «скаго въ Печерскомъ и въ Никольскомъ м. въ Дьяконѣхъ и къ лавкѣ «его приходилъ съ Запорожскими Черкасы».

(233) См. Дѣла Польск. No 26, л. 63 и 139, гдѣ означено, что Смирной ѣздилъ къ Королевскимъ Вельможамъ въ 1604 году.

(234) Въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 173: «1604 г. Сент. 3» (по Новому Стилю) «пріѣхали къ Царевичу Послы Донскихъ Козаковъ, объявляя, «какъ и прежде сего, что войско ихъ находится въ готовности и под- «данствѣ Царевичу... и плѣнника, Петра Хрущова, знатнаго Дворянина «Борисова, Царевичу отдали», и проч. О времени Лжедимитріева похода см. тамъ же, стран. 167, *Дневную записку пути Самозванцева*, въ коей числа означены по Новому Стилю.

(235) Въ показаніяхъ Хрущова (*Собран. Г. Г.* II, 174): «Спраши- «вали его, что тамъ (въ Москвѣ) о Царевичѣ слышно? надѣются ли ка- «кого съ нимъ войска» (это худой переводъ съ Польскаго) «и вспоминалъ «ли что о немъ Борисъ? Хрущовъ сказалъ: совершеннаго извѣстія учи- «нить не могу, «понеже я въ замкѣ въ Василѣгородѣ, далече отъ Москвы «былъ, и оттуда призванъ, 5 только дней въ Москвѣ жилъ... Въ бытность «мою въ Москвѣ только я слышалъ, что Царевичь въ Литвѣ есть, но «войску его въ Княжествѣ Сѣверскомъ быть не надѣются; слышалъ и сіе, «что общенародно Борисъ о вашей Царской милости сказывалъ (хотя я «самъ при томъ не былъ), что не Царевичь, и спрашивалъ у людей, его ли «сторону держатъ? На то они ничего не сказали... Воевода Путивльской «сказывалъ ему (Хрущеву), что въ Путивлѣ и въ разныхъ мѣстахъ подмет- «ныя письма отъ Царевича являлись, которыя когда читаны были, тогда «великую любовь къ Царевичу народъ возымѣлъ; о чемъ и Борису донесено... «и Воевода просилъ, дабы отъ уряду своего освобожденъ быть могъ... По «отправленіи своемъ изъ Москвы къ Дону встрѣтился (Хрущовъ) съ Гет- «манами П. Шереметевымъ и М. Салтыковымъ... и тѣ его къ себѣ, одинъ на «обѣдъ, другой на ужинъ просили; и тамъ Хрущовъ, отведя на сторону, «упомянулъ о Царевичѣ, сказавши, о чемъ ему съ Донск. Казаками говорить «велѣно... Шереметевъ, пожавъ плечами, сказалъ: мы ничего не знаемъ.... «О шпіонахъ сказалъ: слышалъ онъ отъ новаго Канцлера Власьева, что куп- «цы въ Литву посланы быть имѣли для провѣдыванія... О здравіи Борисо- «вомъ сказалъ, что часто бываетъ боленъ, и нѣсколько недѣль какъ не вы- «ходитъ, а ногу волочитъ, параличемъ пораженъ пребывая» (вѣроятнѣе, отъ подагры). «О сынѣ Борисовомъ спрашивалъ Царевичь, хочетъ ли Борисъ «его наслѣдникомъ учинить? Отвѣчалъ: еще не объявилъ, однакожь знать, «что намѣренъ, понеже ко всѣмъ важнымъ дѣламъ его употребляетъ, при «себѣ всегда содержитъ и такъ людей къ нему привлекаетъ, что о чемъ «кто сына его проситъ, безъ затрудненія получаетъ. О кончинѣ двухъ «главныхъ господъ, Вас. Смирнова» (см. выше, примѣч. 231) «и Меньшаго «Булгакова, между которыми одинъ въ тюрѣмномъ заключеніи умерщ- «вленъ, и другой утопленъ, сказалъ, что они, бывъ у себя на банкетѣ, «пили за здравіе Царевича... Булгаковъ въ бытность его (Хрущова) къ «утопленію приговоренъ, но еще погубленъ не былъ. О гонцѣ Отрепьевѣ «сказалъ, что не при немъ въ Литву отправленъ; однакожь въ толь ве- «ликой любви у Бориса, что въ тѣхъ покояхъ бываетъ, куда токмо знат- «ные господа допускаются. Изъ сего легко выразумѣть можно, сколь «справедливо того гонца присвоеніе свойственникомъ Царевичевымъ: ибо

«ежели бы такъ было, то бъ онъ такого доступа къ Борису не имѣлъ, а «паче, по обыкновенію Московскому, со всѣмъ бы домомъ искорененъ былъ» (это, вѣроятно, не слова Хрущова, а того Поляка, который писалъ допросы)... «О покойной святой памяти Царя Ѳеодора женѣ сказалъ, что «нечаянно умерла; однакожъ слышно, что Борисъ оную убилъ, по той «причинѣ, какъ полагаютъ, что она какъ его, такъ и сына его на госу«дарствованіе благословить не хотѣла, говоря, что я супругу моему при«слугу учинила, и брату его Димитрію, яко своему и твоему природному «Государю, повинуюся, а не тебѣ, который незаконно овладѣлъ Государ«ствомъ... ибо Царевичь въ живыхъ обрѣтается».

(236) Казни были, но уже послѣ (см. Хронографы).

(237) См. Дѣла Польск. No 26, л. 64 на об., 73 и 77. Тамъ сказано: «Король и Паны накупали (на Россію) Казы-Гирея Царя... и писали къ «нему съ гонцомъ съ Онтономъ Черкашениномъ о розстригѣ о Гришкѣ, «что будто въ Литвѣ Царевичь Дмитрей, и Жигимонтъ Король отпускаетъ «его на Государя нашего (Бориса) землю войною, чтобъ Крымской далъ «ему помочь... и Казы-Гирей послалъ къ Жигимонту съ отвѣтомъ Посланника Сеферказыя».

Писалъ ли Борисъ съ Огаревымъ къ Сигизмунду, какъ сказали Послы Литовскіе въ Отвѣтахъ Боярамъ Московскимъ (см. выше, примѣч. 221), что если бы Разстрига былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены? Сомнительно.

(238) Въ Нарушев. кн. IV, примѣч. 28, въ письмѣ Тарновскаго, Кастеляна Сендомирскаго, къ Н. Олесницкому, Кастел. Радомскому, писанномъ изъ Стобницы отъ 21 Сент. 1613: Alesmy chcieli Boga oszukac, ze iakoby privato consilio i z swey woli, a nie de consensu Regio.

(239) Въ Польск. Дѣлахъ No 26, л. 79: «Іевъ Патріархъ и Митро«политъ, и Архіеп. и Епископы... посылали къ наивышшей Радѣ Коруны «Польскіе и Вел. Княжества Литов., къ Арцыбискупомъ и Бискупомъ и «ко всему Духовному чину з'грамотами Посланника своего, Ондрея Бу«накова», и проч. Тамъ же, л. 139: «Патріархъ Іевъ посылалъ въ Кіевъ «къ Воеводѣ ко К. Василью Острожскому з'грамотою Сына Боярского, «Овонасья Пальчикова», и проч. Въ отвѣтахъ ЛитовскихъОсловъ сказано, что Бунаковъ въ Вильнѣ уже свѣдалъ о смерти Царя Бориса.

(240) См. Нарушев. кн. IV, 240, и Нѣмцев. кн. VI, 249. Вассенбергъ полагаетъ у Самозванца 10,000 человѣкъ, Кобѣржицкій 15,000, Беръ 8000, другіе 5000, а Паерле 1100 всадниковъ Литовскихъ, 500 пѣшихъ ратниковъ и 2000 Козаковъ. Рукописное сочиненіе послѣдняго, бывшаго въ Россіи при Лжедимитріи, имѣю изъ библіотеки Е. С. Графа Николая Петровича Румянцова. Въ заглавіи: Beschreibung der Moscovittishen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Herrn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Marelichen dem jüngern d. 19 Martii 1606 von Cracau aus angefangen, und was wir warhafftiges gehört, geschen und erfahren, alles aufs kürzest beschriben, bis zur unseren, Gottlob, wider daher Ankunft d. 15 Decembris, Anno 1608.

Іезуиты, бывшіе съ Лжедимитріемъ, назывались Николай Черниковскій и Андрей Лавицкій (см. Гревенбрух. 14).

(241) 26 Окт. по Нов. Стилю: см. Дневную Записку въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 168, и Паерле.

(242) Въ Розрядн. Кн.: «Какъ Гришка Отр. пришелъ на Сѣверу изъ «Литвы въ осень, и противъ вора Гришки посланы были въ Путивль «Мих. Мих. Салтыковъ, да съ нимъ Осадный Воевода К. Вас. Мих. «сынъ Мосальской-Рубецъ... въ Черниговъ Бояринъ К. Никита Роман.

«Трубецкой, да Окольничей Петръ Θед. Басмановъ, да Голова Андрей «Матв. сынъ Воейковъ... Царь велѣлъ быти противу Ростриги во Брянску «на три полки: въ большомъ К. Дм. Ив. Шуйскому, да К. Мих. Θед. Ка- «шину; въ передовомъ Ив. Ив. Годунову, да К. Мих. Самсон. Турени- «ну; въ сторожевомъ Боярину Мих. Глѣб. Салтыкову, да К. Θед. Звени- городскому».

(243) См. Хронографы и Лубѣнск. Op. Posth. 30.

(244) Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 94: «Панъ Радной, Юрьи Сен- «домирской, прельщаючи Сѣврюковъ, говорилъ имъ подъ клятвою, что тотъ «воръ прямой Царевичь... И Король (л. 76) и Паны Рада стояти за него «хотятъ всею Польшею и Литвою. И на Сѣверѣ мужики Сѣврюки люди «простые, забывъ Бога, и душу свою повѣря Сендомирскому Воеводѣ», и проч.

(245) См. выше въ семъ Томѣ

(246) См. въ Архивѣ К. И. Д. Отвѣты ЛитовскихъОсловъ въ 1606 году и Хронографы.

(247) См. Хронографы и Дневную Записку въ *Собран. Г. Г.* II, 167 и слѣд.

(248) 21 Окт.: См. Дневную Записку и Отвѣты Литов.Ословъ. Въ Моравскѣ (въ Монастыревскомъ, по Розрядн. Кн., или, по Больш. Чертежу, въ Муромскѣ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) начальствовали Борисъ Лодыгинъ и Елизарей Безобразовъ. Паерле сказываетъ, что Лжедимитрій оставилъ тамъ 150 Ляховъ для храненія крѣпости.

(249) Паерле пишетъ, что Лжедимитрій послалъ къ Чернигову 2000 Козаковъ, и что городъ хотѣлъ немедленно ему сдаться, но что Воеводы съ 300 Стрѣльцами и съ 20 пушками заперлись въ крѣпости; что жители соединились съ Козаками, силою принудили Стрѣльцевъ отворить крѣпость и выдали Самозванцу Воеводъ связанныхъ; что, его именемъ, Ляхъ Бучинскій занялъ Черниговъ 5 Ноября Нов. Стиля. См. также Петрея 298 и Нѣмцев. кн. VI, 250. Въ Дневной Запискѣ Лжедимитріева похода: «28 Окт. (Нов. Ст.) тамъ же (въ Шляхетской). Прислано изъ «Моравска съ объявленіемъ подданства. 29 Окт. при Полчовѣ. Прихо- «дили Московскіе люди предаваясь въ подданство, и тамъ же Воеводы «отданы.—31 Окт. Моравскъ: замокъ отданъ.—Ноября 1 и 2 въ лагерѣ. «Боярскій сынъ далъ знать о разрывѣ. Шпіонъ пойманъ. 3 Москов. лю- «ди на 80 коняхъ пріѣзжали. 4 Черниговъ поддался. 5 Черниговъ ото- «бранъ... 14 Ноября въ лагерѣ за рѣкою Свиницою».

(250) Отецъ его былъ Крайчій Θедоръ, а дѣдъ Бояринъ Алексѣй Даниловичъ: см. Т. IX, 163.

(251) См. выше, примѣч. 242 и Розрядн. Кн., гдѣ прибавлено: «да «въ Новѣ же городкѣ Сѣверск. были воеводы Алексѣй Ром. Плещеевъ, «да К. Θед. Андр. Звенигородской, да К. Як. Борятинской, да Ондрей «Воейковъ, да Елизарей Бартеневъ».

(252) Паерле: «Басмановъ забралъ къ себѣ въ крѣпость всѣхъ жи- «телей и послалъ 200 Стрѣльцевъ сжечь городъ... Димитрій» (Паерле считалъ Разстригу истиннымъ Царевичемъ) «остановился за 4 мили отъ «Новагорода и послалъ туда Бучинскаго съ 200 Козаками... Россіяне, «стрѣляя, кидали вверхъ свои шапки, въ знакъ того, что хотятъ гово- «рить. Бучинскій самъ-двѣнадцатъ къ нимъ подъѣхалъ и сказалъ» (тутъ описываются переговоры)... «Бучинскій расположился станомъ на горѣ, «откуда могъ видѣть, что дѣлалось въ крѣпости, а самъ поѣхалъ на «встрѣчу къ Димитрію, который совѣтовался съ Воеводою Сендомирскимъ «и съ другими: рѣшились на другой день подступить къ городу, и стали «на пепелищѣ» (тутъ опять переговоры чрезъ Польскихъ Дворянъ и

Русскихъ)... «Димитрій велѣлъ своимъ взять городъ приступомъ: но ихъ «отразили: убито 50 человѣкъ. Прошло около трехъ недѣль» (гораздо «менѣе: см. ниже). «Ляхи занимались изготовленіемъ горючаго вещества; «но непріятель узналъ о томъ, и когда они въ темную ночь приближались «съ огнемъ къ крѣпости, чтобы подорвать ее, началась ужасная пальба: «человѣкъ сто легло на мѣстѣ. Ляхи возвратились въ станъ съ унынiемъ, «и на другой день уже хотѣли бѣжать: тогда, къ счастію Димитрія, «явился гонецъ съ извѣстіемъ, что Путивль ему отдается».—Въ Дневной Записке: «18 Ноября въ лагерѣ за Сновою. *Принесена Папежская гра-* «*мота*... 21. Н. подъ Новогородкомъ... 24 Н. подъ замкомъ пальба» (приступъ) «28... Н. съ Суботы на Воскресенье чрезъ всю ночь пальба» (неудачное покушеніе зажечь крѣпость). «Пріѣхали Путивляне, объявляя «о поиманіи Воеводъ. 29 Н. Воеводы изъ Путивля приведены. 30 «Н. Козаковъ 200 поимали. Плѣнникъ въ замокъ впущенъ и Путивляне «извѣстіе учинили о поиманіи 200 Стрѣльцевъ Московскихъ. 1 Декабря «Путивляне Голову Стрѣлецкаго и съ Сотниками отдали».

Вотъ достовѣрнѣйшія извѣстія — и вотъ баснословія Хронографа: «Онъ же Гришка начатъ крѣпко бити по граду, и разбиша градъ до «обвалу земнаго. Воеводы же и граждане сотвориша лукаву вещь: на- «чаша бити челомъ ему и милости просити въ винѣ, будто не знаючи «его, супротивъ стаста ему: нынѣ же познахомъ тя, прирожденнаго Го- «сударя своего... нынѣ градъ отворимъ и съ честію встрѣтимъ тебя. Онъ «же повелѣ престати по граду бити. Они же тайно уготовиша пушки «и пищали... и градъ отвориша. Они же (Гришкины воины) пойдоша «тѣсно, и егда въ притинъ быша, граждане начаша бити по войску его «изо всего наряду, и убиша у него яко 4000... Гришка срама и гнѣва «наполнися, и повелѣ опять ко граду приступати, и ничто же успѣ».

(253) См. *Никонов Лът.* 61. Петрей разсказываетъ, что знатный сановникъ, Вас. Мих. Мосальскій, былъ посланъ отъ Царя къ войску съ 80,000 талеровъ (см. ниже, примѣч. 256), но привезъ ихъ къ Самозванцу, который встрѣтилъ его за то съ музыкою и сдѣлалъ своимъ Маршаломъ. Извѣстіе нашего Лѣтописца достовѣрнѣе. Въ Дневной Запискѣ: «4 Дек.» (по нашему стилю 25 Ноября) «Рыльчане пріѣхали, объ- «являя, что Рыльскъ поддался и Воеводы поиманы. Того жь дня изъ «Комарницкой (Сѣвской) волости люди пріѣхали съ объявленіемъ под- «данства, и двухъ Воеводъ привели... 10 Дек. получено извѣстіе о здачѣ «Курска, и привезены 5 Воеводъ изъ Рыльска и 2 изъ Комарницкой «волости... 13 Дек. получено извѣстіе, что волость Кромы поддалась». Гревенбрухъ пишетъ, что Осколъ, Волуйка, Воронежъ, Борисовъ, Бѣлгородъ. Елецъ и Ливны сдались Лжедимитрію уже послѣ неудачнаго приступа Царскихъ Воеводъ къ Рыльску (см. ниже); но въ нашихъ Лѣтописяхъ говорится въ одно время объ измѣнѣ всѣхъ городовъ: что согласно и съ извѣстіемъ Паерле и съ обстоятельствами.

(254) См. выше примѣч. 201, и Гревенбруха, который пишетъ (вмѣсто Гришки Отрепьева): Hinsko Otiopeion. Де-Ту сообщаетъ тоже извѣстіе.

(255) См. Паерле.

(256) См. Нѣмцев кн. VI, 253, 254, гдѣ сказано, что Лжедимитрій встрѣтилъ сихъ купцевъ съ казною на пути отъ Чернигова къ Новугороду Сѣверскому. См. выше, примѣч. 253.

(257) Въ Дневной Запискѣ: «7 Дек. передалось изъ замка (Ново- «городскаго) 80 Москвитянъ... 11 Дек. стали мы (Разстрига и Мнишекъ) «палить изъ большихъ пушекъ» (свезенныхъ, какъ пишетъ Паерле, изъ разныхъ городовъ, которые сдались Лжедимитрію)... «14 Дек. наше

«войско побило 100 человѣкъ Москвитянъ... 24 Дек. Московскихъ 100 «человѣкъ вошли въ замокъ. 25 Дек. наши побили Москвитянъ, которые «въ замокъ приходили». О перемиріи см. Пасрле. Басмановъ давалъ чувствовать Отрепьеву, что вѣсти Московскія будутъ безъ сомнѣнія благопріятны для него (Самозванца).

(258) См. выше въ семъ Томѣ.

(259) См. Т. X, стран. 140. Далѣе см. Розрядн. Кн.

(260) См. Т. X, стран. 132. Угличанъ сослали, какъ извѣстно, въ Пелымъ.

(261) См. Хронографы.

(262) Въ грамотѣ Патріарха Іова къ Архимандриту Солевычегодской Обители: «Намъ и всему міру о томъ подлинно вѣдомо, что К. «Дмитрія Ив. не стало на Угличѣ въ 99 году, тому нынѣ 14 лѣтъ, и «нынѣ лежитъ на Угличѣ, въ Соборной церкви, а на погребеніи его была «мать его и братія ея, Нагіе... Статочное ли то дѣло, что Князю Дми«трію изъ мертвыхъ воскреснути прежде общаго воскресенія и Страшнаго «Суда?... Дѣлаетъ то Жигимонтъ Король и Паны Радные, хотячи Сѣвер«скіе земли городовъ доступити къ Литвѣ: для того страдника назвали «Княземъ Дмитріемъ». О безсовѣстности Шуйскаго см. Т. X, стран. 128.

(263) Въ Хронографѣ: «Людіе же о семъ вѣры не яша, ни Па«тріарху, ни К. Вас. Ив. Шуйскому, глаголюще: сіи сице глаголютъ по «наученію Борисову... Аще не сія Борису глаголати, да что ино ему «творити? *Мнитъ* бо онъ и до днесь убита его (Димитрія); но въ него «мѣсто инъ убитъ былъ».

(264) Въ грамотѣ Іова къ Архим. Солевычегодск. Обители: «Ростригу «Гришку... и его воровскихъ совѣтниковъ... и Государевыхъ измѣнниковъ... «и впередъ кто учнетъ на то прельщатися и ему вѣрити, соборнѣ и «всенароднѣ (мы) прокляли и впредъ проклинати велѣли». Въ приговорѣ Соборномъ Царя Бориса (въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 164, и въ Татищевскомъ *Судебникѣ* 233): «Царь и В. К... съ Патріархомъ... и съ сы«номъ своимъ, благородн. Царевичемъ, со всѣмъ освящ. Соборомъ... и со «всѣмъ своимъ Царскимъ Сигклитомъ, видя Божеское на насъ, за грѣхи «наша, праведное прещеніе, яко вѣстный всѣмъ воръ... назвался Царе«вичемъ, который, какъ всѣмъ вѣдомо; по приключенію скончася въ «Угличѣ; а сей злохищный *звичище* сольсти Короля *Лятскаго* и Литов«скаго... хотя похитити Царство Москов. и православн. Христ. Вѣру «истребити, а ввести проклятую Папежскую, его же повелѣхомъ всюду въ «церквахъ святыхъ и по торжищамъ клясти». Число поставлено 12 Іюня 1604; но это явная ошибка: тутъ сказано о Разстригѣ: «*пришелъ* въ наши «Украйные грады съ войски великими»—а Разстрига *пришелъ* въ Октябрѣ 1604. И слогъ кажется мнѣ весьма необыкновеннымъ для тогдашняго времени. Не оспориваю исторической достовѣрности сего Приговора; однакожь не ручаюсь за оную.

(265) См. Т. VIII, 273. Въ Приговорѣ Соборномъ (въ Татищев. *Судебникѣ* 234—238): «Войска наши оскудѣша, овіи, прельщени тѣмъ во«ромъ, къ нему предалися; многіе Козаки, забывъ къ намъ крестное цѣ«лованіе, намъ измѣнили: иные отъ долгаго стоянія изнурились, испро«торились и въ домы разошлись, и тако воямъ нашимъ зѣло умали«шимся; многіе же люди, имѣя великія помѣстья и отчины, а службы «не служатъ... и живутъ въ домахъ, не пекущеся о гибели Царства и о «св. Церкви. Первѣе бо не *толъ* слуги Святителей и монастырей, но и са«ми Старцы, Священницы и Діаконы въ нашествіе нечестивыхъ мно«жицею на войну исхождаху... Мы же сего не восхотѣхомъ... а повелѣ«хомъ, да вси Патріарши, Митрополичи, Архіепископли и Епископли и

«монастырей слуги, колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ собрався со «оружіемъ и запасы, идутъ въ Калугу къ Бояромъ нашимъ и Воеводамъ, «К. Ѳед. Ив. Мстиславскому съ товарищи». Далѣе: «Царь Іоаннъ Вас. «уставилъ всѣмъ отъ помѣстей и отъ отчинъ ото ста четвертей ставити «на войну человѣка совсѣмъ гожаго: а мы, яко сіе вельми тяжко бысть, «повелѣхомъ отнынѣ и впредь, кто колико помѣстей и отчинъ имѣетъ, а «самъ коея ради вины на войну не идетъ, хотя старости или болѣзни «или въ Приказахъ и городахъ судейства и управленія ради, быти самъ «не можетъ, ни сына пошлетъ, тому слати холопа отъ двусотъ четвер- «тей съ конемъ, съ полнымъ доспѣхомъ и запасомъ, коему граду куда «итти велѣно будетъ... А которые за ранами и увѣчьемъ изъ полковъ «отпустятся, которые, въ полону будучи, выдутъ, и тѣхъ оставляти въ «домахъ на два лѣта, и холопей имъ не посылати. А которыхъ вдовъ «мужи, а дѣтей малыхъ отцы убиты на войнѣ, или въ плѣнѣ удержатся, «ино тѣхъ потому же два лѣта не высылати. А которые имѣютъ помѣстья «и отчины. а сами или ихъ дѣти не въ войскѣ, и холопей не пошлютъ... «огурствомъ, и у тѣхъ, со сколькихъ четвертей службы не будетъ, то- «лико четвертей взяти и отдати безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, кои «служатъ, Дѣтемъ Боярскимъ и иныхъ чиновъ людемъ.—А которые Ми- «трополиты, Архіепископы и Епископы или монастыри холопей годныхъ «въ службу не вышлютъ... и за тѣхъ людей доправити... за всякаго че- «ловѣка... по 15 рублевъ, а слугъ тѣхъ писати въ Стрѣльцы безъ поцады. «А буде у коего Митроп., Архіеп. и Епископа, или монастыря, толико «слугъ гожихъ нѣтъ, колико за нимъ отчинъ по четвертямъ, и съ тѣхъ... «брати по гривнѣ за четверть, и давати тѣ деньги служилымъ людемъ, «коли война есть; а нѣтъ войны, ино людей и денегъ не брати». Въ Розрядн. Кн.: «послалъ Царь» (осенью 1604) «збирать Дворянъ и Дѣтей «Боярскихъ, Стольниковъ и Стряпчихъ по городамъ, а наказы имъ даны «особные».

(266) Маржеретъ (стран. 114), который самъ былъ тогда въ Борисовомъ войскѣ, сказываетъ, что оно состояло изъ 40,000 или 50,000 ратниковъ. Другіе (Кобѣржицкій 59, Лубѣнскій 37 и Паерле) говорятъ о 60,000. Беръ пишетъ: «Царь послалъ всюду гонцевъ съ указомъ быть «всѣмъ Князьямъ, Боярамъ, Стрѣльцамъ, иноземцамъ къ 28 Октябрю въ «Москву, подъ опасеніемъ лишиться имѣнія и самой жизни въ случаѣ «неповиновенія. Послали и другихъ и третьихъ гонцевъ съ такимъ же «указомъ. Въ теченіе мѣсяца собралося болѣе ста тысячь, коимъ Царь «велѣлъ итти съ К. Мстиславскимъ къ Новугороду Сѣверскому, куда «гнали изъ деревень и прочихъ людей воинскихъ. Кто не слушался, у «того отнимали помѣстье; иныхъ заключали въ темницу или сѣкли «плетьми, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось цѣлаго мѣста. Сіи «мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое около Мартинова дня «состояло уже почти изъ 200,000 человѣкъ».

(267) Видекиндова Historia Belli Svedo-Moscovitici decennalis, глав. X, л. 20.

(268) См. Дѣла Польск. No 26, л. 76. Въ Дневной запискѣ (*Собр. Г. Г.* II, 171): «25 (15) Дек. принесено *ко мнѣ* письмо изъ войска Бо- «рисова:» слѣдственно это писано самимъ Мнишкомъ. Тамъ же: «26 Дек. «три солнца видѣли... 28 Дек. войско Борисово приближалось, и при «переправѣ, за милю отъ насъ, наши съ ними стрѣлялись. Передались «отъ нихъ два Боярина (въ подлинникѣ Dway Boyarow). 29 Дек. пе- «редался *Бояринъ*» (Boyarzyn, безъ сомнѣнія *Сынъ Боярскій*) «изъ войска «Борисова. 30 Дек. начало стычки... и побито нѣсколько».

(269) См. выше, примѣч. 240.

(270) См. Паерле. Лжедимитрій говорилъ: «Насталъ часъ, о любез-«ные и вѣрные мои сподвижники!... часъ, въ который Господь рѣшитъ «мою прю съ Борисомъ!... Будемъ спокойны: ибо Всевышній правосу-«денъ: Онъ чудесно спасъ меня, чтобы казнить злодѣя... Не бойтесь «многочисленности враговъ: побѣждаютъ мужествомъ и добродѣтелію, а «не числомъ, какъ то свидѣтельствуетъ Исторія... Мнѣ будетъ Царство, «а вамъ слава, лучшая награда добродѣтели въ здѣшней краткой жизни». Вотъ смыслъ; рѣчь многословна и не весьма складна. Вѣроятно, что Паерле написалъ ее за Лжедимитрія.

(271) Histoire de J. A. de Thou, кн. 135, стран. 49.

(272) Въ описаніи битвы слѣдую Маржерету (113, 114). En escarmouchant, пишетъ онъ, il vint trois compagnies Polon. charger un des bataillons si furieusement, que le dit bataillon se vint fondre sur l'aile droite, et ainsi sur le corps de l'armée, avec tel desordre, и пр. См. также Бера. На лѣвомъ крылѣ были Воеводы Окольничій Вас. Петр. Морозовъ и К. Лука Осип. Щербатой, въ срединѣ съ Мстиславскимъ К. Андрей Андр. Телятевскій, въ перед. полку Бояре К. Вас. Вас. Голицынъ и Мих. Гл. Салтыковъ, въ сторожевомъ Окольничій Ив. Ив. Годуновъ и Кн. Михайло Самсон. Туренинъ. Въ Хронографѣ: «Егда при-«идоша (Воеводы Борисовы), и градъ (Новгородъ Сѣверск.) выручаютъ, «и войско съ войскомъ сходятся, стрѣляюще изъ пищалей и изъ луковъ «тмочисленныхъ... и бысть сѣча велія... яко же и на Дону у В. К. «Дмитрія Ив. съ Мамаемъ; ужаса и трепета полна бяше та борьба. Онъ «же Гришка съ хитростію на бой нарядився: воинскіе люди и кони ихъ «въ медвѣжьихъ кожахъ и овечьихъ навыворотъ... кони же Борисовой «рати зѣло мятущеся; они же въ смятеніи томъ всадниковъ побиваху, и «тако Борисово войско смятеся, и до самаго стяга и знаменія Воевод-«скаго добишась, и много безчисленно людей падоша... и самаго К. Ѳ. «И. Мстиславскаго зѣло раниша... и воины Борисовы побѣгоша; они же «ихъ девять верстъ и больше гнаша сѣкуще: трупу жь человѣка яко «лѣсу пороніша, и яко мостъ на 9 верстъ помостиша; аще не бы нощь «постигла, мало бы спаслося». См. также *Никон. Лѣт.* Въ Дневной Запискѣ: «Счастливое, по милости Божіей, сраженіе съ войскомъ Бори-«совомъ, и побитыхъ до 4000 человѣкъ». То же число означаетъ и Паерле: Петрей только 2000.

(273) См. Петрея 299. Онъ говоритъ, что начальникъ шести сотъ иноземцевъ, Шведскій Капитанъ, Лоренцъ Біугге, помогъ Басманову.

(274) Маржеретъ: On eust dit que les Russes n'avoient point de bras pour frapper. Онъ же сказываетъ, что они послали нѣсколько плѣнниковъ въ Москву, и въ числѣ ихъ одного Капитана Польской конницы, именемъ Domarasqui.

(275) Въ Дневной Запискѣ: «Генв. 1 (по Нов. Ст.) войска Запорож-«скаго пришло 4000». Паерле пишетъ, что ихъ пришло 12,000 (въ *Повѣсти о Гришкѣ Отрепьевѣ* даже 30,000); всадниковъ 8000 и пѣшихъ 4000, съ 14 пушками; что Лжедимитрій выѣзжалъ къ нимъ на встрѣчу, и въ общемъ совѣтѣ положилъ немедленно сразиться съ войскомъ Борисовымъ, которое стояло въ милѣ отъ Новагорода; но что гонецъ Королевскій тогда же привезъ указъ Сигизмундовъ всѣмъ Полякамъ оставить Самозванца, въ исполненіе Борисова требованія чрезъ Огарева (см. выше, примѣч. 237). Въ Дневной Запискѣ не упоминается о гонцѣ Королевскомъ.

Войско Борисово удалилось отъ Новагорода для того, какъ пишутъ нѣкоторые (см. Лубенск. 31 и Нарушев. кн. IV, 242), что Лжедимитрій

объявилъ въ своемъ станѣ о немедленномъ прибытіи къ нему Ходкѣвича изъ Ливоніи съ великою силою: «услышали радостныя восклицанія, «звуки трубъ, пальбу изъ пушекъ — и Воеводы Московскіе отступили «далѣе».

(276) Паерле говоритъ, что и сіи ушли-было отъ Самозванца, но возвратились къ нему на третій день. Поляки, если вѣрить Петрею, ушли съ досады на Самозванца, который не далъ имъ ничего изъ воровской казны Мосальскаго (см. выше, примѣч. 253), раздавъ ее всю Козакамъ. Въ Дѣлахъ Польск. No. 27, л. 92: «Отшелъ Воевода Сендомирскій отъ того вора «собою послѣ того, какъ ему бой былъ съ Бояры, а отходилъ для помочи «тому вору, а не за Королевскимъ повелѣньемъ; а Староста Остр. Мих. «Ратомской и Тишкѣевичь и Ротмистры остались». По Дневной Записке (*Собран. Г. Г.* II, 172) Лжедимитрій и Мнишекъ вмѣстѣ отступили отъ Новагорода Сѣверск. 12 Генв. и ночевали въ Нѣргодѣ, 13 въ лѣсу при какой-то деревнѣ, 14 надъ болотомъ при деревнѣ, гдѣ сдѣлалась тревога; 15 Генв. стояли надъ озеромъ, и Мнишекъ разъѣхался съ Лжедимитріемъ: первый съ своими отправился въ Самборъ, а послѣдній въ Сѣвскъ: см. рукописн. *Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ*. Въ другихъ извѣстіяхъ наименованъ здѣсь, вмѣсто Сѣвскаго острога, Чемлинскій: см. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*; см. также Маржерета 114. Паерле разсказываетъ слѣдующее: «Не зная, куда дѣвались Воеводы Борисовы, Лже-«димитрій послалъ изъ Сѣвска 500 Козаковъ развѣдать объ нихъ: Козаки «встрѣтили въ лѣсу 30 Россійскихъ всадниковъ, взяли трехъ въ плѣнъ, «и свѣдали, что не далеко оттуда, въ деревнѣ, стоитъ ихъ до четырехъ «тысячъ, а въ станѣ близь Новагорода Сѣверск. не менѣе ста тридцати «тысячъ. Лжедимитрій послалъ къ Козакамъ 120 Ляховъ: они на голову «разбили 4000 Москвитянъ въ деревнѣ». Въ Петреѣ: «Москвитяне сто-«яли въ лѣсу, въ трехъ миляхъ отъ Добрыничей, и послали на грабежъ «7000 человѣкъ: горсть Ляховъ встрѣтила ихъ и разбила; легло на «мѣстѣ 4000. Воеводы Борисовы отъ ужаса оградились рогатками. На «третій день они выслали 12000 всадниковъ развѣдать о непріятелѣ: «войско Лжедимитріево сражалось съ ними до ночи; убило 200 Москви-«тянъ и взяло 100 плѣнниковъ; а Москвитяне только одного пьянаго и «несказанно тѣмъ веселились. Сей плѣнникъ требовалъ вина, былъ заму-«ченъ и повѣшенъ на деревѣ».

(277) Въ Розрядахъ 1605 года (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумажники Миллера, No VI): «Дек. въ 21 у Новагородка Сѣверскаго было дѣло съ Ростригою... и К. Θед. Ив. по головѣ ранили во многихъ мѣстахъ; и Государь послалъ Чашника своего, Микиту Дм. Вельяминова-Зернова, съ рѣчью, съ милостивымъ словомъ; а въ рѣчи пишетъ говорити Боярину, К. Θ. И. Мстиславскому: «*Государь Царь... и сынъ его... «велѣли тебѣ челомъ ударити... и говорити: слухъ намъ дошолъ, что у «васъ было съ крестопреступники, Литовскими людми, и съ Ростригою «дѣло... и тебя ранили... а Бояринъ нашъ, К. Дм. Ив. Шуйской съ това-«рищи, о томъ къ намъ не писали... И ты памятуючи крестное цѣлованье, «предалъ кровь свою за Бога и за Преч. Богородицу, и за вел. Чудотвор-«цевъ и за Св. Божіи церкви и за всѣхъ православныхъ Христіанъ; и аже «дастъ Богъ, службу свою совершишь и увидишь образъ Спасовъ и Преч. «Богородицы, и вел. Чудотворцевъ, и наша Царскія очи, и мы тебя по-«жалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чево у тебя на умѣ нѣтъ. Да «Государь же жалуетъ тебя, и послалъ къ тебѣ со мною Дохтура Елана «да Оптекаря Петра да Лавринова...* Говорити Боярамъ, К. Дм. Ив. «Шуйскому съ товарищи: Государь Царь... у сынъ его велѣли вамъ «поклонитца... и велѣли вамъ говорить: *вы къ намъ не писали, коимъ обы-*

«*чаекъ у васъ дѣло дѣлалось* (Дек. 21), *и вы то дѣлаете не гораздо, и «вамъ бы о томъ написать къ намъ наскорѣ*... Вельяминову, собравъ Дво«рянъ и Дѣтей Боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей, да спросити отъ «Государя и отъ Царевича о здоровьѣ... (и сказать): *Государь Царь и «сынъ его... жалуютъ васъ, и велѣли васъ о здоровьѣ спросить*... Генв. въ «1 день Государь послалъ Б. и Воеводу, К. В. И. Шуйсково, а велѣлъ «ему въ большомъ полку быти прибыльнымъ Воеводою».

(278) То есть, сто тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера. Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: «Воеводамъ же, К. Никитѣ Ром. Тру«бецкому да П. Ѳ. Басманову, на Москвѣ велію честь (Царь) воздаде; «Петра же наипаче К. Никиты жаловаше: того же въ немъ не чаяше, «что ему здѣлати надъ Царицею его и надъ дѣтьми».

(279) См. *Никон. Лѣт.*, Розрядн. Книги и Маржерета 114, 115.

(280) Маржеретъ: L'armée de Boris (состоявшая изъ сорока или пятидесяти тысячь) se renforçoit tous les jours; но не говоритъ, чтобы она сдѣлалась втрое или вчетверо сильнѣе: какъ далеко до двухъ сотъ тысячь Беровыхъ и Петреевыхъ! — Добрыничи нынѣ Добрынь или Добрунь. Паерле пишетъ, что Самозванецъ, узнавъ о приближеніи Воеводъ Борисовыхъ, разсуждалъ съ своими чиновниками, что дѣлать: опасаясь быть стѣсненными въ Сѣвскѣ, лишиться всѣхъ подвозовъ и сообщенія съ городами, которые держали сторону Лжедимитріеву, они рѣшились итти на встрѣчу къ непріятелю.

(281) См. Маржерета 115.

(282) Паерле: die hatten über ire Rüstungen weisse hemmter, damit sie von den andern Musscovittern erkhant mögten werden. Тамъ же слѣдующія обстоятельства: «Лжедимитрій встрѣтилъ 5000 Россіянъ, «вступилъ съ ними въ жаркое дѣло, убилъ 1000 человѣкъ, взялъ въ «плѣнъ двухъ Бояръ и множество другихъ: остальные съ крикомъ бѣ«жали къ своему стану, близъ деревни, откуда Воеводы Борисовы не«медленно вышли на равнину. Лжедимитріева рать испугалась ихъ силы, «но ободрилась, выслушавъ рѣчь Самозванца... er selbst sitzent auf einem «castani-braunen Türckischen Pferdt, mit einem blossen Pallasch inn «der Hant vor dem ersten Hauffen», и проч.

(283) См. Маржерета: лучше вѣрить ему, нежели Беру, который пишетъ, что Ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ и *Маржеретъ*, начальники двухъ иностранныхъ дружинъ, съ кликомъ: Hilf Gott! прогнали Лжедимитрія, отнявъ у него взятыя имъ Московскія пушки; что ободренные Россіяне также устремились въ слѣдъ за непріятелемъ, также кричали Hilf Gott, и заставили Нѣмцевъ смѣяться. Маржеретъ признается, что и самъ онъ и Розенъ бѣжали: après quelque résistance que firent les dits étrangers, tout tourna le dos. См. и Паерле, увѣряющаго, что Россіяне умышленно обратили тылъ и заманили непріятеля подъ картечи; что они убили однакожь не болѣе трехъ человѣкъ, и ранили человѣкъ пять; что Самозванецъ, когда вѣтромъ разнесло дымъ, снова хотѣлъ ударить на нихъ, но что Козаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили Царевичу, ушли, и заставили его также искать спасенія въ бѣгствѣ; что усильно оборонились только 4000 пѣшихъ Козаковъ (Cosakische Knechte) у пушекъ, убили множество людей и всѣ легли на мѣстѣ.—Хронографъ опять баснословитъ: «И паки стрѣляющесь изъ пищалей и изъ луковъ «тмочисленныхъ... крови рѣки сташа... Князь же Вас. Ив. Шуйской, «хотя мстити первую обиду свою, съ правые руки съ своимъ полкомъ «остроумно и храбро наступи, съ лѣвую жь руку Ив. Ив. Годуновъ, и «иные... Гришка жь едва и самъ убѣжа; умыча его К. Ив. Татевъ въ «Рылескъ»

(284) См. Бера. Въ *Никон. Лът.:* «Однихъ Черкасъ побиша 7000» (въ нѣкоторыхъ Розрядн. Книгахъ: 13,000). «Съ сеунчемъ (съ вѣстію) «послаша къ Царю Мих. Борисов. Шеина» (Чашника).

(285) То есть, 400 тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера. Въ Розрядн. Кн.: «Послалъ (Царь) съ золотыми К. Дан. Ив. Мезецково... «и Вас. Морозовъ золотово не взялъ для К. Андрея Телятевсково... и «на Морозово мѣсто велѣно быти въ лѣвой рукѣ Замятнѣ Сабурову, и «Замятня билъ челомъ Государю въ отечествѣ на К. Василья Голицына».

(286) См. Петрея 302.

(287) См. Паерле. Въ Дѣлахъ Польск. No 27, л. 92: «А Тишкѣе«вича и Ротмистровъ и многую Шляхту на томъ бою живыхъ взяли, и «достальные побѣжали въ Польшу» (и съ ними Мих. Ратомскій).

(288) См. Маржерета, Бера и Хронографы.

(289) См. Хронографы и Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ Архивѣ К. И. Д. г. 1606.

(290) См. Паерле.

(291) См. Отвѣты Литовск. Пословъ. Они говорили, что К. Татевъ требовалъ очной ставки съ Борисовымъ сановникомъ, Огаревымъ, который еще находился тогда въ Варшавѣ, но что Сигизмундъ не хотѣлъ принять его (Татева).

(292) См. Бера и Паерле. Самозванецъ свидѣтельствовался К. Иваномъ Мстиславскимъ, Андреемъ Щелкаловымъ и мнимымъ своимъ Докторомъ, также умершимъ.

(293) См. *Ростов.* и *Никон. Лът.* Объ утрудненіи войска см. Маржерета 117. Паерле говоритъ, что Лжедимитрій будто бы отрядилъ изъ Путивля 5000 Дон. Козаковъ и 1000 Россіянъ для спасенія осажденнаго Рыльска; что они разбили сторожевое Москов. войско, и что всѣ полки Борисовы, тѣмъ испуганные, бѣжали отъ Рыльска, оставивъ въ добычу непріятелю обозы, хлѣбные запасы и 14 пушекъ; что Козаки и Рыльчане гнали бѣгущихъ, убили 3000 человѣкъ, взяли множество плѣнниковъ и проч.

(294) Въ *Ростов.*, *Никон. Лът.* и другихъ: «Царь же Борисъ... «посла ближнихъ своихъ людей, Стольниковъ и Стряпчихъ и Дворянъ «Московскихъ и всякихъ чиновъ людей и дворовыхъ... Роскручинися на «Бояръ и на Воеводъ, что не поимаша того Гришки, и посла (Царь) къ «нимъ съ словомъ Окольничево П. Никит. Шерем. да Думнаго Дьяка «Оѳ. Вл. Они же пріидоша въ полки въ Радоготскій (Радожецкой, Ра«допеской) острогъ и начаша говорити Бояромъ и всей рати: *что здѣ«лася вашимъ нерадѣньемъ? столько рати побили, а того Гришки не «умѣли поймать.* Бояре жь и вся рать оскорбишася; въ рати жь стало «нестроеніе, мнѣніе и ужасть отъ Царя Бориса. Съ тое же поры многіе «начаша думати, какъ бы Царя Бориса избыть, а тому окаянному «Гришкѣ служити».

(295) См. выше.

(296) См. Петрея, называющаго Корелу волшебникомъ. Выписывая сіе извѣстіе, Авторъ *Ядра Рос. Исторіи* обратилъ 600 въ 6000. Въ *Никон. Лът.* (и въ другихъ): «въ Кромахъ сидѣлъ измѣнникъ *Григорей «Акиндевъ* да Атаманъ Донской Корела съ Донск. Казаками».

(297) Въ *Лѣтописцѣ о Мятежахъ:* «Михайло же Салтыковъ, видя «тѣмъ врагамъ тѣсноту, и не поговоря съ Бояры, *Государевъ нарядъ* «(пушки) сведе, наровя тому Гришкѣ». Это ошибка. Въ современной лѣтописи, изъ коей взято сіе извѣстіе, сказано такъ (см. *Ростов.*, *Никон. Лът.* и проч.): «И какъ городъ сгорѣ, Государевы люди сѣдоша на «осыпи.... біющесь безпрестанно... Михайло жь Салтыковъ, видя тѣмъ

«врагомъ тѣсноту, и не поговоря съ Бояры, *Государеву рать* сведе, а «паровя тому Гришкѣ»...

(298) См. Бера и Хронографы.

(299) См. *Ростов.*, *Никон. Лът.* и проч.

(300) См. Бера.

(301) Паерле: «Третій, будучи уже не молодъ, хотѣлъ видѣть самого «Димитрія... тотчасъ узналъ его, упалъ къ нему въ ноги и не могъ ска«зать ни слова отъ ужаса. Димитрій велѣлъ ему встать и говорить. Мо«нахъ сказалъ: *Вотъ нашъ законный Царь, чудесно спасенный Богомъ! «Мы видѣли, что человѣкъ, сидѣвшій на Димитріевомъ мѣстѣ, былъ не «истинный Димитрій.* Онъ просилъ, чтобы Царевичь велѣлъ другимъ «удалиться, и чтобы между тѣмъ никого не выпускали изъ замка (или «дворца). Всѣ удалились, кромѣ человѣкъ трехъ ближнихъ. Тогда Мо«нахъ сказалъ: *Всемилостивѣйшій Государь! знай, что одинъ изъ моихъ «товарищей имѣетъ у себя разные яды, и самый смертоносный спрятанъ «у него въ сапогѣ, между подошвами: кто прикоснется къ сему яду, тотъ «въ девятый день ужасно распухнетъ и лопнетъ. Двое изъ твоихъ Бояръ «взялись смѣшать оный съ ладономъ и посредствомъ куренія отравить «тебя въ церкви. Сіи измѣнники въ сношеніи съ Борисомъ.* Димитрій велѣлъ «имъ привести къ себѣ и сказалъ: *Злодѣи! можете ли въ старости быть «столь вѣроломными? Тѣмъ ли платите за мои милости? Помните ли, «что народъ выдалъ мнѣ васъ въ желѣзахъ и требовалъ вашей казни, а я «сдѣлался вамъ отцемъ? Теперь уже нѣтъ милосердія!..* Они во всемъ «признались... и были выданы гражданамъ, которые разстрѣляли ихъ на «площади... Двухъ Монаховъ, не хотѣвшихъ объявить истины, заключили «въ темницу; а третьяго, спасшаго Димитрія отъ смерти, осыпали ми«лостями». Гревенбрухъ пишетъ тоже, но иначе.

(302) См. Гревенбр. 18 и де-Ту кн. 135, стран. 50.

(303) Въ Хронографѣ: «Борису же глаголы сія» (о томъ, что Лжедимитрій могъ быть истиннымъ Димитріемъ) «во ушеса приношаху; онъ «же за сія глаголы языки рѣзаше, и иныхъ многихъ мукамъ и смерти пре«дая, но никако отъ людей чаянія сего отъяти не возможе».

(304) Въ письмѣ Лжедимитрія къ Мнишку отъ 11 Мая (см. Нѣмцев. Т. II, стран. 530): «По написаніи сего письма гонцы привезли «намъ вѣсть изъ Ливенъ, отъ тамошняго Воеводы, что 29 (13) Апрѣля «Борисъ торжественно принималъ иноземцевъ» (въ другомъ мѣстѣ сказано: Датскихъ Пословъ): «вдругъ полилась у него кровь изъ носу, изъ «ушей, и нѣкая сила (siła nieiaka z Maiestatu go porwawszy) свергла «его съ престола, ударила о землю — и такимъ образомъ бѣдно скончалъ «дни свои». См. Бера, Лубенскаго В. С. 31, Пясецкаго Chron. 265, де-Ту кн. 135, стран. 50. Въ *Ростов.*, *Никон. Лът.* (и въ другихъ): «Царю Борису вставшу изъ-за стола послѣ кушанья, и внезапу пріиде «на него болѣзнь люта, и едва успѣ поновитись и постричись, и бывъ «два часа въ той же болѣзни, и скончася». См. также Окружную Грамоту Патріарха Іова, въ *Собран. Г. Г.* II, 189, гдѣ сказано: «Послѣ «себя, Государя, приказалъ и благословилъ на всѣ великія Государства «Рос. Царствія Царемъ сына своего». Въ грамотѣ Ростов. Митрополита Кирилла о преставленіи Бориса: «Отходя отъ сего свѣта, *при насъ*, бо«гомольцахъ своихъ, приказалъ и благословилъ на великіе Государства «сына своего». Въ Розрядн. Кн.: «Того же Апр. 13 нарекли на Москов«ское Государство Патріархъ Іевъ всѣмъ Вселенскимъ Соборомъ и вся«кихъ чиновъ люди Государемъ Царевича Ѳедора Борисовича всея Русіи». Паерле сказываетъ, что Борисъ умеръ въ Золотой палатѣ.

(305) См. Хронографы, Морозов. Лѣт. и многія другія сказанія о концѣ Борисовомъ. Такъ говоритъ и Беръ, восклицая: O mala conscientia, quam timida bestia! Маржеретъ и другіе приписываютъ сію незапную смерть удару. Лубѣнскій (Op. Posth. 32) обвиняетъ Петра Басманова, будто бы уже подкупленнаго Самозванцемъ, въ отравленіи Годунова.

Морозов. Лѣтописецъ такъ судитъ Годунова умершаго: «О преславный Царю Борисе, паче же неблагодарный! почто душепагубнаго дѣла поискалъ еси? почто мятежа душу твою исполнилъ еси? Не удовляся величествомъ власти своея, юже ти дарова Богъ, почто незлобиваго младенпа, Царева сына, смерти горькой предалъ еси, и Царскій родъ въ Россійскомъ Государствѣ пресѣклъ еси, и Царскій престолъ себѣ восхитилъ, его же недостоинъ былъ еси? Почто благородіе свое погубилъ еси, жену и чадъ своихъ горькія и безчестныя смерти сподобилъ еси отъ худаго и убогаго раба, и Царство великія Россіи возмутилъ еси (отъ сего же и запустѣніе воспріяло есть)? Се и возмездіе воспріялъ еси. Не ногасилъ еси любве завистію, но возжеглъ еси паче; не умалилъ еси чести заколеніемъ, но протяглъ еси множае. Ельма того убилъ еси, и умерый тебѣ муцѣ предасть. Не убоялся еси того жива суща, тѣмъ же убойся скончавшагося. Не трепеталъ еси хотяй наносити мечь, но объятъ будеши трепетомъ всегдашнимъ по изліяніи крове. Скончавыйся Владыка бысть тебѣ страшный, и месть воздая!»

Беръ говоритъ о Борисѣ: «Объ немъ можно по истинѣ сказать, что онъ жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ песъ!»

(306) Въ грамотѣ Ростов. Митрополита къ Архимандр. Усольскаго Введенскаго монастыря (полученной мною отъ А. И. Ермолаева): «Божіимъ праведнымъ судомъ за нашъ грѣхъ Великаго Государя нашего, Царя и В. К. Бориса Ѳедоровича, *праведная* и *безпорочная* душа съ сего свѣта *къ Богу отошла* Апр. въ 13 д., а по его Государеву обѣщанію Богъ его, Государя, сподобилъ воспріяти Ангельскій Образъ, во Иноцѣхъ Боголѣпъ».

(307) Въ *Собраніи Госуд. Грам.* II, 192: «Цѣлую крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Княг. Марьѣ Григорьевнѣ, и ея дѣтемъ, Государю своему Царю и В. К. Ѳедору Борисовичу всеа Русіи, и Государынѣ своей Царевнѣ и В. Княжнѣ, Ксеньѣ Борисовнѣ». Единственно изъ уваженія къ матери Царской именовали ее въ государственныхъ бумагахъ прежде Ѳеодора: такъ въ молитвахъ церковныхъ поминали Ирину прежде Бориса; такъ и въ присягѣ Лжедимитрію сказано: «цѣлую крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Княгинѣ, Инокѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и прироженому Государю своему, Царю и В. К. Дмитрею Ивановичу всеа Русіи» (см. тамъ же, стран. 202). Мать не имѣла никакой *государственной* опеки надъ Ѳеодоромъ. Далѣе: «Также мнѣ надъ Царицею... и надъ Царемъ... и надъ Царевною въ ѣствѣ и въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ лиха не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати... Семіона Бекбулатова и иного никого на Московское Государство не хотѣти, и съ нимъ не знаться и не дружиться, и не ссылаться грамотками и словомъ къ нему ни на какое лихо не приказывати, и *къ вору, который называется Княземъ Дмитріемъ Углецкимъ*, не приставати... и того вора на Москов. Государствѣ видѣти не хотѣти», и проч.

(308) То есть, Ѳеодору присягали и какъ наслѣднику и какъ Царю. Въ Хронографахъ: «Тогда ему сущу шестнадцати лѣтъ. Аще бо и юнъ сый лѣтными числы, но смысломъ и разумомъ многихъ превыде сѣдинами совершенныхъ: бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякаго философскаго естественнословія и о благочестіи присно упражняшеся; злобы жь

«и мерзости и всякого нечестія отнюдь ненавистенъ бысть; тѣлесною же «добротою возраста и зрака благолѣпною красотою аки кринъ въ терніи «паче всѣхъ блисташеся. Аще бы не Тартарный мразъ цвѣтъ благородія «его раздробилъ, то мнѣлъ бы убо быти того плоду чудесну въ добрѣ «всячественномъ». Въ Лѣтописцѣ Кубасова (*Русск. Достопамят.* I, 174): «Царевичь Ѳеодоръ отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ «дивной на селѣ отъ Бога преукрашенъ, и яко кринъ въ полѣ цвѣтущь; «очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію блистаяся; «возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; наученъ же бѣ отъ отца своего «книжному почитанію; во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми; пус- «тошное же и гнилое слово никогда же изъ устъ его исхождаше; о Вѣрѣ «и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилѣжаше».

(309) См. выше, стран. 89.

(310) См. Бера.

(311) Въ *Никон. Лѣт.*: «Онъ же Петръ отвѣща къ нимъ льстивыми «словесы, что хотѣлъ имъ правду дѣлати. Онъ же всю злую бѣду содѣя. «Бояромъ же» (Мстиславскому и Шуйскимъ) «повелѣша быти къ Москвѣ... «и тѣмъ все дѣло испортися подъ Кромами». По Розрядн. Кн. велѣли тогда начальствовать К. Мих. Петр. Катыреву-Ростовскому и Петру Ѳед. Басманову въ Большомъ полку, К. Вас. Вас. Голицыну и К. Мих. Ѳед. Кашину въ Правой Рукѣ, Ив. Ив. Годунову и Мих. Глѣб. Салтыкову въ Передовомъ полку, въ Сторожевомъ К. Андрею Андр. Телятевскому и К. Мих. Самсон. Туренину, Замятнѣ Ив. Сабурову и К. Лукѣ Осип. Щербатову въ Лѣвой Рукѣ. См. также и Хронографы.

(312) См. Маржерета 122. Число означено имъ здѣсь по Новому Стилю. Мстиславскій и Шуйскіе тотчасъ уѣхали въ Москву, не объявивъ войску о смерти Борисовой (sans que l'armée fut advertie de sa mort). См. также *Никон. Лѣт.* 65 и Бера. Въ Хронографахъ сказано, что не все войско присягнуло Ѳеодору: «иніи не восхотѣша креста цѣловати и «Митрополита къ Москвѣ отослаша». Сказаніе Маржеретово достовѣрнѣе.

(313) Въ Хронографахъ: «Видѣвше Воеводы К. Вас. да К. Ив. Го- «лицыны да П. Басмановъ въ полцѣхъ сомнѣніе, и сами усумнишася, «и восхотѣша отъѣхати отъ Борисова сына».

(314) См. *Никон. Лѣт.* 65.

(315) См. The Russian Impostor, стр. 61, и Пясецкаго Chron. г. 1605.

(316) См. выше, примѣч. 307, и въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку отъ 24 (14) Мая, гдѣ сказано: «Войско «прислало» (К. Ив. Голицына), «милосердія прося... сказывая то, что мы «всѣ отъ Бориса прельщены были, и по смерти Борисовой сыну его «присягать и его за Государя имѣть *хотѣли*... но форма присяги инако «намъ выдана была, не такъ, какъ мы разумѣли: понеже въ оной формѣ «*имя Гришки не упомянуто*, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою «природнымъ Государемъ нашемъ, В. Ц. Димитріемъ Ив. поступали» (то есть противъ тебя стояли). «Мы же остереглись и единогласно сказали, «дабы ты... надъ нами благополучно государствовать изволилъ», и проч.

(317) См. Нѣмцев. D. R. Z. III, T. II, 531 (въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая) и Дѣла Польск. No. 27, л. 93, гдѣ сказано: «Пришолъ къ нему опять въ Путивль Мих. Ратомской, собравъ многихъ «Польскихъ и Литовскихъ людей», и проч. Маржеретъ (стр. 113) пишетъ, что у Лжедимитрія было тогда 600 Польскихъ всадниковъ.

(318) Abram Bachmetow, człowiek zacny: см. Нѣмцев. II, 529, въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая, гдѣ прибавлено: «Того же «дни» (28 Ап. по Ст. Ст.) «наши сдѣлали вылазку изъ Кромъ и взяли «плѣнниковъ, единогласно увѣряющихъ, что Бориса не стало, и что въ

«войскѣ ихъ великое смятеніе: одни держатся стороны Борисова сына, «а другіе нашей... Сей часъ Ливинскій Воевода извѣстилъ насъ, что 29 «Апрѣля перешло къ намъ нѣсколько служивыхъ людей изъ окрестныхъ «городовъ: они разсказываютъ весьма обстоятельно о Борисовой смерти».

(319) См. *Никон. Лът.* 65, и Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ; а Маржеретъ, безъ сомнѣнія несправедливо, именуетъ Салтыкова въ числѣ вѣрныхъ воеводъ.

(320) См. Паерле.

(321) Въ *Никон. Лът.* и въ другихъ: «съ ними же въ совѣтѣ городы «Рязань, Тула, Кошира, Олексинъ». Въ Хронографахъ: «къ себѣ при«своивше многіе Дѣти Боярскіе, *Новогородскіе* и Рязанскіе, Ляпуновыхъ «съ иными Дѣтми Боярскими». См. также рукописное *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

Изъ Прибавленій въ концѣ сего XI тома издан. 1824 года:

«Изъ полковъ изъ подъ Кромъ»—сказано въ одномъ Хронографѣ—«измѣнилъ сынъ Боярской, молодой Арзамасецъ Абрамъ Бахметевъ, побѣжалъ въ Путимль къ вору Разстригѣ съ тою вѣстію, что Царя Бориса въ животѣ не стало, и воръ его за то пожаловалъ. И въ полкахъ подъ Кромами послѣ крестнаго цѣлованья Рязанцы *Прокофей Ляпуновъ* съ братьею и съ совѣтники своими изъ иныхъ зарѣчныхъ городовъ втайнѣ вору крестъ цѣловали... собрався, пріѣхали къ Розрядному шатру, гдѣ Бояры и Воеводы сидѣли, и они Бояръ били, а иныхъ вязали, и ратныхъ людей приводили ко кресту къ Разстригѣ... по умышленію Петра Басманова».

(322) Такъ у Бера и Маржерета (по Нов. Стилю); а въ *Сказаніи* означено 9 число. Паерле разсказываетъ слѣдующее: «Изъ Кромъ писали «къ Лжедимитрію, что сія крѣпость неминуемо будетъ взята Москов«скими Воеводами, если онъ не спасетъ ее. У него было единственно «100 Ляховъ; но скоро пришло ихъ къ нему 500. Лжедимитрій послалъ сію «дружину и 3000 Россіянъ къ Кромамъ съ Воеводою, Ляхомъ Запор«скимъ, который, будучи еще въ шести миляхъ оттуда, именемъ Ди«митрія написалъ письмо къ ея начальникамъ, послалъ его съ однимъ «вѣрнымъ человѣкомъ и далъ ему наставленіе. Московская стража схва«тила и представила сего человѣка Князю Голицыну и Басманову: у «него взяли мнимое письмо Димитріево, въ коемъ было сказано: *шлю къ «вамъ* 2000 *Поляковъ и* 8000 *Россіянъ, а скоро и самъ буду съ* 40,000 «*Королевскихъ воиновъ, уже приближающихся къ Путивлю.* Голицынъ и «Басмановъ испугались; начали разсуждать, что Димитрій есть истинный «сынъ Іоанновъ; открылись предводителю Нѣмецкой дружины, Розену; «склонили его къ измѣнѣ, и велѣли ему перейти съ 4000 Нѣмцами за «рѣку на обширную равнину. Видя такое движеніе, Иванъ Годуновъ, «стоявшій съ другой стороны крѣпости съ 90 тысячами воиновъ, спро«силъ у Розена, куда онъ идетъ? Розенъ отвѣчалъ: *драться съ Поляками, «которые уже не далеко.* Между тѣмъ и Басмановъ повелъ туда же 50 «или 60 тысячь Россіянъ, остановился на мосту, поднялъ вверхъ письмо «Димитріево и закричалъ: *вотъ грамота отъ нашего истиннаго Царя! «кто хочетъ служить Димитрію, тотъ иди къ намъ на эту сторону «рѣки; а кто останется на другой, тотъ будетъ измѣнникъ, рабъ Году«новыхъ.* Сдѣлалось смятеніе и междоусобіе, въ коемъ пало не менѣе ты«сячи воиновъ. Димитріева сторона одержала верхъ. Ив. Годунова взяли «въ плѣнъ. На другой день Басмановъ съ 4000 всадниковъ отправился «въ Путивль, увидѣлъ малое число людей у Запорскаго и догадался, что «письмо было обманомъ; однакожь присягнулъ Димитрію», и проч. Это

въ главныхъ обстоятельствахъ не согласно съ извѣстіями достовѣрнѣйшими. Въ Хронографахъ: «Егда же дни наставшу, и *оба* войска начаша «вооружатися, и ставшимъ обоимъ на битву: Князь же Василей да К. «Иванъ Голицыны, да Мих. Салтыковъ, да П. Басмановъ со всѣми сво«ими полки поидоша къ сопротивнымъ яко на битву; прочія же стояша «зряша и дивящеся, и Крому рѣку прешедшимъ полки сопротивныхъ «даша имъ путь. И паки Атаманъ Корела съ Казаками смѣло на остальную силу Московскую ударишась — и смятошася, и плещи давше, по«бѣгоша; сіи же гоняще бичи ихъ, бьюще, а не сѣкуще, грабяще и гла«голюще: *потомъ на бой не исходите!* Воеводу же ихъ, Ив. Годунова, «поимавше». *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ* имѣетъ болѣе признаковъ истины. Лжедимитрій не посылалъ войска къ Кромамъ, откуда дѣйствительно была вылазка, но прежде измѣны Басманова (см. выше, примѣч. 318).

(323) Такъ пишетъ Беръ. Паерле говоритъ, что Розенъ присталъ къ измѣнникамъ (см. выше, примѣч. 322).

(324) См. *Никон. Лѣт.* 66.

(325) Лжедимитрій въ письмѣ къ Мнишку отъ 1 Мая подписался еще *Царевичемъ*, а въ другомъ отъ 14 Мая уже *Царемъ* (см. Нѣмцев. II, 529).

(326) Ихъ было съ нимъ до тысячи, какъ сказано въ Отвѣтахъ Пословъ Литовскихъ. См. также Петрея 308 и въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку. К. Ив. Голицынъ и товарищи его сказали Лжедимитрію: «Мы послали нѣсколько чиновныхъ людей въ «Москву, объявить ей, что войско тебѣ присягнуло, и требовать, чтобы «она сдѣлала то же».

(327) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 66.

(328) См. письмо Отрепьева въ *Собр. Г. Г.* II, 196. Маржерета 123, Гревенбруха 23, и Отвѣты Литовскихъ Пословъ, гдѣ сказано: «Потомъ «въ дорозѣ» (встрѣтили Разстригу) Мих. Салтыковъ Морозовыхъ и Петръ «Басмановъ оба два Сенатори, маючи съ собою со двѣстѣ человѣка; по «нихъ опять К. Василей Голицынъ и Шереметевъ, также Сенатори, съ «многими иншими людьми... припровадили его (Самозванца) до Орла, «гдѣ въ тотъ часъ вси полки были».

(329) Лжедимитрій, какъ пишетъ Маржеретъ, распустилъ тѣхъ, которые жили по сю сторону Москвы, а другую часть войска послалъ къ столицѣ, чтобы перехватывать съѣстные припасы. — См. также Гревенбруха 24.

(330) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* Въ концѣ 1604 года Орловскимъ Воеводою былъ Өед. Анд. Яропкинъ; но когда Мстиславскій и Шуйскіе осадили Кромы, тогда велѣли быть *въ Орлѣ* Өедору Шереметеву (см. Розрядн. Кн.).

Лжедимитрій распорядилъ начальство въ войскѣ такимъ образомъ: «Въ большомъ полку К. Вас. Вас. Голицынъ да К. Бор. Мих. Лыковъ; «въ правой рукѣ К. Ив. Семен. Куракинъ да К. Лука Осип. Щербатой: «въ передовомъ полку Петръ Өед. Басмановъ да К. Алексѣй Долгорукой». О лѣвой рукѣ и сторожевомъ полку не сказано.

(331) Въ Хронографахъ: «К. Мих. Катыревъ да Сем. Чемодановской съ вѣстію къ Москвѣ утекоша». См. также *Никон. Лѣт.*

(332) См. Отвѣты Литовскихъ Пословъ и *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(333) См. Маржерета и Бера.

(334) Въ Розрядн. Кн.: «Пошелъ (Лжедимитрій) на Тулу, а къ «Москвѣ послалъ Дворянъ, Гавр. Григ. Пушкина, да Наума Мих. Плещеева». См. также *Никон. Лѣт.* и Бера.

(335) См. Хронографы и Бера.

(336) См. Бера. Петрей разсказываетъ слѣдующую басню: «Народъ «Московской съ лобнаго мѣста послалъ спросить у К. Вас. Ив. Шуйскаго, дѣйствительно ли онъ схоронилъ въ Угличѣ Іоаннова сына; а «Шуйскій отвѣчалъ, что Димитрій укрылся отъ злодѣйства Борисова; «что вмѣсто его зарѣзали въ Угличѣ Поповскаго сына, и что истинный «Димитрій идетъ къ Москвѣ съ войскомъ». Литовскіе Послы въ своихъ Отвѣтахъ не умолчали бы о семъ случаѣ, доказывая, что сами Россіяне заставляли Поляковъ вѣрить Лжедимитрію: сіи Послы не щадили Шуйскаго, хотя онъ уже былъ тогда и Царемъ. Въ часъ народнаго совѣщанія Князь Василій находился въ Кремлѣ съ Царемъ, Патріархомъ и другими Боярами.

(337) См. *Никон. Лѣт.*, Маржерета 124 и Бера.

(338) Въ Хронографахъ: «Возшумѣша аки лютая буря, и предобраго «Царя Ѳеодора Борисовича, аки не возрастшаго и присно цвѣтущаго «финика немилосердыма рукама отъ престола Царьскаго отторгнуша. «Мати же его терзаше власы главы своея и умильно народу моляшеся «о сыну своемъ, дабы пощадили не предали смерти», и проч.

(339) См. Бера. Бѣльскій, называясь крестнымъ отцемъ Димитріевымъ, говорилъ мятежникамъ: «чѣмъ же будемъ подчивать Царя, когда «выпьете его вино?» Далѣе пишетъ Беръ: «Будучи золъ на Медиковъ, «изъ коихъ одинъ Шотландскій Капитанъ Габріель, хотя уже и давно «умершій, выщипалъ ему бороду» (см. выше, стр. 96) «Бѣльскій сказалъ черни, что сіи Медики были душею и совѣтниками Бориса; что у «нихъ много вина, и что народъ смѣло можетъ пить его за Царское «здоровье... Они понесли убытку не менѣе двухъ или трехъ тысячъ талеровъ, кромѣ чужаго имѣнія, даннаго имъ на сохраненіе, и тогда раз«грабленнаго чернію».

(340) См. Т. IX, 434, и Т. X.

(341) См. *Никон. Лѣт.* и Розрядн. Книги.

(342) Въ Розрядн. Кн.: «Лжедимитрій съ Тулы къ Москвѣ послалъ «Боярина, К. Вас. Вас. Голицына, да К. Вас. Рубца-Мосальскаго, да «Дьяка *Богдана* Сутупова» (у Петрея: Schreiber Iwan Bogdanow) «а «велѣлъ Цареву Борисову жену и сына ея убити». См. также и *Никон. Лѣт.* 68.

(343) Въ грамотахъ Лжедимитріевыхъ къ Россіянамъ отъ 11 Іюня: «*Іовъ*, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты .. и Бояре «и Дворяне... и Приказные люди... и дѣти Боярскіе всего Рос. Государства и торговые люди... въ своихъ винахъ *добили* намъ *челомъ*» (см. *Собр. Г. Г.* II, 200).

(344) Іовъ, по воцареніи Василія Шуйскаго призванный изъ заточенія въ Москву, издалъ грамоту къ народу и такъ говоритъ въ ней: «Множество народа царствующаго града Москвы внидоша во Св. Соборную и Апостольскую церковь со оружіемъ и дреколіемъ во время «св. и божественнаго пѣнія, и не давъ совершити Бож. Литургіи, и вни«доша во св. Олтарь, и меня, Іева Патріарха, изъ Олтаря взяша, и въ «церкви и по площади таская позориша, и въ Царскихъ полатахъ подо«біе Христова тѣлеси и Преч. Богородицы и Архангеловъ, иже уготовлено было на Господню плащаницу подъ златые чеканные образы, и «то вражіею ненавистію раздробиша, и на копья и на рогатины втыкая, «по граду и по торжищу носяху». См. также и *Никон. Лѣт.* 68.

(345) См. *Никон. Лѣт.* Беръ пишетъ: «Посадили ихъ на навозныя «телеги, везли черезъ пни и колоды, безъ покрова и тюфяковъ, въ дождливое время... нѣкоторые изъ сихъ несчастныхъ умерли дорогою». Въ

Никон. Лѣт.: «Сем. Годунова сослаша въ Переяславль Залѣской со К. «Юрьемъ Пріимковымъ Ростовскимъ, и тамъ его удушиша».

(346) См. *Никон. Лѣт.* 69. Въ The Rus. Impostor такъ описывается послѣдняя бесѣда несчастной Маріи съ сыномъ и дочерью: «О дѣти ми«лыя, безцѣнной плодъ взаимной, нѣжной любви вашихъ родителей! о «радость и тоска моя! обнимите меня... такъ будемъ ждать смерти лю«той! Но, можетъ быть, злодѣй, отнявъ у насъ способъ вредить ему, «удовольствуется своею добычею, и еще позволитъ намъ жить въ го«рести... Нѣтъ! спокойствіе злодѣя требуетъ гибели того, кто оскорбленъ «имъ столь жестоко!» и проч.

(347) Въ *Ростов.* и *Никон. Лѣт.:* «Царевича жь многіе часы да«вима, яко жь не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ мужество; «тѣ жь злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырмя боряшеся; единъ же «отъ нихъ взятъ его за тайные уды и раздави». Въ Степен. Кн. Латукина: «Царь же Ѳеодоръ нача убійцъ со слезами молити, чтобы скорою «смертію животъ его прекратили... единъ же отъ убійцъ вземъ древо «веліе и удари Ѳеодора по раменамъ».

(348) Въ *Никон.* и *Ростов. Лѣт.:* «Той же К. Василей съ товарищи «сказа мірови, что Царица и Царевичь со страстей испиша зелья и «помроша». Петрей собственными глазами видѣлъ на мертвыхъ знаки удавленій (см. его М. Chr. 314). Въ *Никон. Лѣт.:* «Царевна жь едва «оживе... постригоша (ее) и сослаша въ Володимеръ въ Дѣвичій мона«стырь». Это было уже послѣ. Въ современной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*, также и въ Хронографахъ: «дщерь повелѣ въ живыхъ «оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитись... еже и бысть». См. также Бера, который пишетъ, что Ксенію до прибытія Разстриги держали въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; но въ Морозов. Лѣт.: «Царевну «повелѣ (Отрепьевъ) блюсти въ дому К. Вас. Масальскаго». Въ одномъ рукописномъ извѣстіи о Самозванцѣ прибавлено, что онъ, будучи Монахомъ Чудовскимъ, видалъ Ксенію въ церкви. На гробницахъ Маріи Годуновой и Ѳеодора означенъ день ихъ убіенія: 10 Іюня (такъ и въ Хроникѣ Петреевой).

(349) «Праведную кровь Царевича Дмитрея мстя Богъ за отческое «согрѣшеніе надъ такою жь нескверною кровію, надъ сыномъ его, надъ «Царевичемъ Ѳеодоромъ», и проч.

(350) Такъ сказано въ одномъ изъ Хронографовъ съ прибавленіемъ: «Гдѣ слава и высокоуміе Борисово? гдѣ чертоги златоверхіи, трапезы «пресвѣтлыя и тельцы упитанныя? гдѣ рабы и рабыни? Кто можетъ «жены и чада изъяти отъ руку спекулатора (палача), возводящима има «очеса своя сѣмо и овамо, и не обрѣтающе никого же себѣ помощника?... «Ѳеодоръ же вмалѣ послѣ отца своего Царскія державы наслади́ся, и «тако, аки тихъ овенъ на ничто же злобу имуще, скончася; о немъ же «мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное «его житіе».

(351) См. *Никон. Лѣт.* Въ Морозов. Лѣт.: «Царя Бориса извергоша «изъ храма Архистр. Михаила, и повелѣша извлещи на сонмище съ «великимъ поруганіемъ, и каменіе нань метати и ногами пхати тѣло его, «поверженное и на земли лежащее; и погребоша его въ единомъ отъ «убогихъ монастырей, именуемомъ Варсонофьевскомъ, обону страны «Неглины». О *поруганіи* тѣла нѣтъ ни слова въ другихъ извѣстіяхъ. Въ монастырѣ Св. Варсонофія находилось родовое кладбище всѣхъ Годуновыхъ. Онъ былъ между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія.

(352) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ.

(353) См. выше, въ описаніи измѣны Воеводъ подъ Кромами, также Отвѣты Сигизм. Пословъ и *Никон. Лѣт.* 68.

(354) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 200—203.

(355) См. въ The Russian Impostor, стр. 78, письмо Лжедимитріево къ Англ. Агенту Мерику изъ Тулы отъ 8 Іюля и письмо сего послѣдняго къ Лжедим. въ Архивѣ К. И. Дѣлъ.

(356) См. Бера, *Никон. Лѣт.* 70 и рукописное *Сказаніе о Самозванцѣ.*

(357) См. Бера.

(358) См. Гревенбруха 24, де-Ту CXXXV, 52, The Rus. Imp. 76, Петрея 314 и Бера.

(359) «И Патріархъ или Митрополитъ», пишетъ Гревенбрухъ: вѣроятно, Грекъ Игнатій, Святитель Рязанскій, который сдѣлался Патріархомъ (см. ниже).

(360) См. Петрея и Бера. Въ *Никон. Лѣт.* 70: «Дню жь бывшу «вельми красну, мнози видѣша подъ Москвою надъ градомъ и надъ по«садомъ стояше тьма; окромѣжь града нигдѣ не видяху».

(361) См. *Лѣтопись о Мятежахъ*, *Ростов.* и *Никонов.*

(362) См. Морозов. Лѣт.

(363) См. Бера и Петрея 317.

(364) См. Морозов. Лѣт.

(365) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 206 и слѣд., также Послужный Списокъ Чиновниковъ въ *Рос. Вивліов.* XX, 77.

(366) См. *Исторію Рос. Іерархіи* I, 122. Въ Хронографахъ: «Тогда «же» (въ царствованіе Разстриги) «и Филаретъ, Великій Старецъ, изъ «заточенія пріиде... его же тогда едва Свящ. Соборомъ умолиша и по«ставиша Митрополитомъ Ростову граду».

(367) См. Т. X, стр. 201.

(368) Въ Архив. Розрядн. Книгѣ No 109: «Розстрига велѣлъ быти «у себя Царю Симеону Бекбулатовичу... встрѣча ему первая... и вто«рая»; и проч.

(369) См. Хронографы, *Собран. Г. Грамотъ*, II, 250 и 261; также Миллера Samml. R. G. V, 275.

(370) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 261, Бера и Гревенбруха.

(371) Въ *Указатель Рос. Законовъ*, I, 129: «Л. 7114 (1606), Февр. «въ 1 день, Бояре приговорили: которые Бояре и Дворяне, и Дѣти Боярскіе, и Владычнихъ и монастырскихъ вотчинъ бьютъ челомъ о судѣ въ «бѣглыхъ крестьянѣхъ... до 110 году, до голодныхъ годовъ за годъ... и «тѣхъ приговорили отдавати старымъ помѣщикомъ, и которые выбѣжали «въ 110 г., и во 111 и во 112 въ голодныя лѣта съ животы, а прожити «имъ было мочно... и тѣхъ отдавати... А которыя бѣгали съ животы въ «дальнія мѣста... верстъ за триста и больше... и растерявъ животы, при «шли къ инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыскивати... Да бу«дутъ окольніе люди скажутъ, что онъ былъ не бѣденъ... а прокормиться «ему было мочно... и того отдати старому помѣщику или вотчиннику... «А про котораго скажутъ, что онъ въ тѣ голодныя лѣта сбрелъ отъ бѣд«ности, что было ему не мочно прокормиться, и тому крестьянину жити «за тѣмъ, кто его въ голодное время перекормилъ... А которые крестьяне «въ голодныя лѣта пошли въ холопи къ своимъ или къ стороннимъ по«мѣщикомъ или вотчинникомъ, и кабалы служивыя на себя подавали... «и сыскивати накрѣпко: будетъ сшелъ отъ бѣдности, и тѣмъ истцомъ «отказывати: въ голодныя лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокор«мить его не умѣлъ... А которые люди учнутъ говорити, взялъ его помѣ-

«щикъ во дворъ сильно... и о томъ сыскивати крѣпостьми, въ кое время «кабалы писалъ: будетъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ книги писаны, и «по тѣмъ кабаламъ въ холопи выдавати: потому, ималъ бы на него ка«балу сильно, и онъ бы о томъ при запискѣ билъ челомъ; а кабалы въ «книгахъ не записаны, и тѣмъ вѣрити нечему. А которые крестьяне «послѣ голодныхъ лѣтъ выбѣжали... и тѣхъ отдавати старымъ помѣщи«комъ и вотчинникомъ... А на бѣглыхъ крестьянъ по старому приговору «далѣ пяти лѣтъ суда не давати».

(372) Въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius (писанной однимъ купцемъ иноземнымъ, свидѣтелемъ Лжедимитріева убіенія, и напечатанной въ 1606 году въ Амстердамѣ, книжкѣ рѣдкой и любопытной): Il avoit entour de sa personne une garde de quelques halleBardiers Allemands, qu'il a menés avec soy de Pologne... ils furent incontinent congédiez, et de meme furent cassez et licentiez tous les soldats d'estrange nation. См. также *Собран. Г. Грамотъ*, II, 259, 260.

(373) *Собраніе Госуд. Грамотъ*, II, 207. Сія роспись Чинамъ Думнымъ писана въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1605 рукою Секретаря Лжедимитріева, Яна Бучинскаго.

(374) См. Бера и Петрея 319.

(375) См. Маржерет. 142.

(376) См. *Собран. Г. Грамотъ* II, 261.

(377) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я *Челобитную и похвалу*, писанную Благовѣщенскимъ Протопопомъ Терентіемъ къ *Царю Димитрію*, гдѣ сказано: «Радуемся «убо и веселимся мы недостойніи, видяще (въ) тебѣ свѣтлаго храбор«ника... твердаго адаманта, рачителя и красителя Христ. Церкви... «милость на языцѣ носящаго... и припадаемъ на колѣну, и поклоняемся «(тебѣ) телѣснѣ вкупѣ и душевнѣ», и проч. — Французскій переводъ грамоты Іерусалимскаго Патріарха Сафронія къ Лжедимитрію находится въ Москов. Архивѣ Кол. Иностран. Дѣлъ. «Мы душевно скорбѣли «(пишетъ Софроній) о кончинѣ Царя Ѳеодора, блаженныя памяти, тво«его брата; но забыли свою горесть, узнавъ, что ты, Великій Государь, «здравствуешь. Какъ описать радость всей Палестины? Большіе и малые, «юные и старые, мужи и жены, славятъ Бога... Мы повѣсили три лам«пады надъ гробомъ Господнимъ, которыя пылаютъ денно и нощно во «имя Вашего Величества», и проч. Софроній писалъ сію грамоту еще въ то время, когда Самозванецъ шелъ къ Москвѣ. Онъ (Патріархъ) жаловался ему на Князя Адама Вишневецкаго, который отнялъ двухъ Арабскихъ лошадей у Монаха Іерусалимскаго Симеона.

(378) См. Т. X, стран. 202,—*Ростов., Никон.* и другія лѣтописи. Въ Степен. Кн. Латухина: «Розстрига избравъ его (Игнатія) и посла «къ преждебывшему Патріарху Іову во градъ Старицу, чтобы тогда «Игнатія благословилъ на Патріаршество. Іовъ же, вѣдая въ немъ Рим«скія Вѣры мудрованіе, и не попусти сему въ Патріархахъ быти. Паки «же Розстрига къ Патріарху того посылая, и муками страхъ налагая... «Святитель же Божій, Іовъ, вся сія ни во что вмѣнивъ... и съ поно«шеніемъ къ Розстригѣ говорилъ, яко по ватагѣ и атаманъ, а по овцамъ «и пастырь», и проч.

(379) Бывшій Выксинскій монастырь отъ Череповца въ двадцатипяти верстахъ, а отъ Москвы до сего города (прямою дорогою, черезъ Дмитровъ, Кашинъ и проч.) менѣе пяти сотъ верстъ.

(380) Въ грамотѣ Царицы-Инокини Марфы къ Воеводамъ (въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307): «Онъ (Самозванецъ), вѣдая свое воров«ство, по насъ, Вел. Государыню, не послалъ многое время, а прислалъ

«къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ «къ намъ никто не приходилъ... А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ при«везти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ людей съ собою «пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, «чтобъ мнѣ его не обличити, претя намъ и всему нашему роду смерт«нымъ убивствомъ», и проч.

(381) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ.

(382) См. Паерле. Въ Legende, по Новому Стилю, то же число: 28—по ошибка въ мѣсяцѣ: Іюнь вмѣсто Іюля.

(383) Въ Отвѣтахъ Сигизм. Пословъ: «Великую Княгиню Марью «насильствомъ привелъ, абы его за сына признала.. и *въ шатрѣ* самъ только будучи съ нею», и проч. См. Legende 4, Бера, Петрея 318 и Маржерета 126.

(384) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(385) Маржеретъ 126: finalement il se fit couronner le dernier de Juilet (по Новом. Стилю) qui se fit avec peu de cérémonie.

(386) Де-Ту CXXXV, 55, и Вассенберг. Gesta Vladislai IV, 19.

(387) См. Бера и Петрея 319.

(388) Янъ Бучинскій, въ Авг. 1605 пріѣхавъ къ Лжедимитрію гонцемъ отъ Мнишка, остался въ Москвѣ. Другой Бучинскій назывался Станиславомъ. Былъ еще третій Полякъ Секретаремъ у Самозванца: Станиславъ Слонскій, который ѣздилъ съ Ао. Власьевымъ въ Краковъ (см. ниже).

(389) См. Маржерет. 129.

(390) См. Бера и Петрея 320.

(391) Де-Ту CXXXV, 55.

(392) См. Dyaryusz wesela z Maryną, писанный Діаментовскимъ, въ Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza. Т. I, стран. 244 и 435, въ примѣч. 54.

(393) См. Бера и Петрея 320.

(394) Беръ разсказываетъ, что у Лжедимитрія были лучшія Англ. собаки для медвѣжьей травли, борзыя, гончія; что будучи съ Боярами въ селѣ Тайнинскомъ, онъ велѣлъ спустить съ цѣпи медвѣдя, сѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ сего яростнаго звѣря.

(395) Legende 8.

(396) Тамъ же 7 и 29 (о расточительности Самозванца).

(397) *Собраніе Г. Грамотъ* II, 261.

(398) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ выпискахъ Альбертранди.

(399) См. ниже, въ описаніи Маринина въѣзда въ Москву.

(400) Де-Ту CXXXV, 52. Ниже упомянемъ о развалинахъ сего дворца Борисова. Лжедимитрій велѣлъ сломать его какъ жилище кудесника или чародѣя. Увѣряли, что тамъ, въ подземной храминѣ, нашли статую, держащую въ рукѣ лампаду и окруженную множествомъ пороха, отъ коего взлетѣлъ бы дворецъ и весь Кремль на воздухъ, если бы не загасили лампады и не разбили статуи.

(401) См. Rzeczy Polsk. w Moskwie za Dymitra, также Bankiet Hospodara Moskiew., Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, Т. II, 578.

(402) См. современную рукописн. *Повѣсть о Б. Годуновѣ и Разстригѣ* и Хронографы, гдѣ сказано: «Сотвори себѣ (Лжедим.) въ сей «жизни на потѣху, а въ будущій вѣкъ знаменіе превѣчнаго своего домо«вища, его же въ Рос. Царствѣ ни въ иныхъ, кромѣ подземнаго, никто «не видѣ: *адъ* превеликъ зѣло, имѣющь у себе *три главы*, и содѣла «обоюду челюстей его отъ мѣди бряцаніе веліе; егда же разверзетъ

«челюсти своя, и изовну его *яко* пламя» (то есть, подобіе, а не самое пламя) «предстоящимъ ту является... зубы же ему имѣющу осклабленны «и ногти яко готовы на ухапленіе, и изо ушію яко же пламени распа- «лившусь—и постави его онъ проклятый прямо себѣ на Москвѣ-рѣцѣ, «себѣ на обличеніе, дабы ему изъ превысочайшихъ обиталищъ своихъ «зрѣти нань повсегда», проч. См. также Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 129.

(403) См. Авр. Палицына 24, Морозов. Лѣт., Бера и Петрея 318. Въ *Никон. Лът.* сказано, что Ксенію заключили въ Владимірскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; но туда перевезли ее уже въ царствованіе Шуйскаго. Лжедимитрій взялъ къ себѣ несчастную Ксенію послѣ своей коронаціи въ Іюлѣ, а Мнишекъ въ Декабрѣ писалъ къ нему, чтобы онъ, избѣгая соблазна, удалилъ отъ себя Царевну, дочь Борисову (см. *Собран. Г. Грамотъ* II, 243): слѣдственно Ксенія жила у него мѣсяцевъ пять.

(404) См. Петрея 370, Хронографы и Legende 6 и 25, гдѣ также сказано, что Лжедимитрій никогда не хотѣлъ заглянуть въ Чудовъ монастырь, опасаясь, чтобы тамошніе Иноки не узнали его.

(405) Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: «Князь Вас. Ивановичь «съ братомъ повѣдаша торговымъ людямъ, Ѳеодору Коневу, да Костѣ «лекарю: *повѣдайте тайно міру, что не Царевичь Дмитрей*... они же «безъ разсужденія многимъ людемъ повѣдаху, и услышано бысть Басма «нову». См. также *Ростов., Никон. Лът.*, Хронографы и Бера.

(406) Не Іюня 25, какъ означено въ Хронографахъ, и не 10 Іюля, какъ въ исторіи де-Ту: ибо ковъ Шуйскаго открылся уже послѣ Самозванцева коронованія: см. Маржерета 127.—Въ Хронографахъ: «въ «приставѣхъ же у него (К. Василія) быша Мих. Салтыковъ да Петръ «Басмановъ... Басмановъ же нача ѣздити и сложенный Розстригою «списокъ народу чести».

(407) См. *Сказаніе,еже содѣяся*, Бера и Паерле.

(408) См. Маржерет. 127.

(409) Тамъ же: vint sa grace procurée par l'Impératrice mère et par un Polonois nommé Bouchinsqui (Бучинскій). *Legende* 6: par l'intercession du Chancelier Ottonasi (Аѳан. Власьева). Въ *Никон. Лът.* 72: «едва упроси его» (Самозванца о милосердіи къ Шуйскому)» Царица «Марѳа и Боляре». Авр. Палицынъ 21: «усрамившеся, Поляки у Роз- «стриги едва испросиша его отъ посѣченія». К. Александръ Ив. Шуйскій умеръ въ 1601 году.

(410) См. Авр. Палицына 21. Въ Legende, страи. 25, сказано, что Лжедимитрій, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ. Замѣтимъ несогласіе: Аврамій говоритъ о свидѣтельствѣ матери, брата и дяди Разстригина, о казни Ѳедора Калашника (или Калашникова) и Тургенева, а *послѣ* о ссылкѣ Шуйскихъ; въ Степен. Книгѣ Латухина и въ Морозов. Лѣт. *повторено* сказаніе Авраміево; въ первой прибавлено, что Самозванецъ *въ третій день* своего воцаренія уже былъ обличаемъ родственниками; но другіе пишутъ (см. *Ростов.* и *Никон. Лът.* 72), что К. Вас. Шуйскаго осудили прежде Тургенева. Въ Legende 6: on n'a depuis lors (послѣ ссылки Шуйскихъ) entendu parler journellement autre chose, que des trahisons et toutes sortes de conspirations, de quoy se sont entre-suivies tant de tortures, flagellations, disgraces, relegations, confiscations... que c'estoit un cas estrange de les ouyr. Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «114 году предъ Рождествомъ Хри- «стовымъ (въ 1605 г.) уразумѣша многіе Бояре и Дворяне, что не пря-

«мый Царевичь Дмитрей... и восхотѣша его убити, и дойдѣ вѣсть Роз-«стригѣ, и переимаша многихъ Дворянъ Царскихъ и служивыхъ людей, «и многими пытками пыташа». А. Палицынъ 23: «Отъ злыхъ враговъ «Казаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не «смѣюще. Аще бо на кого нанесутъ, яко Розстригою нарицаетъ кто, и «той человѣкъ безвѣстно погибаетъ; и во всѣхъ градѣхъ Россійскихъ, и «въ монастырехъ, и мірстіи и Иноцы мнози погибоша, овіи заточеніемъ, «овѣмъ же рыбная утробы вѣчный гробъ бысть». См. также *Никон. Лѣт.* 72.

(411) См. Авр. Палицына 21, Степен. Кн. Латухина и Морозов. Лѣт.

(412) См. А. Палицына 22 и Хронографы.

(413) Въ Генв. 1606: см. Бера, Legende 7, Петрея 322, Маржерет. 128. Первый пишетъ: «Тѣлохранители Маржеретовой сотни имѣли бердыши съ золотымъ Царскимъ гербомъ; древки были обтянуты краснымъ «бархатомъ (прикрѣпленнымъ серебряными гвоздиками), увиты серебря-«ною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Сіи «воины носили кафтаны и плащи бархатные, обшитые золотымъ позу-«ментомъ. Алебардщики второй сотни имѣли платье фіолетоваго цвѣта, «обшитое красными бархатными снурками, съ рукавами изъ красной «камки; алебардщики третьей сотни отличались зеленою бархатною об-«шивкою на кафтанахъ и рукавами изъ зеленой камки».

(414) См. Авр. Палицына 23.

(415) См. тамъ же.

(416) Въ Legende 8: cependant que ce calme duroit.

(417) См. *Собран. Госуд. Грамотъ*, II, 211, 221; см. также *Столпцы* и Дѣла Польск. г. 1605, No 26 (гдѣ въ разныхъ мѣстахъ упоминается о гонцахъ, посланныхъ Самозванцемъ къ Сигизмунду и Мнишку) и Нѣмцев. D. R. Zygm., II, 532—534.—Бояре въ учтивомъ отвѣтѣ своемъ благодарятъ Мнишка отъ имени мужей Думныхъ и всего *Московскаго Рыцарства* за великія услуги, оказанныя имъ Самозванцу.

(418) См. Дѣла Польск. No 26, л. 251, 269 и No 27, л. 99, 100.

(419) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 218.

(420) См. тамъ же, 223, 231, 249, 272. Александръ Рангони былъ въ Москвѣ отъ Сент. до Ноября 1605. Лжедимитрій писалъ къ Папѣ 30 Ноября, другое письмо въ Декабрѣ, и послалъ къ нему Іезуита Лавицкаго въ началѣ 1606 года; а Папа писалъ къ Маринѣ 3 Дек. 1605 и въ Апрѣлѣ 1606 (убѣждая ее содѣйствовать всѣми силами введенію Латинской Вѣры въ Россіи) и еще двѣ грамоты къ Самозванцу, 11 Февр. и 10 Апр. 1606) (см. Выписки Альбертрандіевы изъ Ватиканской Библіотеки л. 659—670, и Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 554). Послѣдняя грамота, вѣроятно, уже не дошла до Лжедимитрія. «Зная (пишетъ Па-«велъ V) твое уваженіе къ Св. Престолу нашему и пламенное желаніе «способствовать Христіанскому дѣлу, мы ждали отъ тебя грамотъ столь «нетерпѣливо, что уже начали-было винить Посла твоего А. Лавицкаго, «въ нерадѣніи... Наконецъ онъ прибылъ, и вручивъ намъ письма, гово-«рилъ о тебѣ съ такимъ чувствомъ, что извлекъ слезы изъ нашихъ очей... «Какихъ бѣдствій не испыталъ ты, сынъ возлюбленный!... Лишенный «отцевскаго и дѣдовскаго престола, ты долженъ былъ, спасая жизнь, «скитаться въ странахъ чуждыхъ. Но изъ самаго бѣдствія возникла бле-«стящая твоя слава: ибо въ отечествѣ, мирѣ и благоденствіи, ты едва «ли бы могъ пріобрѣсти знанія нужныя для счастія твоихъ подданныхъ... «Се дивная милость Небесная!... Остается тебѣ дѣйствовать данными «отъ Бога талантами... Имѣешь поле обширное для сѣянія и жатвы... «Будь вторымъ Константиномъ, утверждая первый въ своемъ отечествѣ

Одежда патріарха: домашнее и нарядное платье.—2. Клобукъ патріаршій.—3. Печать патріаршая.

«Церковь Римскую. Наставляй юношество въ Свободныхъ Наукахъ, и «собственнымъ примѣромъ учи Христіанскимъ добродѣтелямъ... Вѣра «Каѳолическая едина: да будетъ же единодушіе и любовь въ цѣломъ «мірѣ, не взирая на отдаленіе мѣстъ!.. Открываемъ тебѣ всю глубину «чувствъ нашихъ: впечатлѣй же ихъ глубоко въ сердцѣ, и повели, да «услышитъ твой народъ гласъ истиннаго Пастыря, земнаго Намѣстника «Христова! Отпускаемъ къ тебѣ Лавицкаго по его желанію, но вопреки «нашему: столь пріятна намъ бесѣда сего мужа благочестиваго! Отпу- «скаемъ съ условіемъ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, сюда возвратился, «представивъ тебѣ многое отъ имени нашего: главное есть, да не ввѣ- «ряешь себя и людей своихъ еретикамъ, и да слѣдуешь совѣтамъ мужей «разумныхъ и благочестивыхъ. И такъ вѣрь ему. Онъ будетъ для тебя «еще любезнѣе: ибо съ нимъ посылаемъ къ тебѣ даръ великій: Апостоль- «ское наше благословеніе».

(421) Legende 7.

(422) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 266.

(423) См. выше въ сей *Исторіи*, послѣ 212 примѣчанія.

(424) Въ Авг. 1605: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 213.

(425) Вотъ титулъ Лжедимитріевъ въ Латинскихъ грамотахъ: Nos serenissimus ac invictissimus Monarcha Demetrius Ioannis, Dei gratia Caesar et Magnus Dux totius Russiae, universorumque Tartariae Regnorum atque aliorum plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Dominus et Rex. Въ Русскихъ: «Наяснѣйшій и не- «побѣдимый Самодержецъ, Великій Государь Дмитрей Ивановичь, Божіею «милостію Цесарь и Вел. Князь всеа Русіи, и всѣхъ Татарскихъ Царствъ «и иныхъ многихъ Государствъ, Московской Монархіи подлеглыхъ, Го- «сударь, Царь и Обладатель». См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 221 и 224.

(426) См. Тамъ же, стран. 226.

(427) Секретарю Лжедимитріеву, Яну Бучинскому, въ Генв. 1606 (см. тамъ же, стран. 259).

(428) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ Выпискахъ Альбертранди.

(429) См. Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 534, Poselstwo Kn. Moskiew. Dimitra.

(430) См. тамъ же, стран. 553. Вотъ переводъ сей Польской Оды, напечатанной въ Краковѣ у Яна Шелинга въ 1606 году: «О Фебъ и «дщери великаго Юпитера! ежели вы когда либо занимались пѣснопѣ- «ніемъ, то воспойте нынѣ Царя Димитрія, Московскаго Самодержца. — «Восноемъ всѣ торжественную пѣснь Всевышнему! Димитрій сильною «дланію снова объялъ похищенныя у него страны Сѣвера! — О племя «Славянъ, знаменитое въ мірѣ! ликуй и радуйся твоему союзу! Слава «твоя достигаетъ конца земли и касается неба! — Марина, исполненная «прелестей! ты вознесла родъ свой до облакъ, и сіяешь лучезарнѣе всѣхъ «дщерей Славянскихъ!» и проч.

(431) См. тамъ же, стран. 539—554, въ сказаніи очевидца о Мариниомъ обрученіи.

(432) Пишутъ (см. Гревенбруха 32 и Пясецк. 223), что сіи дары, вмѣстѣ съ присланными Мнишку и ближнимъ его, стоили 200000 червонцевъ!! Послѣ того Секретарь Бучинскій вручилъ невѣстѣ алмазный крестъ съ именемъ Марины цѣною въ 12000 (злотыхъ?), драгоцѣнное ожерелье, четки изъ большихъ жемчужинъ, нѣсколько тяжелыхъ золотыхъ сосудовъ и проч.

(433) См. Rzeczy Polskich za Dymitra etc. Сему сказанію очевидца слѣдовалъ я въ означеніи дней. «14 Ноября (по Новому Стилю) Власьевъ былъ представленъ Сигизмунду съ грамотами и дарами... 15 Ноября

«Мнишекъ угощалъ Рос. сановниковъ великолѣпнымъ баломъ, на коемъ «не было Власьева за болѣзнію. 18 Н. Посолъ вторично видѣлъ Короля «и говорилъ о сватовствѣ. 19 Н. пріѣхала Марина въ Краковъ, а 22 «обручилась съ Посломъ; на другой день отправился гонецъ Липницкій «къ Лжедимитрію. 24 Н. Посолъ былъ у Марины, какъ у своей Царицы, «и вручилъ дары брату ея.... 3 Дек. Марина выѣхала изъ Кракова въ «Промникъ съ отцемъ своимъ, съ Власьемъ и всѣми Рос. чиновниками: «народъ тѣснился вокругъ ея кареты. Посолъ и Мнишекъ немедленно «возвратились въ Краковъ, чтобы присутствовать на балѣ у Сигизмунда. «Въ тотъ же день Власьевъ получилъ отъ Димитрія свадебные дары, и «12 Дек. вручилъ ихъ, кому слѣдовало. 18 Дек. онъ уѣхалъ изъ Кракова, «а Мнишекъ и жена его остались съ Царицею въ Промникѣ».

(334) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 241.

(435) См. Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza. I, 245. Гонецъ Безобразовъ, пріѣхавъ въ Краковъ послѣ Власьева, сказывалъ, какъ увѣряютъ, Сапѣгѣ и Госѣвскому, что Москвитяне готовы свергнуть Лжедимитрія съ престола и на его мѣсто *избрать* Королевича *Владислава* въ Цари: справедливо ли? Бучинскій писалъ къ Самозванцу изъ Кракова: «Хрипуновъ сказалъ, что уже подлинно провѣдали на Москвѣ, что «онъ (Разстрига) не есть прямой Царь, а увидятъ, что ему сдѣлаютъ «вскорѣ». См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263.

(436) См. тамъ же, стран. 227, 236, Rzeczy Polskich, и выше въ сей *Исторіи* около примѣч. 219.

(437) См. Rzeczy Polskich и Diaryusz Maryny въ Нѣмцев. II, 556. Мнишекъ выѣхалъ изъ Кракова въ Самборъ 22, а Марина изъ Промника 21 Генв. 1606.

(438) Въ Морозов. Лѣт.: «Повѣствуя бо о себѣ окаянный (Разстрига), «яко тридесять и четыре лѣта царствовати имать».

(439) См. Маржерет. 128, 129. Enfin, говоритъ онъ, l'on ne voyait autre chose que noces et joye au contentement d'un chacun

(440) См. Авр. Палицына 24 и Морозов. Лѣт.

(441) См. Хронографы и *Повѣсть о Разстригѣ*, гдѣ сказано: «яко «мимошедшу полугоду».

(442) См. Паерле.

(443) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 261, и Маржерет. 129.

(444) См. Бера и Петрея 325. Самозванцу сказали, что у Россіянъ были ножи подъ одеждою.

(445) См. Авр. Палицына 24.

(446) См. Гревенбруха, Legende и Бера.

(447) См. Бера, который самъ говорилъ проповѣдь въ Кремлѣ 11 Мая.

(448) См. Дѣла Польск. No 26, л. 300 и No 27, л. 41, и Маржерет. 132. А. Палицынъ называетъ Лжецаревича Петра холопомъ Свіяжского Головы Стрѣлецкаго, Григорья Елагина.

(449) Въ *Legende* 29: Il (Самозванецъ) fut accusé d'avoir esté auteur du grand degast advenu sur la rivière de Volga, se faisant publier à fausses enseignes pour le fils de Fedor Ivanovitz, lequel soubs ce prétexte il avoit suborné de le venir secourir avec plusieurs milliers de Cosaques pour s'assurer tant mieux du pays.

(450) См. *Никон. Лът.* 80, гдѣ прибавлено: «Тѣ же Казаки съ во- «ромъ (Петрушкою) поворотиша назадъ, многіе городы и мѣста разо- «риша, и пріидоша къ Царицыну. Тогда жь посланы были Послы въ «Кизылбаши, К. Ив. Петровичь Ромодановской: того тутъ и убиша, и «Воеводу Ѳедора Акинѳеева; а самъ тотъ воръ Петрушка (Василевскій. «человѣкъ Елагина) и съ Казаками пойде на Допъ, и ту зимова».

(451) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263, и ниже, рѣчь Шуйскаго къ заговорщикамъ.

(452) См. Бера.

(453) См. выше въ сей *Исторіи*, около примѣч. 246.

(454) См. ниже и Авр. Палицына 26.

(455) См. Нѣмцев. II, 579 и Кельха 494. Лжедимитрій велѣлъ-было строить мостъ черезъ Нарову, чтобы войско Россійское съ тяжелымъ снарядомъ могло вступить въ Ливонію.

(456) См. А. Палицына 26.—Лжедимитрій въ Сент. 1605 отправилъ къ Хану чиновника Аѳон. Мелентьева съ извѣстіемъ о своемъ воцареніи, а въ Генв. 1606 пріѣхалъ Казы-Гиреевъ посолъ въ Россію (см. Дѣла Крымск. сего времени въ Архивѣ Кол. И. Д.). Обѣ стороны хотѣли мира.

(457) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 303.

(458) См. Бера, Петрея, де-Ту, Нѣмцев. и Нарушев.

(459) Это было въ Великій постъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 297; см. также Бера и *Никон. Лѣт.* 74, гдѣ сказано, что одинъ изъ Стрѣльцевъ донесъ Басманову на своихъ товарищей. Изрубили *семь* человѣкъ, по извѣстію Морозов. Лѣт.

(460) См. Авраам. Палицына 25 и Маржерет. 130, который говоритъ, что сего Дьяка сослали. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, несправедливо отнесено убіеніе Осипова къ послѣднему дню Разстригиной жизни.

(461) См. *Никон. Лѣт.* 73. Въ 1612 г. бывшаго Царя Симеона, названнаго въ Инокахъ Стефаноиъ, перевели въ монастырь Кирилловъ Бѣлозерскій (см. *Лѣт. Соловецк.*).

(462) См. Маржерет. 130 и *Сказаніе, еже содѣяся*.

(463) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 275, 277, 281, 282, 284 и Rzeczy Polskich etc. Власьевъ, ждавъ Мнишка въ Слонимѣ, пріѣхалъ къ нему въ Самборъ.

(464) См. Нѣмцев. II, 556, въ описаніи Маринина путешествія, и Rzeczy etc., гдѣ сказано: «Всѣхъ людей было съ Мнишкомъ и другими «Панами 1969 и 1961 лошадь, кромѣ двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, «которые не принадлежали къ ихъ свитѣ». См. также Бера.

(465) Въ описаніи Маринина путешествія: «Сани, въ коихъ сидѣла «Марина съ знатнѣйшими Польками, были весьма высоки, обиты собо«лями, съ бляхами серебряными, съ дверцами и съ окончинами изъ прозрачнаго камня», и проч.

(466) Rzeczy etc., 26 Апрѣля.

(467) Тамъ же: «Димитрій просилъ Воеводу поспѣшить къ нему съ «одними ближайшими родственниками, чтобы условиться въ приготовле«ніяхъ къ свадьбѣ и во всѣхъ обрядахъ».—Аѳ. Власьевъ уѣхалъ напередъ въ Москву изъ Смоленска, и выѣхавъ опять на встрѣчу къ Маринѣ близъ Вязмы, вручилъ ей отъ жениха алмазную корону, драгоцѣнную повязку на шляпу и проч.

Беръ (а за нимъ и Петрей) пишетъ, что Разстрига, желая праздновать Свѣтлое Воскресеніе съ Мариною, тайно выѣхалъ изъ столицы съ немногими людьми, встрѣтилъ невѣсту въ Можайскѣ, и провелъ тамъ два дни. Въ Журналѣ Маринина путешествія нѣтъ о томъ ни слова.

(468) Въ Журналѣ М. путешествія: «25 Апр. Царь выслалъ четы«рехъ осѣдланныхъ лошадей, на коихъ Воевода и родственники его «въѣхали въ Москву. За четверть мили встрѣтили ихъ Басмановъ одѣ«тый въ богатое гусарское платье, и 1500 людей знатныхъ... У *Тріум«фальныхъ воротъ*, за Живымъ мостомъ, стояли въ два ряда воины... «Тутъ находился скрытно и самъ Димитрій... Мнишка проводили въ

«отведенный ему домъ, куда тотчасъ нанесли множество кушанья изъ «Царской кухни. Вся посуда была залотая. Родственникъ Димитріевъ, К. Ив. Өед. Хворостининъ, отъ его имени привѣтствовалъ Воеводу, «который въ сей день не видалъ Царя. Димитрій ѣздилъ въ монастырь «къ матери, въ бѣлой одеждѣ, на конѣ свѣтлобуромъ... 5 Мая (25 Апр.) «Мнишекъ отправился во дворецъ... Съ обѣихъ сторонъ трона стояло по «два чиновника, вооруженные бердышами съ золотыми рукоятками, въ «бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой горностаями, и въ бѣлыхъ сапогахъ; «на лѣвой сторонѣ К. Дмитрій Шуйскій съ обнаженнымъ мечемъ, а за «Царемъ слуга въ богатомъ кафтанѣ, держа носовой платокъ; а на пра«вой сидѣлъ Патріархъ, предъ коимъ держали крестъ на золотомъ блюдѣ», и проч. Рѣчь Самозванца см. въ Паерле. Вотъ нѣкоторыя мѣста: Es ist schwerlich zu entscheiden, ob ich mich mehr zu verwundern, als zu erfreuen habe... Nun aber haben wir schon vorlängsten desselben vermeinten Todt beweinet... O Glück! wie ungleich bist du den Menschen und wie spielest du mit ihnen!... Gott, Gott ist es, durch Welches Vorsehung die ganze Welt administrirt wird... Muss ich Eure Kays. Majestät auf diesem Throne grüssen und Deroselben rechte Hand, welche ich zuvor aus Freundschaft, als ein Wirth des Gastes, zu pflegen hatte, jezunt zum Zeichen des Gehorsames küssen... Ich habe Eurer Kay. M. viele Tugenden erkennet... als zu Feld liegen im höchsten Winter... wenn auch die wilden Thiere sich in die Erde verkriechen, и проч. и проч. См. также Rzeczy Polskich etc., гдѣ сказано: «Воевода, выходя изъ дворца, встрѣтился на крыльцѣ съ Патріар«хомъ, который далъ ему поцѣловать крестъ, но безъ благословенія. За «Духовенствомъ вышелъ Царь, коего вели сановники подъ руки до самой «церкви, а передъ нимъ несли Державу. Воевода остановился въ сей «церкви на паперти, желая видѣть обрядъ Богослуженія. Тутъ Димитрій, «послѣ Обѣдни, нѣсколько времени разговаривалъ съ нимъ сидя... Въ «сѣняхъ дворца стояло множество золотой посуды и семь бочекъ серебряныхъ съ золотыми обручами... Столовая комната обита Персидскою «голубою тканію... скатерть Царской трапезы вышита золотомъ... изъ «огромнаго серебрянаго сосуда текла вода въ тазы; но никто изъ Рус«скихъ не умывалъ рукъ... Вся комната наполнена золотыми и серебря«ными сосудами», и проч.

(469) См. тамъ же.

(470) Тарелокъ обыкновенно не подавали.

(471) См. Rzeczy Polskich.

(472) Въ наказѣ Яну Бучинскому: «Чтобъ Воевода у Легата Папина «промыслилъ... чтобъ Панна Марина причастилась отъ Патріарха нашего: «потому что безъ того коронована не будетъ... чтобы ей позволено до «Греческой церкви ходити... волосовъ бы не наряжала... въ Субботу «мясо ѣла, а въ Середу бъ постилась». (*Собран. Г. Грамотъ*, II, 229).

(473) См. тамъ же, 268. Всѣ супруги Великихъ Князей были Греческой Вѣры — и дочь Витовтова. — Марина, какъ увидимъ, исполнила требованія Лжедимитріевы.

(474) Въ *Сказаніи, сже содѣяся*: «Розстрига повелѣваетъ Гермогена со«слати въ Казань, и санъ Святительскій съ него сняти, и въ монастырь «заточити; но милостію Божіею сохраненъ бысть до умертвія Розстри«гина; а Іосифа, Еписк. Колом., послѣди же хотѣлъ въ заточеніе сослати».

(475) См. Бера, Петрея, 328, Legende 9, Маржерет. 134, Гревенбруха, де-Ту, и Rzeczy Polskich, гдѣ сказано: «8 Мая» (Новаго Стиля) «Царь и Воевода ѣздили на охоту и обѣдали въ шатрахъ, гдѣ 9 Мая «ночевала Царица, выѣхавъ изъ Вяземы, и пробыла тамъ два дня; 12» (т. е. нашего Стиля) «въѣхала въ Москву»...

(476) Безъ возницы: каждую лошадь велъ богато одѣтый конюхъ. Въ описаніи Маринина путешествія (Нѣмцев. II, 562): «Приближаясь «къ городу, увидѣли мы великое множество людей на полѣ, гдѣ стояли «два шатра и были разостланы ковры. Тамъ Польская Нимфа Марина «вышла изъ кареты и сѣла на богатыхъ креслахъ... Въ другомъ шатрѣ «привѣтствовали Воеводу Сендомирскаго, и подвели ему коня, отъ «имени Царскаго, съ великолѣпною збруею, цѣною во сто тысячъ» (чего?).

(477) См. Бера и Петрея; также выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 360.

(478) См. описаніе Маринина путешествія, въ Нѣмцев. II, 564.

(479) Въ *Legende* 9: elle (Марина) fut menée au cloistre, où se tenoient les Dames et Damoiselles, veuves et filles des grands Seigneurs et Boyares du pays. Авторъ хочетъ сказать, что въ семъ монастырѣ вдовы и дочери боярскія обыкновенно постригались (а не то, чтобы онѣ встрѣтили тамъ Марину).

(480) Беръ пишетъ, что сей домъ Годунова находился въ Кремлѣ близъ дворца и Патріаршаго дома.

(481) См. Авр. Палицына и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(482) См. Бера и Петрея.

(483) Они въѣхали въ столицу за часъ до Маринина въѣзда (см. Rzeczy Polskich).

(484) См. *Никон. Лѣт.* 73

(485) См. Журналъ (Dyaryusz) Пословъ Сигизмундовыхъ, Олесницкаго и Госѣвскаго, въ выпискахъ Аб. Альбертранди.

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 73: «Онъ же злодѣй (Разстрига) являшеся «Московскому народству словесы своими, яко единой пяди Московской «земли не отдамъ, рече, въ Литву, а сердце его окаяннаго давно къ «нимъ желанное ихъ получити» (въ *Ростов.* «исполнити»).

(487) См. Legende 10.

(488) См. Rzeczy Polskich etc. и Нѣмцев. II, 565, гдѣ сказано, что Маринѣ не дозволили слушать Латинскую Обѣдню и въ день Пятидесятницы (по Новому Календарю Пасха была въ сей годъ 26 Марта Нов. Стиля).

(489) Legende 28.

(490) См. Rzeczy Polskich etc.

(491) См. Журналъ или Dyaryusz Пословъ Сигизмундовыхъ.

(492) См. Rzeczy Polsk. и де-Ту 74.

(493) Написано, вѣроятно ошибкою, 500,000 рублей: см. Rzeczy Polsk., гдѣ прибавлено: «Царь велѣлъ сказать невѣстѣ, что она можетъ «дарить сіи узорочья, кому хочетъ... Воевода Сендомирскій не успѣлъ «отправить данныхъ ему денегъ въ Польшу; но мы успѣли воспользо- «ваться его щедростію». Лжедимитрій подарилъ еще тестю богатыя сани и прекрасную лошадь, которая, везя его во дворецъ, упала, въ предзнаменованіе бѣдствія, какъ пишутъ.

Король прислалъ въ даръ Самозванцу двухъ коней Турецкихъ и Неаполитанскаго, золотую цѣпь, нѣсколько серебряныхъ кубковъ и два рукомойника, Англ. собаку и проч., а Маринѣ Корабль съ серебряною пушкою, подносъ съ виноградомъ, нѣсколько сосудовъ драгоцѣнныхъ и и проч. Олесницкій поднесъ ей отъ себя и жены своей корону съ жемчугомъ, ожерелье съ алмазами и рубинами, и проч.

(494) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 112.

(495) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 334.

(496) См. Нарушев. Hist. I. K. Chodk. I, 217, и Rzeczy Polsk.

(497) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 289 и слѣд., Rzeczy Polsk. и Dyaryusz Пословъ Литовскихъ, гдѣ сказано, что Лжедимитрій совѣто-

вался съ Боярами, какое вѣно назначить Царицѣ въ случаѣ его смерти, и положилъ, съ ихъ одобренія, дать ей Новгородъ и Псковъ; сказано также, что знатнѣйшіе изъ сановниковъ присягнули Маринѣ еще до ея вѣнчанія.

(498) Сей золотой тронъ, украшенный, какъ сказываютъ, тысячами камней драгоцѣнныхъ былъ присланъ Шахомъ Царю Іоанну: см. Петрея 339.

(499) Въ Журн. Литов. Пословъ сказано, что Россіяне въ теченіе двухъ дней присягали Маринѣ. Вассенбергъ пишетъ, что въ храмѣ Успенія были съ нею Духовникъ ея Савицкій и другой Іезуитъ Черникъ (или Черниковскій), который говорилъ ей привѣтственную рѣчь на языкѣ Латинскомъ (см. Нѣмцев. II, 280).

(500) См. The Rus. Impostor 99 и Петрея 339.

(501) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293. За столомъ сидѣли только *до третьей пѣсни*. Пишутъ, что Самозванецъ не хотѣлъ слѣдовать древнему Русскому обычаю, установленному для прославленія женской непорочности: см. Гревенбруха 36.

(502) Однимъ изъ *главныхъ* упрековъ Лжедимитрію былъ тотъ, что онъ, не крестивъ Марины, вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцемъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(503) См. тамъ же, стран. 298.

(504) См. Журналъ или Dayrynsz *Литов.* Пословъ.

(505) См. Rzeszy Polsk. Въ Legende сказано, что Разстрига съ своею молодою женою всталъ въ сей день очень поздно.

(506) U naszego przeslawnego Cesarza toz Popi, iako u was Papa (см. Журналъ Литов. Пословъ).

(507) Беръ (и за нимъ Петрей) разсказываетъ такъ: «Въ день свадьбы «Царь имѣлъ великій споръ съ Боярами. Поляки хотѣли, чтобы невѣста «осталась въ ихъ платьѣ, не имѣя привычки къ Русскому; а Бояре тре«бовали, чтобы какъ Царь, такъ и Царица вѣнчались въ Русскомъ. На«конецъ Димитрій сказалъ: *Хорошо, исполню желаніе Бояръ, чтобы они «не упрекали меня страстію къ иноземному. Одинъ день ничего не значитъ.* «Онъ упросилъ невѣсту надѣть Русское платье; но въ слѣдующій день «прислалъ къ женѣ Польское и велѣлъ ей сказать: *вчера я сдѣлалъ угод«ное моему народу, а нынѣ дѣлаю, что мнѣ угодно.* Съ того дня Марина «носила Польскую одежду». См. еще Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(508) См. Legende 13.

(509) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293, Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(510) То есть, жена Князя Дмитрія.

(511) См. Rzeczy Polsk. и Нѣмцев. II, 576.

(512) Въ описаніи Царскаго пира (въ Нѣмцев. II, 576): «Когда по«ставили передъ Царемъ блюдо съ сушеными Венгерскими сливами, то «всѣ гости, вставъ, подходили къ нему: онъ давалъ каждому двѣ сливы, «и каждый немедленно съѣдалъ ихъ».

(513) См. тамъ же.

(514) См. Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polskich.

(515) О привѣтливости Марины, въ день ея въѣзда въ Москву, сказано въ Legende 9: la Princesse se monstra fort humble et gracieuse, en saluant non seulement toutes les Dames de la Cour, mais aussi *devisant* fort amiablement avec plusieurs autres bourgeoises de la ville.

(516) См. Гревенбруха 38.

(517) Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «Литовскіе люди три дни и три «ночи по дворамъ стрѣляху безпрестанно... бысть шумъ великъ и крикъ

«и стрѣльба... хожаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ само-«палы, и стрѣляху».

(518) См. Журналъ Литов. Пословъ.

(519) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Журналъ Литов. Пословъ и Гревенбруха 38.

(520) См. выше, около примѣч. 458.

(521) См. выше, около примѣч. 491, Гревенбруха 37 и The Rus. Impostor 105.

(522) См. Бера, Петрея 340 и *Сказаніе, еже содѣяся*. Нарушевичъ (въ Histor. J. K. Chodkiew. I, 247) говоритъ: «Поляки, употребляя во «зло благосклонность къ нимъ Царя, сдѣлались надменными, алчными «корыстолюбцами, грабителями, распутными; презирали Россіянъ и Вѣру «ихъ». Кобѣржицкій (стр. 67) приписываетъ своимъ единоземцамъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, libidinem, insolentiam, cupidinem, avaritiam; тоже говоритъ и Пясецкій.

(523) См. Гревенбруха 49.

(524) См. Бера и Петрея 332. Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «Начаша «межъ себя совѣтовати втайнѣ, како бы врага и еретика избыти, и при-«совокупи къ себѣ (Шуйскій) православныя Вѣры сыновъ, избранныхъ «Царскихъ Дворянъ и служивыхъ людей изъ Вел. Новаграда и Пскова «и изо многихъ городовъ, наипаче же всѣхъ Бояръ», и проч. Въ Степен. Кн. Латухина: «И снидошася вкупѣ К. Вас. Ив. Шуйскій съ братьями, да К. Вас. Вас. Голицынъ и К. Ив. Семеновичь Куракинъ, и по-«ложиша совѣтъ, что Разстригу убити, а по немъ изъ нихъ кому Царемъ «быти, и никому за прежніе досады не мстити, но общимъ совѣтомъ «Россійское Царство управляти».

(525) Беръ: «надѣясь, что сей юный Герой будетъ усерденъ къ Вѣрѣ «и къ Русскимъ обычаямъ». См. также де-Ту CXXXV, 77, The Russ. Impostor 101, Гревенбруха 59 и Пясецк. Chron.

(526) Петрей 333: «Въ церковь за нимъ ходятъ Ляхи съ собаками». См. также Хронографы.

(527) См. Бера, также *Собран. Г. Грамотъ*, II, 309. Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «К. Василій же Ив. Ш. рече: *Мы готовы пострадати за «православную Вѣру, а вы будьте также готовы, какъ ударятъ въ коло-«кола... Се нынѣ время смертію живота купити...* Се же слышавше, пра-«вославные Христіане радовашася... и возопиша со слезами: *Боже! не «остави насъ!*» и проч.

(528) 20,000, по сказанію Пясецкаго.

(529) См. Бера и Петрея 341.

(530) См. Аврам. Палицына 27, *Собран. Г. Грамотъ* II, 309, и Журналъ Литов. Пословъ. Въ *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ:* «Святая бы мѣста ему (Лжедимитрію) осквернити и монастыри въ домы «поганцовъ сотворити, и юныхъ Иноковъ и Инокинь образа Иноческаго «лишати и въ свѣтлая портища облачати, и Иноковъ умысли женити, а «Инокинь за-мужъ давати», и проч.

(531) См. Rzeczy Polsk. и Журналъ Литов. Пословъ; см. также Маржерет. 136.

(532) См. Бера и Rzeczy Polskich. Другіе пишутъ, что заговорщики на канунѣ бунта именемъ Царя велѣли тѣлохранителямъ итти домой; но такой обманъ долженъ былъ немедленно открыться.

(533) См. Legende 15.

(534) См. Rzeczy Polskich, гдѣ сказано, что сему войску надлежало итти въ Крымъ; но оно собиралось тогда въ Ельцѣ.

(535) Въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: «говорятъ, что въ эту ночь «Царь не спалъ, а все веселился». См. также Rzeczy Polskich.

(536) Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «и быша готовы, всю нощь ожи-«дающе реченнаго звону».

(537) Беръ говоритъ: «въ третьемъ часу утра» — Маржеретъ: «въ «шесть часовъ»—Legende: «въ семь часовъ»—въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «свѣтающу утру и *восходящу солнцу:*» слѣдственно въ 38 минутъ четвертаго часу.

(538) См. Legende 16 и *Сказаніе.*

(539) См. Бера и Петрея 343. Въ Legende 17: L'Empereur oyant le tumulte, saulta de son lict, prenant sa robe de nuict, demandant ce que c'estoit. Напротивъ того въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: «Царь «рано вышелъ изъ комнатъ на крыльцо, увидѣлъ Аѳ. Власьева и К. Григ. «Волконскаго, бывшаго Приставомъ у Пословъ (Сигизмундовыхъ) и спро-«силъ, что говорятъ объ немъ Послы? Волконскій — не зная, кажется, «чему надлежало случиться — отвѣчалъ Царю, и сошелъ съ крыльца... «Тутъ ударили въ набатъ... Народъ говорилъ, что Литва рѣжетъ Бояръ, «и что онъ бѣжитъ спасти ихъ», и проч. Другіе пишутъ, что народъ кричалъ: «спасемъ и Царя и Бояръ отъ Литвы!» См. также Паерле, Rzeczy Polskich и Legende 17. Слѣдуемъ Беру въ описаніи главныхъ обстоятельствъ.:

(540) Беръ «Ну, безвременный Царь! проспался ли ты? за чѣмъ не «выходишь къ народу?... Басмановъ, схвативъ Царскій палашъ, отрубилъ «голову сему дерзкому». Петрей: «Басмановъ, схвативъ саблю, которая «висѣла на стѣнѣ, отсѣкъ ему голову».

(541) Въ Legende: au lieu que tous les jours il (Лжедимитрій) avoit 100 hellebardiers de garde, il ne s'y trouverent point 30, voire pas un Capitaine. Маржеретъ былъ нездоровъ, какъ онъ сказывалъ Историку де-Ту. О слугахъ и музыкантахъ см. въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ.

(542) См. Бера и Петрея 344. Въ Журналѣ Пословъ: «Басмановъ «закричалъ Царю: *умираю, а ты думай о себѣ;* сталъ въ дверяхъ и за-«щищался». Маржеретъ, согласно съ Беромъ, пишетъ, что Басманова зарѣзали въ сѣняхъ: en une gallerie tout contre le quartier de l'Empereur.

(543) Беръ сказываетъ, что Лжедимитрій вышелъ было къ мятежникамъ съ палашемъ (или Турецкою саблею, какъ пишутъ другіе), но видя ихъ множество, ушелъ назадъ; что они вырубили нѣсколько досокъ въ стѣнѣ; что тѣлохранители говорили: «мы всѣ вмѣстѣ могли бы спасти «Царя, если бы имѣли оружіе не только для красы и вида;» что Самозванецъ, не останавливаясь, пробѣжалъ мимо комнатъ Мариниыхъ (или, какъ говоритъ Паерле, давъ женѣ совѣтъ укрыться) въ каменный дворецъ, откуда выпрыгнулъ въ окно. Паерле сказываетъ, что тутъ во время свадьбы были сдѣланы подмостки, съ которыхъ упалъ Разстрига. Въ Legende: «Дмитрій сталъ противъ народа, хотѣлъ драться, засучилъ ру-«кава своей рубашки, требовалъ меча, обыкновенно передъ нимъ носи-«маго; но хранитель сего меча (или тесака) скрылся».

(544) См. Журналъ Пословъ Литовскихъ.

(545) Въ *Никон. Лѣт.* 75: «Стрѣльцыжь подхватиша и возведоша «его опять въ полату, и біяхуся за него; начаша жь Стрѣльцы Бояромъ «глаголати: идемъ ко Царицѣ и допросимъ ее», и проч. По другому вѣроятнѣйшему сказанію (см. Бера, Петрея, Паерле и Журналъ Пословъ Литовскихъ). Стрѣльцы защищали Лжедимитрія не во дворцѣ, а тамъ, куда онъ выпрыгнулъ изъ окна; во дворецъ внесли его уже послѣ Маринна свидѣтельства. Въ Степен. Кн. Латухина: «Стрѣльцы же и вси слу-«живые люди Боляромъ его не отдаша, но къ Царицѣ Маринѣ *поведоша*, «хотяху отъ нея увѣдати, аще той есть сынъ ея... И егда Боляре и слу-

«живые люди, и весь народъ, къ Царицѣ въ монастырь пріидоша и во-«прошати вси начаша, она же многія слезы изливаетъ и всю истину «возвѣщаетъ, яко не знаю человѣка сего, и нѣсть мой сынъ... Слышавъ «же народъ и Боляре, и съ яростію вора того восхитиша», и проч. Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 187 на об.: «Его злодѣя (Разстригу) облича «взяли изъ хоромъ, убили, и была въ тѣ поры при немъ въ хоромѣхъ, и то «видѣла, какъ его убили, дочь Воеводина» (Марина). Такъ говорилъ Па-намъ Сигизмундовымъ нашъ Посланникъ, К. Волконскій, въ Авг. 1606 года.

(546) Въ Дѣлахъ Польскихъ No 26, л. 5: «Царицу Иноку Марѳу «всенароднымъ множествомъ вопросивше; она же все явнѣ исповѣда, яко «сынъ ея на Угличѣ убіенъ бысть повелѣніемъ Бориса... сего же смер-«дящаго пса и злаго аспида не вѣмы, откуду приде; исповѣдати же не «смѣюще долгое время, боящеся злаго прещенія его, и женскою немо-«щію одержима... Нагія же всѣ то же исповѣдаша». Тамъ же, 83: «Об-«личаетъ его вора» (Марѳа Разстригу) «передъ всѣми людьми, что сынъ «ее зарѣзанъ на Углечѣ и умеръ у нее на рукахъ».

(547) Тамъ же, л. 5: «И образъ лица его (Марѳа Лжедимитріева) «изъ сокровищъ своихъ изнесе».

(548) Беръ: «Бояре внесли его» (Самозванца) «въ комнаты, прежде «великолѣпныя, но тогда уже разграбленныя и загаженныя. Въ прихо-«жей находились тѣлохранители подъ стражею, обезоруженные и печаль-«ные: Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ про-«тянулъ руку къ одному изъ нихъ, но не могъ выговорить ни слова... «что думалъ, извѣстно единому сердцевѣдцу Богу: вѣроятно вспомнилъ «неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ. Вильгельмъ «Фирстенбергъ пробрался во внутреннія комнаты за Боярами, желая «знать, что будетъ съ Царемъ: его закололъ одинъ Бояринъ подлѣ самаго «Царя», и проч. Въ Legende иначе: «Узнавъ, что Димитрій, выпрыг-«нувъ изъ окна убился, Фирстенбергъ сбѣжалъ съ крыльца, и нашелъ «Царя еще живаго; но онъ разшибъ себѣ грудь: кровь лилась у него «изо рта; голова также была вся въ крови. Фирстенбергъ съ товари-«щами взнесъ Димитрія наверхъ, въ Царскія комнаты, гдѣ его освѣжили «холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тутъ Бояре на-«чали говорить съ нимъ и допрашивать; но не льзя знать, что между «ими происходило. Фирстенберга умертвили, дабы онъ не разгласилъ сей «тайны», и проч.

(549) См. Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(550) См. Бера.

(551) См. тамъ же. Въ Дѣлахъ Польскихъ No 26, л. 83: «да и самъ «еретикъ Гришка сказалъ, что все дѣлалъ мечтами бѣсовскими». Въ гра-мотѣ Бояръ (см. *Собр. Г. Г.* II, 30): «а какъ его поимали, и тотъ воръ «и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ».

(552) Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «Убиша Гришку въ палатѣ за двор-«щомъ» (въ новомъ дворцѣ, за старымъ) «два избранна воина, Иванъ «Васильевъ сынъ Воейковъ, да Григорій Волуевъ». Сего Волуева обра-тили иноземцы въ Wolnik и Mulnik. Беръ пишетъ, что Россіяне, одѣвъ Самозванца въ платье пирожника, толкали, щипали его и говорили: «смотрите на Царя Всероссійскаго! такіе Цари у насъ на конюшняхъ;» что К. Вас. Шуйскій ѣздилъ между тѣмъ верхомъ передъ дворцемъ, воз-буждая въ гражданахъ и въ воинахъ ревность истребить Самозванца: что въ то мгновеніе, когда Лжедимитрій палъ отъ двухъ выстрѣловъ, всѣ Князья и Бояре обнажили сабли: одинъ разсѣкъ ему голову, другой ногу, третій руку», и проч.

(553) См. Бера и Legende. Въ Журналѣ Литов. Пословъ: «Чернь «влекла трупъ убитаго Царя мимо Дѣвичьяго монастыря и спрашивала

«у его матери: *это твой ли сынъ?* Мать сказала: *для чего вы не спросили «о томъ у меня, когда онъ былъ еще живъ? теперь онъ уже не мой».* Въ Legende: «положили ему (Самозванцу) на брюхо гипсную маску (найден-«ную въ комнатахъ у Марины), дудку въ ротъ, волынку подъ мышку, «и мѣдную деньгу въ руку, какъ бы въ награду за игру его». Петрей: «Одинъ Дворянинъ прискакалъ верхомъ изъ Кремля съ волынкою и «маскарадными платьемъ... кинулъ мертвому на брюхо платье, всунулъ «въ ротъ дудки, а пузырь положилъ на грудь, и сказалъ: *ты, негодяй, «часто заставлялъ дудить: теперь дуди самъ въ нашу забаву».* Въ Журналѣ Пословъ: «Ноги Димитріевы лежали на груди у Басманова... Сказали «народу, что маска нашлася въ комнатахъ у Царя, и служила ему вмѣсто «иконъ, найденныхъ у него подъ кроватью».

(554) См. Rzeczy Polskich, гдѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Марина скрылась подъ юбкою своей Гофмейстерины, и чтобы Бояре осрамили благородныхъ Полекъ, какъ разсказываетъ Беръ, весьма непристойно, хотя и на языкѣ Латинскомъ (за нимъ и Петрей 346). «Гофмейстерина», пишетъ онъ, «увѣрила Бояръ, что Марина ушла къ отцу». Тутъ одна Полька, Хмѣловская, была ранена пулею, и чрезъ нѣсколько дней умерла.

(555) Въ Legende сказано, что спаслось только 5 или 6 музыкантовъ, убито же человѣкъ двадцать: Беръ умножаетъ ихъ число до ста, говоря, что они жили въ *монастырскихъ домахъ.* — Убитый Іезуитъ, именемъ Помасскій, былъ Самборскимъ Настоятелемъ и Королевскимъ Секретаремъ: см. Litterae Annuae S. I. an. 1606, стран. 721 и слѣд., гдѣ сказано: «Въ домѣ, данномъ намъ по милости Димитрія, съ тѣмъ, чтобы «учредить въ ономъ Коллегію Общества, Россіяне выломили двери... «Наши братья ушли въ домъ къ Польскимъ купцамъ», и проч. Въ Rzecz. Polsk: «Воевода Сендомирскій, ничего не зная о Царѣ и Царицѣ, крайне «тревожился, и не могъ дать имъ помощи: ворота наши съ улицы были «завалены... вездѣ стояли рогатки», и проч. Въ Журналѣ Литов. Пословъ: «Нѣкоторыхъ изъ нашихъ слугъ, рано вышедшихъ изъ дому, Москвитяне «убили... Богъ хотѣлъ казнить насъ за гордость, отнявъ у всѣхъ разумъ». Беръ: «Нѣкоторые Ляхи ускакали въ Нѣмецкую слободу, но попались «въ руки къ злодѣямъ, которые бѣжали изъ Ливоніи и Германіи отъ «казни, заслуженной ихъ преступленіями: лишенные чести служить Царю «въ числѣ его тѣлохранителей, они болѣе Русскихъ ненавидѣли Димитрія «и Ляховъ: схватили злосчастныхъ, обнажили, умертвили».

(556) Беръ: «Одинъ Дворянинъ Литовскій, выскочивъ въ рубашкѣ «изъ спальни, спрятался въ погребѣ; Русскіе нашли его: онъ кинулъ «имъ свой кошелекъ съ червонцами, отдавался въ плѣнъ, предлагалъ все «имѣніе, которое было у него въ отечествѣ... клапялся до земли, умолялъ «именемъ Божіимъ и Св. Николая... окровавленный, изсѣченный саблею, «воскликнулъ: *о Москвитяне! вы называетесь Христіанами: сжалитесь «надъ бѣднымъ отцемъ и супругомъ; пощадите меня ради жены и дѣтей «моихъ!...* Я былъ тому свидѣтелемъ».

(557) См. Rzeczy Polskich.

(558) Тамъ же: «К. Вишневецкій стрѣлялъ въ толпы изъ лука и не «давалъ промаху... Шуйскій кричалъ ему, чтобы онъ не стрѣлялъ: вынувъ «крестъ, сей будущій Царь поцѣловалъ его въ удостовѣреніе нашей безо-«пасности; вошелъ на дворъ и горько заплакалъ, видя нѣсколько убитыхъ «Россіянъ, которые силою вломились туда и были жертвою своей дерзости. «Шуйскій взялъ К. Вишневецкаго съ собою, въ одномъ жупанѣ». Виш-невецкій жилъ въ домѣ Боярина Степана Александровича Волошскаго, Господаревича Молдавскаго.

(559) Въ Журналѣ Пословъ Литов.: «Мы, Посольскіе, увидѣвъ мятежъ, «тотчасъ заперли дворъ свой, вездѣ разставили Гайдуковъ и людей во-

«оружепныхъ, готовились къ битвѣ и къ неизбѣжной смерти. Противъ «насъ, черезъ улицу, въ домѣ Степана Годунова, а нынѣ Голицына, «стоялъ братъ Царицынъ, имѣя не мало ратниковъ: мы сносились другъ «съ другомъ записками, привязывая ихъ къ стрѣламъ и пуская оныя «изъ лука со двора на дворъ... Къ нашему двору прискакали два сано- «ника, Борисъ Нащокинъ и другой, требуя свиданія съ Послами. Къ «нимъ вышелъ Староста Велижскій и сталъ въ воротахъ. Они сидѣли «на коняхъ, вооруженные саблями и луками; поклонились ему и сказали: «*К. Θед. Ив. Мстиславскій, К. Вас.* и *Дм. Ив. Шуйскіе и другіе Бояре «велѣли сказать вамъ, Послы... не опасайтесь ничего... но не мѣшайтесь «съ тѣми ляхами, которые пріѣхали сюда съ Воеводою Сендомирскимъ, «чтобы изгубить (запять) Русскихъ, и сдѣлали столько зла.* Староста «Велижскій отвѣтствовалъ: *Вы узнали, какъ говорите, что мнимый Ди- «митрій былъ обманщикъ, и для того умертвили его: до сего намъ нѣтъ «дѣла: да поможетъ вамъ Богъ въ вашей правдѣ!.. Благодаримъ Бояръ за «доброе къ намъ расположеніе. Но Воевода Сендомирскій и спутники его «ѣхали сюда не воевать и не губить васъ, а въ гости и на свадьбу къ «тому, кого вы признали Царемъ. Если нѣкоторые изъ нихъ виновны, то «за виновныхъ не стоимъ; но всѣ не должны страдать за немногихъ. «Молимъ Бояръ, чтобы они уняли кровопролитіе... Не будемъ смотрѣть «равнодушно на гибель нашихъ братьевъ...* Прискакали Князья Мстислав- «скій, Шуйскіе и другіе; начали разгонять мятежниковъ... Мстиславскій «прекратилъ убійства на Мясницкой улицѣ, гдѣ всего болѣе пролилось «крови... Вокругъ Посольскаго Двора разставили 500 Стрѣльцевъ».

(560) Въ Rzecz. Polsk.: «Уже Москвитяне паводили пушки на окна «и стѣны; но мы еще могли бы обороняться въ каменныхъ подвалахъ «своего» (Мнишкова) «дома. Камни сыпались на дворъ... Тутъ пріѣхали «чиновники, велѣли Сендомирскому Воеводѣ послать кого нибудь къ «Думнымъ Боярамъ для переговоровъ, и дали намъ въ залогъ Стрѣлец- «каго Сотника. Г. Воевода послалъ Гоголинскаго... Татищевъ сказалъ «ему: *Всемогущій Богъ, управляя всѣми Царствами»*, и проч.

(561) Беръ: «наконецъ въ одиннадцатомъ часу трагедія кончилась». Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «побиваху Литву со втораго часу дни до «девятаго», т. е. съ пятаго до двѣнадцатаго. Сіе кровопролитіе началось уже по истребленіи Самозванца.

(562) См. Бера, который говоритъ, что Ляховъ убито 2,135. Марже- ретъ: comte l'on tient, 1,705 Polonois massacrez. Въ Rzecz. Polsk.: «нашихъ убито, по достовѣрному исчисленію труповъ, до 500 человѣкъ» (въ Журналѣ Пословъ Литов.: *до тысячи человѣкъ*) «а Русскихъ вдвое». Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* «Слышавше, что побиты тогда 5 Воеводъ «Польскихъ, 2 Воеводъ Литовскихъ, 3 Старосты польскихъ Градскихъ, «6 Гетмановъ Угорскихъ, 3 Рохмисты Литовскихъ, 8 *Бурмистровъ* Риж- «скихъ и Нѣмецкихъ, 2 Капитана Нѣмецкихъ, да Дворянъ Королев- «скихъ 65, да Римскихъ учителей, которые пріѣхали съ Розстригою и «съ Сендомирскимъ учити Римскому Закону, 3 Кардинала, 4 Каплана, «2 Студента; да всякихъ людей Польскихъ, и Литвы, и Угрянъ, и Рим- «лянъ, и Нѣмецъ, 2062 человѣка, да раненыхъ 1307 человѣкъ, а послѣ «и тѣ помроша: да битыхъ ослопы и грабленыхъ до-нага, лежали покинуты «за-мертво, 2373 человѣка, опричь тѣхъ, которыхъ побили по дорогамъ, «что побѣжали изъ Москвы, и въ стадѣхъ конскихъ». Это безъ сомнѣнія увеличено. Въ Журналѣ Пословъ: «Суббота прошла въ ужасѣ, и въ «слѣдующую ночь едва ли кто нибудь изъ нашихъ могъ сомкнуть глаза... «18 Мая пришелъ къ намъ Іезуитъ Савицкій, коего мы считали мертвымъ... «Послы съ дозволенія Бояръ освѣдомились о здоровьѣ П. Тарла: въ домѣ «его, вездѣ обрызганномъ кровью, лежали трупы. Самъ Тарло и Любо-

«мирскій прикрывали наготу свою гадкими рубашками; жена перваго, «П. Гербуртова и другія знатныя госпожи были въ такомъ нарядѣ, въ «какомъ не ходятъ у насъ и служанки; солома служила имъ постелею». Въ семъ Журналѣ и въ Rzecz. Polsk. именованы многіе изъ убитыхъ Ляховъ.

(563) См. Legende 21—23, гдѣ именованы Амвросій Челари, купецъ Миланскій, прикащики Аугсбургскаго купца Гельбама, — Натанъ, также изъ Аугсбурга, и Николай Львовскій. Лжедимитрій у перваго взялъ товаровъ на 33000, а у купцевъ Нѣмецкихъ на 225000 флориновъ, и не успѣлъ заплатить имъ. Авторъ пишетъ: «Я два раза говорилъ о томъ «съ братомъ нынѣшняго Царя (Вас. Шуйскаго); но онъ сказалъ, что «товары ихъ не вступили въ казну, а были розданы Самозванцемъ По«лякамъ: слѣдственно казна и не обязана платить за оные».

(564) См. тамъ же, стран. 23.

(565) Авр. Палицынъ: «Безумство и гордость вмѣсто благодаренія «Праведномстителю предложися». Въ Морозов. Лѣт.: «Вмѣсто благода«ренія вдашася въ піанство, и всякій своимъ промысломъ хваляшеся, «иный же храбрствомъ величашеся, а молебнаго славословія Богови не «воздаша».

(566) (Въ *Legende* 23: sur la nuic il y avoit un si grand silence par toute cette grande ville, comme s'il n'y eust eu ame vivante.

(567) Маржеретъ 147: F. I. Mistislofts qui avoit eu plusieurs voix... lequel nonobstant refusa d'estre esleu, selon que le bruit en court, asseurant qu'il se rendroit moine, si l'eslection tomboit sur lui.

(568) См. Штралепберга Nord. und Ostl. Theil von Europa und Asia, 200—202, и Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 154. Пишутъ такъ: «Многіе выбирали Шуйскаго, но многіе и Голицына. Бояре выслали «обоихъ, и К. Воротынскій сказалъ, что Голицынъ, имѣя множество «родственниковъ, отниметъ всю власть у Думы. Положили спросить у «народа, а народъ, приготовленный къ тому Воротынскимъ, завопилъ: да «здравствуетъ Царь Василій Іоанновичь Шуйскій!» Послѣдній имѣлъ также многихъ родственниковъ и превосходилъ Голицына въ знатности.

(569) См. де-Ту, CXXXV, 79, и The Russ. Impostor 116.

(570) Въ *Никон. Лѣт.* 75: «По убіеніи Розстригинѣ начаша Бояре «думати, какъ бы сослатца со всею землею... какъ бы по совѣту выбрати «на Москов. Государство Государя, чтобъ всѣмъ людемъ былъ (угоденъ). «Богу же не милующу грѣхъ ради нашихъ... по совѣту К. Вас. Ив. «Шуйскова, не токмо что (не) совѣтоваша со всею землею, да и на Мо«сквѣ не вѣдаху многіе люди... Въ *четвертый* день» (въ *третій:* ибо Шуйскій 19 Мая уже былъ Царемъ: см. ниже и *Собраніе Г. Грамотъ*, II, 299) «по убіеніи Розстригинѣ пріѣхаша въ городъ (Кремль) и взяша К. «Василья на лобное мѣсто, нарекоша его Царемъ, и поидоша съ нимъ «въ градъ въ Соборн. Церковь». Аврам. Палицынъ: «Малыми пѣкими «отъ Царскихъ Полатъ излюбленъ бысть Царемъ К. Вас. Ивановичь III., «и возведенъ бысть въ Царскій домъ, никимъ же отъ Вельможъ прере«кованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ». Въ *Повѣсти о бывшихъ бѣдствіяхъ*, писанной на столицѣ для Патріарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленной, вѣроятно, его рукою: «Маія 19 придоша на Край«нево мѣсто, глаголемое-лобное, весь Синклитъ и Митрополиты и Архіеп. «и Епископы... и всякихъ чиновъ люди, и весь народъ, и начаша глаго«лати о томъ, дабы разослати грамоты во всѣ грады, чтобы съѣзжалися «въ Москву вси народи для Царскаго избранія, и да быша избрали «Патріарха... народи же отвѣщаху, яко напередь да изберется Самодер«жавный Царь... и угодно бысть сіе слово... и начаша глаголати, да «вручено будетъ ему (Шуйскому) Царствія Рос. скипетродержавіе... И

«вси предстоящіе ту, яко по нѣкоему благовѣщенію съ небесе, воздвигоша «гласы своя: *да будетъ царствуя надъ нами!*.. И тако всѣмъ Совѣтомъ «избраша благочестив. Царя Василія, и разыдошася въ домы своя. Паре- «ченный же Царь поѣха во градъ», и проч. См. также Бера. Въ Журналѣ Пословъ Литов.: «29 Мая» (19 по нашему Стилю) «во второмъ «часу дня ударили въ бубны и заиграли на трубахъ въ Кремлѣ, а по «всѣмъ церквамъ начался звонъ колокольный: избрали новаго Царя».

(571) Лжепатріархъ Игнатій не смѣлъ показаться, зная, какая участь ожидала его.

(572) См. Бера. Тѣло Басманова отдали К. Ив. Голицыну, его сводному брату. См. еще *Никон. Лѣт.* 75.

(573) См. Бера и Маржерет. 138.

(574) Беръ: «Вокругъ Лжедимитріева тѣла, лежащаго на площади, «ночью сіялъ свѣтъ: когда часовые приближались къ нему, свѣтъ исче- «залъ и снова являлся, какъ скоро они удалялись. Когда тѣло везли въ «убогій домъ, сдѣлалась ужасная буря, сорвала кровлю съ башни на «Кулишкѣ (am Kulichka) и повалила деревянную стѣну у Калужскихъ «воротъ (Gaulische Iforte). Въ убогомъ домѣ сіе тѣло невидимою силою «переносилось съ мѣста на мѣсто, и видѣли сидящаго на немъ голубя. «Произошла великая тревога. Одни считали Лжедимитрія необыкновен- «нымъ человѣкомъ, другіе Діаволомъ, по крайней мѣрѣ вѣдуномъ, научен- «нымъ сему адскому искусству Лапландскими волшебниками, которые «велятъ убивать себя и послѣ оживаютъ». Въ Степен. Кн. Латухина: «Розстригинъ трупъ на пожарѣ (на Красной площади) три дни лежалъ, «и мнози слышаху въ полунощи надъ нимъ великій плищь бѣсовскій: въ «бубны біяху и въ сопели играху, и пѣсни скверныя пояху, и таковую «честь любящему ихъ Розстригѣ бѣси приношаху, и радовахуся о при- «ходѣ своего угодника».

(575) См Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(576) Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ обстоятельнѣйшей повѣсти Жмудскаго Дворянина Товянскаго о мнимомъ Димитріи. Сія рукопись хранилась въ библіотекѣ Залускихъ (см. Нѣмцев. Dz. Panow. Zygm. III. T. II, 223) и напечатана въ *Жизнеописаніи Яна Петра Сапѣги* (Zycie I. P. Sapiehy), издан. въ 1791 году, въ Варшавѣ.—Разстригу признали сыномъ Іоанновымъ: Маржеретъ, Гревенбрухъ, Паерле, неизвѣстный сочинитель повѣсти о Димитріи: narratio succincta de adversa et prospera fortuna Demetrii (см. Рихман. Sammlung, I, 401) и нѣкоторые изъ Ляховъ; но достовѣрнѣйшіе Польскіе Историки: Пясецкій, Лубѣнскій, Кобѣржицкій, (кромѣ одного Вассенберга) или сомнѣвались, или рѣшительно называли Разстригу обманщикомъ (см. Миллер. Sammlung R. G. V. 186). Знаменитый Замойскій называлъ явленіе мнимаго Димитрія *Терепніевою Комедіею:* Жолкѣвскій въ своихъ Комментаріяхъ также пишетъ о Самозванцѣ съ презрѣніемъ (см. Нѣмцев. Dz. P. Z. III, T. II, стран. 300). Не говоримъ о мнѣніи новѣйшихъ Писателей, Треера, такъ называемаго *Нестесуранова* (или Гусейна) и проч.

(577) Вассенбергъ въ Дѣяніяхъ Владислава IV (Gesta Vladislai IV, стран. 14) пишетъ, что мнимый Димитрій семь лѣтъ учился въ Іезуитской школѣ, и совершенно узнавъ Латинскій языкъ, вступилъ въ службу Адама Вишневецкаго (см. Нѣмцев. II, 239).

(578) См. выше, примѣч. 207.

(579) См. Т. X, примѣч. 60.

(580) Въ Повѣсти о Димитріи (Narratio succincta и проч.: см. выше, примѣч. 576): in qua hominum litteratorum magna copia fuit!! Тамъ сказано, что Августинъ, подставивъ на мѣсто Димитріево сына какой

то знатной женщины Estomen, ушелъ съ Царевичемъ въ монастырь къ Бѣлому морю, гдѣ и кончилъ дни свои Инокомъ.

(581) См. Гревенбруха. Такъ говорилъ и Самозванецъ: см. выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 207, и Никон. Лѣт. VIII, 58. Маржеретъ (стр. 153): «Естественно думать, что мать и Вельможи, Романовичи, «Hatie и другіе, угадывая Борисово намѣреніе, старались всячески спасти «младенца: для чего надлежало на его мѣсто взять инаго, а Димитрія «воспитывать тайно. Годуновъ ничего не свѣдалъ, и когда сѣлъ на пре«столѣ, тогда послали Царевича въ Литву, въ одеждѣ Инока».

(582) См. Т. X, примѣч. 240.

(583) См. ихъ въ *Собраніи Г. Грамотъ*, Т. II, и въ Хронографахъ.

(584) См. выше, около примѣч. 383.

(585) Тацит. Histor. кн. IV, отдѣл. 13.

(586) См. выше, примѣч. 409.

(587) Петрей, 373: Weil auch das Geschrey erschall, dass er nicht sollte der rechte Demetrius seyn, ist er in das Kloster, da die Grossfurstin Maria Feodrovna gevesen, gangen, und sagte zu ihr, wie er were gesinnet, des Priesters Sohn, der seinet halben were todt geschlagen und fürstlich begraben worden, auffzugraben, und auff einen andern Platz legen zu lassen, welches die Grossfürstin nicht verstatten wollen, weil sie wohl wusste, dass es ihr leiblicher Sohn war. См. также о семъ важномъ случаѣ въ Нарушев. Histor. J. K. Chodkiew. 1, 215.

(588) Такъ говорили нашимъ Боярамъ Послы Сигизмундовы: см. ихъ Отвѣты въ Архивѣ Кол. И. Д. и Dyaryusz или Журналъ.

(589) Беръ: «Однажды убѣждалъ я Басманова сказать мнѣ, *дѣйстви«тельно ли всемилостивѣйшій Государь нашъ* имѣетъ право на корону? «Басмановъ, въ присутствіи одного купца Нѣмецкаго, отвѣтствовалъ мнѣ «съ полною довѣренностію слѣдующее: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца «и брата: молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною; хотя онъ и не истин«ный Димитрій, однакожъ истинный Государь нашъ, ибо мы ему присяга«ли, и не можемъ найти Царя лучшаго*». См. также Петрея 374.

(590) Петрей именуетъ сего Аптекаря, равно какъ и Лифляндскую Дворянку (стран. 373).

(591) Петрей, стран. 370: so er (Лжедимитрій) solte derselbige (Димитрій) seyn, müste er nicht über 22 Jahr alt gewesen seyn, da der ander (Лжедимитрій) allzeit über 30 Jahr alt ist. Пристрастный Маржеретъ говоритъ, что мнимому Димитрію было лѣтъ двадцать-пять; но истинному не было бы и двадцати четырехъ.

(592) Беръ: «Многіе знатные Поляки увѣряли, что онъ (Лжедимитрій) «былъ побочный сынъ Короля ихъ, Стефана Баторія. Янъ II. П. Сапѣга, «однажды (въ 1609 году) за столомъ превознося Римскую храбрость «Поляковъ, сказалъ: *Мы дали Русскимъ Царя бродягу, который именова«вался сыномъ Іоанновымъ, на смѣхъ людямъ; теперь вторично даемъ имъ «мнимаго Димитрія въ Государи, завоевали для него уже половину земли «ихъ, завоюемъ и другую: пусть лопнутъ съ досады, но сдѣлаемъ, чего хо«тимъ.* Я слышалъ это своими ушами». См. и Маржерет. 158.

(593) См. выше, примѣч. 213.

(594) Маржеретъ 163: Je l'ay (Лжедимитрія) ouy parler peu de temps après son arrivée en Russie, et trouve qu'il parloit aussi bon Russe que faire ce pouvoit, sinon que, pour orner le langage, il y mesloit parfois quelque phrase Polonoise. Mesme j'ay veu des lettres qu'il dicta pour divers sujets avant qu'il fut receu en Mosco, lesquelles estoient si bien, que nul Russe n'y pouvoit trouver que redire.

(595) См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 162, 228, 229.

(596) Маржеретъ 168: il avoit une éloquence qui ravissoit tous les Russes, et mesmes reluisoit en luy une certaine Majesté, laquelle ne se peut dire et ne s'est veu auparavant aux grands en Russie.

(597) См. Пясецкаго 266—286. Лжедимитрій, говоритъ онъ, заслужилъ презрѣніе Россіянъ тѣмъ, что не имѣлъ понятія о государственной наукѣ, и бывъ съ съ юныхъ лѣтъ въ обществѣ людей низкаго состоянія, велъ себя неблагородно, безъ всякаго величія, и проч.

(598) Маржеретъ 155: «Извѣстно и несомнительно, что скоро по «воцареніи Борисовомъ Инокъ, Гришка Отрепьевъ, бывъ Секретаремъ у «Патріарха, бѣжалъ изъ своего монастыря въ Литву: съ сего времени «Годуновъ началъ опасаться и подозрѣвать... Но не одинъ, а два чело«вѣка ушли тогда въ Монашескомъ платьѣ: Отрепьевъ, или Разстрига, «и другой безыменный. Борисъ, послалъ всюду гонцевъ, велѣлъ стеречь «на дорогахъ къ границѣ и хватать всѣхъ путешественниковъ, даже и «тѣхъ, у которыхъ были письменные виды или пропуски: Царскій указъ «гласилъ, что ушли два преступника изъ Россіи въ Литву. Вездѣ учре«дили такъ называемыя заставы, какъ бы во время моровой язвы, и «три или четыре мѣсяца никто не могъ свободно ѣздить изъ города въ «городъ. Упомянутый Разстрига былъ отъ тридцати-пяти до тридцати-осми «лѣтъ, а Димитрій вступилъ въ Россію юношею, двадцати-трехъ или «двадцати-четырехъ лѣтъ, и привелъ съ собою Разстригу, котораго всѣ «видѣли, и коего братья имѣютъ помѣстья близъ Галича. Сей Разстрига «былъ извѣстный негодяй и пьяница: за что Димитрій сослалъ его въ «Ярославль, гдѣ находится домъ Лондонскаго купеческаго общества: «Англичанинъ, жившій тамъ въ сіе время, сказывалъ мнѣ, что Разстрига, «уже и въ царствованіе Шуйскаго, признавалъ убитаго Димитрія истин«нымъ Іоанновымъ сыномъ, коего онъ вывелъ изъ Россіи: такъ говорилъ «сей человѣкъ съ клятвою (avec grands sermens), увѣряя, что ему «дѣйствительно принадлежитъ имя Гришки Отрепьева, прозваннаго Раз«стригою, такъ думаютъ и всѣ Россіяне, за исключеніемъ не многихъ. «Скоро послѣ того Царь велѣлъ быть Разстригѣ въ Москву; а что съ «нимъ сдѣлалося, не знаю».

(599) См. выше, примѣч. 201.

(600) См. выше, примѣч. 229.

(601) Дядя Лжедимитрія, Смирной Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова-Богдана Отрепьева, шалунъ не исправленный Монашествомъ; что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для воина, и по совѣту злыхъ людей, особенно какого то Инока, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже по смерти Разстриги (см. Петрея 371).

Конецъ примѣчаній XI тома.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ къ одинадцатому тому

„ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО".

Рисунки I и II. Оба эти рисунка представляютъ собою снимки съ весьма любопытныхъ старинныхъ картинъ, писанныхъ, повидимому, современникомъ Дмитрія Самозванца и, во всякомъ случаѣ, лицомъ, отлично освѣдомленнымъ относительно всѣхъ церемоній, происходившихъ въ Москвѣ по поводу пріѣзда Марины въ столицу Московіи и ея бракосочетанія и коронаціи. По нѣкоторымъ подробностямъ картинъ есть основаніе думать, что художникъ, писавшій ихъ, даже и лично присутствовалъ на церемоніяхъ или даже принималъ участіе въ церемоніяхъ, въ свитѣ Мнишка.

На рис. I изображенъ въѣздъ Марины, невѣсты Димитрія Самозванца въ Москву, въ громадной крытой колымагѣ, запряженной цугомъ бѣлыхъ коней. Кругомъ колымаги гарцуетъ блестящая польская свита, съ цвѣтными значками. Вдали стоитъ и движется войско, и развѣваются знамена. Часть картины, по особому художественному обычаю XVII вѣка, удѣлена на изображеніе другого дѣйствія, — коронаціи Марины. Эта коронація и изображена въ отдѣльномъ медальонѣ, въ правой сторонѣ картины; самому медальону приданъ видъ не то храма, не то театральной сцены.

Рис. II изображаетъ (несмотря на надпись) не коронацію, а бракосочетаніе Марины съ Дмитріемъ, въ соборномъ храмѣ. Марина и Дмитрій сидятъ на престолахъ, поставленныхъ на высокомъ помостѣ, среди храма. Позади ихъ, подъ болдахиномъ, видно, на повѣшенномъ коврѣ, громадное изображеніе государственнаго герба. Патріархъ надѣваетъ брачный вѣнецъ на голову Марины, около которой стоитъ ея отецъ, воевода Мнишекъ. Около Самозванца стоятъ ближніе бояре.

Рис. III. Хожденіе на осляти. Вербное воскресеніе праздновалось очень торжественно въ Москвѣ до самаго конца XVII вѣка. Въ этотъ день, *нарядная верба,* т. е. дерево, изукрашенное бумажными листьями и искусственными цвѣтами, увѣшанное яблоками и сушеными фруктами, везли изъ кремлевскихъ соборовъ въ Покровскій соборъ — иначе называемой нынѣ церковью Василія Блаженнаго. За вербою шли пѣвчіе дьяки и духовенство съ хоругвями, крестами и пр. За духовенствомъ, царь, поддерживаемый двумя боярами, велъ подъ уздцы лошадь, накрытую бѣлой попоной, а на той лошади, бокомъ сидя въ сѣдлѣ, ѣхалъ патріархъ, съ крестомъ въ рукахъ, въ воспоминаніе вшествія Христа въ Іерусалимъ. За патріархомъ, длинною вереницею шли бояре и остальные придворные чины. И царь, и бояре несли въ рукахъ изукрашенныя вербы. Этотъ обычай назывался «хожденіемъ на осляти».

Рис. IV. 1. Патріархъ въ домашнемъ платье и въ нарядѣ. Домашнее платье состоитъ изъ богатой шелковой рясы и войлочной шляпы съ очень широкими полями. Нарядъ состоялъ изъ парчевой рясы и бѣлаго шелковаго вязанаго клобука съ длинными лопастями, ниспадающими на плечи и грудь. Эти лопасти расшиты жемчугомъ и украшены небольшими шитыми и кованными иконами. Такія же иконы украшаютъ переднюю часть клобука, на верху котораго утвержденъ крестъ изъ алмазовъ.

2. Болѣе простой патріаршій клобукъ съ изображеніемъ херувимовъ.

3. Печать патріаршая, съ изображеніемъ Богоматери.

Н. М. Карамзинъ.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

Томъ XII.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ".

ЗА

ДЕКАБРЬ.

Печатано подъ наблюденіемъ проф. **П. Н. Полевого.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Евг. Евдокимова.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 30 ноября 1892 года.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
Томъ XII.

ГЛАВА I.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

Г. 1606 — 1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. РѣчьОсловъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

Василій Іоанновичь Шуйскій, происходя въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, споривша съ Донскимъ о Великомъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго, казненнаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина-Воеводы, убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лоде (1). г. 1606. Родъ Василіевъ.

Если всякаго Вѣнценосца *избраннаго* судятъ съ бо́льшею строгостью, нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы новино- Свойства новаго Царя.

ваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, въ слѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ: лицемѣромъ, а не Героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею; обагренный единственно кровію ненавистною, и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ, и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и Вѣру! Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ ([2]); съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицемъ смуглъ; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостью, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ ([3]), честною жизнью, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностью, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для по-

томства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть Державства несчастнаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотолѣ неслыханную: 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо (4). „Мы желаемъ“ (говорилъ Василій), „чтобы православное Христіанство наслаждалось миромъ и „тишиною подъ нашею Царскою хранительною властію“ — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить Россіянъ отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ опалъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человѣколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и не знатные, изъявили негодованіе, и напомнили Василію правило, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю даетъ клятву (5). Сіи Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ пеленахъ дремала: боялись ея стѣ-

Клятва Василіева.

сненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ, склоннымъ къ Аристократіи (6), и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщалъ забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время (7): ему вѣрили, но не долго.

Обнародованныя грамоты.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедимитріемъ, и возстановивъ древнюю Государственную Думу, какъ она была до его времени, Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію, съ обѣтомъ, не дѣлать, не говорить, и не мыслить ничего злаго противъ Царя, *будущей* супруги и дѣтей его; велѣли, какъ обыкновенно, три дни звонить въ колокола, отъ Москвы до Астрахани и Чернигова, до Тары и Колы, — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества (8). Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Маѳы и Василія (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость, злодѣйства, собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго, спасителя Церкви и Государства. Маѳа свидѣтельствовалась Богомъ, что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедимитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры (9), запись данную Воеводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю, также допросы Мнишка и Бучинскихъ, Яна и Станислава: Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на лугу Срѣтенскомъ, двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что

Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Вѣнчаніе.

Іюня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмѣ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новгородскій ([10]). Синклитъ и народъ славили Вѣнценосца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ ([11]). Не было ни милостей ([12]), ни пировъ; были опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени ([13]), и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Кореду или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василіева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи ([14]); *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу ([15]), какъ ненавистнаго приверженника Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани ([16]); многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ ([17]), нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому лично, безъ вины и

Опалы.

Неудовольствія.

суда. Оказалось неудовольствіе; слышали ропотъ. Василій, какъ опытный наблюдатель тридцатилѣтняго гнуснаго тиранства не хотѣлъ ужасомъ произвести безмолвія, которое бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной ненависти къ жестокимъ Властителямъ; хотѣлъ равняться въ государственной мудрости съ Борисомъ и превзойти Лжедимитрія въ свободолюбіи, отличать слово отъ умысла, искать въ нескромной искренности только указаній для Правительства и грозить мечемъ закона единственно крамольникамъ. Слѣдствіемъ была удивительная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, особенная величавость въ Боярахъ ([18]), особенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ; казалось, что они имѣли уже не Государя самовластнаго, а полу-Царя. Никто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуйскимъ, но многіе дерзали ему завидовать и порочить его избраніе, какъ незаконное. Самые усердные клевреты Василія изъявляли негодованіе: ибо онъ, доказывая свою умѣренность, безпристрастіе и желаніе царствовать не для клевретовъ, а для блага Россіи, не далъ имъ никакихъ наградъ блестящихъ въ удовлетвореніе ихъ суетности и корыстолюбія. Замѣтили еще необыкновенное своевольство въ народѣ ([19]) и шатость въ умахъ: ибо частыя перемѣны государственной власти раждаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года ([20]) имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго ([21]), его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Димитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Ѳеодосію Астраханскому, съ Боярами Кня-

земъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Андреемъ и Григоріемъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Димитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, никѣмъ не посѣщаемой ([22]): Іереи не смѣли служить панихидъ надъ нею; граждане боялись приближаться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; *пѣли молебны*, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянъ знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличь, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать имъ драгоцѣнные останки юнаго мученика ([23]): „Мы его лю„били и за него страдали! Лишенные живаго, лишимся ли и „мертваго?“ Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли ([24]): плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости — и за чудомъ слѣдовали новые чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокиня Марѳа, Духовенство, Синклитъ, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ* ([25]). Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несъ до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя

Перенесеніе Димитріева тѣла.

3 іюня.

волю Царя разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну* ([26]). Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи святые остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати*: вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію, вѣчно праздновать его память и вѣчно клясть Лжедимитріеву ([27]).

Новый Патріархъ.

Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ самый первый день Василіева царствованія свели Игнатія съ престола, безъ суда Духовнаго, единственно по указу Государеву,—одѣли въ черную рясу и заперли въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же, въ печали, въ слезахъ лишась зрѣнія, не хотѣлъ возвратиться въ Москву ([28]), гдѣ находились тогда всѣ Святители Россійскіе, кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго Лжедимитріемъ ([29]), и тѣмъ возвышеннаго во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ примѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ, не обольщенный милостію Самозванца, не устрашенный опалою за ревность къ Православію, казался Героемъ Церкви, и былъ единодушно, единогласно нареченъ Патріархомъ,—нетерпѣливо ожидаемъ и немедленно посвященъ, какъ скоро прибылъ изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ермогену жезлъ Св. Петра Митрополита, и Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя, заключили искренній, вѣрный союзъ Церкви съ Государствомъ, но не для ихъ мира и счастія!

Утвердивъ себя на престолѣ великодушнымъ обѣтомъ блюсти законъ, всенароднымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Дмитріевой святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ,—

поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украйнѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его ([30]) и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на Лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ предъ дочерью ([31]). Марина изъявляла болѣе высокомѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ ближнимъ: „Избавьте „меня отъ вашихъ безвременныхъ утѣшеній и слезъ малодушныхъ!“ У нее взяли сокровища, одежды богатыя, данныя ей мужемъ: она не жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣніе Воеводы Сендомирскаго: 10,000 рублей деньгами, кареты, лошадей, приборы конскіе, вина, всего на 250,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ ([32]), сказавъ ему: „возвратимъ тебѣ, что найдется твоимъ собственнымъ; удержимъ достояніе казны Царскои“. Въ свиданіи съ Боярами Мнишекъ не скрывалъ глубокой своей печали, ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ знаменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой, гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угрожала ему гибелію или узами, послѣ его сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре обѣщали Мнишку не только безопасность, но и свободу, если Король удостовѣритъ Василія въ истинномъ расположеніи къ миру ([33]).

Гордость Марины.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ Послами Литовскими. Первое было 27 Мая, во дворцѣ, гдѣ сіи Паны замѣтили разительную перемѣну: исчезла пышность Лжедимитріева времени; скрылись блестящіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы; самые знатные чиновники, угождая вкусу Василіеву къ бережливости, не отличались богатствомъ платья. Вмѣсто роскоши и веселія, являлись вездѣ простота, угрюмая важность, безмолвная печаль (84). „Намъ казалось“ — пишутъ Ляхи очевидцы — „что Дворъ Московскій готовился къ погребенію. Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Татищевъ, приняли Олесницкаго и Госѣвскаго въ той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними именемъ Лжедимитрія, называя его тогда *непобѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ сильную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ самозванствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундовыхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспоможенія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Московскимъ престоломъ; что сей бродяга достойно казненъ Россіею, а не многіе Ляхи, въ часъ мятежа, убиты чернію за ихъ наглость, безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. „Однимъ словомъ“ — заключилъ Мстиславскій — „кто виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы, Паны, нарушивъ святость мирнаго договора и крестнаго цѣлованія“.

Рѣчь Пословъ Литовскихъ.

Олесницкій и Госѣвскій тихо совѣтовались другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе сильный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благородно. „Мы слышали о бѣдственной кончинѣ Димитрія“ — говорили Паны — „и жалѣли объ ней какъ Христіане, гнушаясь убійцею. Но явился человѣкъ подъ именемъ сего Царевича, свидѣтельствуясь разными примѣтами въ истинѣ своего увѣренія, и сказывая, какъ онъ спасенъ Небомъ отъ убійцъ, — какъ Борисъ тайно умертвилъ Царя Ѳеодора, истребилъ знатнѣйшіе роды Дворянскіе, тѣснилъ, гналъ всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое говорили намъ о Борисѣ и нѣкоторые изъ васъ, мужей Думныхъ? И читая Исторію, не находимъ ли въ ней примѣровъ, что мнимо-усопшіе являются

„иногда живы въ казнь злодѣйству? Но мы еще не вѣрили „бродягѣ: повѣрилъ ему только добросердечный Воевода Сендо„мирскій, и не ему одному, но многимъ Россіянамъ, признав„шимъ въ немъ Димитрія ([35]): они клялися, что Россія „ждетъ его; что города и войско сдадутся Іоаннову наслѣд„нику. Дѣйствуя самовольно, Мнишекъ хотѣлъ быть свидѣ„телемъ торжества Димитріева—и былъ; но, повинуясь указу „Королевскому, возвратился, чтобы не нарушить мира, заклю„ченнаго нами съ Годуновымъ. Димитрій, какъ онъ называлъ „себя, остался въ землѣ Сѣверской единственно съ Россіянами, „Донскими и Запорожскими Козаками: чтожь сдѣлали Россіяне? „пали къ ногамъ его:. воеводы и войско. Что сдѣлали и вы, „Бояре? выѣхали къ нему на встрѣчу съ Царскою утварью; „вопили, что принимаете Государя любимаго отъ Бога, и ки„пѣли гнѣвомъ, когда Ляхи смѣли утверждать, что они дали „Царство Димитрію. Мы, Послы, собственными глазами видѣ„ли, какъ вы предъ нимъ благоговѣли. Здѣсь, въ сей самой „палатѣ, разсуждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ, вы „не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о родѣ его и санѣ. „Однимъ словомъ, не мы Поляки, но вы Русскіе признали „своего же Русскаго бродягу Димитріемъ, встрѣтили съ хлѣ„бомъ и солью на границѣ, привели въ столицу, короновали и... „убили; вы начали, вы и кончили. Для чего же вините другихъ? „Не лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ, за которые „Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпленіемъ? Не говоримъ о „клятвопреступленіи и цареубійствѣ; не осуждаемъ вашего „дѣла, и не имѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ, ко„торый въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насъ, величался, безумно „требовалъ неслыханныхъ титуловъ и едва ли могъ быть на„дежнымъ другомъ нашего отечества; но дивимся, что вы, „Бояре, какъ люди извѣстно умные, дозволяете себѣ суесло„вить, желая оправдать душегубство: безчеловѣчное избіеніе „нашихъ братьевъ... Они не воевали съ вами, не помогали „вашему Лжедимитрію, не хранили его: ибо онъ ввѣрилъ „жизнь свою не имъ, а вамъ единственно! Слагаете вину на „чернь: повѣримъ тому, если можно; повѣримъ, если вы не-

„вредимо отпустите съ нами Воеводу Сендомирскаго, дочь „его и всѣхъ Ляховъ къ Королю, дабы мы своимъ миролю„бивымъ ходатайствомъ обезоружили месть готовую. Но доко„лѣ, вопреки Народному Праву, уважаемому и варварами, „будете держать насъ, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ въ гла„захъ Короля, Республики и всей Европы не чернь Москов„ская, а вы съ вашимъ новымъ Царемъ останетесь виновни„ками сего кровопролитія, и не въ безопасности. Разсудите!“

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ отвѣтствовали Панамъ: „Вы были Послами у Самозванца, а теперь уже не „Послы: слѣдственно не должно говорить вамъ такъ вольно „ смѣло„ ([36]); но разстались съ ними ласково; видѣлись снова, и сказали имъ, что Василій милостиво приказалъ освободить всѣхъ нечиновныхъ Ляховъ и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сендомирскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигизмунда, къ коему ѣдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ. Дворянинъ Князь Григорій Волконскій немедленно былъ посланъ въ Краковъ. Олесницкій и Госѣвскій остались въ Москвѣ подъ стражею; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль, Вишневецкаго въ Кострому, товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь ([37]). Они имѣли дозволеніе писать къ Королю, и писали миролюбиво, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи, чтобы говорить и дѣйствовать иначе.

Посольство къ Сигизмунду 13 Іюня.

Уже слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу; въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его, безчестили, ругали, называли убійцами, злодѣями ([38]); метали въ ихъ людей камнями и грязью; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы, что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія. Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ, Волконскій пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицемъ угрюмымъ, не звалъ къ обѣду, не удостоилъ ни одного ласковаго слова, и скрывъ печаль свою о судьбѣ Лжедимитрія, отъ коего Польша ждала столько вы-

годъ, слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи. Въ переговорахъ съ Коронными Панами, Волконскій доказывалъ тоже, что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундовымъ; а Паны отвѣтствовали ему тоже, что Послы Боярамъ. Мы говорили Ляхамъ: „Вы дали намъ Лжедимитрія!“ Ляхи возражали: „Вы взяли его съ благо-„дарностію!“ Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли колкость выраженій, оставляя слово на миръ. Волконскій требовалъ удовлетворенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ Самозванца: за гибель многихъ людей и расхищеніе нашей казны; Король же требовалъ освобожденія своихъ Пословъ и платежа за товары, взятые Лжедимитріемъ у купцевъ Литовскихъ и Галицкихъ, или разграбленные чернію Московскою въ день мятежа. Не могли согласиться, однакожь не грозили войною другъ другу. „Швеція“ — сказалъ Волконскій — „уступаетъ Царю „знатную часть Ливоніи, желая его вспоможенія; но онъ не „хочетъ нарушить прежняго мирнаго договора“. Паны увѣряли, что они также не нарушатъ сего договора, если мы будемъ соблюдать его. Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не условились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ Волконскаго, и хотѣлъ писать съ нимъ къ Василію; но Волконскій отвѣчалъ: „я не гонецъ“. Король велѣлъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ, сказавъ, что пришлетъ въ Москву собственнаго чиновника; но медлилъ, уже зная о новыхъ мятежахъ Россіи и готовясь воспользоваться ими какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ ея величію.

Сношенія съ Европою и съ Азіею.

Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ ([39]). Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карлъ IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи ([40]). Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и Христіанскихъ

земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои нѣдра, забыла Европу и Азію!... Сіи новыя бѣдствія начались такимъ образомъ:

Мятежи въ Москвѣ.

Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иноземцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дворянъ, что Царь предаетъ ихъ домы расхищенію за измѣну ([41]). Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія.

Чрезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ внѣ Кремля, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: „Вижу вашъ умыселъ; но для чего „лукавствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы избрали, „того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не „буду“ ([42]). Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: „Ищите же другаго Царя!“ — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: „Если я Царь, то мятежники да трепещутъ! „Чего хотятъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ „лучшихъ, знаменитѣйшихъ Россіянъ, и моей; по крайней „мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ

„Цари: имѣю власть и волю казнить злодѣевъ“. Всѣ еди-
„ногласно отвѣтствовали: Ты нашъ Государь законный! Мы
„тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!“—
Объявили указъ гражданамъ мирно разойтися, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго, не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Шереметева, Воеводу Псковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтомъ!... Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и вторый, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства, и находя его въ ослѣпленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли память его, желая неблагодарностію спасти себя—и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ Князь Григорій Петровичь Шаховскій, извѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ Воеводою въ Путивль, на смѣну Князю Бахтѣярову, честному, но, можетъ быть, не весьма расторопному и смѣлому ([43]). Правительство знало важность сего назначенія: нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ Самозванцу и не могли столько бояться новаго

Царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева ([44]), и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія говорилъ Василію тоже, что Басмановъ несчастному Ѳеодору ([45]), — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со всѣми качествами, нужными для первенства въ оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ виновникамъ Лжедимитріевой гибели; зналъ расположеніе народа Сѣверскаго и неудовольствіе многихъ Россіянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи Вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Василія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новогородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ ([46]); что не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ, Черниговскимъ Воеводою, мужемъ Думнымъ, нѣкогда вѣрнымъ закону: Княземъ Андреемъ Телятевскимъ. Сей человѣкъ удивительный, не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому, торжествующему Самозванцу, съ шайками

Бунтъ Шаховскаго.

крамольниковъ предался его тѣни, имени безъ существа, ослѣпленный заблужденіемъ или непріязнію къ Шуйскимъ: такъ люди, кромѣ истинно великодушныхъ, измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ! Еще не видали никакого Димитрія, ни лица, ни меча его, и все пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово и Ѳеодорово время! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣждало власть законную, уже не обольщая милосердіемъ, какъ прежде ([47]), но устрашая муками и смертію. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману,—кто не хотѣлъ измѣнить Василію и дерзалъ противиться мятежу: тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ, еще ко славѣ отечества, погибли Воеводы, Бояринъ Князь Буйносовъ въ Бѣлѣгородѣ, Бутурлинъ въ Осколѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ, двое Воейковыхъ, Пушкинъ, Князь Щербатый, Бартеневъ, Мальцовъ; другихъ ввергали въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю; вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ: холопи грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ Боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Димитрія, и едва спрашивали: гдѣ онъ? Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожь разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи— изъ Сендомира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и заговора? Шаховскій имѣлъ клевретовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по убіеніи Лжедимитрія распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь золотыхъ и сказалъ: „Знаешь ли насъ? Ты перевезъ Государя Димитрія Іоанновича, „который спасается отъ Московскихъ измѣнниковъ, чтобы „возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить ихъ, а тебя „сдѣлать великимъ человѣкомъ ([48]). Вотъ онъ!“ примолвилъ

незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали тоже. Сіи путешественники, или бѣглецы, выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву,—и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемѣны обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василіевъ, Князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишкова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатыя одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіяне, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ ([49]). Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностію съ первымъ: былъ выше его, лицемъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и разумѣлъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго Царя Ѳеодора ([50]), и мнимый чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Васпліева царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги, чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣверской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Второй Лжедимитрій.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою

адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что человѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти (51). Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: „чернь Московская“ (пишутъ свидѣтели очевидные) „была готова мѣнять Царей еженедѣльно, „въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ „безначаліи“ — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народнаго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедимитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ (52): въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянъ неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, что Димитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія; призывали всѣхъ Дьяковъ, сличали ихъ руки съ подмётными письмами, и не открыли сочинителей (53).

Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю (54), образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митрополита не приняли и не слушали. Царица-Инокиня Марѳа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россіею, что она собственными глазами видѣла убіеніе Димитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Мос-

квѣ ([55]): что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ, если изъявятъ раскаяніе; что она шлетъ къ нимъ брата, Боярина Григорія Нагаго, и святый образъ Димитріевъ, да услышатъ истину, да зрятъ Ангельское лице ея сына, который былъ рожденъ любить, а не терзать отечество смутами и злодѣйствами. Ни грамоты, ни Посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ; остервененіе возрастало. Дѣйствуя неусыпно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украйною; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа ([56]). Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле, съ Воеводою достойнымъ такого начальства, холопомъ Князя Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человѣкъ, взятый въ плѣнъ Татарами, проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополѣ, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивлѣ. Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа, къ коему пристали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій ([57]).

Болотниковъ.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ итти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Боярин Воротынскій, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами ([58]). Воротынскій близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ

одолѣть горсти измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынскій ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства ([59]). Успѣхи мятежниковъ.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василія *Шубникомъ* ([60]); велѣлъ однихъ утопить, другихъ вести въ Путивль для казни; нѣкоторыхъ сѣчь плетьми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ Державу Самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: Сына Боярскаго Истому Пашкова, Веневскаго Сотника ([61]); Григорія Сунбулова, бывшаго Воеводою въ Рязани, и тамошняго Дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, созданнаго быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ,—одареннаго красотою и крѣпостію тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостію и мужествомъ ([62]). Сіе новое войско отличалось ревностію чистѣйшею, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клевретами Басманова ([63]) въ измѣнѣ Ѳеодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло Москвитянъ, убіеніе Разстриги, и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ Вѣнценосецъ законный. Но ревность ихъ также вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь воиновъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Василію. Рязанскій Намѣстникъ, Боярин Князь Черкасскій, Воеводы Князь Тростенскій, Вердеревскій, Князь Каркадиновъ, Измайловъ ([64]), были скованные отправлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили человѣчество гнуснѣйшими Прокопій Ляпуновъ

дѣлами ([65]). Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Святитель Ѳеоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ, разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ ([66]) и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ и знаменъ,— наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусныхъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго ([67]). Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного славнаго храбростію Воеводу, Басманова-измѣнника: Лжедимитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ измѣнниковъ; но Василій дѣлалъ, что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа — о нелѣпой баснѣ Разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служитъ единственно предлогомъ для злодѣйства ([68]), въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей,—Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства: снять опалу съ памяти Вѣнценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло Бориса, Маріи юнаго Ѳеодора, изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приближать къ его мощамъ гробъ убійцы и снова

Пренесеніе тѣла Борисова.

поставить между Царскими памятниками; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго Монарха въ Годуновѣ, будучи также Монархомъ избраннымъ; хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Ѳеодору невиннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго ([69]), жаднымъ къ новому цареубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Ѳеодорову и Маріину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ *саняхъ* ([70]), несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшася будущаго ([71]). Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ ([72]). Новымъ погребеніемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую ([73])?

Уже не только Политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сходство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и другаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тлѣнъ и броніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнію Димитрія. Юноша, ближній Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры ([74]); но Воеводы главные, Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ.

Жильцовъ ([75]), встрѣтились съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ ([76]), сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Мятежники подъ Москвою.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ свереннымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги ([77]); что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ *богатство* и *Воеводство* ([78]); разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную... Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучь великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлитъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ ([79]). Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрашимость въ Государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины, граждане по собственному движенію обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ ([80]). Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ до-

брымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне ([81]); вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ ([82]); но Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя человѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія ([83]), говорилъ: „Они также Русскіе и Христіане: молюся о спасеніи „ихъ душъ, да раскаются, и кровь отечества да не лѣется „въ междоусобіи!“ Василій или дѣйствительно надѣялся утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили ненастье и холодъ глубокой осени; приступали къ Симонову монастырю ([84]) и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще

не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ (85), отвѣтствуя: „я клялся Димитрію умереть за него, и сдержу „слово: буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ“; уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ, и мыслилъ окружить непріятеля
2 Декабря. въ станѣ. Болотниковъ и Пашковъ встрѣтили Воеводъ Царскихъ: первый сразился какъ левъ; вторый, не обнаживъ меча, передался къ нимъ со всѣми Дворянами и съ знатною частію войска (86). У Болотникова остались Козаки, холопи, Сѣверскіе бродяги; но онъ бился до совершеннаго изнуренія силъ,
Побѣда Скопина-Шуйскаго. и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову: остальные разсѣялись. Козаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборьѣ, и наконецъ съ Атаманомъ Беззубцевымъ сдалися, присягнувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ, взяли на бою столь великое число плѣнныхъ, что они не умѣстились въ темницахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но Козаковъ не тронули и приняли въ Царскую службу (87). Юношѣ-побѣдителю, Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣшенію и горести отечества, дали санъ Боярина, а Воеводѣ Колычеву—Боярина и Дворецкаго (88). Радовались и торжествовали; пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ (89) и благодарили Небо за истребленіе мятежниковъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ: жители не впустили его (90). Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ; собралъ тысячь десять бѣглецовъ, изготовился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и

еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клевреты готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вожделѣннаго Царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ ([91]). Но кого было представить? Сендомирскаго ли Самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ инаго человѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ—взявъ, вѣроятно, деньги за такую отвагу—раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ ([92]), коему случай далъ между тѣмъ другое оружіе.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Ѳеодора ([93]). На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ и Бѣльскій хотѣли схватить его: Козаки обманули ихъ; прислали сказать, что выдадутъ имъ Самозванца, и ночью уплыли внизъ по Волгѣ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ; злодѣйствовали, жгли селенія на берегахъ, до Царицына, гдѣ убили Князя Ромодановскаго, ѣхавшаго Посломъ въ Персію, и Воеводу Акинѳеева ([94]); остановились зимовать на Дону и разславили въ Украйнѣ о своемъ Лжецаревичѣ. Обманъ способствовалъ обману: Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Ѳеодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію, какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе, и даже не усомнился обѣщать ему Царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится ([95]). Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ, въ доказательство державной власти разбойника Илейки. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ,

Лжепетръ.

которые еще сидѣли въ темницахъ: вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ ([96]), Думнаго мужа Сабурова, Князя Пріимкова-Ростовскаго, начальниковъ города Борисова, и Воеводу Путивльскаго, Князя Бахтѣярова, взявъ себѣ его дочь въ наложницы. Искали и союзниковъ внѣшнихъ, тамъ, гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодою, и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою: новый Самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду, и Вельможные Паны не устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда къ Краковѣ, что они „ждутъ Пословъ отъ Государя Сѣверскаго, сына Ѳеодо„рова, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ „Галиціи, намѣренъ свергнуть Василія съ престола; что если „Царь возвратитъ свободу Мнишку и всѣмъ знатнымъ Ляхамъ, „Московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедимитрія, „ни Лжепетра; а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истин„ными и найдутъ сподвижниковъ въ Республикѣ“ ([97])! Но Ляхи только грозили Василію; манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призвали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки Угры ([98]), осадилъ Калугу (30 Декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу ([99]). Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ ([100]): Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырскаго Воеводу Сабурова,

Осада Калуги.

осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный Воевода, Окольничій Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ ([101]). Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ ([102]). Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славила Димитрія ([103]). Къ сему смятенію присоединилось ужасное естественное бѣдствіе: язва въ Новѣгородѣ, гдѣ умерло множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ Катыревъ ([104]). Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани. Годуновы въ Сибири.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Воеводъ: знаменитѣйшаго саномъ, Князя Мстиславскаго, и знатнѣйшаго мужествомъ, Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воротынскаго къ Тулѣ ([105]), Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Ѳедора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе мятежниковъ, истребить ихъ отдѣльно, нападеніями разными, единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ. г. 1607. Распоряженія Василіевы.

Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, людьми чиновными и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Патріарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. Ермогенъ писалъ къ Іову: „Преклоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть благолѣпное лицо „твое и слышать гласъ твой сладкій: молимъ тебя именемъ „отечества смятеннаго“ ([106]). Іовъ пріѣхалъ, и (20 Февраля) 3 Февраля. Призваніе Іова. 14 Февраля.

явился въ церкви Успенія, извнѣ окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію: отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Ѳеодора и Маріи одному Разстригѣ ([107]); наконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воинство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины, Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною, писанною извѣстнымъ его слогомъ, умилительно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея Монарховъ — хваля особенно государственный умъ Іоанна Грознаго ([108]), Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Годунова въ Цари и народное къ нему усердіе; дивился ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ бродягою; говорилъ: „Я давалъ вамъ страш„ную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ самозванецъ: „вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣлалось, чему нѣтъ при-

1. Одежда Запорожцевъ.—2. Печать войска Запорожскаго.

„мѣра ни въ Священной, ни въ свѣтской Исторіи“. Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство, если не совершенное, то по крайней мѣрѣ допущенное народомъ—воздавъ хвалу Василію, *Царю святому и праведному*, за великодушное избавленіе Россіи отъ стыда и гибели — Іовъ продолжалъ: „Вы знаете, убитъ ли „Самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ и *скареднаго* „тѣла его—а злодѣи дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ „и есть истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ Бо„гомъ, *въ сіи времена послѣднія* ([109]), когда вымыслы не„лѣпые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, бѣглые „холопи могутъ столь ужасно возмущать отечество!“ Наконецъ, исчисливъ всѣ клятвопреступленія Россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрію присяги ([110]), Іовъ именемъ Небеснаго милосердія, своимъ и всего Духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова Царю законному, и добродѣтелію вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ Государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы спали съ него, и что самъ Всевышній устами Праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались— и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва успѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился ([111]). Мысль, 8 Марта. что онъ, уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилостивленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обступивъ Калугу ([112]), стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметъ къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ

Храбрость Болотникова.

съ тыномъ острога: но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода: ибо не успѣлъ запастися хлѣбомъ. Разбойники Калужскіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится: отвѣтомъ его было: „жду милости „единственно отъ Димитрія!“ Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ: Московскій лекарь Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василія: уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ.— Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца. (113).

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали (114): Хованскій отъ Михайлова въ Переславль Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Коширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ (115); вторый спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще приспѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы итти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ (116), гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Сторовскаго; но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ: Воевода Ададуровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ (117). — Боярин Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не

взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютѣйшею казнію и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія ([118]). — Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова если не мечемъ, то голодомъ—надѣясь, что Воротынскій въ Алексинѣ и Хилковъ въ Коширѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы—главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Мезецкаго противъ злодѣя, Василія Мосальскаго ([119]), который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріятелемъ на берегахъ Вырки ([120]), смѣло и мужественно. Цѣлыя сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клевреты его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остервененія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи ([121]), удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть ([122]). Побѣда Романова.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были счастливѣе. Они, подобно Царю, соображали свои дѣйствія наступательныя, слѣдуя общей мысли, и стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не устрашила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татева, Черкасскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана ([123]). Въ жестокой битвѣ на Пчелнѣ легли Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные спаслися бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ 1 Мая

ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истомы Пашкова, уже вѣрнаго слуги Царскаго ([124]): они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣлалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска: по крайней мѣрѣ не кинулъ снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ въ Мещовскѣ ([125]).

Мужество Скопина.

Сіи вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія, и грозилъ казнію ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри запасти столицу хлѣбомъ на случай осады, и самые Иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣру ([126]). Употребили и нравственное средство: Святители предали анаѳемѣ Болотникова и другихъ извѣстныхъ злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было дорого: къ счастію, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ ([127]). 21 Мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско, приказавъ Москву брату, Димитрію Шуйскому, Князьямъ Одоевскому и Трубецкому ([128]), а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольничихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявъ съ собою, подъ Царское знамя, коего уже давно не видали въ полѣ съ такимъ блескомъ и множествомъ сановниковъ: уже не стыдились итти всѣмъ Царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василіемъ Мстиславскій и Воротынскій, оба какъ бѣглецы въ унынiи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣлъ одушевить ихъ

Бодрость Василія въ несчастіяхъ.

своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячъ воиновъ цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть ([129]); онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ ее въ твердой рѣшимости исполнить. Казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Василіевъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василій послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова ([130]) къ Коширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлися на берегахъ Восмы ([131]): началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: „нѣтъ для насъ бѣгства; одна „смерть или побѣда!“ и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человѣкъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки ([132]): черта достохвальная въ самой неумолимой мести! 5 Іюня. Доблесть Воеводъ Царскихъ.

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность ([133]); двинулся къ Алексину, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронеѣ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топями, и долго противились: наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣ-

шали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячь злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Каширскую: Мстиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры Царскіе. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ ([134]); презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три, четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Епифань, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. „Но Рос„сія,“ говоритъ Лѣтописецъ ([135]), „утопала въ пучинѣ кра„молъ, и волны стремились за волнами: рушились однѣ, под„нимались другія“.

Осада Тулы.

30 Іюля.

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи инаго Вѣнценосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: „гдѣ же тотъ, за „кого умираемъ? гдѣ Димитрій?“ Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый, что Царь въ Литвѣ; вторый, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Га-

лицію, къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію Ляхамъ, такими словами: „Отъ границы до Москвы „все наше: придите и возмите; только избавьте насъ отъ „Шуйскаго“ (136). Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Днѣпровскихъ, Ивана Мартынова Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ Московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его (137): искали и нашли бродягу, жителя Украйны, сына Поповскаго, Матвѣя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, или Жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ (138). Сей Самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св. Писаніе и Кругъ Церковный (139); разумѣлъ, если вѣрить одному чужеземному Историку (140), и языкъ Еврейскій, читалъ Тальмудъ, книги Раввиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго (141). Панъ Мѣховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ втораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи, — открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда Воевода Сендомирскій, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. „Не спрашивали“ — говоритъ Историкъ Польскій (142) — „истинный ли „Димитрій или обманщикъ зоветъ воителей? Довольно было „того, что Шуйскій сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ кровію „Ляховъ. Война Ливонская кончилась: юношество, скучая

Явленіе новаго Лжедимитрія.

„праздностію, кипѣло любовію къ ратной дѣятельности; не „ждало указа Королевскаго и рѣшенія Чиновъ Государствен„ныхъ: хотѣло и могло дѣйствовать самовольно,“ но конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предпріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій ([143]).

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубѣ два человѣка: одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ: любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ: „гдѣ онъ? гдѣ „отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами“ ([144]). *Онъ здѣсь*, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его изъясниться; вышли изъ терпѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца: тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился: всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вопили: „Хвала Богу! нашлося „сокровище нашихъ душъ!“ Ударили въ колокола, пѣли молебны, честили Самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій ([145]), готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевретомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣяться на Россіянъ въ войнѣ за Димитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедимитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу.

Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію ([146]), и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрные, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабые умомъ, твердые душею. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Димитрію и грозили казнію въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василію тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной ([147]).

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сеитова, къ ея предѣламъ: первый сталъ у Козельска; второй занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ ([148]). Скоро услышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячь Козаковъ и соединилъ ихъ съ толпами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спасти Брянска и велѣли зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу къ мнимому Димитрію ([149])... Въ сіе время, одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное ([150]): „Царь Димитрій „и всѣ наши благородные витязи здравствуютъ. Мы взяли „Брянскъ, сожженный людьми Шуйскаго, которые вывезли „оттуда всѣ сокровища, и бѣжали такъ скоро, что ихъ не „льзя было настигнуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая „знатнѣйшаго вспоможенія изъ Литвы. Съ нимъ нашихъ 5000, „но многіе вооружены худо.... Зовите къ намъ всѣхъ храб-

„рыхъ; прельщайте ихъ и славою, и жалованьемъ Царскимъ. „У васъ носится слухъ, что сей Димитрій есть обманщикъ: „не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ видѣть его; уви„дѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ набоженъ, трезвъ, уменъ, чув„ствителенъ; любитъ военное искусство; любитъ нашихъ; ми„лостивъ и къ измѣнникамъ: дастъ плѣннымъ волю служить „ему или снова Шуйскому. Но есть злодѣи: опасаясь ихъ, „Димитрій никогда не спитъ на своемъ Царскомъ ложѣ, гдѣ „только для вида велитъ быть стражѣ: положивъ тамъ кого „нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ ночью къ Гетману или „ко мнѣ, и возвращается домой на разсвѣтѣ. Часто бываетъ „тайно между воинами, желая слышать ихъ рѣчи, и все „знаетъ. Зная даже и будущее, говоритъ, что ему властво„вать не долѣе трехъ лѣтъ; что лишится престола измѣною, „но опять воцарится и распространитъ Государство. Безъ „прибытія новыхъ, сильнѣйшихъ дружинъ Польскихъ, онъ „не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возметъ и самого „Шуйскаго, который въ ужасѣ, въ смятеніи снялъ осаду „Тулы ([151]); всѣ бѣгутъ отъ него къ Димитрію“..... Но Самозванецъ, оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней славится уже не Димитріево, а Василіево имя.

Взятіе Тулы.

Еще мятежники оборонялись тамъ усильно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ, Сынъ Боярскій, именемъ Суминъ Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха, и ручался въ томъ жизнію ([152]). Приступили къ дѣлу; собрали мельниковъ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ, что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ ([153]); только высокія мѣста остались сухи и казались грядами острововъ. Битвы, вылазки прекѣкдись. Ужасъ

потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ Царю, винились, требовали милосердія и находили его, всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра, если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и скорѣе *съѣдятъ другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость, — и 10 Октября Бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами Московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: „Я исполнилъ обѣтъ свой: слу„жилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сен„домирѣ: обманщикъ или Царь истинный, не знаю; но онъ „выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти: вотъ сабля, если „хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ жизнь, то „умру въ твоей службѣ, усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣр„ныхъ“ ([154]). Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, въ слѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами; а Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамленію сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному ([155]): слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества ([156]); и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣ-

давъ, что Лжедимитрій, испуганный судьбою Лжепетра, утелъ назадъ къ Трубчевску ([157]). Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей ([158]); не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клевреты Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ ([159]): велѣлъ осаждать ее малочисленной
21 Окт. рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его какъ побѣдителя ([160]). Онъ въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчь Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова Монастыря ([161]). Болотникова, Атамана Ѳедора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь ([162]). Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Димитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ,—а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ дотолѣ въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою ли-

шенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился на Маріи, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго ([163]). Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца ([164]), что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется Царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противу такихъ бѣдствій? Бракъ Василіевъ. Г. 1603 Генваря 17.

По крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синклитомъ, онъ издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года: то есть, подтвердилъ Уложеніе Ѳеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Іоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе ([165]). Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что принимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей пени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубля за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной пени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлается рабомъ ея господина; что если господинъ не женитъ раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ Законы.

до осьмнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣетъ права жаловаться въ судѣ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса: законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Уставъ Воинскій.

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ началѣ онаго, чтобы „Россіяне знали всѣ новыя „хитрости воинскія, коими хвалятся Италія, Франція, Испа„нія, Австрія, Голландія, Англія, Литва, и могли не только „силѣ силою, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣ„хомъ, въ такое время, когда умъ человѣческій всего болѣе „вперенъ въ науку, необходимую для благосостоянія и славы „Государствъ: въ науку побѣждать враговъ и хранить цѣ„лость земли своей“ ([166]). Ничто не забыто въ сей любопытной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственныя средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ* ([167]), напоминать имъ отечество и присягу; говорить: „я буду впереди... лучше умереть съ че„стію, нежели жить безчестно,“ и съ симъ вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ однакожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни ([168]); выслалъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками,—оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря Вазмера, при себѣ ([169]): но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образованіе, и зная, что они нужны для успѣховъ его въ Россіи; однимъ словомъ, имѣлъ желаніе, не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣтителемъ отечества... и въ какой вѣкъ! въ какихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

Продолженіе Василіева Царствованія.

Г. 1607—1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Въ то время, когда Москва праздновала Василіево бракосочетаніе, война междоусобная уже снова пылала. г. 1607 1608.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ ([170]), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: „не знаемъ Царя, кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро „его увидимъ!“ Вѣроятно, что явленіе втораго Лжедимитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися ([171]), загладить вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что устрашенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу. Бѣгство Воеводъ отъ Калуги.

Самозванецъ усиливается.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хоружій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужествомъ витязь, ремесломъ грабитель ([172]). Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедимитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржевскій, укрѣпились въ Брянскѣ ([173]): Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедимитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Ѳеодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедимитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры. Боярин Князь Иванъ Семеновичь Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедимитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: „спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!“ и съ слезами простирали къ нимъ руки ([174]). Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: „лучше умереть, нежели выдать своихъ: съ нами Богъ!“ плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріятеля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ

Дѣло знаменитое.

Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедимитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское, оставивъ Брянскъ, заняло Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому: г. 1608.

Грамота Лжедимитріева.

„Мы, Димитрій Іоанновичь, Божіею милостію Царь всея „Россіи, Великій Князь Московскій, Дмитровскій, Углицкій, „Городецкій.... и другихъ многихъ земель и Татарскихъ Ордъ, „Московскому Царству подвластныхъ, Государь и наслѣд„никъ.... Любезному отцу нашему! Судьбы Всевышняго непо„стижимы для ума человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ, „искони предопредѣлено Небомъ, коего страшный судъ совер„шился и надо мною: за грѣхи ли нашихъ предковъ или за „мои собственные изгнанный изъ отечества, и скитаясь въ „земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдствій и печали! „Но Богъ же милосердый, не помянувъ моихъ беззаконій, и „спасъ меня отъ измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, ка„раетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ сердца людей, „Россіянъ и чужеземцевъ, такъ, что надѣемся скоро освобо„дить васъ и всѣхъ друзей нашихъ, къ неописанной радости „вашего сына. Богу единому слава! Да будетъ также вамъ „извѣстно, что Его Величество, Король Сигизмундъ, нашъ „пріятель, и вся Рѣчь Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ „въ отысканіи наслѣдственной Державы“ ([175]). Сія грамота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заключеннаго въ Ярославлѣ, но была конечно и писана не для него, а единственно для тѣхъ, которые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю:

жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усердным слугамъ, иноземцамъ и Русскимъ ([176]). Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ ([177]). Первый, властолюбивый, надменный и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедимитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василію Голицыну, Лыкову, Волконскому, Нагому ([178]); велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю ([179]), и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удостовѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣетъ крамолу. Въ сіе время чиновникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василія: доказывая, что явленіе Лжедимитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россіею, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе ([180]); но Василій—также, какъ и Годуновъ ([181])—сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Предложеніе Шведовъ.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, отличался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ ([182]); не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василія Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская остановилась въ Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами ([183]), до самой весны, и дала непріятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ ([184]) отдыхали; а толпы

Лжедимитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались брали города, жгли села и приближались, къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его внѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ—и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ ([185]), который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семъ дѣлѣ Россіянъ. Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ: Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца ([186]). Побѣда Лисовскаго. Апрѣля 13.

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло: но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честію пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, коихъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедимитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спасать тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія: чѣмъ воспользовался Лжедимитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москвитянъ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ: Капитанъ Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ: „наши жены и дѣти въ Москвѣ“, ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человѣкъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедимитрія—и были изрублены Козаками: Гетманъ Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась Побѣда Самозванца.

отъ Василія: онъ наградилъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ ([187]).

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховѣ; другіе ушли въ домы. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ ([188]), сдался Лжедимитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно ,подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ даже увѣряли, что сей вторый Лжедимитрій есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами ([189]); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ, какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Ляховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею ([190]). Василій составилъ новое войско, и далъ начальство—къ несчастію, поздно—знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ,—но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Воеводы, Князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій ([191]), Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣлалъ Басмановъ, нежели

Ужасъ въ Москвѣ.

Измѣна Воеводъ.

гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастнымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умыселъ открылся: Василій приказалъ ихъ схватить, везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ, осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ: Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили: Желябовскаго и Невтева ([192]). Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ, Государь велѣлъ имъ также итти къ столицѣ, для ея защиты.

1 Іюня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ ([193]), думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему: *Если разорите мою столицу, то гдѣ жъ мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* „Сія жалость къ Москвѣ погубила его“, пишетъ Историкъ чужеземный ([194]), который доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи: „Самозванецъ „щадилъ столицу, но не щадилъ Государства, преданнаго имъ „въ жертву Ляхамъ и разбойникамъ. На пеплѣ Москвы скоро „явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія сдѣлалась пе„пелищемъ“. Но Самозванецъ, имѣя тысячь пятнадцать Ля„ховъ и Козаковъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячь Россійскихъ измѣнниковъ ([195]), большею частію худо вооруженныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ взять Москву, обширную твердыню, гдѣ кромѣ жителей, находилось не менѣе осьмидесяти тысячь исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣпкихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ? Лжедимитрій надѣялся болѣе на измѣну, нежели на силу ([196]); хотѣлъ

Самозванецъ въ Тушинѣ.

отрѣзать Москву отъ городовъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ въ село Тайнинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Московское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло его сообщеніе съ Украйною, откуда шли къ нему новыя дружины Литовскія и везли запасы: дружины были разсѣяны, запасы взяты, и Лжедимитрій стѣсненъ на маломъ пространствѣ. Усильнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ возвратился въ Тушино ([197]), избралъ мѣсто выгодное, между рѣками Москвою и Всходнею, подлѣ Волоколамской дороги, и спѣшилъ тамъ укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе ([198]), стали между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искреннія обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре ([199]), и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій ([200]), присланные Королемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ничего сдѣлать. Бояре согласились ([201]). Живъ 18 мѣсяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ,

тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи ([202]), Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Королевскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ. чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи.... Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ-Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно ([205]). Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ: „1) Въ теченіе трехъ „лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть войнѣ между Россіею „и Литвою. 2) Въ сіе время условиться о вѣчномъ мірѣ или „двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ Государствамъ владѣть чѣмъ владѣютъ. 4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ, Королю врагамъ Царя, ни людьми, ни деньгами. „5) Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и всѣхъ Ляховъ „освободить и дать имъ нужное для путешествія до границы. „6) Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ Ляхамъ, „безъ вѣдома Королевскаго вступившимъ въ службу къ злодѣю, „второму Лжедимитрію ([204]), немедленно оставить его, и впредь „не приставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ именовать „себя Царевичами Россійскими. 7) Воеводѣ Сендомирскому „не называть сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и не „выдавать за него дочери. 8) Маринѣ не именоваться и не „писаться Московскою Царицею ([205])“. Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время переговоровъ.

Перемиріе съ Литвою.

Чиновники, посланные отъ Князя Рожинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйствовали какъ лазутчики, высматривая

Коварство Ляховъ.

укрѣпленія города и стана Ходынскаго. Царь былъ неосторожень: Воеводы еще неосторожнѣе. Сперва они бодрствовали неутомимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ неусыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опасеніе: Россіяне уже не береглися; а Гетманъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій: захватилъ обозъ и пушки, рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ, и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни, гдѣ ихъ встрѣтило войско, высланное Царемъ съ Людьми Ближними, Стольниками, Стряпчими и Жильцами. Тутъ началася кровопролитная битва, и непріятель долженъ былъ отступить; его тѣснили и гнали до Ходынки ([205]).

Василій могъ справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая миръ, воюютъ и нападаютъ въ расплохъ: онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство. Исполняя договоръ, Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго, Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ, гдѣ они содержались; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго, и надѣялся, что Рожинскій, Вишневецкій и другіе Паны, извѣщенные объ условіяхъ мира, оставятъ Лжедимитрія: но никто изъ нихъ не думалъ оставить его! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться, и снова начали воевать, не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ, которые писали къ нимъ, что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской, а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго: что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ, то обязанъ выдать Самозванца для казни, и немедленно выйти изъ Россіи ([207]). Число Ляховъ грабителей еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою ([208]). Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: „мы жалуемъ въ Цари Московскіе, кого

„хотимъ ([209]); жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынскій ([210]): Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василіевы; сносились еще съ Послами Литовскими ([211]), сносились и съ Гетманомъ Лжедимитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Димитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ ([212]), взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ ([213])—и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ немногими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князья Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Задвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и, сказавъ своимъ ([214]): „отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а „за спиною стыдъ и гибель,“ третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Ѳедора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ,

Побѣда Сапѣги.

взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но воины въ домы свои, крича: „идемъ защитить нашихъ женъ „и дѣтей отъ непріятеля ([215])?“

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедимитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали ([216]). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Воеводою Сендомирскимъ черезъ Угличь, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы, высланной изъ Тушинскаго стана съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ ([217]), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедимитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. „Мы „сердечно обрадовались“ — писалъ къ нему Самозванецъ — „услышавъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, „что вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы близко, „но въ плѣну. Спѣшите къ нѣжному сыну. Не въ уничи„женіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ „скоро, должна видѣть васъ Польша. Мать моя, ваша су„пруга, здорова и благополучна въ Сендомирѣ: ей все извѣ„стно.“ Мнишекъ и Марина не колебались. Отечество, безопасность, вельможество и богатство, еще достаточное для жизни роскошной, не имѣли для нихъ прелести трона и мщенія; ни опасности, ни стыдъ не могли удержать ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнуснѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжедимитрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигизмундовыхъ: одинъ Николай Олесницкій возвратился; другіе спѣшили въ Литву ([218]), не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго торжества Марины, ко-

Мнишекъ и Марина у Самозванца.

торая ѣхала къ мнимому Царю своему пышно и безопасно, мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ, что она приближается, Самозванецъ велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ ([219]); но Марина остановилась въ шатрахъ за версту отъ Тушина: тамъ было первое свиданіе, и не радостное, какъ пишутъ. Марина знала истину; знала вѣрно, что убитый мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и заблаговременно приготовилась къ обману: съ печалію однакожь увидѣла сего втораго Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго, низкаго душею—и, еще не мертвая для чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ мысли раздѣлять ложе съ такимъ человѣкомъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сендомирскаго, Іезуитъ, тайно обвѣнчалъ ее съ Лжедимитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы ([220]). Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ— все было употреблено для обмана, и не безполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: „Димитрій „есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ „немъ мужа“ ([221]). Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Махайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедимитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго ([222]). Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кекскгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опалѣ и съ дерзостію явился на новомъ ѳеатрѣ злодѣйства ([223]). Другіе, менѣе безсовѣстные, но малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣд-

ствій для Царя, разъѣхались отъ него по домамъ ([224]); не тронулись, и были ему *до конца* вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой ([225]).

Скопинъ посланъ къ Шведамъ.

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства—и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору ([226]), о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла быть только предметомъ любопытства или безплодной жалости для отдаленной Европы!

Бѣгство къ Самозванцу.

Еще оказывая благородную неустрашимость, Василій искалъ если не геройства, то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ за Москву и за Царство? говорилъ: „Для чего срамить себя бѣгствомъ? Даю „вамъ волю: идите, куда хотите! Пусть только вѣрные оста„нутся со мною!“ Казалось, что воины ждали сего великодушнаго слова: требовали Евангелія и креста; наперерывъ цѣловали его и клялися умереть за Царя..... а на другой и въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ Тушино.... тѣ, которые еще недавно служили вѣрно Іоанну ужасному, измѣняли Царю снисходительному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ, древнимъ непріятелямъ Россіи, исполненнымъ злобной мести и справедливаго къ нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе стра-

стей, изъясняемое единственно гнѣвомъ Божіимъ! Сей народъ, безмолвный въ грозахъ Самодержавія наслѣдственнаго, уже игралъ Царями, узнавъ, что они могутъ быть избираемы и низвергаемы его властію или дерзкимъ своевольствомъ ([227])!

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій отважиться на рѣшительную битву въ полѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя: вступилъ со всѣми полками въ столицу ([228]), орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, замляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ ([229]), которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ боренін съ опасностями грозными. Все ослабѣло: благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василіевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ: ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную мольбу Василіеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славило высокую добродѣтель Вѣнценосца ([230]), и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славило и кляло Годунова, славило и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ наканунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли, слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали.... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ: конныя дружины непріятельскія, разъѣзжая въ виду стѣнъ ея, прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ, воиновъ и чиновниковъ, къ Самозванцу; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ, что онъ Димитрій ([231]), и снова уходили къ нему. Злодѣйство

уже казалось только легкомыслiемъ; уже не мерзили сими обыкновенными бѣглецами, а шутили надъ ними, называя ихъ *перелетами* (232). Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближнiе уговаривались между собою, кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастiя здѣсь или тамъ, имѣть заступниковъ. Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ!) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскiя палаты, другiе къ *Царику:* такъ именовали втораго Лжедимитрiя. Взявъ жалованье изъ казны Московской. требовали инаго изъ Тушинской—и получали! Купцы и Дворяне за деньги снабдѣвали станъ непрiятельскiй яствами, солью, платьемъ, оружiемъ и не тайно: знали, видѣли и молчали; а кто доносилъ Царю, именовался *наушникомъ* (233). Василiй колебался: то не смѣлъ въ крайности быть жестокимъ, подобно Годунову (324), и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строгостiю унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умноженiю зла. „Вельможи его“—говоритъ Лѣтописецъ—„были въ смущенiи и „въ *двоемыслiи*: служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ; „нѣкоторые дерзали и словами язвить Царя заочно, вопреки „присягѣ и совѣсти“. Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева (235), еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолѣвала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сiе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконiя и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Развратъ въ Москвѣ.

Троицкая Лавра Св. Сергiя (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенiю Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россiи: Новымгородомъ, Вологдою, Пермiю,

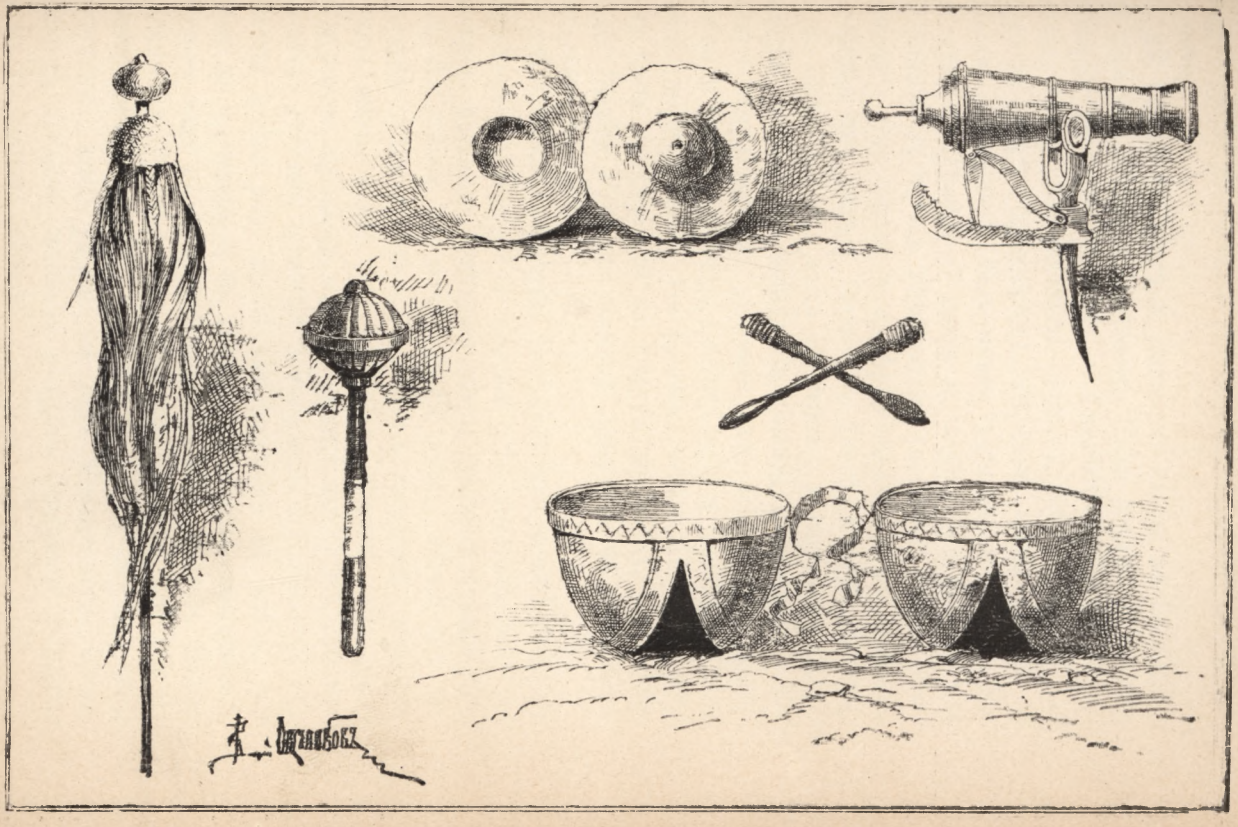
Знаменитая осада Лавры.

Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди враговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями острогомъ и глубокимъ рвомъ ([236]): предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи Иноки—изъ коихъ многіе, бывъ міянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ—взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе ([237]); дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и предоставляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. „Доколѣ“ — говорили Лжедимитрію Ляхи — „доколѣ свирѣпствовать противъ насъ симъ кровожаднымъ *вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ* ([238])? Города многолюдные и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ войскомъ, а Черницы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Разсыплемъ ихъ прахъ и жилище!“ Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій ([239]): но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго ([240]), хотѣлъ, чего бы то ни стоило овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во

время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душею!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатью тысячами Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ ([241]). Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться ([242]). Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень ([243]). Легко бымо предвидѣть дальнѣйшія гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ“ — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* ([244]). Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество ([245]). Съ сего



Клейноды и полевое орудіе войска Запорожскаго.

времени пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ: „Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, „который не только сильнѣе, но и милостивѣе Лжецаря Шуйскаго, имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже „едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ „Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ селъ „богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства, падутъ ваши „головы“. Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали: „упованіе наше есть Святая Троица. „стѣна и щитъ Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники: не страшимся!“ Въ бранномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты ([246]).

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной ([247]); выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ ([248]), стараясь разрушить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣстницы, щиты и тарасы ([249]). Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, славя Бога.—Не одолѣвъ силою, Сапѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подъѣзжали къ стѣнамъ, указывали на свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію. Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ ([250]). Никто не отдался въ плѣнъ; раненныхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбромъ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи.... Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ толпы

какъ-бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои закопы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устрашился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи ([251]).

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея ([252]). Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго плѣнника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не зналъ мѣста ([253]). Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу ([254]). Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя: непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за ровомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190 человѣкъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ ([255]); стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости ([256]), и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменьшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ ([257]). Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ; другимъ убило Инокиню; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія; сей Инокъ благочестивый,

исходя кровію, сказалъ: „Богъ Архистратигомъ своимъ Ми„хаиломъ отмстить кровь Христіанскую“—и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлися и невѣрные: слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣтовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ: одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ ([258]).—Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ ([259]).

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ ([260]); въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря ([261]). Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну ([262]). 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія ([263]). Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ, Клементьев-

скими земледѣльцами), которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные Иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но Россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы, и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ: сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнниковъ и Ляховъ, съ Панами Угорскимъ и Мазовецкимъ, легли около мельницы, прудовъ Клементьевскаго, Келарева, Конюшеннаго и Круглаго, церквей нижняго монастыря и противъ Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) ([264]). Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внулова и Есипова убитыхъ, Кодырева и Зубова живыхъ ([265]). Братъ измѣнника и переметчика ([266]), Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: „хочу смертію загладить безчестіе нашего рода,“ и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ ([267]). Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ тоже мгновеніе отсѣкли голову ([268]). Иноки сражались вездѣ впереди.—О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою ([269]).

Стыдясь своихъ неудачь, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками ([270]).

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ: Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ оврагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. „Св. Сергій“ — говоритъ Лѣтописецъ— „*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка „и званія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣш„ныхъ, и побѣждали“ ([271]). Такъ житель селъ Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душею богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня ([272]). Другаго знатнаго Ляха, Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру ([273]). Бились въ рукопашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ

и плѣнилъ многихъ людей ([274]). Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ ([275]). Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время ([276]). — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры ([277]).

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее, „Когда“ — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — „бѣдствіе и гибель ежедневно „намъ угрожали, мы думали только о душѣ; когда гроза на„чинала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному“ ([278]). Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, въ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тре-

вожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодыя женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою.... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса ([279]).

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу ([280]): ею заразились бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили: живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ ([281]). Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской ([282]). Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые, слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Авраамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Авраамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Авраміи доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи

до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ ([283]). Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою ([284]). Бѣдствія Лавры не уменьшились: болѣзнь еще свирѣпствовала; новые сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; никто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и.... хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ ([285]) былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрились въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи: ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапѣги; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастію, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Литовскій, *Нѣмко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь

неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св. Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію, въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя ([286]) дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю ([287]). Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедру ([288]). Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душею присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: „будьте непоколебимы до конца“ ([289])! Архимандритъ, Иноки разсказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряли, что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны ([290]).

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка ([291]). Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали

духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ ([292]). Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою ([293]). Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ *змѣи ползли* ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами—и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковый часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣстницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій,

и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы (294). Симъ дѣломъ важнымъ, по кровопролитнымъ только для не пріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, безплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедимитріевъ (295), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (226), — велѣвъ и Боярину Ѳедору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ (297). Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Ѳедора Плещеева отъ Сапѣги (298). Переславль Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Ми-

г. 1608. 1609.

Измѣна городовъ.

трополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святый храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жребью ([299]); опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Сапѣга прислалъ воеводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ ([300]); но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ инаго рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и назвалъ Патріархомъ: далъ ему златый поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василію ([301]). Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чтителемъ Церкви и Духовенства; училъ лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу ([302]); уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ ([303]). Еще

притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ.

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе ([304]), тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: „да здравствуетъ Димитрій!“ и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Ѳедоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ ([305]); взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣи Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники ([306]). Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедимитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника ([307]); послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ ([308]): вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство ([309]). Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Ѳедоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они

присягнули Лжедимитрію; вопили, что Шуйскій отдаетъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облилися новою кровію: неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями; грабили, рѣзали невинныхъ, и славили Царя Тушинскаго... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, человѣческая и государственная; гдѣ еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ, жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы ([310])?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни Вѣры; что Государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось!.... Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ, Аврамій Палицынъ, исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ:

Ужасное состояніе Россіи.

„Россію терзали свои болѣе, нежели иноплеменные: путе-
„водителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши
„измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ: Ляхи,
„съ оружіемъ въ рукахъ, только смотрѣли и смѣялись безум-
„ному междоусобію. Въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ
„Россіяне указывали или готовили имъ путь, и числомъ пре-
„восходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ. умирая за тѣхъ,
„которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча
„принадлежала Ляхамъ: они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣн-
„никовъ, красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на вы-
„купъ ближнимъ—и снова отнимали, къ забавѣ Россіянъ!....
„Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ: тамъ, гдѣ
„стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ, тамъ
„гнусное любострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ
„наслажденій.... Святыхъ юныхъ Инокинь обнажали, позорили

„лишенныя чести, лишались и жизни въ мукахъ срама....
„Были жены прельщаемыя иноплеменниками и развратомъ;
„но другія смертію избавляли себя отъ звѣрскаго насилія.
„Уже не сражаясь за отечество, еще многіе умирали за се-
„мейства: мужъ за супругу, отецъ за дочь, братъ за сестру
„вонзалъ ножъ въ грудь Ляху. Не было милосердія: добрый,
„вѣрный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ляхами, иногда
„находилъ въ нихъ жалость и самое уваженіе къ его вѣр-
„ности; но измѣнники называли ихъ за то женами слабыми
„и худыми союзниками Царя Тушинскаго: всѣхъ твердыхъ
„въ добродѣтели предавали жестокой смерти; метали съ кру-
„тыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ
„и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили
„головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ,
„вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Видя сію
„неслыханную злобу, Ляхи содрогались и говорили: *что же*
„*будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга*
„*губятъ съ такою лютостію?* Сердца окаменѣли, умы омра-
„чились; не имѣли ни состраданія, ни предвидѣнія: вблизи
„свирѣпствовало злодѣйство, а мы думали: *оно минуетъ*
„*насъ*! или искали въ немъ личныхъ для себя выгодъ. Въ
„общемъ круженіи головъ всѣ хотѣли быть выше своего зва-
„нія: рабы господами, чернь Дворянствомъ, Дворяне Вельмо-
„жами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ,
„и разумные разумныхъ обольщали измѣною, въ домахъ а
„и въ самыхъ битвахъ; говорили: *мы блаженствуемъ; идите*
„*къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ!*... Гибли отечество и
„Церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капи-
„щамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ Олта-
„ряхъ; воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ
„потировъ; мяса стояли на дискосахъ; на иконахъ играли
„въ кости; хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ; въ
„ризахъ Іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, Священни-
„ковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; отшель-
„никовъ, Схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а без-
„молвствующихъ убивали.... Люди уступили свои жилища
„звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пу-

„стыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли ста„ницами на тѣлахъ человѣческихъ; малыя птицы гнѣздились „въ черепахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвышались. Граж„дане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ „пещерахъ недовѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью „выходя изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди, „уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами „на ловлю людей; матери, укрываясь въ густотѣ древесной, „страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ „и душили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а пожарами „озарялись ночи: ибо грабители жгли, чего не могли взять „съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустынею необи„таемою“ ([311])!

Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе Небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію Лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возраждается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Ѳеоктистъ, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ ([312]). Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести ([313]). Не многіе изъ

Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи ([314]), уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію: какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи — Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ ([315]), Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ Царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями ([316]), гдѣ толпилось болѣе ста тысячь разбойниковъ, обогащаемымъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лился изъ бочекъ; мяса, вареныя и сырыя, лежали грудами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино ([317]). Число сподвижниковъ Лжедимитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ ([318]), и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ ([319]): оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василію; вторый оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить *Царику* Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатными Ляхами (между коими ([320]) унижался и Посолъ Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ ѳеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію ([321]); тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣглаго поповича или Жида ([322]), принявъ отъ него новую владѣнную грамоту на Смоленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую землю, съ обязательствомъ выдать ему (Мнишку) 300,000 рублей изъ казны Московской, еще незавоеванной. Тамъ, упоенный счастіемъ, и господствуя надъ

Тушино.

Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ.

Россіею отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Двины и моря Каспійскаго — ежедневно слыша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ — стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и предательствомъ — Самозванецъ терпѣливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять столицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали ему легкомысленные переметчики ([323]), которые не хотѣли видѣть въ ней ни меча, ни пламени, имѣя тамъ домы и семейства.

Миновало и возвратилось лѣто: самозванецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замедленіе опасно, и близкая цѣль требуетъ не отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія; хотя Лжедимитрій, слишкомъ долго смотря на Москву, давалъ время узнавать и презирать себя, и съ умноженіемъ силъ вещественныхъ лишался нравственной: но торжество злодѣя могло бы совершиться ([324]), если бы Ляхи, виновники его счастія, не сдѣлались виновниками и его гибели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедимитрія ([325]). Россіи издыхающей *помогъ* новый *непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезнѣе въ Королевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву, такъ скоро, г. 1609.
что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность ([326]). Въ слѣдъ за Мнишкомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедимитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удальства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендо-

мирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть торжество Польши; что нужно довершить оное силами Республики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли ([327]). Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россіею, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастію, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недальновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій,—не зналъ, и Политикою грубостяжательною, открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россія, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряютъ, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство ([328]). Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедимитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василію, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики,

Олесницкаго и Госѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: „Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если „ихъ вспоможеніемъ утвердить власть свою, то чего добраго „ждать Республикѣ отъ союза двухъ враговъ ея? Еще хуже, „если Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше, если она, ута„мленная бѣдствіями, покорится и Султану или Татарамъ ([329]). „Должно предупредить опасность, и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягѣ Московское Царство; нынѣ дружины „вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: можемъ ли бояться „сопротивленія? Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые не восхищались мыслію о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ *первому* Лжедимитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *втораго*; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многолюднымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такія ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: „богатая „Россія будетъ наша“ — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ ([330]), одобрилъ войну съ Россіею, безъ всякаго сношенія съ Лжедимитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія. Польша объявляетъ войну Россіи.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая ([331]), въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою ([332]), и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность къ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Го-

сударствъ Самодержцемъ—Король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики ([333]); выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное; въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій ([334])? Сигизмундъ колебался, медлилъ—и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ.... Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, досигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

Продолженіе Василіева Царствованія.

Г. 1608—1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву.

Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Царскіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, разбили Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ оказалось мужество и счастіе юнаго, еще неизвѣстнаго Стратига, коему Провидѣніе готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ: славу Героя—спасителя отечества. Князь Димитрій Михайловичь Пожарскій, происходя отъ Всеволода III и Князей Стародубскихъ ([335]), царедворецъ безчиновный въ Борисово время и Стольникъ при Разстригѣ, опасностями Россіи вызванный на ѳеатръ кровопролитія, долженъ былъ вторично защитить Коломну отъ нападенія Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ изъ Владиміра. Пожарскій не хотѣлъ ждать ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, и на утренней зарѣ незапнымъ, сильнымъ ударомъ изумилъ непріятеля;

г. 1608. 1610.

Князь Пожарскій.

взялъ множество плѣнниковъ, запасовъ и богатую казну ([336]), одержалъ побѣду съ малымъ урономъ, явивъ не только смѣлость, но и рѣдкое искусство, въ предвѣстіе своего великаго назначенія.

Добл. Нижняго Новгорода.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба начинала благопріятствовать Царю. Мятежники, Мордва, Черемисы и Лжедимитріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воеводою Княземъ Вяземскаго осаждали Нижній Новгородъ: вѣрные жители обрекли себя на смерть; простились съ женами, дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову: взяли Вяземскихъ и немедленно повѣсили какъ измѣнника. Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, коимъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію ([337]); обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеняя въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳедоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправили какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ домы.

Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ.

Москва осажденная не знала о сихъ важныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усовѣстить измѣнниковъ, Василій писалъ къ жителямъ городовъ Сѣверскихъ ([338]), Галича, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга: „Несчастные! кому мы рабски цѣловали „крестъ и служите? Злодѣю и злодѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! „Уже видите ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите! Когда

Возстаніе Сѣверной Россіи.

„своимъ малодушіемъ предадите имъ Государство и Церковь;
„когда падетъ Москва, а съ нею и святое отечество и святая
„Вѣра: то будете отвѣтствовать уже не намъ, а Богу... есть
„Богъ мститель! Въ случаѣ же раскаянія и новой вѣрной
„службы, обѣщаемъ вамъ, чего у васъ нѣтъ и на умѣ: милости,
„льготу, торговлю безпошлинную на многія лѣта“. Сіи письма, доставляемыя усердными слугами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали наглость Ляховъ и неистовство Россійскихъ клевретовъ Самозванца, которые, губя враговъ, не щадили и друзей. Присяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа; а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоитъ за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчились на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ набата, съ дрекольемъ, копьями, сѣкирами и ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кричали: „вы опустошили наши „житницы и хлѣвы: теперь питайтесь рыбою“ ([339])! Примѣру земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Романова до Перми: свергали съ себя иго злодѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріевыхъ ([340]). Люди слабые раскаялись; люди твердые ободрились, и между ими два человѣка прославились особенною ревностію: знаменитый гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Греческаго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Данiилъ Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вычегодскую, гдѣ находились его богатыя заведенія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя своимъ достояніемъ для ополченія гражданъ и крестьянъ ([341]); втораго именуютъ главнымъ виновникомъ сего возстанія, которое встревожило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры ([342]). Паны Тишкѣвичь и Лисовскій выступили съ полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій Старицу ([343]). Жители противились мужественно въ городахъ; дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ лѣсахъ засѣки; не имѣли только единодушія, ни устройства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько тысячь въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля, въ селеніи Даниловскомъ ([344]), и пылая

злобою, все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ — и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводъ Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ ([345]). Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя грамоты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Боярином Ѳедоромъ Шереметевымъ ([346]); наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ

Но столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну ([347])—гдѣ страшились мести Ляховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бытія своего и на часъ удалить гибель—тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію ([348]): обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько

достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучь надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи ([349]); Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву,—и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева Державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ ([350]), Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля ([351]) вдругъ сдѣлалась тревога; заговорщики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою привели туда и Патріарха Ермогена; звали и всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ Царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками ([352]), обманомъ и насиліемъ; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и Самозванцемъ ([353]); что Шуйскій и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: „Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, „общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему какъ Госу„дарю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ „вамъ право располагать Царствомъ безъ Чиновъ Государ„ственныхъ?“ Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ—вѣроятно, тай-

ный благопріятель сего кова—выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго ([354]). Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: „Чего „хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь „смерти; но свергнуть меня съ Царства не можете безъ Думы „Земской. Да соберутся Великіе Бояре и Чины Государ„ственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу оте„чества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня зако„номъ, но не воля крамольниковъ!“ Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сунбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великодушія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушино, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Боринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедимитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому ([355]) и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишаемая подвозовъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедимитріева вторично осадила сей городъ ([356]). Предвидѣвъ

недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь рублей ([357]), къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Василій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ алтаремъ Всевышняго заклинали быть человѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ ([358]). Лицемѣры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: „Мы „гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кровопролитіе и „голодъ!„ Люди, увѣренные въ обманѣ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи ([359]); другіе толпами врывались въ Кремль и вопили предъ дворцемъ: „Долго ли намъ сидѣть въ осадѣ „и ждать голодной смерти?“ Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба—или Царя счастливѣйшаго! Василій не свырвался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицемъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Аврамія отворить для нихъ Московскія житницы его Обители: цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей ([360]). Сихъ запасовъ не могло стать на-долго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу: увидѣлъ, узналъ Лжедимитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ ([361]): 28 Мая. принесъ ему свою виновную голову; сказалъ, что лучше хочетъ умереть на плахѣ, нежели служить бродягѣ гнусному— и былъ помилованъ Василіемъ: выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діа-

вольскимъ обманомъ, не вѣрить злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе, и еще несравненно болѣе, когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что станъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедимитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя: всѣ славили Бога; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

Повѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги.

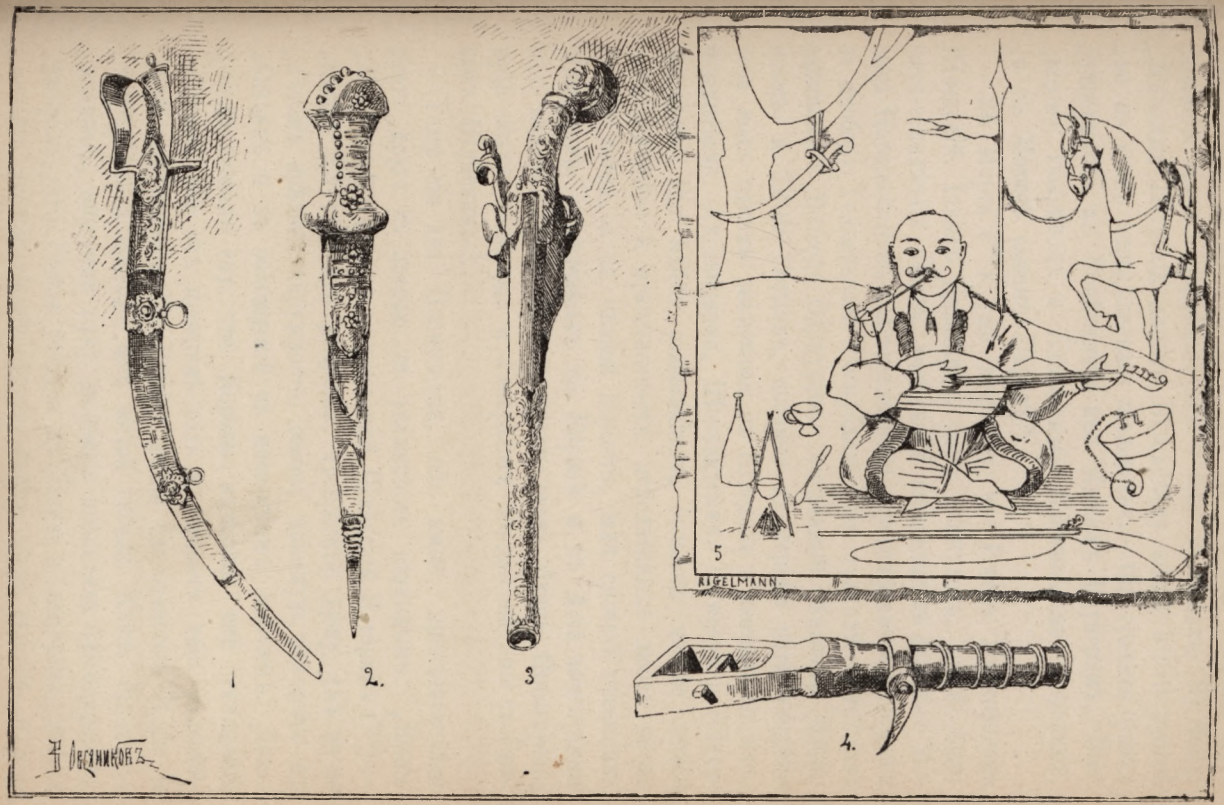
Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственныя времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи ([362]): прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Боярин Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ ([363]), онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василіеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду ([364]), требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василія на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь есьми или десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы ([365]). Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Манс-

фельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ. а Воевода Головинъ, шуринъ Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплеменниковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ ([366]), отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новогородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новагорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Телепневымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иванѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Боярин Михайло Салтыковъ, считая Лжедимитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ ([367]). Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ, при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новагорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополятъ Исидоръ и достойные Россіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василія, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго. и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносицкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовый отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ; онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать Вимаго. Вмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умертвилъ

Татищева, не давъ ему сказать ни единаго слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судіею ([368]). Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно устрашенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынскій и другіе окрестные монастыри, жегъ, грабилъ—и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новугороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою ([369]). Сіи добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго ([370]), имѣли счастіе безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

г. 1609. Вѣсти были благопріятны. Король Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бое и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновьевымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами въ Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія ([371]): „1) Мирный договоръ 1595 года во„зобновляется между Россіею и Швеціею на вѣки вѣковъ. „2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ даетъ Ва„силію 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ а Ва„силій 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье ([372]). „4) Сіе войско въ полномъ распоряженіи Князя Михаила „Шуйскаго; должно занимать города единственно именемъ Цар„скимъ, и не можетъ выводить плѣнниковъ изъ Россіи, кромѣ „Ляховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему доставляемы по „цѣнѣ умѣренной ([373]). 6) Царь взаимно обязывается помогать „Королю войскомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда открытъ „путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Россійскія владѣнія. „7) Ни та, ни другая Держава безъ общаго согласія не вольна „мириться съ Сигизмундомъ. 8) Царь, въ знакъ признатель„ности, уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе,



1, 2, 3.—Оружіе Запорожцевъ.—4. Деревянная ручная пушка.—5. Гайдамакъ на отдыхѣ (старинная картина).

„но *тайно* до времени ([374]): ибо сія уступка можетъ про-„извести сильное неудовольствіе между Россіянами. 9) Князь „Михаилъ Шуйскій даритъ Шведскому войску 5000 рублей „не въ счетъ опредѣленнаго жалованья.—Сія грамота будетъ „утверждена въ Новѣгородѣ имъ Княземъ Шуйскимъ, Вое-„водою, Бояриномъ и *Ближнимъ Пріятелемъ* Царскимъ, „а въ Москвѣ самимъ Царемъ".

26 Марта ([375]) уже вступилъ въ Россію Полководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ Понтусовъ, юный, двадцати-семилѣтній витязь, ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нассавскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ бореніи за свободу Голландской Республики. На границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Ододуровъ, высланный Княземъ Михаиломъ, и 2300 Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя подъ одними знаменами съ Шведами и наемниками ихъ, Французами, Англичанами, Шотландцами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 разноземцевъ, большею частію людей безъ отечества и нравственности, исполненныхъ любви не къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами! Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода, куда звали Делагарди и Генераловъ его для свиданія съ Княземъ Шуйскимъ....

Тамъ сіи два Полководца, оба юные, привѣтствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ взаимнымъ. „Князь „Михаилъ" — пишетъ современный Шведскій Историкъ ([376])— „имѣлъ 23 года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не по „лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ „битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ. Дела-„гарди сказалъ ему, что Королю извѣстны всѣ ухищренія „Ляховъ; что онъ прислалъ рать и готовитъ еще сильнѣй-„шую для вспоможенія Россіи, желая благоденствія Царю и „народу ея, а врагамъ ихъ желая гибели. Князь Михаилъ, „кланяясь, опустилъ руку до земли; изъявлялъ благодарность; „увѣрялъ, что Россія усердна къ Царю и волнуема только „малымъ числомъ измѣнниковъ, коихъ легко одолѣть едино-

„душнымъ дѣйствіемъ союзниковъ! Разсуждали, какъ дѣйство-„вать, и съ чего начать. Делагарди требовалъ впередъ жа-„лованья войску: Князь Шуйскій обѣщалъ немедленно вы-„дать 8000 рублей, 5000 деньгами и 3000 соболями; утвер-„дилъ (4 Апрѣля) Выборгскій договоръ, и самъ проводилъ „Делагарди до воротъ крѣпости“.

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и для безопаснаго сообщенія съ Ливоніею и Финляндіею, заняться прежде всего осадою Копорья, Иванагорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна: Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія Шведовъ, Воевода Осининъ ходилъ изъ Новагорода съ Дѣтьми Боярскими и Козаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ ([377]); но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно итти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій Генералъ Эвертъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керносицкимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ ([378]). Порховъ, Торопецъ сдалися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ, Чоглокову. Узнавъ, что Панъ Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій ([379]) съ тремя тысячами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери на Чоглоково, Князь Михаилъ отрядилъ туда Головина и Горна: имѣя не болѣе двухъ тысячь воиновъ, они сразились съ непріятелемъ; Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, отпѣвъ молебенъ въ Софійскомъ храмѣ, исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній, вывелъ (10 Мая) главную рать. Нижгородъ, нѣкогда *Великій*, столь многолюдный и воинственный, далъ ему все, что могъ: тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ ([380])! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Іюня) новыми дружинами: Князь Борятинскій, Воевода усердный и мужественный, привелъ туда 3000 Дѣтей Боярскихъ и земледѣльцевъ изъ

Смоленскихъ Уѣздовъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму ([381]). Союзники спѣшили къ Твери: тамъ засѣли Зборовскій и Корносицкій, бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ. Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно, во время сильнаго дождя, который препятствовалъ дѣйствію пальбы: непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Шведовъ, обратилъ Французовъ въ бѣгство; Нѣмцы, Финляндцы, Россіяне также дали тылъ,—и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, имѣло выгоду и втѣснило Ляховъ въ городъ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненный едва спасся отъ плѣна: но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлыя сутки. Въ слѣдующую ночь, когда Ляхи безпечно спали въ Острогѣ, Князь Михаилъ тихо приближился, напалъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ ([382]). Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательности за мужество Шведовъ ([383]), которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и не нужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ, или бѣжитъ. Чрезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клевреты ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами ([384]). Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ Новогородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. Доселѣ онъ могъ быть доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ ([385]), что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ *древней Греческой вѣры, вольности и льготы*,—для истребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества ([386]). Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ Ляхами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Іюня) къ Шведскимъ

Генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: „мое дѣло „воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ“ (387). Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буйность. Оставивъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъ шелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новугороду! Сія неожидаемая измѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ итти въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что имъ не выдано полнаго жалованья: что вѣроломство Московскаго народа всѣмъ извѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома (388). Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ; бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечь, грозилъ—и долженъ былъ уступить мятежникамъ, чтобы не остаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ (389), для прикрытія бунта жалуясь, что Россіяне не исполняютъ договора; не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамить имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослабленный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усовѣстили: Генералъ Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу на канунѣ величайшей для него опасности и славы (390). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связуются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою (391): разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣпилъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры (392): защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись,

и вдругъ увидѣли необычайное волненіе въ непріятельскомъ станѣ; Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска ([393]) и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила ([394]). Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ; Лжедимитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣлъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдалися. Ихъ не слушали. Тогда подъѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степени мужей государственныхъ: Бояринъ Салтыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ ([395]): оба увѣряли, что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи; что Москва встрѣчаетъ Димитрія, и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ, Дворяне измѣнники, утверждали тоже, прибавляя: „Не мы ли были съ Шере„тевымъ, а теперь служимъ Димитрію? Кого еще ждете? Все „у ногъ Іоаннова сына—и если одни будете противиться, то „немедленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всѣмъ Литов„скимъ войскомъ, Скопинымъ и Шереметевымъ, для казни „вашего ослушанія“. Имъ отвѣтствовали единогласно, люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ): „Всевышній „съ нами, и никого не боимся. Хотите ли, что бы мы вамъ „вѣрили? скажите, что Князь Михаилъ подъ Тверію тѣлами „Литовскими и вашими сравнялъ Волгу съ берегами и на„питалъ звѣрей плотоядныхъ: не усомнимся и восхвалимъ „Бога! Ложь не побѣда: идите съ мечемъ на мечь, и Господь „разсудитъ виновнаго съ правымъ“. Такъ еще мужались сіи Герои вѣрности, числомъ уже не болѣе двухъ сотъ ([396]). Сапѣга не могъ медлить, однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители, ко-

торую сей гордый Ляхъ, шутя надъ ними и Лисовскимъ, уподоблялъ *лукну* и *гнѣзду воронъ* (397). Зборовскій приступилъ ночью, стрѣлялъ, убилъ одну женщину на стѣнѣ, и ничего болѣе не сдѣлавъ, удалился. Вѣроятно, что непріятель хотѣлъ въ сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова (398), а самъ, не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолюднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева (399), сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: „Слышимъ о твоемъ великомъ радѣніи, и „славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь Госу„дарство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ „Россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое „и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ на„шей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя „надежны, какъ на свою душу (400)“.—За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ (401). Имѣя едва ли тысячь десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зомэ (402), Князь Михаилъ рѣшился однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлися на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготовиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ гром-

кимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне, призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями ([403]), не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться въ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы—и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечества, неусыпно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами сѣверными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ ([404]); поручилъ Генералу Зоме устроеніе дружинъ, образованіе людей неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ ([405]): Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями ([406]), и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вокругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ—будучи съ Сѣвера угрожаемъ Княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедимитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго и тщетно ждалъ отъ измѣны

и голода: взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удальцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что Москва спасется единственно бездѣйствіемъ Тушинскаго войска и неминуемо падетъ отъ перваго дружнаго приступа. Лжедимитрій далъ ему нѣсколько полковъ: хваляся напередъ дѣломъ славнымъ, Бобовскій устремился къ городу; но Царскіе Воеводы не допустили его и до предмѣстія: вышли, напали, разбили — и Москва торжествовала свою первую блестящую побѣду; а скоро и вторую, еще важнѣйшую, надъ всею Тушинскою силою ([407]). Самъ Лжедимитрій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ Заруцкій, всѣ знатные измѣнники и Бояре вели дружины на приступъ (въ день Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный городъ; но Василій успѣлъ выслать войско съ Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ. Непріятель быстрымъ движеніемъ вломился въ средину Царскихъ полковъ, смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ съ одной стороны Воевода Князь Иванъ Куракинъ, съ другой Князья Андрей Голицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣстные достоинствами ратными ([408]), напали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачался бой, въ коемъ; по увѣренію Лѣтописца, Московскіе воины превзошли себя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь, какъ еще не сражались дотолѣ съ Тушинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ. Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ, что бѣглецы не удержались бы и въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева ([409]). Сей Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедимитрія, отъ Казани до Нижняго Новагорода; близъ Юрьевца побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области ([410]); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ,

Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ.

Побѣда Царскаго войска.

освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный его службою, но не довольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ спѣшить къ Москвѣ (411). Въ тоже время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители Владиміра снова присягнули Царю—всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедимитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ каменьемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводъ Царскихъ (412).

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались полки вѣрныхъ—стремились къ одной цѣли, къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино... и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войско Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дало отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, *Осиновикомъ* и Лавромъ; первый назывался сыномъ, вторый и третій внуками Іоанна Грознаго (413). „Злодѣи „рабскаго племени“ — говоритъ Лѣтописецъ — „холопи, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, явля„лись одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей, даже „небывалыхъ, и надѣялись властвовать въ ней, какъ союз„ники и ближніе Тушинскаго злодѣя“ (414). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Московской дорогѣ, чтобы ихъ казнію засвидѣтельствовать свое небратство съ ними. Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще имѣя тысячь шесть-

Три Самозванца.

десятъ или болѣе сподвижниковъ—еще властвуя надъ знатною частію Россіи южной и западной, отъ Тушина до Астрахани ([415]), предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ—Самозванецъ тревожилъ нападеніями слободы Московскія ([416]), перехватывалъ обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. Воевода его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Рязанцевъ, хотѣвшихъ освободить сей городъ, имъ осажденный; а Лисовскій всегда храбрый, не всегда счастливый, загладилъ свои неудачи важнымъ успѣхомъ. Винимый Царемъ въ медленности, Шереметевъ спѣшилъ изъ Владиміра къ Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ конницы смялъ всю его многочисленную, худо устроенную пѣхоту. Легло не малое число Низовыхъ жителей въ битвѣ кровопролитной и безпорядочной ([417]); съ остальными Шереметевъ бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о томъ и смутилась. Народъ уже не хотѣлъ вѣрить и побѣдамъ Князя Михаила. Въ сіе время голодъ снова усилился. Житницы Аврааміевы истощились ([418]), и четверть хлѣба опять возвысилась цѣною отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунтовала; съ шумомъ стремилась въ Кремль; осаждала дворецъ; кричала: „хлѣба! хлѣба! или да „здравствуетъ Тушинскій!“... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною ([419]): сквозь разъѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ Москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственнаго молебна во всѣхъ церквахъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣнія и мятежъ. Надежда на скорое избавленіе уменшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Некоторыя удачи Лжедимитріевы.

Новый мятежъ въ Москвѣ.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣсскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Волуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человѣкъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Сапѣгиной рати ([420]). 16 Сентября пришелъ наконецъ и Делагарди. Казна, доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удов-

летворить вполнѣ корыстолюбію Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность ([421]). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ; оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣтили, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и заняли Александровскую Слободу, прославленную Іоанномъ. Тамъ все еще напоминало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ ([422]), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ ([423]). Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову ([424]). Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля. Слобода Александровская.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Сапѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутомимыхъ воителей еще уменьшалось въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ ([425]), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передо-

вую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленій Слободы ([426]). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга уступилъ, отдалъ не мужеству, то числу превосходному—и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разъѣзды, высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщенія измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣки ([427]). Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордые, властолюбивые, не могли быть единодушными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ безполезные приступы къ Лаврѣ ([428]), почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умножилось.

Побѣда надъ Сапѣгою.

Уже слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля ([429]), Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи ([430]). Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель и счастіе въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, спо-

Любовь къ Князю Михаилу.

собствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Царству по закону и совѣсти, безъ всякихъ намѣреній властолюбія, въ невинной, смиренной душѣ едва ли плѣняясь и славою: не такъ мыслили за него другіе, уже съ бѣдственнымъ навыкомъ къ перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконіямъ. Многимъ казалось, что если Богъ возстановитъ Россію, то она въ награду за свои великодушныя усилія должна имѣть Царя лучшаго, не Василія, который предалъ Государство разбойникамъ, сравнялъ Москву съ Тушинымъ, и едва, на главѣ слабой, удерживаетъ вѣнецъ, срываемый съ него буйною чернію ([431]); а мысль о новомъ Царѣ была мыслію о Князѣ Михаилѣ—и человѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ всенародно изъявить оную. Тотъ, кто господствомъ ума своего рѣшилъ судьбу перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ и гибели опаснаго Болотникова ([432]), измѣнилъ Василію и загладилъ измѣну важными услугами,— не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани—Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, именемъ Россіи, предложилъ Царство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василія осыпая укоризнами ([433]). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ вѣрности къ Василію. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василію, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Предлагаютъ вѣнецъ Герою.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ на-

Разбои. бѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ ([434]). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедимитріевъ: вѣрные Дѣти Боярскіе имѣли время спастися, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели непріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь.—Между тѣмъ разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка ([435]): выступилъ Князь Дмитрій Пожарскій, уже знаменитый,—встрѣтилъ на берегахъ Пехорки и совершенно истребилъ его злую шайку; осталося только тридцать человѣкъ, которые вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Молоцкаго къ Можайску.—Изъ Слободы Князья Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалю и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо: они уклонились отъ битвы ([436]).

Пожарскій.

Осада Смоленска.

Въ то время, когда Князь Михаилъ, умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедимитрія—въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ вой-

скомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!.... Обращаемся къ Сигизмунду ([437]). Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣроломное нападеніе было для Василія лучшимъ средствомъ избавиться отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатью тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятью тысячами Козаковъ Запорожскихъ ([438]); расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ ([439]), и послалъ Универсалъ или монифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнитъ Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ, которые беззаконно въ ней царствуютъ, воспаляя междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его, Сигизмунда, Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавитъ Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска въ знакъ вушевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью ([440]). За мирное подданство Сигизмундъ обѣщалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шеинъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: „мы въ храмѣ Богоматери „дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему, Василію Іоанно„вичу, а тебѣ, Литовскому Королю, и твоимъ Панамъ не

„раболѣпствовать во вѣки“ ([441]). Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: „Не оставь сиротъ „твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители „уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король „обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ стоять усердно“. Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами: выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или не достигали вершины косорога, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спасскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость ([442]). 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы безполезные: ибо Россіяне. имѣя *слухи* ([443]) или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ ([444]). Историки Польскіе отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость.— Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію,

хотѣлъ непремѣнно завоевать Смоленскъ; терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ.

Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ Россію встревожила не столько Москву, сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, что шайки Запорожцевъ, служа Королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ нѣмцами бластями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились измѣнивъ Лжедимитрію (445). „Чего хочетъ Сигизмундъ?“ говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: „лишить насъ славы и возмездія за труды; взять даромъ, что „мы въ два года пріобрѣли своею кровію и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность: изъ ея доходовъ „Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье— и кто же въ „ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ „а ны остаемся въ бѣдности, съ одними ранами!“ Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедимитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеврета, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими (446). Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ (447): они клялися умереть или воцарить Лжедимитрія, назвалися Конфедератами, и послали сказать Сигизмунду: „Если сила и беззаконіе готовы исхитить изъ нашихъ „рукъ достояніе меча и геройства, то не признаемъ ни Ко„роля Королемъ, ни отечества отечествомъ, ни братьевъ бра„тьями“ (448)? Рожинскій писалъ къ своему Монарху: „Ваше „Величество все знали, и единственно намъ предоставляли кон„чить войну за Димитрія, еще болѣе для Республики, нежели „для насъ выгодную; но вдругъ, неожиданно, вы являетесь „съ полками, отнимаете у него землю Сѣверскую, волнуете, „смущаете Россіянъ, усиливаете Шуйскаго и вредите дѣлу, „уже почти совершенному нами!... Сія земля нашею кровію „увлажена, нашею славою блистаетъ. Въ сихъ могилахъ, отъ

Распри между Сигизмундомъ и Конфедератами.

„Днѣпра до Волги, лежатъ кости мопхъ храбрыхъ сподвиж-
„никовъ.... Уступимъ ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы,
„остальные, положимъ также свои головы... и врагъ Димитрія,
„кто бы онъ ни былъ есть нашъ непріятель!“ Гетману Жолкѣвскому говорили Послы Конфедератовъ: „Издревле витязи
„Республики, рожденные въ нѣдрахъ златой свободы, любили
„искать воинской славы въ земляхъ чуждыхъ: такъ и мы
„своимъ мечемъ, *истиннымъ Марсовымъ раломъ, воздъ-*
„*лывали землю Московскую, чтобы пожать на ней честь*
„*и корысть*. Сколь же горестно намъ видѣть противниковъ
„въ единоземцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ
„руки къ тебѣ, Гетману отечественнаго воинства, нашему
„учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блюстителю за-
„коновъ и свободы, чего мы требуемъ справедливо: да удер-
„житъ Сигизмунда“.... Тутъ Паны и Дворяне Королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удалитьс я, язвительно издѣвались надъ ними; спрашивали въ насмѣшку о здоровьѣ *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи ([449])—и дали имъ, отъ имени Сигизмундова, слѣдующій отвѣтъ письменный: „Вамъ
„надлежало не посылать къ Королю, а ждать его Посольства:
„тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію.
„Отечество наше конечно славится рѣдкою свободою; но и
„свобода имѣетъ законы, безъ коихъ Государство стоять не
„можетъ. Законъ Республики не дозволяетъ воевать и Ко-
„ролю безъ согласія Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди
„частные, своеволнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго
„изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуйскій мститъ ей
„Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить
„опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непрія-
„телей сильныхъ... Идите и скажите своимъ клевретамъ, что
„искать славы и корысти беззаконіемъ, мятежничать и нагло
„оскорблять Верховную Власть есть дѣло не гражданъ свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ ([450]).

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ

прѣніи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясняясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ однакожъ быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели устрашить ихъ: развѣдывалъ, что дѣлается въ Лжедимитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать заодно съ Королевскимъ войскомъ,—и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609) Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною ([451]). Онъ предписалъ имъ что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія ([452]), но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патріарху, Духовенству, Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ коей, уже снимая съ себя личину, вызывался прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего богослуженія и всѣхъ уставовъ священныхъ ([453]). Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Димитрію; а къ Самозванцу писали только Сенаторы, называя его въ титулѣ *Ясньйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій. Посольство Королевское въ Тушино.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разъѣздами Воеводъ Царскихъ ([454]), умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая, что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедимитрію: Стадницкій и Збараскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло един-

ственно до войска—и, послѣ великолѣпнаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли въ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ, что извлекая мечь на Шуйскаго за многія непріятельскія дѣйствія Россіянъ ([455]), спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды ([456]). Выслушавъ рѣчь Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отчество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. „Согласно ли съ достоинствомъ Короля“ — возражали Послы — „имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, „кому большая часть Россіянъ даетъ имя обманщика ([457])? и „благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?“ Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. „Вспомните“ — отвѣтствовали имъ — „что у насъ нѣтъ Перуан„скихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обык„новеннымъ: когда же Богъ покоритъ Сигизмунду великую „Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не „останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не „Республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и „согласія“. О будущей долѣ Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что же дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ ве-

личія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедимитрія, изломалъ палку объ его любимца, Князя Вишневецкаго ([458]), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичъ въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и претивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедимитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковый часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ Россіянъ Лжедимитріева стана, и вручивъ имъ грамоту Сигизмундову, изъяснили, что хотя Король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, но единственно для ея мира и благоденствія, желая утишить бунтъ, истребить безстыднаго Самозванца, низвергнуть тирана вѣроломнаго (Шуйскаго), освободить народъ, утвердить Вѣру и Церковь. „Сіи люди“ — пишетъ Историкъ Польскій ([459]) — „угнетенные долговременнымъ злосчастіемъ, не могли найти „словъ для выраженія своей благодарности: печальныя лица „ихъ освѣтились радостію; они плакали отъ умиленія, читали „другъ другу письмо Королевское, цѣловали, прижимали къ „сердцу начертаніе его руки, восклицая: *не можемъ имѣть Государя лучшаго*!... Такъ замыселъ Сигизмундовъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ торжественно объявленъ и торжественно одобренъ Россіянами; но какими? Сонмомъ измѣнниковъ: Бояриномъ Михайломъ Салтыковымъ, Княземъ Василіемъ Рубцемъ-Мосальскимъ и клевретами ихъ, вѣроломцами опытными, которые нарушивъ три присяги ([460]), и нарушая четвертую, не усомнились предать иноплеменнику и Лжедимитрія и Россію, чтобы спастися отъ мести Шуйскаго, раннимъ усердіемъ снискать благоволеніе Короля и подъ сѣнію новаго царствующаго Дома вкусить счастливое забвеніе своихъ беззаконій! Въ сей думѣ крамольниковъ присутствовалъ, какъ

Переговоры съ Тушинскими измѣнниками.

пишутъ, и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ ([461]), ея невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ: доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возвратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, еслибы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія: обнародовалъ только его вѣроломство и козни ([462]), чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размышленіе, Послы Сигизмундовы уж етайно склонили Князя Рожинскаго и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многолюдная сволочь Тушинская не передалась къ Василію ([463]): условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитрія для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ замышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлаютъ въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ не трезвый забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку ([464]). Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: „Гетманъ выдаетъ меня „Королю; я долженъ спасаться: прости“ — и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще не кончилось!

Бѣгство Лжедимитрія.

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали, что онъ

убитъ и брошенъ въ рѣку ([465]). Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ ([466]). Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ тоже время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву ([467]); знатнѣйшіе пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣрію и твердости въ злосчастіи; видя себя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: „Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но „правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, „насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды „даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, „подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому „на часъ облаками“ ([468]). Она писала къ Королю: „Счастіе „меня оставило, но не лишило права Властительскаго, утвер„жденнаго моимъ Царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною прися„гою Россіянъ;“ желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова—ждала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ ([469]). Высокомѣріе Марины.

Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; г. 1610.
сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Ипокамъ объ-

явить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ, достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры ([470]). Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ ([471]), Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рати ([472]). Составились дружины тѣлохранителей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія дѣйствія Сигизмунда и Шведовъ ([473]): ихъ убивали, вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіянами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшаго Воеводу ея, Ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедимитріемъ въ измѣнѣ ([474]). Тамъ же истерзали и добраго Окольничаго, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василіева. Взявъ его въ плѣнъ ([475]), свергнули съ башни, и еще живаго кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хваляся особенно ненавистію ко всему не-Русскому, и говоря, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ

Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ.

въ живыхъ ни единаго иноплеменника, ни груднаго младенца, ни зародыша въ утробѣ матери ([476])! И кровію Ляховъ обагренный, тогда же искалъ въ нихъ еще усердія къ его злодѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя грамоты Лжедимитріевы ([477]): Самозванецъ писалъ, что возвратится къ своимъ добрымъ сподвижникамъ съ богатою казною, если они дадутъ ему новую клятву въ вѣрности и накажутъ главныхъ виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные Послы его, Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-Плещеевъ ([478]): они внушали Ляхамъ и Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія обширныя и милліоны готовые. Люди, сколько нибудь благоразумные, не слушали ([479]); но бродяги, грабители снова взволновались, и еще болѣе, когда Марина, пользуясь смятеніемъ, явилась между воинами съ растрепанными волосами, съ лицемъ блѣднымъ, съ глубокою горестію и слезами; не упрекала, но трогала, видомъ и словами; убѣждала не оставлять Димитрія, исполненнаго къ нимъ любви и благодарности: не лишать себя праведнаго возмездія за труды, для него понесенные,—не обольщаться Королевскою милостію, ничѣмъ незаслуженною и слѣдственно ненадежною; ходила изъ ставки въ ставку; каждаго изъ чиновниковъ называла именемъ, ласково привѣтствовала, молила соединиться съ ея мужемъ ([480]). Все было въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, краснорѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: „Послы „Королевскіе насъ обманули и разлучили съ Димитріемъ! „Гдѣ тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать „награды?“ Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней и выступили полками изъ Тушина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи ([481]) и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

Волненіе въ Тушинѣ.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ, и боясь мести Гетмана, Марина въ одеждѣ воина, съ лукомъ и ту-

11 Февраля. Бѣгство Марины.

ломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала верхомъ къ мужу, провождаемая только слугою и служанкою ([482]). Поутру нашли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо къ войску: „Безъ друзей и ближнихъ, одна съ своею горестію, я должна „спасать себя отъ наглости моихъ мнимыхъ защитниковъ. Въ „упоеніи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня „съ женами презрительными, умышляютъ измѣну и ковы. Со„храни Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и „выдать меня человѣку, которому ни я, ни мое Царство не „подвластны! Утѣсненная и гонимая, свидѣтельствуюсь Все„вышнимъ, что не престану блюсти своей чести и славы, и „бывъ Властительницею народовъ, уже никогда не соглашусь „возвратиться въ званіе Польской Дворянки. Надѣясь, что „храброе воинство не забудетъ присяги, моей благодарности „и наградъ ему обѣщанныхъ, удаляюсь“ ([483]). Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятели Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятежъ, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку Гетмана, вопили: „Злодѣй! Ты выгналъ злосчастную Марину „твоею буйностію, въ чаду высокоумія и пьянства! Ты, вѣ„роломецъ, подкупленный Королемъ, чтобы обманомъ вырвать „изъ нашихъ рукъ казну Московскую! Возврати намъ Ди„митрія, или умри, измѣнникъ!“ Стрѣляли изъ пистолетовъ; хотѣли дѣйствительно убить Рожинскаго, выбрать инаго начальника ([484]) и немедленно итти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимымъ Гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта Королевскаго. „Ни за что не ручаюсь“ — писалъ Рожинскій къ Сигизмунду — „если Ваше Ве„личество не благоволите удовлетворить желаніямъ войска и „Бояръ Московскихъ, съ нами соединенныхъ“ ([485]).

Посольство Тушинское къ Королю.

Сіи желанія или требованія были объявлены Королю Послами Россіянъ и Ляховъ Тушинскихъ. Въ числѣ сорока-двухъ первыхъ находились Михайло Салтыковъ и сынъ его Иванъ, Князья Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый ([486]), который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), Дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чи-

черинъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Сигизмундъ принялъ ихъ (31 Генваря) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислилъ всѣхъ нашихъ Государей отъ Рюрика до Іоанна и Ѳеодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ Бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ — не Сигизмунду, но юному Королевичу Владиславу ([487]); а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ, безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Литовскій Канцлеръ, Левъ Сапѣга, отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодаритъ за оказываемую ему честь и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначить Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ.

Переговоры начались немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: „Съ того времени, какъ „смертію Іоаннова наслѣдника извелося Державное племя Рю„риково мы всегда желали имѣть одного Вѣнценосца съ вами, „въ чемъ можетъ удостовѣрить васъ сей Думный Боярин, „Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, зная всѣ тайны восударст„венныя. Препятствіемъ были грозное властваніе Борисово, „успѣхи Лжедимитрія, беззаконное воцареніе Шуйскаго и яв„леніе втораго Самозванца, къ коему мы пристали, не вѣря „ему, но отъ ненависти къ Василію, и только до времени. „Обрадованные вступленіемъ Короля въ Россію, мы тайно „снеслися съ людьми знатнѣйшими въ Москвѣ, свѣдали ихъ „единомысліе съ нами и давно прибѣгнули бы къ Сигизмунду, „если бы Ляхи Лжедимитріевы тому не противились. Нынѣ же, „когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Мо„нарху, объявившему намъ чистоту своихъ намѣреній, — нынѣ „смѣло убѣждаемъ Его Величество дать намъ сына въ Цари. „ибо ему самому, Государю иной великой Державы, не льзя

„оставить ее, ни управлять Московскою чрезъ Намѣстника. „Вся Россія встрѣтитъ Царя вожделеннаго съ радостію; го„рода и крѣпости отворятъ врата; Патріархъ и Духовенство „благословятъ ею усердно. Только да не медлитъ Сигизмундъ; „да идетъ прямо къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско, угрожаемое „превосходными силами Скопина и Шведовъ. Мы впереди: „укажемъ ему путь и средства взять столицу; сами свергнемъ, „истребимъ Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обреченную „на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый съ такимъ успѣ„хомъ тягостнымъ, доселѣ безполезнымъ—тогда и все Го„сударство послѣдуетъ нашему примѣру“. Но боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича народу ославленному строптивостію и мятежами ([488]), или отъ личнаго властолюбія не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что *если* Всекышній благословитъ доброе желаніе Россіянъ; *если* грозныя тучи, висящія надъ ихъ Державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; *если*, къ мирѣ и согласіи, Духовенство, Вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Владислава въ Цари; то Сигизмундъ конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ—и готовъ итти къ Москвѣ, какъ скоро Тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилія; что можно внушать и склонять, а не велѣть. „Сіи люди“—говоритъ Польскій Историкъ ([489])—„мало заботились о правахъ и вольностяхъ го„сударственныхъ: твердили единственно о Церкви, монастыряхъ, „обрядахъ; только ими дорожили, какъ главнымъ, существен„нымъ предметомъ, необходимымъ для ихъ мира душев„наго и счастія“. Именемъ Королевскимъ Сенаторы письменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ и согласились, чтобы Королевичь, *если* Богъ дастъ ему Государство Московское, былъ вѣнчанъ Патріархомъ; обязались также соблюсти цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей

частныхъ ([490]); а Послы клялися оставить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить Государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его ([491]). Въ тоже время Король писалъ къ Сенату, что Москва въ смятеніи, и Князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василіемъ; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владѣнія Республики и завоевать часть Россіи или всю Россію ([492])! Не могли Салтыковъ и клевреты его быть слѣпыми: они видѣли, что Король готовитъ Царство себѣ, а не Владиславу; знали, что и Владиславъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять нашего Закона: но ужасаясь близкаго торжества Василіева, какъ своей гибели, и давно погрязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки Вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣпленія другихъ Россіянъ, и лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости ([493]). Пировали, обѣдали у Короля, Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддался Царю новому, мнимому ([494]). Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣдствію Королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Изменники признаютъ Владислава Царемъ.

Довольный Тушинскими Россіянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Маринѣ новгородъ и Псковъ, а мужу ея Княжество особенное ([495]). Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія, Король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милостиво надѣлить Марину и Лже-

димитрія, если они смирятся, и немедленно прислать въ Тушино Вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ: не вѣрили обѣщаніями; ждали денегъ—а Сигизмундъ медлилъ, и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присылалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ: ибо его любимецъ, Потоцкій, къ досадѣ Гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадою, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгодъ временщика.

Вѣсти Калужскія еще болѣе изволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедимитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги ([496]), и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. „Царица Московская“—сказала Марина—„не бу„детъ жалкою изгнанницею въ домѣ родительскомъ“—и взявъ
Марина въ Калугѣ. у Сапѣги Нѣмецкую дружину для безопасности, прискакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ убранствѣ юнаго витязя ([497]). Калуга веселилась и пировала; хвалилась призракомъ Двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ,—а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ въ осадѣ, или, толпами выѣзжая на грабежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ или Михаиловыхъ отрядовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастіе; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатство; не слушали новыхъ Пословъ Королевскихъ ([498]), прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ Предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабить станъ и съ сею добычею итти къ Самозванцу. Но Гетманъ, въ послѣдній разъ, обуздалъ буйность страхомъ.

Уже князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножалось, образовалось. Пришло еще 3000 Шведовъ изъ Выборги и
Успѣхи Князя Михаила. Нарвы ([499]). Готовились итти прямо на Сапѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озаботить ихъ и съ другой стороны: послали

Вееводъ Хованскаго, Борятинскаго и Горна ([500]), занять южную часть Тверской и сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію Конфедератовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чиновникъ Волуевъ съ пятью стами ратниковъ долженъ былъ осмотрѣть вблизи укрѣпленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру, взалъ тамъ дружину Жеребцова ([501]), утромъ напалъ на Ляховъ и возвратился къ Князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстію о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапѣгу и Гетмана отдѣльно. Но дерзость перваго уже исчезла: будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Лжедимитрія и еще не приставъ къ Королю, едва ли имѣя 6000 сподвижниковъ ([502]), изнуренныхъ болѣзнями и трудами, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о завоеваніи монастыря, а время спасаться: снялъ осаду (12 Генваря) и бѣжалъ къ Дмитрову. Иноки и воины Лавры не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на сіе бѣгство врага, столь долго упорнаго ([503])! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнниковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драгоцѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвратится — и чрезъ восемь дней послали наконецъ Инока Макарія со Святою водою въ Москву, объявить Царю, что Лавра спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ, бывъ 16 мѣсяцевъ въ тѣсномъ облежаніи. Уже сіяя не только святостію, но и славою рѣдкою — любовію къ отечеству и Вѣрѣ преодолѣвъ искусство и число непріятеля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣнчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба, чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а шведамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны монастырской ([504]). — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову ([505]), и подъ

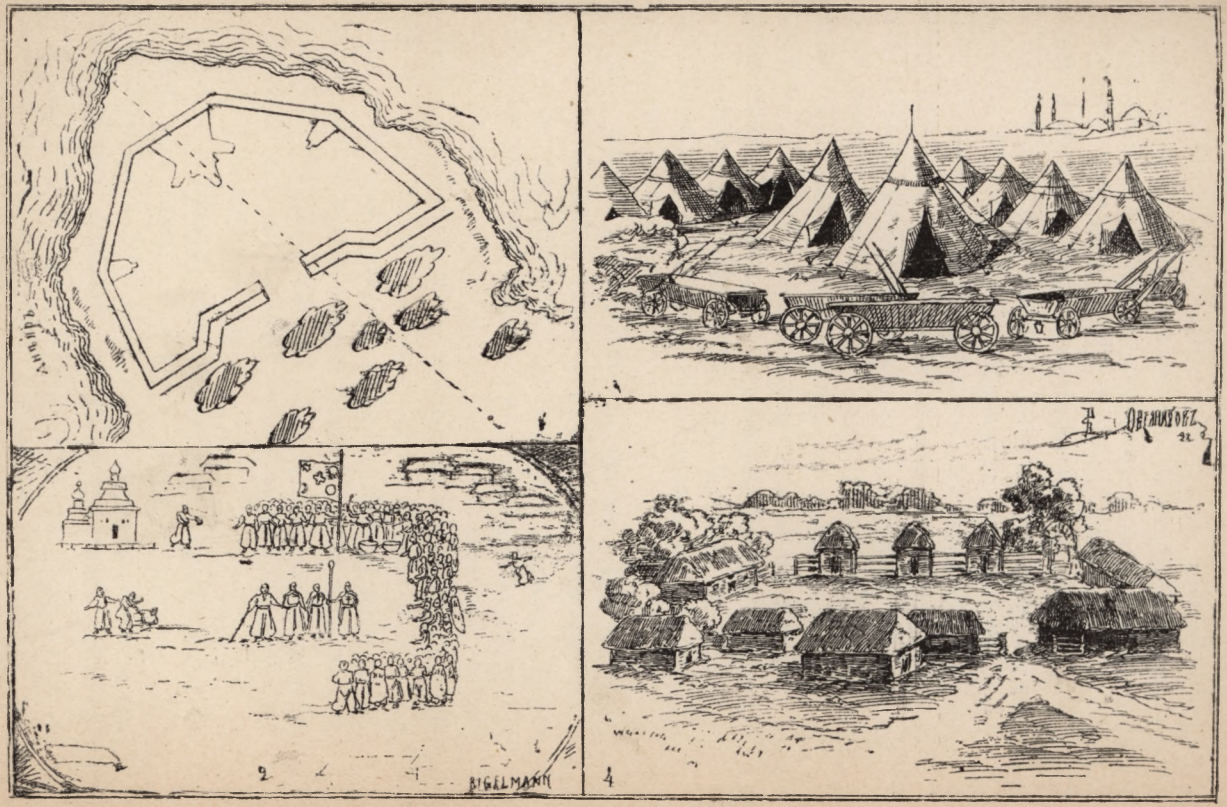
Освобожденіе Лавры.

стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Началось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ мѣстахъ опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедимитрію, смотря по обстоятельствамъ ([506]).

Бѣгство Сапѣги.

До сего времени Сапѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его — свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михаиломъ ([507]), заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому — Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ вблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы итти къ Королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Самозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города ([508]), надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность, — и чрезъ нѣсколько часовъ остался только пепелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила, изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семъ дѣлѣ ([509]) освободилъ знаменитаго плѣнника, Филарета), Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастія, безуміе втораго Лжедимитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову: Полководецъ искусный, какъ увѣряютъ его единоземцы ([510]), или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣтельствуютъ

Опустѣніе Тушина.



1. Планъ Запорожскаго укрѣпленія.—2. Видъ сѣчи Запорожской.—3. Походный станъ, окруженный обозомъ,—4. Зимовникъ Запорожскій.

наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска: оно разсѣялось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедимитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изобильныхъ хлѣбомъ ([511]), и предлагалъ своему Государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою. — Такъ исчезло главное, страшное ополченіе удальцевъ и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой Политики Сигизмундовой!.. Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками Козаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ ([512]) оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь Колязинскій, гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ, палъ въ битвѣ. Наконецъ вся внутренность Государства успокоилась.

Дѣло Князя Михаила.

Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ тѣмъ оставивъ Царя почти безъ Царства, войско въ оцѣпенѣніи ужаса, среди враговъ и предателей—находивъ вездѣ отчаяніе или зложелательство, но умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣтельною ревностію, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, возстановить цѣлость Россіи отъ Запада до Востока, разсѣять сонмы непріятелей многочисленныхъ и взять одною угрозою крѣпкіе, годовые ихъ станы— Князь Михаилъ двинулся изъ Лавры, имъ освобожденной, къ столицѣ, имъ же спасенной, чтобы вкусить сладость добродѣтели, увѣнчанной славою.

Торжественное вступленіе Героя въ Москву. 2 Марта.

Россіяне и Шведы, одни съ весельемъ, другіе съ гордостію, шли какъ братья, Воеводы и воины, на торжество рѣдкое въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знатнымъ чиновникамъ встрѣтить Князя Михаила: народъ предупредилъ чиновниковъ ([513]); стѣснилъ дорогу Троицкую; поднесъ ему хлѣбъ и соль, *билъ челомъ* за спасеніе Государства Московскаго, давалъ имя *отца отечества*; благодарилъ и сподвижника его,

Делагарди. Василій также благодарилъ обоихъ, съ слезами на глазахъ, съ видомъ искренняго умиленія. Казалось, что одно чувство всѣхъ одушевляло, отъ Царя до послѣдняго гражданина. Москва, бывъ еще недавно столицею безъ Государства, окруженная непріятельскими владѣніями, смятенная внутренними крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру не знавъ, кого утреннее солнце освѣтитъ въ ней на престолѣ, законнаго ли Вѣнценосца Россійскаго или бродягу, клеврета разбойниковъ иноземныхъ — Москва снова возвышала главу надъ обширнымъ Царствомъ, простирая руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣлому и Каспійскому,—опираясь въ стѣнахъ своихъ на легіоны побѣдоносные, и наслаждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ; видѣла въ Князѣ Михаилѣ виновника сей разительной перемѣны и не щадила ни его смиренія, ни его безопасности ([514]): гдѣ онъ являлся, вездѣ торжествовалъ и слышалъ клики живѣйшей къ нему любви, естественной, справедливой, но опасной: ибо зависть, уже не окованная страхомъ, готовила жало на знаменитаго подвижника Россіи, и раздражаемая симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе кипѣла ядомъ, въ слѣпой злобѣ не предвидя, что будетъ сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось отечество—и Князь Михаилъ, среди свѣтлыхъ пировъ столицы не упоенный ни честію, ни славою, требовалъ указа Царскаго довершить великое дѣло: истребить Лжедимитрія въ Калугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очистить южные предѣлы ея, успокоить Государство навѣки, имѣя все для успѣха несомнительнаго: войско, доблесть, счастіе или милость Небесную. Но судьба Шуйскаго противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество наше должно было возродиться для величія!

ГЛАВА IV.

Низверженіе Василія и междоцарствіе.

г. 1610—1611.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена.

Въ то время, когда всякой часъ былъ дорогъ, чтобы г. 1610. совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ—когда всѣ друзья отечества изъявляли Князю Михаилу живѣйшую ревность ([515]), а Князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе Царю итти въ поле—минуло около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ происках злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано,—что остальное легко и не

превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный Князь Михаилъ для него опасенъ ([516]), любимый Россіею до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе Царя и явно въ Царѣ готовимый единомыслiемъ народа и войска. Славя Героя, многіе Дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею ([517]); многіе нескромно уподобляли Василія Саулу, а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ: какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ Вѣнценосецъ, именемъ *Михаилъ*, назначенный Судьбою умирить Государство: чрезъ два „года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало га„дателей,“ пишетъ Историкъ чужеземный ([518]); но Россіяне относили мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василіева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣдія уловить Державство: ибо шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ новорожденной дочери, Анастасіи ([519]), Князь Дмитрій, духомъ слабый ([520]), сердцемъ жестокій, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василію, что Михаилъ въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа Государева ([521]). Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности: велѣлъ умолкнуть брату,—даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, чествилъ Героя – но медлилъ снова ввѣрить ему войско! Узнавъ о навѣтахъ, Князь Михаилъ спѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Василій слу-

Наушники.

шалъ не безъ внутренняго смятенія ([522]): ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастія вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою; велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условиться съ Генераломъ Делагарди о будущихъ воинскихъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ немедленно заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагарди въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга ([523]): Дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали итти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину ([524]). Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екатерина—дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова—явилась съ ласкою и чашею предъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу.... и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанина и предалъ душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!... Москва въ ужасѣ онѣмѣла. Кончина Скопина-Шуйскаго.

Сію незапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду ([525]), и народъ, въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоцѣнной, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михаиловой смерти (напомнившей Борисову), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала Князя Михаила столь же неутѣшно, какъ Царя Ѳеодора Іоанновича: любивъ Ѳеодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣнценосцевъ Рюрикова пле- Горесть народная.

мени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михаилова, столь неожидаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго ([526]): думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, но Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василію, омраченному въ ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслію, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Героѣ: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время, когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отпѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы Державнаго: дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши Вѣнценосцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя ([527]), стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтелію и любовію народною въ вѣкъ ужасный! Отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ!.... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *увѣтливость*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца ([528]). Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдкая!) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ.

Все перемѣнилось—и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтися, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаиломъ, рушился, и злополучіе Василіево, какъ бы одолѣнное на время Михаиловымъ счастіемъ, снова явилось во всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Государемъ.

Надлежало избрать Военачальника: избрали того, кто уже давно былъ нелюбимъ, а въ сіе время ненавидимъ: Князя Дмитрія Шуйскаго. Россіяне вышли въ поле съ унынiемъ и безъ ревности: Шведы ждали обѣщанныхъ денегъ. Не имѣя готоваго серебра, Василій требовалъ его отъ Иноковъ Лавры; но Иноки говорили, что они, давъ Борисову 15000, Разстригѣ 30000, самому Василію 20000 рублей, остальною казною едва могутъ исправить стѣны и башни свои, поврежденныя непріятельскою стрѣльбою ([529]). Царь силою взялъ у нихъ и деньги и множество церковныхъ сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ, для сплавки. Иноки роптали: народъ изъявлялъ негодованіе, уподобляя такое дѣло святотатству. Одни Шведы, изъявивъ участіе въ народной скорби о Михаилѣ ([530]), ими также любимомъ, казались утѣшенными и довольными, получивъ жалованье—и Делагарди выступилъ въ слѣдъ за Княземъ Дмитріемъ къ Можайску, чтобы освободить Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союзниковъ, не бывалыхъ подъ хоругвями Христіанскими: Крымскихъ Царевичей съ толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ нимъ нѣсколько дружинъ Московскихъ и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ: не доставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и милліоны людей не замѣняютъ.... Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое Державство, и два раза спасенный отъ близкой гибели ([531]), уже не спасся въ третій!

Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ.

Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ, явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, не обольстивъ Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ, и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Дмитрія Шуйскаго и самаго Василія убійцами, отравителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ: ибо горестная

Бунтъ Ляпунова.

любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія ([532]), все, кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова съ грамотою отъ дяди; но тамъ воеводствовалъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій. Заслуживая будущую свою знаменитость и храбростію и добродѣтелію, Князь Дмитрій выгналъ гонца крамолы, прислалъ мятежную грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія: Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣбова съ дружиною, и Зарайскъ остался вѣрнымъ. Но въ тоже время Стрѣльцы Московскіе, посланные къ Шацку (гдѣ явился Воевода Лжедимитріевъ, Князь Черкасскій, и разбилъ Царскаго Воеводу, Князя Литвинова) были остановлены на пути Ляпуновымъ и передались къ нему добровольно ([533]). Чего хотѣлъ сей мятежникъ! Свергнуть Василія, избавить Россію отъ Лжедимитрія, отъ Ляховъ, и быть Государемъ ея, какъ утверждаетъ одинъ Историкъ ([534]); другіе пишутъ вѣроятнѣе, что Ляпуновъ желалъ единственно гибели Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ знатнѣйшимъ крамольникомъ, Бояриномъ Княземъ Василіемъ Голицынымъ въ Москвѣ, и даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ, но не долго: онъ презрѣлъ бродягу, какъ орудіе срамное, видя и безъ того легкое исполненіе желаемаго имъ и многими иными врагами Царя несчастнаго.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву: другія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь Дмитрій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску, а Ляхи къ нимъ на встрѣчу. Доселѣ опасливый, нерѣшительный, Сигизмундъ вдругъ оказалъ смѣлость, узнавъ, что Россія лишилась своего Героя, и вѣря нашимъ измѣнникамъ, Салтыкову съ клевретами, что сія кончина есть паденіе Василія, ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска; но давъ Гетману Жолкѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхотныхъ воиновъ, велѣлъ ему съ сею горстію людей искать непріятеля и славы въ полѣ ([535]). Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому, тѣснимому Хованскимъ и Горномъ ([536]): имѣя 6500 Россіянъ и Шведовъ, они уклонились отъ битвы и спѣшили присоеди-

ниться къ Дмитрію Шуйскому, который стоялъ въ Можайскѣ, отдѣливъ 6000 Дѣтей Боярскихъ съ Княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище, чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи въ десятеро сильнѣе непріятеля, Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожностію: медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ Гетманъ: соединился съ остатками Тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборовскимъ, и (13 Іюня) подступилъ къ Займищу ([537]); имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами, но не взялъ укрѣпленій — и свѣдалъ, что Шуйскій и Делагарди отъ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смутились: онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ; говорилъ о чести и доблести, а ждалъ успѣха отъ измѣны: ибо клевреты Салтыкова окружали, вели его,— сносились съ своими единомышленниками въ царскомъ войскѣ, знали общее уныніе, негодованіе, и ручались Жолкѣвскому за побѣду; ручались и бѣглецы Шведскіе, Нѣмцы, Французы, Шотландцы ([538]), являясь къ нему толпами, и сказывая, что всѣ ихъ товарищи, недовольные Шуйскимъ, готовы передаться къ Ляхамъ. Шведы дѣйствительно, едва вышедши изъ Москвы, начали снова требовать жалованья и бунтовать: Князь Дмитрій далъ имъ еще 10,000 рублей, но не могъ удовольствовать, ни самъ Делагарди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ: они шли не-хотя, и грозили, казалось, болѣе союзникамъ, нежели врагамъ. Такія обстоятельства изъясняютъ для насъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго, еще болѣе проницательнаго, нежели смѣлаго.

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища, Гетманъ ввечеру (23 Іюня) съ десятью тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на встрѣчу къ Шуйскому, столь тихо, что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ, воображая всю рать непріятельскую предъ собою; а Гетманъ, принужденный итти верстъ двадцать медленно, ночью, узкою, худою дорогою, на разсвѣтѣ увидѣлъ, близъ села Клушина, между по- Битва подъ Клуши-

ными. Июня 24. лями и лѣсомъ, плетнями и двумя деревеньками, обширный станъ тридцати тысячь Россіянъ и пяти тысячь Шведовъ, ни мало неготовыхъ къ бою, безпечныхъ, сонныхъ. Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ; зажегъ плетни, и трескомъ огня, пламенемъ, дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные незапнымъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско: конницу впереди, пѣхоту за нею, въ кустарникѣ,—Россіянъ и Шведовъ особенно. Гетманъ съ трубнымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ; конница Московская дрогнула; но подкрѣпленная новымъ войскомъ, стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ, такъ, что Жолкѣвскій, стоя на холмѣ, едва могъ видѣть хоругвь Республики въ облакахъ пыли и дыма ([539]). Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ. Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины; стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ; напалъ на Россіянъ съ боку—и побѣдилъ. Конница наша, обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; Шведы отступили къ лѣсу; Французы, Нѣмцы, Англичане, Шотландцы передались къ Ляхамъ. Сдѣлалось неописанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти: сто гнало тысячу. Князья Шуйскій, Андрей Голицынъ и Мезецкій засѣли-было въ станѣ съ пѣхотою и пушками; но узнавъ вѣроломство союзниковъ, также бѣжали въ лѣсъ, усыпая дорогу разными вещами драгоцѣнными, чтобы прелестію добычи остановить непріятеля. Делагарди—въ искренней горести, какъ пишутъ ([540])—ни угрозами, ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны, вступилъ въ переговоры: далъ слово Гетману не помогать Василію, и захвативъ казну Шуйскаго, 5450 рублей деньгами и мѣховъ на 7000 рублей ([541]), съ Генераломъ Горномъ и четырмя стами Шведовъ удалился къ Новугороду, жалуясь на малодушіе Россіянъ столько же, какъ и на мятежный духъ Англичанъ и Французовъ, писмен- но обѣщая Царю новое вспоможеніе отъ короля Шведскаго, а Королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Делагарди отступаетъ къ Новугороду.

Но стыдъ союзниковъ уменьшался стыдомъ Россіянъ, которые, въ бѣдственномъ ослѣпленіи, жертвовали нелюбви къ

Царю любовію къ отечеству, не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михаилова, думая, кажется, что бѣда Ляховъ губитъ только несчастнаго Василія, и гнуснымъ бѣгствомъ отъ врага слабаго предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказавъ умъ необыкновенный, Гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей, скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ, и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ, сына и друзей Михайла Салтыкова, которые находились въ сей битвѣ, дѣйствуя тайно, чрезъ лазутчиковъ, на Царское войско. Не многіе легли въ дѣлѣ, одинъ знатный Князь Яковъ Борятинскій палъ сражаясь; Воевода Бутурлинъ отдался въ плѣнъ. Гораздо болѣе кололи, сѣкли и топтали Россіянъ въ погонѣ. И пушекъ, нѣсколько знаменъ, бархатная хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго, его карета, шлемъ, мечь и булава, также не мало богатства, суконъ, соболей, присланныхъ Царемъ для Шведовъ, были трофеями и добычею Ляховъ. Несчастный Князь Дмитрій скакалъ не оглядываясь, увязилъ коня въ болотѣ, пѣшій достигъ Можайска, и сказавъ гражданамъ, что все погибло, съ сею вѣстію спѣшилъ къ Державному брату въ столицу ([542]).

Дѣятельный Гетманъ въ тотъ же день возвратился къ Займищу, гдѣ Россіяне, ночью, были пробуждены шумомъ и кликомъ: Ляхи громогласно извѣщали ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы. Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣли вѣрить: Гетманъ на разсвѣтѣ показалъ имъ Царскія знамена и плѣнниковъ, требуя, чтобы они мирно сдалися, не Ляхамъ, а новому Царю своему, Владиславу, будто бы уже избранному знатною частію Россіи ([543]). Елецкій и Волуевъ убѣждали Гетмана итти къ Москвѣ и начать съ нею переговоры: имъ отвѣтствовали: „когда вы сдадитесь, то и Москва будетъ наша“. Волуевъ, болѣе Елецкаго властвуя надъ умами сподвижниковъ, рѣшилъ ихъ недоумѣніе: присягнулъ Владиславу, на условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клевретами его съ Сигизмундомъ ([544]); другіе также присягнули, и вмѣстѣ съ Ляхами, уже братьями, пошли къ столицѣ... Смѣлый въ битвахъ, Жолкѣвскій изъявилъ смѣ-

Поляки занимаютъ Царево Займище.

лость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ: онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава, по удостовѣренію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственному, что нѣтъ инаго, лучшаго, надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодою для Республики (545)! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича, вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и читала воззваніе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ, распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова. „Виною всѣхъ „вашихъ золъ“ — писалъ Гетманъ — „есть Шуйскій: отъ него „Царство въ крови и въ пеплѣ. Для одного ли человѣка „гибнуть милліонамъ? Спасеніе предъ вами: побѣдоносное „войско Королевское и новый Царь благодатный: да здравствуетъ Владиславъ“ (546)! Еще Василій, не измѣняясь духомъ, вѣрный твердости въ злосчастіи, писалъ указы, чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе, и въ послѣдній разъ, для спасенія Царства (547); ободрялъ Москвитянъ, давалъ деньги Стрѣльцамъ (548); хотѣлъ писать къ Гетману, назначилъ гонца, но отмѣнилъ, чтобы не унизиться безполезно, въ такихъ обстоятельствахъ, когда не переговорами, а битвами надлежало спастися. Города не выслали въ Москву ни одного воина (549): Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться Царя, вмѣстѣ съ Княземъ Васпліемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ, волнуемой отчаяніемъ.... Грозы внѣшнія еще умножились: явился и Лжедимитрій въ полѣ, съ безстыднымъ Сапѣгою, который за нѣсколько тысячь рублей (550), доставленныхъ ему изъ Калуги, снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить Гетмана и взять Москву, думая, что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ, нежели Ляхамъ. Сей подлый непріятель еще казался опаснѣйшимъ Царю: свѣдавъ, что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ, сыновья Хана, уже близъ Серпухова, Василій отрядилъ туда знатныхъ мужей, Князя Воротынскаго, Лыкова и чиновника

Отчаяніе столицы.

Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками, чтобы вести ихъ противъ Самозванца ([551]); но Крымцы, встрѣтивъ его въ Боровскомъ Уѣздѣ, послѣ дѣла кровопролитнаго ушли назадъ въ степи, а Воротынскій и Лыковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Москву. Все кончилось для Василія! Снова торжествовалъ Самозванецъ; снова обратились къ нему измѣнники и счастіе. Сапѣгины Ляхи осадили крѣпкій монастырь Пафнутіевъ, гдѣ начальствовали вѣрный Князь Михайли Волконскій и два предателя: первый сражался какъ Герой; но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ, впустили непріятеля. Волконскій палъ въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутія (оставивъ для вѣковъ память ([552]) своей доблести въ гербѣ Боровска), а Ляхи наполнили ограду и церковь трупами Иноковъ, Стрѣльцевъ и жителей монастырскихъ. Коломна, дотолѣ непоколебимая въ вѣрности, вдругъ измѣнила, возмущенная Сотникомъ Бобынинымъ. Не слушая добраго Епископа Іосифа, народъ кричалъ, что Василію уже не быть Царемъ, и что лучше служить Димитрію, нежели Сигизмунду. Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Туренинъ и Долгорукій, въ ужасѣ сами присягнули обманщику: также и Воевода Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣстѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и Зарайскъ, спасенный твердостію Князя Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не страшась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ усердною дружиною выгналъ ихъ изъ крѣпости и возстановилъ тишину договоромъ, заключеннымъ съ ними, остаться вѣрными Василію, если Василій останется Царемъ, или служить Царю новому, кого изберетъ Россія. Въ семъ случаѣ ревностнымъ сподвижникомъ Князя Дмитрія былъ достойный Протоіерей Никольскій ([553]). Но усмиреніе Зарайска не отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Новые успѣхи Самозванца.

Твердость Пожарскаго.

Лжедимитрій спѣшилъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ ([554]), памятномъ первою славою юнаго Князя Михаила, коего уже не имѣло отечество для надежды! Что могъ предпріять Царь злосчастный, побѣжденный Гетманомъ и Самозванцемъ, угрожаемый Ляпуновымъ и крамолою, малодушіемъ и зломысліемъ, безъ войска и любви народной?

Рожденный не въ вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ предаться только въ волю Божію: такъ и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жребія, и еще держась рукою за кормило государственное, хотя уже и безполезное въ часъ гибели; еще давалъ повелѣнія, не внимаемые, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ съ того времени, какъ узнали въ Москвѣ о бунтѣ или неповиновеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣнами знамена Лжедимитріевы и ежечасно ждали Сигизмундовыхъ съ Гетманомъ. Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ у друга, что дѣлается, и что дѣлать? Ненавистники Василіевы уже громогласно требовали его сверженія; кричали: „Онъ „сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли Русской ([555]): для того „земля раздѣлилась; для того льется кровь Христіанская. „Братья Василіевы ядомъ умертвили своего племянника, а на„шего отца-защитника. Не хотимъ Царя Василія!“ *Ни Самозванца, ни Ляховъ!* прибавляли многіе, благороднѣйшіе духомъ, слѣдуя внушенію Ляпунова Рязанскаго, брата его Захаріи и Князя Василія Голицына ([556]). Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ; гнушаясь Лжедимитріемъ, думали усовѣстить его клевретовъ, чтобы усилиться ихъ союзомъ, и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя Тушинскаго: Князья Сицкій и Засѣкинъ, Дворяне Нагой, Сунбуловъ, Плещеевъ, Дьякъ Третьяковъ и другіе. Съѣхались въ полѣ, у Даниловскаго монастыря ([557]), какъ братья; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Государства и вѣрнѣйшихъ средствахъ спасенія; наконецъ взаимно дали клятву, Москвитяне — оставить Василія, измѣнники — предать имъ Лжедимитрія, избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Ляховъ. Сей договоръ объявили столицѣ братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомутовъ, выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное мѣсто, гдѣ, кромѣ черни, находилось и множество людей сановныхъ, лучшихъ гражданъ, гостей и купцевъ: всѣ громкимъ кликомъ изъявили радость ([558]); всѣ казались увѣренными, что новый Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго Духовенства, ни Сви-

Ропотъ народный.

клита: пошли въ Кремль, взяли Патріарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпуховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельскаго стана—указывали на разъѣзды Лжедимитріевой конницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ Гетмана—предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели, избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василія только несчастіемъ ([559]). Говорили, что „земля Сѣверская и всѣ бывшіе „слуги Лжедимитріевы немедленно возвратятся подъ сѣнь оте„чества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ нена„вистнаго и страшнаго; что Государство безсильно только отъ „раздѣленія силъ: соединится, усмирится.... и враги исчезнутъ!“ Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и Царя злосчастнаго: Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію Патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна Царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ ([560]). Весьма не многіе Бояре, и весьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые его искреннѣе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ Патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго,—и сія народная Дума единодушно, единогласно приговорила: „1) *бить челомъ* Василію, да оставитъ Царство и „да возметъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ ([561]); 2) уже „никогда не возвращать ему престола, но блюсти жизнь его, „Царицы, братьевъ Василіевыхъ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ „міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ Церкви и Государству „для истребленія ихъ злодѣевъ, Ляховъ и Лжедимитрія; „всею землею выбрать въ Цари, кого Богъ дастъ; а между „4) тѣмъ управлять ею Боярамъ, Князю Мстиславскому съ то„варищами, коихъ власть и судъ будутъ священны; 5) въ сей Ду„мѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ, ни Князю Дмитрію, ни Кня„зю Ивану; 6) всѣмъ забыть вражду личную, месть и злобу; „всѣмъ помнить только Бога и Россію“ ([562]). Въ дѣйствіи беззаконномъ еще блисталъ призракъ великодушія: щадили Царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество, за честь и независимость.

Послали къ Василію, еще Вѣнценосцу, знатнаго Боярина, его свояка, Князя Ивана Воротынскаго, съ главными крамольниками, Захаріею Ляпуновымъ и другими, объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ: ибо въ слѣдъ за Послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ. Василій ожидалъ ихъ безъ трепета, воспоминая, можетъ быть, невольно о такомъ же стремленіи шумныхъ сонмовъ, подъ его собственнымъ предводительствомъ, къ сему же дворцу, въ день Разстригиной гибели!.... Захарія Ляпуновъ, увидѣвъ Царя, сказалъ: „Василій Іоанновичь! ты не умѣлъ царствовать: отдай „же вѣнецъ и скипетръ“ (563). Шуйскій отвѣтствовалъ: „какъ смѣешь!“... и вынулъ ножъ изъ-за пояса. Наглый Ляпуновъ, великанъ ростомъ, силы необычайной, грозилъ ему своею тяжкою рукою.... Другіе хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ повиновенію волѣ Божіей и народной. Василій отвергнулъ всѣ предложенія, готовый умереть, но Вѣнценосцемъ, и волю мятежниковъ, испровергающихъ законъ, не признавая народною. Онъ уступилъ только насилію, и былъ вмѣстѣ съ юною супругою, перевезенъ изъ палатъ Кремлевскихъ въ старый домъ свой, гдѣ ждалъ участи Борисова семейства (564), зная, что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ.

Василій лишенъ престола. 17 Іюля.

Въ столицѣ господствовало смятеніе, и скоро еще умножилось, когда народъ свѣдалъ, что Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ. Ляпуновъ и клевреты его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря Даниловскаго (565), что Шуйскій сведенъ съ престола, и что Москва, въ слѣдствіе договора, ждетъ отъ нихъ связаннаго Лжедимитрія, для казни. Тушинцы отвѣтствовали: „Хвалимъ ваше дѣло, Вы свергнули Царя беззаконнаго: служите же „истинному: да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! Если вы клятво„преступники, то мы вѣрны въ обѣтахъ. Умремъ за Ди„митрія (566)!“ Достойно осмѣянные злодѣями, Москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ: вышелъ къ народу, молилъ, заклиналъ снова возвести Василія на Царство: но убѣжденіямъ добраго Патріарха не внимали:

Тщетныя увѣщанія Патріарха.

страшились мести Василіевой, и тѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Всѣми оставленный, многимъ ненавистный или противный, не многимъ жалкій, Царь сидѣлъ подъ стражею въ своемъ Боярскомъ домѣ, гдѣ, за четыре года предъ тѣмъ, въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ, имъ собранныхъ и движимыхъ (567), рѣшилась гибель Отрепьева. Тамъ, въ слѣдующее утро, явились Захарія Ляпуновъ, Князь Петръ Засѣкинъ (568), нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Иноками и Священниками, съ толпою людей вооруженныхъ, и велѣли Шуйскому готовиться къ постриженію, еще гнушаясь новымъ цареубійствомъ и считая келлію надежнымъ преддверіемъ гроба. „Нѣтъ!“ сказалъ Василій съ твердостію: „никогда не буду Монахомъ“ — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія; но смотря на многихъ извѣстныхъ ему Москвитянъ, съ умиленіемъ говорилъ имъ: „Вы нѣкогда любили меня.... и за „что возненавидѣли? за казнь ли Отрепьева и клевретовъ его? „Я хотѣлъ добра вамъ и Россіи; наказывалъ единственно зло„дѣевъ — и кого не миловалъ (569)?„ Вопль Ляпунова и другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь трогательную. Читали молитвы постриженія, совершали обрядъ священный, и не слыхали уже ни единаго слова отъ Василія: онъ безмолвствовалъ, и вмѣсто его произносилъ страшные обѣты монашества Князь Туренинъ (570). Постригли и несчастную Царицу, Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу: она рвалась къ нему, стенала, называла его своимъ *Государемъ милымъ*, Царемъ великимъ народа недостойнаго (571), ея супругомъ законнымъ и въ рясѣ Инока. Ихъ разлучили силою: отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ братьевъ Василіевыхъ заключили въ ихъ домахъ. Никто не противился насилію безбожному, кромѣ Ермогена: онъ торжественно молился за Шуйскаго въ храмахъ, какъ за Помазанника Божія, Царя Россіи, хотя и невольника; торжественно клялъ бунтъ и признавалъ Инокомъ не Василія, а Князя Туренина, который вмѣсто его связалъ себя обѣтами Монашества (572). Уваженіе къ сану

18 Іюля.

Постриженіе Василія и супруги его.

и лицу Первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но безполезную.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливостію государственною, безпристрастіемъ въ наградахъ (573), умѣренностію въ наказаніяхъ, терпимостію общественной свободы, ревностію къ гражданскому образованію — который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ достоинству Монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достоинъ престола, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ.... Но удивительная судьба его ни въ уничиженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась!

Доселѣ властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго и Самозванца и Ляховъ: она хотѣла *своего* Царя — и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцевъ, ко всѣмъ областнымъ Воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ челобитью земли Русской, оставилъ Государство и міръ* (574) для спасенія отечества; что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что всѣ Россіяне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею Самодержца вожделѣннаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали Бояре и Гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. „Не требуемъ твоей защиты“, писали они; „не приближайся, или „встрѣтимъ тебя какъ непріятеля. (575)“ Но Дума Боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, Гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ,

холопи не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедимитрію ([576]), единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ибо ея главою былъ Князь Ѳедоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней ([577]).

Въ то время, когда Москва, безъ Царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя Тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея—когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовію и надеждою—когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ Вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистію: тогда мысль искать Государя внѣ отечества, какъ древніе Новгородцы искали Князей въ землѣ Варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ—вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими—торжественно объявилъ Боярамъ, Духовенству, всѣмъ Чинамъ и гражданамъ, что для спасенія Царства должно вручить скипетръ.... Владиславу ([578]). Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть Вѣнценосцемъ ([579]), того мнѣніе и голосъ имѣли силу; имѣли оную и домогательства единомышленниковъ Салтыкова, особенно Волуева, и наконецъ явныя выгоды сего избранія. Жолкѣвскій, грозный побѣдитель, дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чтобы избавить Москву отъ злодѣевъ: онъ писалъ о томъ (31 Іюля) къ Думѣ Боярской ([580]), вмѣстѣ съ Иваномъ Салтыковымъ и Волуевымъ, которые сообщили ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный Гетманомъ въ Царевѣ-Займищѣ ([581]) для цѣлости Вѣры и Государства. Надѣялись, что Король плѣнится честію видѣть сына Монархомъ великой

Совѣтъ Князя Мстиславскаго.

Державы и дозволитъ ему перемѣнить Законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ Догматахъ Латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ Московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между Царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ Православія, и будучи уважаемъ какъ Вѣнценосецъ знаменитаго Державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный Россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольно Властителя отъ Ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Вѣру, и Патріархъ убѣждалъ Бояръ не жертвовать Церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ ([582]): уже не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Голицына или юнаго Михаила, сына Филаретова ([583]), внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелію отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ Героемъ Россіи... Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю Небесъ! Но время еще не наступило—и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни ([584]), противъ Коломенскаго и Лжедимитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ Синклитѣ и бѣглецъ на полѣ ратномъ ([585]), ни юноша, питомецъ келлій, едва извѣстный свѣту, но обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣ тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часъ былъ дорогъ—и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило; „принять „совѣтъ Мстиславскаго!“

Переговоры съ Жолкѣвскимъ.

Немедленно послали къ Гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель ([586])? „Желаю не крови вашей, а „блага Россіи“, отвѣчалъ Жолкѣвскій: „предлагаю вамъ „Державство Владислава и гибель Самозванца“. Дали взаимно аманатовъ; вступили въ переговоры, на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ Бояре, Князья Мстиславскій, Василій Голицынъ и Шереметевъ, Окольничій Князь Мезецкій и Дьяки Думные, Телепневъ и Луговскій, съ честію встрѣтили Гет-

мана ([587]), объявляя, что Россія готова признать Владислава Царемъ, но съ условіями необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что Гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія Королевскаго: Король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостію являя Гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ, Шеину непреклонному! Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ Бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался Королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы *Владиславъ крестился въ нашу Вѣру*, онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: „да будетъ Королевичь Царемъ, и тогда, „внимая гласу совѣсти и пользы государственной, можетъ „добровольно исполнить желаніе Россіи“ ([588]). Устранилъ, *до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія*, и другія статьи: „1) Владиславу не сноситься съ Папою о Законѣ ([589]); „2) утвердить въ Россіи смертную казнь для всякаго, кто „оставитъ греческую Вѣру для Латинской; 3) не имѣть при „себѣ болѣе пятисотъ Ляховъ; 4) соблюсти всѣ титла Царскія (слѣдственно Государя Кіевскаго и Ливонскаго) и женяться на Россіянкѣ“; но все прочее, какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ: ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ Короля: наконецъ уже не могъ медлить, опасаясь нетерпѣнія Россіянъ и своихъ Ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, ([590]) — и 17 Августа подписалъ слѣдующія достопамятныя условія:

„1) Святѣйшему Патріарху, всему Духовенству и Синк- Условія.
„литу, Дворянамъ и Дьякамъ Думнымъ, Стольникамъ, Дво„рянамъ, Стряпчимъ, Жильцамъ и Городскимъ Дворянамъ, „Головамъ Стрѣлецкимъ, Приказнымъ людямъ, Дѣтямъ Бояр„скимъ, гостямъ и купцамъ, Стрѣльцамъ, Козакамъ, пушка-

„рямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и *Жилецкимъ* людямъ „Московскаго Государства бить челомъ Великому Государю „Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына своего, Владислава, „въ Цари, коего всѣ Россіяне единодушно желаютъ, цѣлуя „святый крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и потомству „его, какъ они служили прежнимъ Великимъ Государямъ „Московскимъ.

„2) Королевичу Владиславу вѣнчаться Царскимъ вѣнцемъ „и діадимою отъ Святѣйшаго Патріарха и Духовенства „Греческой Церкви, какъ издревле вѣнчались Самодержцы „Россійскіе.

„3) Владиславу Царю блюсти и чтить святые храмы, „иконы и мощи цѣлебныя, Патріарха и все Духовенство; не „отнимать имѣнія и доходовъ у церквей и монастырей; въ „Духовныя и Святительскія дѣла не вступаться.

„4) Не быть въ Россіи ни Латинскимъ, ни другихъ „исповѣданій костеламъ и молебнымъ храмамъ ([591]); не скло„нять никого въ Римскую, ни въ другія Вѣры, и Жидамъ „не въѣзжать для торговли въ Московское Государство.

„5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ. Бояре и всѣ „чиновники, воинскіе и земскіе, будутъ, какъ и всегда, одни „Россіяне; а Польскимъ и Литовскимъ людямъ не имѣть „ни мѣстъ, ни чиновъ: которые же изъ нихъ останутся при „Государѣ, тѣмъ можетъ онъ дать денежное жалованье или „помѣстья, не стѣсняя чести Московскихъ, Боярскихъ и Кня„жескихъ родовъ честію новыхъ выходцевъ иноземныхъ.

„6) Жалованье, помѣстья и вотчины Россіянъ непри„косновенны. Если же нѣкоторые надѣлены сверхъ достоинства, „а другіе обижены, то совѣтоваться Государю съ Боярами, и „сдѣлать, что уложатъ вмѣстѣ.

„7) Основаніемъ *гражданскаго правосудія быть Су„дебнику, коего нужное исправленіе и дополненіе зави„ситъ отъ Государя, Думы Боярской и Земской* ([592]).

„8) Уличенныхъ государственныхъ и гражданскихъ пре„ступниковъ казнить единственно по осужденію Царя съ „Боярами и людьми Думными; имѣніе же казненныхъ наслѣ-

„дуютъ ихъ невинныя жены, дѣти и родственники. Безъ „сего торжественнаго суда Боярскаго никто не лишается ни „жизни, ни свободы, ни чести.

„9) Кто умретъ бездѣтенъ, того имѣніе отдавать ближ„нимъ его или кому онъ прикажетъ ([593]); а въ случаѣ не„доумѣнія рѣшить такія дѣла Государю съ Боярами.

„10) Доходы государственные остаются прежніе; а *новыхъ „налоговъ не вводить Государю безъ согласія Бояръ* ([594]), „и съ ихъ же согласія дать льготу областямъ, помѣстьямъ „и вотчинамъ разореннымъ въ сіи времена смутныя.

„11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ Литву, *ни „въ Россіи отъ господина къ господину*, и всѣмъ крѣпост„нымъ людямъ быть навсегда такими.

„12) Великому Государю Сигизмунду, Польшѣ и Литвѣ „утвердить съ Великимъ Государемъ Владиславомъ и съ „Россіею миръ и любовь на вѣки и стоять другъ за друга „противъ всѣхъ непріятелей.

„13) Ни изъ Россіи въ Литву и Польшу, ни изъ Литвы „и Польши въ Россію не переводить жителей.

„14) Торговлѣ между обоими Государствами быть сво„бодною.

„15) Королю уже не приступать къ Смоленску и немед„ленно вывести войско изъ всѣхъ городовъ Россійскихъ; а „платежъ изъ Московской казны за убытки и на жалованье „рати Литовской и Польской будетъ уставленъ въ договорѣ „особенномъ.

„16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ выкупа, „всѣ „обиды и насилія предать вѣчному забвенію.

„17) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ Ляховъ отъ „Лжедимитрія, вмѣстѣ съ Боярами взять мѣры для его по„требленія, итти къ Можайску, какъ скоро уже не будетъ „сего злодѣя, и тамъ ждать указа Королевскаго.

„18) Между тѣмъ стоять ему съ войскомъ у Дѣвичьяго „монастыря ([595]) и не пускать никого изъ своихъ людей въ „Москву, для нужныхъ покупокъ, безъ дозволенія Бояръ и „безъ письменнаго вида.

„19) Дочери Воеводы Сендомирскаго, Маринѣ, ѣхать въ „Польшу и не именоваться Государынею Московскою.

„20) Отправиться Великимъ Посламъ Россійскимъ къ „Государю Сигизмунду и бить челомъ, да крестится Государь „Владиславъ въ Вѣру Греческую, и да будутъ приняты всѣ „иныя условія, отправленныя Гетманомъ на разрѣшеніе Его „Королевскаго Величества“ ([596]).

И такъ Россіяне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ Царя Василія умѣрить Самодержавіе ([597]), въ часъ рого года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только Боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и *Земской* Думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ ([598]). Они боялись не Самодержавія вообще (какъ увидимъ въ Исторіи 1613 года), но Самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго Монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви,—и для того предписали ему условія согласныя съ выгодами Боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ пріучить наслѣдника Сигизмундова, будущаго Монарха Польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Присяга Владиславу.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатями—съ одной стороны Жолкѣвскій и всѣ чиновники, а съ другой Бояре—звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два олтаря, богато украшенные; вокругъ олтарей Духовенство, Патріархъ, Святители, съ иконами и крестами, за Духовенствомъ Бояре и сановники, въ одеждахъ блестящихъ серебромъ и золотомъ; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами, Ляхи и Россіяне. Все было тихо и чинно. Гетманъ, съ своими Воеводами, вступилъ въ шатеръ, приближился къ олтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два Архіерея, обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: „Волею Святѣйшаго „Патріарха, Ермогена, призываемъ васъ къ исполненію тор-

„жественнаго обряда: цѣлуйте крестъ, вы, мужи Думные, всѣ „Чины и народъ, въ вѣрности къ Царю и Великому Князю „Владиславу Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, „да будетъ Россія, со всѣми ея жителями и достояніемъ, „его наслѣдственною Державою!“ Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: „Многія лѣта „Государю Владиславу! да царствуетъ съ побѣдою, миромъ „и счастіемъ!“ Тогда началася присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячь, какъ увѣряютъ ([599]), цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе, Иванъ Салтыковъ, Волуевъ и клевреты ихъ, ревностные участники я главные пособники договора ([600]), обнялися съ Москвитянами, уже какъ съ братьями къ общей измѣнѣ Василію и въ общемъ подданствѣ Владиславу!... Гонцы отъ Думы Боярской спѣшили во всѣ города, объявить имъ новаго Царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждаго изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіатскихъ, богатыя чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславскій, отплатилъ ему такимъ же раскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гетманъ достигъ цѣли—и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія—перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго!

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на олтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳедоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ дьякомъ ([601]), усерднымъ слугою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гетману. Намѣреніи Сигизмунда.

чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ знатнѣйшимъ Посломъ, Госѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго представить Россіи въ Вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей ([602]), извѣстнаго ревнителя Латинской Вѣры и братства Іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ляхами, казалось Гетману болѣе, нежели дерзостію—казалось безумiемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю Королевскую отъ Россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честію и благомъ Республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей Политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся Царскимъ словомъ выдать Королю 300,000 злотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить Республикѣ столько же, а Королевичу 100,000—завоевать Ливонію для Польши и Швецію для Сигизмунда—не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ Царемъ ([603]); но Жолкѣвскій, извѣстивъ Сапѣгу, что Россія есть уже Царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску Республики, а бродягу упасть къ нагамъ Королевскимъ, обѣщая ему за такое смиреніе Гродно или Самборъ въ удѣлъ. Послы Гетмановы нашли Лжедимитрія въ Обители Угрѣшской ([604]), гдѣ жила Марина: выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: „хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостію Сигизмундовою!“ Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ насмѣшкою примолвила: „теперь слушайте *мое* „предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ Царю Димитрію „Краковъ и возметъ отъ него, въ знакъ милости, Варшаву!“ ([605]) Ляхи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ Княземъ Мстислав-

скимъ и пятнадцатью тысячами Москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ единоземцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе ([606]); но малочисленное и худое войско Лжедимитріево не могло обѣщать себѣ побѣды: Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства—и чрезъ нѣсколько часовъ все усмирилось. Ляхи и Россіяне оставили Лжедимитрія: первые объявили себя до времени слугами Республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими Бояре Князья Туренинъ и Долгорукій, Воеводы Коломенскіе ([607]); а Самозванецъ и Марина ночью (26 Августа) ускакали верхомъ въ Калугу, съ Атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ, Татаръ и Россіянъ немногихъ.

Бѣгство Самозванца въ Калугу.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре усердно и прямодушно. Началося безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимирѣ, Ярославлѣ ([608]) и далѣе. Молились въ храмахъ за Государя новаго; всѣ Указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ ([609]). Многіе радовались искренно, алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе—и въ ихъ числѣ Патріархъ—скрывали горесть, не ожидая ничего добраго отъ Ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники Тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ ([610]): Михайло Салтыковъ, Князь Рубецъ-Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій, Дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда, явились въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому, милостію Божіею, ихъ невинностію и добродѣтелію. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю ([611]), сказалъ другимъ: „благо„словляю васъ, если вы дѣйствительно хотите добра Госу„дарству; но если вы Ляхи душею, лукавствуете и замышляете „гибель Православія, то кляну васъ именемъ Церкви“ ([612]). Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Госу-

дарство и Православіе спасены на вѣки—увѣрялъ, можетъ быть, непритворно, желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частію Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ Гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ Геніемъ Республики, а Бояръ Московскихъ плѣняя изображеніемъ златаго вѣка Россіи подъ державою Вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона ([613]). Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ Думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клевретовъ Самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды Россіянъ безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: „возможно ли слугамъ обманщика равняться съ „нами?“... и *сдѣлали не благоразумно*, какъ мыслилъ Жолкѣвскій: ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. То Гетманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Князя Василія Голицына, одобреннаго Духовенствомъ искателя Державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане ([614]): оба, какъ устроилъ Гетманъ, должны были, въ качествѣ Великихъ Пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь Царскую,—требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя Гетманомъ, и между тѣмъ служить Королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность Россіянъ ([615])! Товарищами Филарета и Голицына были Окольничій Князь Мезецкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, Архимандритъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Аврамій, Угрѣшскій Игуменъ Іона и Вознесенскій Протоіерей Кириллъ ([616]). Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величіи

Политика Жолкѣвскаго.

Посольство къ Королю.

и православіи Россіи ([617]), Ермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не плѣняться *мірскою лестію*—и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы.... а чрезъ десять дней Ляхи были уже въ стѣнахъ Кремлевскихъ!

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало Гетману отступить къ Можайску ([618]). Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіянъ, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гетманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ Бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія ([619]). Не слушали ни Патріарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, итти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ, ([620])— и жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами Королевскими; изумились, негодовали, однакожъ успокоились, вѣря торжественному объявленію Думы, что Ляхи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъявлялъ снисходительность къ народу, чествлъ Бояръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплеменныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостинницѣ; Кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно

Вступленіе Поляковъ въ Москву.

наполняясь, какъ въ Ѳеодорово время ([621]), знатнѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ Гетманъ именемъ Царя Владислава далъ первому Боярину, Князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть Вѣнценосцемъ, санъ *Конюшаго* и *Слуги* ([622]). Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные тѣмъ, что онъ не впустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его итти на зиму въ Сѣверскую землю ([623]), Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ Ляховъ: вопреки намѣренію Бояръ удалить сего невольнаго Инока въ Соловки, Гетманъ послалъ его съ Литовскими Приставами въ Іосифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Госѣвскаго въ Предводители осьмнадцати тысячь Московскихъ Стрѣльцевъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими ([624]), уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. „Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ“ — пишутъ Ляхи ([625]) — „только осьмидесятилѣтній Патріархъ, боясь Госу„даря иновѣрнаго; но и его, уже хладное, загрубѣлое сердце „смягчалось привѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ Гет„мана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ всегда хваливша Гре„ческую Вѣру, такъ, что и Патріархъ казался наконецъ искрен„нимъ ему другомъ“. Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое—и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава..... Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готовя ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, говорили Королю: „Не „успѣхи случайные, но правила твердыя, внушаемыя зрѣлою „мудростію, должны быть намъ руководствомъ въ дѣлѣ столь „важномъ. Извлекая мечь, ты, Государь, объявилъ, что думаешь единственно о благѣ Республики: теперь, имѣя случай „распространить ея владѣнія, можешь ли упустить его только „для чести видѣть сына на престолѣ Московскомъ? Отдашь „ли пятнадцати-лѣтняго юношу, безъ совѣтниковъ и блюстителей, въ руки людей упоенныхъ духомъ мятежа и крамолы? „Что отвѣтствуетъ за ихъ вѣрность и безопасность сего пре„стола, обліяннаго кровію? Не скажетъ ли народъ твой, ревнитель свободы, что ты плѣняешься властію Самодержавною? „Если же Царство Россійское столь завидно; то, взявъ Смо„ленскъ, иди въ Москву, и собственною рукою, какъ побѣ„дитель, возьми ея державу“ ([626])! Хотя разсудительные Вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умоляли Короля немедленно принять договоръ Гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ Поляковъ въ блюстители, обогатить казну Республики казною Царскою, удовлетворить ею всѣмъ требованіямъ войска,— наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россіею; но Король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть Царемъ или завоевателемъ Россіи—и въ семъ расположеніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и Голицына, коихъ личное избраніе—то есть, удаленіе—должно было содѣйствовать видамъ хитраго Гетмана ([627]), но обратилось единственно во славу ихъ великодушной твердости, безъ пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи, кромѣ чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣе другихъ вѣря Гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабятъ въ Уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмунъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать *ему* и Владиславу вмѣстѣ ([628]), обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не впустили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра; гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ... Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, требовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а Вельможи Литовскіе отвѣчали: „Король здѣсь „на войнѣ, и самъ терпитъ нужду“ ([629])! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки,— одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили вину своего Посольства, и сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ Царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто Короля, гордо отвѣтствовалъ Канцлеръ Сапѣга: „Всевѣчный *Богъ боговъ* назначилъ степени „для Монарховъ и подданныхъ. Кто дерзаетъ возноситься „выше своего званія, того Онъ казнитъ и низвергаетъ: каз„нилъ Годунова и низвергнулъ Шуйскаго, Вѣнценосцевъ рож„денныхъ слугами!... Вы знаете волю Королевскую“. И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сію волю!

ДѣйствіяОсловъ Московскихъ.

Какъ ни важны были статьи договора, устраненныя Жолкѣвскимъ; хотя Патріархъ и Бояре въ наказѣ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неотступно „требовать и *молить слезно*, „чтобы Королевичь“ — находившійся тогда въ Литвѣ — при„нялъ Греческую Вѣру отъ Филарета и Смоленскаго Епископа, „ѣхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ „соблазнъ, нетерпимый и въ Польшѣ, гдѣ Государи должны „быть всегда одной Вѣры съ народомъ“ ([630]): но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія Королевскаго на статьи утвержденныя Гетманомъ: ибо Россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь *надеждою* склонить его къ своему Закону уже въ Царскомъ санѣ. Глав-

нымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ* ([631]), жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ Государя... И что же? Вельможи Королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малодѣтный не можетъ устроить Царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію ([632]). Послы отвѣчали: „Королевичь молодъ, „но Богъ устроитъ Державу разумомъ его и счастіемъ, на„шимъ радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи Думные. „Смоленскъ не имѣетъ нужды въ воинахъ иноземныхъ: ока„завъ столько вѣрности во времена самыя бѣдственныя, столько „доблести въ защитѣ противъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ, „чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ *душами* за Боярина „Шеина и гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россіею, при„сягнутъ Владиславу“ ([633]). *Для чего же и не Сигизмунду?* возразили Паны: *Государи суть земные Боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете Короля своимъ недовѣріемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ.* Филаретъ и Голицынъ изумились. „Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда,“ сказали они: „и вы, избравъ Шведскаго Принца въ Короли, не цѣловали „креста родителю его, Іоанну“ *Сравненіе нелѣпое!* воскликнули Паны: *Іоаннъ не спасалъ нашей Республики, какъ Сигизмундъ спасаетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, пойдетъ съ войскомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедимитрія и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не всѣ жители усердствуютъ Королевичу,—гдѣ много людей зломысленныхъ и мятежныхъ.* „Нѣтъ надобности Сигизмунду“ — говорили Послы— „и для великаго Монарха унизительно итти самому противъ „злодѣя Калужскаго: пусть велитъ только Жолкѣвскому сое„диниться съ Россіянами, чтобы общими силами истребить „его, какъ уставлено въ договорѣ! Походъ Королевскій „внутрь Государства раззореннаго еще умножилъ бы зло. Ты, „Левъ Сапѣга, бывалъ въ Россіи; зналъ ея богатство, мно-

„голюдство, цвѣтущіе города и селенія: нынѣ осталась един-„ственно тѣнь ихъ, пепелища, обгорѣлыя стѣны; жители из-„гибли, отведены плѣнниками въ Литву, разбѣжались въ „иныя земли.... А кто виною? ваши грабители еще болѣе, „нежели Самозванцы! да удалятся же на вѣки, и Россія бу-„детъ, что была,—по крайней мѣрѣ въ теченіе времени. „Гнусный Лжедимитрій и безъ вашего содѣйствія исчезнетъ. „Упорнѣйшіе изъ клевретовъ Тушинскихъ и цѣлые города, „обольщенные именемъ Димитрія, возвратились подъ сѣнь „отечества, какъ скоро услышали о новомъ Царѣ законномъ. „Вы говорите о Московскихъ мятежникахъ: ихъ не знаемъ, „видѣвъ собственными глазами, что всѣ, *отъ мала до велика*, „и тамъ и въ другихъ городахъ цѣловали крестъ Владиславу „съ живѣйшею радостію. Нѣтъ, Синклитъ и народъ немед-„ленно казнили бы перваго, кто дерзнулъ бы измѣнить свя-„тому обѣту вѣрности. Однимъ словомъ, исполните только „договоръ, утвержденный клятвою Гетмана отъ имени Короля „и Республики. Дѣло было кончено, къ обоюдному удоволь-„ствію: не вымышляйте новаго, чтобы *нашедши не поте-„рять и не каяться* ([634]). Въ случаѣ вѣроломства, какія „откроются бѣдствія! Вы знаете, что Государство Московское „обширно: еще не все разрушено, не все пало; есть Новго-„родъ Великій, многолюдная земля Поморская и Низовая ([635]); „есть Царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не сно-„сутъ обмана, и возстанутъ.... Господь да спасетъ и васъ и „насъ отъ слѣдствій ужасныхъ!“

Послы велѣли Дьяку читать Гетмановы условія: Паны не хотѣли слушать ([636]); но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь на сей договоръ ([637]), требовали милліоновъ въ уплату жалованья Королевскому и даже Сапѣгину войску.... „За то „ли, спросилъ Голицынъ, что Сапѣга, клевретъ низкаго зло-„дѣя, обнажилъ наши церкви, иконы, гробы Святыхъ, и пилъ „кровь Христіанъ? Да и войско Королевское что сдѣлало и „дѣлаетъ въ Россіи? губитъ людей и достояніе; какое право „на мзду и благодарность? Но когда успокоится Держава, „тогда Царь Владиславъ, Патріархъ, Бояре и Чины Госу-

„дарственные условятся съ Сигизмундомъ о вознагражденіи „вашихъ убытковъ. Договоръ помнимъ; хотѣли напомнить его „вамъ, и спрашиваемъ: даетъ ли Король сына на престолъ „Московскій?“... *Жалуетъ*, сказали наконецъ Паны (Октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій, встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава; а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя Гетманомъ, объявилъ Королевскимъ именемъ: 1) что въ *крещеніи* и женитьбѣ Владислава *воленъ Богъ и Владиславъ* (638); 2) что онъ не будетъ сноситься о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная казнь для отметниковъ Греческаго исповѣданія въ Россіи (639) утверждается; 4) что о числѣ Ляховъ, коимъ быть при особѣ Царя, Послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія Россіянъ предложатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласія*, Король *дастъ* имъ сына въ Цари, но *прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно умиривъ Россію*.... Тутъ исчезла радость Пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные Ляхи и Козаки, числомъ не менѣе осьмидесяти тысячь въ ея предѣлахъ (640), соединились бы съ Лжедимитріемъ; что Король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что Смоленскіе граждане должны присягнуть Королю единственно изъ чести! Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздробить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные Паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: „конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его „пепелъ и кровь жителей!“

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестію и Бояре благонамѣренные и Гетманъ честолюбивый, который, все еще увѣряя ихъ въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву, только имъ утишаемую, и лично объ-

ясниться съ Королемъ. Сами Россіяне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у Князя Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: „ѣду „довершить мое дѣло и спокойствіе Россіи;“ а Ляхамъ: „я „далъ слово Боярамъ, что вы будете вести себя примѣрно „для вашей собственной безопасности; поручаю вамъ Царство „Владислава, честь и славу Республики“. Преемникомъ его, то есть, истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть Ляху Госѣвскому, съ усердною помощію Михайла Салтыкова и Дьяка Ѳедора Андронова, названнаго Государственнымъ Казначеемъ (641). Устроивъ все для храненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провождаемый Синклитомъ и толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скораго возвращенія! Сіе торжество Гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для Боярской Думы: она выдала бывшаго Царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій взялъ съ собою двухъ братьевъ Василіевыхъ — и народъ Московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ Гетманомъ! Женѣ Князя Дмитрія Шуйскаго дозволили ѣхать съ мужемъ (642); а несчастную Царицу удалили въ Суздальскую Дѣвичью Обитель. Гетманъ заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самаго Василія и въ мірской, Литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! „О время стыда и безчувствія!“ восклицаетъ современникъ: „Мы забыли Бога! Какой отвѣтъ „дадимъ Ему и людямъ? Что скажемъ чужимъ Государствамъ „себѣ въ оправданіе, самовольно отдавъ Царство и Царя въ „плѣнъ иновѣрнымъ? Не многіе злодѣйствовали; но мы ви„дѣли и терпѣли, не имѣвъ великодушія умереть за добро„дѣтель“ (643). Такъ лучшіе Россіяне скорбѣли внутренно, и въ искреннемъ негодованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался!

Отъѣздъ Жолкѣвскаго.

Шуйскій преданъ Полякамъ.

Гетмана встрѣтили пышно, Воеводы Королевскіе и Сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и сво-

его Державнаго плѣнника, въ богатой одеждѣ ([644]). Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился Королю: *Царь Московскій*, отвѣтствовалъ Василій, *не кланяется Королямъ. Судьбами Всевышняго я плѣнникъ, но взятъ не вашими руками: выданъ вамъ моими подданными измѣнниками* ([645]). „Его твер„дость, величіе, разумъ заслужили удивленіе Ляховъ,“ говоритъ Лѣтописецъ: „и Василій, лишенный вѣнца, сдѣлался „честію Россіи“. Онъ еще имѣлъ нужду въ сей твердости, чтобы великодушно сносить неволю, и тѣмъ заплатить послѣдній долгъ отечеству, въ удостовѣреніе, что оно могло безъ стыда именовать его четыре года своимъ Вѣнценосцемъ!... Изъявивъ Гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое *взятіе* Москвы, Король не хотѣлъ однакожъ утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что воцареніемъ Королевича Московская и Польская Держава будутъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастію, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіяхъ войною. Считая Гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной славѣ, Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага Республики и для его Королевской чести; наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять Пословъ Московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Гетманъ долженъ былъ исполнить Королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости, и требовалъ отъ нихъ Смоленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. „Вы боялись“ — сказалъ онъ — „впустить насъ и въ Москву; а впустивъ, радовались! Не „упорствуйте, или договоръ, заключенный мною съ вами, столь „благонамѣренный, столь благословенный для обѣихъ Державъ, „уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять Смо„ленска есть для него безчестіе; возметъ силою, и только

„изъ уваженія къ моему ходатайству медлить: сѣкира лежитъ „у корня!“ Не хотѣли дать времени Посламъ описаться съ Москвою, говоря: „не Москва указываетъ Королю, а Король „Москвѣ“ (646); требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и Князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнѣніе и *Смоленскихъ* Дѣтей Боярскихъ, которые пріѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: „Не вводить въ Смоленскъ ни единаго Ляха. „Если Король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на немъ, „вѣроломномъ; имъ, не вами священной договоръ рушится.“ Дѣти Боярскіе примолвили: „Наши матери и жены въ Смо„ленскѣ: пусть тамъ гибнутъ; но города вѣрнаго не отдавайте „Ляхамъ. И знайте, что вы не можете отдать его: защитники „Смоленскіе не послушаются васъ, какъ измѣнниковъ“ (647). Съ твердостію отказавъ Панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще *слезно* заклинали ихъ не испровергать дѣла Гетманова и быть навѣки братьями Россіянъ; но тщетно! 21 Ноября Ляхи, новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны, съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости; приступали три раза и были славно отражены Шеннымъ, въ глазахъ Сигизмунда, Гетмана и нашихъ Пословъ!... Еще переговоры длились, хотя и безполезно. Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ, что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ Думы Боярской (648), слыша единственно отъ Пановъ, что Шведы воюютъ Россію, и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники; что Король Датскій готовится взять Архангельскъ; что всѣ возстаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ, и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Неудачные приступы къ Смоленску.

Россія дѣйствительно гибла, и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію! Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплеменниками, *казалась* нечувстви-

тельною къ своему уничиженію и стыду. Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы, но слушаясь Госѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоръ Гетмановъ, и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ Стрѣльцевъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ; велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ ([649]); запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ, и вездѣ усилилъ стражу ([650]). Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцевъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Нѣмцевъ и Ляховъ. Однакожь благоразумныя предписанія Гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ Ляхъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и перваго сожгли, а втораго высѣкли кнутомъ ([651]). Еще тишина царствовала, и Москвитяне пировали съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями *и нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ ([652]). Ляхи не вѣрили терпѣнію Россіянъ, а Россіяне доброму намѣренію Ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатнымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Бояръ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о приступѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава ([653])! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не придастъ Россіи въ жертву злодѣю

Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ ([654]): долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ—и тогда возвратится въ Литву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король *отъ собственнаго имени* давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ ([655]); жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права,—и Дума уважала его волю, какъ будто бы нераздѣльную съ волею Царя малолѣтняго ([656])! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ Королевскій, просить милостей, равно беззаконныхъ и срамныхъ ([657])!.... Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и Бояре опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Самовластіе Сигизмунда.

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душею Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ Ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гетманомъ и Госѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску ([658]). Вездѣ кричали: „Мы „присягали Владиславу, а не Гетману и не Госѣвскому!“ Жалобы еще удвоились отъ неистовства Ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, мучили, убивали Россіянъ ([659]). Гдѣ нѣтъ защиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новогородцы затворили ворота, и долго не хотѣли впустить Боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго друга Гетманова, присланнаго къ нимъ Ду-

Нетерпѣніе народа.

мою съ дружинами Стрѣльцевъ, чтобы выгнать Шведовъ изъ сѣверной Россіи: ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клушинской битвы отступая къ Финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непріятель; занялъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, и съ горстію воиновъ мыслилъ отнять Царство у Владислава, самъ собою, безъ вѣдома Карлова, торжественно предлагая одного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ Государи ([660]). Давъ клятву Новогородцамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха, Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ: вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смирить Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжедимитрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій ([661]), торгуя добычею разбоевъ и святотатства, пируя съ жителями какъ съ братьями и грабя ихъ какъ непріятель ([662]). Великія Луки, занятыя его сподвижникомъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Иваньгородъ, Копорье, Орѣшекъ также упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Знаменитая именемъ Царства, Казань, въ счастливѣйшіе дни Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ ([663]), вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи Гетмана въ Столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить Калужскому *Царику*, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію, слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани ([664]). Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а *будущему* Вѣнценосцу Московскому, безъ имени: стыдилъ, заклиналъ — и былъ жертвою яростной черни, подстрекаемой Дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльскаго схватили, кинули съ высокой башни и растерзали — того, кто служилъ шести Царямъ, не служа ни отечеству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ

Непріятельскія дѣйствія Делагарди.

Злодѣйства Лисовскаго.

Измѣна Казани.

страдалецъ за достоинство народа Россійскаго ([665])! Другой Воевода Казанскій, Бояринъ Морозовъ, и люди чиновные не дерзнули противиться ослѣпленнымъ гражданамъ, и вмѣстѣ съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ Россіянъ для возстановленія Государства и Церкви ([666]). Но Казанцы присягнули уже тѣни!

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячь пять Козаковъ, Татаръ и Россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разъѣздахъ ([667]), и говорилъ: „Христіане мнѣ „измѣнили: и такъ обращусь къ Магометанамъ; съ ними за„воюю Россію, или не оставлю въ ней камня на камнѣ: до„колѣ я живъ, ей не знать покоя“. Онъ думалъ, какъ пишутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать тамъ новую Державу и заключить братскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хваляся дружбою Магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась незапно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Магметъ, во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслитъ тайно уѣхать въ Москву,—и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ палачамъ своимъ, Михайлу Бутурлину и Михневу, умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета ([668]) и кинуть въ Оку; а Князя Ногайскаго, Петра Араслана Урусова, хотѣвшаго мстить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ уже пылалъ злобою непримиримою, и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: „я научу тебя топить „Хановъ и сажать Мурзъ въ темницу,“ отсѣкъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣй-

Смерть Самозванца.

скимъ истребленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости.

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Лжедимитріевъ, Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина отчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести ([669])—и къ утру не осталось ни единаго Татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Арасланововомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Лжедимитріевъ съ честію предали землѣ въ Соборной церкви ([670]), и Марина, въ отчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила... сына, торжественно крещеннаго и названнаго Царевичемъ Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но Россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клевретами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій ([671]), Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому; цѣловали крестъ Государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердится на Московскомъ престолѣ ([672]); дали знать о семъ Думѣ Боярской; овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу ([673]) Новый обманъ.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничиженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло.... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ Церкви и Государства — Патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремительный на пути закона и беззаконія—Ляпуновъ Рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель: второму примириться съ добродѣтелію. Ляпуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ не- Начальники возстанія народнаго.

счастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ— и не безмолвствовали, когда нарушая договоръ, Гетманъ овладѣлъ столицею. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ ([674]). Ляпуновъ зналъ все, что дѣлалось въ Королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человѣкъ дерзкій и лукавый—извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ Послами, винилъ ихъ въ упрямствѣ ([675]), но обманывалъ Ляховъ: наблюдалъ, выѣдывалъ, и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія ([676]). Такъ и нѣкоторые изъ Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемѣрно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ: Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій ([677]); но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Гетманово или Сигизмундово.—Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ Духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насилія иноплеменниковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало—и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедимитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога ([678]), вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться *душами и головами* для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ—уже знавъ, вѣроятно, о гибели Самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія—писалъ (отъ 13 Декабря) къ Боярамъ, что „Владиславъ скоро будетъ въ „Москву, а войско Королевское идетъ противъ Калужскаго „злодѣя“ ([679]): Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожъ скорости, и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ

терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы* ([680]); но Патріархъ, удостовѣренные въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской ([681]). Ермогенъ сказалъ: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигались, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за Вѣру и Государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ *Уѣздныхъ* Смолянъ, другая отъ Москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Смоляне писали: „Обольщенные Королемъ, мы ему не проти- „вились. Что же видимъ? гибель душевную и тѣлесную. „Святыя церкви разорены; ближніе наши въ могилѣ или въ „узахъ. Хотите ли такой же доли? Вы ждете Владислава, „и служите Ляхамъ, угождая извергамъ, Салтыкову и Ан- „дронову; но Польша и Литва не уступятъ своего будущаго „Вѣнценосца вамъ, ославленнымъ измѣнами ([682]). Нѣтъ, Ко- „роль и Сеймъ, долго думавъ, рѣшились взять Россію безъ „условій, вывести ея лучшихъ гражданъ и господствовать въ „ней надъ развалинами. Возстаньте, доколѣ вы еще вмѣстѣ „и не въ узахъ; поднимите и другія области, да спасутся „души и Царство! Знаете, что дѣлается въ Смоленскѣ: тамъ „горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ щитомъ Богоматери „и разитъ сонмы иноплеменниковъ!“ Москвитяне писали къ братьямъ во всѣ города ([683]): „Не слухомъ слышимъ, а гла- „зами видимъ бѣдствіе неизглаголанное. Заклинаемъ васъ име- „немъ Судіи живыхъ и мертвыхъ: возстаньте и къ намъ спѣ- „шите! Здѣсь корень Царства, здѣсь знамя отечества, здѣсь „Богоматерь изображенная Евангелистомъ Лукою; здѣсь свѣ- „тильники и хранители Церкви, Митрополиты Петръ, Алексій, „Іона! Извѣстны виновники ужаса, предатели студные: къ „счастію, ихъ мало; не многіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и

Грамоты Смолянъ и Москвитянъ.

„Андронову — а за насъ Богъ, и всѣ добрые съ нами, хотя „и не явно до времени: Святѣйшій Патріархъ Ермогенъ, „прямый учитель, прямый наставникъ, и всѣ Христіане „истинные! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ Латинство?“ — Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Романовъ, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно, для избавленія Москвы отъ Ляховъ, *по мысли Ляпунова и благословенію Ермогена* ([684]).

Слабость московской Думы.

Что же сдѣлало такъ называемое Правительство, Боярская Дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признакѣ души и жизни въ Государствѣ истерзанномъ?... Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, требуя казни его брата и единомышленника, Захаріи; велѣло Посламъ, Филарету и Голицыну, уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно Королю; велѣло Шеину впустить Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ ([685]). Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунову; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патріархомъ, и не хотѣли повиноваться ([686]); дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы,—и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: „исполните прежде договоръ Гетмановъ;“ длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина ([687]). Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклита богоотступниками, преданными *славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями Христіанскаго стада* ([688]). Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клевреты его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ

умѣніи избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничиженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гетману, вѣрили Сигизмунду—не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ермогеномъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ Бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ ([689]).

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, перемѣнились въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый ([690]), какъ было предъ гибелію Разстриги. Кричали на улицахъ: „мы по глупости выбрали Ляха въ „Цари, однакожь не съ тѣмъ, чтобы итти въ неволю къ „Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними“ ([691])! Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *Хохловъ*, а купцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начинались ссоры и драки. Ссоры съ Ляхами. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ и сѣделъ съ коней ([692]); ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе ([693]). Высылали конные дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Патріархъ есть Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами ([694]). Не взирая на то, Госѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Стрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ ([695]). Болѣе наглости оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ чтобы Ермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. „Не велю“—от-

вѣтствовалъ Патріархъ— „если увижу крещеннаго Владислава „въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ Россіи; велю, если „не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной Королевичу „присяги“ (696). Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: „Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да взыдетъ „вѣчная клятва на главу измѣнника“ (697)! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: „Твое начало: „ты долженъ первый умереть за Вѣру и Государство; а если „плѣнишься кознями Сатанинскими, то Богъ истребитъ корень „твой на землѣ живыхъ—и самъ умрешь какою смертію?“ *Предсказаніе исполнилось*, говоритъ Лѣтописецъ (698): ибо Мстиславскій никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія и писалъ отъ имени Синклита грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иваньгородъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области Низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь Сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую (699). Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого Короли съ войскомъ (700), отвѣтствуя ему за успѣхъ,, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Бояръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ (701), вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ итти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ—и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его однакожь не Царемъ, а просто Королевичемъ (702); увѣрялъ Бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастія, умиленный нашими бѣдствіями,

и будучи ревностнымъ заступникомъ Греческаго Православія; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода ([703]); что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василія Голицына, не хотящихъ ни Владислава, ни тишины; что до усмиренія Смоленска не льзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россіею, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ: производилъ Дворянъ въ Стольники и Бояре, раздовалъ имѣнія, вершилъ дѣла старыя, преднисывалъ казнѣ платить долги купцамъ иноземнымъ ([704]) еще за Іоанна, въ то время, когда указы ея были уже ничтожны для Россіи; когда города одинъ за другимъ возставали на Ляховъ; когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли ихъ въ разъѣздахъ, тревожа нападеніями и въ станѣ, откуда многіе Россіяне, дотолѣ служивъ Королю, уходили служить отечеству: такъ Иванъ Никитичь Салтыковъ, пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Ляпунову ([705]). Напрасно Госѣвскій ждалъ вспоможенія отъ Короля: видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника, Исая Сунбулова, воевать мѣста Рязанскія. Ляпуновъ, имѣя еще мало рати, выгналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семъ городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство, и скоро разбивъ наголову у Зарайска, доблій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душею приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украйну, предвидя невзгоду злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ худою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей и ножами Москвитянъ. Но Госѣвскій хвалился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣялся упра-

виться съ боязливою Москвою, вопреки наблагоразумію Короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для Республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Составъ ополченія за Россію.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была дѣйствительно странною смѣсію людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена купила Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ Атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ Пскова, кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ ([706]), вдругъ явился въ Суздалѣ какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячь шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ Воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли Князя Дмитрія Трубецкаго, Атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую ([707]): ибо сіи, долго упорные мятежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ Московскихъ Бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ Владиславу, и выгнали изъ Калуги Посла ихъ Князя Никиту Трубецкаго ([708]). Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю ([709]), писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служить не Королю, не Королевичу, а вольности, — не слушаетъ Бояръ, убѣждающихъ его итти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи ([710]). Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое ([711]), кинувъ домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ Мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дмитрій

Трубецкій изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, Князь Литвиновъ—Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, Князь Ѳедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, Князь Козловскій изъ Романова, съ Дворянами, Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и Козаками (712); были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо—и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Госѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты можешь и смирить ихъ*. „Все смирится“— отвѣтствовалъ Патріархъ— „когда ты, измѣнникъ, съ своею „Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше „злое господство, въ святыхъ храмахъ Кремлевскихъ огла„шаясь Латинскимъ пѣніемъ,“ (ибо Ляхи въ домѣ Годунова „устроили себѣ божницу) „благословляю достойныхъ Вождей „Христіанскихъ утолить печаль отечества и Церкви“. Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному Іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа (713). Въ Недѣлю Ваій велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго (714). Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ (715), за коимъ шло

нѣсколько Бояръ и сановниковъ. унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ незапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго ([716]). День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Госѣвскій имѣя только 7000 воиновъ ([717]) противъ двухъ или трехъ сотъ тысячь жителей, не хотѣлъ кровопролитія ([718]): ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ итти къ нимъ на встрѣчу и разбить ихъ отдѣльно ([719]); а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей ([720]). Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Госѣвскому выступить изъ Москвы, ни Воеводамъ Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно ([721]); но вѣроятнѣе, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-острижными ножами и войскомъ городовъ союзныхъ ([722]),—наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и совершилось ея бѣдствіе ужасное:

Кровопролитіе въ столицѣ.

19 Марта, во Вторникъ Страстной недѣли, въ часъ Обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Госѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцевъ и грабили лавки ([723]); вломились въ домъ къ Боярину вѣрному, Князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ; но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны Стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву: Князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ, устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ, и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій

за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ ([724]). Госѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами ([725]); преграждали улицы столами, лавками, дровами: стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капитанъ Маржеретъ ([726]), вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнію, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожь преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: „огня! огня!“ и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина ([727]): гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый-городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; Пожаръ Москвы.
жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и

разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правительство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные Вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ ([728]) и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Госѣвскій принялъ совѣтъ — и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города, отъ Ляпунова Воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска Королевскій Полковникъ Струсъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ — и Вождь первыхъ, кликнувъ: „за мною, храбрые!“ сквозь пылъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе ([729]), не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячь людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго холоднаго вѣтра ([730]); смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо

Прибытіе Струса.

въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю (731). Вѣрные ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ *объ-ящало* имъ *безопасность*, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая мѣсть Россіянъ! Подвиги Пожарскаго.

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утихло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ, что Ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ— но ликовали: грабили казну Царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску (732); сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцевъ и людей знатныхъ (733); сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга (734)!... А Россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паствы: Неистовства Поляковъ въ Москвѣ.

Заключеніе Ермогена.

Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Инокомъ, и снова назвали Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ ([735]). Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

ГЛАВА V.

Междоцарствіе.

Г. 1611—1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состоянія Россіи . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Г. 1611. Слѣдствія сожженія Москвы.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала новую силу народному движенію. Ревностные Иноки Лавры, едва услышавъ, что дѣлается въ столицѣ ([736]), послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умилительныя грамоты къ областнымъ Воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровію измѣнниковъ и Ляховъ ([737]). Воеводы уже не медлили и шли впередъ, на каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ Москвитянъ, которые, съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали—и возвратились, хвалясь побѣдою ([738]). Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ

пепелищу Московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячь (739), но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячь храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, Князь Дмитрій Трубецкій съ Атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ святою водою отъ Лавры, оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ (740). Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла водрузивъ знамена, войны и Воеводы съ торжественными обрядами дали клятву не чтить ни Владислава Царемъ, ни Бояръ Московскихъ Правителями, служить Церкви и Государству до избранія Государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно (741).

Поляки осаждены.

Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіямъ ихъ Вождей (742)—то есть, Ляпунова, который въ битвѣ 6 Апрѣля стяжалъ имя *львообразнаго* Стратига (743): его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ, и втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россіяне надѣялись на время: Ляхи страшились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскій желалъ прекратить безполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни (744); сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ Короля о сож-

женіи Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пепелищу, онъ требовалъ скораго вспоможенія, ободрялъ товарищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: „пусть удалятся Ляхи!“ Грозили ему злою смертію: старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: „боюся Единаго, тамъ живущаго“ ([745])! Невидимый для добрыхъ Россіянъ, великій Іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ! Твердость Ермогена.

Къ несчастію, между сими подвижниками господствовало несогласіе! Воеводы не слушались другъ друга, и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха ([746]). Рѣшились торжественно избрать Начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрные Ляпунова, чиновные мятежники Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго, грабители-Козаки Атамана Заруцкаго, чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ Россіянъ добрыхъ съ измѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войскѣ. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ по крайней мѣрѣ умъ Стратига ([747]) и нѣкоторыя, еще благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана: Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ Боярство въ Тушинѣ ([748]), имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные Тріумвиры сдѣлались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, *многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ* ([749]), а въ своихъ донесеніяхъ *били челомъ Синклиту Великаго Россійскаго Государства*, и давали, что могли. Казань, Избраніе главныхъ Военачальниковъ.

стыдясь своего заблужденія ([750]), снова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ быть *въ любви, въ единодушіи со всею землею* и выслала дружины къ Москвѣ: области Низовыя и Поморскія также ([751]). Пришли и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и Дѣти Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда ([752]). Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертвили, какъ измѣнниковъ: остальные тѣмъ ревностнѣе желали участвовать въ народномъ подвигѣ Россіянъ ([753]). Пришелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ Поклонную гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули ([754]). Атаманъ разбойниковъ, осыпанный пепломъ нашихъ городовъ, утученный нашею кровію, хотѣлъ, какъ пишутъ, вѣнца Мономахова: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ милліоновъ, предлагая свои услуги. Не обольстивъ Россіянъ, Сапѣга ударилъ на часть ихъ стана противъ Лужниковъ; отбитый, напалъ съ другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ: не могъ одолѣть многолюдства, и, по совѣту Госѣвскаго, взявъ отъ него 1500 Ляховъ въ сподвижники и Князя Григорія Ромодановскаго въ путеводители, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри Россіи и тревожить осаждающихъ. Въ слѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской слободѣ, осадилъ, Переславль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ—и Россіяне Московскаго стана, видя за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ услышали, въ Китаѣ и Кремлѣ, необыкновенный шумъ, громкія восклицанія, звонъ колоколовъ, стрѣльбу изъ пушекъ и ружей ([755]): ждали вылазки, но узнали, что Ляхи только веселились и праздновали счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ Гетмана съ сильнымъ войскомъ—вѣсть еще несправедливую, которая однакожь рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣта (22 Маія) приступивъ къ Китаю-городу ([756]), взяли одну башню, гдѣ находилось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Россіяне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госѣвская избралъ смѣлыхъ, и велѣлъ имъ, чего бы то ни стоило, вы-

Дѣйствія Сапѣги.

Приступъ къ Китаю-городу.

рвать сію башню изъ рукъ непріятеля: съ обнаженными саблями, подъ картечею, Ляхи шли къ ней узкою стѣною, человѣкъ за человѣкомъ; кинулись на пушки, рубили, выгнали Россіянъ, и мужественно отбили всѣ ихъ новые приступы (757). Въ другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очистили весь Бѣлый-городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія (758), вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Чрезъ пять дней сдался имъ и Дѣвичій монастырь съ двумя ротами Ляховъ и пятью стами Нѣмцевъ (759). Въ то же время Россіяне сдѣлали укрѣпленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ нихъ въ Кремль и препятствовали сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряемый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

Но Король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Донесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго Россійскаго войска, полученное Сигизмундомъ (760) вмѣстѣ съ трофеями (или съ частію разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не перемѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіи *ея мятежнаго духа* (761), спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ *изгладить зло*. Съ слезами отвѣтствовалъ Митрополитъ: „Уже не знаемъ! Вы легко могли предупредить сіе зло; „исправить едва ли можете“. Послы соглашались однакожь писать къ Ермогену, Боярамъ и войску объ унятіи кровопролитія, *если* Сигизмундъ обяжется немедленно выступить изъ Россіи; чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно требуя Смоленска (762), и въ гнѣвѣ велѣлъ имъ наконецъ готовиться къ ссылкѣ въ Литву. „Ни ссылки, ни Литвы не боимся,“ сказалъ умный Дьякъ Луговскій: „но дѣлами насилія достигнете „ли желаемаго?“ Угроза совершилась: вопреки всему священному для Государей и народовъ, взяли Пословъ... еще мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбойниковъ; отдали воинамъ, повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; Послы Московскіе отправлены въ Литву

безчестили, срамили мужей винимыхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій (763)!... Одинъ изъ Ляховъ еще стыдился за Короля, Республику и самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. „Поздно!“ отвѣтствовалъ Гетманъ, и съ негодованіемъ удалился въ свои маетности (764), мимо коихъ везли Филарета и Голицына: онъ прислалъ къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьѣ. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: „Вспомни крестное цѣлованіе; вспомни душу! „Въ чемъ клялся ты Московскому Государству? и что дѣ„лается? Есть Богъ и вѣчное правосудіе“ (765)!

Не страшась сего правосудія, Король въ письмахъ къ Боярамъ Московскимъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе къ бунту Ермогена и Ляпунова (766), обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей, а Госѣвскому скорое избавленіе, дозволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царскія (767), но и все имѣніе богатыхъ Москвитянъ—и возобновилъ приступы къ Смоленску (768), снова неудачные. Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную, нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣшительность терпѣть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кромѣ велик[illegible]ушія; все сносили, безмолвно, не жалуясь, въ тишинѣ и въ повиновеніи, львы для враговъ, агницы для начальниковъ. Осталась едва пятая доля защитниковъ, не столько отъ ядеръ, пуль и сабель непріятельскихъ, сколько отъ трудовъ и болѣзней; смертоносная цынга, произведенная недостатковъ въ соли и въ уксусѣ (769), довершила бѣдствіе—но еще сражались! Еще Ляхи имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ, чтобы овладѣть городомъ: бѣглецъ Смоленскій, Андрей Дедишинъ (770), указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости; новую стѣну, дѣланную въ осень на-скоро и не прочно. Сію стѣну безпрестанною пальбою обрушили—и въ полночь (3 Іюня) Ляхи вломились

Взятіе Смоленска.

въ крѣпость, тутъ и въ другихъ мѣстахъ, оставленныхъ малочисленными Россіянами для защиты пролома. Бились долго въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и старцы молились. Ляхи, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлися многіе изъ гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами, богатствомъ и пороховою казною. Уже не было спасенія: Россіяне зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ, съ дѣтьми, имѣніемъ — и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, чтобы оставить непріятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ ([771]), и не Польша, но Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ ([772]).

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и противился Ляхамъ: доблій Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтный ([773]): тронутый ихъ слезами, Шеинъ объявилъ что сдается Вождю Ляховъ — и сдался Потоцкому. Вѣрить ли Лѣтописцу, что сего Героя оковали цѣпями въ станѣ Королевскомъ и пытали, довѣдываясь о казнѣ Смоленской, будто бы имъ сокрытой ([774])? Король взялъ къ себѣ его сына; жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ; самаго Шеина послалъ въ Литву узникомъ.—Плѣнниками были еще Архіепископъ Сергій, Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 Дѣтей Боярскихъ ([775]). Во время осады изгибло въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячь людей; она дорого стоило и Ляхамъ: едва тротья доля Королевской рати осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ, такъ, что слушая торжественное благодареніе Сигизмундово, за ея великое дѣло, и новые щедрые обѣты его, воины смѣялись, столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые. Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ ([776]); далъ Потоцкому грамоту на Староство

Каменецкое, три дни угощалъ сподвижниковъ, велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска, и съ гордостію извѣстилъ о томъ Бояръ Московскихъ, которые отвѣтствовали что сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога (777)!... Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда, но уже не въ Россіи.

Историки Польскіе, строго осуждая его неблагоразуміе въ семъ случаѣ, пишутъ, что если бы онъ, взявъ Смоленскъ, немедленно устремился къ Москвѣ, то войско осаждающихъ, видя съ одной стороны наступленіе Короля, съ другой смѣлаго витязя Сапѣгу, а предъ собою неодолимаго Госѣвскаго, разсѣялось бы въ ужасѣ какъ стадо овецъ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву, съ Думою Боярскою умирилъ бы Государство или давъ ему Владислава, или присоединивъ оное къ Республикѣ, и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска, но цѣлой Державы Россійской (778). Заключеніе едва ли справедливое: ибо тысячь пять усталыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и ненавидимымъ Россіянами, не сдѣлали бы, вѣроятно, болѣе того, что сдѣлалъ послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи!

Сей Военачальникъ, Гетманъ Литовскій, Ходкѣвичь, знаменитый опытностію и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы итти съ войскомъ къ Москвѣ, вмѣсто Сигизмунда, который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ столицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣлище, данное тщеславіемъ тщеславію, надмевало Ляховъ отъ Монарха до послѣдняго шляхтича, и было. какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ ними, концемъ долговременнаго боренія между двумя великими народами Сла-

Шуйскій въ Варшавѣ.

вянскими. Утромъ (19 Октября), при несмѣтномъ стеченіи любопытныхъ, Гетманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Литовскими, въ шестидесяти каретахъ ([779]); за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ двумя братьями, Князьями Шуйскими, и съ Капитаномъ Гвардіи; далѣе Шеинъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ ([780]). Король ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тронѣ, окруженный Сенаторами и чиновниками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шапку въ рукѣ, и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на свергненнаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу Ляховъ. Продолжалось молчаніе: Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти, и въ сію минуту счастливаго его бѣдствіемъ ([781])!... Наконецъ Гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: „дивился въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ судьбѣ Государствъ „и счастію Сигизмунда; хвалилъ его мужество и твердость въ обстоятельствахъ трудныхъ; славилъ завоеваніе Смоленска „и Москвы; указывалъ на Царя, преемника великихъ Самодержцевъ, еще недавно ужасныхъ для Республики и всѣхъ „Государей сосѣдственныхъ, *даже* Султана и *почти* цѣлаго „міра; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, Предводителя *ста„осьмидесяти тысячь* воиновъ *храбрыхъ;* исчислялъ *Царства,* Княженія, области, народы и богатство, коими владѣли сіи плѣнники, всего лишенные умомъ Сигизмундовымъ, „взятые, повергаемые къ ногамъ Королевскимъ... Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій, кланяясь Сигизмунду, опустилъ пра„вую руку до земли и приложилъ себѣ къ устамъ: Дмитрій

„Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а Князь Иванъ три „раза, и заливаясь слезами. Гетманъ поручилъ ихъ Сигизмун„дову великодушію; доказывалъ Исторіею, что и самые зна„менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ назваться счастливыми „до конца своей жизни, и ходатайствовалъ за несчастныхъ“.

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузданіи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомирскаго, которые пылали нетерпѣніемъ сказать торжественно Василію, что „онъ не Царь; „а злодѣй, и недостоинъ милосердія, измѣнивъ Димитрію, „упоивъ стогны Московскія кровію благородныхъ Ляховъ, обез„честивъ Пословъ Королевскихъ, вѣнчанную Марину, ея Вель„можнаго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая быть *гор„дымъ*, *упрямымъ* ([782]), какъ бы въ посмѣяніе надъ судьбою:“ упрекъ достохвальный для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о мнимомъ уничиженіи его предъ Королемъ ([783])!— Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василія въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ ([784]) Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: „Во славу Царя Царей, „одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, возвративъ „Смоленскъ Республикѣ, плѣнивъ Великаго Князя Московскаго, „Василія, съ братомъ его, Княземъ Дмитріемъ, Главнымъ „Воеводою Россійскимъ, Король Сигизмундъ, по ихъ смерти, „велѣлъ здѣсь честно схоронить тѣла ихъ, не забывая общей „судьбы человѣческой, и въ доказательство, что во дни его „царствованія не лишались погребенія и враги, Вѣнценосцы „беззаконные“ ([785])!—Во времена лучшія для Россіи, въ государствованіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государствованіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей невзгоды: картину

взятія Смоленска и Василіева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ художникомъ Долабеллою ([786]). Рукою могущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, Король не явилъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шеинымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастію, до свободы, дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи ([787])!...

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую... злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжаніи, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу ([788])—не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе воины едва не умирали съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его, тщетно писавъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ ([787]), чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ, чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Лжедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя, властвовалъ съ *нею!* Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россіи? Лицемѣрно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову—взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну—имѣя дружелюб-

Умыселъ Заруцкаго и Марины.

ныя сношенія и съ Госѣвскимъ ([790]), обманывая Россіянъ и Ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу Лжецаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ ([791]), но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріялъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, если не вдругъ обличить злодѣя въ Атаманѣ многолюдныхъ шаекъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди служивые написали челобитную къ Тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ ([792]). Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкаго, сія Дума составилась изъ Выборныхъ войска, чтобы дѣйствовать именемъ отечества и Чиновъ Государственныхъ, хотя и безъ знатнаго Духовенства, безъ мужей Синклита. Она утвердила власть Тріумвировъ ([793]), но предписала имъ правила; уставила: „1) Взять помѣстья у людей „сильныхъ, которые завладѣли ими въ мятежныя времена безъ „земскаго приговора, раздать скуднымъ Дѣтямъ Боярскимъ „или употребить доходы оныхъ на содержаніе войска; взять „также все данное именемъ Владислава или Сигизмунда, „*сверхъ старыхъ окладовъ*, Боярамъ и Дворянамъ, остав„шимся въ Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у всѣхъ ху„дыхъ Россіянъ, нехотящихъ въ годину чрезвычайныхъ опас„ностей ѣхать на службу отечества или самовольно уѣзжаю„щихъ изъ Московскаго стана; взять въ казну всѣ доходы „питейные и таможенные, беззаконно присвоенные себѣ нѣко„торыми *Воеводами*“ (вѣроятно Заруцкимъ). „2) Снова „учредить Вѣдомство Помѣстное, Казенное и Дворцовое для „сборовъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Уравнять, землями и „жалованьемъ, всѣхъ сановниковъ *безъ разбора, кто гдѣ „служилъ:* въ Москвѣ ли, *въ Тушинѣ* или *въ Калугѣ*, „смотря по ихъ достоинству и чину. 4) Не касаться имѣнія „добрыхъ Россіянъ, убитыхъ или плѣненныхъ Литвою, но „отдать его ихъ семействамъ или соблюсти до возвращенія „плѣнниковъ; не касаться также имѣнія церквей, монастырей

Уставная грамота.

„и Патріаршаго; не касаться ничего, даннаго Царемъ Васи-„ліемъ въ награду *сподвижникамъ Князя Михаила Ско-„пина-Шуйскаго* и другимъ воинамъ за вѣрную службу. „5) Назначить жалованье и доходы сановникамъ и Дѣтямъ „Боярскимъ, коихъ помѣстья заняты или опустошены Литвою, „и которые стоятъ нынѣ *со всею землею* противъ измѣнни-„ковъ и враговъ. 6) Для посылокъ въ города употреблять „единственно Дворянъ раненныхъ и неспособныхъ къ бою, а „всѣмъ здоровымъ возвратиться къ знаменамъ. 7) Кто нынѣ „умретъ за отечество, или будетъ изувѣченъ въ битвахъ, тѣхъ „имена да внесутся въ Розрядныя Книги, вмѣстѣ съ нелож-„нымъ описаніемъ всѣхъ дѣлъ знаменитыхъ, на память вѣ-„камъ. 8) Атаманамъ и Козакамъ строго запретить всякіе „разъѣзды и насилія; а *для кормовъ* посылать только *Дво-„рянъ добрыхъ* съ Дѣтьми Боярскими. Кто же изъ людей „воинскихъ дерзнетъ грабить въ селеніяхъ и на дорогахъ, „тѣхъ казнить безъ милосердія: для чего возстановится старый „Московскій *Приказъ Разбойный* или Земскій. 9) Управлять „войскомъ и землею тремъ избраннымъ Властителямъ, но *не „казнить никого смертію и не ссылать безъ торже-„ственнаго земскаго приговора*, безъ суда и вины закон-„ной; кто же убьетъ человѣка самовольно, того лишить жизни, „какъ злодѣя. 10) А если избранные Властители не будутъ „радѣть вседушно о благѣ земли и слѣдовать уставленнымъ „здѣсь правиламъ, или Воеводы не будутъ слушаться ихъ „безпрекословно: то мы вольны *всею землею* перемѣнить Вла-„стителей и Воеводъ, и выбрать иныхъ, способныхъ къ бою „и дѣлу земскому“.

Сію важную, уставную грамоту, ознаменованную духомъ умѣренности, любви къ общему государственному благу и снис-хожденія къ несчастнымъ обстоятельствамъ времени, подписали Трімвиры (Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣроятно безграмот-наго), три Дьяка, Окольничій Артемій Измайловъ, Князь Иванъ Голицынъ, Вельяминовъ, Иванъ Шереметевъ и мно-жество людей безчиновныхъ отъ имени *двадцати-пяти* го-родовъ и войска ([794]). Дали и старались исполнить законъ;

возстановили хотя тѣнь Правительства, бездушнаго въ Самодержавіи безъ Самодержца. Но Ляпуновъ уже занимался и главнымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать *лучшаго* Царя для одушевленія Россіи? Уже, перемѣнивъ мысли ([795]), онъ думалъ, подобно Мстиславскому и другимъ, что сей *лучшій* Царь долженъ быть иноземецъ Державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть всѣ Державы Христіанскія, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, обѣщая намъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи насъ обманули: мы еще могли испытать Шведовъ, менѣе противныхъ Россійскому народу. Ненависть къ Ляхамъ кипѣла во всѣхъ сердцахъ: ненависть къ Шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ Новогородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ въ случаѣ крайности поддаться скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду ([796]). Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX: дать намъ сына въ Цари; уполномочилъ Вождя своего для всѣхъ важныхъ договоровъ съ Россіею, и писалъ къ ея Чинамъ Государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудіемъ Іезуитовъ или Папы, желаетъ властвовать надъ нею единственно для искорененія Греческой Вѣры; что Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань Св. Николая; но что Россія въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціею можетъ презирать и Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго ([797]). Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Могла однакожь извинять ихъ невѣрность невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ Княземъ Михаиломъ освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ Генераломъ Делагарди.

Виды Ляпунова.

Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, Шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новогородскихъ, и тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ ([798]), взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячь Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто че-

Дѣла съ Шведами.

ловѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и влетѣть съ нею на воздухъ! Дикія скалы Корельскія прославились великодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ Героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новогородцы не имѣли такого духа, и хваляся ненавистію къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ бы безпечно видѣли завоеванія другаго: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Боярин Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новѣгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду ([799]): по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ въ Москвѣ, Новогородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителю Владиславова царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ обѣтомъ въ личной безопасности — и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу столь гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ ([800])! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: „не знаю отца, знаю только „отечество, и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами“... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Боярин въ день Клушинской битвы усерднѣе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству Ляховъ и сраму Россіянъ ([810])!... На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бутурлина, а въ слѣдъ за нимъ и Князя Троекурова, Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской Обителя ([802]). Переговоры начались въ его станѣ. „Судьба Россіи“ — сказалъ ему Бутурлинъ — „не терпитъ Вѣнценосца „отечественнаго: два бѣдственныя избранія доказали, что под„данному нельзя быть у насъ Царемъ благословеннымъ“ ([803]). Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: тре-

бовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иваня-города, Гдова ([804]). „Лучше умереть на своей землѣ, нежели искать спа„сенія такими уступками“, отвѣтствовали Россійскіе Сановники, и заключили только перемиріе, чтобы списаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами; соглашался однакожь впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячь рублей изъ казны Новогородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой — для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлалъ тоже, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ Державѣ!... Если бы онъ неукоснительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Сапѣгу, отразить Хоткѣвича, возстановить Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, исторгнутый изъ рукъ Литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству Варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ, законно избранный, законно утвержденный на престолѣ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго Гетманова плѣнника и ревностнаго ненавистника Ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ ([805]) — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу, или удержать какъ важное пріобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что Новогородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ ([806]), приближился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе Воеводы также

безпечно пили въ Новѣгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жители ссорились съ людьми ратными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16 Іюля ([807]) Делагарди, объявивъ своимъ чиновникамъ, что *враждебный* Новгородъ, *великій* именемъ, славный богатствомъ, не страшный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали: обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса ([808]); а Бутурлинъ Московскою дорогою съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами, имѣвъ однакожь время выграбить лавки и домы знатнѣйшихъ купцевъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ Головы Стрѣлецкаго, Василія Гаютина, Атамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и Орлова; не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Софійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ Митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны, и видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новогородца въ Исторіи ([809])! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и Воевода Боярин Князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣпости съ Митрополитомъ, немногими Дѣтьми Боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ Генералу Делагарди мирныя условія. Заключили, 17 Іюля ([810]), слѣдующій договоръ, отъ имени Карла IX и Новагорода, *съ вѣдома Бояръ и народа Московскаго*, утверждая всякую статью крестнымъ цѣлованіемъ за себя и *потомство*:

Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди.

Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ.

1) Быть вѣчному миру между обѣими Державами, на основаніи *Теузинскаго* ([811]) договора. Мы, Новогородцы, отвер-

гнувъ Короля Сигизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ Короля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеціи вмѣстѣ противиться сему врагу общему, и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ сынъ Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуетъ ему крестъ въ вѣрности, и до его прибытія обязывается слушать военачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына Королевскаго и до государственнаго, общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ Королевичу всѣ города своего Княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ Митрополитъ, Воевода Князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣ и ревностными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять ничего важнаго, особенно вреднаго для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовольствовать войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и великому Новугороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что *если* Княжество Новогородское и Государство Московское признаютъ Короля Шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, противъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъявятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обѣщаю Новугороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣніе Святительское и Церковное неприкосновенно.

4) Области Новогородскаго Княжества и другія, которыя захотятъ также имѣть Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Уѣздомъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, давъ ей сына въ Цари и смиривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаетъ расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ Вѣдома и согласія Россійскаго Правительства не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрикова до Ѳеодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками должно засѣдать такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Теузинскаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россіи, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельможъ Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерптскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открытъ путь въ Россію и назадъ ([812]), какъ было уставлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопи, какъ издревле ведется, принадлежатъ Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Плѣнники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и ненарушимы какъ для Новагорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что бу-

детъ нужно, Король условится съ Россіею по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ повелѣній отъ Государя моего, я, Делагарди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новогородскимъ, съ помощію Божіею, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насилія.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется, безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города ([813]).

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новагорода, и въ такомъ случаѣ, если бы, сверхъ чаянія, Государство Московское не приняло оныхъ: въ удостовѣреніе чего мы. Воевода Іаковъ Делагарди, Полковники и Сотники Шведской рати, даемъ клятву, утвержденную нашими печатями и рукоприкладствомъ.

18) И мы, Исидоръ Митрополитъ съ Духовенствомъ, Бояре, Чиновники, купцы и всякаго званія люди Новогородскіе, также клянемся, въ вѣрномъ исполненіи договора, нашему покровителю, Его Величеству Карлу IX и сыну его, будущему Государю нашему, хотя бы, сверхъ чаянія, Московское Царство и не приняло сего договора.

О Вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова: Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ Новогородцевъ, какъ Жолкѣвскій Москвитянъ, единственно надеждою, что Королевичъ исполнитъ ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей Церкви. Въ крайность обстоятельствъ молчала и ревность къ Православію. Думали только спастися отъ государственной гибели, хотя и съ соблазномъ, хотя и съ опасностію для Вѣры.

Шведы, вступивъ въ крѣпость, нашли въ ней множество пушекъ ([814]), но мало воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ, такъ, что Делагарди, мысливъ обогатиться несмѣтными богатствами Новогородскими, долженъ былъ требовать денегъ отъ Короля: ибо войско его нетерпѣливо хотѣло жалованья, волновалось, бунтовало, и цѣлыя дружины съ распущенными знаменами бѣжали въ Финляндію ([815]).

Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди.

Къ счастію Шведовъ, Новогородцы оставались зрителями ихъ мятежа, и дали Генералу Делагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, но возвратились изъ Бронницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новагорода, имъ злодѣйски ограбленнаго, спѣшилъ въ станъ Московскій, вмѣстѣ съ Делагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Новгородъ какъ непріятели, готовы какъ друзья стоять за Россію противъ Ляховъ.

Но станъ Московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались!—Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого Атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго Властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами—Ляпуновъ, дѣйствовалъ подъ ножами ([816]). Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго ([817]). Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ

Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія.

славу ([818]); 20 Козаковъ. кинутыхъ Воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрѣшской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ Атаманомъ-Тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ ([819]). Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ Атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ срамоту и печать; сказалъ: „писано не мною, а врагами Россіи;“ свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріялъ смерть отъ изверговъ ([820]): жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь Герою своего времени — Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже прими-

ренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго Стратига и Властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали ([821]); грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами ([822])... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій ([823]) Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на теплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

Состояніе Россіи.

И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, раззорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе ([824]); Астрахань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ ([825]), какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго Царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана; Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и силою присвоили

себѣ наши сѣверо-западныя владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе,—гдѣ явился еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій ([826]), достойный предшественниковъ, чтобы прибавить новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ и новыми гнусностями обременить Исторію,—и гдѣ еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шайками. Высланный наконецъ жителями изо Пскова и не впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ взялъ Вороночь, Красный, Заволочье; нападалъ на малочисленные отряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и кого могъ ([827]). Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагарди на условіяхъ Новогородскихъ ([828]); Орѣшекъ не сдавался.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ПРИМѢЧАНІЯ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

(1) Димитрій Константиновичь Суздальскій былъ Великимъ Княземъ съ 1359 по 1362 годъ: см. Т. IV, гл. XII, и Т. V, стр. 9. — Отъ него произошли по прямой линіи: 1. Василій Дим. Кирдяпа; 2. Юрій Вас.; 3. Василій Юр.; 4. Михайло Вас.; 5. Андрей Мих., 6. Иванъ Андр.; 7. Василій Іоанновичь. См. *Ядро Рос. Ист.* Хилкова, стр. 314 — О казни Андрея Шуйскаго Т. VIII, гл. I.—Кн. Иванъ Андреев. Шуйскій убитъ при Лоде. См. Т. IX, прим. 415.

(2) *Русск. Достоп.* изд. Общ. Ист. и Древн. (I, 175), въ выпискѣ изъ Хронографа Кубасова: «Царь же Василей возрастомъ малъ бѣ: обра-«зомъ же нелѣпымъ очи подслѣпы имѣ, книжному почитанію доволенъ «и въ разсужденіи ума зѣло смысленъ, но зѣло скупъ и вельми непо-«датливъ; къ единымъ же тѣмъ тщаніе имѣя, которые во уши его ложное на люди шептаху, онъ же веселымъ лицемъ сихъ воспріимая, и «въ сладость ихъ послушаше, и къ волхованію прилѣжаше».

(3) См. Т. XI, гл. IV.

(4) См. *Собран. Госуд. Грамотъ,* Т. II, стр. 299. — Точныя слова Василіевой Грамоты: «Мнѣ Великому Государю всякаго человѣка, не «осудя истиннымъ судомъ съ Бояры своими, смерти не предати, и вот-«чинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъ-«имати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и «у торговыхъ людей (въ древнемъ спискѣ, принадлежавшемъ покойному «А. И. Ермолаеву, прибавлено: *и у черныхъ людей*), хотя которой по «суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и «у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати. будетъ съ ними «они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Го-«сударю не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити «со очей на очи, чтобъ въ томъ православное Христіанство безвинно «не гибли; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по «винѣ его, что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ самъ осудится» и проч.— Въ началѣ сей Грамоты сказано: «Хотимъ того, чтобъ православное «Христіанство было нашимъ Царскимъ *добропасным*ъ правительствомъ «въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ».

Никон. Лѣтоп. 76: «Онъ же нача говорити въ Соборной церкви «чего искони вѣкъ въ Московскомъ Государствѣ не повелось, что цѣлую «де всей землѣ крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничево не сдѣ-«лати безъ собору», и пр.

(5) См. покореніе Новагорода Іоанномъ III, въ Т. VI, гл. III. *Ник. Лѣт.* 76: «Бояре же и всякіе люди ему говоряли, чтобъ онъ «въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ Государствѣ «тово не повелося; онъ же никоко не послуша».

(6) *Лѣтопись о мятежахъ* и сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* говорятъ просто, что Василій далъ присягу, вопреки представленіямъ Бояръ и народа. Татищевъ утверждаетъ, что сія присяга была предложена нѣкоторыми Вельможами, склонными къ Аристократіи. См. *Дополн. къ дѣян. Петра Великаго*, Т. I, стр. 300. Далѣе на стр. 318, ссылка на Лѣтопись, изъ коей видно, что Князь В. В. Голицынъ и Ив. Сем. Куракинъ были первыми изъ желавшихъ ограничить власть Царскую.

(7) *Ник. Лѣт.* 76: «А которая де была грубость при Царѣ Борисѣ, «никакъ никому не мститель».

(8) *Ник. Лѣт.* 76: «Царь же Василей посла по всѣмъ городомъ «Бояръ и Окольничихъ и Стольниковъ, приводити къ крестному цѣло- «ванію».

См. *Собр. Госуд. Грам.* II, 300–308. Тамъ помѣщены: 1. Отрывокъ окружной Грамоты отъ Бояръ во всѣ Россійскіе города, о убіеніи Самозванца и о присягѣ новоизбранному Царю; 2. Образецъ присяги, разосланный Боярами; 3. Окружная Грамота Царя Василія Іоанновича ко всѣмъ Воеводамъ Россійскихъ городовъ о вступленіи его на престолъ; 4. Образцовая запись, разосланная Царемъ Василіемъ во всѣ города, для приведенія по оной къ присягѣ всякаго званія людей; 5. Окружная Грамота отъ Царицы-Инокини Маѳы Ѳеодоровны къ Воеводамъ Сибирскихъ городовъ. Всѣ писаны въ Маѣ, 1606.

(9) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 296: «Показаніе бывшихъ въ при- «ближеніи у Гришки Отрепьева, Станислава и Яна Бучинскихъ, по «допросу имъ отъ Бояръ, о всѣхъ извѣстныхъ имъ злодѣйскихъ умыс- «лахъ Самозванца противъ Россіи, 1606, въ Маѣ». Они говорили, что Лжедимитрій на канунѣ дня своей смерти сообщалъ Князю К. Вишневецкому свое намѣреніе распространить въ Россіи Римско-Католическую вѣру, истребивъ сначала Бояръ; для чего и сдѣлано имъ было распоряженіе поставить пушки за городомъ, будто для потѣхи, и 18 Мая, когда тамъ соберутся всѣ Бояре, обратить на нихъ выстрѣлы: «и какъ де тѣхъ «побью, и во всемъ будетъ моя воля».—На возраженіе Бучинскихъ, что Московское Государство велико, станетъ за Бояръ и истребитъ самихъ Поляковъ, Разстрига отвѣчалъ: «Поляки де и Литва выѣдутъ всѣ воору- «жены, да и звычай де у мене тотъ уже уложенъ, что на потѣхи со «мною часто выѣзжаютъ роты вооружены, урядяся какъ на битву». — Послѣ онъ разсказывалъ, какъ уже однажды наказалъ нѣсколькихъ мятежныхъ Стрѣльцовъ, велѣвъ собрать всѣхъ прочихъ: «А у меня де уже «говорено съ Григорьемъ съ Микулинымъ, какъ ему тутo говорити и что «надъ тѣми Стрѣльцы учинити, и какъ де измѣну ихъ объявили, и Гри- «горей де учалъ говорити: освободи де, Государь, мнѣ: я у тѣхъ твоихъ «Государевыхъ измѣнниковъ не только что головы покусаю, и черева «изъ нихъ своими зубаии повытаскаю; да мигнулъ де на нихъ Григорей «Стрѣльцомъ, и Стрѣльцы де, блюдясь отъ меня, тѣхъ моихъ измѣнни- «ковъ въ мгновеніи ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пе- «ресѣклися, сѣкучи ихъ». — Бучинскіе спрашивали его: ежели велишь побить Бояръ, кто тогда будетъ управлять въ твоемъ Государствѣ? Гришка отвѣтствовалъ, что онъ уже все обдумалъ, и положилъ, поручить первѣйшія должности Воеводѣ Сендомирскому, Вишневецкому, Тарлѣ, Стадницкимъ, Аучинскимъ и пріятелямъ ихъ.—Наконецъ Бучинскіе представляли, что въ Россіи не любятъ ихъ за иновѣріе; что тѣмъ

опаснѣе было бы приневоливать ея жителей къ принятію Римской вѣры. Но Разстрига говорилъ: «Прежде было я и самъ опасался, зная, что по закону ихъ нельзя никому изъ иновѣрныхъ входить въ церкви, но во время вѣнчанія моего я нарочно велѣлъ быть въ церкви Лютеранамъ и Кальвинистамъ; слышалъ, что они ругались надъ образами, сидѣли и даже спали въ церкви: никто не смѣлъ на то и слова сказать, *и во всемъ волю мою творятъ*».—Далѣе: «И говорилъ де тутo Разстрига Гришка съ «клятвою: что однолично въ недѣлю, Мая въ 18 день, на стрѣльбѣ, «Бояръ Мстиславскаго и Шуйскихъ, и иныхъ Бояръ и Дворянъ лучшихъ, «и Дѣтей Боярскихъ, и Головъ, и Сотниковъ, и Стрѣльцовъ и черныхъ «людей, которые за нихъ любо станутъ, побити всѣхъ: а совершивъ то, «тотчасъ велю костелы Римскіе ставити, а въ церквахъ Русскихъ пѣти «не велю, и то де все совершу, на чемъ де есми присягалъ Папѣ, и «Кардиналомъ, и Арцыбискупомъ и Бискупомъ, и какъ де есми Воеводѣ «подъ клятвою въ письмѣ своемъ написалъ: да и Вишневецкому де при- «казалъ, чтобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людьми былъ готовъ и про- «мышлялъ бы неоплошно».

См. въ томъ же *Собраніи Госуд. Грамотъ* (II, 308) извѣстительную Грамоту Царя Василія Іоанновича, съ изъясненіями многихъ подробностей, писанную 2 Іюня 1606. Въ ней сказано: «Послѣ смерти того вора, «взято въ его хоромѣхъ листъ утвержденный того Разстриги Гришки съ «Воеводою Сендомирскимъ, что было ему отдавати Воеводѣ Сендомир- «скому, да его дочери и ихъ роду, городы Новгородъ и Псковъ съ при- «городы и со всѣми людьми и съ уѣзды; и владѣти было тѣми городы и «уѣзды Воеводѣ Сендомирскому съ дочерью, и монастыри и костелы «устроивати было Римскіе... Да тутожъ взято въ хоромѣхъ Римскаго «Папы и Кардиналовы и Езоветскіе листы о Христіанской же вѣрѣ, о «разоренье и утвержденьѣ Римскія вѣры. И на томъ и на всемъ тотъ «воръ... въ Литвѣ Воеводѣ Сендомирскому при многихъ Панѣхъ и при «Папиныхъ посланникѣхъ, присягалъ и крестъ цѣловалъ, и ту утвер- «жденную запись имъ съ клятвою на себя далъ, за своею рукою; а пи- «салъ тотъ листъ Воевода Сендомирской. И по нашему указу, Бояре «наши и Воеводы Сендомирскаго про тотъ воровской утвержденный «листъ допрашивали, его ли письмо тотъ листъ, и какимъ обычаемъ у «нихъ такой злой совѣтъ на Христіанское разоренье былъ. И Воевода «Сендомирской, смотря того листа, Бояромъ нашимъ въ распросѣ ска- «залъ: что онъ такой утвержденный листъ съ воромъ съ Разстригою пи- «салъ, и письмо его руки, а были у нихъ такіе листы по противнямъ, «а прельстилъ его тотъ воръ вѣдовствомъ и обманомъ, и крестъ ему «тотъ воръ на томъ на всемъ цѣловалъ, что было ему то все дѣлать, «что въ томъ листу писано; да сверхъ того письма, хотѣлъ ему тотъ «воръ отдати Смоленскъ и Сѣверу всю со всѣми людьми, и казну мно- «гую Польскому Королю и ему Воеводѣ обѣщался тотъ воръ давати, а «иную многую казну денежную и суды золотые и иную всякую казну и «наряды всякіе ему давалъ; и о вѣрѣ де съ нимъ съ Сендомирскимъ «томъ воръ говорилъ, чтобъ ему, по своему обѣщанью, учинити въ Рус- «скомъ Государствѣ Римская вѣра и костелы поставити и иныя многія «статьи хотѣлъ учинити; и онъ де Сендомирской и самъ то узналъ, что «онъ не прямой Царевичь Дмитрей, потому что о Московскомъ Госу- «дарствѣ все говоритъ о разоренье, и впередъ себѣ Московскаго Госу- «дарства не проча».

Тамъ же стран. 313: «Да Воеводажъ Сендомирск. сказалъ передо «всѣми Бояры, что писалъ нему Разстрига съ Москвы листъ своею ру- «кою; а далъ ему городъ Смоленскъ со всѣмъ уѣздомъ да Сѣверу всю,

«и повелилъ ему въ нихъ костелы ставити и монастыри Римскіе. — Да «Ратстригажъ воръ Гришка Отрепьевъ писалъ къ Папѣ Римскому, съ «попомъ его съ Андреемъ Езовитомъ; а въ грамотѣ его пишетъ о томъ, «что мысль его вся и радѣетъ ото всего сердца къ Папѣ Римскому, его «Латынской вѣрѣ, какъ ему обѣщался; а подлинно о томъ о всемъ при- «казалъ онъ къ Папѣ... и впередъ къ Папѣ о томъ хотѣлъ писати. А «что онъ Папа слышалъ его дѣло, о которомъ онъ писалъ къ Папѣ «двожды, что сговорилъ жениться у Сенд. Воев. у Юр. Мнишка, на до- «чери его Мар., за его Папинымъ благословеньемъ; а то отъ Папы «благословенье иному ся никому не даетъ, только тѣмъ, которые въ его «Латынской вѣрѣ... и онъ (Гришка) во всемъ въ томъ крѣпокъ и не «подвижимъ въ Латынской вѣрѣ, на чемъ душу свою далъ Папѣ и Литов- «скому Королю.—Да къ воружъ къ Гришкѣ Кардиналъ, утвердитель Рим- «ской вѣры, писалъ Мартынъ Малякрида отъ Папы, а въ грамотѣ пи- «шетъ: какъ вѣсть та къ Папѣ придетъ, чтобъ онъ ихъ Латынскую вѣру «принялъ, и имъ то всѣмъ будетъ во удивленіе и въ радость, всѣ они «о томъ станутъ веселитися и радоватися, и всегда ему Папа о томъ «своимъ письмомъ напоминаетъ, чтобы онъ *многое Христіанство широ- «каго Московскаго Государства* своимъ злохитрствомъ въ вѣру въ Латын- «скою своею рукою привелъ и укрѣпилъ, какъ напередъ того въ своей «грамотѣ къ прежнему Папѣ Клименту изъ Самбора писалъ... Да къ «вору жъ къ еретику къ Розстригѣ къ Гришкѣ Отрепьеву писалъ Папинъ «Легатъ, который живетъ у Польскаго Короля въ Краковѣ, Клавдіусъ «Раганусъ, для утвержденія Латынскія вѣры; а въ грамотѣ пишетъ: «надобно ему сверхъ всего исполнити то, что онъ Папѣ и имъ всѣмъ «обѣщалъ, что въ Московскомъ Государствѣ Греческая вѣра съ Латын- «скую вѣрою соединить... Да Папа жъ писалъ къ Кардиналу Краков- «скому, къ брату къ родному Сендомирскаго Воеводы, а въ грамотѣ пи- «шетъ: что онъ, Папа, его Кардинала укрѣпляетъ и благословляетъ на «свадьбу любительныхъ дѣтей своихъ, Розстриги Гришки съ Воеводенкою «Сендомирскою... чтобъ она крѣпко Латынскую вѣру держала, и всѣмъ «прямымъ сердцемъ промышляла съ мужемъ вмѣстѣ, чтобъ Московскаго «Государства людей... къ Латынской вѣрѣ привести. И подлинно онъ «Папа начается, что они посямѣста тѣмъ дѣломъ промышляютъ, а бу- «детъ Кардиналъ его Папы въ томъ не станетъ слушать, и онъ его «проклинаетъ; а онъ Папа начается, что Московскіе люди въ Латынской «вѣрѣ будутъ, только ихъ станетъ накрѣпко приводить, а не всѣхъ лю- «бовію и волею, надобе и неволею и жесточью; а кто станетъ крѣпко, «и того бъ и убивать не ужасался.—Да Розстрига жъ къ Папину Легату, «который въ Польшѣ живетъ, для укрѣпленья Латынскія вѣры писалъ, «чтобъ онъ благословилъ жену его въ субботу мяса ѣсти для Москов- «скихъ людей, а отъ Русскаго Патріарха причаститься; и Легатъ Папинъ «писалъ къ нему противъ, что онъ то чинитъ не гораздо... и онъ ему «на то не произволяетъ, чтобъ того никакъ не дѣлалъ, помнилъ бы, на «чемъ душу свою далъ Папѣ, и пр... И Рострига Гришка къ Папину «Легату писалъ, что онъ въ томъ виноватъ, а впредь во всемъ самъ «крѣпокъ въ Латынской вѣрѣ, и съ женою своею, и людей всѣхъ на то «приведетъ къ Латынской вѣрѣ, а инако слово его не будетъ».

О запискахъ Лжедимитрія, коими онъ обязывался уступить Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а отцу ея Смоленскъ и Сѣверскую землю, см. сей Исторіи Т. XI, стр. 132 и 133, и примѣчанія 217 и 218.

(10) Въ Рукописи, составленной при Патріархѣ Филаретѣ сказано: «И вѣнчася Царскимъ вѣнцемъ Іюня въ 1-й день, по Вознесеньевѣ днѣ, «въ недѣлю Святыхъ Отецъ; а возведенъ бысть на Царскій престолъ

«Митрополитомъ Новгородскимъ Сидоромъ и всѣми Митрополиты и Архі-«епископы: тогда бо бѣша вси на Москвѣ. Единъ же бысть во изгнаніи «отъ Розстриги Митрополитъ Ермогенъ Казанскій и Свіяжскій, занеже «бо ему еретику претяше о его богомерзкой женитвѣ... И въ тыяже дни «бысть смиреніе и радость въ людяхъ велія. Боляре же и весь Царскій «Синклитъ. вкупѣ же и весь народъ Московскаго Царствія поздравляху «ему (Шуйскому) на великомъ Государствѣ Россійскаго Царствія, якоже «и прежнимъ Великимъ Государемъ Московскимъ, и дары великіе при-«несошаху ему по его Царскому достоянію».

По Журналу Литовскихъ Пословъ *(Dyaryusz)* вѣнчаніе Царя Василія происходило 11 Іюня (по Нов. Ст.) въ Воскресенье.

По *Никон. Лѣтописи* (стр. 76). Василія вѣнчалъ на Царство Казанскій Митрополитъ Ермогенъ, но Рукопись Филарета заслуживаетъ болѣе вѣроятія.

(11) «Іюня 11 совершалось коронованіе новаго Царя очень бѣдно: «болѣе было простаго народа, чѣмъ Бояръ». *(Rzeszy Polskich za Dymitra opisanie).*

(12) Не видно, чтобы въ семъ году былъ кто либо пожалованъ въ Бояре, или въ другіе знатные чины. См. Послужн. Списокъ Бояръ, въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* XX, 77.

(13) См. Томъ XI, стр. 147, и въ семъ XII Томѣ, прим. 119.

(14) См. Т. X, глав. II.

(15) См. *Розрядн. Кн.* л. 986, и *Rzeszy Polskieh za Dymitra.*

Въ Наказѣ отправленнымъ въ Литву, Послу Князю Григорію Волконскому и Дьяку его Андрею Иванову, сказано: «А Ѳеонасью Власьеву «что было вѣрити. Ѳеонасей воръ разоритель Вѣры Хрестьянской, тому «вору совѣтникъ, поѣхалъ къ Государю вашему Жигимонту Королю по «его волѣ, безъ Сенаторскаго вѣдома. А тотъ воръ Розстрига писалъ съ «нимъ листъ по Латынѣ, съ вашими Поляки совѣтовалъ, а Русскіе люди «у того небывали». (Дѣла Польск. No 26. л. 100).

(16) См. *Розряд.* л. 985, на обор.

(17) *Никон. Лѣт.* 77: «Царь же Василей вскорѣ по воцареніи «своемъ, не помня своего обѣщанія, начатъ мстить людемъ, которые «ему грубиша, Бояръ и Думныхъ Дьяковъ и Стольниковъ и Дворянъ «многихъ розосла по городомъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ по-«мѣстья и вотчины поотнима».

(18) *Rzeszy Polskich:* «Бояре имѣли тогда болѣе власти, нежели «самъ Царь».

(19) Маржеретъ пишетъ, что въ Москвѣ возникла между гражданами распря; что многіе жаловались на избраніе новаго Царя, бывшее безъ ихъ согласія; что по городу стали носиться слухи, будто Лжедимитрій не погибъ. Нѣкоторые говорили, что послѣ избіенія Поляковъ, въ полночь, потребованы были именемъ Царя Димитрія три Турецкія лошади изъ малой дворцовой конюшни, и что никто незнаетъ, куда оныя отведены; но конюхъ, отпустившій ихъ, былъ, по приказанію Шуйскаго, подвергнуть тяжкой пыткѣ. Маржеретъ прибавляетъ, что въ разныхъ улицахъ города были подбрасываемы письма и записки, въ коихъ утверждали, что Димитрія видѣли и узнавали на пути изъ Москвы.

(20) Борисъ Годуновъ скончался 13 Апр. 1605 года; Ѳеодоръ Борисовичъ убитъ 10 Іюня тогоже года, а Лжедимитрій 17 Мая 1606. Въ столь короткое время Василій Шуйскій былъ уже четвертымъ Царемъ.

(21) Въ надгробной надписи его въ Москов. Арханг. Соборѣ: «Лѣта «7121 (1612), Сент. въ 12 день... преставися... въ 60 лѣто живота». См. сію надпись ниже въ примѣчаніяхъ къ V главѣ сего Тома. He was then

about the age of 50. (*A Brief History of Moskovia* by John Milton. Lond. 1682. см. стран. 62). За двадцать пять лѣтъ предъ симъ видѣли Василія Шуйскаго дружкою Царя Іоанна на послѣдней свадьбѣ его (См. Т. IX), а въ 1581 году онъ имѣлъ начальство надъ войскомъ на берегахъ Оки (см. тамъ же). Въ *Зерцалѣ Рос. Государей* (Мальгина) сказано, что Василій родился въ 1547 году.

(22) Въ *Чет. Мин.* Іюн. 3 дня: «Царствующу же Борису Годунову «на престолѣ Москов. Государства, начаша въ Ѹгличѣ отъ гроба Св. «новаго Мученика Димитрія Царевича бывати чудеса и подаватися бо«лящимъ исцѣленія... и прихождаше о чудесахъ слухъ во уши Царю «Борису; онъ же возвѣщающымъ то смертными прощеніями запрещаше, «да не явѣ творятъ сего въ людехъ: студъ бо и срамота покрываше «лице его, и совѣстію внутрь яко Каинъ обличаемь, самъ въ себѣ снѣ«дашеся, и тщашеся окаянный скрыти свѣтильникъ подъ спудомъ, но «не можаше утаити величія Божія, являемая на святомъ страстотерпцѣ».

(23) См. Рукопись Филаретову: «Егда убо во градъ входятъ, тогда «ощутиша граждане приходъ ихъ, и внезапу стечеся весь градъ, мужи «и жены... Цареву повелѣнію едва повинующеся, и послѣднее цѣлованіе «живоносному мертвецу отдающе своему Государю, и надгробныя пѣсни «съ плачемъ и воплемъ испущаху, якожъ и при погребеніи праведнаго, «такожде и нынѣ о пренесеніи его плачевне рыдаху. И ту первѣе пре«благій Богъ прослави угодника своего: снимающе убо, гроба его Свя«тителіе и Боляре не могуще обрѣсти и желаемое ими многоцѣлебное «тѣло узрѣти, и на многи часы труждающеся и потящеся, стѣсняеми «многою мыслію, нещущюще яко аще нѣкто боголюбивый, прозрѣвъ пре«несеніе хотящее быти отъ Углеча града и не хотя лишитися таковаго «сокровища, на ино мѣсто сокровеннѣ преложи, или пока мняще яко «недостойне суще таковое желаніе получити, и сего ради, обратившеся «ко Господу, начаша умильно молити богатодавца Бога, да таковое по«кажетъ имъ безцѣнное сокровище, и начаша *молебны пѣти* и всемірно «молити. И во время святаго того пѣнія внезапу узрѣвше изъ десныя «страны, яко дымъ исходящь дыханіе благовонно, и отъ неначаемыя «радости начаша копати мѣсто оно и абіе обрѣтше некрадомое сокро«вище многобогатый гробъ, вмѣстившій тѣло блаженнаго Царевича»... Далѣе: «Народи же егда узрѣша такое многоудивленное чудо, наипаче «слезы къ слезамъ прилагающе и отъ радости похвальныя пѣсни бла«женному соплетающе и Государемъ и отцемъ и заступникомъ и благо«дѣтелемъ того нарицаху и вопіюще: *почти*, рѣче, *насъ оставляеши си«рыхъ, лишенныхъ твоего живота, и уже нынѣ лишенныхъ и святаго «успѣнія твоего;* помяни, Господине, наслѣдіе твое; не остави людей «твоихъ, *сирыхъ до днесь, твоего ради лишенія*».

(24) Тамъ же: «Цѣлы и невредимы мощи обрѣтошася. Кромѣ взя«тыхъ частей отъ требующія земли: и земля бо жаждетъ насладитися «отъ плоти праведныхъ, да сими освятится отъ скверноубійственныхъ «дланей. И не токмо бо плоть бысть въ цѣлости святаго страдальца, но «и ризы на тѣлѣ его освятишася и истлѣнія избыша. И егда убіенъ «бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему прилучися держати въ «шуйцѣ своей убрусъ шитъ златомъ и сребромъ пряденымъ, и тогда «оставиша въ руцѣ его, и сіе бяше цѣло и невредимо, яко у живаго въ «руцѣ держимо; въ друзѣй же приключишася плодъ, глаголемый орѣхи».

См. также *Собран. Госуд. Грам.* II, 316. Тамъ, въ Грамотѣ Царицы Маріы, писанной въ Августѣ 1606, сказано, что перенесеніе мощей Святаго Царевича было 3 Іюня. Въ Рукописи Филарета упомянуто, что мощи Св. Димитрія встрѣчены Патріархомъ. См. ниже, примѣч. 25 и 28.

(25) Въ Рукописи Филаретовой: «Иже убо бѣша слѣпіи и хроміи и «инѣми болѣзньми одержиміи, прикосновеніемъ святаго тѣлеси его и одра, «на немъ же лежаше, исцѣляхуся... Недужніи течяху скоро и болѣзнен- «ніи яко елени скачуще и Бога хваляще, иже таковую благодать да- «ющаго... И егда доидоша Святителіе и Боляре мощи несуще до цар- «ствующаго града, Царю же и Патріарху извѣстися о пренесеніи и «чудодѣяніи великихъ бывающихъ отъ святаго тѣлеси его, тогда убо «Царь и Патріархъ тщательно исходятъ въ стрѣтеніе со многочюдес- «ными образы и съ животворящими кресты, честь воздающе Богомъ «почтенному и святолѣпному тѣлеси его за самыя врата градскія, и на- «родъ убо многъ собрася отъ всѣхъ странъ великаго града толико, яко «убо и мѣсто ту не обрѣтеся и немощи вмѣщатися народомъ въ стог- «нахъ града. Самодержавный же повелѣ раку отрыти и мощи всѣмъ «явити вѣрующимъ и невѣрующимъ, единѣмъ да желаніе исполнитъ, вто- «рымъ же да уста лжущія заградитъ и очи невѣрующія ослѣпитъ гла- «голющимъ, яко живый избѣже ото убійственныхъ дланей. Потомъ же «воспріятъ на раму свою и понесе благочестиваго, искреннюю любовь «къ нему показуя, и *работьное* служеніе и по смерти являя, понеже «прежъ владычества своего *рабъ* бѣ отцу его, Великому Государю Ц. и «Вел. Кн. Ив. Васильевичу всея Рроссіи. И со свѣщами и съ кандилы, «съ пѣсньми жь и пѣньми духовными, честно проводиша его до святыя «Соборныя и Апостольскія церкви Арханг. Михаила», и пр. См. также *Никон. Лѣт.* 78.

(26) *Собр. Гос. Грам.* II, 312 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ).

(27) Въ рукописи Филар.: «И бѣ видѣти позоръ радостенъ и чудо «веліе отъ тѣлеси святаго бывающее, якожь и во градѣ Углечѣ радосто- «творенъ плачь всѣмъ отъ духовнаго веселія бываюшь, во единомъ часѣ «принимаху слѣпіи не завистно зрѣніе, хроміи безболѣзненно теченіе, «прокаженніи внезапное исцѣленіе и вси недугующіи въ разноличныхъ «недузѣхъ скорое поможеніе съ вѣрнымъ призываніемъ и возглашеніемъ «оть недуговъ свобождахуся. Положено же бысть въ предѣлѣ Ивана «Предотечи, идѣже отецъ его, блаж. пам. Ц. и В. Кн. Ив. Вас. всея «Россіи и братья его, Царь Ѳед, Ив., да Царевичь Иванъ. И въ томъ «мѣстѣ, идѣже положенъ бысть Царь Борисъ, выкопаша яму и каме- «ніемъ выклали, хотѣша его Государя праведное тѣло ту погрести; и «егдаже бысть многое исцѣленіе, тогда яму повелѣша закласти и на «томъ мѣстѣ въ ракѣ полощиша. Царь же Вас. Ив. повелѣ сотворити «раку древяну и убити отласы золотыми, и положиша тѣло святое Благо- «вѣрнаго Царевича Димитрія *въ прежнемъ его гробѣ*, и поставиша раку «чудотворцову... (здѣсь не достаетъ листа въ рукописи).

Ник. Лѣт. 79: «Составиша празднество стихеры и кануны, и устави- ша празднество праздновати трижды въ году: «первое празднество «рожденіе, второе убіеніе, третіе пренесеніе мощемъ къ Москвѣ».

Соб. Гос. Грам. II, 313 (въ Царской извѣстительной Грамотѣ): «А «того вора, Розстригу Отрепьева, чтобъ есте его и съ его помощниками, «которые на разоренье Христіанское и на погубленіе вѣры Христіанской «съ нимъ совѣтовали и произволяли, вѣчному проклятію бы есте предали, «и проклинати его велѣли съ всѣми еретиками».

(28) *Ник. Лѣт.* 76: «По воцареніи же своемъ Царь Василей зло- «козненнаго собесѣдника Розстригина, Патріарха Игнатія съ престола «сведе, и положи на него черное платье, и отосла его въ Чюдовъ мо- «настырь подъ начало. На престолъ же возведенъ бысть Казанскій «Митрополитъ Гермогенъ», и проч.

Въ Рукописи Филаретовой и въ Лѣтописи Никоновской сказано, что при перенесеніи мощей Св. Димитрія находился Патріархъ (см. выше, примѣч. 25), но въ Царской извѣстительной Грамотѣ (*Собр. Гос. Грам.* II, 311) о семъ не упоминается; впрочемъ Шуйскій говоритъ въ сей же Грамотѣ, что онъ принялъ скипетръ благословеніемъ Патріарха, и проч.

(29) См. выше, примѣч. 10.

(30) См. Розрядн. Кн.

(31) Объ извѣщеніи Князя Острожскаго въ Кіевѣ см. Н. Бантыша-Каменскаго *Дипломатическое Собраніе дѣлъ между Рос. и Пол. Государств.* Ч. I: «По истребленіи онаго (Лжедимитрія), посланъ былъ отъ «всего освященнаго Собора къ воеводѣ Кіевскому Кн. Василью Констан«тиновичу Острожскому (Греческаго исповѣданія мужу) въ гонцахъ Ѳе«доръ Дуровъ съ грамотою о семъ происшествіи извѣстительною. Но «посланной поиманъ будучи на дорогѣ отъ Князя Януша Острожскаго, «сына помянутаго Воеводы, отосланъ въ Польской городъ Дубровну».— Упоминается о семъ въ Польск. Столиц. пріѣзда въ Москву Польскихъ Пословъ Витовскаго и Соколинскаго.

Въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: «31 Мая, въ Среду, по просьбѣ «Пановъ Пословъ, а равно и П. Воеводы Сендомирскаго, который до «того времени не зналъ, что происходило съ его дочерью, препроводили «ее къ нему изъ Царскихъ комнатъ, вмѣстѣ съ женщинами (bialeglowy), «составлявшими свиту ея. Онъ обходился съ нею уже не какъ съ дочерью, «а какъ съ Государынею (z Panią)».

Въ *Rzeczy Polskich:* «Новый Царь не замедлилъ послать къ Вое«водѣ увѣрить его въ безопасности. Царицѣ во Дворцѣ выдавали все «нужное; съѣстные припасы доставляемы были на кухню Воеводы, гдѣ «и стряпали для нее, потому что она не могла ѣсть того кушанья, «которое готовили въ Дворцовой кухнѣ. Всѣхъ насъ (Поляковъ), съ «служителями Воеводы и Царицы, осталось до трехъ сотъ». (Прочихъ вывели изъ Москвы, пишетъ Сочинитель сихъ Записокъ.)

(32) См. въ *Собраніи Государств. Грамотъ* Ч. II, стран. 329 и 332. — 1-е Роспись драгоцѣннымъ вещамъ, захваченнымъ въ Москвѣ, при убіеніи Самозв Гришки Отрепьева, у жены его Марины и у тестя его Сенд. Воев. Юрія Мнишка. 1608, Іюл. 9. — 2-е Роспись лошадямъ, богатой збруѣ и винамъ, захваченнымъ въ Москвѣ, при убіеніи Отрепьева, у тестя его, врученная Польскимъ въ Россіи бывшимъ Посламъ. 1608, Іюл. 9.

Сочинитель *Rzeczy Polskih* говоритъ, что Марина переѣхала на квартиру Воеводы 2 Іюня, оставивъ во Дворцѣ все, что ей и свитѣ ея подарено было отъ Царя, и что въ слѣдующій день возвращены ей лишь нѣкоторыя вещи, почти порожніе сундуки, шкатулки, нѣсколько платья; все прочее задержано.

О высокомѣрномъ отзывѣ Марины см. Нѣмцевича *Dzieje Pan. Zygm. III.*, гдѣ онъ ссылается на Чилли, и *Dyaryusz.* 1607 г.

(33) См. *Rzeczy Polskich* и Вера.

(34) См. *Dyaryusz.* Также Нѣмцев. *Dzieje Pan. Zygm. III.*

(35) Сія рѣчь, представляемая здѣсь сокращенно, помѣщена и въ сочиненіи *Rzeczy Polskich ets.* — Послы говорили, что Лжедимитрій, разсказывая въ Польшѣ, какъ Богъ избавилъ его отъ смерти, увѣрялъ, будто Борисъ хитро и коварно лишилъ жизни и Царя Ѳеодора Іоанновича и даже *сына его,* роднаго своего племянника. «Еще народъ нашъ»— продолжали они—«не почиталъ сего человѣка за Царевича, и нѣкоторые, «по долгу Христіанскому, дѣлали ему подаяніе ради Бога, какъ то и у

«васъ водится. Панъ Воевода, человѣкъ добрый и чистосердечный, по-«вѣрилъ, что онъ дѣйствительно Царевичь, и уваживъ просьбу его и «Русскихъ, бывшихъ при немъ, согласился съ небольшимъ числомъ людей «проводить его къ Московской границѣ.... Русскіе еще передъ границею «встрѣчали его, точно такъ, какъ онъ предсказывалъ, съ хлѣбомъ и «солью.... Его Кор. Вел. и Паны Сенаторы, не держа ни чьей стороны, «издали смотрѣли на сіе, ожидая суда Божія».

(36) См. тамъ же и въ Журналѣ Посольства (*Dyaryusz*).

(37) Въ *Диплом. Собраніи* Бантыша-Каменскаго (стр. 387) сказано, что повелѣніе отправить Волконскаго Посланникомъ къ Королю дано 11 Іюня. Въ Грамотѣ же Царской, посланной въ Смоленскъ къ тамошнимъ Воеводамъ отъ 13 Іюня, упоминается, что Волконскій уже отправленъ въ Польшу (см. Дѣла Польск. No 26, л. 143 на обор.).

Волконскій посланъ былъ: «съ объявленіемъ Польск. Кор Сигизмунду «о возведеніи его, Царя В. І., на Россійскій Престолъ, и съ выговоромъ «о чинимомъ отъ Поляковъ, въ противность двадцатилѣтняго перемирія, «вспоможеніи Лжедимитрію Гришкѣ Отрепьеву и проч.» Съ Волконскимъ отправленъ былъ Дьякъ Андрей Ивановъ. (*Дипл. Собр.* Бант. Каменскаго, стр. 387).

О размѣщеніи Поляковъ по городамъ см. *Dyaryusz* и *Дипл. Собр.* Бантыша-Каменскаго, стр. 387.

Тамъ же: «Съ Посланниками (Княз. Волконскимъ и пр.) отпущено «въ Польшу нѣсколько военныхъ и работныхъ Польскихъ людей, а «Боярину Кн. Ивану Васил. Голицыну велѣно Сендомирскаго Воеводу «съ дочерью и со всѣми пріятелями его, пріѣхавшими на свадьбу Само-«званца, разослать по городамъ; солдатъ же Польскихъ и служителей, «пересмотрѣвъ, отпустить за границу, а пріѣхавшимъ къ Отрепьеву и «Польскимъ Посламъ, Николаю Олѣсницкому и Александру Госѣвскому, «остаться въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока Король обошлется съ Госу-«даремъ своими Посланниками».

(38) «И въ дороги на встрѣчѣ и по городомъ и въ посадѣхъ и въ «Панскихъ имѣньяхъ Литовскіе люди безчестили Посланниковъ, матерны «лаяли и измѣнники называли, а въ Менску (въ Минскѣ) на Князь «Григоревыхъ и Ондреевыхъ людей каменьемъ и грязью метали и плети «изъ рукъ вырывали, хотячи дратца, и на дворъ пришедъ, многіе люди «Посланниковъ лаяли и убиствомъ грозили; да тогожъ дни пришедъ на «дворъ люди Ивана Михайлова сына Гарабурды Князь Григоревыхъ «людей били... И о томъ Посланники приставу говорили многажды, что «такіе имъ безчестье и тѣснота чинитца, чего прежъ сего надъ Послан-«ники николи не бывало. И онъ отказывалъ, что у нихъ нынѣ люди «стали самовольны и Короля не слушаютъ, и ему ихъ уняти не льзя». (Дѣла Польск. No 26, л. 182).

Тамъ же, листъ 307: «Намъ бы ты, Государь, на наши рѣчи велѣлъ дати «отвѣтное письмо, а грамоты намъ имать не пригоже. Грамоты бываютъ «съ гонцы; а мы посланники, а не гонцы». — О всѣхъ сихъ переговорахъ упомянуто сокращенно въ *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, на стр. 388.

(39) О томъ, что Шуйскій имѣлъ тогда сношенія съ Цесаремъ, Англіею, Даніею и Персидскимъ Шахомъ, см. *Дѣла Польск.* No 26, л. 42 на обор.

Палицынъ (стр. 58) упоминаетъ также о посольствахъ Царя въ Англію и Данію.

(40) См. *Дѣла Крым.* и *Ногайскія.* Иштерекъ еще при Борисѣ Годуновѣ клятвенно обязался, за себя и за потомство свое, служить Царямъ Россійскимъ. См. сей Исторіи Т. XI, стран. 83.

(41) См. Маржерета (стр. 148). — Чернь обрадовалась, пишетъ онъ, мнимому дозволенію грабить домы: «et crois qu'elle seroit contente à telles conditions d'avoir tous les huict iours nouveaux Empereurs». — Во время смятенія, о коемъ говорится ниже, Маржеретъ находился неподалеку отъ Царя и былъ свидѣтелемъ его распоряженій. Сочинитель *Rzeczy* относитъ сіе происшествіе къ 25 Іюня, по Нов. Стилю (по Старому 15-е), которое въ семъ году было въ Воскресенье.

(42) Марж: «Choisissez en un autre tel que bon vous semble» (стр. 149). Онъ же и о приговорѣ надъ пятью зачинщиками и Петромъ Шереметьевымъ (см. стран. 150).

Лѣтопись Львова (Подробн. Лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. Ч. III, стр. 220) описывая то же происшествіе и судъ надъ тѣми же крамольниками, говоритъ, что сіе случилось въ 17 д. Февраля, въ Субботу Сырныя недѣли (1610 г.). Увидимъ ниже (см. примѣч. 351), что было другое возмущеніе 17 Февраля, но только не 1610, а 1609 года.

(43) См. Розрядн. Кн. — Беръ ложно пишетъ, что К. Григ. Шаховскій бѣжалъ въ Путивль съ двумя Поляками. Тамъ же и въ *Лѣтописи Львова* сказано, что онъ въ день убіенія Лжедимитрія похитилъ золотую государственную печать.

(44) См. Томъ XI, стр. 112 и слѣдующія.

(45) См. тамъ же, стран. 177.

(46) См. *Сказаніе Авр Палицына*, стран 29.

Никон. Лѣт. 78: «Вложи врагъ мысль въ люди Украиныхъ городовъ, «что того Розстригу Богъ соблюлъ, а въ него мѣсто будто убиша Нѣм«чина подобна ево лицу. Первое жъ зачало крови Христіанскія въ Пу«тимлѣ городѣ, К. Григ. Шаховской измѣни Царю Василью со всѣмъ «Путимлемъ, и сказа Путимцамъ, что Царь Дмитрей живъ есть, а живетъ «въ прикрытѣ, боится измѣнниковъ убивства; по томъ же Путимлѣ измѣ«ниша городы, Мнстревское (въ *Лѣтописи о мятежахъ:* Дмитровскъ), «Черниговъ, Стародубъ, Новгородокъ».

Тамъ же, 84: «На Тулѣ же въ тѣ поры воровъ много было; Вое«вода жъ у тѣхъ воровъ Князь Андрей Телятевской».

Объ отпаденіи Ельца, Кромъ, Борисова, см. тамъ же, стр. 79, 80, 85.

Въ Хронографѣ, который купленъ покойнымъ Исторіографомъ у *Столяра* (какъ сказано въ его записной книжкѣ), и который онъ означалъ симъ именемъ (л. 533): «Того же 114 (1606) года.... въ Украиныхъ, въ «Польскихъ и Сѣверскихъ городѣхъ учинилася прелесть и смута, будто «воръ Гришка Розстрига, который былъ на Москвѣ Царемъ, ушелъ въ «Литву, и по городамъ отъ Царя Василія отложились и цѣловали крестъ «Царь Дмитрею Ивановичю всея Руссіи, а Государь Царевичь въ вѣч«номъ блаженствѣ опочивалъ въ Углечѣ».

(47) См. Томъ XI, стр. 144.

Никон. Лѣт. 80: «Собрахуся Боярскіе люди и крестьяня, съ ними «же пристаху Украинскіе посацкіе люди и Стрѣльцы и Казаки, и начаша «по градомъ Воеводы имати и сажати по темницамъ; Бояръ же своихъ «домы разоряху, и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и «за себя имаху».

Тамъ же, 85: «Въ тажъ времена убиша при Петрушкѣ и до ево «приходу въ Путивль и по градомъ Бояръ, К. Василья Кандаруковича «Черкасково. К. Петра Ивановича Буиносова, Михаила Богдановича «Сабурова; Воеводъ и Дворянъ, коихъ имали на бою, Кн. Андрея Бах«теярова, Кн. Василья Тростенсково, Еѳима Бутурлина, Алексѣя Пле«щеева, Матѳея Бутурлина, Кн. Саву Щербатово, Микиту Измайлова, «Ивана да Ондрея Воейковыхъ, Михаила Пушкина, Кн. Юрья Приим-

«скова Ростовского, Ѳедора Бартенева, и иныхъ многихъ Воеводъ и «Дворянъ, розличными муками мучили, и ихъ съ башни кидаху, иныхъ «съ мосту въ ровъ, иныхъ вверхъ ногами вѣшаху, иныхъ по стѣнамъ «распинаху, руки и ноги гвоздьми пробивше и съ пищалей розстрѣляху».

Столяр. л. 533: «Въ тѣхъ въ Украиныхъ, въ Польскихъ и въ Сѣверскихъ городѣхъ тамошніе люди по вражію наваженію Бояръ и Воеводъ «и всякихъ людей побивали розными смертьми, бросали съ башенъ, а «иныхъ за ноги вѣшали и къ городовымъ стѣнамъ роспинали и многими «разноличными смертьми казнили, и прожиточныхъ людей грабили; а «ково побивали и грабили, и тѣхъ называли измѣнники, а онѣ будто «стоятъ за Царя Дмитрея, и по городомъ побили до смерти Боярина «Кн. Петра Ивановича Буиносова, Боярина Кн. Василья Карданукова-«вича-Черкасково, Воеводу Ефима Вахромеевича Бутурлина, К. Василья «Тростенсково, Петра Вердеревскова, Семена Малцова, въ Путимлѣ убили «Микиту Васильева сына Измайлова». — Далѣе: «А тово вора, ково на-«зывали Царевичемъ Дмитреемъ, нигдѣ въ тѣ поры и не объявился».

Въ Послужномъ Спискѣ чиновниковъ (См. *Др. Рос. Вивл.* XX, 81) сказано подъ 7117 (1605) годомъ, что Бояре Князь Вас. Кандаруковичь-Черкасскій и Князь Пет. Ив. Буйносовъ-Ростовскій, также Окольничій Алексѣй Роман. Плещеевъ, убиты воромъ Петрушкою.

См. также *Розрядн. Кн.* и Бера.

(48) См. Бера.

(49) См. выписку изъ Посольства Князя Волконскаго въ *Дѣлахъ Польск.* No 26, л. 186: «Августа 12 сказывалъ Посланникомъ Приставъ, «что пріѣхалъ въ Городень братъ его Подскарбей Ерошъ Воловичь.... и «ѣздилъ Приставъ къ Подскарбею, а пріѣхавъ говорилъ: по ся де мѣста «о томъ язъ вамъ не говаривалъ, что подлинно про то не вѣдалъ, а нынѣ «ужь о томъ есть подлинно вѣдомость, что Государь вашъ Дмитрей, «котораго вы сказываете убитого, живъ, и тепере въ Сендомирѣ у Воеводины жены. Она ему и платье и людей подавала. А писали о томъ «къ Подскарбею добрые Паны, и признаки всѣ тѣ, каковъ онъ былъ, «писали и бородавка на лицѣ, да и тѣ многіе люди, которые у него были «на Москвѣ, его узнали, что онъ прямой Царь Дмитрей, и многіе Рус-«кіе люди къ нему пристали и Польскіе и Литовскіе люди къ нему «прибираютца. Да къ нему же пріѣхалъ Князь Василей Мосалской, «которой при немъ былъ на Москвѣ Ближней Бояринъ и Дворецкой».

Волконскій отвѣчалъ Приставу, что сей Димитрій долженъ быть какой нибудь новый бѣглецъ, и прибавилъ (л. 187 на об.): «А есть «сбѣжалъ, въ то время, какъ того вора убили, Михалкомъ зовутъ Мол-«чановъ, жилъ у того вора въ хоромѣхъ для чернокнижья, что онъ тому «навыченъ. И нѣчто будетъ тотъ называетца такимъ именемъ, и на томъ «у насъ есть пятно, чтобъ его намъ показали; а примѣты у него на «спинѣ; и какъ онъ за воровство и за чернокнижство былъ на пыткѣ и «кнутомъ битъ, и тѣ кнутные бои на немъ знать».

Лист. 197 на об.: «Да Приставъ же говорилъ про вора что онъ «однолично живъ въ Сендомирѣ у Боеводиной, а вышелъ де въ старче-«скомъ платьѣ, и Воеводина платье на него все искупила и людей къ «нему приняла съ двѣ стѣ человѣкъ. Да при немъ же нѣкоторой Забо-«лоцкой Москвитянинъ выѣзжей».

Л. 198 на об.: На вопросъ Болконскаго, что говорятъ очевидцы о новомъ Димитріи, Приставъ отвѣтствуетъ: «что де онъ рожденъ смуголъ, «а волосомъ чернъ, усъ не великъ и бороды высѣдаетъ и онъ стрижетъ, «а по Польски говоритъ гораздъ и по Латынѣ знаетъ. — И Посланники

«говорили, что подлинно воръ Михалко Молчановъ таковъ рожеемъ, а «прежней былъ воръ Ростригa рожеемъ не смуголъ, а волосомъ русъ».

Л. 213: «А послѣ того сказывалъ... Спарскій, что былъ у нихъ Гри«дичь, котораго Концлеръ посылалъ того вора досматривать, и онъ «сказалъ, что того вора не видалъ, живетъ де въ монастырѣ, не кажитца «ни кому».

Л. 215: «Спрашивали тѣхъ, которые сказывали видѣли, каковъ онъ «рожеемъ и волосомъ и возрастомъ, и они сказывали, что возрастомъ «не малъ, рожесмъ смуголъ, носъ немного покляпъ, брови черны, не «малы навислы, глаза не великіе, волосы на головѣ черны, курчеваты; «ото лба вверхъ возглаживаетъ; усъ чорнъ, а бороду стрижетъ; на щекѣ «бородавка съ волосы; по Польски говоритъ, и грамотѣ Польской горазлъ, «и по Латынѣ говорити умѣетъ, и по тѣмъ признакомъ Михайло Мол«чановъ».

Л. 253: Поляки говорятъ Посламъ нашимъ: «Сказываете, что тотъ «Дмитръ, которой былъ у васъ Государемъ, убитъ, а изъ Сѣверы пріѣхали многіе люди и того Дмитрея ищутъ по Государству Государя «нашего, а сказываютъ его жива, что онъ ушолъ, а въ его де мѣсто «убитъ иной. И Государю нашему вашихъ людей унять ли?»

Л. 321: Слова нашихъ Пословъ: «И какъ есмя слышали въ Польшѣ «про того новаго вора, каковъ онъ рожеемъ и волосомъ и въ примѣтахъ, «ино таковъ сбѣжалъ въ то время, какъ Ростригa убитъ; Михалкомъ «зовутъ Молчановъ».

Л. 338: «Прежней былъ воръ Ростригa обличьемъ бѣлъ, волосомъ «русъ; носъ широкъ, бородавка подлѣ носа; уса и бороды не было; шея «коротка. А Михалко Молчановъ обличьемъ смуголъ, волосомъ чернъ, «носъ поклятъ; усъ не малъ; бороду стрижетъ; на головѣ волосы курче«ваты, взглаживаетъ вверхъ; бородавка на щекѣ».

(50) См. выше, примѣчаніе 49, и Том. XI, стран. 195, и въ прим. 346 ссылку на *Никон. Лѣтоп.*

(51) Марж. 142: «Aprés ce meurtre commença à courir le bruit «que Demetrius n'avoit esté tué, mais un qui luy ressembloit, le quel «il avoit mis en sa place, aprés qu'il fut adverty quelques heures avant jour de ce qui se devoit passer, et sortit hors de Moscou». Онъ же разсказываетъ о трехъ лошадяхъ, требованныхъ изъ конюшни *отъ имени царя Димитрія* (см. выше, прим. 19); говоритъ также, что трупъ, который почитали Лжедимитріевымъ, былъ, по увѣренію Французскаго купца Бертрана де Касанъ, съ бородою, а у Лжедимитрія бороды не было, и что, по словамъ Бучинскаго, въ тоже время пропалъ безъ вѣсти одинъ молодой Дворянинъ, любимецъ Лжедимитрія, qui luy ressembloit fort, fors qu'il avoit un peu de barbe (стр. 145). См. также Маржерета, приведенныя выше, прим. 41.

(52) См. Маржер. 144: «Le maistre du premier logis où le dit «Demetrius aurbit repeu aprés son depart de Moscou, attesta avoir «parlé au dit D. et mesme apporta une lettre écrite de sa main (à ce «qu'il disoit), par la quelle il se plaignoit des Russes, leur reprochant «leur ingratitude et mesconnoissance de sa bonté et clémence, les «asseurant, qu'il ne faudroit à se venger en bref des coulpables. Et «en outre, se trouverent plusieurs billets et lettres semées par les ruës, «tendant au mesme effet, et mesme qu'on l'avoit reconnu en la plus«part des lieux où il avoit pris des chevaux de poste. Furent aussi «trouvées plusieurs autres lettres au mois d'Aoust, témoignant qu'ils «avoient failly à leur coup, et que le dit Demetrius les viendroit voir «en bref, au premier jour de l'an».

(53) *Rzeczy Polskich*. 80: «1 Августа произошелъ бунтъ въ городѣ «отъ подкинутыхъ писемъ съ именемъ Димитрія. Сначала не хотѣли «было читать ихъ, но зная, что они подложныя, созвали всѣхъ Дьяковъ «и сличили почеркъ каждаго; однакожь не могли сыскать подобнаго».

(54) Авр. Палиц. 30: «Царь же Василей много моливъ тѣхъ по«сланьми Митрополитомъ Пафнутіемъ Крутицкимъ со Архимандриты и «Игумены и съ прочимъ народомъ».

(55) *Собр. Гос. Грам* II, 318: «Смущаетеся и вѣрите врагомъ на«шимъ, Литовскимъ людемъ... И нынѣ язъ послала къ вамъ брата своего «Боярина Григорья Ѳедоровича Нагово, и съ нимъ послала къ вамъ «образъ сына своего Благовѣрнаго Царевича Дмитрея Ивановича, чтобъ «ваши сердца просвѣтилися и на истинной путь обратилися... А мнѣ то «подлинно вѣдомо, что Вел. Гос. Ц. и В. К. Вас. Иван. всея Русіи «васъ пощадитъ, вины ваши покроетъ своимъ Царскимъ милосердьемъ: «мнѣ онъ то свое Царское милостивое слово къ вамъ молвилъ: а я васъ «на то благословляю и прошу того у Бога, чтобъ ваши сердца на истин«ный путь обратились, и жити бъ вамъ въ домѣхъ своихъ безмятежно, «и пр... А тому истинно вѣрьте, что то былъ не сынъ мой, воръ. бого«отступникъ, Ростригa Гришка Отрепьевъ, и убитъ онъ нынѣ на Москвѣ: «мои очи его мертва видѣли; а истинной Государь мой сынъ Царевичь «Дм. Ив. убитъ на Углечѣ въ 99 (1591) году; а нынѣ мощи его... сами «о себѣ свидѣтельствуютъ неизреченными чюдесы».

(56) См. Бера, и выше, примѣчаніе 43.

(57) См. Бера «Сей Болотниковъ, родомъ Русской, увезенъ былъ въ «молодости Татарами, проданъ Туркамъ, посаженъ на галеру, и въ те«ченіе нѣсколькихъ лѣтъ долженъ былъ исправлять тяжкую морскую ра«боту. Наконецъ помощію Нѣмцевъ освобожденъ, отправился въ Венецію: «потомъ, желая короче узнать странную перемѣну (wunderlich Mutation), «происшедшую въ отечествѣ его, прибылъ въ Польшу. Тамъ сказали ему, «что Царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, находится «у жены Воеводы Сендомирскаго... Его представили такъ называемому «Димитрію, который спросилъ: хочетъ ли онъ служить противъ измѣнни«ковъ—единоземцевъ своихъ? Болотниковъ отвѣчалъ, что онъ готовъ, «Лжедимитрій, въ знакъ милости, подарилъ его «шубою (Pilzmantel), «саблею, 30 червонцами, и далъ ему письмо въ Путивль къ Шаховскому. «Тамъ, въ слѣдствіе приказанія Лжедимитріева онъ былъ назначенъ Боль«шимъ Воеводою (Polschoi Woiwoda)».—Всѣ наши Лѣтописцы говорятъ, что онъ былъ холопъ Князя Андрея Телятевскаго.

О томъ, что Князь Василій Мосальскій присталъ къ сторонѣ Лжедимитрія, тогда же извѣстно было Посламъ нашимъ въ Польшѣ. См. *Дѣл. Пол.* No 26, л. 288: «Да спрашивали Паны Рады про Князя Василья «Мосальскаго.... сказали, что онъ отпущенъ былъ на Сѣверу и отъ Го«сударя отсталъ и присталъ къ Петру и многіе городы въ Сѣверѣ поималъ «на Дмитрея, сказываючи его жива». Прежде же того, еще въ Августѣ мѣсяцѣ, Послы наши слышали отъ Пристава своего, якобы Князь Вас. Мосальскій пріѣхалъ въ Польшу къ Димитрію, у котораго онъ былъ «на «Москвѣ Ближней Бояринъ и Дворецкой». (Л. 186 на об. и выше, прим. 49) Ио это былъ другой: Князь Василій *Губенъ*-Мосальскій, о коемъ сказано въ прим. 13, и ниже, въ пр. 119.

О князьяхъ, Иванѣ Мосальскомъ и Михаилѣ Долгорукомъ, см. ниже, прим. 115 и 116.

(58) Объ отцѣ Воротынскаго, побѣдителѣ Хана Крымскаго, см. Т. IX, 203 и далѣе; о Князѣ Юріи Трубецкомъ, *Розряд.* 968.

(59) *Rzeczy Polscich.* 86: «17 Сентября (Нов. Ст.) получилъ Воевода (Сендомирскій) извѣстіе, что 5000 войска Шуйскаго разбиты на голову подъ Ельцемъ.

По словамъ Бера. Шуйскій, опасаясь распространенія въ народѣ слуховъ о мятежѣ Сѣверскомъ, объявилъ, что посылаетъ войско на Крымскихъ Татаръ, будтобы вторгнувшихся въ Россію. Воины его изумились, увидѣвъ, что ихъ ведутъ сражаться съ соотечественниками.

Никон. Лът. 80: «Слышаху же подъ Ельцемъ Бояре, что подъ Кро«мами смутилось, отъидоша отъ Ельца прочь, и поидоша все въ Москвѣ, «ратные жь люди, отъѣхавъ въ Москвѣ, разъѣхалися по своимъ домамъ».

(60) Беръ: «Вы съ своимъ *Шубникомъ* (Schubnik) хотѣли убить Царя», Тутъ описаны и жестокости Болотникова.

(61) *Столяр. л.* 533 на обор.: «Начальники у тѣхъ воровъ были: у «Резаньцовъ Воевоы Григорей Ѳедоровъ сынъ Сунбуловъ да Прокофей «Петровъ сынъ Ляпуновъ, а съ Тулены и съ Котираны и съ Веневичи «Истома Пашковъ, а не Веневѣ былъ Сотникъ, а съ Колужены и съ «Олексеньцы и съ иными городами Ивашко Болотниковъ Князя Ондрѣя «Телятевскаго холопъ, а иные воры были начальники и пришли подъ «Москву».

Никон. Лът. 81: «Градъ же Рязань съ пригороды, и Тула и Кашира. «и иные городы Украиные Царю Василью измѣниша и послаху въ Пу«тивль съ повинными; сіи же въ Путимлѣ быша, и никово въ Путимлѣ «не видяху, и назадъ же вспять пріѣзжаху, и никако на истинный путь «не обращахуся. И собрашася вси и поставиша себѣ старѣйшину Со«влопенина (въ *Латух:* Соловьянина; въ *Лът. о мятеж.*: Соловленина). «Сына Боярскаго Истому Пашкова и совокупишася съ тѣмъ Ивашкомъ «Болотниковымъ за одно, и поидоша подъ Москву».

(62) Кобѣржицкій въ *Nis. t Vlad.* (стр. 434). говоритъ о Ляпуновѣ: «Cui apud suos populares, praeter elegantem proceramque corporis «formam, judicium acre, in rebus agendis industria, militiaeque peritia «famam comparaverat».

(63) См. Т. IX, стр. 184.

(64) *Никон. Лът.* 85, и *Столяр. л.* 533.—Выписки изъ обоихъ помѣщены въ прим. 47.—См. также *Разряд. кн.* л, 984.

Столяр: «Да въ Путивль привезены въ 115 г. въ осень къ вору Пе«трушкѣ Никита Васильевъ сынъ Измайловъ отъ Николы Зарайскова, да «съ Резани Прокофей Лепуновъ прислалъ въ Путимль Князя Гаврила «Князь Семенова сына Каркадинова, и тѣ въ Путимлѣ убиты (л. 533)»

(65) *Ник. Лът.* 82.—Въ грамотѣ Митр. Филарета къ Устюжскому Протоіерею отъ 30 Ноября 1606 (которой списокъ принадлежалъ покойному А. И. Ермолаеву) «Разбойники и тати и Бояръ и Дѣтей Боярскихъ бѣглые холопи въ той же прежде погибшей и *оскверненной* Сѣверской Украйнѣ и сговорясь съ воры съ Казаки, которые отступили «отъ Бога и отъ прав. Вѣры и повинулись Сатанѣ и дьявольскимъ че«тамъ и осквернія всякими злыми дѣлы Сѣверскіе городы и пришли въ «Рязанскую землю и въ прочая городы, и тамо тамжь Святыя иконы «обезчестиша, церкви святыя конечно обругаша, и жены и дѣвы безстудно «блудомъ осрамиша и домы ихъ разграбиша и многихъ смерти предаша... «Цѣловали по ихъ велѣнью крестъ.... *не вѣдомо кому*, Ржева, Зубцовъ, Ста«рица, Погорѣлое Городище».

(66) Въ той же Грам. Филарета: «Приходили тѣ богоотступники и «злые душегубцы и сквернители къ Государевѣ вотчинѣ ко граду Твери, «и во Тверскомъ уѣздѣ служивыхъ и всякихъ людей привели ко кресту «сильно, а во Твери Государевъ богомолецъ, а нашъ сынъ и богомолецъ

«Ѳеоктистъ Архіепископъ Тверскій и Кашинскій, положа упованіе на «Бога,.. призвавъ къ себѣ весь Священный соборъ и Приказныхъ Госу-«даревыхъ людей и своего Архіепископля двора Дѣтей Боярскихъ и «града Твери всѣхъ православныхъ Крестіянъ, и укрѣпяся всѣ едино-«мышленно, поборая за св. Божія церкви и за православную Вѣру и за «Государево крестное цѣлованіе, стояти безо всякаго сумнѣнія и страха. «И тѣхъ злыхъ враговъ и грабителей и разорителей подъ градомъ Тверью «много злой ихъ проклятой скопъ побили и живыхъ многихъ злыхъ раз-«бойниковъ и еретиковъ, поимавъ, къ Москвѣ прислали», и пр.

(67) *Хроногр. Ключарева.*

(68) См. выше, прим. 65.

(69) И Молчановъ и Князь Василій Мосальскій были убійцами юнаго Ѳеодора Борисовича. См. Т. XI.

(70) Беръ пишетъ, что тѣла Бориса, Маріи и несчастнаго сына ихъ, погребенныя на кладбищѣ убогаго дома, лежали тамъ годъ и 3 мѣсяца: что когда Царь Василій велѣлъ перевезти ихъ въ Троицкую Лавру, то по открытіи могилъ гробъ Бориса несли 20 Монаховъ, гробы Ѳеодора и Царицы 40 Бояръ; за ними слѣдовали въ печальномъ шествіи Монахи, Монахини, Священники и Бояре до Троицкихъ воротъ: тамъ Бояре сѣли на лошадей, а тѣла положили на сани. Дочь Борисова ѣхала въ закры-тыхъ саняхъ. О ея жалобахъ говорятъ Беръ и Петрей.

(71) См. Бера.

(72) Ксенія скончалась 30 Авг. 1622 г. См. *Ист. Рос.* Кн. Щербатова, Книгу XV, стр. 24 и *Исторія Рос. Іерарх.* Т. II, 68.

(73) Василій Шуйскій умеръ 12 Сентября 1612 года. См. ниже, въ примѣчаніяхъ къ V главѣ сего Тома.

(74) См. Розр. Кн. л. 997.

(75) Тамъ же, на об.

(76) *Никон. Лѣт.* 81; «Градъ же Коломну взяша взятьемъ и разо-«риша его и пришедъ сташа отъ Москвы за пятьдесятъ верстъ. Царь «же Василей противъ ихъ посла всѣхъ Бояръ своихъ и служивыхъ лю-«дей, которые были на Москвѣ, и посадскихъ людей. И пріидоша въ Ко-«ломенской уѣздъ, розогноша многихъ Дворянъ, и Стольниковъ поимаша; «ихъ же поимаху, отсылаху всѣхъ въ Путивль. Бояре же пріидоша къ «Москвѣ, Пашковъ же и Болотниковъ пріидоша къ Москвѣ, и сташа въ «селѣ Коломенскомъ».

Латух. Ст. Кн.: оттуду же пришедшее на Коломну, и той градъ «взяша и разориша. Не дошедше же града Москвы за 50 поприщъ, и «сташа. Царь же Василій посла противу ихъ Бояръ, и посадскихъ и «служилыхъ людей. Они же въ Коломенской уѣздъ въ село Троицкое «пріидоша. Тогда воры тѣ пришедшее и всѣхъ разгнаша, инѣхъ же пе-«реимавше и въ Путимль отосласа; прочіе же Бояре къ Москвѣ пріи-«доша. И тако воры Пашковъ и Болотниковъ въ Коломенскомъ со всею «силою сташа».

(77) Въ упомянутой выше сего Грам. Филарета: «Пришли къ цар-«ствующему граду Москвѣ въ Коломенское, и стоятъ и разсылаютъ во-«ровскіе листы по городомъ, и велятъ вмѣщати въ шпыни и въ Боярскіе и въ Дѣтей Боярскихъ люди и во всякихъ воровъ всякія злыя «дѣла на убіеніе и на грабежъ, и велятъ цѣловати крестъ *мертвому злодѣю* и прелестнику Розстригѣ, а сказываютъ его проклятаго жива».

(78) Въ той же Грамотѣ, 30 Ноября: «А стоятъ тѣ воры подъ «Москвою въ Коломенскомъ, и пишутъ къ Москвѣ проклятые свои «листы, и велятъ Боярскимъ холопемъ побивати своихъ Бояръ и жены «ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и шпынямъ и безъимянникомъ

«воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы «ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати «Боярство и Воеводство, и Окольничество и Дьячество».

(79) *Лат. Ст. Кн.*: «Царь же Васил. Іоан., видѣвъ сія, и повелѣ «повсюду градъ утверждати, чтобы отъ нихъ враговъ какія пакости не «пріяти; самъ же Царь и вси людіе быша въ печали велицѣй. Въ тоже «время нѣкоему отъ человѣкъ явленіе бысть дивно и ужаса исполнено; «онъ же возвѣсти вся Царю и Патріарху... И заповѣда Царь и Патріархъ «всему народу три дни, Октовіа съ 14 числа поститися и прилѣжно «Господу Богу молитися».

(80) Въ Грам. Филарета, 30 Ноября: «Къ нимъ злодѣемъ отъ Москвы «ни единъ же отторжеся, а отъ нихъ къ Государю пріѣзжаючи многіе «добиваютъ челомъ». Въ другой Грам. его, 29 Ноября, сказано о городахъ Зубцовѣ, Старицѣ, Ржевѣ, соединившихся съ Тверью: «И тѣхъ горо«довъ всякіе служилые и торговые люди и всѣ православные Крестьяня, «видя такое милосердіе Божіе града Твери надъ любящими его, истинно «воспомянули души свои, и отринули тѣхъ оныхъ злыхъ діаволи пре«лести мечты вражіи, аки отъ сна пробудясь, и нынѣ на тѣхъ прокля«тыхъ богоотступниковъ пришли къ Москвѣ вооружився». Далѣе, о Смоленской помощи: «Да къ Москвѣ же прислали Государевы вотчины Смо«ленсково города Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе служилые и посац«кіе люди и изъ уѣзду всѣ православные Крестьяня многихъ добрыхъ «Дѣтей Боярскихъ, а съ ними писали къ Государю Царю и В. К. Вас. «Иван. всея Русіи и къ намъ, что пошли къ Москвѣ изъ Смоленска и «изъ Вязмы и изъ Дорогобужа и изъ Серпѣйска Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе служилые люди».

(81) О прежней измѣнѣ ихъ см. выше, стран. 43.

Въ Грам. Филар. отъ 30 Ноября: «Идучи тѣхъ богоотступниковъ, «воровъ и еретиковъ и разорителей, гдѣ они ни были, тѣхъ всѣхъ побили, «а иныхъ, поимавъ живыхъ, мученію смертному и казни предали, кое«муждо же ихъ по ихъ злымъ дѣломъ, и ополчася вся Смоленская, и «Вяземская, и Дорогобужская и Серпѣйская рать, и пришла въ Можаескъ «Ноября въ 15 день, да къ Можайску жь пришелъ со многою ратью «Государевъ Царевъ и В. Князя Вас. Ив. всея Русіи Околничей Вое«вода Ив. Ѳед. Колычевъ, очистивъ отъ тѣхъ воровъ Волокъ и Іосиѳовъ «монастырь и прочіе окрестные грады и села, и въ Можайскѣ тѣ воры «Государю Царю добили челомъ».

(82) Беръ: «Начался споръ о верховномъ начальствѣ. Болотниковъ, «какъ избранный въ Воеводы самимъ Царемъ (Лжедимитріемъ), не хо«тѣлъ быть подъ начальствомъ Пашкова, котораго Шаховскій назначилъ «въ сію должность: согналъ его съ мѣста (Station) и самъ занялъ оное».

Беръ пишетъ, что, въ слѣдствіе сего раздора, Истома Пашковъ передался Царю Василію. Увидимъ ниже, что сіе случилось непрежде 2 Декабря.

Ник. Лѣт. 82: «Рязанцы отъ тѣхъ воровъ отъѣхаша и пріѣхаша «къ Москвѣ. Московскіе жь люди видѣша Божію милость, что Рязанцы «къ нимъ пріидоша».

Столяр. л. 534: «А съ Резанцы Григорей Сунбуловъ и Прокоѳей «Ляпуновъ пріѣхали къ Москвѣ ко Царю Василью, и вину свою при«несли, а Истома Пашковъ пріѣхалъ же, и Царь Вас. Резанцовъ и «Истому Пашкова всѣхъ пожаловалъ, вину имъ отдалъ, и Прокоѳья «Ляпунова пожаловалъ въ Думные Дворяне».

Въ Послужн. Спискѣ Бояръ (*Др. Рос. Вивл.* XX, 83) Прокоп. Петров. Ляпуновъ названъ Дворяниномъ въ Думѣ, въ 7116 (1608) году.

(83) Въ Грам. Филар. отъ 30 Ноября: «Да къ Москвѣ же Ноября «въ 15 день отъ нихъ злыхъ еретиковъ и грабителей и осквернителей «изъ Коломенсково пріѣхали къ Госуд. Царю и Вел. Кн. Вас. Ив. всея «Русіи съ винами своими Рязанцы Григор. Сумбуловъ, да Прокопей Ля«пуновъ, а съ ними многіе Рязанцы, Дворяне и Дѣти Боярскіе, да «Стрѣльцы Московскіе, которые были на Коломнѣ. И милосердый Госу«дарь Царь по своему Царскому милосердію обычаю пріемлетъ ихъ лю«безно, аки отецъ чадолюбивъ, и вины ихъ вскорѣ имъ отдаетъ, и послѣ «того многіе всякіе люди отъ нихъ воровъ и еретиковъ изъ Коло«менсково и изъ иныхъ мѣстъ прибѣгаютъ, и Государь Царь мило«стивымъ окомъ на нихъ взирая, жалуетъ ихъ не по ихъ винамъ своимъ «Царскимъ жалованьемъ, а тѣхъ воровъ, которые стоятъ въ Коломен«скомъ и въ иныхъ мѣстѣхъ и Государевы Царевы и Великаго Князя «Вас. Ив. всея Русіи Бояря и Дворяня и Приказные люди и всѣхъ «городовъ Дѣти Боярскіе и всякіе служилые люди и всѣ православные «Крестьяня Государя молятъ безпрестани и бьютъ челомъ, чтобъ Госу«дарь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ ити въ Коломенское, и Государь «Царь по своему праведному и благоразсудительному и милосердому «нраву отъ таковаго начинанія ихъ молитъ и унимаетъ и до воли Божіи «ити имъ не повелѣваетъ, и безпрестанныя молитвы къ Богу возсылаетъ «и ко Пресв. Богородицы и ко всѣмъ Святымъ любезно припадаетъ со «слезами, и молитъ о душахъ ихъ, чтобъ тѣхъ воровъ и разбойниковъ «и Крестьянскихъ губителей обратилъ Богъ ко истинному и спасеному «пути и кровь бы Крестьянская отъ земли къ Богу, яко Авелева на «Каина, на нихъ не возопіяла, и души бы ихъ отъ Ада поглощенны «не были».

Тамъ же: «Они же отпадшіи отъ Бога... не яко Крестьяня, но аки «и не человѣцы, аки зміеве изъ своихъ гнѣздъ выползая... или яко волцы «воя, хотя устрашити люди Божія... и послали половину злово своего «скопу изъ Коломенсково черезъ Москву рѣку къ Гонной къ Рогожской «слободѣ, и Ноября въ 26 день на праздникъ Великаго Страстотерпца «Христова Георгія вниде слухъ во уши Государю Царю и Великому «Князю Вас. Ив. всея Русіи, что тѣ злодѣи перешли Москву рѣку; онъ «же милосердый Государь не на нихъ злодѣевъ. на загородныхъ слободъ «послалъ за городъ Бояръ своихъ и ратныхъ людей, а велѣлъ съ вели«кимъ терпѣніемъ оберегати слободъ, а ждати ихъ, чтобы ся обратили «ко спасенію; тѣже злые и суровые бѣсомъ подстрекаеми, на свои души «забывъ Бога, пришли отъ слободы Гонныя яко за поприще. Москов«ская жь, Богомъ собранная рать, видя безстудной ихъ приходъ, положа «упованіе на Бога, и призывая въ помощь Великомученика Христова «Георгія, и вооружаяся кійждо ратнымъ оружіемъ, опернатѣвъ, яко небо«парніи орли, въ шлемъ спасенія ополчаяся по достоянію, и устреми«лися на нихъ проклятыхъ злыхъ губителей, поимавъ, елико надобеть «живыхъ всякихъ многихъ воровъ, прислали къ Государю Царю, а тѣхъ «всѣхъ безъ останка побиша и корысти ихъ всякія поимали».

(84) *Лат. Ст. Кн.:* «И острогъ въ земли учиниша. Начаша же къ «Симонову монастырю приходити и лестію ямъ говорити, чтобы они «монастырь тѣмъ ворамъ отворили. Тогда Монахи и Московскіе служи«лые люди крѣпко противу ихъ сташа и многихъ приступающихъ къ «нимъ побиша. Тѣже окаянные воры хотяху около Москвы вся пути «затворити, и вездѣ поставиша крѣпкія стражи».

(85) См. Бера.

(86) Такъ пишутъ современникъ Беръ и Лѣтописцы Никон. и Латух.; но въ Грамотахъ Царя Василія и Митрополита Филарета сказано, что Истома Пашковъ взятъ въ плѣнъ. Сообщаемъ выписки:

Лат. Ст. Кн.: «Изыде же и Князь Мих. Вас. Шуйской съ полками «противу воровъ безсудныхъ. Они же противу Царя со множествомъ «ратныхъ изыдоша, и бысть бытва велія. Одинъ же отъ тѣхъ воровъ, «Истомка Пашковъ, вѣдая Двинянъ храбрость, яко единъ гонитъ сто, и «отобрався Истомка отъ своея дружины, съ Дворяны и съ Дѣтьми Бо«лярскими, и принесоша повинную Царю Вас. Іоанновичу. Прочихъ же «воровъ многихъ побиша и живыхъ переимаша, яко въ турмахъ и въ «полатахъ не вмѣстившася воры тѣ. Ивашко же Болотниковъ па бою «изнеможе и сѣде съ дружиною своею въ Коломенскомъ. Воеводы же «три дни изъ пушекъ по острогу биша, разбити же его не возмогаша; «послѣди же ядра огненныя устроиша, и тѣмъ острогъ зажгоша. Воры «же оттуда побѣгоша, а Государевы люди за ними погнаша, и многихъ «воровъ побиша, и живыхъ взяша».

Въ Грамотѣ Царя Василія, писанной 5 Дек. 1606 въ Верхотурье къ Воеводамъ (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 319): «Декабря во 2 день... «Бояры наши и Воеводы тѣхъ воровъ всѣхъ побили на голову, а Истомку «Пашкова, да Мишку Беззубцова и многихъ Атамановъ и Козаковъ «живыхъ поимали и къ намъ привели... А Дворяне и Дѣти Боярскіе «Резанцы, Коширяне, Туляне, Коломничи, Алексинцы, Калужане, Коз«личи, Мѣщане, Лихвинцы, Бѣлевцы, Болховичи, Боровичи, Медынцы и «всѣхъ городовъ всякіе люди добили намъ челомъ и къ намъ всѣ при«ѣхали».

Ник. Лет. 82 и 83: «Смоляне пришедъ сташа въ Новодѣвичьемъ «монастырѣ, съ Москвы жъ Бояринъ Князь Мих. Вас. Шуйской поиде «съ ратными людьми, и ста въ монастырѣ Даниловскомъ... На завтрееже «прихода Смолянъ, Кн. Мих. Вас. Ш съ товарищи пойде къ Коломен«скому... Воры же изъ Коломенсково изыдоша со многими полками про«тивъ ихъ, начаша битись; той же Истома Пашковъ, узнавъ свое со«грѣшеніе, со всѣми Дворяны и съ Дѣтьми Боярскими отъѣха ко Царю «Василью къ Москвѣ, а тѣ воры, Боярскіе люди и Козаки, бьющеся, «отнюдь не обращахуся. По милости же Всещедр. Бога и помощію «Преч. Борогородицы и Московск. Чудотворцовъ, тѣхъ воровъ многихъ «побиша, и живыхъ многихъ поимаша, яко убо на Москвѣ ни въ тюрмѣ, «ни въ полаты не вмѣстяхуся; а назадъ тойже воръ Ивашко Болотни«ковъ не съ великими людьми ушелъ, и сяде во градѣ въ Калугѣ; а «иные сѣдоша въ деревнѣ въ Заборьѣ. Бояре же со всѣми ратными «людьми приступаху къ Заборью, они же воры. видя свое изнеможеніе, «сдались всѣ. Царь же В. повелѣ ихъ взяти къ Москвѣ и поставить по «дворамъ; повелѣ имъ давати кормы, и не велѣ ихъ ни чѣмъ тронути; «тѣхъ же воровъ, кои поиманы на бою, повелѣ ихъ посадити въ воду».

Столяр. л. 534: «Государь Царь, прося у Бога помощи, противъ «тѣхъ воровъ, послалъ съ Москвы Бояръ своихъ Князь М. В. Скопина «Шуйскова и пр... Да въ тоже время къ Москвѣ изъ Смоленска пришли «Смоляне, Дворяне и Дѣти Боярскіе и Смоленскіи Стрѣльцы, а прислалъ «ихъ на очищеніе Москов. Государству Бояринъ Мих. Борис. Шеинъ, «а Воевода у нихъ у всѣхъ былъ у Смолянъ Григорей Михайловичъ «сынъ Полтевъ... и Госуд. Цапя и В. Кн. Вас. Ивановича всея Русіи «щастьемъ Бояре Кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйской и иные Бояре и «Воеводы воровскихъ людей розогнали и побили, и съ-подъ Москвы во«ры побѣжали, Казаки въ осадѣ въ Заборьѣ сидѣли и тѣ Государю до«били челомъ и сдались и крестъ цѣловали, что ему Государю служить».

Беръ: «Пашковъ, вступивъ съ Царемъ Шуйскимъ въ переговоры и «получивъ отъ него богатые подарки, передался ему, и вошедши въ «Москву днемъ, всенародно объявилъ, что никто въ Путивлѣ Дмитрія «не видалъ», и пр.

Въ Грам. Митроп. Филарета къ Устюжскому Протоіерію отъ 8 Дек.: «Государевы Бояря и Воеводы воровъ, которые были пришли подъ «Москву, Истомку Пашкова съ товарыши, побили на голову, а Самаго «Истомку Пашкова, да Мишку Беззубцева и иныхъ многихъ Атама«новъ и Козаковъ живыхъ взяли, а достальные не многіе розбѣжались «разными дорогами».

(87) *Никон. Лѣт.* См. выше, прим. 86.

(88) См. Послужн. Списокъ въ *Др. Рос. Вивл.* (XX, 81 и 82)—Тутъ же сказано о пожалованіи Начальника Смолянъ Полтева Думнымъ Дворяниномъ.

(89) Въ Грам. Филар. отъ 8 Дек.: «И по Государевѣ Царевѣ и «В. Кн. Вас. Ив. всея Русіи Грамотѣ велѣно мнѣ, Цареву богомольцу, «пѣти мольбны по три дни со звономъ».

(90) *Латух. Ст. Кн.*: «Ивашко же Болотниковъ прибѣжа къ Серпу«хову, но граждане во градъ его не пустиша; онъ же побѣжа за Оку «рѣку, въ Колугѣ сѣде и укрѣпися, а иніи сѣдоша въ Заборьѣ».

(91) Беръ пишетъ, что «Болотниковъ послѣ сего отправилъ вѣстника «къ князю Григорію, требуя, чтобы онъ скорѣе вызвалъ Царя изъ Польши» и пр.

(92) Беръ говоритъ, что «обѣщавшій Князю Григорію писать въ «Путивль подъ именемъ Дмитрія, потерялъ къ нему довѣренность и «остался жить въ Польшѣ *хорошимъ* помѣщикомъ, предоставляя другимъ «спорить о Царствѣ».

(93) См. Т. XI, 239.

(94) *Ник. Лѣт.* 80: «Поидоша къ Москвѣ рѣкою Волгою, проидоша «градъ Свіюжской, и встрѣтоша съ тою вѣстію, что тово окаянново «Гришку Ростригу на Москвѣ убили; тѣже Казаки съ тѣмъ воромъ по«воротиша назадъ, многіе городы и мѣста разориша, и пріидоша къ го«роду къ Царицыну. Тожво бяша Послы, кои посланы были въ Кизыл«баши, Князь Иванъ Петровичь Ромодановской, тово тутъ и убиша, «Воеводу Ѳедора Акинѳеева убиша: а самъ тотъ воръ Петрушка и съ «Козаками поиде на Донъ, и ту на Дону зимова».

Въ Хронографѣ *Столяр.* (л. 532 на об.) тоже съ слѣдующими подробностями: «Умышля бездушствомъ и воровствомъ, поворотилися съ «тѣмъ воромъ съ Петрушкою на низъ, и проѣхавъ Свіяжской, подъ го«рами стали, и выбрали Атамановъ и Есауловъ и лучшихъ Казаковъ «сорокъ человѣкъ, Третьяка Юлова съ товарищи, и послали въ Казань «бити челомъ Государевымъ Бояромъ, Василію Петровичу Морозову да «Богдану Яковлевичу Бѣльскому, что онѣ вора Петрушку, который на«зывался Царевичемъ Царя Ѳедора Ивановича сыномъ. въ Казань при«ведутъ и отдадутъ, и сами Царь Василею Ивановичу крестъ цѣлуютъ, «и Бояре тому ихъ челобитью повѣрили; а онѣ воры Казаки въ ночи «подлѣ нагорной стороны на низъ проѣхали тихимъ обычаемъ, и вора «Петрушку съ собою провезли, и ѣдучи Волгою на встрѣчѣ всякихъ слу«живыхъ людей побивали до смерти и грабили, и Самару и Саратовъ «проѣхали, и не доѣхавъ Царицына, рѣкою Камышенкою проѣхали въ «Украйные городы на Воронежъ съ товарыщи, и въ Украйныхъ горо«дѣхъ учали тово вора называть Царевичемъ Петромъ: Царя Ѳедора «Ивановича сыномъ».

(95) Беръ пишетъ, что «Шаховскій предлагалъ ему, покоривъ вмѣстѣ «отечество, управлять имъ до пріѣзда Димитрія изъ Польши. Такимъ «образомъ, прибавляетъ Беръ, хотѣлъ онъ отдать ему прекраснѣйшее «Царство».—По словамъ его, Лжепетръ привелъ въ Путивль 10,000 человѣкъ.

(96) *Ник. Лѣт.* 85 и 86: «Петрушка воръ, который назвался Царе«вичемъ, съ Дону пойде въ Путимль съ Козаками съ Донскими и съ «Волскими, и пріидоша въ Царевъ Борисовъ городъ; въ Царѣ же градѣ «поимаша Воеводъ Михаила Богдановича Сабурова, да Князь Юрья «Пріимкова-Ростовского, и побиша ихъ, пошелъ въ Путивль... Князь «Андрей Бахтеяровъ въ та времена былъ въ Путимлѣ Воевода, и ево «убиша, и дочь ево тотъ воръ Петрушка взя къ себѣ на позоръ на «постелю».

(97) *Дѣл. Польск* No 26, л. 253: «А на Сѣверѣ нынѣ Государемъ «Петромъ зовутъ, сказывается сынъ бывшаго Государя нашего Великаго «Князя Ѳедора и съ Государемъ вашимъ нынѣшнимъ *валку чинитъ* «(сражается), и не мало городовъ осѣлъ въ Сѣверск. землѣ, а къ Госу«дарю нашему Королю шлетъ Пословъ своихъ, и то веть стало не отъ «Государя же нашего. Сами люди Москов. Государства межь собя раз«руху чинятъ, а на насъ пеняете».

Нашъ посолъ, Князь Волконскій, увѣряя Поляковъ, что извѣстіе, будто Борисъ Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою новорожденнаго сына Ѳеодорова, есть выдумка зломысленныхъ, говорилъ: «При Государынѣ Царицѣ и Вед. Княг. Иринѣ «были всегда неотступно мои Княжь Григорьевы «сестры, Княжь Иванова Княгиня Козловского, да Окольничего Ондрея «Петровича Клешнина жена, и только бы такое дѣло осталось, и онѣ бъ «меня въ томъ не утаили» (см. л. 299). Тамъ же, л. 287 и на об.: «И «Паны Рада говорили: только Государь нашъ отпуститъ Воеводу съ то«варыши и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые нынѣ на «Москвѣ, ино и *Дмитрящки* и *Петрушки* не будетъ. А только Государь «нашъ вскорѣ не отпуститъ всѣхъ людей, ино и Дмитрей будетъ и Петръ «прямой будетъ, и наши за своихъ съ ними за одно станутъ».

Ник. Лѣт. 86: «Тойже воръ Петрушка... собрався съ воровскими «людьми, пошелъ изъ Путимля въ Тулу; къ нему жъ пріидоша изъ За«порогъ Черкасы. И вышедъ изъ Путивля. посла напередъ себя на Тулу «многихъ ратныхъ людей и повелѣ имъ съ Тулы итти подъ Колугу».

(98) См. *Розряд. Кн.* л. 996. А въ *Ник. Лѣт.* 83: «Боярину Князю «Ивану Ивановичу Шуйскому изъ Серпухово велѣно отоити подъ Колугу; «Бояринъ же пріиде подъ Колугу, и Колугу осади, и приступаше къ Ко«лугѣ приступомъ, и ничево имъ не учиниша».

Беръ: «Шуйскій напалъ на станъ Болотникова съ 100 тысячами че«ловѣкъ; множество побилъ; взялъ въ плѣнъ 10 тысячь; прочихъ обра«тилъ въ бѣгство». Изъ *Разрядн. Книги* и Лѣтописцевъ видно, что послѣ бѣгства Болотникова и Беззубцева Царь Василій не самъ шелъ за ними, но отправилъ Воеводъ, изъ коихъ первымъ былъ Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій.

Беръ: «Болотниковъ приказалъ обнести Калугу тыномъ, окопать «рвомъ, (Петрей: und vor dem Stacket. und hint r dem Stacket.) и вы«держалъ въ семъ мѣстѣ осаду съ 30 Декабря 1606 г. по 3 Мая 1607».

Устье рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ Калуги. См. *Больш. Чертежъ*, стран. 130.

(99) *Столяр.* л. 534: «И съ тово побѣгу воры Ивашко Болотниковъ «съ Отаманы и съ Казаки и со всякими воры прибѣжалъ въ Колугу и «Колугу засѣлъ, а съ нимъ сѣли въ Колугѣ всякихъ людей огненнаго бою

«больши десяти тысячь, а иные всякіе воры съ розгрому же изъ подъ «Москвы прибѣжали на Тулу, и сѣли въ Тулѣ многіе жь люди съ огнен- «нымъ боемъ».

(100) *Столяр.* л. 535: «Орзамасъ и Олатарь... и съ уѣздами были въ «измѣнѣ, отъ Царя Василья отложился... а на Олатарѣ Воеводу Ждана «Степановича Сабурова Алаторскіе воры въ воду посадили... А нижней «Новгородъ стоялъ за Царя Василья, отъ воровъ отъ Русскихъ людей «былъ въ осадѣ, а стояли подъ Нижнимъ Русскіе люди и Боротники и «Мордва, а съ ними былъ за Воеводы мѣсто Ив. Бор. сынъ Доможировъ».

Ник. Лът. 82: «Въ таже времена собрався Мордва и Бортники и «Боярскіе хлопи и крестьяне, пріидоша подъ Нижней Новъ городъ оса- «диша, въ нихъ же старѣйшинъ два Мордвина, Московъ да Воркадинъ «(въ *Столяр.*: Варгадинъ), и стояху подъ Нижнимъ и многія пакости граду «дѣлаху».

(101) О Хворостининѣ см. *Розр.* л. 986; также собственную его Гра- моту, писанную изъ Астрахани къ Ногайскому Князю Ишереку и Мур- замъ, коею онъ приглашалъ ихъ дать со всею Ордою присягу явившемуся вновь Самозванцу (*Собр. Госуд. Грам.* II, 326).

Ник. Лът. 81: «Градъ Асторохань изъ мелкихъ многихъ людей, ко- «торые стояху за правду, побиваху съ роскату, и Дьяка Аѳонасья Кар- «пова убиша».

(102) О Годуновыхъ, назначенныхъ въ Воеводы въ Сибирь, см. Т. XI, 206.—Грамота Василіева въ Верхотурье отъ 5 Дек. 1606 (*Собр. Г. Грам.* II. 318) писана къ Степану Годунову.—См. *Розряд.* л. 986 на об.

(103) См. *См. Собр. Грам.* II, 320.

(104) *Ник. Лът.* 79: «Въ тоже время въ Новѣгородѣ великомъ бысть «моръ великій. Въ томъ же году переставися Болярин К. Мих. Петр. «Катыревъ въ Новѣгородѣ въ моровое повѣтріе».

(105) Тамъ же, 81: Царь же Василей повелѣ подъ Асторохань итти «Боярину Ѳедору Иван. Шереметеву, да Ивану Салтыкову, да Ивану «Плещееву».—Тамъ же 83: «Царь же Василей посла на воровъ подъ го «роды, въ Серпуховъ Боярина К. Ивана Иванов. Шуйскаго, *подъ Арза-* «*масъ* К. Ивана Михайловича Воротынсково, подъ Михайловъ К. Ивана «Андреевича Хованскоко, подъ Колугу К. Никиту Андреевича Хован- «сково, подъ Веневу К. Андр. Васил. Хилкова, подъ Козелескъ Артемья «Васил. Измайлова.—Бояринъ К. Иванъ Мих Воротынской градъ Арза- «масъ взялъ. и повелѣша отойти въ Олексинъ, а Боярину К Ив. Ив. «Шуйскому изъ Серпухово велѣно отойти подъ Колугу». О послѣднемъ см. выше, прим. 98.

Но извѣстіе объ отправленіи Князя Воротынскаго подъ Арзамасъ не согласно съ другими. Туда велѣно было итти Воеводамъ, Григорію Григор. Пушкину и Сергѣю Григор. Пушкину и Сергѣю Григор. Адаурову съ ратными людьми, Владимірскими, Суздальскими и Муромскими. См. *Хронограф. Столяр.* л. 535.—Воротынскій же посланъ былъ къ Алексину (см. тамъ же) и къ Тулѣ. См. ниже, пр. 114.

Ник. Лът. 84: Царь же Василей посла подъ Калугу Бояръ своихъ «и Воеводъ послѣднихъ съ ратными людьми, Боярина К. Ѳед. Ив. Мсти- «славскаго, да К. Мих. Вас. Шуйскаго, да К. Бориса Петровича Татева».

(106) См. въ старинной рукописной книгѣ принадлежавшей покой- ному А. И. Ермолаеву, главу 39, *о посланіи Благовѣрнаго Гос. Царя и В. К. Вас. Ив. всея Русіи въ Старицу по Іева, бывшаго Патріарха Московскаго, и како пришелъ Іевъ Патріархъ въ Москву и прощеніе далъ всему Московскому народу и прощальную грамоту въ крестномъ преступ- леніи:* «Лѣта 7115. Февр. во 2 день... Царь и В. Кн. В. И... велѣлъ отцу

«своему и богомольцу Святѣйш. Ермогену, Патріарху Моск. и всея Русіи, «и Митрополитомъ и Архіепископомъ и Епископомъ и Архимандритомъ «и Игуменомъ быти къ себѣ Государю для своего *Государева и Земскаго дѣла;* и Февр. въ 3 день, у Государя Царя... Святѣйшій Ермогенъ, Патр. «Моск. и вс. Рус. да съ нимъ Панфутей, Митрополитъ Сарскій и По«донскій, да Арсеній, Архіеп. Архангельскій и Архимариты и Игумены «были... И Государь Царь... совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомоль«цомъ, Святѣйш. Ермогеномъ Патр. Моск. и вс. Р. и съ Митрополиты, «и пр... приговорилъ послати въ Старицу, по преже бывшаго Іева Па«тріарха Московскаго и вс. Рус., Крутицкаго Митр. Панфутія, да Си«мановскаго Архимандрита Пимина, да Патріархова Архидьякона Алим«пія, да Дьяка своего Григорья Елизарова, да съ ними же велѣлъ Го«сударь послати своей Царской конюшни каптану, подбиту собольми, а «въ ней восмь санниковъ, да простыхъ на перемѣну восемь же санни«ковъ, да съ каптаною и съ санниками послалъ Государь своего Госу«дарева конюха Посника Крюкова, да съ нимъ стряпчихъ конюховъ: «для того, чтобъ Іеву Патріарху, пріѣхавъ къ Москвѣ, простити и раз«рѣшити всѣхъ православныхъ Крестьянъ въ ихъ преступленіи крестнаго «цѣлованья и во многихъ клятвахъ... А съ ними послана отъ Ермогена «Патр. М. и вс. Р. къ Іеву Патріарху грамота такова: Государю Отцу «нашему, Святѣйшему Іеву Патріарху, сынъ твой и богомолецъ Ермо«генъ Патр. М. и вс. Р. Бога молю и челомъ бью: Благородный и Бла«гочестивый и Христолюбивый Вел. Гос. Царь и В. К. В. І. вс. Р. Са«модержецъ, совѣтовавъ со мною богомольцомъ своимъ и со всѣмъ Освя«щеннымъ Соборомъ, и съ Бояры и съ Окольничими и съ Дворяны и съ «приказными людьми и со всѣмъ своимъ Царскимъ Сигклитомъ, и съ «гостьми и съ торговыми людьми и со всѣми православными Христіаны «паствы твоея, послалъ молити Святительство твое, чтобы ты учинилъ «подвигъ, ѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его *Государева* и *Зем«скаго Великаго дѣла;* да и мы молимъ со усердіемъ Святительство твое «и колѣни преклоняемъ: сподоби насъ видѣти благолѣпное лице твое и «слышати пресладкій гласъ твой: презѣльне бо желаемъ тя чувственными «очима зрѣти и Богомъ благословенныя десницы твоея сподобитесь, па«чеже о сихъ, еже благосердне преспослеши о насъ молитву твою къ «Трисобственнаго Естества Владычеству, да сподобитъ премилостивый «Богъ за молитвъ твоихъ Россійское Государство жити въ мирѣ и въ по«коѣ и въ тишинѣ, и подастъ Вел. Гос. нашему Царю и Вел. Кн. В. І. «вс. Р. здравіе и на враги побѣду и Святымъ своимъ Церквамъ и Хри«стіанской нашей непорочной Вѣрѣ благое и крѣпкое состояніе; а мы «должны, елика наша сила, сегоже безсмертнаго Зижителя нашего Бога «молити о твоемъ Святительскомъ благомъ пребываніи, а милость Божія «и Преч. Богородицы и Великихъ Чудотв. Петра, Алексѣя и Іоны мо«литвами, да нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ (съ) Свя«тительствомъ твоимъ всегда и во вѣки, аминь. Писана на Москвѣ, лѣта «7115, Февр. въ 5 день».

(107) См. тамъ же *Челобитную* отъ имени Московскаго народа: «И «того мы своего Государя Ѳед. Бор. и матерь его Царицу Марью и «Царевну Ксенью... Гришкѣ Отрепьеву выдали, и воръ Гришка надъ «ними мучительски творилъ, какъ хотѣлъ: Государя нашего Ѳедора съ «матерью его смерти предалъ».

(108) См. тамъ же *Прощальную Грамоту Іова:* «Великій, превысокій, «православный столпъ, коренъ благовѣрія, предивный цвѣтъ благочестія, «степень Царскій, Костянтинъ новый, Владиміръ славный, Ярославъ «дивный, Александръ пречюдный, Государь нашъ Царь и Вел. Кн. Иванъ

«Васильевичъ всея Русіи, грѣхъ ради нашихъ оставя земное царство, «отъиде въ вѣчное блаженство Небеснаго Царствія». Тамъ же о убіеніи Св. Царевича Димитрія: «И Вел. Гос. нашего Царевича Димитрія на «Углечѣ не стало 99 (1591) году: пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ «измѣнниковъ своихъ». Далѣе о Самозванцѣ: «Мы же, азъ смиренный «Іевъ... вамъ про того вора про Розстригу извѣщалъ... чтобы вы де па«мятовали Бога.., на чемъ цѣловали крестъ Царю Борису и Царицѣ его «Марьѣ и Царевичу Ѳедору и Царевнѣ Ксеніи, и самъ вамъ на себя «великую клятву полагалъ, что воистинну прямой воръ Розстрига, а не «Царевичь Димитрей, и вы въ томъ наше показаніе и заклинаніе и свои «души и крестное цѣлованіе все въ презрѣніе положили... Толикій мя«тежъ учинилъ (Розстрига) въ православныхъ Крестьянѣхъ, его же отъ «начала свѣта въ Божественномъ Писаніи не обрѣтается, еже всѣмъ «намъ извѣстно есть».

(109) Тамъ же: «Видѣвъ (Богъ) достояніе свое въ такой погибели и «Христіанск. нашу Вѣру разоряему, воздвиже на него (Розстригу) веле«гласна обличителя и злому умышленію его проповѣдника, Великаго «Государя нашего, воистинну *свята* и *праведна* Царя и Вел. Кн. В. Ив. «вс. Рус., и аще многое безчестіе и гоненіе мало и не до смерти пострада «на того врага, милосердый Богъ промысломъ его до конца сокрушивъ, «убьенъ бысть... и скареднаго тѣла не осталося... А называютъ того «мертваго злодѣя, иже содержа престолъ Царскій, Разстригу жива; а «намъ и вамъ всѣмъ православнымъ Христіаномъ сего злодѣя смерть «подлинно вѣдома. И нынѣ азъ смиренный Ермогенъ, Божіею милостію «Патріархъ и пр., и азъ смиренный Іевъ, бывый Патріархъ и пр., молимъ «скорбными сердцы и плачевными гласы Премилостиваго Царя Царст«вующихъ... да явитъ намъ неизслѣдимую пучину благоутробія своего и «да покажетъ на насъ въ послѣднихъ сихъ временахъ божественная «своя изрядная чюдеса», и пр.

(110) Тамъ же: «И потомъ цѣловали крестъ по злодѣйской Розстри«гинѣ прелести». Въ заключеніе сказано: «И въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестнаго цѣлованія. «азъ Ермогенъ, Патр. Моск. и вс. Рус и азъ смиренный бывый Іевъ «Патр. царствующаго града Москвы, по даннѣй намъ благодати отъ «Пресв. и Животв. Духа, и полагаяся на премилостивыя щедроты Божія, «васъ вкупѣ всѣхъ Правосл. Христіанъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сій «вѣкъ и въ будущій», и пр.

(111) *Истор. Рос. Іерархіи.* Т. I, 41.

(112) Осада была въ Генварѣ. См. *Розрядн. Кн.*

Столяр. л. 534 на об.: «И Колугу осадили накрѣпко, и изъ наряду «изъ большаго и изъ огненныхъ пушекъ въ городъ и въ острогъ стрѣ«ляли безпрестанно, и многихъ людей побивали».

Никон. Лѣт. 84: «Начаша подъ Колугою надъ ворами промышляти, «поведоша гору древяную къ острогу и хотяху зажечь, приметаша же «гору близъ острогу. Той же Болотниковъ, вышедъ со всѣми людьми и «тое гору зажгоша, и на приступѣ многихъ людей побиша и пораниша, «а городу ничего не сдѣлаша».

См. также *Латух. Степ. Книгу.*

(113) *Столяр.* л. 534 на об.: «А изъ Колуги воры Казаки на вы«лозки выходили безпрестанно, и бои были безпрестанные, и Царя Ва«сильевыхъ ратныхъ людей на вылазкахъ побивали и ранили, и въ осадѣ «въ Колугѣ былъ великой голодъ: ѣли лошадей».

О Фидлерѣ см. Бера и Петрея (стр. 390. Вотъ ужасная, данная Фидлеромъ клятва, отъ которой (говорятъ они) у всѣхъ присутствовав-

шихъ поднялись волосы дыбомъ: «Я Фридрихъ Фидлеръ клянусь Пресв. «Троицею въ томъ, что хочу отравить (mit Gift ertödten) Ивана Бо«лотникова (Pollutnik), врага Царя Шуйскаго и всей Россіи; если же «сего не содѣлаю и тѣмъ обману моего Государя, то да буду на вѣки «лишенъ части въ Небесномъ Царствіи и милости Госп. Бога моего и «Един. Сына Его І. Х., пролившаго за насъ кровь свою; да не буду «имѣть помощи отъ Духа Святаго; да оставятъ меня всѣ Ангелы, Хра«нители рода Христіанскаго; стихіи міра сего, созданныя на пользу «человѣкамъ, да обратятся на главу мою; земля, да поглотитъ меня жи«ваго; земныя произрастѣнія да будутъ мнѣ ядомъ; да овладѣетъ Діаволъ «тѣломъ и душею моею, и если даже, вздумавъ не выполнить своего «обѣщанія, потребую отъ Отца Духовнаго отпущенія въ семъ грѣхѣ «моемъ, то сіе отпущеніе да не будетъ имѣть силы. Но нѣтъ! Во истинну «исполню слово свое, и отравлю Ивана Болотникова симъ ядомъ, упо«вая на помощь Божію и Святое Евангеліе». Беръ присовокупляетъ: послѣ сей страшной и богопротивной присяги Фидлеръ не усомнился явиться къ Болотникову, и въ присутствіи окружавшихъ его людей сказалъ, что получилъ отъ Шуйскаго повелѣніе *дать ему ядъ*, и отдаетъ его, на какое угодно употребленіе.

(114) *Ник. Лѣт.* 84: «Пріидоша же къ Михайлову городу съ Украи«ныхъ городовъ на помочь, Михайловцы жь вышедъ изъ града и отъ «града отбиша; они же отъидоша въ Переславль Резанской. Царь же «Василей Князь Ивану Хованскому повелѣ быти къ Москвѣ, а въ Пе«реславль посла на его мѣсто К. Бориса Мих. Лыкова, да Прокофья «Ляпунова.—Подъ Веневою жь стоя Воевода Князь Андрей Хилковъ, и «надъ Веневою не сдѣла ничего; съ Веневы жь вышедше воры, отъ го«рода отбили, они же отъидоша на Коширу. — Бояринъ К. Иванъ «Мих. Воротынскій изъ Олексина поиде подъ Тулу, на Тулѣ же въ тѣ «поры воровъ было много, Воевода жь у тѣхъ воровъ Андрей Телятев«ской, и выде со всѣми людьми, Князя Ив. Михайловича разгоня, едва «ушелъ въ Олескинъ».

(115) *Ник. Лѣт.* 87: «Въ тоже время пріиде подъ Козельскъ Князь «Мих. Долгорукой и со многими воровскими людьми, по милости же «Божіей тѣхъ воровъ побиша многихъ и языки многіе поимаша».

Артемій Измайловъ пожалованъ изъ Думныхъ Дворянъ Окольничимъ. См. *Разряд.* л. 993, и Послужн. Списокъ Бояръ въ *Др. Росс. Вивліоѳ.* XX, 82.

(116) См. *Геогр. Слов. Рос. Государства*, подъ словомъ *Серебряное*, Т. V, 916.

Столяр. л. 535 на обор.: «И какъ увѣдали, что Царя Василья «Московскіе люди (Пушкинъ и Ададуровъ: см. выше, въ прим. 105, «ссылку на сей же *Хроногр. Столяр.*) идутъ на Орзамазскіе и на Ола«тырскіе мѣста, изъ подъ Нижняго воры разбѣжались... Съ Алатыря «Григорью Пушкину, да Сергѣю Ададурову со всѣми ратными людьми «велѣно итти подъ Серебряные Пруды, а въ Серебряныхъ Прудахъ си«дѣли воровскіе люди, а подъ Серебряными Прудами стояли Воеводы «Князь Ондрей Васильев. Хилковъ, да Богданъ Матвѣевъ сынъ Глѣбовъ, «а съ ними разные люди и Коширяне и Туляне и Ярославцы и Угли«чане и съ Низовскихъ городовъ, и Григ. Пушкинъ и Серг. Ододуровъ «подъ Пруды пришли и подъ Прудами стояли вмѣстѣ со Княз. Ондреемъ «Васильев. Хилковымъ, и къ Прудамъ и острогу ратные люди присту«пали съ щитами день до полуночи, и изъ Прудовъ воровскіе люди мно«гихъ ратныхъ людей переранили, а иныхъ побили, и воровскіе люди, «видя свою погибель, что имъ не отсидѣтца, сдалися, и въ острогъ

«пустили Царя Васильевыхъ людей и крестъ цѣловали Царю Василью, «и на завтрее сдачи пришли многіе воровскіе люди и съ Украйны на «выручку къ Серебрянымъ Прудамъ, а съ тѣми воровскими людьми были «Воеводы К. Иванъ Масальской, да иноземецъ Литвинъ Иванъ Сторов- «ской, и Царя Васильевымъ Воеводамъ Князю Ондрею и Григорью съ «товарыщи и всѣмъ ратнымъ людемъ съ воровскими людьми былъ бой «отъ Серебряныхъ Прудовъ версты за четыре, и воровскихъ многихъ «людей побили и языки многіе поимали, и воровскихъ Воеводъ К. Ивана «Масальскаго, Ивана Сторовскаго взяли».

О семъ Князѣ Мосальскомъ (Иванѣ Даниловичѣ) см. *Розряд. Кн.* л. 977.

(117) *Столяр.* л. 536: «Тогожь 115 (1607) году въ Великій Постъ «изъ подъ Прудовъ Воеводы съ ратными людьми ходили подъ Дѣдиловъ, «а въ Дѣдиловѣ были воровскіе люди. И воровскіе люди Царя Васил- «евыхъ людей розогнали, и на побѣгѣ убили Воеводу Сергѣя Ододурова, «а ратные многіе люди потонули въ рѣкѣ въ Шату. И съ того розгрому «Воеводы и ратные люди прибѣжали на Коширу».

(118) См. *Собр. Гос. Грам.* (II, 327) и выше, примѣч. 101.

Ник. Лѣт. 81: «Они же (Шерем., Салтык. и Плещеевъ) пріидоша къ Асторохани; Астораханцы жь ихъ къ Астрохани не допустиша, они же сташа на островѣ на Батчикѣ, и поставиша тутъ острогъ. Астро- «хани не допустиша, Астроханцы жь приступаху къ острогу, и многіе напасти «дѣлаху: коихъ возмутъ въ Астрохань живыхъ, ихъ различными «муками «побиваху. Въ томъ же острогѣ, на Балчикѣ, пріиде на ратныхъ «на многихъ людей болѣзнь цынга и многіе люди помроша».

Упоминаемый въ сей выпискѣ островъ Балчикъ или Батчикъ именуется и Болдинскимъ (см. *Геогр. Слов. Росс. Госуд.* Т. I. 329) отъ *Болды*, протока или рукава Волги. См. *Больш. Чертежъ*, стр. 239.

(119) Сего К. Вас. Мосальскаго не должно смѣшивать съ другимъ Василіемъ Рубцомъ Мосальскимъ, который былъ посланъ въ Корелу въ первые дни Василіева Царствованія, и въ 1608 году еще находился тамъ См. *Розр. Кн.* л. 985 и 1004 на об.

(120) См. *Больш. Чертежъ*, стр. 178: «А ниже Бѣлева верстъ съ 6, «пала въ Оку Вырка».

Ник. Лѣт. 85: «Изъ Путимля жь и изъ иныхъ Сиверскихъ горо- «довъ воры пріидоша на помочь къ Калугѣ, пріидоша на Вырку; Бояре «жь подъ Колугою слышаху про нихъ, что идоша многіе люди, Воевода «жь съ ними ворами Князь Василей Мосальской; Бояре жь послаша изъ «подъ Колуги противъ ихъ Боярина Ивана Никитича Романова, да «Князь Данила Ивановича Мезецкаго со многими ратными людьми. Они «же встрѣтоша ихъ на Выркѣ рѣчкѣ и начаша съ ними битися, и би- «лись съ ними день да ночь, и по милости Божіи побиша воровъ на го- «лову, и Воевода К. Василья убиша; достальные жь воры многіе на зе- «лейныхъ бочкахъ сами сидяху, и подъ собою зажгоша, и злою смертію «помроша; Бояре же воротишася подъ Колугу и языки многіе приведоша».

(121) См. Т. XI 101.

(122) *Розряд.* л. 992.

(123) См. Бера: «Мая 1 дня Князь Петръ отправилъ изъ Тулы «войско, чтобы освободить Калугу, осажденную Москвитянами. На встрѣчу «ему выслали они нѣсколько тысячь человѣкъ: обѣ стороны сошлись «подъ *Пулною* (на Пчелнѣ); Москвитяне совершенно разбиты и въ страхѣ «спѣшили возвратиться подъ Калугу».—См. *Розряд.* л. 992 на об.

Ник. Лѣт. 86. «Они же (войско Лжепетра) пришли на Тулу, и со- «брався пошли подъ Калугу, Воевода жь у нихъ въ тѣ поры былъ Князь «Андрей Телятевской, и не доходя Калуги, стали на Пчелнѣ. Бояре жъ

«то подъ Калугою слышавше, и послаша противъ ихъ Бояръ и Воеводъ «съ ратными людьми, К. Вор. Петр. Татева К. Андрея Черкасскаго (въ «*Хрон. Стол.*: Тюменскаго); они же сошлися съ ними на Пчелнѣ и на- «чаша съ ними битися, и гнѣвомъ Божіимъ тѣ воры ихъ побиша, и «Воеводъ К. Бор. Петр. Татева и Кн. Андрея Черкаскаго убиша и мно- «гихъ ратныхъ людей побиша».

(124) Тамъ же: «Достальные же прибѣжаху въ полки подъ Колугу. «Бояре же и ратные люди того ужасошася, и отъ Колуги поидоша къ «Москвѣ, и нарядъ пометаша, и отшедъ сташа въ Боровскѣ.

Столяр. л. 535: «А которые ратные люди стояли подъ Колугою, а «въ походѣ не были, и они, смотря на тѣхъ же людей, изъ подъ Ко- «луги пошли, а Бояръ покинули, а изъ Колуги воръ Ивашка Болотни- «ковъ со всѣми ворами вышелъ на Боярскіе станы вылозкою, и Бояре «и Воеводы съ достальными людьми отошли отходомъ въ Серпуховъ и нарядъ съ собою отвезли, а иной нарядъ остался подъ Колугою».

Латух. Степ. Кн.: «Въ то время Князь Михаилъ Скопинъ Шуй- «ской, да Атаманъ Козачей Истомка Пашковъ противъ тѣхъ воровъ «мужественно сташа и многихъ побиша, сами же отводомъ прочь оты- «доша и едва отъ совершенныя погибели спасошася».

(125) Сіе число въ *Лат. Ст. Кн.*: «Глаголютъ же нѣцыи, яко и отъ «Государева полка къ нему вору (Петрушкѣ) войска 15,000 предашася»

О Нѣмцахъ, измѣнившихъ Шуйскому, пишетъ Беръ. Начальникомъ ихъ былъ Лифляндецъ Гансбергъ.

Ник. Лѣт. 87: Воевода жь Артемей Измайловъ, слыша то, что «Бояре отъ Колуги отъидоша, взя нарядъ, со всѣми ратными людьми «отойде въ Мещовскъ».

(126) См. *Rzeczy Polskich*: «Патріархъ отлучилъ приверженцевъ «того, кто принялъ на себя имя Димитрія; Болотникова и всѣхъ про- «тивниковъ предалъ проклятію. По объявленіи сего разосланы указы, «чтобы всѣ спѣшили на враговъ Св. Вѣры подъ опасеніемъ смертной «казни за ослушаніе. Предписано, чтобъ всѣ монастырскіе люди, спо- «собные владѣть оружіемъ, шли на войну, а монастыри отправляли «съѣстные припасы въ крѣпости или къ войскамъ; даже чтобъ самые «Иноки готовились сражаться за Вѣру, когда потребуетъ необходимость».

(127) *Ник. Лѣт.* 87: «А воръ Петрушка въ тѣ поры пришелъ на «Тулу». Въ семъ городѣ соединились тогда *всѣ виновники бѣдствія*, говоритъ Беръ.

(128) *Розряд.* л. 995 на об.—*Стол.* л. 537: «А на Москвѣ Государь «оставилъ брата своего Князя Дм. Ив. Шуйскаго, и Москва приказана «была ему».

(129) См. Бера. — *Rzeczy Polskich:* «Подъ Серпуховымъ далъ «клятву не возвращаться въ Москву безъ побѣды, или положить голову «свою на полѣ брани».

(130) *Ник. Лѣт.* 87: «Самъ же Царь Василей пойде къ Серпухову, «а на Коширу посла съ ратными людьми для береженья Боярина К. «Андр. Вас. Голицына, да съ Рязани велѣлъ итти Боярину К. Бор. Мих. «Лыкову со всѣми ратными людьми».

Съ Лыковымъ былъ и Прокопій Ляпуновъ (см. тамъ же, 84).

(131) *Розр.* л. 931 на об.—См. въ рукоп. книгѣ, принадлежащей покойному А. И. Ермолаеву, *списокъ съ Грамоты Митр. Филарета* 12 Іюня: «Іюня въ 5 день писалъ къ нему Государю Ц. и В. К. Вас. Ив. вс. «Рус. его Государевъ Бояринъ и Воеводы Кн. Ондрей Васильевичь съ «товарищи, что они съ воры сошлись на рѣчкѣ на Восмѣ, отъ Коширы «верстъ за 12, Іюня въ 5 день, и Божіею помощію... тѣхъ воровъ на

«голову побили и ихъ воровскихъ воеводъ нарядъ и набаты и знамена и «коши всѣ поимали, и живыхъ языковъ больши пяти тысячь взяли, а «имали ихъ и побивали на тридцати верстахъ; а достальные воры и «лучшіе ихъ промышленики, Терскіе и Яицкіе, Волскіе, Донскіе и Пу«тивльскіе и Рыльскіе Атаманы и Казаки сѣли въ баяракѣ и городокъ «себѣ сдѣлали, и его де Государевы Бояре и Воеводы... къ тому городку «приступали... и тѣхъ воровъ взятьемъ взяли».

Ник. Лѣт. 87. «Воръ же Петрушка, слышавъ то, Царь Василей «пріиде въ Серпуховъ, а Воеводы съ ратными людьми пріидоша на Ко«ширу, посла Воеводу отъ себя, К. Андрея Телятевскаго, да съ нимъ «многихъ ратныхъ людей. Они же поидоша къ Коширѣ; Воеводы же «свѣдаху ихъ приходъ на себя, и поидоша противъ ихъ, и сошлися на «рѣкѣ на Возмѣ, и бысть бой день весь, и начаша воры Московскихъ «людей осиливати. Московскіе же люди, видя такую надъ собою побѣду «отъ враговъ, всѣ возопиша единогласно, что умереть всѣмъ до единаго; «Бояре жь и Воеводы К. Андрей и К. Борисъ (т. е. К. Андр. Вас. Го«лицынъ и К. Бор. Мих. Лыковъ. См. *Лат. Ст. Кн.* и *Розряд.*), ѣздя «по полкомъ, возопиша ратнымъ людемъ со слезами: гдѣ суть намъ бѣ«жати? лучше намъ здѣся померети другъ за друга единодушно всѣмъ. «Ратные же люди всѣ единогласно возопіяху: подобаетъ вамъ начинати, «а намъ помирати. Бояре же, призвавъ Бога, отложиша все житіе свое, «напустиша на нихъ злодѣевъ со всѣми ратными людьми. По милости «же Всещедраго Бога тѣхъ воровскихъ людей побиша на голову, а до«стольные многіе сѣдоша во врагѣхъ, а той Князь Андрей Телятевской «утекъ не съ великими людьми. Видяше же ратные люди, что много имъ «*шкоты* изъ того врагу отъ тѣхъ враговъ, и возопиша всѣ единогласно, «что помереть всѣмъ за одно, слѣзчи съ лошадей, и поидоша всѣ пѣши «со всѣхъ сторонъ съ приступомъ, и по милости Божіи всѣхъ тѣхъ во«ровъ побиша на голову, развѣ трехъ человѣкъ взяша живыхъ, а ми«лостію Божіею Московскимъ ратнымъ людемъ шкоты никакія въ тѣ «поры не учинили. Бояре же пріидоша въ Серпуховъ ко Царю Василью «съ великою радостію. Царь же Василей, видя ихъ промыслъ и слыша, «радостенъ бысть, ихъ пожаловалъ своимъ Государевымъ жалованьемъ».

Беръ говоритъ, что «Москвитяне были бы разбиты въ семъ дѣлѣ, «если бы одинъ изъ Воеводъ (Лжепетра) не перешелъ съ 4000 человѣкъ «на сторону Шуйскаго».

(132) *Столяр.* л. 537 и на об.: «Изъ Тулы воры отъ Петрушки, К. «Ондрей Телятевской со многими воровскими людьми, шелъ на Коширу, «а съ нимъ воровъ было Козаковъ Донскихъ и Терскихъ, и Волскихъ и «Яицкихъ, и Украиныхъ людей, Путимцовъ и Елчанъ съ товарыщи съ «тридцать тысячь.. Въ девятую Пятницу (5 Іюня) по Велицѣмъ днѣ «сошлися въ Коширскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Восмы, и... сотнемъ съ «воры былъ бой, съ утра съ первова часу до пятова, и воровъ Каза«ковъ пѣшихъ съ огненнымъ боемъ перешли за рѣчку въ бояракъ «тысяча семьсотъ человѣкъ, а подлѣ боярака стояли съ Резанцы Ѳе«доръ Булгаковъ да Прокофей Ляпуновъ и воровскіе люди изъ боярака «изъ ружья стрѣляли по Резанцамъ... Резанцы скочили всѣмъ полкомъ «къ рѣчкѣ къ Восмѣ, и сотнями, которыя съ воры билися, напустили «единомышленно на воровъ... и въ погонѣ безчисленно побили... а го«няли за ними тридцать верстъ... и воры Казаки въ бояракѣ сидѣли «два дни... упрямилися, чтобъ имъ помереть, а не отдаться.. стрѣляли «изъ ружей до тѣхъ мѣстъ, что у нихъ зелья не стало; и тѣхъ воровъ «многихъ побили, а достальныхъ взяли и на завтрее всѣхъ казнили... «только оставили семь человѣкъ живыхъ по челобитью Дворянъ и Дѣ-

«тей Боярскихъ, Нижегородцовъ, да Арзамасцовъ, что они тѣмъ Дво-«ряномъ учинили добро, какъ они шли Казаки съ Терка съ воромъ съ «Петрушкою, Волгою, къ вору Розстригѣ и воротились съ воромъ Вол-«гою назадъ, и тѣхъ Дворянъ встрѣтили на Волгѣ и воръ ихъ хотѣлъ «побить, и они ихъ не велѣли побить».

(133) См. выше, въ прим. 131, выписку изъ *Ник. Лѣт.*

Въ сей же Лѣтописи, на стран. 88: «Царь же Василей со всѣми «ратными людьми пойде къ граду Алексину, и градъ Алексинъ пришедъ «взя взятьемъ, и посади въ Алексинѣ ратныхъ людей, а самъ пойде «подъ Тулу со всѣми людьми (Воръ же слыша тотъ приходъ Царя Ва-«силья и посла всѣхъ людей съ Тулы, воровскіе люди многіе), посла на «передн себя Боярина своего Князь Михайла Васильевича Шуйскаго «съ ратными людьми. Они же съ ними сошлися подъ Тулою на рѣчкѣ «Воронѣе, по милости Божіи тѣхъ воровъ побиша, и многихъ живыхъ «поимаша, достальные же утекоша въ Тулу. Царь же Василей со всѣми «людьми пріинде подъ Тулу и Тулу осадилъ».

Столяр. л. 538: «Бояре жь и Воеводы, К. Ондр. Васил. Голицынъ, «да К. Бор. Мих. Лыковъ съ товарищи, съ своими полки, пошли подъ «Тулу, а изъ Серпухова Царь Вас. Ив. послалъ подъ Тулу Бояръ сво-«ихъ и Воеводъ на три полки: въ Большемъ Полку Бояринъ К. Мих. «Вас. Скопинъ-Шуйской, да Бояринъ Ив. Никит. Романовъ, въ Передо-«вомъ Полку Бояринъ К. Ив. Вас. Голицынъ, въ Сторожевомъ Полку «Бояринъ Вас. Петр. Морозовъ, да Яковъ Вас. Зюзинъ; и сошлися «Бояре и Воеводы съ Коширскимъ полкомъ за тридцать верстъ до Тулы. «И пошли подъ Тулу, и пришли на рѣчку на Воронею въ десятую Пят-«ницу по Велицѣ дни (12 Іюня). И Тульскіе многіе воры, конные и пѣ-«шіе, Московскихъ людей встрѣтили за семь верстъ отъ Тулы на рѣчкѣ «Воронѣе и былъ съ ними бой: пѣшіе воровскіе люди стояли подлѣ рѣчки «въ крѣпостяхъ; а рѣчка топка и грязна, и по рѣчкѣ крѣпость, лѣса. И «отъ рѣчки воровскіе люди многое время билися, и милостію Божіею «Московскіе люди воровскихъ людей отъ рѣчки отбили и за рѣчку Во-«ронью во многихъ мѣстахъ сотни передовыя перешли, и Бояре и Вое-«воды со всѣми полки перешли жь и воровскихъ людей учали топтать «до города до Тулы и многихъ побили и живыхъ поимали, а пѣхоту мно-«гую жь побили и поимали. И воровскіе люди прибѣжали въ городъ, а «Московскіе люди гнали ихъ до городовыхъ воротъ, а человѣкъ съ десять «Московскихъ людей и въ городъ въѣхали, и въ городѣ ихъ побили, а «Бояре и Воеводы ко всѣми полки стали подъ Тулою и Тулу осадили».

Тамъ же, л. 540: «Царь пришелъ со всѣми ратными людьми подъ «Тулу, и сталъ отъ Тулы три версты; а въ Тулѣ въ тѣ поры былъ воръ «Петрушка, да съ нимъ К. Андр. Телятевской, да Ивашка Болотниковъ, «холопъ Телятевскаго, да Самойла Хахановской (Kochanowski?) и иные «многіе... и всякихъ воровъ сидѣло съ огненнымъ боемъ съ двадцать «тысячь».

О рѣчкѣ Воронеѣ, впадающей въ Упу ниже Тулы, см. *Больш. Чертеж.* 180.

(134) *Стол.* л. 539: «А по Коширской дорогѣ, на Черленой горѣ, «сталъ Коширской полкъ, Бояр. Кн. Андр. Вас. Голицынъ съ товарищи, «на рѣчкѣ на Тулкѣ, а по Кропивинской дорогѣ и по инымъ мѣстомъ «стали Бояре и Воеводы Большіе, и Передовой и Сторожевой Полки, а «народъ большой поставили за турами отъ Кропивинскихъ дорогъ, да «нарядъ же поставили съ Коширскія дороги близко Упы рѣки... Да подлѣ «Коширскаго жь полку по рѣчкѣ Тулкѣ стояли Казанскаго Царства и «Казанскихъ городовъ и пригородковъ Мурзы, и Тотаровя, и Чуваша,

«и Черемиса, многіе люди, и Романовскіе и Арзамасскіе Князи и Мурзы, «и служивые Татаровя, а Воевода съ Татары былъ Князь Петръ Ара«слановичь Урусовъ». — О прибытіи Царя подъ Тулу, см. въ прим. 133 выписку изъ сего же Хронографа.

Тамъ же, л. 540:«Изъ Тулы вылазки были на всѣ стороны, на вся«кой день по трожды и по четырежды, а всѣ выходили пѣшіе люди съ «огненнымъ боемъ, и многихъ Московскихъ людей ранили и побивали: «а изъ наряду большаго съ обѣихъ сторонъ въ Тулу стрѣляли и поби«вали многихъ людей».

Рукоп. Филарет: «Пойде подъ градъ Тулу, и пріиде Іюня въ «30 день, и стоя не малое время, недомыслящеся, что сотворити граду «Тулѣ».

Ник. Лът. 89: «А подъ иные городы посла Воеводъ, Дѣдиловъ и «Кропивну и Епифань взяша взятьемъ».

(135) *Ник. Лът.* 91: «Аки волны морскія, едина погибаетъ, а дру«гая возставаетъ, такоже наши бѣды и напасти, та бѣда полегаше, а «другая грѣхъ ради нашихъ возставаше».

(136) Беръ.

(137) Тамъ же.

(138) Аврам. Палиц. 31: «Нарекоша ложнаго Царя Димитрія отъ «Сѣверскихъ градовъ, Попова сына, Матюшку Веревкина». — См. также *Латух. Ст. Кн.*

Кобѣржицкій въ *Hisi. Vlad.* 320: «Certe Judaeum fuisse suspicionem «movit inter fugientis è castris supellectilem repertum Thalmut, mul«tique Hebraei codices et Syngraphae, Judaïcis exaratae characteribus».

Нарушевичь (въ *Hist. Chodk.* T. I, ks. IV, not. 70) приводитъ слѣдующія слова, изъ письма Царя Мих. Ѳед. къ Морицу, Принцу Оранскому, помѣщенныя въ книгѣ Respublicae et Urbes. Lugd. Bat. 1630. pag. 581: «Сигизмундъ послалъ Жида, который назвался Димитріемъ «Царевичемъ».

Беръ; «Получивъ письмо (отъ Болотникова и Шаховскаго), друзья «Сендомирскаго Воеводы приступаютъ къ дѣлу и находятъ для сего въ «*Слобѣ* (?), что въ Бѣлоруссіи, человѣка, родомъ Русскаго, жившаго учи«телемъ у одного Священника и умѣвшаго хорошо читать и писать по «Русски и по Польски: звали его Иваномъ. Сего хитраго юношу они «назначили представлять Димитрія».

Петрей, 395: «Haben sie doch einen endlich in weiss Reussland «in der Stad *Socola (Соколъ*, мѣстечко въ Витеб. Губерніи; см. *Слов. «Географ.)* mit Namen *Johannes,* ein spitzfündigen und verschmitzten «Kerl angetroffen, den zuvorn eine geraume Zeit Schuelmeister geve«sen ist, und Reussisch fertig lesen und schreiben kondte. Diesen «nenneten sie *Demetrius»*, etc.

(139) *Ник. Лът.* 117: «Тово же вора Тушинсково, который назвался «въ Розстригино имя, отнюдь никтоже не знаше, не вѣдомо откуды взяся: «многіе убо узнаваху, что онъ былъ не отъ служиваго корени, чаяху «Попова сына или церковнаго дьячка, потому что Кругъ весь Церков«ной зналъ».

О свойствахъ его пишетъ Кобѣржицкій слѣдующее (стран. 321): «Superos irridere, Numen procaci lingua lacessere solitus; ad extre«mum rudis, barbarus, crudelis, avarus, subdolus, lascivia libidineque «infamis, crapulae deditus, totus ex sceleribus flagitiisque conflatus, «indignus qui ficti etiam Principis nomen sumeret, ad cujus tuendam «auctoritatem nec formam nec unicam haberet virtutem, praeter Polo«norum robur Moschorumque ad praesens simulata obsequia». etc.

(140) Кобѣржицкій. См. выше, прим. 138.

(141) См. письмо Николая Харлескаго изъ Остроклудова отъ 19 (т. е. 9 по Ст. Стилю) Окт. 1607 года, найденное Нѣмцевичемъ въ Рукописи Луцкаго Прелата Осинскаго (*Dz. Pan. Zygm. III*, Т. II, 304.): «Онъ же (Лжедимитрій) имѣетъ большую опытность (praktike) и пред-«сказываетъ, что будетъ царствовать три года; лишится престола измѣ-«ною, но опять воцарится и уже на тридцать лѣтъ; тогда распростра-«нитъ предѣлы своей державы». Нѣмцевичъ думалъ, что въ семъ письмѣ говорится о первомъ Лжедимитріи; но оно писано въ 1607 году, и въ немъ нѣсколько разъ упоминается о Царѣ Шуйскомъ, а ни слова о Годуновѣ.

(142) Нѣмцевичъ въ *Dz. Pan. Sygm. III*, Т. II, 327.

(143) Беръ: «Наставивъ (Ивана Бѣлорусск. учителя) во всемъ, что «нужно ему было знать, отправили его въ Путивль съ Мѣховецкимъ. «Тамъ, признанный за истиннаго Димитрія, онъ произвелъ въ народѣ «великую радость; оттуда выѣхалъ около Яковлева дня, и прибылъ въ «Стародубъ, сопровождаемый Григоріемъ *Кашпеціомъ* и писаремъ Алек-«сѣемъ, но выдавалъ себя не за Царя, а за Царскаго родственника «Нагаго».

(144) *Никон. Лѣт.* 89: Въ *лѣто* 7116 году пріиде въ Стародубъ «Сѣверской человѣкъ незнаемой и назвася Андреемъ Андреевымъ сы-«номъ Нагово; съ нимъ же пріиде товарищъ, сказался Московской Подъ-«ячей Олешка Рукинъ, а иные сказываютъ де Мина: а пріидоша невѣ-«дома откуда, и сказаша, что пришли отъ Царя Дмитрія къ нимъ, и «сказаша Стародубцамъ, что Царь Дмитрей присла ихъ напередъ себя «для того, таки ль ему всѣ рады, а онъ живъ вскрышѣ отъ измѣнни-«ковъ. Стародубцы же имъ всѣ возопиша единодушно, что всѣ мы ему «рады: скажите намъ, гдѣ онъ нынѣ, и пойдемъ всѣ къ нему головами. «Той же Олешка Рукинъ сказа имъ во всѣ люди: здѣся есть у васъ «Царь Дмитрей. Они же начаша его спрашивати, онъ же имъ не сказа; «они же его взяша и поведоша къ пыткѣ и начаша его пытати, онъ же «имъ съ пытки сказа: сей есть Царь Дмитрей, кой называется Ондреемъ «Нагимъ. Стародубцы же начаша вопити и начаша звонити въ колокола».

Если сіе случилось въ 7116 году, какъ говоритъ Лѣтописецъ, то не прежде 1 Сентября 1607 года: ибо годы отъ Сотворенія Міра считались съ сего числа. Но Беръ, современникъ, утверждаетъ, что Самозванецъ отправился изъ Путивля въ Стародубъ въ Яковлевъ день (по Лютеран-скому Календарю 25 Іюля); а отъ Стародуба до Путивля не болѣе 180 верстъ.

(145) См выписку изъ Бера, помѣщенную въ прим. 143. Писарь Алексѣй, когда начали пытать его, сказалъ собравшемуся народу: «Глупцы! «вы смѣете меня терзать за моего Государя! Но развѣ не знаете его? «Онъ здѣсь, подъ именемъ Нагова — и видитъ ваши поступки со мною: «возмите же его (da haьt ihr ihn) и если хотите, умертвите вмѣстѣ съ «нами: но знайте, что онъ не хотѣлъ открыться вамъ, желая напередъ «вѣдать, будете ли рады его прибытію». — Тутъ простодушные Старо-дубцы (какъ говоритъ Беръ) повергнлись къ ногамъ Самозванца, и каж-дый изъ нихъ вопилъ: «Виноваты, государь! Мы должны жить и умереть «за тебя».

Журналъ Машкѣвича: «На сей разъ Димитрея воскресилъ Мѣхо-«вецкій, а потомъ, хотя или не хотя, долженъ былъ помогать ему: ибо «твердо зналъ всѣ обычаи и дѣла перваго Димитрія».

Ник. Лѣт. 90: «Писаху грамоту въ Путивль, въ Черниговъ, въ «Новъ городокъ. Они же къ тому воровству тотчасъ присташа, и на-«чаша къ нему сбиратися».

(146) Беръ: «Заруцкій, отправленный, какъ сказано выше, къ Ди«митрію изъ Тулы, обрадовался явленію его, вручилъ ему письмо, и «хотя съ перваго взгляду узналъ въ немъ *новаго* Самозванца, но въ «присутствіи народа показывалъ, что признаетъ за прежняго своего «Государя», и проч.

Беръ разсказываетъ еще, что сей Самозванецъ подвергнулъ въ тотъ же день жителей Стародуба испытанію, такимъ образомъ: выѣхалъ за городскія ворота состязаться съ Заруцкимъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ и въ ристаніи. Народъ вышелъ смотрѣть на нихъ, и когда Лжедимитрій, по тайному условію съ соперникомъ, упалъ съ лошади, будто бы сраженный его копьемъ, зрители вскричали: *ловите измѣнника Заруцкаго;* настигли его у воротъ, били палками, и потомъ связавъ, привели къ Самозванцу, который благодарилъ ихъ за сіи знаки приверженности.

(147) *Ник. Лѣт.* 90: «Послаша къ Царю Василью подъ Тулу Ста«родубца, сына Боярсково, и писаша отъ себя въ грамотахъ къ Царю «Василью, что будто подъискался подъ нимъ Царства. Той же сынъ «Боярской пріиде подъ Тулу, и Дьяволомъ наученъ бысть, говорилъ «Царю Василью встрѣшно, что прямой ты подъ Государемъ нашимъ «подъ прироженымъ Царемъ подъискалъ Царства. Царь же Василей «повелѣ его пытати, и сожгоша на пыткѣ его до смерти, и онъ умре «говоривъ тѣже рѣчи; тако его окаянную душу ожесточилъ Дьяволъ, что «за такова вора умре».

См. также Нѣмцев. *Dz. Pan. Sygm. III*, II, 323.

(148) *Ник. Лѣт.* «А подъ Козелескъ посла К. Василья Мосаль«сково съ ратными людьми, а подъ Бѣлевъ и подъ Болховъ посла К. «Третьяка Сеитова съ ратными жь людьми.—К. Третьякъ же шедъ, очи«стилъ городы Лихвикъ (Лихвинъ), Болховъ, Бѣлевъ, а К. Василей сталъ «межь Козельска и Мещерска».

(149) *Беръ:* «Въ тотъ же день (когда Заруцкій вручилъ письмо Ди«митрію) прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими дружинами (Fahnen) «Польской конницы».

Ник. Лѣт. 90: «Воръ же собрався Сѣверскихъ городовъ съ воров«скими людьми, и поиде подъ Брянескъ. Царь же Василей, слышавъ то, «что идетъ воръ подъ Брянескъ, и велѣлъ послати изъ Мещерска (Ме«щевска) Воеводѣ Григорью Сунбулову трезвыхъ людей, что провѣдати «про вора и городъ Брянскъ сжечь. Григорей же посла ратныхъ людей «наскоро полтретья ста человѣкъ, а Голову имъ велѣлъ выбрати межь «себя самимъ, кого они же излюбятъ. Они же выбраша Голову Брянче«нина Елизара Безобразова и пріидоша къ Брянску; а въ ту пору изъ «Брянска всѣ люди вышли къ вору на встрѣчу; они же городъ Бря«нескъ сожгоша и пріидоша опять въ Мещескъ».

(150) О семъ письмѣ см. выше, прим. 141.

(151) «Sam Szuyski odstąpił z woiskiem swojém od Tuły, która «dobywał: wielki rozruch w jego woysku», etc.

(152) *Стол.* л. 540 на об.: «Въ Государевѣ Розрядѣ Дьякомъ по«далъ челобитную Муромецъ сынъ Боярской *Ивана* Суминъ сынъ Кров«ковъ, что онъ Тулу потопить водою, рѣку Упу запрудитъ, и вода де «будетъ въ острогу и въ городѣ, и дворы потопитъ, и людемъ будетъ «нужа великая, и сидѣть имъ въ осадѣ не умѣть. И Царь Вас. Ив. «велѣлъ ему Тулу топить, и Сынъ Боярской Ив. Кровковъ плотину дѣ«лалъ, сѣкли лѣсъ и клали солому и землю въ мѣшкахъ рогозиныхъ, и «вели плоти по обѣ стороны рѣки Упы, а дѣлали плотину всѣми рат«ными съ окладомъ, и плотину сдѣлали и рѣку Упу загатили, и вода

«стала большая, и въ острогъ и въ городъ вошла, и многія мѣста во «дворѣхъ потопила и людей. Отъ воды учала быть нужа большая, хлѣбъ «и соль у нихъ въ осадѣ былъ дорогъ, да и не стало. Изъ Тулы къ «Царю Василью въ полки учали выходить всякіе люди, человѣкъ по сту «и двѣсти и по триста на день, а подъ-достоль многіе люди отъ голоду «и отъ воды стали выходить».

Въ *Ник. Лѣтописи* Муромецъ Кровковъ названъ *Ѳомою* Суминымъ сыномъ (стр. 91): «Рече ко Царю Василью: дай мнѣ посохи, язъ де «потоплю Тулу. Царь же Василей и Бояре посмѣяхусь ему, како ему «градъ Тулу потопить; онъ же съ прилежаніемъ къ нему: вели меня «казнить, будетъ не потоплю Тулы. Царь же В. даде ему на волю; онъ «же повелѣ со всей рати со всякаго человѣка привести по мѣшку съ «землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити, вода учала прибывати. Царь «же В., видя его промышленія наипаче ему повелѣ совершати и повелѣ «ему дати на пособъ мельниковъ; онъ же рѣку запрудилъ и градъ Тулу »потопилъ совсѣмъ».

Рукоп. Филар.: «По повелѣнію же Цареву обрѣтеся хитродѣлате- «лецъ *воинъ града Мурома*, зовомый *Мышокъ Кровковъ*, и даетъ обѣщаніе, «да потопитъ градъ той водою... Сотвори на рѣкѣ заплоту древяну и «землею засыпа; помалу накопися вода и возвратися вспять и обыде «весь градъ, яко ни откуда ему быть путь сухъ, и яже во градѣ ихъ «быть пища, все потопи и размы, а людіе града того ужасни быша о «семъ, и помалу оскудѣша брашны и быть на нихъ гладъ великъ зѣло, «якоже всяко скверно и нечисто ядяху, кошки и мыши и иная подоб- «ная симъ».

(153) Беръ разсказываетъ нелѣпую басню, будто одинъ старый Монахъ, волшебникъ (zauberscher Mönch), обѣщалъ начальникамъ Тулы разрушить плотину, требуя за сіе ста рублей въ награду. Онъ раздѣлся, бросился въ воду и долго былъ невидимъ; наконецъ явился въ самомъ жалостномъ положеніи, и объявилъ зрителямъ, что Шуйскій съ помощію 12.000 бѣсовъ запрудилъ рѣку; что половину ихъ ему удалось склонить на сторону осажденныхъ, но другая половина осталась непреклонною къ злобѣ, и онъ за свои тщетныя усилія принужденъ былъ заплатить лютыми ранами.

(154) См. Бера. Тула, по словамъ его, сдались въ день Симеона и Іуды, т. е. 28 Октября; по *Уварова* и *Столяр. Хронографамъ* съ Праздникъ Покрова. Но въ *Грамотѣ Царя Василья* отъ 19 Октября, коей списокъ находится въ книгѣ, принадлежащей Г. Ермолаеву, сказано: «Октября въ «10 день... Тульскіе сидѣльцы... намъ добили челомъ».

(155) Онъ умеръ въ Боярскомъ санѣ въ 120 (1612) году. См. Списокъ Бояръ въ *Др. Рос. Вивл.* XX, 86.

(156) См. Бера: «Царь распустилъ по домамъ всѣхъ воиновъ, бывшихъ «съ нимъ подъ Тулою, со всею челядью ихъ и лошадьми, позволивъ имъ «отдохнуть до перваго зимняго пути».—См. также *Ник. Лѣт.* 91.

(157) См. *Ник. Лѣт.* 92.

(158) *Стол.* л. 539 на об.: «И по повелѣнію Царя Василья Тата- «ромъ и Черемисѣ велѣно Украинные и Сѣверскихъ городовъ Уѣздовъ «всякихъ людей воевать и въ полонъ имать и животъ ихъ грабить за ихъ «измѣну и за воровство».

(159) Беръ: Но тѣ Бояре и воины, которые стояли подъ Калугою, «должны были остаться на службѣ»,

(160) См. Паерле.—Беръ пишетъ, что Шуйскій ѣздилъ въ Троицкую Лавру въ осеннее, ненастное время, приносить *Богу Сергію* (dem Gott Sergio) благодареніе за побѣду надъ измѣнниками.

(161) *Стол.* л. 541: «Вора Петрушку велѣлъ повѣсить подъ Дани-«ловымъ монастыремъ, по Серпуховской дорогѣ, а Ивашка велѣлъ со-«слать въ Каргополь и посадить въ воду».

Ник. Лѣт. 91: «Пришедъ къ Москвѣ, велѣлъ того вора Петрушку «повѣсити, а К. Гр. Шаховскаго посла на Каменое. а Ивашка Болотни-«кова и Ѳедку Нагибу и иныхъ товарищевъ сослалъ въ поморскіе го-«рода и тамъ ихъ повелѣ казнити».

Беръ разсказываетъ, что Шуйскій, взявъ Тулу, нашелъ тамъ Шаховскаго въ темницѣ, посаженнаго Козаками за то, что обѣщанный имъ Димитрій не являлся; что Шаховской умѣлъ увѣрить Царя, будто онъ томился въ неволѣ за намѣреніе уйти къ нему, и былъ освобожденъ Шуйскимъ, потомъ опять ушелъ къ Лжедимитрію и сдѣлался его первымъ совѣтникомъ.

(162) См. Бера и Петрея.

(163) См. *Ник. Лѣт.* 95, *Хрон. Стол.* л. 551 на об. и *Рукоп. Филар.* Въ *Розрядн. Книгахъ* и въ *Диплом. Собр. Бант. Каменскаго* сказано, что Шуйскій женился 17 Генваря; что имя невѣсты его было Екатерина; но что въ Царицахъ дали ей имя Маріи.—Въ *Рукописи Филарет.* вѣнчаніе отнесено къ 14 Генваря. Первое показаніе вѣроятнѣе: ибо 14 Генваря въ семъ году было въ Четвертокъ, а 17 въ Воскресенье.

(164) *Псковск. Лѣтоп.* л. 36 на об.: «И видѣ Дьяволъ, яко не пре-«може одолѣти Христіанству. разже Царя похотію на блудъ. Онъ же, «оставя все воинство свое, и иде въ Царство свое и поятъ жену, и на-«чатъ оттолѣ ясти и пити и веселится, а о брани небреже. Видѣ же себе «воинство отъ Царя оставлены и небрегомы, и Воеводъ и начальниковъ «не восхотѣ слушати, и разыдошась кождо во грады и въ домы своя, и «иніи отъидоша къ ложному Царю, желающе чести временныя».

(165) О Законѣ 1593 года см. Т. X, 194 и прим. 349 и 352.—Въ «1601 г. сный объявленъ былъ временнымъ. См. Т. XI, 83.—См. тамъ же «на стран. 207, Лжедимитріево постановленіе о крестьянахъ. Законъ «Василія, о крестьянахъ подписанный 9 Марта. помѣщенъ въ дополни-«тельныхъ Указахъ къ Судебнику, изданному 1786 г. (стр. 240).

Въ оном сказано между прочимъ: «А буде которые, отнынѣ и за «кого вышедъ, перейдутъ къ иному кому бы то ни было, и тотъ приметъ... «и у того крестьянина взявъ, перевести ему со всѣми пожитки, откуда «онъ перебѣжалъ,... да съ него же на Царя Государя за то, что принялъ «противо Уложенія, доправити 10 рублевъ, не принимай чужаго, да съ «негоже за пожилое тому, чей крестьянинъ,... на всякой годъ по три «рубли... А побѣжитъ жонка, или вдова, или дѣвка въ чужую отчину «и выдетъ замужъ, и того мужика, которой женится на чужой жонкѣ, «отдати тому, чья жонка, со всѣми его животы и съ дѣтьми, кои отъ тоя «бѣглыя родились... А которые люди держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а «вдову послѣ мужа болѣе дву лѣтъ, а парня холостаго за 20 лѣтъ, а не «женятъ, и воли имъ не даютъ, и той вдовѣ, или дѣвкѣ, или парню... «дати отпускныя, въ Москвѣ Казначею, а въ иныхъ городахъ Намѣст-«никомъ и Судьямъ,... не держи неженатыхъ надъ законъ Божій и Пра-«вила Святыхъ Отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ «людехъ... А въ городахъ навѣдыватись... нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей «вновь,... оныхъ брати и спрашивати на крѣпко, чей онъ... и буде ска-«жетъ, кто подговорилъ, и доведетъ на него, и того подговорщика казнити «торговою казнію, и взять съ него поруку; что ему того бѣглаго отвести «къ его государю, да съ него же въ казну взяти пени 10 рублевъ», и проч. Можетъ быть, инымъ читателямъ уже извѣстно, что нашъ покой-ный Историографъ худо вѣрилъ подлинности сего Акта, котораго нѣтъ

ни въ одномъ изъ Государственныхъ Архивовъ, о коемъ не упоминаютъ современные Лѣтописцы и который изданъ въ свѣтъ (въ дополненіи къ Судебнику) Историкомъ Татищевымъ, не рѣдко дозволявшимъ себѣ *изобрѣтать* древнія преданіе и рукописи. Соображая всѣ сіи обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ трудно удержаться отъ мысли о подлогѣ: ее оправдываютъ и странность нѣкоторыхъ разсужденій, помѣщенныхъ въ семъ, будто бы Василіевомъ Законѣ, и самый слогъ онаго. Въ одномъ изъ манускриптовъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, противъ словъ текста: (Шуйскій) *подтвердилъ Уложеніе Ѳеодора Іоанновича, но сказавъ, что оно составлено Годуновымъ, вопреки мнѣнію Бояръ старѣйшихъ, и произвело въ началѣ много зла,* и пр. (См. стран. 77 сего XII Тома), Исторіографъ своею рукою прибавилъ на полѣ: *все сомнѣваюсь: для чего же перемѣнилъ?*

(166) См. *Уставъ Ратныхъ, Пушечныхъ и другихъ Дѣлъ, касающихся до Воинской Науки,* изд. подъ смотрѣніемъ Рубана. СПб. при Госуд. Воен. Коллегіи. 1777.—Въ сей книгѣ помѣщены 663 Статьи, выбранныя въ Царствованіе Василія Шуйскаго и Михаила Ѳедоровича, въ 1607 и 1621 г. изъ иностранныхъ военныхъ книгъ *Онисимомъ Михайловымъ.*

(167) *Устав. Рат.* I, 75: «Указъ воинскихъ людей, предъ напускомъ «противъ недрузей, словесы увѣщати: первое, какъ къ Воеводѣ прямая «вѣсть придетъ, что недруги приближаются, и не можетъ инако быти, «развѣ что съ ними битися, и Воеводѣ показатися къ своимъ полчаномъ, «веселымъ обычаемъ, и ихъ на то наговаривати, чтобъ они такъ дѣлали, «какъ достоитъ дѣлати прямымъ воинскимъ людямъ и по крестному цѣ«лованію, на что они Государю своему и крестъ цѣловали въ правду, и «утѣшати ихъ великою доброю добычею, чтобы они смѣло и храбро на «супостатовъ напускали, а самому бъ ему сказатися быти въ напуску «первому человѣку, а какъ къ тому придетъ, что того перемѣнити не воз«можно, ему ихъ укрѣпити, чтобъ они по своему крестному цѣлованью «и съ желаніемъ исполненіе учинили и молвити имъ: лучше есть честно «умрети, нежели съ безчестіемъ жити, и такъ предатися въ руцѣ Божіи».

(168) См. выше, описаніе смятенія во время шествія Василія въ церковь 15 Іюня. Маржеретъ говоритъ (стр. 149), что Царь сказалъ къ мятежникамъ: «Tanstot vous me voulez massacrer, et tanstot les Nobles et mesme les Estrangers; du moins vous les voulez saccager: ie ne desire que cecy demeure impuny».

(169) См. Бера: 23 Іюня (1606 года) Шуйскій выслалъ изъ Москвы «четырехъ врачей, къ коимъ не имѣлъ довѣренности за тѣсныя связи «ихъ съ Поляками при Димитріи; но пятаго, Давида Вазмара, устранявшагося отъ такихъ связей оставилъ и сдѣлалъ своимъ врачемъ».—Въ *Rseczy Polshich* сказано, что Царь велѣлъ заковать въ желѣзы врачей Давида и Христофа.—См. о приглашеніи сихъ Докторовъ въ Россію, Т. X., прим. 463.

(170) См. выше, стран. 50, и Бера: «Шуйскій послалъ къ обыва«телямъ и Козакамъ Калужскимъ Боярина Георгія Беззубцева, находивша«гося прежде въ Калугѣ, а потомъ въ Тулѣ, въ числѣ осажденныхъ».

(171) См. выше, стран. 50, и Бера.

(172) Нѣмцевича *Dz. Pan. Zygm. III,* Т. II, стран. 323. Отчаянные наѣздники, служившіе подъ начальствомъ сего Лисовскаго, назывались и послѣ смерти его *Лисовчиками.* Подъ симъ именемъ славились они особенно въ 30-лѣтнюю войну, служа Императору. См. Квятковскаго *Dzieje Nar. Pol. za Panowania Władysława IV,* стр. 143.

Дѣл. Польск. No 27: Послы говорятъ Боярамъ: «А Лисовскаго мы «для того не написали, что онъ изъ земли Государя нашего *выволанецъ,*

«и чести своей отсуженъ, и въ которомъ городѣ нашемъ его поймаютъ, «и его тамъ казнятъ».

(173) *Ник. Лѣт.* 92: «Послалъ (Царь) во Брянескъ Воеводъ, К. «Мих. Ѳед. Кашина да Ондр. Никит. Ржевскаго; они же, пришедше во «Брянескъ, Воеводу Григорья Самбулова отпустиша, а сами на осыпи «поставиша острогъ».

Тамъ же: «Пріиде къ вору изъ Литвы Полковникъ Литовской (Ли«совскій) съ невеликими людьми, и слышаху то, что Царь Василей по«шелъ къ Москвѣ, рать всю роспустилъ, нача говорити вору, чтобы «итти подо Брянескъ, покамѣста де у Царя Василья учнутъ сбиратца «ратные люди, а мы де тотъ замокъ, шедъ, возмемъ. Воръ же его слы«шалъ, и нача сбиратися, къ нему же нача прибывати Литовскіе люди, «и собрався пошелъ подъ Брянескъ. И пришедъ, и Брянескъ осадиша, «и тѣсноту бранну (Брянску?) великую сдѣлаша: во обоихъ сидѣніи бяше «тѣснота, яко за всѣ бьющеся, за воду и за дрова, и гладъ бысть великой, «яко начаша и лошади поѣдати».

«Пріидоша же къ вору Казаки, и привезли съ собою вора, назвав«шагося Царевичемъ Ѳеодоромъ, Царя Ѳеодора Ивановича сыномъ, а «ему будто племянникъ. Той же воръ.... того вора Ѳедку, которова при«везли Казаки съ Дону, подо Брянскимъ убилъ до смерти».

(174) *Ник. Лѣт.* 93: «Царь же... посла съ Москвы Боярина К. «Ив. Семен. Куракина, а изъ Мещовска велѣлъ напередъ итти Воеводѣ «К. Вас. Мосальскому и съ ратными людьми. Князь же Василей поиде «напередъ, не дождався К. Ив. Семеновича, и пріиде подо Брянескъ «къ рѣкѣ именуемой къ Деснѣ. Градъ же Брянескъ стояше на другой «сторонѣ отъ нихъ рѣки. Литовскіе же люди стояху подъ стѣною и по «берегу великія рѣки, ратные же люди смотриша на городъ на Брянескъ «плакахуся горько, какъ бы имъ помочь и ту великую Десну переити; «что бысть въ то время пора зимняя до Рождества Христова за девять «день, а вода велика, идущу же по рѣкѣ льду. Како убо возможно изрещи, «какое дородство и храбрость Московскихъ ратныхъ людей: якоже убо «лжѣ уподобися, невозможно никому того изрещи; якожъ убо въ книж«номъ писаніи того не обрѣтохъ, и бысть выше существа человѣческаго: «видяху убо свою братію ратныхъ людей погибающихъ, и слышаху о «нихъ изо Брянска рыданіе и плачь великій, и моляху убо ихъ со «слезами глаголюще: помозите намъ погибающимъ. Они жь возопиша «всѣ единогласно: лучше намъ всѣмъ погибнуть и помереть, нежели «видѣть свою братью въ конечной погибели; аще и помремъ за право«славную Христіанскую Вѣру и за святыя Божія церкви, и мы у Христа «вѣнца воспріимемъ мученическа. И взяша вси другъ у друга прощеніе, «и начаша въ великую рѣку метатись всѣ единодушно и поплыша за «рѣки ко граду. Льду же великому, ихъ осиливающу; они же аки дивіи «звѣріе ледъ розгребаху и плывуще за рѣку. Литовскіе же люди и Рус«скіе воры стояху на брегу и стрѣляху по нимъ; они же отнюдь не «сумняхуся и не бояхуся смерти. Веліе чудо содѣя Богъ надъ рабы «своими, како въ такой великой рѣкѣ и въ такіе великіе морозы отъ «такова великаго льду утѣсненія ни единъ человѣкъ, ни лошадь не погибе. «Брянчане же видяху ихъ пловущихъ къ себѣ, и выидоша имъ на помочь; «Литовскіе же люди видѣша ихъ къ себѣ жестокосердіе и храбрость и «помочь изо Брянска, поотступиша мало отъ брегу. Они же переплывъ «рѣку, вышедши на берегъ и встрепенувшись аки дивіи звѣріе, и на«пустиша на тѣхъ на Литовскихъ людей и на Русскихъ воровъ, и побиша «ихъ много и живыхъ поимаша; кои же у нихъ сидѣли въ шанцахъ «пѣхота, они же поидоша на нихъ и въ шанцахъ начаша побивати.

«Брянчане же и достальные, видячи надъ собою милость Божію, и выидоша къ нимъ всѣ изъ града на помочь. Тутожъ пріиде къ рѣкѣ «Бояринъ К. Ив. Сем. Куракинъ съ ратными людьми... Они же, видя такую помочь милость Божію, что такое предивное дѣло сдѣлалось, не «многими людьми граду своему храбрствомъ помочь учинили, отъ града «того вора отбиша. Тотъ же Воевода К. Иванъ въ тѣ поры сталъ за «рѣкою, укрѣпишася постави острогъ, и тояжъ нощи бысть мразъ великій, «та рѣка стала. Той же К. Ив. Куракинъ чрезъ рѣку многими запасы «препроводивъ во Брянескъ, и издоволи ихъ запасы всякими. Тойже «воръ съ Литовскими людьми преиде на ту страну рѣки, на которой «стояли ратные люди, и пріиде на нихъ, хотя ихъ побити; они же съ «ними біющеся безпрестанно, и бою бывшу велію, и разыдошась. Видячи «же Воеводы на себя нашествіе, отоидоша отъ нихъ въ Карачевъ, а «Брянескъ наполнившась всякими запасы, что ничѣмъ не скудны быша. «Тотъ же воръ поиде за ними къ Карачеву, и видѣ, что въ Карачевѣ «Воеводы укрѣпишася, пойде мимо Карачевъ къ городу къ Орлу. Орляне «же его встрѣтоша; онъ же пріиде на Орелъ, началъ на Орлѣ зимовати».

Столяр. л. 542 на об.: «И пришелъ съ Москвы къ Брянску на «помочь Бояринъ Кн. Ив. Сем. Куракинъ, да Окольничей К. Вас. Өед. «Литвиновъ Мосальской; а съ ними Московскіе люди, и Козличи, и «Мещане, и Карачевцы, и Болховичи, и иные городы».

Беръ говоритъ, что въ сіе время находился въ Брянскѣ плѣнный Лифляндецъ Гансбергъ, начальствовавшій надъ сотнею Нѣмцевъ и уже два раза переходившій на сторону Самозванца, но опять принятый Шуйскимъ и прощенный имъ.

(175) *Собр. Гос. Грам.* II, 327.—Сія Грамота писана 27 Генваря 1608.

(176) Беръ: «Сей Димитрій приказалъ объявить во всѣхъ городахъ, «чтобы крестьяне, коихъ господа служатъ Шуйскому, брали помѣстья «въ свое владѣніе и женились на дочеряхъ господъ своихъ. Такимъ «образомъ многіе слуги сдѣлались Боярами, а Бояре должны были въ «Москвѣ терпѣть у Шуйскаго голодъ».

(177) См. Нѣмцевича. Кобѣржицкій говоритъ о Рожинскомъ въ *Hist. Vlad.* 90: «Miechovitium, virum strenuum ac bellicosum, regendo prius «exercitui, praefectum interfecit; post cruore aemuli, cui subesse nollet, «madentem dexteram regimini admovit».

Беръ пишетъ, что Князь Вишневецкій (Witzmanetzky) привелъ съ собою 2000, а Рожинскій 4000 конныхъ копейщиковъ.

(178) См. *Розряд. Кн.* л. 1000.

(179) См. выше, около примѣч. 158.

Столяр. л. 542: «того жъ 116 году, послѣ своей радости Царь «Вас. Ив. послалъ по зимнему пути на Сѣверскіе городы Бояръ своихъ «и Воеводъ (наименованы: К. Дм. Шуйскій, К. Вас. Вас. Голицынъ, «К. Бор. Мих. Лыковъ, Бояринъ Мих. Александр. Нагой) а съ ними «посланы многіе ратные люди изо всѣхъ городовъ Дворяне и Дѣти «Боярскіе, изъ Мещерскихъ городовъ Князи и Мурзы, и Татаровя».

(180) Петрей, стран. 403.

(181) См. Т. X1, стран. 153.

(182) См. Авр. Палицына и *Хроногр. Ключарева.*

(183) Беръ пишетъ, что по причинѣ глубокихъ снѣговъ можно было нападать лишь на кормовщиковъ непріятельскихъ.

(184) См. Шведскаго Историка Видекинда, въ его Historia belli Svedo-Moscovitici decennalis, стран. 41.

(185) *Столяр.* л. 544: «Въ Переславлѣ Резанскомъ были Воеводы «К. Ив. Ондр. Хованской, да Думной Дворянинъ Прокоѳ. Петровъ сынъ «Ляпуновъ, а съ ними была Рязанцы всѣхъ становъ, да съ однимъ «К. Ив. Ондреевичемъ было Арзамасцевъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ «по списку лучшихъ людей 250 человѣкъ. И Переславля Резанскаго съ «весны ходили Воеводы подъ Пронескъ, а Пронескъ былъ въ измѣнѣ, «и у Пронска острогъ взяли и въ острогѣ дворы выжгли, и къ городу «Пронску приступали и не много городу не взяли. Изъ города ранили «изъ пищали Воеводу Прокоѳья Ляпунова по ногѣ, и отъ города Вое«воды и ратные люди отошли прочь и пошли въ Переславль Резан«ской... И въ Переславлѣ, собрался съ ратными людьми Воевода К. Ив. «Ондр. Хованской да въ Прокоѳьева мѣста братъ его Захаръ Ляпуновъ «съ ратными людьми, съ Резанцы и съ Арзамасцы, пошли подъ Зарас«кой. А въ городѣ въ Зараскомъ сидѣлъ Литовской Полковникъ Алек«сандро Лисовской, а съ нимъ Литовскіе ратные люди, и Черкасы, и «Русскіе всякіе воры, и какъ Московскіе люди пришли подъ городъ «подъ Зараской на поле, и Лисовской со всѣми людьми изъ города «вышелъ на бой, и съ Резанцы и съ Арзамасцы былъ у него бой, и «Резанцовъ и Арзамасцовъ побилъ и многихъ живыхъ поималъ, и «Арзамасцовъ изъ Переславля Резанскова велѣно отпустить къ Мо«сквѣ».

Ник. Лѣт. 98: «Въ Переславлѣ жъ Рязанскомъ слыша Воеводы, что «Зарайской городъ Литовскіе люди взяли, и послаша подъ Зарайской го«родъ ратныхъ людей, Воевода съ ними бысть Захарей Ляпуновъ, и «пріидоша подъ Зарайской городъ не промысломъ со-пьяна. Лисовской «же видѣ изъ Зарайсково, Московскихъ людей побилъ на голову и мно«гихъ живыхъ поимали: единыхъ Арзамасцовъ убиша на томъ бою «триста человѣкъ; трупы же ихъ Лисовской повелѣ въ одномъ сто въ «яму, и сдѣла ту надъ ними для своея славы курганъ великій: той кур«ганъ стоитъ и донынѣ».

(186) *Столяр.* л. 545: «По веснѣ послѣ Николина дни».

Ник. Лѣт. 95: «Онъ же (Дм. Шуйскій) стоялъ на Болховѣ до весны; «весною жъ поиде къ Орлу. Воръ же и Етманъ Ружинскій съ Литов«скими людьми поиде противъ его, и соидошася съ нимъ въ Суботный «день, и начаша битися. Грѣхъ ради нашихъ Воевода въ Передовомъ «Полку К. Василей Голицынъ исторопися, яко же убо и Большому «полку наченше мятися, многіе же и побѣгоша въ Сторожевой Полкъ; «стояще тому же К. Ивану Куракину съ тѣми ратными людьми, кои «были подо Брянскимъ, и напусти своимъ полкомъ и ихъ отняли, Ли«товскіе же люди отоидоша прочь. Въ той же день побиша многихъ «Московскихъ людей, Вахмистра Петра Микулаева со всею ротою съ «Нѣмецкими людьми побиша; они же надъ собою многихъ Литовскихъ «людей побиша».

(187) См. Бера. Онъ говоритъ, что Нѣмецкіе начальники отправили 17 Апрѣля къ Лжедимитрію молодаго, неопытнаго Ротмистра Ламсдорфа, и нѣсколькихъ другихъ. «Сіи люди, продолжаетъ онъ, прежде того при«сягнули Шуйскому, находились въ службѣ его около двухъ лѣтъ, полу«чили отъ него деньги, и о Самозванцѣ знали, что онъ не первый Ди«митрій!»

По словамъ Бера, первое сраженіе Лжедимитрія съ Царскимъ войскомъ было 23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, а второе Апрѣля 24, въ Воскресенье.

Ник. Лѣт. 96: «На завтрее жъ Литовскіе же люди поидоша на Мос«ковскіе полки, и соидошася съ ними и начаша битися; Бояры же по-

«хотѣша отъ нихъ отоити къ Болхову, и начаша отпускати нарядъ. Въ «туже пору измѣни Коширянинъ сынъ Боярской, Никита Лихаревъ, и «сказа пришедъ вору, что Бояре отпускаютъ нарядъ назадъ, и сами хо«тятъ итти прочь. Воръ же и Етманъ, слышавъ то, и всѣми людьми на«пустиша на Московскихъ людей розознаша, и нарядъ у нихъ поимали».

(188) Въ *The Russian Impostor*, 143: «5000 of the Muscovites sa«ved themselves in Bolchow».

Ник. Лѣт. 96: «Бояре же и ратные люди побѣгоша къ Москвѣ, а «иные по своимъ городомъ, а иные жъ сѣдоша въ Болховѣ; Бояре же «пріидоша къ Москвѣ, и бысть на Москвѣ ужасть и скорбь велія... Тогда «же воръ и Гетманъ пріинде къ Болхову, и градъ Болховъ осади, многіе «же изъ Болхова утекоша; а иные Дворяня Болховъ сдаша и крестъ «ему цѣловаша, онъ же съ ними поиде, и пріинде близко Луги, и ста на «устъ Угры».

Столяр. л. 545: «А въ Болховѣ былъ Воевода К. Третьякъ Княжъ «Ѳедоровъ сынъ Сѣитовъ, и Болховъ вору сдался, и К. Третьякъ Сѣи«товъ, и Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе служилые люди ему крестъ «цѣловали, и воръ съ Литовскими и съ Русскими измѣнники пошелъ на «Колугу подъ Москву, а К. Третьякъ Сѣитовъ съ Дворяны и Дѣтьми «Боярскими шелъ съ нимъ собою своимъ полкомъ напередъ его и ста«вися особно».

(189) См. Бера. Въ Москвѣ говорили, что Лжедимитрій по глазамъ узнаетъ виновнаго. Нѣкто изъ черни, услышавъ сіе, вскричалъ: «я по«гибъ, если онъ меня увидитъ: симъ ножемъ зарѣзалъ я пять человѣкъ «его Поляковъ».

(190) *Ник. Лѣт.* 96: «Дворяне же и Дѣти Боярскіе, слышаше та«кія настоящія бѣды, покиня свои домы съ женами и съ Дѣтьми, пріи«дошa къ Москвѣ. Тѣ же Дворяне и Дѣти Боярскіе, кои взяты въ »Болховѣ, видячи такую вражу прелесть, побѣгоша всѣ отъ него къ «Москвѣ. Царь же Василей ихъ пожаловалъ».

Столяр. л. 545 на об., о Князѣ Третьякѣ Сеитовѣ: «И съ Угры «рѣки отъ вора отъѣхали, и пріѣхали къ Москвѣ къ Царю Василью».

(191) См. о немъ выше, стран. 41, гдѣ сказано о бѣгствѣ его изъ«подъ Кромъ; также въ прим. 58.

(192) *Ник. Лѣт.* 97: «Посла Царь Василей противъ вора Боярина «Кн. Мих. Вас. Шуйсково-Скопина, да Ив. Никит. Романова. Они же «пріидоша на рѣчку на Незнань, и начаша посылать отъ себя посылки, «воръ же поиде подъ Москву не тою дорогою; въ полкахъ же нача быти «шатость: хотяху Царю Василью измѣнити К. Ив. Катыревъ, да К. «Юрій Трубецкой, да К. Ив. Троекуровъ и иные съ ними. Царь же Ва«силей то ихъ умышленіе свѣдалъ, и ихъ повелѣ переимати, и приве«доша ихъ къ Москвѣ; К. Михаилу же Васильевичу съ ратными людьми «Царь Василей повелѣ итти къ Москвѣ, а тѣхъ, кои ему хотѣли измѣ«нить, на Москвѣ пыталъ; К, Ив. Катырева сослалъ въ Сибирь, а К. «Юрья Трубецкого сосла въ Тотму, К. Ив. Троекурова сосла въ Ниж«ней Новгородъ, и повелѣ ихъ посадити по тюрьмамъ; тѣхъ же, кои съ «ними поиманы, Якова Желябовского да Юрья Нѣвтева Григорьева «сына Толстово и иныхъ съ ними на Москвѣ казнилъ».

(193) См. Бера.—*Столяр.* л 545 на об.: «А воръ съ Литовскими «людьми и съ Русскими измѣнники, со многими людьми пришелъ подъ «Москву, и сталъ таборы по Волоцкой дорогѣ, въ Троицкомъ селѣ въ «Тушинѣ, отъ Москвы 12 верстъ, и около табаръ укрѣпили крѣпость, «выкопали ровъ».

(194) Беръ, и за нимъ Петрей.

(195) По сказанію Бера, съ Лжедимитріемъ было всего войска 100 тысячъ.

Нѣмцев. *Dz. Pan. Zygm. III.* (II, 328) послѣ исчисленія всѣхъ конныхъ и пѣхотныхъ Польскихъ дружинъ: «Такимъ образомъ у Само«званца считалось 7000 отборнаго войска. Сіе число увеличилось при«соединеніемъ Заруцкаго съ 8000 Донскихъ и Запорожскихъ Козаковъ. «Достальную рать составляли Русскіе, иные легковѣрные, но приверженные къ крови Царской, другіе недовольные Шуйскимъ, иные нако«нецъ лишь по любви къ своевольству и корысти».

См. также Машкѣвича.

(196) *The Russ. Impost.* 143: «Confident, upon the stock of his «last signal Victory, that the Citizens upon his approach would quit «Zuiski, and receive him into their Town».

(197) См. *Латух. Степ. Кн.*

Ник. Лѣт. 97: «А изъ Тушина пошедъ, ста въ Танинскомъ, и въ «Танинскомъ бысть отъ Московскихъ людей утѣсненіе на дорогахъ, и «начаша многихъ побивати и съ запасы къ нему не пропущаху. Онъ же, «видя надъ собою тѣсноту, поиде изъ Танинсково назадъ въ Тушино, и «въ той день бывшу бою съ ними велію, града Олексина убиша на томъ «бою тридцати трехъ человѣкъ; самъ же воръ, отшедъ, ста въ Тушинѣ, «и начатъ тутъ табары строити, Бояре жъ шедъ, ста на Ходынкѣ».

Филар. Рукоп.: «На утріе же Гетманъ Князь Романъ Руженскій, «разъѣздивъ и оглядавъ мѣсто и видѣвъ, яко угодно бѣ мѣсто на стояніе «воинству, и повелѣ обозами утвердити рвы копати».

(198) Въ Больш. Полку: К. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій, Ив. Ник. Романовъ-Кашкинъ и К. Вас. Өед. Литвиновъ-Мосальскій; въ Перед. Полку: К. Ив. Мих. Воротынскій и К. Гр. Петр. Ромодановскій; въ Сторожевомъ: К. Ив. Бор. Канбулатовъ-Черкасскій и Өед. Вас. Головинъ. См. *Розр. Кн.*

Столяр. л. 546: И Царь Василей Иван. всея Русіи съ Москвы вы«шелъ самъ со всѣми своими Бояры и Окольничими и Думными Дьяки «и Розряды и со всѣми ратными людьми и съ огненнымъ боемъ, и «сталъ на Ваганковѣ, и около становъ откопанъ ровъ, и по рву стояли «Стрѣльцы и Казаки съ огненнымъ боемъ и съ пушками».

Филар. Рукоп.: «Пойде со многимъ воинствомъ изъ царствующаго «града Москвы, и ста на рѣчкѣ, глаголемой Ирѣснѣ, двѣ версты отъ «царствующаго града Москвы, а воинству своему повелѣ стати близъ «полковъ Литовскихъ, на рѣчкѣ, глаголемой Ходынкѣ, яко быша межъ «обою воинствами посредство имѣютъ шесть верстъ. И Царевы Воеводы «шатры поставиша, и тако стояше четыренадесять дней, а брани не «бысть ни единыя».

(199) См. *Розрядн. Кн.* л. 1005.

(200) См. *Диплом. Собр. Дѣлъ*, Бантыша-Каменскаго. Свита сихъ Пословъ состояла изъ 314 человѣкъ. Въ Смоленскъ прибыли они въ началѣ Августа 1607 года, а въ Москву 12 Октября; 10 Ноября допущены къ Царю.

(201) Б. Камен. I, 391: «Послѣ многихъ настояній, *а паче для ра«дости женившагося тогда Государя*, едва 28 Генв. (1608) дозволено «Посламъ, а 6 Февраля и всѣмъ четыремъ Посланнымъ явиться къ Го«сударю на аудіенцію и имѣть общіе совѣты съ Боярами».

(202) См. Паерле.—Щербатовъ (Т. VII, 219) пишетъ, что Апрѣля 11 числа принесено къ Царю письмо на Греческомъ языкѣ отъ неизвѣстнаго человѣка; онымъ увѣдомляли его, что прибывшіе послы не имѣютъ никакой власти и желаютъ только освободить Мнишка и дру-

гихъ Пановъ. Сіе обстоятельство затруднило Царя въ дозволеніи Воеводѣ Сендомирскому видѣться съ Послами. Щербатовъ ссылается на *Дѣла Польскія* 7116 (1608) г. хранящіяся въ Москов. Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ связкѣ подъ No 1.

(203) *Ник. Лѣт.* 97: «Прислаша ко Царю Василью къ Москвѣ изъ «Тушина отъ Гетмана отъ Ружинсково посланники о Послахъ, кои за«сажены на Москвѣ. Они же злодѣи и приходиша не для Пословъ, но «разсматривати, какъ рать стоитъ на Ходынкѣ».

(204) Сіе слово было поводомъ къ спору, ибо Поляки не хотѣли признавать перваго (Отрепьева) Лжедимитріемъ. Въ Перемирн. Грам. ска«зано: «которые Польскіе и Литовскіе люди, и К. Романъ Ружинской и «Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу землю, и Королю промы«шляти, чтобы тѣ люди вернулись (и Лисовской)». См. *Дѣл. Польск.* No 27.

(205) См. *Дѣл. Польск.* и *Диплом. Собр.* Бантыша-Каменскаго.

(206) См. Вера. За нимъ Петрей: «Weil Sie also in der Wagen«burgk versperret lagen, konnten die Polen an ihnen nichts haffiten, «wie gern Sie auch wolten ihnen in die Haare kommen, es wolte «ihnen aber nicht glücken, biss *S. Johannis Nacht* herzu kam, da «Sie ungewarneter weise von den Polen im Schlaffe seynd uberraschet «und auffgewecket, dass ihrer viel liegen blieben, und sollen noch «auffstehen». По сему сраженіе было 24 Іюня.

Ник. Лѣт. 98: «Въ той же день вмѣстися на Москвѣ слово, что «будто съ Посланники съ Литовскими помирихомся; людіе жь на то «слово исплошаша, и начаша нощи тѣ спати просто и стражи поопло«шахусь. Тѣ же Литовскіе люди и Русскіе воры той же нощи пріидоша «на полки Русскіе, и ихъ побиша и кони всѣ поимаша, и бѣжаша всѣ «едва образумляхуся подъ городомъ, и обратиша вся на нихъ, и начаша «съ нимъ битися, и ихъ столкнуша, и гоняху ихъ до рѣчки до Ходынки, «и побиваху ихъ на пяти верстахъ, едва въ таборахъ устояху: такой «оторопъ на нихъ пріиде; Бояре же пріидоша и сташа подъ Москвою, «и кругомъ себя поставиша обозъ».

Столяр. л. 548: «Изъ Тушина пришли въ ночи на утренной зарѣ «*на Субботу* на Московскіе полки на сонные люди: исправитца противъ «ихъ не успѣли, и полки розгоняли, прибѣжали къ Деревянному городу, «многихъ побили, и шатры и всякую служилую рухлядь и запасы по«имали; а Московскіе всякіе промышленые люди были со всякимъ съѣс«нымъ харчемъ, и тѣхъ многихъ побили жь, и Царя Васильева Полку «ратные люди, Головы съ сотнями посланы на помочь, а въ ертаулѣ съ «сотнями Васил. Ив. Бутурлинъ и Ближніе люди и Стольники и Стряп«чіе и Жильцы посланы на бой, и съ Литвою бились, и Литву гоняли «до рѣчки до Химки и побили, и языки поимали».

(207) Сія любопытная Грамота, отъ Россійскихъ Бояръ въ Тушино къ Рожинскому и товарищамъ его, послана 16 Авг. за печатію Князя Ѳед. Ив. Мстиславскаго. Списокъ ея находится въ одной древней рукописи, принадлежавшей покойному Графу Н. П. Румянцеву. Въ ней сказано: «Назвали есте иного вора Царевичемъ Димитріемъ, не усрамляяся «своего Рыцарскаго чина и не разумѣвая такова позору, что негодно «храбрымъ людемъ у безъимянныхъ въ подданствѣ быти и свое дород«ство безславіемъ покрывати... То дѣло будетъ и доброе, какъ ты «Князь Романъ Руженской со всѣми съ Ротмистры и Полковники и со «всѣми Польскими и Литовскими людьми того вора, которой дерзнулся «назвать Царскимъ именемъ, изымавъ, пришлешь къ Государю нашему «Царю... А вамъ то вѣдомо, что Государь нашъ съ Королемъ Литов«скимъ помирился, и Послы и Посланники Королевскою душею за всю

«Польскую и Литовскую землю крестъ цѣловали и миръ закрѣпили, а «закрѣпя мирное поставленіе, Государь нашъ Пословъ и Сендомирскаго «со всѣми людьми въ Литву отпустилъ, и вамъ бы, всякіе суетные по«мыслы отставя, никакихъ причинъ не затѣвая и не нарушая мирнаго «постановленія и крестнаго цѣлованія межъ великихъ Государствъ, ско«рѣе изъ земли Государя нашего итти въ свою землю, не дожидаяся на «себя за свои такія неправды Божія гнѣва, отъ Его жь руки нигдѣ «укрытися можете», и проч.

(208) Беръ: «Въ семъ мѣсяцѣ (Іюнѣ) прибылъ изъ Литвы Іоаннъ «Петръ Павелъ Сапѣга (Sapp'ia) съ 7000 конныхъ копейщиковъ».

Онъ пріѣхалъ вѣроятно послѣ переговоровъ: ибо въ оныхъ объ немъ не упоминали. См. *Дѣл. Польск.* No 27.

(209) Беръ пишетъ, что Сапѣга, превознося однажды за столомъ Польскую храбрость, отдавая ей первенство предъ Римскою (quod Romani non essent maiores, imo minores), между прочимъ сказалъ: «Мы, «Поляки, за три года предъ симъ возвели на Московскій престолъ Царя, «подъ именемъ сына «Іоанна Грознаго, чѣмъ онъ никогда не былъ; те«перь опять творимъ Царя и уже завоевали для него почти половину «Государства. Пусть Русскіе бѣсятся; но онъ долженъ называться Ди«митріемъ. Мы сдѣлали сіе нашими силами, нашею вооруженною рукою! «(nostris viribus, nostra armata manu id fecimus!»—Я самъ слышалъ сіи слова, присовокупляетъ Беръ.

Нѣмцевичъ о Сапѣгѣ: «Никто проницательнѣе не наблюдалъ дви«женій непріятеля; никто не умѣлъ искуснѣе пользоваться ошибками про«тивниковъ... но увы! онъ вездѣ жегъ и грабилъ». (*Dz. Pan. Zygm. III*, II, 334).

(210) *Ник. Лѣт.* 100: «Пріиде въ Тушино Полковникъ Сопега и «иные съ нимъ Полковники и Рохмисты, и пріидоша подъ Москву, и «бою бывшу подъ Москвою велію съ ними, они же отъидоша въ Ту«шинѣ, поидоша подъ Троицкой Сергіевъ монастырь».

(211) *Ник. Лѣт.* 100: «Тутo же на Москвѣ еще измѣнники сгово«ришась съ Гасевскимъ Паномъ, какъ бы Московское Государство по«губити».

(212) *Стол.* л. 549: Лисовской Панъ пришелъ подъ Коломну и Ко«ломну взялъ, Епископа Коломенского взялъ, и пошелъ подъ Москву «съ Литовскими людьми и со многими русскими воры, и собралося съ «ними съ тридцать тысячь Русскихъ Украинныхъ людей, и нарядъ съ «собою взялъ».

Ник. Лѣт. 99: «И Владыку Коломенского Іосифа и Боярина Князя «Володимера Долгорукого взяша въ полонъ».

(213) *Столяр.* л. 549: «И Царь Вас. Ив. изъ-подъ Москвы послалъ про«тивъ Лисовского Бояръ своихъ и Воеводъ на три Полки. Въ Боль«шомъ Полку Бояр. К. Ив. Сем. Куракинъ, да Григ. Григ. Пушкинъ «Сулемша; въ Передовомъ Полку: Бояр. К. Вор. Мих. Лыковъ, да «К. Григ. Конст. Волконской; да въ Сторожевомъ Полку: Чашникъ «Вас. Ив. Бутурлинъ, да К. Ѳед. Ив. Волконской Меринъ, а съ ними «многіе ратные люди, и съ Лисовскимъ сошлися по Коломенской дорогѣ «на Медвѣжьемъ броду (въ *Розр.* No 101: на Медвѣжьемъ пруду), и «Лисовского побили и живыхъ въ языцѣхъ многихъ Литво и Русскихъ «воровъ поимали и нарядъ взяли, а Лисовской съ достальными людьми «ушелъ, и пришелъ къ вору въ Тушино. А Коломна по прежнему за «Царемъ Василіемъ, и на Коломну ратныхъ людей прибавлено и осада «укрѣплена».

Ник. Лът. 99: «И бой бысть съ ними чрезъ весь день... и Вла-«дыку Коломенскего и Боярина К. Волод. Тимоѳ. и Протопопа Зарай-«сково Николы отбиша... Царь же Василей Владыку отпусти на Ко-«ломну, да съ ними посла Воеводъ Ив. Матѳ. Бутурлина, да Сем. «Матѳ. Глебова, и повелѣ имъ крѣпити осаду, и запасати запасы «всякіе».

(214) См. Нѣмцевича *Dr. Pan. Zygm. III.* Т. II, стр. 332.

Слова Сапѣги къ воинамъ находятся въ Берѣ.

Столяр. л. 548 на об.: «Изъ Москвы на Гетмана посланы: въ «Большемъ Полку посланъ Бояринъ К. Ив. Ив. Шуйской, въ Передо-«вомъ Полку Окольничій К. Гр. Петр. Ромодановскій, да Ѳед. Вас. «Головинъ въ Сторожевомъ Полку, а съ ними многіе ратные люди, и у «Воеводъ съ Гетманомъ былъ бой подъ Рахманцовымъ, и Литовскіе «люди Московскихъ людей розгоняли и гоняли на 15 верстъ, и многихъ «побили и живыхъ поимали, и послѣ того розгрому и бою многихъ го-«родовъ Дворяня и Дѣти Боярскіе, Новгородцы и Псковскіе и Завол-«скихъ городовъ поѣхали съ Москвы по домомъ».

Ник. Лът. 101: «Литовскіе люди, пришедъ, сташа въ селѣ Здви-«женскомъ отъ Троицы за десять верстъ, а Бояре проидоша на рѣчку «на Талицу. Литовскіе же люди, видя, что идутъ за ними Московскіе «ратные люди, и вскрѣтоша ихъ въ деревнѣ Рахманцовѣ, и бывшу ту «бою велику, многихъ Литовскихъ людей побиша и поимаша; послѣд-«нихъ же на Пустомъ такс ихъ побили, яко и нарядъ у нихъ поимали. «Той же Полковникъ Сапѣга, съ послѣдними людьми съ двѣмя ротами, «напусти на Московскихъ людей; Московскіе жь люди отъ нихъ отхо-«жаху, начаху себѣ помочи изъ полковъ. Грѣхъ же ради нашихъ Сто-«роженому Полку Ѳедору Головину со всѣмъ Полкомъ дрогнувшу, яко «и Большово Полку половину смяли; Литовскіе жь люди, видя надъ «православными Христіаны гнѣвъ Божій, начаша ихъ побивать, и по-«биша многихъ людей в живыхъ поимаша на томъ же бою многихъ. «Храбрость и дородство показалъ Бояринъ и Воевода Передовово Полку «К. Григ. Петр. Ромодановской, тутo же у нево и сына его убиша «К. Андрея; Бояре жь пріидоша къ Москвѣ не съ великими людьми, «а ратные люди къ Москвѣ не пошли, разыдошася вся по своимъ «домомъ».

(215) См. выше, въ примѣч. 214, и Нѣмцев. *D. P. Z. III*, Т. II, 335.

(216) См. выше въ семъ Томѣ, стран. 94.

(217) *Ник. Лът.* (стран. 100) говоритъ, что Лжедимитрій «посла «напередъ, и повелѣ Сендомирсково съ дочерью и Пословъ поворотить «въ таборы К. Василья Масальсково; тои же К. Василей перенялъ въ «Бѣльскомъ уѣздѣ», и пр. Но въ письмѣ Лжедимитрія, посланномъ къ Сендомирскому Воеводѣ 22 Авг. 1608 г. не упоминается о Мосальскомъ. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 336.

(218) *Ник. Лът.* 100: «Послы жъ не послушали, пошли въ Литву «прямо, а той же Воевода Сердомирской и (съ) своею дочерью воро-«тился въ Тушино: ратные жь люди, кои проводили, розъѣхались ко себѣ, «а Князь Володимеръ не съ великими людьми пріиде къ Москвѣ.»

Объ Олесницкомъ, см. *Дѣла Польск.* No 30, л. 97: «А пришелъ ты, «Миколай (Олесницкій), и Воевода Сендомирской съ сыномъ и съ до-«черью и съ своими пріятели къ вору, которого называли въ тѣ поры «въ Ростригино мѣсто... съ Ружинскимъ и съ Вишневецкимъ и съ иными «Панами всякіе злые дѣла хотячи... учинити... И укрѣпя ты ихъ Ру-«жинского и Вишневецкого и Воеводу на всякіе злые дѣла... и взявъ у

«нихъ Русскихъ людей, которые у нихъ въ полону, и нарядъ и многіе «грабежные животы, пошолъ къ себѣ въ Полшу воинскимъ обычаемъ. «Да ты жь будучи въ Тушинѣ, стъ вора взялъ себѣ въ имѣнье Москов- «ского Государства городъ Бѣлую, и грамоту вора на Бѣлую взялъ... А «былъ (ты) въ тѣ поры въ большихъ Послѣхъ». Изъ сего видно, что Олесницкій уѣхалъ въ Литву прежде Мнишка.

(219) См. Бера.

(220) Беръ: «Положили, чтобы Воевода отправился въ Польшу, «а Царица осталась въ станѣ втораго Димитрія, мнимаго супруга «ея, не вступая съ нимъ въ брачный союзъ, пока онъ не овладѣетъ «Москвою».

(221) См. Бера. Сей новый Самозванецъ, надменный своими успѣхами, сочинилъ для себя слѣдующій пышный титулъ: «Мы, Дим. Ив. «Царь Московскій, Самодержецъ всѣхъ Княжествъ Русскихъ, единый «Богомъ данный и избранный, Богомъ хранимый, Богомъ помазанный «и возвеличенный надъ прочими Царями, подобный второму Израилю, «ведомый силою Всевышняго, единый Царь Христіанскій отъ Востокъ «до Западъ, и многихъ Государствъ повелитель». См. Бера и Петрея, стр. 425.

(222) Тамъ же.—*Столяр.* л. 548: «И послѣ того бою (на Ходынкѣ) «учали съ Москвы въ Тушино отъѣзжать Стольники и Стряпчіе, и Дво «ряня Московскіе и Жильцы и городовые Дворяня, и Дѣти Боярскіе и «Подъячіе и всякіе люди. А отъѣхали съ Москвы въ Тушино Столь- «ники, К. Дмитр. Тимоѳ. Трубецкой, К. Дмитр. Мамстрюковичъ Чер- «касской, К. Алексѣй Юрьевичъ Сицкой, Михайло Бутурлинъ, К. Ивинъ «да К. Семенъ Засѣкины, и многіе Стольники и Стряпчіе, а иеъ По- «сольекого Приказу отъѣхалъ первой Подъячій Петръ Алексѣевъ сынъ «Третьяковъ, да съ нимъ два Подьячихъ», и пр.—О Дьякѣ Иванѣ Гра- мотинѣ см. *Ник. Лѣт.*

(223) Такъ пишутъ иностранные Историки, Беръ и Петрей (стр. 410: Fürst Vasili Mosaiskow); по словамъ ихъ Мосальскій, пріѣхавъ къ Лжедимитрію и удостовѣрясь въ обманѣ, «возратился въ Москву, гдѣ объявилъ всенародно, что онъ не Димитрій, а новый воръ, обманщикъ и измѣнникъ (newer Dieb, Betrieger und Verrähter). О семъ возвра- щеніи Мосальскаго не упоминаютъ Русскіе Лѣтописцы. См. *Ник. Лѣт.* 128.

(224) *Ник. Лѣт.* 100. (выше въ прим. 218). О томъ же *Столяр.* л. 549.

(225) *Столяр.* л. 549: «А зарѣчныхъ Украинныхъ городовъ Дво- «ряня и Дѣти Боярскіе, которые въ воровствѣ не были, а служили «Царю Василью и жили на Москвѣ съ женами и дѣтьми, и тѣ всѣ съ «Москвы не поѣхали, и сидѣли въ осадѣ, д Царю Василью служили, съ «Поляки и съ Литвою и съ Русскими воры билися, .не щадя живота «своего, нужу и голодъ въ осадѣ терпѣли».

(226) *Сказаніе Аврам. Палицына*, 58: «Царь посла тогда къ запад- «нымъ и полунощнымъ странамъ, въ Датскую землю. и въ Англин- «скую, и въ Свійскую, о обидѣ своей на Польскаго Короля и на вся «измѣнника съ ложнымъ ихъ царемъ, помощи на нихъ прося».—О сношеніяхъ съ Императоромъ Рудольфомъ, см. *Дѣл. Пол.* No 27, л. 42.

(227) *Ник. Лѣт.* 101: «Царь же Василей, видя на себя гнѣхъ «Божій и на все православное Христіанство, нача осаду крѣпити и «говорити ратнымъ людемъ, кто хочетъ сидѣть въ Московскомъ Госу- «дарствѣ, и тѣ цѣловали (бы) крестъ, и не похотятъ въ осадѣ сидѣть, «ѣхали бъ изъ Москвы не бѣгомъ: всѣ жъ начаша крестъ цѣловати, по

«хотяху вси помереть за домъ Преч. Богородицы въ Москов. Гозударствѣ, и поцѣловали крестъ. На завтрее жь и на третій день и въ «иные дни многіе, не помня крестнаго цѣлованія и обѣщанія своего «къ Богу, отъѣзжали къ вору въ Тушино Боярскіе Дѣти, Стольники, «и Стрянчіе и Дворяня Московскіе, и Жильцы, и Дьяки и Подьячіе».

(228) Тамъ же. 102: «Царь же, видя такую неправду, выйде и самъ «въ Москву со всею ратью».

Вступленіе въ Москву должно было послѣдовать не прежде Декабря: ибо 30 Ноября Царь находился еще въ станѣ, на Вологодской дорогѣ (или, вѣроятнѣе, на *Волоцкой*, какъ сказано въ другой грамотѣ), и писалъ оттуда увѣщаніе Галицкимъ жителямъ. (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 342 и 346)—Въ *Розр. Кн.* также: «Съ Николина дни велѣлъ полкомъ «всѣмъ воитить въ городъ».

(229) Въ *Розр. Кн.*: «Больш. Полкъ и Тверскихъ воротъ: Передов. «П. у Петров. воротъ; Сторожев. П. у Арбацк. воротъ, а Государевъ «П. стоялъ у Никицк. воротъ. А на Воганковѣ отъ Госуд. П. стояла «застава Григорей Волуевъ. А послѣ Григорья Юр. Булгаковъ, а послѣ «Юрья К. Ѳед. Коркодиновъ». Въ Больш. Полку были тогда К. Ив. Ив. Шуйскій и Ив. Ник. Романовъ: въ Передовомъ К. Ив. Мих. Воротынскій и Мих. Ѳед. Нагой; въ Сторож.: К. Ив. Бор. Черкасскій и К. Мироновъ Шаховскій, а въ Госуд.: К. Дан. Ив. Мезецкій. См. тамъ же.

(230) Слова Патріарха къ Царю Василію, въ Филаретовой Рукописи: «Глаголетъ Господь Пророкомъ: Азъ возведохъ тя, Царя правды, «и пріяхъ тя за руку десную, и крѣпихъ тя, и престолъ твой правдою «и крѣпостію и судомъ истиннымъ совершенъ да будетъ... Есть воля «Божія благочестивымъ Велителемъ безумныхъ человѣкъ обуздывати.: «Благодать Божія и тебе да спасетъ и избавитъ отъ лукавого много-«плетенныхъ сѣтей, яко же въ первые дни спасе праведныхъ, своихъ, «Еноха отъ прелести совѣта исполинска, и Ноя отъ вселенскаго потопа, «и Авраама и Сарру жену его отъ Ефрофа (?) Царя, сына Хеттеева, «и Лота отъ Содомлянъ, и Моисея отъ Фараона, и Давида отъ Саула, «и Іону отъ кита, такожь и ты, Великій Государь, буди богоспасаемъ «и соблюдаемъ отъ таковаго злаго совѣта. Господь тебѣ, Велик. Госу-«дарю, способствуетъ угодная себѣ творити и враговъ своихъ побѣждати «за ихъ злокозненное похищреніе».

(231) Беръ говоритъ о двухъ переметчикахъ, Гансѣ Шнейдерѣ, Лифляндцѣ, и Ганнѣ Генрихѣ Канельсенѣ, уроженцѣ Австрійскомъ, присовокупляя, что послѣдній изъ нихъ былъ уже въ Турціи Мусульманиномъ, а послѣ опять жилъ въ Германіи; наконецъ прибылъ въ Москву при Годуновѣ и *перекрестился* въ Греческую вѣру, *отрекшись Бога, Котораго съ дѣтства исповѣдывалъ и обязавшись поклонятися Русскому Богу Николаю.* «Сей человѣкъ перебѣгалъ, то къ Шуйскому, то «къ Димитрію, до трехъ разъ, и Русскіе вѣрили еще сему перекрещенцу «(Doppel-Christen)!»

(232) См. ниже, въ примѣч. 233.

(233) *Сказ. Аврам. Палицына*, стр. 31 и 32: «На единой трапезѣ «сѣдяще въ пиршествахъ въ царствующемъ градѣ, по веселіи же убо «овіи въ Царскія полаты, овіи же въ Тушинскіе табары прескакаху. «И раздѣлишася на двое вси человѣцы, вси же мыслящe лукавнѣ о «себѣ: аще убо взята будетъ Москва, то тамо отцы наши, и братія, и «родъ, и друзья: тіи насъ соблюдутъ; аще ли мы одолѣемъ, то также «мы имъ заступницы будемъ. Польскіе же и Литовскіе люди и воры «Казаки тѣмъ *перелетомъ* ни въ чемъ не вѣроваху: тако бо тѣхъ тогда «нарицаху».

Тамъ же, 36 и 37: «Царемъ же играху, яко дѣтищемъ, и всякъ «выше мѣры своея жалованія хотяше; мнози же *таиницы* нарицаеми «и цѣловавше крестъ Господень, ко врагомъ прилагахуся, и въ Тушинѣ «бывше, тамо крестъ же Господень цѣловавше, и жалованіе у врага «Божія взявше, и вспять къ царствующему граду возвращахуся, и паки «у Царя Василія больши прежняго почесть и имѣнія и дары воспрія- «маху, и паки къ вору отъѣзжаху. Мнози же тако мятуще всѣхъ Рос- «сійскимъ Государствомъ, не дважды кто, но и пять кратъ и десять «въ Тушино и къ Москвѣ переѣзжаху; недостатки же въ Тушинѣ по- «требъ тѣлесныхъ, или пищъ и одеждъ и оружій бранныхъ и лекар- «ственныхъ всякихъ зелій, и соль, тая вся, отай уклоняющеся, крило- «путствомъ измѣнницы отъ царствующаго града Москвы наполняху «измѣнничья станища въ Тушинѣ, и радующеся окаянніи воспріятію «прикупъ многаго сребра, конца же вещи не разсуждающе... Мнози «истинно вѣдяще отъѣздъ измѣнниковъ, и всякіе промыслы къ вору «и къ Полякамъ, но не возвѣщаху на нихъ Царю, ни Вельможамъ, «а иже возвѣщающіи о семъ, тѣхъ клеветники и шепотники нари- «цающе».

(234) См. Томъ XI, 152 и 170.

(235) Палицын. 37: «Царь многажды убиваше повинныхъ, «съ ними «же и неповинныхъ и не согрѣшихъ смертну суду предаваше: сму- «щены бо быша первоначальствующіи Державы его къ нему, и двое- «мысленъ къ нимъ разумъ имѣяше, и многимъ вѣряше не на лицѣ, ни «на тѣлеси, но на языцѣ службу носящимъ; наипаче же на всѣхъ на «насъ Апостольское слово сбысться: яко же не искусиша Бога имѣти въ «разумѣ, того ради предастъ ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити не- «подобная. Мнози бо тогда окаянніи о Царѣ Василіи дѣюще и глаго- «люще неподобная, ихъ же нѣсть возможно описати или глаголати».

Тамъ же, 56: «Москва сихъ ради измѣны вся колеблется, но иску- «сившися отъ Гриши и отъ Петруши, и того вора не пріемлютъ».

(236) См. *Слов. Геогр. Росс. Гос.* Ч. V, подъ словомъ *Святотроицк. Сергіева Лавра,* стран. 805; также *Истор. Рос. Щербатова*, Т. VII, 286. Ограда построена за 20 лѣтъ до осады.

См. также *Кратк. Историч. описаніе Св. Троицк., Сергіевой Лавры, соч. Митроп. Платономъ:* «Каменная ограда съ постановленными въ «пристойныхъ мѣстахъ осмью великими башнями, простирающаяся во- «кругъ на 642 саженяхъ, вышиною въ 4 сажени, а индѣ саженей до 6 «и до 7 и болѣе; толщиною въ 3 сажени, а индѣ и болѣе».

(237) См. *Палиц.* 59 и 60.

(238) См. тамъ же: «Доколѣ стужаютъ великому твоему благородству «*грайворонове* сіи, возгнѣздившіеся во гробъ каменный, и докуда сѣдатые «пакоствуютъ намъ повсюду?» и проч.

(239) Тамъ же, 59.

(240) Подъ Рахманцовымъ. См. выше, стран. 98, и примѣч. 214.

(241) Палиц. 61: «Сентября въ 23 день, въ зачатіе Честн. и славн. «Прор. и Предт. Крестителя Господня Іоанна, пріиде подъ Троицк. Серг. «монастырь Литовск. Гетм. Петръ Сапѣга и Панъ Александръ Лисов- «ской», и пр.—Тамъ же, 85: «А Пановъ *Ратныхъ* (Радныхъ) съ Сапѣ- «гою Князь Костянтинъ Вишневецкой, да четыре брата Тишкевичи, «Панъ Талиской (Talipski). Панъ Велемоской, Панъ Козоновской, Панъ «Костовской, и иныхъ 20 Пановъ, а Ротмистровъ, Сума, Будило, Стрѣла, «и иныхъ 30 Ротмистровъ, а воинскихъ людей съ Сапѣгою Польскіе и «Литовскіе люди, Желныри, и Подолскіе люди, Гусаре, Русскіе, Прус- «скіе, Жемоцкіе, Мазовецкіе, а съ Лисовскимъ Дворяня и Дѣти Бояр-

«скіе многихъ разныхъ городовъ, Татарове многіе, Черкасы, Запорож-«скіе Казаки, Донскіе, Волскіе, Сѣверскіе, Астраханскіе, и всего войска «съ Сапѣгою и съ Лисовскимъ до 30 тысячь, кромѣ черни и полоне-«никовъ».

(242) Тамъ же, 62.

(243) Тамъ же, 63 и 64. «Празднику свѣтло торжествуему память «Пр. Отца нашего Сергія Чудотворца, Сентября въ 25 день; и бѣ тоя «нощи ничто же ино отъ градскихъ людей слышати, развѣ воздыханіе и «плачь: понеже отъ окольнихъ странъ мнози прибѣгше, и мнѣвше яко «вскорѣ преминется великая сія бѣда, и толика тѣснота бысть въ Оби-«тели, яко не бѣ мѣста праздна. Мнози же человѣцы безъ покрова «суще, и расхищаху всяка древеса и каменіе на созданіе купцамъ: по-«неже осени время наста, и зимѣ приближающися, и другъ другъ рѣюще «о вещи пометнѣй, и всякихъ потребъ неимущимъ и всѣмъ изнемогаю-«щимъ, и жены чада раждаху предъ всѣми человѣки, и не бѣ никому «со срамотою своею нигдѣ же скрытися, и всяко богатство небрегомо, «и татьми некрадомо, и всякъ смерти прося со слезами. И аще бы кто «и каменно сердце имѣлъ, и той, видя сія тѣспоты и напасти, воспла-«кался бы».

(244) Палиц. 65: «Всенощному же славословію и молебномъ совер-«шившимся и абіе собравшимся множеству народа, и совѣтомъ началь-«никъ и всѣхъ людей крестное цѣлованіе бысть, что сидѣти въ осадѣ «безъ измѣны».

(245) Тамъ же, 59: «Народъ во Обители къ мукамъ уготовляется: «трапеза бо кровопролитная всѣмъ представляется и чаша смертная «всѣмъ наливается».

(246) Тамъ же, 67—70. Въ отвѣтѣ сказано: «Да вѣсть ваше темное «державство, гордіи начальницы, Сапѣга и Лисовской, и прочая ваша «дружина, вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ Хри-«стіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ «Христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется ва-«шему безумному совѣту,. а о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія «пріемше, оплевахомъ. Кая бо польза человѣку возлюбити тму паче «свѣта, и пр.. Но ниже всего міра не хощемъ богатства противу своего «крестнаго цѣлованія».

(247) Палицынъ подробно описываетъ расположеніе сихъ туровъ (стран. 72): «Первые за прудомъ на Волкушѣ горѣ, другіе за прудомъ же «подлѣ Московской дороги, третіи за прудомъ же на Терентьевской «рощѣ, четвертые на Крутой горѣ противъ мельницы, пятые туры по-«ставили на Красной горѣ противъ Водяныя башни, шестые на Крас-«ной же горѣ противъ погребовъ и пивнаго двора и келаревыхъ келей, «седьмые по Красной же горѣ противъ келарскія и казенныхъ полатъ, «осмые изъ рощи на Красной же горѣ противъ Плотнишныя башни, де-«вятые туры поставили на Красной же горѣ возлѣ Глинянаго врага про-«тивъ башни Конюшенныхъ воротъ, и подлѣ туровъ ископаша ровъ ве-«ликъ изъ рощи отъ Келарева пруда и до Глинянаго врага и валъ вы-«сокъ насыпали, и по за тому валу конные и пѣшіе люди ходяще».

Щербатовъ (см. его Истор. XV, 295) повѣрялъ сіе описаніе съ планомъ монастыря, сдѣланнымъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и съ свѣдѣніями, доставленными ему отъ Митрополита Платона, который о семъ распрашивалъ старожиловъ. Какъ видно, *Водяная* башня находилась на углу между южною и западною стѣнами, близъ того мѣста, «гдѣ были Водяныя ворота, а *Плотничная* — которая нынѣ именуется

«*Угольною* и противъ коей былъ прежде Плотничный дворъ—между стѣ«нами западною и сѣверною.

(248) Палиц. 73: «Мѣсяца Октября въ 3 день начаша бити изъ всѣхъ туровъ, и біюще по граду шесть недѣль», и пр. — Тамъ же, 95: «Прейде 30 дней и 30 нощей, и безпрестанно со всѣхъ странъ изъ-за «всѣхъ туровъ изо штидесять трехъ пищалей біюще по граду изъ вер«ховыхъ».

(249) Тамъ же, 77 и 78: «Того жъ мѣсяца въ 13 день Сапѣга со«твори пиръ великъ на все воинство свое и на крестопреступниковъ «Русскихъ измѣнниковъ, и чрезъ весь день бѣсящеся, играюще и стрѣ«ляюще, къ вечеру же начаша скакати на бахматѣхъ своихъ многіе «люди, и съ знамены по всѣмъ полямъ Клементьевскимъ и монастыр«скимъ около всего монастыря. По семъ и Сапѣга изъ своихъ таборъ «вышелъ съ великими полки вооруженными, и сталъ своимъ полкомъ у «туровъ за земляным валомъ противъ погреба, и Келарскія и Плот«нишныя башни, и до Глинянаго (по другому списку: *Благовѣщенскаго*) «врага: а Лисовскаго Александра полцы по Терентьевской рощѣ, и до «Сазанова врага, и по Переславской, и по Углецкой дорогѣ, по Заволо«вію двору до Мишутина врага; изъ наряду же, изъ-за всѣхъ туровъ «изо многихъ пушекъ и пищалей по граду біюще безъ престани. Въ «нощи же той на первомъ часу множество пѣшихъ Литовскихъ людей и «Русскихъ измѣнниковъ устремишася къ монастырю со всѣхъ странъ съ «лѣствицы и со щитами и съ тарасы рублеными на колесѣхъ и заиграша «во многія игры, начаша приступати ко граду. Граждане же біяхуся съ «ними съ стѣнъ градныхъ, также изо многихъ пушекъ и пищалей, и «елико можаху, много побиша Литвы и Рускихъ измѣнниковъ.. Они же, «піянствомъ своимъ изгубивше своихъ много, отъидоша отъ града: та«расы же и щиты и лѣствицы пометаша. На утріе же, изъ града вы«шедше, вся та во градъ внесоша и тѣмъ брашна стояще огню пре«даша».

(250) Тамъ же 80 и 81.

(251) См. тамъ же (81 и 82) о *запаленіи* пивнаго двора.

(252) Тамъ же, 77: «Того же мѣсяца (Октября) въ 6 день, пове«доша ровъ изъ подгорія отъ мельницы возлѣ надолобъ (родъ деревян«наго укрѣпленія: см. *Слов. Рос. Ак.*) на гору къ Краснымъ воротамъ, «и къ надолобамъ слоняюще доски, и къ нимъ сыпаху землю, и пове«доша ровъ на гору противъ круглыя башни. Того жъ мѣсяца въ 12 «день, изъ того жь рва повели подкопы подъ круглую наугольную башню, «противъ подольнаго монастыря».

(253) Тамъ же, 83: «Брушевской же Панъ въ распросѣ и съ пытки «сказалъ, что подлинно ведутъ подкопы подъ городовую стѣну и подъ «башни, а подъ которыя мѣста ведутъ подкопы, того, сказалъ, не вѣдаетъ, «а хвалятся де наши Гетманы, что взяти замокъ Сергіевъ монастырь, и «огнемъ выжечь, а церкви Божія до основанія разорити, а Мниховъ «всякими различными муками мучити, а людей всѣхъ побити, а не взявъ «монастыря, прочь не отхаживати, аще и годъ стояти, или два, или три, «а монастырь взяти, и въ запустѣніе положити».

(254) Тамъ же, 84 и 85: «Воеводы же совѣтовавше со Архим. Іаса«фомъ и съ братіею и со всѣми воинскими людьми, повелѣша во градѣ «подъ башнями и въ кіотѣхъ стѣнныхъ копати землю и дѣлати частые «*слухи*, Троицкому слугѣ Власу Корсакову: той бо тому дѣлу зѣло иску«сенъ, и за се дѣло ятся, а внѣ града отъ служни слободы повелѣша «глубочайшій ровъ копати», и проч.

(255) Тамъ же, 85—87.

(256) Тамъ же, 84: «Богоборцы же... залегоша по ямамъ и по пло«тинамъ прудовымъ, не дающе градскимъ людемъ воды почерпсти, ни «скота напоити, и бѣ во градѣ тѣснота и скорбь велія, и мятежъ великъ «осаднымъ людемъ».

(257) Тамъ же, 87: «Слухъ во ушеса всѣхъ разыдеся, что ведутъ «Литовскіе люди подкопы, а о томъ достигнути не могутъ, подъ кото«рую стѣну... и тако вси смерть свою койждо предъ своима очима ви«дяще, и вси притекающе къ церкви и къ цѣльбоноснымъ мощемъ тем«лыхъ заступниковъ нашихъ... вси на покаяніе обратишася».

(258) Тамъ же, 95 и далѣе: «Въ той же день (8 ноября) иде въ «церковь Св. Троицы Клирикъ Корнилей, и внезапу прилетѣ ядро пу«шечное, и оторва ему правую ногу по колѣно, и внесоша его въ па«перть, и по Божеств. Литургіи причастися Животвор. Таинъ Христо«выхъ, и глаголаше Архимандриту: Се, отче, Господь Богъ Архистрати«гомъ своимъ Михаиломъ отмстить кровь православныхъ Христіанъ, у «сія рекъ старецъ Корнилей, преставися. Да того же дни убило изъ «пушки Старицу, оторвало руку правую и съ плечомъ... Въ Михай«ловъ же день, поющымъ Вечерню, всю сущіе въ обители людіе съ воп«лемъ и рыданіемъ и въ перси біеньми просяще милости у Бога... Во «время же псалмопѣнія внезапу удари ядро въ большой колоколъ и «сплывъ въ олтарное окно Пресвятыя Троицы, и пробивъ въ дейсусѣ у «образа Архистр. Михаила доску подлѣ праваго крылоса, и ударися по «столпу скользь, и сплы въ стѣну, отшибеся о надсвѣщникъ предъ обра«зомъ Святыя Живонач. Троицы и наязви свѣщникъ, и отразися въ «лѣвой клиросъ и развалися. Въ той же часъ иное ядро прорази желѣз«ныя двери съ полуденныя страны у Церкви Живонач. Троицы и проби «доску мѣстнаго образа великаго Чудотв. Николы выше лѣваго плеча «подлѣ вѣнца, за иконою же ядро не объявися». (Сей образъ и желѣз-ныя двери, пробитыя пушечнымъ ядромъ, показываютъ до нынѣ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ). «Тогда въ церкви нападе страхъ великъ на «вся предстоящыя людн, и вси колеблющеся, и поліянъ бысть помостъ «церковный слезами, пѣнію медлящу отъ множества плача», и проч.

О побѣгѣ Оськи Селевина, см. тамъ же, стр. 80. Въ Журналѣ Сапѣги, онъ названъ Сѣкавинымъ (*Zycia I, P. Sapiehi.* przez Kognowicki-ego. II, 187).

(259) Палиц. 89: «Добродѣтельніи же Иноцы обходяще по всему граду «моляще Христолюбивое воинство а всѣхъ людей, глаголюще: Господіе «и братіе, пріиде часъ прославити Бога и преч. Его Матерь, и Святыхъ «велик. Чудотв. Сергія и Никона, и нашу правосл. Христіанскую Вѣру; «мужайтеся и крѣпитеся и не ослабляйте въ трудѣхъ. ни отпадайте на»деждою, и проч... Аще ли, братіе, кто и постраждетъ нынѣ во время «се, той мученикъ будетъ Господеви своему, понеже пострада за превеликое Его имя».

(260) Тамъ же, 95: «Каменосѣчцы сыскавше старой вылазъ подлѣ «сушильныя башни, и очистили, и трои двери придѣлаша къ нимъ же«лѣзныя».

(261) Тамъ же 91 — «См. выше, примѣч. 83, — Дѣдиловъ. умирая, вопылъ: «Сотворите мнѣ винному и бѣдному человѣку великую милость; «дайте мнѣ, Бога ради, отца духовнаго; сподобите мя быти причастника «Святымъ Христовымъ Тайнамъ».

(262) Палиц. 98: «На Терентьевской рощѣ бѣ у нихъ пищаль люта »зѣло, зовома трещера. Воеводы же повелѣша стрѣляти на Терент. рощу, «и съ башни Водяныхъ воротъ удариша по трещерѣ и разбиша у нея «зелейникъ; такоже и отъ Святыхъ воротъ, и съ Красныя башни... и раз-

«биша у нея устіе, и видѣша съ Троицкаго града сущіе людіе благода-«риша Бога, яко разруши злый той сосудъ».

Палицынъ пишетъ, что Атаманъ Епифанецъ удалился отъ Лавры, устрашенный небесными явленіями. Атаманы и Козаки видѣли ночью ходящихъ вокругъ Обители двухъ свѣтозарныхъ Старцевъ, *по образу и подобію* Угодниковъ Божіихъ Сергія и Никона, изъ коихъ одинъ кадилъ стѣны и ограждалъ ихъ крестомъ, другой кропилъ Святою водою, и оба велегласно пѣли стихъ *Спаси, Господи, люди своя*, и кандакъ: *Вознесыйся на крестъ* и пр.; потомъ, обратясь къ осаждающимъ, укоряли ихъ злодѣйскомъ ѕмыслѣ: Почто стекостеся разорити домъ Пресв. Троицы и въ немъ Божія церкви осквернити и иночествующихъ и всѣхъ православныхъ Христіанъ погубити? но не дастъ вамъ жезла на жребій «свой Господь.«

(263) Тамъ же, 101: «Нарекше ясакъ, Сергіево имя, вкупѣ нападоша «на Литовскихъ людей... Они же услышавше ясакъ той, абіе возмято-»шася.» Слѣдуетъ подробное описаніе битвы.

(264) Тамъ же, 103, 107 и 108.

(265) Тамъ же, 103.

(266) Тамъ же, 102: «Хощу за измѣну брата своего животъ на смерть «премѣнити».

(267) Троицкій слуга, Ананія Селевинъ, подвизавшійся вмѣстѣ съ «Иваномъ Ходыревымъ. *См. Палиц.* 105 и 106: «съ немногими людьми, «всѣдше на кони. устремишася поломъ позади туровъ и Литовскаго на-«ряду, и бѣ полчекъ ихъ малъ зѣло; предъ полчкомъ же тѣмь, глаголютъ «видѣша со града многіе люди воина вооруженна, лице же его яко солнце, «конь же подъ нимъ яко молнія блистаяся, и въ той часъ вскочивъ съ «людьми Троицкими и въ первые туры, такожь и во вторые, и въ тріе, «и въ четвертые, и въ пятые, и объявительно видѣша его Божія послан-«ника и помогающа православному Христіанству, дондеже и нарядъ «взяша, и тако невидимъ бысть, даровавъ помощь и одолѣніе на враги».

(268) Тамъ же, 106: «Слуга же Меркурій Айгустовъ первѣе всѣхъ «поспѣ къ турамъ, пушкарь же Литвинъ уби Меркурія изъ пищали; тому жь «пушкарю отсѣкоша главу.

(269) Тамъ же, 109: «Воеводы же и все Христолюбивое воинство «приговорили съ Архимаритомъ и съ братіею послати къ Москвѣ къ Царю «съ сеунчемъ Сына Боярскаго Переславца, Ждане Скоробогатова».

(270) Тамъ же, 109 и 110 .

(271) Тамъ же, 113: «Бѣ воистину и заступленіе и помощь на враги, «молитвъ ради великихъ Чудотворцовъ Сергія и Никона- и сотвори Гос-«подь преславная тогда, и не ратницы *охрабришася* и невѣжди, и ни-«когдаже обычая ратныхъ видѣвши, и тіи убо исполинскою крѣпостію «препоясашася .

(272) Тамъ же, 113 и 114.

(273) Тамъ же, 115.

(274 Тамъ же, 119. Убитыхъ было 40, и много раненныхъ.

(275) Сіи Дѣти Боярскіе были Переславцы, Петруша Ошушковъ и Степанко Лешуковъ. См. Палиц. 121.

276 Тамъ же, 122, и *Истор. Шерб.* XV, 329.

(277) Объ измѣнѣ Казначея Дѣвочкина см. тамъ же, 117.

Палицынъ пишетъ еще объ одномъ измѣнникѣ, но не именуя его (стран. 123): ужищемъ по стѣнѣ спустися, текій ко врагомъ съ вѣстію; «его же злодѣйствующа не попусти Господь, и ноги его десныя жилы »отъ поясница разорвашася и начать лютѣ вопити окаянный, по егоже

«гласу со стѣнъ слышавше и избѣгше, взяша во градъ жива; отъ бого-«пустныя же язвы тоя въ той часъ изверже душу свою».

(278) Тамъ же, 123 и 124: «Во время, въ неже одержими бѣяху всѣми «злыми во Обители Чудотворца, тогда вси плакахуся и рыдаху, и злѣ «сокрушахуся... егдаже мало отдохнуша отъ великихъ бѣдъ, тогда забыша «спасающаго ихъ и непомяну́ша Пророка глаголюща: Работайте Госпо-«деви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ. Діяволъ же.., тогда «нудитъ насъ отъ славы Божія отпасти, еже праздновати не духовно, но «тѣлесно, и торжествовати не въ цѣломудріи, но въ безстрашіи».

(279) Тамъ же, 125—127: «На радости часто вхождаху утѣшатися «сладкими меды, отъ нихъ же породишася блудныя бѣды... На трапезѣ «же братской Иноцы же и простіи воду піяху. и воинствующихъ чинъ «престати моляху, по вси о семъ не брежаху. Еще же и сіе зло прило-«жиша сребролюбственное: тогда бо вси всегда питаеми отъ дому Чудо-»творца, взимающе бо хлѣбы по числу кождо на себе, овіи на седмицу «иніи же по вся дни, и отдающе сіе на сребро, сами же всегда въ тра-«пезѣ питахуся; нужда же бѣ тогда Инокомъ на хлѣбнѣ монастырстѣй «строящымъ, и не можаху успѣвати на потребу ратнымъ, и не имуще «сна, ни покоя, день и нощь, и всегда отъ жара пещнаго и отъ дыму «куренія очи тѣмъ истекаху... Отецъ Іоасафъ много моляше престаните «господіе и братіе, глаголющи отъ такового неразсужденія и простоты, «и не взимайте чрезъ потребу свою, и еже вземлющіи отъ васъ, не исто-«щевайте въ пустошь но со опасеніемъ соблюдайте: не вѣмы бо, госпо-«діе, на колико время протягнется, сидѣнія нашего во осадѣ, и вамъ «же кая польза истощати житницы Чудотворца? И много о семъ моляще; «они же не брегше, и вопреки глаголаху... Въ ровъ глубокъ блуда впа-«доша вси отъ простыхъ чадъ даже и до священствующихъ. Увы! о горе! «о лютѣ; напасть, и бѣда, и зло лютѣйшее! Труды безъ пользы мученіе «безъ вѣнца. пожданіе несовершенно, терпѣніе не до конца. Ангеломъ «слезы, Владыцѣ гнѣвъ, врагомъ радость».

О пляскахъ смотри тамъ же, 143.

(280) Съ 17 Ноября, пишетъ Палицынъ на стр. 130.

(281) тамъ же 132: «и другъ отъ друга отъдуху умираху».

(282) тамъ же, 132 и дал.: «Се! единъ путь къ смерти, глаголюще, «отвсюду и единѣмъ токмо утѣшающеся ко врагомъ ратоборствомъ, и «другъ друга на смерть поощряху... Аще не умремъ ныне о правдѣ и о »истинѣ, и потомъ всяко умремъ же безъ пользы, а не Бога ради... И не «бѣ покоя, ни сна, ни во дни, ни въ нощи, не токмо больнымъ, но и «здравымъ: овіи убо надъ умирающими плачуще, овіи же надъ износи-«мыми, иніи же надъ погребаемыми... и отъ непокойна сна, аки шалны «хождаху вси, и преставишася тогда братіи старыхъ во Обители 297, а «новопостригшихся тогда болѣе 500.»

(283) Тамъ же, 135 и 136: «Внутрь же града отъ сицевыхъ въ не-«доумѣніи быша. И тако совѣтовавше со Архимаритѣ Іасафомъ и съ «Старцы, посылаютъ къ царствующему граду къ Келарю Аврамію. Ста-«рецъ же во отпискахъ отъ Обители видѣвъ. ужасеся и напредь хотящая «не на добро збытися разумѣ, и все предложивъ предъ Царя, да разсу-«дитъ праведное, и моляше всегда, да не одолѣютъ врази дому Чудо-«творца. Скипетроносецъ же словомъ дая, дѣломъ же не производя; по-»неже велика бѣда царствующій градъ тогда обдержа. Старецъ же боя-шеся напредь злу уже содѣяшися, и совершенное оскудѣніе людьми дому «Святаго все изъявляя, и еще Самодержецъ дни протязуетъ скорби и »пожданія, и по входѣхъ и исходѣхъ къ моленію Старца не преклоняяся: «кровь бо всегда предъ стѣнами царствующаго града ліяшеся. Келарь

«же братію Царевыхъ моляше, но и тѣми ничтоже бысть полезныхъ: и «потомъ Патріарха и Полату Царскую всю подвиже, показуя тѣмъ пи«шемая отъ Обители, яко по мѣсячномъ времени конецъ будетъ отъ нужъ «прискорбныхъ граду. Патріархъ же со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ «молитъ Царя, глаголющи ему: Аще, Царю, взята будетъ Обитель Пре«подобнаго, то и весь предѣлъ Россійскій и до Окіана моря погибнетъ, «конечнѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ. И едва не слезы «Келаря преклонися и въ помощь посла Атамана Сухана Останкова да «съ нимъ Казаковъ 60 человѣкъ, да зелія 20 пудъ, а Келарь Аврамій отпу«стилъ Троицкихъ слугъ 20 человѣкъ, Никифора Есипова съ товарищи».

(284) Тамъ же, 136 и 137.

(285) Тамъ же, 140 и дал.: «Сапѣгѣ же окаянному бѣ трубачей лю«торъ Мартьяшъ именемъ, зѣло вѣренъ, и той укрѣпленъ отъ Сапѣги по«сылается съ похмѣльными ко Обители Чудотворца опохмѣлитися, про«сити меду, и по обычаю льщенія ятъ бысть, и приведенъ во Обитель «святую, готовъ врагъ самъ сый впадеся. Приведену же бывшу къ Вое«водамъ, и по наученію Сапѣги повѣда за собою добрыя рѣчи и годны «всѣмъ во осадѣ, и того ради не бысть убіенъ, и по днехъ приходящихъ «вся сбываху ся по его рѣчамъ, и впредь иная кая речетъ, то вся сбы«вахуся... О семъ угоденъ бысть Воеводамъ... Воевода же К Григ. Бо«рисовичь яко родителя своего почиташе его и во единой храминѣ по«чиваше съ нимъ... и не бѣ слышати о немъ слова лукава... и всяко не «добро творимое о промыслѣ ратномъ извѣщаше Князю... и никогда же «солга Воеводѣ ни въ чемъ... По семъ же и другій Панъ предадеся, нѣмъ «сый и глухъ, его же Паны Мартьяшомъ же нарицаху. И той «Мартьяшъ зѣло яростенъ и силенъ бѣ, и послужи въ дому Пресв. «Троицы яко истинный Христіанинъ, толико же знаменитъ бѣ въ пол«кахъ и во измѣнницѣхъ, яко и храбріи не смѣюще нань неступити «нѣцыи же, именемъ его страшаще, прогоняху нечестивыхъ, и пѣшъ кон«наго не бояшеся; глухоты же ради своея на бояхъ вертяшеся, и об«зираясу, дабы не убіену быть откуду... Сима же обѣма Литвякома слу«чися быти на обѣдѣ у слуги Пимина Тененева, и по обѣдѣ начаша «играти тонцы: во играніи же томъ отскочи той нѣмко Панъ отъ Мартьяша, и нача зубы скрежетати нань и плеваше къ нему; той же Лит«вякъ очима нань недобрѣ позрѣвъ, и искочи скоро вонъ: прилучившіися «же ту не разумѣша между има бывшаго. Нѣмко же скоро побѣжа къ «Воеводѣ К. Гр. Борисовичу, и прискочивъ слезенъ, и ударися чрезъ «обычай предъ нимъ, и начертая руками, взяти того Пана повелѣвая. «Князь же истязуя вины нань: онъ же по кулаку кулакомъ біяше, и «хватая рукама стѣны келейныя, и на церкеи и на службы монастыр«скія, и на стѣны градныя указуя, и начертая на воздухъ всему воз«метнутымъ быти и Воеводамъ показуя посѣченнымъ быти и всѣмъ во «Обители сожженнымъ быти. Сія же Князь разумѣ отъ него, и Мартьяша «сохраншася поимаша, и многими муками едва довѣдашася, и повѣда «той окаянный Мартьяшъ всю измѣну свою, хотяше бо той злодѣй у «пушекъ и забити затравы, а порохъ прижещи, и еще сказа, яко и «нощію съ Паны подъ стѣну приходящими часто бесѣдоваше, единымъ «словомъ разумъ тѣмъ подавая, и на стрѣлахъ грамоты тѣмъ писпущая. «Въ нощь же ту окаянный хотяше Поляковъ на стѣну не многихъ «впустити, съ ними же пакость сотворити наряду и зелію, а прочимъ «присрочилъ къ приступу готовымъ быти», и проч.

(286) Тамъ же, 145; «Той же Ананія мужественъ бѣ, 16 языковъ «нарочитыхъ во осадѣ тогда сущи приведе во градъ, и никтоже отъ силь«ныхъ Поляковъ и отъ Русскихъ измѣнниковъ смѣюще наступити нань,

«но издалече ловяще изъ оружія убити: вси бо знаяху его, и отъ про-«чихъ отлучающеся, на того ополчевахуся, и по кони его мнози знаю-«ще».—О немъ см. выше, прим. 267.

(287) Палиц. 145 и 146: «Александръ же Лисовской, видѣвъ того «Ананію ратующа противу себе, и выде противу его, хотя ево убити. «Ананія же, ударивъ конь свой, и пострѣли Лисовскаго изъ лука, въ «високъ лѣвой съ ухомъ прострѣливъ, и опроверже его долу, самъ же «утече изъ сроды полковъ Казачьихъ».—Тамъ же сказано, что въ одной вылазкѣ Ананія, ратуя вмѣстѣ съ Нѣмкомъ, потерялъ коня и съ того времяни дѣйствовалъ не столь успѣшно. Не смотря на опухоль ноги, по-врежденной выстрѣломъ изъ пищали, онъ не переставалъ участвовать въ битвахъ, но получилъ рану въ ту же ногу. «И тако крѣпкій мужъ «возвратится вспять, и отече нога его до пояса, и по днехъ малѣхъ «скончася ко Господу».

(288) Палиц. 147.

(289) Тамъ же, 148.

(290) Тамъ же, 98: «Архимариту же Іоасафу келейное правило «правящу и взирающу на образъ Святыя Богородицы, и со слезами «прося помощи и заступленія, воздрема, и видитъ въ келію его вшедши «Преподобнаго Отца нашего Сергія Чудотворца, и глаголюща: Востани «и не скорби, но въ радости молитвы приноси: предстоитъ бо и молится «Богу о Обители и о васъ Св. Пречист. Богор. и Приснодѣва Марія «со Ангельскими лики и со всѣми Святыми. Паки же иные Старцы по-«вѣдали различная знаменія. Священноиноцы Генадей, Гурей и Кипріанъ, «и иные мнози Черноризцы и міряне, яко видѣша Св. Сергія Чудотв. «ходяща по монастырю, и будяща братію, и глаголюща сице: Идите. «братіе Иноцы, немедленно во святую церковь и обращете благодать. «И потомъ видѣша вшедша въ церковь Св. Троицы Серапіона Архіепи-«скопа Новгородскаго во святительствѣй одежди, и во святѣмъ олтари «предъ образомъ Св. Богородицы ставша; и, обратився къ нему, Св. Чу-«дотв. Сергій рече: Отче Серапіоне, почто умедлилъ еси принести моле-«ніе ко Всемилостивому Богу и Пречист. Богородицѣ. Святый же Архі-«епископъ Серапіонъ воздѣвъ свои руцѣ, и возопи: О всепѣтая Мати! «рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово, и проч... И абіе начаша бла-«говѣстити къ заутреннему пѣнію; Старцы же сія видѣвше и повѣдаша «Архимариту и Воеводамъ, сіи же Старцы вси отъидоша къ Богу еще «во осадѣ тогда бывши. Принесе же мы о семъ писаніе Діаковъ Мар-«келъ ризничей; азъ же, исправивъ сіе, повелѣхъ написати».

Тамъ же, 136: «Иже утѣшая въ скорбехъ великій Чудотв. Сергій, «паки является пономарю Илинарху, глаголя ему: Рцы братіи и всѣмъ «страждущимъ во осадѣ, почто унываютъ и ропщутъ на держащаго ски-«петръ. Азъ неотступно молю Христа Бога моего, а о людехъ не скор-«бите: людей къ намъ Царь Василей пришлетъ».

Тамъ же, 138: «Стрегущимъ же нѣкогда на церкви Духа Пресвятаго «Сошествія и спящимъ имъ въ примѣненіи, единъ же стрежаше по обы-«чаю, и обзираше всюду, да не явится отъ коея страны ко граду вне-«запное пришествіе враговъ; и се слышитъ внезапну многихъ гласы по-«ющихъ, мужскіе и отроческіе. Онъ же смотряше всюду, гдѣ поютъ, и «разслышя воспѣвающихъ во храмѣ велицѣмъ Пресв. Богородицы чест-«наго и славнаго ея Успенія. Той же сторожъ и прочихъ возбуди, да «не соблазнится о сихъ. Нѣцыи же отъ нихъ рѣша, яко по умершихъ «пѣніе сіе: всегда убо храмъ полонъ бяше мертвыхъ отпѣваемыхъ: паки «же глаголаша, яко никогда же нощію съ вечера отпѣваютъ умершихъ; «или утренее пѣніе начатся? но не у приснѣ время утренняго пѣнія; и

«глаголюще: еда нѣкоея ради вещи собравшеся людіе, молебная исправ-«ляютъ? но не по чину молебновъ гласы исходятъ, и ни тако, якоже «Иноцы или якоже мірстіи, но зело красно, и множество поющихъ не-«молчно и безпрестанно, и гласы громны. Таже рекше къ себѣ: шедше «да увѣмы извѣстиѣе; и тѣкше до дверей церковныхъ ко храму Преч. «Богородицы, и гласу не бысть, и усумнѣвшеся, борзо отъидоша къ остав-«шимся на сторожи, и съ низу къ высотѣ воскликнувше на храмѣ стоя-«щимъ, глаголюще: се вси соблазнихомся, вѣсть пѣнія никакова гласа «въ церкви Успенія Пресв. Богородицы. И паки долу стоящіи ужасахуся, «гласы бо пѣнія паки слышахуся имъ: тіи же съ высоты глаголюще: что «смущаете насъ? се не гласи ли пѣнія еще суть? и егда снидосте отъ; «насъ, а пѣніе гласовъ не преста! Снидоста же и тіи съ высоты, и на «гласъ идоста, и пѣнія слышаху; пришедше же ко дверемъ церковнымъ, «и ничтоже слышаша, и возвратившеся рѣша *не туне пѣніе се, браціе*; «егда же отъидоша, паки слышаша пѣніе. И шедше возвѣстиша о семъ «Воеводѣ, и вскорѣ мнози пришедше, и не слышаша никакова гласа, «ни шума, и ужасъ многихъ объятъ о семъ. Таже по обычаю ко Утрен-«нѣй начаша благовѣстити».

(291) Тамъ же, 148 и 149 «Архимаритъ и Воеводы приговорили во «храмѣ Пресв. Богородицы Успенія въ предѣлѣ освящати храмъ во имя «иже во Святыхъ Отца нашего Николая Чудотворца въ праздникъ его «Маія въ 9 день, еше и сотвориша въ славу въ Троицы славному Богу... «И смертоносіе отъ тогоже дне почаса въ людехъ переставати; оставшіи «же отъ смертоносія здравіи по вся дни исходяще изъ града на брань «къ Литовскимъ людемъ, и біяхуся со усердіемъ и милость Господня по-«могаше имъ».

(292) О числѣ погибшихъ см. Палиц. 132 и 134.

(293) Тамъ же, 149 и 150: «Мѣсяца Маія въ 27 день, паки въ Са-«пѣгиныхъ таборѣхъ и Александровыхъ Лисовскаго бысть шумъ великъ, «играюще во многія игры и до полудни, съ полудни же начаша Литов-«скіе люди подъѣзжати подъ градъ смотряюще стѣнъ, и часто позирающе «на градъ, ко же начаша готовити мѣста, гдѣ быти пушкамъ ихъ и пи-«щалемъ, и скачуще на бахматѣхъ, машуще мечи своими на градъ, аки «грозяще; къ вечеру же начаша скакати конные многіе люди и съ зна-«мены по всему Клементьевскому полю. Посемъ же и Сапѣга вышелъ «со многими полки вооруженными, и скрышася въ таборы своя; остав-«шіижеся во градѣ Троицкомъ людіе, видяще на градъ лукавое ихъ смо-«трѣніе, уразумѣша лютый совѣтъ ихъ къ пролитію крови, и нещеваху «быти приступу, и тако готовящеся на брань: бѣша бо маліи числомъ «сущіи; готовяху на стѣнахъ варъ съ каломъ смолу, каменіе и прочее «иже къ тому времени пристроящеся, и подошевной бой очистивше... Вси «взыдоша на стѣну, мужеска полу и женска, и такожде западше ждаху «приступа».

(294) Тамъ же 150 и 151: «И егда бысть вечеръ уже, окаяніи Ли-«товскіе люди и Рускіе измѣнники лукавствующе, хотяще къ стѣнамъ «градным пріити тайно, и ползающе аки змія по землѣ молкомъ, везяху «приступныя козни, щиты рубленые, и лѣствицы и туры, и всякія стѣ-«нобитныя хитрости... И абіе съ Красныя горы возгремѣша изо огненнаго «верхняго наряду, и тако воскрикнувше все множество Литовскихъ лю-«дей и Рускихъ измѣнниковъ, и устремишася на градъ со всѣхъ странъ «съ лѣствицы и съ щиты, и съ тарасы, и со иными козньми стѣнобит-«ными, и заиграша во многія игры, и начаша приступати ко граду всѣми «силами, всякими дѣлы и хитростьми: мняху бо окаяннїи во единъ часъ «похитити градъ. Вѣдящи же во градѣ зѣло мало людей, и тіи суть не-

«мощни, и сего ради крѣпцѣ належаху на градъ: но благодатію Божіею «подкрѣпляемое Троицкое воинство біяхуся съ стѣнъ градныхъ крѣпко «и мужественно. Литва же тщашеся вскорѣ взыти на градъ; и при- «двигнуша щиты на колесѣхъ и лѣствицы многія, и нуждахуся силою «приставити и взыти на стѣны. Христолюбивое же воинство, и вси «градстіи людіе, не дающе имъ щитовъ и тарасовъ придвигнути и «лѣствицъ приславнивати, біюще изъ подошевнаго бою изо многихъ пу- «шекъ и пищалей и въ окна колюще и каменіе мещуще, варъ съ каломъ «льюще, и сѣру и смолу зажигающе метаху, и известію засыпающе «скверная ихъ очеса. И тако біющеся чрезъ всю нощь. Архимаритъ же «Іасафъ со всѣмъ Освященнымъ соборомъ вниде во Храмъ Пресв. «Троицы молящеся... о избавленіи града и о помощи на враги. Егда же «бысть день, видяще окаянніи Лютори, яко не успѣша ничтоже, но «паче своихъ множество изгубиша, начаша съ студомъ отступати отъ «града; градстіи же людіе вскорѣ отвориша градъ, овіи же съ стѣнъ «скочивше, учиниша вылазку на оставшихся Литовскихъ людей и Рус- «скихъ измѣнниковъ у стѣнобитныхъ хитростей своихъ, иніи же во «рвѣхъ бродяще, не могуще изыти. И тако тѣхъ многихъ побили, а «живыхъ взяли, Пановъ и Рускихъ измѣнниковъ 30 человѣкъ, и по- «велѣша имъ въ жерновы играти. И тако работающе на братію, и на «все Троицкое воинство, и до отшествія враговъ отъ града; и милостію «Пребезнач. Троицы, и заступленіемъ Преч. Богоматере, и молитвъ ради «великихъ Чудотворцевъ Сергія и Никона, побиша тогда множество «приступныхъ людей, и тарасы ихъ и щиты и лѣствицы и прочая козни «вземше, во градъ внесоша; сами же вси здравы отшедше, яко побѣди- «тели надъ враги показашася».

(295) См. письмо Марины къ отцу отъ 23 Марта (по Нов. Ст.) 1609 г. (*Собр. Гос. Грам.* II, 360).

(296) *Собр. Гос. Грамотъ,* II, 342 и 345. — Помѣщенныя тамъ увѣщательныя Грамоты Царя Василія писаны: къ Галицкимъ жителямъ 30 Ноября, а въ Устюжну Желѣзопольскую 23 Декабря, 1608.

(297) *Ник. Лѣт.* 110: «Царь же повелѣ Боярину Ѳедору Иван. «Шереметеву съ Балчика итить къ Москвѣ», и пр.

(298) Тамъ же, 102: «Въ Суздалѣ же градѣ собрашася ратные люди, «а хотѣша устроити осаду, что стояти противъ Литовскихъ людей; «единъ же у нихъ наученъ Діаволомъ Меншикъ Щиловъ съ товарищи «и цѣловати крестъ всѣмъ вору, и нача всѣхъ ко кресту приводити, а «Архіепископъ Галахтіонъ за то не постоялъ: и поцѣловаше крестъ «всѣмъ городомъ и посадомъ, и уѣздомъ, и послаша къ Сапѣгѣ подъ «Троицу. Сапѣга же присла къ нимъ въ Суздаль Полковника Лисов- «скаго; той же Лисовскій Полковникъ былъ въ Суздалѣ, и инымъ горо- «домъ многую пакость дѣяше: съ ними прислалъ Сапѣга въ Суздаль «Воеводу Ѳедора Плещеева».

(299) Тамъ же, 103 и 104: «Переславцы же всякіе люди позабыша «праведной судъ Божій, и не помня крестнаго цѣлованія, измѣниша, и «поцѣловали крестъ вору, и собрався съ Литовскими людьми, поидоша «ко граду къ Ростову... похотѣша ихъ такожь подъ діавольскую прелесть «прелстить, какъ и сами. Во градѣ же въ Ростовѣ слушаху вси, что «идутъ къ нимъ Переславцы съ Литовскими людьми, пріидоша всѣмъ «городомъ къ Митрополиту Филарету и начаша его молити, чтобъ имъ «отоити въ Ярославль. Онъ же Государь великій, адамантъ крѣпкій и «столбъ непоколебимъ, приводяше людей Божіихъ на то, и утверждаше, «чтобъ стояли за вѣру истинную Христіанскую и за Государя крестное «цѣлованіе, чтобъ стати противъ тѣхъ злодѣевъ, и многими ихъ словесы

«утвержеваше, глаголя, аще мы и побіени будемъ отъ нихъ, и мы отъ «Бога вѣнца воспріимемъ мученическія. Слышавъ же Воевода и вси «людіе, что имъ не повелѣваетъ града покинути, молиша его, чтобъ онъ «съ ними пошелъ въ Ярославль; онъ же имъ всѣмъ рече: аще будетъ «и многія муки претерплю, а дому Пречист. Богородицы и Ростовскихъ «Чюдотворцовъ не покину. Слышавъ же они отъ него такія словеса, «многіе побѣгоша въ Ярославль, Митрополитъ же, видя гнѣвъ Божій, «поиде въ Соборную церковь Преч. Богородицы и облочеся въ свой «святительской санъ; многіежь люди пріидоша, сѣдоша во храму. Онъ же «Святитель, готовяся аки агнецъ къ заколенію, сподобися Пречист. и «Животв. Таинъ, и похотѣ всему міру спасенія, и похотѣ отвѣтъ дати «Богу праведный по Пророческому словеси: *се язъ и дѣти, яже ми далъ «Богъ;* и повелѣ Протопопу и Священницамъ, кои есть въ церкви, по- «новляти и причащати весь народъ и сподоби всѣхъ Божеств. Таинъ. «Литва же пріидоша во градъ и начаша людей побивати, кои не успѣша «уйтити въ церковь и съ града въ Ярославль убѣжати. Они же идоша «ко церкви; Митрополитъ же видя то, что идутъ прямо къ церкви, по- «велѣ двери утвердити; они же начаша ко дверямъ приступати и въ «церкви же съ ними біяхуся, не дадяше имъ приступати. Митрополитъ «же, видя неизможеніе, пріиде ко дверемъ церковнымъ и нача Пере- «славцомъ говорити отъ Божественныхъ Писаній, чтобъ помнили свою «православную Вѣру, отъ Литовскихъ людей отстали и (къ) Государю «обратилися. Они же Переславцы, аки волки свирѣпіи возопиша великимъ «гласомъ, и начаша къ церкви приступати и выбиша двери церковныя «и начаша людей сѣщи и побиша множество народа. Митрополита же «взяша съ мѣста, и святительскія ризы на немъ ободравше, и одѣша «его въ худыя ризы, и даша его за Пристава; раку же Чюдотворцову «Леонтьеву златую сняша и розсѣкоша по жеребьемъ, казну жь церков- «ную всю, и Митрополію и градскую, пограбиша, и церкви Божія разо- «риша... Они же Переславцы разориша градъ Ростовъ и поидоша въ «Переславль, Митрополита жь Филарета отослаша къ вору въ Тушино. «Сапѣга жь изъ подъ Троицы посла въ Ростовъ Воеводу Матвѣя Пле- «щеева съ Литовскими людьми; Матвѣй же, стоя въ Ростовѣ, многія «пакости градомъ и уѣздомъ дѣлаше».

Нѣмцевичъ (См. *Dz. P. Zygm. III*, Т. II, 336) почерпавшій свѣдѣнія болѣе изъ Польскихъ источниковъ, пишетъ, что *изображеніе* (posąg, статуя) Св. Леонтія, доставшееся Сапѣгѣ, а отъ него подаренное Маринѣ, Русскіе цѣнили въ 50.000 рублей. Онъ же говоритъ, что въ Ростовѣ начальствовалъ тогда Третьякъ Сеитовъ, (Kniaź Trećiak Seytow), который взятъ въ плѣнъ и отосланъ вмѣстѣ съ Филаретомъ къ Самозванцу.— По словамъ Бера, изображеніе Св. Леонтія, вылитое изъ золота, было вѣсомъ въ 200 фунтовъ.

(300) *Палиц.* 44: «Сего убо Митрополита Филарета исторгше силою, «яко отъ пазуху матерню, отъ церкви Божія, и ведуще путемъ боса, «токмо во единой свитѣ, и ругающеся облекоша его въ ризы языческія, «и покрыша главу Татарскою шапкою, и нозѣ обувше во своя сандалія».— О семъ же и въ *Латух. Степ. Кн.*: «Съ поруганіемъ великимъ по пути «его въ единой свитцѣ и боса ведоша, еще же во иноязыческія ризы «того Святителя облачаху, и Татарскую шапку на него возлагаху, и «тако къ вору въ Тушино приведоша».

(301) Беръ утверждаетъ, что Филаретъ имѣлъ въ своемъ жезлѣ восточный яхонтъ, равнявшійся цѣною съ полубочкою золота, и — подарилъ его Лжедимитрію!

(302) См. выше, прим. 299.

(303) Лжедимитрій писалъ 8 Сентября 1608 г. къ Мнишку о намѣреніи отправить Марину съ войскомъ къ Звенигороду: «dla położenia «świętego jednego w manasterze Zwinigrodskim, zkądby wielka y «dziwna w Moskwy o nas aestimatia urość mogła». См. *Собр. Гос. Грам.* II, 339.

(304) Объ измѣнѣ Костромы, Галича, Углича и Вологды см. *Нѣмцевича* (*D. P. Z. III*, II, 339) и Бера.

Ник. Лѣт. 105: «Грѣхъ же ради нашихъ грады всѣ Московскаго «Государства отъ Москвы отступиша. Немногіе жь грады стоявъ въ «твердости». Тутъ исчислены вѣрные города: между ими не именованъ Владиміръ, и какъ вскорѣ потомъ Литовцы разбитые Княземъ Пожарскимъ искали въ немъ убѣжища (см. тамъ же, 106), то видно, что сей городъ былъ уже на сторонѣ Лжедимитрія.

(305) *Ник. Лѣт.* 105.

(306) Нѣмцев. *D. P. Z. III*, II, 337.

(307) См. Бера, который именуетъ его «ein doppelgetaufter Mame- «luck Reuszischer Religions. — Петрей (стр. 418) говоритъ: «Lorentz. «Bingge, aus Schweden bürtig in der Provintz Helsingeland, welcher «sich in Reuszland über 30 Jahr auffgehalten, und aus Liefland ge- «fangen unter dem Tyrannen Jvan Uasilivitz in die Muszkow ge- «bracht ist».

(308) См. выше, глав. I, стр. 14.

(309) *Псков. Лѣт.* 359: «А Петръ Шереметевъ надѣялся на боль- «шихъ людей во всемъ, а они ему во всемъ льстили и потакивали, а на «мелкихъ наносили и обиду чинили. А мастеровые люди даромъ дѣлали «на него всякое рукодѣліе». Тамъ же, на л. 355, 356 и 358 описаны бѣдствія Псковичей отъ мздоимства, грабительства и неправды.

(310) *Псков. Лѣт.* 77 и 78: «Въ тожъ время мѣсяца Августа яви- «шася въ Псковскихъ пригородѣхъ смутныя грамоты отъ вора изъ-подъ «Москвы... Преставися Епископъ Геннадей отъ кручины, слышавъ такую «прелесть... И во Псковѣ смятошася людіе, слышавше нѣкоего грядуща «отъ ложнаго Царя съ малою ратію. Воевода жь, видѣвъ толикое смятеніе «въ народѣ, и много укрѣпляху ихъ и немогоша увѣщати ихъ. Въ тожъ «время похватоша народъ лучшихъ людей и гостей, и пометаша я въ «темницу... Въ тожъ время нѣкто врагъ креста Христова вложи имъ то «слово, что Нѣмцы будутъ во Псковъ, слышали бяху прежъ, что по- «слалъ Царь по Нѣмецъ... И тогда возопивше нѣціи мятежницы въ на- «родѣ, яко Нѣмцы пришли суть отъ Иваня-города къ мосту на Великой «рѣки. И въ той часъ возмутишась вси, и похваташе Воеводу всадиша «въ темницу, а сами послаша по Боровского Воеводу по Ѳедку Пле- «щеева и цѣловаша крестъ вору... Тоежь осени пріидоша отъ вора во «Псковъ, якоже отъ Сатаны бѣсове, и его полку мучители и убійцы и «грабители, повѣдающе малоумнымъ державу его и власть; тіиже ока- «янніи воздаша хвалу прелестнѣй и темнѣй державѣ его... И навадиша «на онѣхъ боголюбцовъ и страдальцовъ, иже не восхотѣша поклонитися «Ваалови... Изъемше жь тіи зліи лютіи звѣріе тѣхъ изъ темницъ нужною «смертію уморища; овыхъ на коліе поткоша, инѣмъ главы отсѣкоша, «прочихъ различными муками мучиша, имѣнія ихъ поимаша. Болярина «жь Петра Никитича Шереметева въ темницы удавиша, и во Владычнѣ «дворѣ, и по монастыремъ, и у начальниковъ градцкихъ, и у гостей «имѣнія поимавъ, съѣхаша подъ Москву къ своему ложному Царю, и «тамо послѣ отъ своихъ побіени быша... При семъ учинися гнѣвъ Божій «на славный градъ Псковъ... Мѣсяца Маія въ 15 день, въ 6 часъ, за- «горѣся полонище у Успенского монастыря отъ дворового варенія, и

«сметашася людіе и погасиша огнь, и начаша расходитися по домомъ. «И внезапу загорѣся паки невидимо. и въ той часъ бысть буря велія, «вѣтръ силенъ отъ юга, и понесе огнь къ площади, и не возмогоша «утолити ничѣмъ... и загорѣся весь градъ и зелейныя полаты, и зеліемъ «вырвало Кремля города на обѣ стороны... Псковичи же, народъ, чернь «и Стрѣльцы ни тѣмъ Божіимъ гнѣвомъ наказашася, начаша чужая «имѣнія грабити... и Дьяволомъ падхнени суще, рекоша сице: Боляре и «гости городъ зажгоша; и начаша въ самой пожаръ каменіемъ гонити «ихъ; они же побѣгоша изъ града. И на утрія собрався, начатъ влазити, «нарочитыхъ Дворянъ и гостей мучити и казнити, и въ темницы сажати «неповинныхъ, отъ начальныхъ града и церковнаго чина, глаголюще «безумніи, яко вы градъ зажгосте и разористе, Царю нашему не радя».

(311) Аврам. Палицын. 32—47: «Польскіе же и Литовскіе люди и «воры Казаки... яко волцы надо псами играюще и иныхъ искусающе, «инѣми же вмѣсто щитовъ отъ меча и отъ всякаго оружія и смертнаго «паденія защищахуся. И бяше имъ стѣна тверда злокозньство измѣн- «никъ, и аще и вся злая и лютая видяще и слышаще, не отступаху «отъ того ложнаго Царика и отъ Поляковъ, и недомыслимая въ разумѣ «тому Лжехристу и Польскимъ и Литовскимъ людемъ то вся промыш- «ляюще измѣнницы, и всюду водяше, и вездѣ сохраняюще враговъ Хри- «стіанскихъ, Литву и Поляковъ, къ смертнымъ же боемъ прежде ополч- «евахуся, и послѣди престаяху; Поляцы жъ и Литва вооружены стояше «бездѣльно, смѣющеся безумству ихъ и междоусобію. И аще случаемъ «на бранехъ взятъ будетъ Поляки и Литвою добрый воинъ за истину «стоящій, той милости сподобляемъ отъ нихъ и отъ смерти сохраняемъ; «аще ли же случится кромѣ ихъ взяту быти кому Рускими измѣнники, «и на того, яко на люта звѣря, прискакаху со оружіи, и составы того «разсыпаху лютѣ. И видяще Поляки и Литва таковы пытки и злое му- «чительство отъ своихъ своимъ и единовѣрнымъ, и уступающе дивляхуся «окаянной вражіи жестокости и сердцы своими содрогахуся, и звѣрски «взирающе, отбѣгаху; разумніи же отъ нихъ теплыми слезами ланитѣ «свои омывающе, и другъ другу глаголюще: *внимаемъ, братіе, о семъ, что «сіи Русаки другъ другу содѣваютъ? намъ же что будетъ отъ нихъ?* и «бѣсовъ злѣйши нарицаше тѣхъ; они же смиловавшихся, Литву и По- «ляковъ, *худяками* и *женками* нарицаху. Кто же сея бѣды слыша не «восплачется, еже вкупѣ шествія ихъ на брань? Идѣ же бо Поляки со «измѣнники пріидутъ къ непроходимымъ мѣстомъ, и въ лѣсѣхъ, и на «рѣкахъ, и на топѣхъ, и на ржавцѣхъ, и на болотѣхъ, и ту безъ ума «станутъ Поляки, не вѣдуще, что сотворити, како пройти, или како «минути; измѣнницы же, ругающеся имъ и недоброхотствующихъ Царю «Тушинскому нарицаху, и вскорѣ ими промышляху, и мосты и перевозы «строяще, и лѣсомъ тропинами во едину степень безпакостно провожаху. «Коль же жестоко сердце измѣнниковъ бѣяше на свою братію правос- «лавныхъ Христіанъ? Поляковъ убо и Литвы сотни двѣ или три, Рус- «кихъ же измѣнниковъ десатетицею предъ ними сугубо; и тіи соблюдаху «ихъ во всемъ; а имъ же бы возможно и малою чадію на тѣхъ крѣпкихъ «мѣстѣхъ, и на непроходимыхъ всѣхъ смерти предати. Но никако же «въ нихъ таковаго смысла добраго не обрѣтеся. Кто же сему не посме- «ется безумію? Внегда убо ко кровопролитію, то Рустіи измѣнницы главы «свои прежде полагаху, Поляцы же стояще точію отъ измѣны себѣ соб- «людаху: егда же корысть дѣлити во градѣхъ и въ селѣхъ, то вся луч- «шая Поляки у нихъ силою отъимаху; измѣнницы же, аще и множество «ихъ предъ ними, но не прерѣковаху и всяко насильство отъ нихъ ра- «достно пріемляху. Плѣнницъ же, женъ красныхъ и отроковицъ, и юношъ

«не токмо у худѣйшихъ измѣнниковъ, но и у начальствующихъ ими отъ-
«имаху, и не могуще отъ рукъ ихъ исхитити, и рода своего женъ и
«дѣтей, и братію и сестръ, но великою цѣною искуповаху, и то по велицѣй
«дружбѣ, и по мздѣ. Еще же и смѣхъ Поляки надъ тѣми Рускими измѣнники
«дѣяху, имъ же возможно насильствовати, по пріятіи цѣны не отдаваху, и
«другую цѣну воспріимаху; иніи же по отданіи плѣнницъ и по взятіи цѣны,
«засылаху на путь и вспять паки оружіемъ отъимаху. Сія жъ зряще
«измѣнницы не токмо не знаеміи, но и сердоболи другъ другу смѣяхуся,
«гнѣвъ же Божій праведно попущенный видимъ бываше: мнози бо жены
«и дѣвицы не хотяще со беззаконники разлучитися, и мнози по искуп-
«леніи паки къ нимъ отбѣгаху; иніи же жены на мужи своя о смерти
«поучевахуся, и по испрошеніи на искупъ крыяхуся, и повѣшающеся
«на выя тѣмъ беззаконникомъ, злѣ гласы движуще, и благодѣтели тѣхъ
«и свѣты нарицающе, *охъ! охъ! горе! горе!* безъ ума припѣвающе: мнози
«бо отъ нихъ юностію и покоймы тѣлесными побѣдившеся, иніи же оча-
«ровани бывше, и того ради сердцы своими изгараху. Бяше же и се
«зло вездѣ изліянно, не десять бо, или пять, но три, или два, вкупѣ
«совѣтъ каковъ творяще о дѣлѣ, или о разумѣ, разлучившеся врознь,
«единъ остается съ терпящими бѣды и напасти, другій же отскачетъ
«въ покой тѣлесный, въ велику же работу вражію, и составляюще лож-
«ная писанія, посылаютъ на соблазнъ оставшимся по нихъ, возвѣщающе
«о себѣ, яко въ велицѣй чести тамо суть, и многи дарове, и имѣнія
«пріяша; имъ же убо мнози и не вѣроваху, и сія оплюваху, мнози же
«и прельщающеся къ нимъ отбѣгаху. Не токмо же писаніи тайно, но
«и на бранѣхъ съѣзжающеся другъ друга обольщеваху, и не токмо прос-
«тіи, но и разумніи, яко отъ полка Ангельска отскачуще, въ демоны
«прелагахуся. Всякъ же отъ своего чину выше начаша восходити: раби
«убо господіе хотяще быти, и невольніи къ свободѣ прескачуще; силь-
«ніи же разумомъ отъ тѣхъ въ прахъ вмѣняеми бываху и ничто же не
«по нихъ не смѣюще рѣщи... И вправду убо сія пострадахомъ: егда бо
«слышахомъ грады разоряемы, и видѣхомъ отъ нихъ, яко отъ огненны
«пещи избѣгающихъ звѣрскимъ рыканіемъ; имъ же не поболѣхомъ, ни
«плакахомся, ни рыдахомъ, ниже домы наша отверзохомъ имъ, и мнѣ-
«хомъ, яко не придутъ таяжде на ны, и глаголюще: далече суть сія, и
«тамо вся преминутъ... Бысть же тогда разореніе святымъ Божіимъ
«церквамъ отъ самѣхъ православныхъ, яко же капищемъ идольскимъ
«прежде отъ Великаго Владиміра; тогда на славу Божію, нынѣ же на
«утѣху бѣсомъ... Во святыхъ Божіихъ церквахъ скотъ свой затворяху,
«и псовъ во Олтарехъ питаху: освященныя жъ ризы не токмо на пот-
«ребу свою предираху, но и на обуща преторгаху, и драгими багры, на
«плещу носимыхъ священныхъ Іереевъ, афедроны покрываху; и къ коимъ
«же вещемъ святымъ не возможно прикоснутися, ни приступити безъ
«говѣнія, но со страхомъ, и тая ношаху блудницы, и піяху съ пляса-
«ніемъ отъ нихъ, и безсловесные скоты украшаху сими... Чинъ Ино-
«ческій и Священническій не вскорѣ смерти предаяху, но прежде злѣ
«мучаще всячески, и огнемъ жгуще, испытующе сакровищъ, и потомъ
«смерти предаяху, а ихъ же снѣдятъ Иноковъ непреходимыхъ отъ мѣста
«на мѣсто, но во единомъ обѣщаніи живуща, и таковыхъ работами об-
«лагаху, и стражи бяху имъ, и вина и пива варяху имъ; такожъ и кормы
«людскіе и конскіе готовяще, и пасяху стада ихъ. Такожде Іереевъ у
«мелива и у возовъ и у дровосѣчества моряху, и блудницъ стрежаху,
«и работающе блудницамъ, и воду ношаху имъ, и порты скверные мы-
«юще на нихъ, и у коней ихъ все работающе повелѣнное имъ. И старые
«и святолѣпные мужи у ногъ ихъ валяющеся аки сиротки, и ругающеся

«имъ, повелѣваху пѣсни пѣти срамныя и скакати и плясати; непокаря-
«ющихжеся смерти предаяху. И премѣнишася тогда жилища человѣчес-
«кая на звѣрская: дивіи бо не кроткое естество, медвѣди и волки и
«лисицы и заицы на градская и пространная мѣста пришедше, такоже
«и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищи на трупѣ человѣческомъ
«вселишася, и звѣри и птицы малыя во главахъ и въ трупѣхъ человѣ-
«ческихъ гнѣзда содѣяща: *горы* бо *могилъ* тогда явишася побіенныхъ по
«правдѣ ратовавшихся, ихъ же не лѣть изрещи подробну, но мало токмо
«помянути, яже быша велицыи бои на прошествіи отъ Тулы въ Калугу,
«и подъ Кромами, и на Ворсмѣ подъ Коширою, и подъ Орломъ, и подъ
«Нижнимъ Новымъ-градомъ, и во многихъ мѣстѣхъ; и крыяхуся тогда
«человѣцы въ дебри непроходимыя, и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ
«пещеры недовѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе, и плачу-
«щеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла, и поне мало бы отдох-
«нути на сусѣ: но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и
«мѣста ко скрытію; и вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣще-
«ваху нощію, никому же не мощно бяше двигнутися отъ мѣста своего:
«человѣкъ бо ожидаху, аки звѣрей отъ лѣсовъ исходящихъ, и оставиша
«тогда злодѣи за звѣрьми гоньбу, но женуще за своею братіею, и со
«псы, аки лютыхъ звѣрей пути пытаху, и существенные звѣри человѣкъ
«бѣгающихъ поядаху, и производительные звѣри не естествомъ, но пра-
«вомъ, такожде поядаху... Попусти же Господь нашъ и Богъ праведный
«гнѣвъ свой на насъ, не токмо злыхъ сихъ враговъ, но и звѣріе пакости
«дѣяху: нигдѣ бо, Христіане и земледѣльцы бѣгающе, но могоша жить
«сѣменныхъ всячески скрыти: вездѣ бо изъ ямъ звѣріе ископоваху и
«поядаху, иніи же звѣріе токмо по лѣсу и по грязи разсыповаху далече.
«Такоже и Козаки и измѣнники, идѣже что останется каковыхъ житъ,
«то въ воду и въ грязь сыплюще, и коньми топчуще, а идѣ же не пож-
«гутъ домовъ, или не мошно взяти домовыхъ потребъ, то все мелко ко-
«люще, и въ воду мещуще, входы же и затворы всякіе разсѣкающе,
«дабы никому же жительствовати ту... Непокорящихжеся ихъ злымъ со-
«вѣтомъ по всей земли всякъ возрастъ и всякъ чинъ, овѣхъ съ башенъ
«съ высокихъ градныхъ долу метаху, инѣхъ же съ береговъ крутыхъ во
«глубину рѣкъ съ каменіемъ верзаху, инѣхъ же развязавше изъ луковъ
«и изъ самопаловъ розстрѣляюще, инѣмъ же голени на полы преламляху,
«у инѣхъ же чадо восхитивше, и предъ очима родителей на огни пря-
«жаху, инѣхъ же отъ сосцу и отъ пазуху матерню оттограюще, о землю
«и о пороги и о каменіе и о углы разбиваху, инѣхъ же на копія и на
«сабли восткнувше предъ родительми ношаху. Красныхъ же женъ и
«дѣвицъ на многъ блудъ взимаху, и тако во многомъ скверненіи нечисты
«умираху; мнози же и сами изрѣзывахуся, смерть пріимаху, дабы не
«осквернитися отъ поганыхъ: иніи же въ воду ввергшеся съ береговъ не бѣ
«бо мѣста ко скрытію. Матери же младенцевъ своихъ отъ глада и жажди въ
«невѣдѣніи задавляху, дабы ихъ ради гласа самимъ не погибнути: бѣгающе
«бо захватываху ртытѣмъ, и послѣди обрѣтающе тѣхъ мертвыхъ. И яко же
«пустынницы въ лѣсѣхъ со звѣрьми во единыхъ пещерахъ живуще, и ему же
«съ кѣмъ не возможно, той отъ того отбѣгаше, аще и не обѣщавшеся ино-
«чествовати: но дождь и снѣгъ и варъ и студь нагимъ тѣломъ терпяще. Сія
«же зряще мужественніи сердцемъ, и рыкнувше разсѣдающимся внут-
«реннимъ, предаяхуся на растесаніе, и на раздробленіе уловомъ; не
«могуще благороднїи сынове зрѣти рождшихъ ихъ ложеснъ, у блудныхъ
«беззаконниковъ оскверняемыхъ злѣ, такожде и братія за сестръ своихъ
«нерушимаго ради дѣвства красоты скончевахуся... Идѣже пролита бѣ
«мученическая кровь, на томъ же бяше и бѣсованія блуднаго одръ; не

«пощадѣша бо и не возрастшихъ юнотокъ, но и тѣхъ растлѣвше, нагихъ «милостыни отпущаху просити, крови срамной текущи и власомъ тѣмъ «одраномъ сущимъ, но никтоже явѣ не смѣяше помиловати ихъ. Невѣсты «же Христовы, честныя и святыя Инокини, разстризаеми бываху, и по «станомъ ихъ влачими и оскверняеми блудомъ, и нудими бываху мясъ «ясти, и въ постныя дни святыя сыру и млеку причащатися. Въ толико «же безстудство вшедше нечестивіи измѣнницы и Поляки, безстрашно «вземлюще Святыя иконы мѣстныя и Царскія двери, и сія подстила- «юще подъ скверныя постели, и блудъ содѣвающе, и нечисты всегда «сѣдяще, и зернію играюще, и всякими играми бѣсовскими; иные же «Святыя иконы колюще, и вариво и печиво строяще: изъ сосудовъ же «церковныхъ ядяху и піяху, и смѣющеся поставляху мяса на дискосѣхъ, «и въ потирѣхъ питіе. Иніи же яко наругающеся святые сосуды пре- «ливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую. Воздухи же и «пелены шитыя и низаныя драгія, тѣми покрываху кони своя, и на «плещу свою вмѣсто приволокъ ко брани воздѣваху, и поясы священ- «ными опоясывахуся по блуднымъ нѣдромъ, и хоругви церковныя вмѣсто «знаменъ изношаху», и пр.

(312) О Филаретѣ, см. выше, примѣч. 300.—Аврам. Палиц. 44: «Та- «коже и Тверскаго Архіепископа Ѳеоктиста обезчестивше, и по многихъ «мукахъ на пути по царствующему граду въ бѣгствѣ смерти предаша, «и ратнымъ обычаемъ отъ правовѣрныхъ взято бысть тѣло его, обна- «жены кости оружіи, и знаменіи животныхъ кровоядныхъ начертаны. «Такожде и Суздальской Архіепископъ Галактіонъ во изгнаніи скончася; «Епископа же Коломенскаго Іосифа, на пушкѣ привязавше, не единою «подъ грады водяще, и симъ страшаще многихъ».

Никон. Лѣт. 131: «Въ тожь время побѣжалъ къ Москвѣ Тверской «Архіепископъ Ѳеоктистъ изъ Тушина, и ево жь убиша на дорогѣ».

(313) См. выше, въ примѣч, 310.

(314) Палиц. 44: «И маліи отъ Священнаго чина тѣхъ бѣдъ избѣ- «гоша, память же тѣхъ язвъ многимъ и до смерти остася».

(315) *Никон. Лѣт.* 105: Казань и Великій Новгородъ, и Смоленскъ, и Нижній, Переславль Резанскій, Коломна, Царство Сибирское: только «городовъ стояху въ твердости; а то всѣ прельстишася въ дьявольскую «прелесть».

О Саратовѣ см. *Хроногр. Стол.* л. 143 на обор.

(316) *The Russian Impostor*, 153: «In the mean time it was jud- «ged needful to fortifie and accommodate the Camp, as well against «the approaching Winter, as the attempts of the Enemy. Several goodly «Edifices were erected for the Nobility, and Tents and Huts prepa- «red for the rest of the Army; so that the whole being divided into «Streets and publike places, had the resemblance of a great City».

Машкѣвичъ: «Сей станъ былъ укрѣпленъ природою и искусствомъ: «съ двухъ сторонъ окруженъ рѣками, высокими окопами и глубокими рва- «ми, проведенными отъ одной рѣки къ другой».

(317) Беръ пишетъ, что всѣ дивились чрезвычайному изобилію съѣст- ныхъ припасовъ въ Тушинѣ: головы, ноги и внутренности битой скоти- ны валялись на улицахъ въ такомъ множествѣ, что собаки не успѣвали пожирать ихъ. Отъ того былъ дурной запахъ и даже боялись язвы. По- слѣдній изъ воиновъ ежедневно приготовлялъ для себя самыя лучшія яства; изъ напитковъ болѣе выходило меду, нежели пива.

(318) См. сей *Исторіи* Т. XI, 15.

(319) Палиц. 40: «Отъѣха къ Нагайскому Князю Урусу сынъ его «Ктязь Петръ, отвергся вѣры Христіанскія, и велику честь въ Россіи

«всю отверже, и жену свою, прежде бывшую за Княземъ Александр. «Иван. Шуйскимъ, покинулъ и со отцемъ своимъ и съ Нагайскими Та«тары много зла содѣя по всѣмъ Украинскимъ городомъ, Также и Бо«рисомъ поставленный Касимовской Царь къ Тушинскому ложному Царю «приложися, и съ Польскими людьми и съ Русскими измѣнники вездѣ «ратоваху».—*Ник. Лът.* (стр. 89), говоритъ, что Князья Петръ и Александръ Уросовы измѣнили Царю еще подъ Тулою.

(320) См. выше, примѣч. 218.

(221) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 351. Марина писала къ отцу своему въ Генварѣ 1609 изъ-подъ Москвы, прося не лишить ее въ печали своего благословенія и простить, если она чѣмъ нибудь прогнѣвала его. Она прибавляетъ: «Въ письмахъ къ Его Царской Милости упоминайте обо «мнѣ и просите, чтобы я у него могла имѣть почтеніе, милость». Далѣе, жалуясь на претерпѣваемый ею недостатокъ, говоритъ, что «у нея нѣтъ «и сундучка (ani skrzyneczki żadney nie mam)». См. Тамъ же, на стр. 361. записку ея отъ 23 Марта.

(322) См. выше, примѣч. 138. Списокъ (на Польскомъ языкѣ) сей жалованной Грамоты, данной 14 Окт. 1608 изъ-подъ Москвы, находится въ Дѣлахъ Польскаго Двора 1736 года.—На основаніи сей и другихъ подобныхъ Грамотъ Польскій Коронный Великій Маршалокъ Мнишекъ не стыдился нѣсколько разъ (въ 1718, 1720, 1732 и 1736 годахъ) домогаться отъ Россійскаго Двора всего обѣщаннаго предкамъ его Самозванцами, или даннаго ими, но въ послѣдствіи отнятаго. См. *Диплом. Собр. Дѣлъ*, Б. Каменскаго, I 397).

(323) Такъ названные *перелеты*. (См. выше, примѣч. 233.

(324) Такъ пишетъ Машкѣвичъ, очевидецъ сихъ происшествій и наблюдавшій причины оныхъ. См. также Бера.

(325) См. сей *Исторіи* Т. XI, Гл. IV.

(326) См. выше прим. 321.—Въ томъ же письмѣ Марины сказано «Nie tak, jakom sobie życzyla i pragnęla pożegnala... To sobie obiccy«wala, tego naywięcey życząc, abym byla z ust rodzica mojego błogo«slawieństwo wzięla tego znać żem godna nie byla; lecz ja teraz przez «ten list, upadłszy do nog nayprzód przepraszam ze łzami mojemi, «uniżennie prosząc, aby to com ja kiedokolwiek, bądź z nieostrożnościa, z umysłu, głupstwa, z młodości ze złości czymkolwiek obrazila, te«raz jus mnie W. M., mòy Mościwy Pan i Oyciec, odpuścić racz». etc. См. также другія письма ея отъ 26 Генв. и 23 Марта 1609, въ *Собр. Гос. Грам.* II, 353 и 359.

(327) Въ *Диплом. Собр.* Б. Каменскаго (на стран. 398) помѣщенъ переводъ Меморіала, поданнаго на Сеймѣ Послами Повѣтовъ. Списокъ онаго на Польскомъ языкѣ хранится въ Моск. Архивѣ, въ связкѣ писемъ Отрепьева, подъ No 55. Въ семъ Меморіалѣ означены жалобы Поляковъ на Россію, въ 8-ми статьяхъ: «1) что Русскіе, нарушивъ заключенную съ Поляками дружбу, обезчестили Королевскихъ Пословъ, и около двухъ лѣтъ томили ихъ въ заключеніи; 2) что они предали смерти Польскихъ людей, прибывшихъ въ Москву съ паспортами Королевскими и Рѣчи Посполитой и не вѣдавшихъ ни о какомъ обманѣ; 3) что мучили Сенатора Польской Короны, Воеводу Сендомирскаго, и другихъ знатныхъ особъ, пригласивъ ихъ къ себѣ подъ видомъ дружбы, и уже присягнувъ на вѣрность дочери перваго; 4) что отобрали у разныхъ людей грамоты Королевскія; 5) что оскорбили Бога въ лицѣ служителя его, Ксендза и Секретаря Королевскаго, умерщвленнаго предъ самымъ Олтаремъ; 6) что возстали на Царя своего Димитрія послѣ заключенія имъ союза съ Польскою Короною, и тѣмъ оскорбили Короля и Рѣчь Посполитую: почему,

если онъ живъ еще, должно подать ему помощь; 7) что нанесли *общую всѣмъ обиду*, удержавъ, ограбивъ и заключивъ въ темницу Испанскаго Священника, прибывшаго въ Москву отъ Папы и Короля Испанскаго съ драгоцѣнною церковною утварію (въ сей статьѣ прибавлено, что нѣкто изъ Шведовъ, Густавъ, также умеръ въ темницѣ 1607 года: вѣроятно Шведскій Королевичь, пріѣхавшій въ царствованіе Бориса); наконецъ 8) что побуждаютъ, какъ слышно, Шведовъ и Татаръ къ нападенію на Польшу»; За симъ сказано, что представляющійся случай есть самый лучшій для возвращенія Польшѣ всего, что ей принадлежитъ по праву, и означены средства помочь Самозванцу.

(328) См. сей *Исторіи* Т. XI, стр. 24.

Нѣмцевичъ (*Dz. P. Z.* III, Т. II, 348) пишетъ, что еще при Лжедимитріи одинъ изъ посланныхъ въ Польшу изъяснялъ о желаніи Бояръ имѣть Государемъ своимъ Королевича Владислава, вмѣсто Самозванца; что тоже повторяли сами Бояре по убіеніи Лжедимитрія, говоря даже о готовности Шуйскаго уступить вѣнецъ Королевичу и что сіе извѣстіе подтвердилось прибывшими изъ Москвы Стадницкимъ и Доморадзкимъ. Нѣмцевичъ и Нарушевичъ ссылаются на современную рукопись Гетмана Жолкѣвскаго, *Объ успѣхахъ войны въ Россіи*, находившуюся въ Библіотекѣ Залусскихъ. (См. Наруш. *Hist. Chodk.* I, кн. IV, примѣч. 17, 107 и 108).

(329) Си. Нарушевича, *Hist. Chodk.* I, кн. IV, 255—259.

(330) См. выше, стр. 51.

(331) *Hist. Chodk.* I, кн. IV, прим. 113.

(332) Машкѣв.: «obiecuiąc te woyne przez dobycie szabli skończyć».

(333) Жолкѣвскій не страшился писать о семъ Королю: «Слышно въ «народѣ, что В. Кор. Вел. не столько думасте въ семъ дѣлѣ о благѣ Рѣчи «Посполитой, сколько о собственныхъ своихъ выгодахъ. Не только чернь, «но и знатные, хотя и не охотно, съ душевною скорбію, говорятъ о семъ «замыслѣ вашемъ». (См. *Ds. Pan. Zygm.* III, II, 351).—См. также Наруш. *Hist. Chodk.* I, кн. VI, примѣч. 114.

(334) Наруш. тамъ же, примѣч. 122.

(335) Потомокъ Всеволода въ шестомъ колѣнѣ, К. Вас. Андр., принялъ названіе *Пожарскаго* отъ того, что ему достался въ наслѣдство опустошенный пожарами городокъ Погарь, который до нашествія Татарскаго именовался Радогость. См. *Біограф. сѣвд.* о *Князѣ Д. М. Пожарскомъ*, соч, А. Ѳ. Малиновскаго, *Родосл. Книгу Князей и Дворянъ Россійскихъ*, Ч. II, стр. 59, 300 и 362, и *Розряд. Кни.* л. 973 и 979.

(336) *Ник. Лѣт.* 106: «Ко Царю же Василью писали къ Москвѣ съ «Коломны Воеводы Ив. Пушкинъ да Сем. Глѣбовъ, что отъ Володимеря «идутъ подъ Коломну многіе Литовскіе люди и Русскіе воры; Царь же «Василей посла на Коломну Воеводъ своихъ, К. Дмитрія Мих. Пожар«скаго съ ратными людьми. Онъ же пріиде на Коломну, и посла провѣ«дывать про тѣхъ Литовскихъ людей; вѣстовщики. пріѣхавъ, сказаху, «что стоятъ Литовскіе люди за тридцать верстъ Коломны въ селѣ Вы«соцкомъ. К. Дмитр. Мих. поиде съ Коломны на встрѣчу противъ Ли«тов. людей, и пріиде на нихъ въ ту Высоцкую волость на утренной «зорѣ, и ихъ побилъ на голову, и языки многіе поималъ, и многую у «нихъ казну и запасы поималъ; достальные жь Литовскіе люди побѣгоша «въ Володимеръ».

(337) Тамъ же, 109 и дал.: «Собрахуси многіе Понизовые люди, Мордва «и Черемиса, и пріидоша подъ Нижней Новгородъ, и градъ Нижней оса«диша; изъ Тушина же пріидоша подъ Нижней Литовскіе люди; Воевода «у нихъ былъ К. Сем. Вяземской. Нижегородцы же, видя тѣсноту го-

«роду и прося у Бога милости и поидоша на вылазку, и тѣхъ Литовскихъ людей и Рускихъ воровъ побиша многихъ, и Воеводу у нихъ К. Семена взяша и въ Нижнемъ повѣсиша безъ Государева вѣдома.— Царь же Василей повелѣ Боярину Θед. Ив. Шереметеву съ Балчика «итить къ Москвѣ. Θедоръ же Ив. съ Балчика многіе Понизовые городы «очистилъ и воровскихъ людей побилъ.—Нижегородцы же, слышаша по«ходъ ратныхъ людей изъ Балчика къ Нижнему, и собрався поидоша къ «Балахнѣ, и Балахну градъ взяша и ко кресту ихъ приведоша. Богъ же «вложи мысль добрую во всѣхъ черныхъ людей, и начаша сбиратися по «городомъ и по волостемъ: въ Юрьевцѣ въ Поволскомъ собрашася съ «Сотникомъ съ Θедоромъ Краснымъ, на Решѣ съ крестьяниномъ съ Гриш«кою съ Лапшою, на Балахнѣ съ Ивашкомъ съ Кувшиниковымъ, въ «Городцѣ съ Θедькою Нагавицынымъ, на Холую Илейка Денгинъ, и со«вокупишася всѣ въ единомысліе, поидоша въ Лухъ, и въ Луху Литов«скихъ людей побиша, и Дворянъ поимавъ ссылаху въ Нижней, а иныхъ «поимаху и домы ихъ разориша, и поидоша въ Шую. Лисовской же слы«ша то, посла противу ихъ Θедора Плещеева въ село Дунилово; они же «слышаше то, что Θедоръ приде съ воровскими людьми съ Литовскими, «и ихъ побиша на голову; Θедоръ же утече въ Суздаль съ невеликими «людьми; на Москвѣ жъ про то отнюдь не вѣдомо ничто».

(338) См. Грамоту Царя Василія къ Галицкимъ жителямъ, 30 Ноября 1608. (Въ *Собр. Гос. Грам.* II, 341): «Слухъ насъ дошелъ, что вы, исто«ропясь воровъ, неволею ворамъ крестъ цѣловали, и мы о томъ поскор«бѣли, какъ естя такъ учинили, и чему повѣрили, и на что смотря сму«тились, и для чего душамн своими погибаете?... Нынѣ и сами не вѣ«даете, кому крестъ цѣлуете и кому служите, что васъ Литва обманы«ваетъ... И хотя они вамъ и манятъ для того, чтобъ имъ тѣмъ осилити «Моск. Государство, а только по грѣхамъ что над Моск. Государствомъ «учинятъ вашимъ преступленіемъ, и надъ вами послѣ того тожь пору«ганіе съѣлаютъ... И нынѣ надъ правосл. Вѣрою какое злое поруганіе «дѣлаютъ, церкви Божія разоряютъ и образы обдираютъ и колютъ, и раки «чудотворныя разсѣкаютъ, про то вамъ самимъ подлинно вѣдомо: а впредь «отъ нихъ какого добра ждати за то всѣмъ правосл. Христіанамъ? при«гоже помереть. А пишемъ мы къ вамъ вправду, о васъ милосердовавъ..« «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ попомнили пра«восл. Вѣру... чтобъ вашею службою и радѣніемъ Моск. Государство отъ «воровъ не разорилося... А буде не сберетесь, своихъ мѣстъ отъ воровъ «оберегати не учнете, или Моск. Государство ворамъ поддадите, и Моск. «Государству и прав. Вѣрѣ и своему отечеству вы будете предатели: «что надъ Москвою учинится, и то Богъ сыщетъ на васъ, всѣ вы тому «повинны; да и вамъ отъ воровъ отъ Литвы никако не проминетъ, «всѣхъ васъ воръ и Литва разоритъ безъ остатка; а то вскорѣ сберетеся «и свои мѣста отъ воровъ очистите и намъ помощь учините, и вы всѣ «будете безпечальны и домы ваши будутъ въ тишинѣ и въ покоѣ... А «мы... васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ. чево у васъ и на «разумѣ нѣтъ, и всякія ваши разоренья велимъ попомнить, и льготою «васъ пожалуемъ во всякихъ податѣхъ на многія лѣта, и торговати вамъ «велимъ безпошлинно, и службу вашу великую учинимъ памятну».

См. тамъ же и прочія Грамоты Царя Василія: въ Устюжну Желѣзопольскую, 23 Дек. 1608 г. (тутъ предписывалось всѣмъ ополченіямъ собираться въ Ярославль для общей защиты); въ Вологдѣ, 15 Мая 1609; Вологодскимъ, Бѣлозерскимъ, Устюжскимъ и другимъ ратнымъ людямъ, 23 Мая; наконецъ, всѣмъ войскамъ собравшимся у Ярославля, 28 Іюня (тутъ исчислены Вологжане, Бѣлозерцы, Устюжане, Каргопольцы, жи-

тели Соли-Вычегодской, Тотмичи, Важане, Двиняне, Костроничя, Галичане, Вятчане). Въ 1609 году Сѣверные города уже держались стороны Царя. См. Бера и Петрея.

(339) Какъ видно, зимою, съ 1808 на 1609 годъ: ибо крестьяне по словамъ Бера и Петрея, бросали грабителей подъ ледъ. — Петрей, 424: «Ihr abgescheumete Schelmen und Verrähter, habet uns in kurtzer «Zeit disz ort Landes rein ausgeplündert und verzehret, alle Schaffe, «Ochsen, Kühe und Kälber auffgeressen; gehet nun hin unter das «Eysz, und fresset die Fische, die in der Wolga und andern Wassern «seyn». — Крестьяне, говоритъ Беръ, называли своихъ притѣснителей *глаголями*, отъ того, что Поляки ходили съ бритыми головами, оставляя только на верху хохолъ или пучокъ волосъ (Zöpfe).

(340) См. вышеупомянутую въ прим. 338 Грамоту Царя Василія въ Устюжну Желѣзопольскую, 23 Дек. 1608 *(Собр. Гос. Гр.* II, 346): «Слухъ «насъ дошелъ, что вы, попомнивъ Бога и своя души, крестное свое цѣ«лованіе, за нашу истинную православн. Хрестьянскую Вѣрѣ, и за ра«зореніе Моск. Государства, и за все правосл. Хрестьянство, и за свои «домы противъ воровъ стали», и прочъ.

См. тамъ же (стран. 363) Грамоту Царя Василія къ Вологод. Воеводѣ Пушкину, 15 Мая, 1609: «Писали есте къ намъ, что вы... нашихъ «измѣнниковъ, которые отъ вора пріѣхали на Вологду, Ѳедьку Нащокина «съ товарищи и Литовскихъ многихъ людей, переимавъ, побили, и городъ «и острогъ сдѣлали, и въ Вологодскомъ уѣздѣ по многимъ дорогамъ за«сѣки посѣкли и людей по засѣкамъ поставили; а изъ Поморскихъ горо«довъ изо всѣхъ Воеводы наши прислали къ намъ на Вологду многихъ «ратныхъ людей, и стоятъ съ вами единомышленно; а въ городы въ Пошехонье, и на Романовъ, и на Кострому, и въ Галичь, и въ иные городы «послали головъ со многими ратными людьми, и тѣ люди намъ многіе «городы очистили; и мы, и мы слыша о томъ, обрадовались»... Слѣдуетъ повелѣніе *отписать* противъ сей Грамоты въ Тотьму, Устюгъ, Соль Вычегодскую, Каргополь, Пермь, Вятку, на Двину, и пр. съ тѣмъ, чтобы жители сихъ мѣстъ собирались у Вологды и потомъ шли въ Ярославль, или въ Ростовъ.

(341) Въ жалованной Грамотѣ *Именитому человѣку* Петр. Семен. Строганову, 29 Мая 1610 *(Собр. Гос. Гр.* II, 386), сказано: «Будучи у «Соли Вычегоцкіе намъ служилъ и прямилъ во всемъ, и отъ Моск. Госу«дарства не отступилъ, и къ Польск. и къ Литовск. людемъ и къ Рус«скимъ воромъ не приставалъ... и ратныхъ многихъ людей на нашу службу «противъ воровъ посылалъ, и Поморскіе, и Пермскіе, и Казанскіе городы «отъ шатости укрѣплялъ, да у него жъ иманы на насъ на Москвѣ и по «инымъ городамъ въ ссуду многія денги и даваны служилымъ людемъ на «жалованье. И за тѣ его службы и радѣніе, мы... П. С. Строганова пожа«ловали, велѣли писати ему изо всѣхъ Приказовъ въ нашихъ Грамотахъ «и въ наказѣхъ съ *вичемъ*... И наши Бояря и Воеводы, и Дьяки и всякіе «наши Приказные люди въ городѣхъ его Петра и дѣтей его и племянни«ковъ, и людей его и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ. А кому будетъ «до нихъ дѣло, и ихъ сужу язъ Царь», и пр... (слѣдуетъ исчисленіе другихъ дарованныхъ ему преимуществъ).

(342) О Данилѣ Эйлофѣ см. Бера, который говоритъ, что онъ былъ родомъ изъ Нидерландовъ, поселился въ Россіи, принялъ Греческую вѣру и содержалъ солеварни; убѣдивъ жителей Костромы, Галича и Вологды отложиться отъ Лжедимитрія, собралъ и самъ 200 человѣкъ противъ Поляковъ; но 11 Декабря попался имъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дочерьми своими, которыя обязаны спасеніемъ чести тогдашнему Ярославскому

Воеводѣ Шмиту. Выкупившись изъ плѣна за 600 талеровъ, Эйлофъ дѣйствовалъ снова противъ Самозванца и Воеводы его Шмита.

(343) См. Бера, о разореніи сказанныхъ городовъ и о походѣ Лисовскаго и Тишкѣвича.

Рукоп. Филар.: «Панъ Зборскій и К. Григ. Шаховскій, по повелѣнію «того ложно названнаго Царя Дмитрея и по разсказанію Гетманскому, «путь радостно воспріемлютъ, и дошедъ до града до Зубцова и оттолѣ «поидоша нощію подъ городъ Старицу, въ немъ же сидятъ Царевы люди, «и на городъ той нападоша напрасно и со всѣ страны поидоша на стѣны «града того. Сѣдящіи же въ немъ людіе ужасни быша вельми, браннымъ «своимъ ополченіемъ не возмогоша стояти противу враговъ своихъ: зане «мало ихъ во градѣ томъ бяше. Устремившеся бѣжати по храмѣхъ мо«литвенныхъ *и тамо уповаше смерти убѣжати*, и тако мечемъ погибоша, «жестокою смертію живота гонзнуша».

(344) *Ник. Лѣт.* 111: «Грады же Поморскіе и Вологда и Устюгъ «Великій и иные городы обратишася на истинный путь, и Царю Васи«лію цѣловаша крестъ, и Литовскихъ людей побиша, и собрашася чер«ные люди, такожъ какъ и Понизовые городы, и многіе городы очистиша «и пріидоша въ село Даниловское и поставиша тутъ острогъ. Литовскіе «же люди и Русскіе воры, собрався многіе люди, и пріидоша къ Дани«ловскому, и бои быша многіе; грѣхъ же ради нашихъ тотъ острогъ «взяша, и многихъ черныхъ людей побиша, а сами отыдоша въ Ростовъ».

(345) О Нащокинѣ см. выше. прим. 340.— О Застолпскомъ и Панѣ Маттіасѣ см. окружную Грамоту Кн. Скопина Шуйскаго, въ *Собр. Гос. Гр.* II, 343.—О Шмитѣ см. Бера.

(346) См. Грамоты, приведенныя выше, въ прим. 338 и 340.

(347) См. выше, стран. 57.

(348) Аврам. Палиц. 189: «На Царя и на Святителя вооружаются, «глаголюще: сіи убо гладъ и мечь Царева ради несчастія».

(349) См. выше, стран. 82.

(350) *Ник. Лѣт.* 111. — *Латух. Ст. Кн.:* «Единъ отъ Боляръ, «К. Романъ Гагаринъ, да Григ. Сунбуловъ и Тимоѳей Грязной къ Боля«ромъ Большимъ пришедше, и начаша имъ говорити, чтобы Гос. Царя «Вас. Іоан. перемѣнити. Боляре же сего не восхотѣша». Тоже и въ *Хронографѣ Ключарева.*

(351) Въ *Латух. Ст. Книгѣ* описанный здѣсь мятежъ отнесенъ также въ 7117 (1609) гоеу, но тоже повторено въ слѣдующемъ съ означеніемъ дня (17 Февр. какъ въ *Львов. Лѣтописцѣ*). Если мятежники бѣжали къ Самозванцу въ Тушино, то конечно въ 1609 году: ибо въ слѣдующемъ Тушинскаго стана уже не было.

(352) *Хрон. Ключ.* и *Стол.*: «Согласився съ *пятаковники* своими и «сѣлъ на Моск. Государство сильно (т. е. насильно)».

(353) *Латух. Ст. Кн.*: «А нынѣ его ради кровь Христіанская «лѣется, понеже онъ Царства сего недостоинъ и не потребенъ на все». *Хрон. Стол.:* «Онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ и многая піяница, и «блудникъ и всячествованіемъ неистовенъ», и пр.

(354) *Лат. Ст. Кн.:* «Сія же народи слышаху и тѣмъ мятежникомъ «отвѣтъ творяху сице: мы вси Благочестивому Гос. Царю В. І. покаря«тися ради, а сѣлъ онъ Государь на Царство не собою, но выбрали его «Большіе Боляре и вы, Дворяне и служилые люди; (въ *Стол.*: «а пьян«ства и всякаго неистовства мы въ немъ не вѣдаемъ), а когда бы онъ «Царь вамъ и неугоденъ былъ, то невозможно его Государя безъ Боль«шихъ Боляръ и всенароднаго собранія съ Царства свести. И тако су«ровіи крамольницы народъ возмутити невозмогоша, но безстудно къ

«Царю Государю пріидоша въ полаты съ великимъ воплемъ и наглостію, «укоряти и поношати его начаша. Царь же В. І. видя ихъ безстудное «устремленіе (въ *Стол.*: и въ лице имъ ста») и рече имъ: что вы зако- «нопреступніи людіи нагло пріидосте ко мнѣ? еда ли убити мя хощете, «то азъ убо на смерть готовъ есмь; аще ли же отъ Царства изгнати мя «тщитеся, и того безъ Большихъ Боляръ и Дворянъ невозможно вамъ «сотворити, безъ совѣту всея Россійскія земли. Сія же слышавше мя- «тежницы они, и со срамомъ отъ Царя отъидоша и къ воровскому Ца- «рику отбѣгоша въ Тушино вси».

Ник. Лѣт. 111: «Идоша къ Патріарху, взяша съ мѣста изъ Собор- «ной церкви и ведоша его на лобное мѣсто; онъ же аки крѣпкій ада- «мандъ утверждаше и заклинаше, не веля на такую дьявольскую пре- «лесть прельщатись, и поиде Патріархъ на свой дворъ. Они же посы- «лаше по Бояръ, и Бояре отнюдь къ нихъ дьявольскому совѣту непоѣхаша; «одинъ къ нимъ пріѣхалъ Бояринъ К. Вас. Вас. Голицынъ (въ *Латух.*: «а иніи мятежницы изъ полковъ пріидоша»). Бояре же, собрався изъ «полковъ пріидоша къ Царю Василію; тѣжъ съ Лобново мѣста пріидоша «(съ) шумомъ на Царя В. — Царь же В. выиде противу ихъ и муже- «ственно и не убоявся отъ нихъ убивства; они же видя его мужество «и ужасошася, отъ него побѣгоша всѣ изъ города, и отъѣхаша въ Ту- «шино человѣкъ съ триста».

См. также Хронографы.

(355) Объ измѣнѣ Трубецкаго см. выше, стран. 48 и прим. 191.

О казни Крюка Колычева *Никон. Лѣт.* 112.

(356) Надъ сею ратію начальствовалъ Полковн. Млоцкій. См. *Ник. Лѣт.* 112.

(357) Тамъ же.

(358) Аврам. Палиц. 189: «Купцы жъ Московстіи, во единъ совѣтъ «совокупльшеся, и повсюду отъ имѣній своихъ дающе на закупъ, еже бы «имъ и у прочихъ градовъ и селъ всяко жито иззакупиши, и сія собирающе «не вскорѣ продаваху, но ожидающе, дондеже отягчится цѣна, и сугубо «десятерицею прикупъ хотяще воспріяти, и немощніи имѣніемъ всяко «до конца оскудѣша; отвнѣ же люту мечу яростну зѣльнѣ належащу, и «всяко убо богатство къ житопродавцемъ преходитъ; убозіи же отъ глада «злѣ мучими скончеваxуся. Сицевая убо зря Царь Василей, стѣсняется «болѣзненно сердцемъ и повелѣваетъ житопродавцемъ во едину цѣну «продавати и купити; но никако о семъ не брегше житопродавцы. Дер- «жавный же покусися не единою градскимъ закономъ смирити сихъ: «сего же ради елико убо въ прочихъ градѣхъ и селѣхъ закупленая ими «сташа недвижима, и къ царствующему граду непроходима. Царь же и «отъ прочихъ градовъ мнѣвъ искоренити сихъ умыслъ, но никако же «возможе, паче же на горшая обратишася... Созвану бывшу всему на- «роду всякаго чина въ домъ Матере Слова Божія, и сихъ Святѣйшій «Патріархъ Іермогенъ много поучая, дабы въ любовь и въ соединеніе «тѣхъ привести, и на милосердіе превратити; потомъ же и Царь молитъ «всѣхъ отъ вельможъ и до простыхъ людей, чтобы на купилищи всена- «родномъ продавали всякое жито во едину цѣну и не возвышали бы «цѣны, и сильные имѣніемъ не закупали бы на много время и не оску- «дѣвали бы маломощныхъ. Они же въ храмину немилосердія вскочше и «двери жестосердія закрѣпльше, уныніемъ лицемѣрнымъ отвѣщаху: Ни, «Царю праведный, ни, Владыко святый! Вси не имамы чрезъ потребу, «но токмо на мало время. Всѣмъ же отходящимъ со отрицаніемъ, и «всякъ кождо себе щадя, а не Господа славы І. Х- ищуще». — О ро- потѣ на Царя см. выше, прим. 348.

(359) *Ник. Лът.* 112: «И многіе люди поидоша въ Тушино, а иные «хотяху итить на Царя Василія, приходяху (съ) шумомъ: докудова въ «осадѣ сидѣти и такова гладу дотерпѣти? Царь же Василей ихъ укрѣп- «ляше, разговариваше ихъ; они же тово не слушаху».

(360) Аврам. Пал. 190: «Тогда же давъ Богъ совѣтъ благъ Царю и «Святителю, и никому же увѣдавшу смысла ихъ, что ради се бысть. «Призываютъ убо Инока Аврамія, Келаря Троиц. Серг. монастыря, «рекше: Се, Авраміе, зриши, коликъ народъ гладомъ погибаетъ и нево- «лею прилагается со врагомъ, не имуще потребъ осадныхъ, ты же со- «твори повелѣнное нами: елико убо имѣеши житъ въ житницахъ чудо- «творцовыхъ, продаждь отъ сихъ на купилищи всенародномъ малѣйшею «цѣною. Келарь же повелѣнное Царемъ и Патріархомъ вскорѣ сотвори, «извезти повелѣ двѣсти мѣръ ржи. И по повелѣнію Цареву наченше «продавати по два рубля четверть. Житопродавцы же зѣльнѣ гнѣвахуся «и оцѣпенѣваху. Слышано бо бысть имъ, яко вся запасная сокровища «великаго Чудотворца распродавати, и на много время прострется обни- «женіе цѣнѣ и бѣдамъ ихъ великъ убытокъ будетъ. Добрѣйшіи же начаша «спускати цѣну и уставишася на мѣрѣ въ дву рублехъ на долго время».

(361) *Ник. Лът.* (стр. 112) говоритъ, что съ Кн. Гагаринымъ пришелъ изъ Тушина и Ротмистръ Маттіасъ Мазиновъ: «Начаша во весь «міръ говорити, чтобъ не прельщались на дьявольскую прелесть, прямо «истинной воръ, а заводъ весь Литовскаго Короля, что хотя православ- «ную Вѣру Христіанскую попрать. А то въ таборѣхъ подлинно вѣдомо, «что въ Новгородъ пришли Нѣмецкіе люди, а Литву отъ Новагорода «отбили прочь; людіе жи на Москвѣ въ тѣ поры быша въ великой ша- «тости, многіе хотяше къ Тушинскому вору итти, и слыша такія рѣчи «отъ перебѣщиковъ, укрѣпишася на Москвѣ: ни единъ съ Москвы не «поѣхаша въ Тушино».

Въ Грамотѣ Царской Боярину Князю М. В. Скопину-Шуйскому, 2 Іюн. 1609, (по списку бывшему у покойнаго Графа Н. П. Румянцева): «А Маія въ 28 день пріѣхали къ намъ изъ воровскихъ полковъ Матьяшъ «Мизиновъ, что взятъ подъ Козельскомъ, да К. Ром. Гагаринъ съ дѣтьми, «да Дм. Пушечниковъ, да Смольянъ Ѳедоръ да Осипъ Языковы съ това- «рищи, а въ роспросѣ сказали, что Литовскіе люди слышали про твой «приходъ, послали противъ тебя Полковника Александра Язоровскаго «(Зборовскаго), а съ нимъ Литовскихъ людей семь ротъ, да изъ подъ «Осипова монастыря велѣли иттить Руцкому (Заруцкому), а съ нимъ «Литовскихъ людй и Черкасъ пять ротъ, да отъ вора посланъ К. Григ. «Шаховской, а съ нимъ Русскихъ людей всякихъ съ двѣсти человѣкъ... «А въ воровскихъ таборѣхъ осталось Литовскихъ людей и Русскихъ «воровъ всякаго человѣка тысячи съ три, и у нихъ де межь себя вели- «кая рознь», и пр.

(362) См. выше въ семъ Томѣ, стран. 55.

(363) *Розряд. Кн.* л. 1104.

(364) Видекиндъ, 46: «Greiro missis literis... obnixe rogabat, nè fidem «asseclis redivivi Impostoris haberent, sed ferrent opem veræ Ducum «Moschoviæ propagini, ad quam delendam technis Polono-Jesuiticis «iterum subornari novam larvam... studio occupandi Moschoviam, qua «subacta Polonos junctis viribus arma in Sveciam versuros». Далѣе: «De- «plorandam faciem Moschoviæ depingebat et quomodo per fabulam «hanc viam sibi ad extirpandam Græcam Religionem Poloni comtu- «nirent, et agi hæc omnia consiliis Papæ et Regis Hispaniarum, uti «ex Crellii literis Praga datis constabat».

См. также Далинову *Исторію Швеціи*, Т. III, Ч. 2, стран. 454.

(365) Видек. 63: «Magnum Ducem frui prospera valetudine et ex «parte obsequentibus subditis, exceptis 8000 ferme, qui vel errore vel «studio novitatis, impostoris partes sequuti, nunc cum 4000 Polonis, «2000 Cosacis et Sarcassiis, Moschuam et omnia itinera Smolenscum et «Novogardiam versus euntia obsideant».

(366) О безпорядкахъ и злодѣяніяхъ въ Псковѣ см. выше въ семъ Томѣ, стран. 73 и 74.

(367) *Ник. Лѣт.* 107: «Во Псковъ посла съ грамотами для утвержде- «нія; во Псковѣ жъ не помня крестнаго цѣлованія Государю измѣниша. «цѣловали крестъ вору... Князь Михайло жъ совѣтовалъ съ Михайломъ «Татищевымъ да съ Дьякомъ съ Ефимомъ Телепневымъ, и побоясь отъ «Новгородцовъ измѣны, побѣгоша изъ Новагорода къ Иваню городу не «съ великими людьми; съ дороги жь отъ нево побѣгоша назадъ въ Нова- «городъ Овонасей Бурцовъ и сказаша, что К. Михайло пошелъ къ Иваню «городу. И не доходя до Иванягорода пріиде къ нему вѣсть, что Иванъ- «городъ измѣниша, цѣловалъ крестъ вору; они же быша въ великой ужасти, «въ страхованіи, невѣдомо камо ѣхати, и вздумавъ поѣхаша къ Орѣшку; «тутъ же отъ него побѣгоша Ондр. Колычовъ да Нелюбъ Агаревъ. Князь «Михайло жъ Вас. положилъ упованіе на Бога, пришелъ на Невское «устье; въ Орѣшкѣ жъ въ тѣ поры Воевода Мих. Салтыковъ, и послаша къ «нему съ вѣстью; Михайло жъ имъ великую пакость дѣяше, и но градъ «ихъ не хотя пустити. Въ Новѣ жъ городѣ Митрополитъ Исидоръ и всѣ «Новгородцы, видя такую погибель, что Воевода, городъ покиня, пошелъ «вонъ, они же быша въ великомъ плачѣ и въ сѣтованіи и въ страхова- «ніи, и задумаша послати за нимъ бить челомъ, чтобъ онъ воротился въ «Великій Новгородъ, а у нихъ единодушно, что имъ всѣмъ помереть за «православную Христіанскую Вѣру и за крестное цѣлованіе Царя Ва- «силья. Посла жъ за нимъ влестей и пятиконецкихъ Старостъ со умо- «леніемъ, чтобы онъ воротился въ Новгородъ; они же его соидоша подъ «Орѣшкомъ и начаша ему бить челомъ и цѣловаху ему крестъ. К. Ми- «хайло жъ Вас. со всѣми людьми воротися, и пріиде въ Новгородъ. Нов- «городцы жъ всѣ, Митрополитъ и Дворяне и Дѣти Боярскіе и посадскіе «люди возрадовашесь и пріяше его съ великою честію. Князь Михайло «жъ Вас. начатъ въ Новѣгородѣ сбиратись съ ратными людьми».

О Салтыковѣ см. *Розр*, *Кн.* л. 1104 на об.

(368) *Ник. Лѣт.* 108: «Пріиде вѣсть ко К. Мих. Вас. что изъ Ту- «шина идетъ подъ Новгородъ Полковникъ Корнозицкой со многими людь- «ми Литовскими и Русскими воры. К. Михайло жъ Вас. нача строити «рать и послати хотя противъ ихъ на Бронницы. Михайло жъ Татищевъ «нача у К. Михайла прощатись, онъ же похотѣ ево отпустить съ рат- «ными людьми. Пріидоша жъ ко К. Мих. Вас. Новгородцы и возвѣстиша «ему на Мих. Татищева, что онъ идетъ для того, что хочетъ Царю Ва- «силью измѣнити и Новгородъ сдать. К. Михайло жъ Вас. слыша такое «дѣло и сбора всѣхъ ратныхъ людей и возвѣсти имъ про Михайла; они «же всѣ возопиша и не распроша убиша его миромъ. К. Михайло жъ «Вас. повелѣ его погрести въ Онтоньевѣ монастырѣ».

(369) Тамъ же, 109: «Пріиде къ Новугороду Полковн. Корнозицкой «со многими людьми и ста у Спаса на Хутынѣ, и многу пакость дѣла- «ше Великому Новугороду и уѣзду, и многіе Дворяне отъѣзжаху въ Ли- «товскіе полки... И уѣздные жъ люди и Новогородцы слышаху, что стоятъ «подъ Новымъ городомъ Литовскіе люди, начаша сбиратися итти къ Но- «вугороду; на Тихвинѣ собрался Степанъ Горнохвостовъ, а съ нимъ со- «бралося всякихъ людей человѣкъ до тысячи, а въ Заонежскихъ погостѣхъ «собрался Евсевей Резановъ, и поидоша къ Новугороду, Стефанъ же пере-

«домъ, а Евсевей послѣ, и пріиде Стефанъ на Грузино. Литовскіе жъ люди «поимахуязыковъ крестьянъ и приведоша ихъ на Хутынь, идѣже Обитель «Всемил. Спаса и Препод. Отца нашего Варлаама, къ Литовскому Полков- «нику къ Корнозицкому, онъ же начать ихъ пытати. Они же люди про- «стѣе не знаху смѣты, и сказаху Корнозицкому, что пріидоша на Гру- «зино ратныхъ людей множество, а за ними идетъ большая сила; ми- «лостію же Божіею и молитвою Преп. Чудотв. Варлаама, не похотѣ своей «Обители видѣти въ скверности, и положи на нихъ страхъ велій и по- «бѣгоша отъ Новагорода съ великою ужастію. Митрополитъ же и К. «Мих. Вас. и всѣ Новогородцы обрадовашеся, что Новгородъ очистися, «ко Царю Василью послаша съ вѣстью; на Москвѣ же тому отнюдь вѣры «не имяше, а изъ Нѣмецъ отъ Сем. Вас. Головина вѣсти не быть».

(370) Видек. о Корносицкомъ, 64: «Vicíniam Novogardiæ a 2000 «Lithvanis ac 4000 rebellium Moschorum infestatam esse».

(371) *Дѣла Шведск.* No. 9, л. 2 и дал.: «Договорились... итти съ нами «Вельм. Короля Карла Воеводамъ Аксель Курку, да Маршалку Кристеръ «Суму, да Ондрею Бою, да Евонъ Горну, да съ ними за наемъ коннымъ «збруйнымъ 2000 челов., да пѣшимъ добрымъ оружникомъ 3000 чел. ко «Государю-Царю нашему... на помочь къ Москвѣ, по прежнему договору; «да сверхъ наемныхъ 5000 чел. сколько Вельмож. Король Карло пустить, «оказуючи ко Государю и ко всему Рос. Государству любовь, а за тое «Королевскую... дружбу и пріятельство... мирного постановленья, которое «учинено межь Рос. и Свѣйск. Государствомъ во 103 (1595) году ничѣмъ «не рушити и держати на вѣки крѣпко, потому какъ въ прежнихъ ми- «ровыхъ записяхъ написано, и въ Лиелянскую землю Государю нашему «и ево дѣтямъ и наслѣдникомъ не вступатца... Также Государю нашему... «съ Свейскимъ Карломъ Королемъ... быти въ одиначествѣ на нынѣшняго «владѣющаго Жигмонта Короля Польскаго и на его дѣти и на наслѣд- «ники и на все Княжество Литовское стояти за одно. И Государю на- «шему... безъ вѣдома Карла Короля... съ Литовскимъ Королемъ... не ми- «ритись, а Карлу... безъ Государева вѣдома... съ Литовскимъ... также не «миритись, и пр,.. Также коли мужа иметь Карла Короля понадобятца «ему воинскіе люди. и Государю нашему дати ему ратныхъ людей столько «же, сколько Король Карло Государю нашему на помочь нынѣ людей «дастъ, и пр... А что Свѣйского Короля. ратные люди къ Государю на- «шему... на помочь къ Москвѣ поидутъ, и тѣмъ ратнымъ людемъ дати «Государю нашему наемные деньги по договору Боярина и Воеводы «Кн. М. В. Шуйскова, какъ онъ договорился въ Новѣгородѣ съ Коро- «левскимъ Дьякомъ съ Мовшею Мартиновымъ (Магнусомъ Мартенсономъ), «и по Росписи, какову *Роспись* далъ Боярину и Воеводѣ К. М. В. Шуй- «скому Монша за Граѳовою (т. е. Графа Мансфельда) рукою 2000 чело- «вѣкомъ коннымъ збруйнымъ, да 3000 человѣкомъ пѣшимъ добрымъ, съ «тово числа, какъ они поидутъ Государя нашего землею съ рубежа; и «которые доидутъ до Москвы, и тѣмъ дати на Москвѣ противъ росписи «вдвое; а кого судомъ Божіимъ убьютъ: лучитца Королевскимъ людемъ «взять Государевыхъ измѣнниковъ на дѣлѣ въ языцѣхъ, которые учнутъ «противъ Государя стояти и тѣхъ языковъ у нихъ не отнимать, а велѣть «ихъ имать на окупъ по договору, на чемъ уговоритца тотъ, кто языка «взялъ; а будетъ кого возмутъ на дѣлѣхъ и въ поѣздѣхъ и въ загонѣхъ «Литовскихъ людей, и тѣхъ Литовскихъ вольно имъ побивать и въ по- «лонъ въ свою землю имать, а Рускихъ людей крестьянъ въ загонѣ и «нигдѣ въ полонъ не имать и не побивать, а имать Рускихъ служилыхъ «людей на дѣлѣхъ и давать на окупъ. И Королевскимъ ратнымъ людемъ «людцкой и конской кормъ продовать по торговой прямой цѣнѣ, какъ

«въ которомъ городѣ и мѣстѣ тутошніе люди межъ себя купятъ и про-«даютъ, а лишнихъ денегъ... на нихъ Государь имать не велитъ... а ко-«лишекъ возметъ, и тому быть отъ Государя въ великой опалѣ. И въ »продажѣ и Свѣйскимъ серебренымъ деньгамъ, еѳимкамъ и мелкимъ се-«ребренымъ денгамъ на всякія покупки ходить... Также коли будетъ Свій-«скаго Государства людей иметъ какая нужа отъ недруговъ, какъ учнуть «имъ въ Лиѳлянтахъ досажать; и для того что зимою ратнымъ людемъ «въ Лиѳлянты черезъ моря ѣхать не мочно: и Свѣйского Государства «ратнымъ людемъ, тысяча ли, или двумъ тысячамъ человѣкомъ изъ Ру-«годива въ Лиѳлянты Государя нашего землею итти вольно, обослався «Государя нашего съ Воеводами и съ Приказными людьми, которые бу-«дутъ втѣ поры Воеводы въ Иванѣгородѣ, и въ Ямѣ и Копорьѣ, и проч... «А что писалъ... Князь М. В. Шуйской въ Свѣю, что послалъ съ нами «ратнымъ людемъ пять тысячь рублевъ, и съ нами изъ Новагорода пошло «четыро тысачи восемь сотъ рублевъ, и противъ Княжь Михайлова писма «Васильевича въ тѣхъ денгахъ нѣтъ дву сотъ рублевъ, и мы въ Выборѣ «(Выборгѣ) Королевскимъ Воеводамъ четыре тысячи восемь сотъ рублевъ «отдали, и у нихъ въ томъ отпись взяли за ихъ руками. А достальныя «денги 200 руб. отдали намъ Королевскимъ Воеводамъ Аксель Курку съ «товарыщи въ Новѣгородѣ, а въ наеиъ тѣхъ всѣхъ пяти тысячь не за-«читать... Сей нашъ договоръ... держать крѣпко и нерушимо, и на томъ «устоять на вѣки неподвижно. И Князю М. В. въ Новѣгородѣ противъ «сего листа дать утвержденная грамота, а какъ будутъ на Москвѣ, и Го-«сударю нашему Царю... дать на сесь договоръ своя Государева грамота «за своею Царскою печатью», я проч.

(372) Далин. 460: «Sollten die Schweden Zuski mit 3000 Mann zu «Fuss und 2000 zu Pferde beysteheu, und der Czaar dieselben mit «32000 Rubeln monathlich besolden». Видекиндъ тоже въ означеніи статей Договора (стр. 53): «singulis mensibus triginta duo millia rub-«lorum». Въ *Дѣл. Шведск.* No 9 (см. выше, примѣч. 371), въ спискѣ съ помянутаго Договора сказано: производить жалованье, по Росписи, принятой Княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Сія Роспись приложена въ концѣ No 9, *Шв. Д.*: «На 2.000 коней на мѣсяцъ по 25 еѳимковъ, всѣхъ «50.000 еѳ.; на 3.000 чел. пѣшихъ по 12 еѳ. на мѣсяцъ, всѣхъ 36.000 еѳ.; «на Большаго Воеводу на Граоа, на мѣсяцъ 50.000; двумъ Воеводамъ, «одинъ у конныхъ, другой у пѣшихъ, на мѣсяцъ 4000; Ротмистромъ, «Головамъ и приказнымъ людемъ 5.000; и всего Воеводамъ и Ротми-«страмъ, Головамъ и ратнымъ людемъ, коннымъ и пѣшимъ, на одинъ «мѣсяцъ найму 100.000 еѳимковъ». Тоже разсказываетъ и Видекиндъ (стр. 47) о семъ условіи, заключенномъ еще до начатія переговоровъ въ Выборгѣ; но вмѣсто ефимковъ онъ употребилъ названіе рублей.

(373) Въ томъ же Договорѣ (*Д. Шв.*: No 9) о лошадяхъ подъ огнестрѣльный снарядъ: «А какъ воинскіе пѣшіе люди съ нарядомъ будутъ «на рубежъ, и намъ подъ нихъ и подъ нарядъ велѣти собрати въ Орѣ-«ховскомъ и въ Корелскомъ уѣздѣ подводы, сколько мочно собрати, а «иные подводы сбирати идучи къ Новугороду, и давати имъ тѣ подводы «подъ люди и подъ нарядъ безцѣнно и безденежно и на Русь идучи и «съ Руси идучи... а коннымъ людемъ (у кого лошадь падетъ) въ цѣну «и зачитать въ наемъ». О повиновеніи Шведскаго войска Русскимъ Воеводамъ см. ниже, въ прим. 374.

(374) Видек. 52: «Se nonnulla in mandatis habere asserunt Moschi, sed quæ horribili silentio involvenda, ob lævam fidem et mobiles animos popularium: sparso enim per Moschoviam rumore de Kexholmensi ditione tradenda Svecis, plures desertures Suischium».

Д. Шв. No 9, въ Договорн. записи, 30 (?) Февраля 1609 г.: «Послѣ «того, какъ они (Шведское войско) съ рубежа съ нами поидутъ, спустя «три недѣли, доставить намъ до Королев. Воеводъ Царского Величества «Бояр. и Воев. Князя М. В. Шуйского крѣпость за Государевою за «Новгородцкою печатью и за Князя М. В. рукою на городъ на Корелу «съѣздить, а послѣ тѣхъ трехъ недѣль спустя два мѣсяца Бояр. и Воев. «Князю М. В. доставить до нихъ Государя нашего... крѣпости на городъ «на Корелу съ уѣздомъ за его Государевою печатью и проч... городъ Ко«рела очистить и отдать Свитцкому Королю, и быти городу Корелѣ съ «уѣздомъ по старинѣ, какъ было напередъ сего». Въ сей же записи ска-зано: «быть (Шведской рати) у Государевыхъ Бояръ и Воеводъ въ по«слушаньѣ».

(375) Видек. 60.

(376) Видекиндъ. См. стр. 62: «Erat hic Scopinus Suiscius, prætea Magnorum Ducum sanguinem, ætatis floridae, trium et viginti vix amplius annorum, eximiis ingenii corporisque dotibus præditus, judicii supra annos maturi, staturæ formæque elegantis, fortitudine animi præcellens, militarium rerum apprime gnarus et exteros milites scite tractare doctus», etc. *Лѣт.* 249: «Сильно разумѣлъ, какъ съ погра«ничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть».

(377) *Ник. Лѣт.* 118: «Послалъ же бяше Кн. М. В. подо Псковъ «еще до Нѣмецково приходу Лазаря Осинина, а съ нимъ послалъ Дво«рянъ, да Атамана Казачья Тимоѳ. Шарова, чтобъ Псковъ обратити «ко Царю... Псковичи же... собрався поидоша на встрѣчу и сошлися «съ Новгородцкою силою ото Пскова за 10 верстъ... И по милости Бо«жіи тѣхъ Псковичъ... побили... Псковичи же паки опять Новогородцевъ «изо Пскова встрѣтиша, и бой былъ съ ними больши первого, и... Пско«вичь же побиша. Псковичи же, видя свое неизнеможеніе, сѣдоша въ «осадѣ... и Кн. М. В. видя ихъ непокореніе, повелѣ ото Пскова итти въ Новгородъ, для того что ему подъемъ вскорѣ къ Москвѣ».

Видек. 66: «Scopinus... obnixe rogat, ut consilium destinatumque «interiora Moschoviæ penetrandi strenuè exequantur».

(378) Далин. 460: «Evert Horn commandirte einen Vortrupp von «2000 Mann. Als derselbe gegen Stararussa kam, steckte der Feind «die Stadt in Brand, und flohe weit davon. Carnasinski griff darauf «zwar Horn an, vard aber zurückgetrieben. Hernach kam eine stär«kere Partey von Polacken, Russen und Cosacken, unter Georg Si«laski; aber auch die ward auf gleiche Art entgegengenommen. Si«laski selbst blieb mit 1400 Mann auf dem Platz, wogegen die Schwe«den nicht mehr als 6 Mann werloren. Die Beute bestand in Fahnen, «allerhand Kriegsvorrath und 9 Feldstücken. Ein Stephan Silaski «ward mit 150 Cosacken gefangen. Eben hieben die Schweden auch «bey Pleskow 700 (350 по Видекинду) Cosacken nieder und nahmen «das Schloez Borkow weg; worauf viele Knesen und Bojaren sich dem «Zuski unterwurfen».

Ник. Лѣт. 118: «Послв Князь М. В. изъ Новагорода на Литовскихъ «людей Нѣмецково Воеводу Ивелгорода (Эверта Горна) съ Нѣмецкими «людьми, да съ Рускими людми Федора Чюлкова; они же пріидоша въ «Русу Старую, и Литовскіе люди, покиня Русу, побѣжали. Воеводы же «поидоша за ними, и соидоша ихъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Ко«менкахъ, и туто Литовскихъ людей побили, и пріидоша къ Торопцу и «Торопецъ очистили и ко кресту къ Царю Василью приведоша. Воевода «жъ Федоръ Чюлковъ остался туто, а Ивелгоръ пошолъ въ сходъ къ «Боярину ко Князю М. В. Шуйскому и сошелся съ Литовскими людьми

«въ Тороп. уѣздѣ у Троицы на Холховищѣ, и тутъ въ монастырѣ Ли«товскихъ людей осадили, и ихъ взяша приступомъ, и побиша на голову, «а сами поидоша въ сходъ ко Князь М. В».

Видекиндъ (стр. 68) присовокупляетъ, что Горнъ имѣлъ съ собою 200 челов. конницы и 40 стрѣлковъ; что непріятель, свѣдавъ о его приближеніи, зажегъ Старую Русу и удалился за 10 верстъ, и что взятая имъ добыча была поводомъ къ раздору, даже къ кровопролитію между Поляками и Козаками: тѣла убитыхъ плавали въ рѣкахъ. Корносицкій отправилъ 300 воиновъ противъ Горна, но они не смѣли съ нимъ сразиться и бѣжали отъ шести (?) человѣкъ Шведовъ, гнавшихся за ними цѣлыя двѣ мили. 22 Апрѣля Делагарди остановился въ Старой Русѣ, а Горнъ, умноживъ свои силы 470 всадниками и 200 стрѣлковъ, настигъ непріятеля въ 5 день Мая разбилъ его совершенно. Въ числѣ плѣнныхъ было множество женщинъ, которыя однакожь освобождены. Шведы потеряли 6 (?) человѣкъ.

(370) *Ник. Лѣт.* 119: «Посла Князь М. В. изъ Новагорода въ Тор«жекъ Воеводу Корнила Чеглокова съ ратными людьми; Корнило же «пришедъ въ Торжекъ и приведе ко кресту, и сяде въ Торжку и осаду «укрѣпи. — Писалъ изъ Торжку Воевода Корнило Чогловъ ко Князь «Мих. Васильевичю, что идутъ изъ Твери подъ Торжокъ Литовскіе люди «многіе, и посла Князь М. В. на прибавку въ Торжокъ Семена Головина «съ ратными людьми. И Семенъ подъ Торжкомъ сшотся съ Велгоромъ «(т. е. Эв. Горномъ) и пріидоша вмѣстѣ въ Торжокъ, и Литовскіе люди «въ туже пору пришли подъ Торжокъ. Нѣмцы жъ пѣшіе поидоша напе«редъ отыковся копьемъ, а иные сташа позади ихъ; Литовскіе жъ люди «насгупиша на нихъ тремя ротами, и Нѣмецкіе люди двѣ роты побиша «Литовскихъ людей, а третья рота проѣха сквозь поляковъ, и конныхъ «людей Нѣмецкихъ и Рускихъ Литовскіе люди потопташа до города, «едва изъ города вышедъ отняша. Нѣмцы жъ и Русскіе люди, паки ис«правясь, Литовскихъ людей отъ города отбили, и пѣшихъ людей отняша. «Литовскіе же люди изъ подъ Торжку поидоша ко Твери, Секенъ же «съ Нѣмцы сталъ дожидатца Князя М. В. въ Торжку».

Рукоп. Филар.: «Тогда же Панъ Зборовскій и Кн. Григ. Шаховскій «о своемъ злокозненномъ управленіи попеченіе прилѣжно творяше и не«замедливъ поидоша во срѣтеніе Московскаго и Нѣмецкаго воинства. «Сошедшимся има подъ Торжкомъ градомъ, и ту составиша брань, и «бысть паденіе веліе съ обою страну отъ Нѣмецъ съ Поляцы. Нѣмцы «же не возмогоша подъяти острея меча ихъ, поле оставляютъ и во градъ «въ Торжекъ входятъ; понеже не вси купно, тогда Нѣмцы пріидоша на «брань. Поляцы же оттолѣ возвратишася во градъ Тверь и посылаютъ «до великаго Обозу, дабы имъ притекли на помощь». См. также Видек. 73.

(380) Видек. 89: «Trium millium tantummodo agmen tunc duceBat, «minime exercitatorum militum». Такъ говоритъ онъ о войскѣ Михаиловомъ послѣ Тверской битвы.

Грам. Царя Василія къ Скопину, 2 Іюня 1609: «А нынѣ Маія въ «30 день писалъ еси къ намъ... что пришли къ тебѣ въ Новгородъ «Нѣмецкіе Воеводы... и ты Бояринъ нашъ Князь М. В. съ тѣми со «всѣми Рускими и Нѣмецкими со многими людьми, съв еликимъ соб«раніемъ изъ Новагорода вышелъ Маія въ 10 день... и мы за ихъ службу «и радѣнье пожалуемъ ихъ, и проч... И къ Ярославскимъ и Смоленскимъ «людемъ велѣть тебѣ отъ себя отписати почасту, какъ имъ нашимъ дѣ«ломъ промышляти и кому съ тобою и гдѣ сходиться... И тебѣ Боярину «нашему Князю М. В. сослався съ Смоленскою ратью и вѣдая про Яро«славскихъ людей и учиня имъ всѣмъ указъ... итти къ Москвѣ не мешк-

«кая... а нашего Государства всякіе люди и отъ мала до велика ожидаютъ «твоего приходу», и проч.

Ник. Лѣт. 120: «Князь М. В. прося у Бога милости и у Софіи «премудрости Божіи и у Новогородскихъ Чудотворцовъ поя молебны, и «взя благословенье у Митрополита Исидора, поиде на очищенье Мос«ковскаго Государства, и пріиде изъ Новагорода въ Торжокъ, и поопо«чивъ въ Торжку, и отпѣвъ молебная Преч. Богородицы и Ефрему Но«воторжскому Чудотворцу, поиде со всѣми людьми ко Твери».

(381) Видек. 74: «4 die Iulii præmissæ illæ a Scopino auxiliares «copiæ Stolenscô advenere; quæ a sedecim ibidem territoriis collectæ, «vix tamen trium millium numerum superabant, non audentibus in«colis nudare Ducatum præsidüs, metu vel Demetrianorum, vel adven«turi Poloniæ Regis, qui palam bellum parturiebat. Ductor agminis «Baratinsius, vir alacer strenuusque, refert sub itinere se duo costella «oppidaque *Dorgabus et Viesma* dicta, cæsis ferme 1500 et interceptis «4 tormentis, occupasse».

(382) *Ник. Лѣт.* 120: «И не доходя Твери за десять верстъ, пере«лѣзъ (Скопинъ) Волгу и на пустѣ мѣстѣ, пріиде ко Твери. Литовскіе «же люди изыдоша на встрѣчу противу ихъ, и бысть съ ними бой ве«ликъ, и Литовскіе люди Рускихъ людей и Нѣмецкихъ столкнули, и уро«ниша Нѣмецкихъ людей не мало. Князь М. В. съ Нѣмецкими людьми «отоиде и ста, отшедъ не далече, и стояше тутъ день да ночь. На дру«гую же ночь поиде со всѣми людьми ко Твери, и пришедъ, Тверской «острогъ взяша, Литовскихъ людей побилъ на голову, а достальные сѣ«доша въ городѣ».

Рукоп. Филар.: «Сей же Панъ Зборовскій повелѣ войску своему «выступить на брань. Воини же повелѣнное исполняютъ и мужески на «полки Нѣмецкіе нападаютъ, и тако брань бысть жестокая; отъ стрѣ«лянія же пищальнаго смутися воздухъ и отемнѣ облакъ и не видѣше «другъ друга и не знаше, кто бѣ отъ кою страну, и бысть паденіе мно«гое, падаютъ трупія мертвыхъ отъ обою страну. Посемъ Поляцы крѣпцѣ «на полки Нѣмецкіе и Рускіе нападоша и женуша ихъ трудомъ веліимъ «и бысть сѣча зла и гнаша Поляцы во слѣдъ ихъ не мало время... По «семъ возвратися во градъ и почиша, а Московскіе люди шатры поста«виша и стояша въ сокровеніи. Поляцы же воспріемше надежду, яко «побѣдницы суть, не имѣя попеченія о своемъ спасеніи, и не вѣдаху о «Московскомъ воинствѣ, гдѣ суть шествіе имѣютъ. Сей же Князь М. «Шуйскій никако о сей бывшей побѣдѣ ужасеся, и много подвигшеся «на гнѣвъ и разъярися зѣло о убійствѣ своихъ отомщеніи уповая наслѣ«дити. И повелѣ войску препоясатися браннымъ своимъ оружіемъ и на «градъ въ нощи мужески нападоша, Поляцемъ же спящимъ безъ всякаго «спасенія. Москвичи же скоро въ острогъ входятъ и Ляхское воинство «и Рускихъ воевъ Царевыхъ отступниковъ посѣкаютъ; пагихъ по ули«цамъ влачаху и трупіе ихъ мечи разсѣкаху и богатство ихъ грабятъ «Поляцы же и Рускіе вои Царевы отступники побѣгоша сѣмо и овамо, «овіи за стѣны града утекоша, овіи же во внутреннія городка убѣгоша «и тамо отъ посѣченія меча избыша... Ужъ просіявшу солнцу, свѣтающу «дневи, и просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ. Воевода Москов«скаго воинства Князь М. В. повелѣ въ трубы трубити и на градъ мужски «наступати. Людіе жъ къ городку восходятъ и хоругви простираютъ. «Поляцы же противу нашедшихъ нань жестоко и тяжко защищеніе пред«лагаютъ, копейнымъ пораженіемъ и вострыми стрѣлами смертнѣ уяз«вляютъ и смерти предаютъ».

Видек. 75: «Zborovius et Carnasinsius, qui modo in fuga cæsus «credebatur, sed jam recollectis viribus Tvero imminere». 81 и дал.: «Cum intra teli jactum perventum erat, repente soluta nubibus pro«cella imbrium, madefecit nostratium bombardas et ignea arma. Inde «sublato clamore procurrere hastatos equites jubet hostis... Hi mox «lævum cornu Gallici equitatus turbant impelluntque in fugam. «Moschi, qui post principia stabant, illicò territi... in Svecorum «subsidiarias cohortes ruentes conturbant ordines.. Pavorem horum «sequuti inulti Germanorum Finnonumque..... Jacobus vero, qui frontem «dextri cornu tuebatur... collapsa restituebat... et signa infert in tria «prætoria vexilla: illis direptis, multis cæsis, reliquos intra mænia com«pulit, Ducem vero tribus vulneribus saucium, præcipiti fuga sex mil«liaribus antequam sisteret gradum in iter Moscoviticum, egit... Pro«fluvium, cæli et præceps in octem dies, incertâ victoriâ pugnam «terminarunt, secedentibus Demetrianis in urbem, nostratibus in vicina «castra. Sequens dies pluvio Jove fæcundus utrosque sub tentoriis «tenuit. Tertia orientis solis fax, primo diluculo, Jacobum in campum «Martium elicuit», etc.

(383) Петрей 422: «Scopin, nach vollendeter Schlacht den Grafen «Dela Cardie umb den Halss fiel, und ihm mit weinenden Augen «danckete, und sprach: Dass der Gr. Fürst sein Vetter, und dass «gantze Reus. Reich Jhm und des Königs Kriegs Volck dieses anse«henlichen Dienstes nimmer gnugsam dancken, viel weniger gnugsam «vergelten köndten».

(384) Рук. Филар.: «Воевода же и Властель Московскаго воинства, «видя людей уязвляемыхъ, повелѣ отъ града отступить». — *Ник. Лѣт.:* «Нѣмцы же хотѣша приступати ко граду, Князь Михайло жъ В. пожалѣ «людей и не повелѣ имъ приступать»,—Видек. 84 и 88: «Sequenti nocte, «irrito conatu oppugnari urbs caepta, rem non strenuè gerentibus «Russis... postquam prospere pugnatum esset, audivit Cossacos Tverum «deseruisse... Arcem nolebat insidere, quod omnia nuda vacuaque rebus «necessariis, hominum jumentorumque cadaveribus plena faedaque «essent... Intra partem urbis incendio non deformatae Bajoros, rusticos, «cives compulit».

Наруш. въ *Hist. Chodk.* I, 254: «Umykajac (Zborowski) na mieysce «bespiecznieysze, wiele koni i wozow zwiciezcom w korzyści zostawić «musiał». Кобѣрж. 228.

(385) Видек. 73: «Jacobus... literas, quae a Rege ad universos «ordines Moscoviae datae erant, illicò Scopino tradi jussit. Hic eas, «quod... Regis studium arboremque, oblatis novis suppetiis, ad liberan«dam urbem a falsis Dominis testarentur, in praecipuis locis praelegi... «jussit».

(386) Сіе воззваніе помѣщено въ *Собр. Гос. Гр.* (II, 347): «Божіею «милостію, Вельможнаго и Высокорожденнаго Князь и Государь Каро«лусъ Девятой, Свійскаго, Ходскаго, Венденскаго, Финскаго, Корель«скаго, Лопскаго, Сѣверныя земли Каянской и Чухонскія въ Ливонской «землѣ Король, объявляемъ вамъ, Митрополиту, Архіепископу, Игуме«намъ и всему Собору, Боярамъ, Воеводамъ, Дьякамъ, Дворянамъ, Дѣ«темъ Боярскимъ, гостемъ и торговымъ людемъ во всемъ Новгородскомъ «Государствѣ наше здорованье. Дошло до нашего Вельможства вашъ «листъ, а въ листу пишете, прошаючи, чтобъ нашего Вельможства при«шелъ бы Россійскому Государству на помощь противъ вашихъ недру«говъ. И противъ вашего прошенья, приказали мы Великій Государь «свою большую ратную Воеводу Графъ Іохимъ Фридригъ Манфелту и

«своими Приказными товарищи, съ нашею ратною силою, къ вамъ на «помочь итти противъ вашихъ недруговъ. И мы Велик. Государь при- «казали ему прежде поити къ Новугороду, провѣдати про вашихъ не- «друговъ, гдѣ они есть и какъ тамъ на Русіи дѣется, а ему приставати «и пособляти, стояти за старую Греческую Вѣру и за всѣхъ Митропо- «литовъ, Архіепископовъ и Игуменовъ, Бояръ и Воеводъ, Дьяковъ, «Дѣтей Боярскихъ, и гостей и торговыхъ людей, которые хотятъ держать «старую Греческую Вѣру, а на Польскихъ, Литовскихъ людей и на «Козаковъ ему приступати и за ними гнати мечемъ и огнемъ. Просимъ «того для у васъ всѣхъ, чтобъ вы съ нимъ за одно стояли и пособляли. «себя опростати и избавляти отъ Польскихъ и Литовскихъ людей крово- «пивлива хотѣнья, чтобъ Россійское Государство пришло бъ въ свою «старую вольность и льготу, а не дали бы надъ свою голову посадити «всякаго страдника, котораго Поляки и Литва полюбятъ. Того для бере- «гитеся и примите думу, пока вамъ помочь даваютъ, или вамъ самимъ «будетъ видно: будетъ Поляки и Литва надъ вами силу возмутъ, не «пощадятъ Патріарху, Митрополиту, Архіепископу, ни Игуменамъ, ни «Воеводамъ, ни Дьякамъ, ни Дворянамъ, ни Дѣтемъ Боярскимъ, ни «гостемъ, ни торговымъ людемъ, ни дѣтенкамъ въ пеленкѣхъ, не токмо «что иныхъ, доколѣ они изведутъ славный Россійскій родъ. Писана въ «великомъ въ нашемъ въ отчинномъ городѣ въ Стекольнѣ, въ 3 день «Генваря, лѣта отъ Христ. Рожд. 1609 года».

(387) Видек. 77: Зборовскій писалъ къ Делагарди изъ Твери: «Вѣро- «ломные, изгнавшіе Димитрія изъ Москвы, обманули васъ. Мы не стра- «шимся оружія вашего, но по любви Христіанской совѣтуемъ вамъ (какъ «нашимъ единовѣрцамъ) дѣйствовать съ нами для возведенія Димитрія «на его отеческій престолъ. Въ противномъ случаѣ Богъ да судитъ васъ, «да покоритъ подъ ноги намъ: ибо мы не повинны въ пролитіи крови и «не жаждемъ вашей».—Тамъ же, 81: Делагарди отвѣчалъ: «Non venisse «se in Moscoviam, ut de causae justitiâ, quae inter Polonos Moscovi- «tasque jam ferro decernitur, verbis disceptet; illam Deo Regique «suo cordi esse, sibi aciem ordinare... Magnopere tamen desiderare «scire, an Marina *Gorgona (Юрьевна?)* olim Demetrii conjux, iterato «nupsisset huic Demetrio, cujus nunc signa sequeretur, nec non audi- «visset ne, quo facinore conterranei ejus Poloni nuper Pernaviam «Svecis extorsissent?»

Далин. 462: «Sie (Zborovski und Carnasinski) versuchten durch «einen abgeschickten Briefträger, unter Dela Gardies Leuten Aufrur «zu stiften. Zum Schein hatte derselbe einen Brief von Zborovski an «den Schwedischen Feldherrn... Sobald dieser Betrieger aber sein «heimliches Geverbe ausrichten wollte, ward er verrathen und gebüh- «rend abgestrafet».

(388) Видек. 85: «Repente equites peditesque Finnonicos seditio «incessit, reputantes se in peregrinas terras et intima Moschoviae «tanquam piaculares victimas ad destinatam caedem trahi; nec promissa «a Rege stipendia rite solvi, nec domi suae ab uxoribus et fortunis «injurias arceri, eas praetoribus velut praedonibus exponi; praeterea «sublestam fidem omnium Russorum nupero documento apparuisse, «quod sibi strenuo pugnantibus, sarcinas et supellectilem castrensem «eripuissent», ets.

(389) Далин. 463: «Musste aber des Gesetz ruhen lassen, und selbst «mitgehen... Er klagte, dass es an Sold und andren Bedürfnissen «fehle: aber sein vornehmster Grund war, dass Kexholm noch nicht

«nach der Vereinbarung an Schweden übergeben sey».—*Ник. Лът.* 126: «Нѣмецкіе люди, осердяся, поворотили, назадъ пошли къ Новугороду».

(390) *Ник. Лът.* 126: «Князь М. В. пришелъ на Городню, и Волгу «перелѣзъ подъ Городнею, а Нѣмецъ послалъ уговаривати Иваниса «Ододурова; и Иванисъ Нѣмецкихъ людей съѣхалъ и ихъ уговаривалъ, «и одинъ только поворотился Христошумъ (Christiern Somo) съ невели-«кими людьми, а Яковъ пошелъ къ Новугороду».

Видек. 96: «Christiernus Some cum ducentis et quinquaginta equi-«tibus, et septingentis et viginti peditibus, ad confirmandum Scopinum «Calazinum ire jussus».

(391) См. выше, стран. 149.

(392) Аврам. Палиц. 154: «Ждуще же иже во осадѣ сѣдяще въ «Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ Князя М. В. Скопина, и се извѣстно «бысть всѣмъ людемъ, яко собрашася вси вкупѣ отъ Тушинскаго вора, «и отъ Сапѣги изъ подъ Троицы и изъ иныхъ градовъ многіе Поляки и «Рускіе измѣнники пондоша противъ Князя М. В. и противъ Нѣмец-«кихъ людей».

(393) См. выше, стран. 164.

(394) Авр. Палиц. 155: «Рекоша: аще убо стояще пребудемъ съ «Поляки вкупѣ на Москву и на Троицк. Сергіевъ монастырь, то помѣстья «наши не будутъ разорены... И тако, совокупльшеся съ Боровскимъ «полкомъ (т. е. съ полкомъ Зборовскаго) и съ Тушинскими Литов. людьми «и съ Руск. измѣнники, и отъ многихъ градовъ Дворяне и Дѣти Боярскіе».

(395) Авр. 156: «И тако вси пріидоша подъ Троицк. Сергіевъ мона-«стырь, и объявивше силы своея множество избранныя и множествомъ «богатства своего хвалящеся, играюще же во многія игры и посылающе «ко Обители Чудотворца Русскихъ людей, и простую чадь съ вѣстію, и «научающе глаголати, что Нѣмецъ и Русскихъ людей побили и Воеводъ «поимали, а Князь Михайло добилъ челомъ на всей воли Панской, и «зовуще изъ града на зговоръ—и Михайло Салтыковъ да Иванъ Грамо-«тинъ—Троицкихъ людей, и сказываху, что и Москва уже покорилася, «и Царь В. съ Боляры у насъ же въ рукахъ, такоже и Дворяне съ клят-«вою лжуще во едину рѣчь съ Поляки, и ни въ чемъ же не разнство-«ваху глаголюще: не мы ли бѣхомъ съ Ѳеодоромъ Шереметевымъ, и се «вси мы здѣ, и кая вамъ надежда на силу Понизовскую? мы же поз-«навше вѣчнаго своего Государича, и сего ради вѣрно служимъ ему. «Царь же Дм. Ив. посла насъ предъ собою, да еще ли ему не покори-«теся, то самъ за нами пріидетъ со всѣми Польскими и Литовскими «людьми и со Кн. Михаиломъ и съ Ѳед. Шереметевымъ и со всѣми «Рускими людьми: тогда убо челобитія вашего не пріиметъ... Милостію «же Пресв. Троицы, не токмо умніи, но и простіи, не внимающе сему «никакоже, но единѣми усты вси отвѣщеваху: Господь съ нами, и ни-«ктоже на ны: добро убо и красно лжете, но никтоже иметъ вамъ вѣры, «и наньже пришли, творите; мы же готови есми съ вами на бранъ; аще «бы есте сказали намъ, что Князь Михайло подъ Тверію бреги поров-«нялъ тѣлесы вашими, и птицы и звѣри насыщаются мертвости вашея, «то добрѣ быхомъ вѣрили; нынѣ же вземже оружія пронземъ сердца «другъ другу, и растешемся полма, и разсѣчемся на части, и его (же) «во вратѣхъ небесныхъ оправдитъ Господь, той есть творяй и глаголяй «правду».

(396) Тамъ же, 158: «Во обители Чудотворца болѣ двою сотъ чело-«вѣкъ не бяше».

(397) Тамъ же, 157—160: «Видѣвше же зліи врази, яко не ищутъ «Троицкіе сидѣльцы живота, но смертнаго пиршествія любовно желаютъ.

«И тако ко второму дни на приступъ строятся. Панъ же Сборовской, «ругаяся и понося Сапѣгѣ и Лисовскому, и всѣмъ Паномъ глаголя: что «бездѣльное ваше стояніе подъ *лукошкомъ?* что то лукошко взяти, да «воронъ передавити?.. Бысть же сей приступъ третій великій Іюля въ «31 день... Троицкое же воинство, и вси православніи Христіане, мужи «и жены, біющеся со враги чрезъ всю нощь непрестанно... И стремг«главъ вспять вси неустройно мещущеся, отъ приступа того разбѣго«шася, и къ тому прочее на приступы не приложиша приходити; на «стѣнѣ же градстѣй едину жену убиша, и никого же кромѣ ея не ра«ниша. Сборовскій же Панъ избранное воинство вооруженныхъ людей «многихъ изгубилъ; его же слезна зрѣше Сапѣга и Лисовской со всѣми «воинствы подсмѣвахуся, что ради не одолѣлъ еси лукошку? исправися «еще, толико еси храбръ: не посрами насъ, но разори шедъ лукошко «сіе; учини славу вѣчную Королевству своему Польскому, а намъ не «за обычай приступати къ лукошку; ты премудръ, промышляй собою «и нами».

(398) *Ник. Лът.* 121.

(399) Тамъ же: «Городы же всѣ обратишася ко Царю... и пріѣхаша «изо всѣхъ городовъ съ казною и съ дары ко Князю М. В. въ Колязинъ «монастырь. Въ тоже время пріиде къ Москвѣ отъ Царя Станица Гри«горей Валуевъ, и сказа, что Царь Василей и Москов. Государство далъ «Богъ здорово».—О Волуевѣ см. сей *Исторіи* Т. XI, 284.

(400) См. Грам. Царскую 2 Іюн. 1609, который списокъ принадлежалъ покойному Графу Н. П. Румянцеву: «Вѣдомо намъ подлинно, какъ «ты, будучи на нашей службѣ, и радѣнье къ намъ и ко всему нашему «Государству промыслы и дородство показа... И мы слыша о томъ... обра«довались, и Всесильному въ Троицы славимому Богу и Преч. Богоро«дицы и великимъ Чудотворцомъ хвалу воздали со слезами... А только «Божіею милостію и твоимъ промысломъ и радѣніемъ Москов. Государ«ство отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей свободно учинится... и ты «какой милости отъ Бога и чести и похвалы отъ насъ и ото всѣхъ лю«дей нашего Государства сподобленъ будеши, и всѣхъ людей великія «радости исполнишь, и слава дородства твоего въ нашемъ Государствѣ «и въ окрестныхъ Государствахъ будетъ памятна во вѣки; а мы на тебя «надежны, что на свою душу».

(401) Аврам. Палиц. 169.

(402) См. выше около прим. 390.—Далин. 464. Видек. 96.

(403) Аврам. Палиц. 170: «Бысть сѣча зла, и сѣчахуся на многихъ «мѣстѣхъ, біющеся чрезъ весь день; отъ пищальнаго стуку и копейнаго «ломленія, а отъ гласовъ вопля и кричанія отъ обоихъ людей войска, «и отъ трескоты оружія не бѣ слышати другъ друга, что глаголетъ и «отъ дымнаго куренія едва бѣ видѣти, съ кѣмъ ся кто біетъ, и яко звѣ«ріе раскрывающе злѣ сѣчахуся. Солнцу же достизающу западъ, и во«зопиша вси православніи къ Богу, со умиленіемъ вопіюще отъ сердецъ «своихъ: виждь, Владыко, кровь рабъ твоихъ, неповинно закалаемыхъ, «такоже и ты, Преподобне Отче Макаріе, помолися за ны къ Богу и «помози намъ; и уже близѣ вечеру сущу, и услыша Господь молитвы «рабъ своихъ, и нападе страхъ велій на враговъ Божіихъ», и пр. «А «*Ник. Лът.* (стран. 121) говоритъ: «Подъ Колязинымъ монастыремъ «бывшу бою великому, отоидоша на обѣ стороны, ничего не сдѣлаху».— Но сказаніе Палицына подтверждается свидѣтельствомъ Видекинда (стран. 96) и послѣдствіями битвы.

Нельзя съ точностію опредѣлить, когда было сіе сраженіе: по Видекинду 13 Августа Нов. Ст.; по *Сказанію* Палицына 5 Іюля; но въ семъ

Сказаніи явная ошибка, ибо Зборовскій приступалъ къ Лаврѣ 31 Іюля *прежде* сего сраженія.

(404) См. *Ник. Лѣт.* 121. — Видек. 96: «Ежедневно Зоме обучалъ «войски Скопина по правиламъ Бельгическимъ (ad moren Belgorum), «какъ дѣйствовать въ походѣ и въ бою, копьемъ и мечемъ, дѣлать рвы «и окопы, двигать орудія и тревожить непріятельскій станъ легкими на«паденіями. Скопинъ писалъ къ Іакову Делагарди, что безъ помощи сего «полководца онъ не могъ бы удержать въ порядкѣ и повиновеніи мно«жества ратниковъ, собранныхъ изъ Ярославля, Костромы и примор«скихъ городовъ».

(405) Войско его снова возмутилось въ 5 день Авг. Н. Ст. (См. Видек. 95).

Ник. Лѣт. «И Князь М. В. послалъ за нимъ уговарити Дворянъ, «а Дворяня его съѣхали на Кресцахъ, и едва его уговориша, и онъ воротился со всѣми людьми». По Видекенду (стр. 98) Делагарди получилъ отъ Скопина письма въ Валдаѣ (Moldau).

(406) См. въ *Дѣл. Швед.* No 9, Договоръ Князя М. В. съ Секретаремъ Шведскаго Короля, Карломъ Олофсономъ, въ Колязинѣ, л. 42 и дал.: «Послати мнѣ нынѣ съ нимъ съ Дьякомъ съ Карлусомъ Олусуномъ «своихъ полномочныхъ и велѣти имъ ѣхати съ нимъ... въ Его Царскаго «Величества въ порубежной городъ въ Корѣлу, и велѣти имъ... городъ «Корѣла съ уѣзды очисти и отдати Королевскаго Величества Дьяку «Карлусу Олусону или полномочнымъ, которые о томъ отъ Его Кор. «Вел. будутъ присланы, по прежнему договору въ Выборѣ... И язъ... по «тому договору послалъ Ѳедора Чюлкова, и далъ ему полную мочь во «всемъ и велѣлъ ему ѣхати изъ Калязина съ Королевскимъ Дьякомъ съ «Карломъ Олусоновымъ къ Корол. Воеводамъ къ Якову Пунтосову съ «товарыщи; да съ ними жъ я послалъ ратнымъ людемъ наемъ 3000 «рублевъ денегъ, а напередъ сего послано къ Воеводѣ къ Иванису Одо«дурову тысячю рубл. денегъ, да изъ Новагорода привезутъ 2000 руб. «ден. да на пять тысячь соболей, и всего послалъ соболей и денегъ и «съ тѣми денгами, которые напередъ сего посланы къ Воеводѣ Ив. Оду«дурову ратнымъ людемъ на наемъ, на 11.000 рубл., и велѣлъ Ѳед. Чюл«кову... роздати тѣ денги ратнымъ людемъ. И противъ того Кор. Вели«чества Дьякъ Карлъ Олусонъ мнѣ по своей вѣрѣ обѣщался и на томъ «мнѣ за своею рукою и печатью крѣпость далъ: что Якову Пунтосову «со всѣми людьми итти, которые съ нимъ, опричь больныхъ и раненыхъ «ко мнѣ... въ Колязинъ тотчасъ, не мешкая нигдѣ, и надъ воры промыш«лять Государевымъ дѣломъ со мною за одно, и къ Его Цар. Величеству «на помочь итти со мною вмѣстѣ и самовольства ничего не чинити», и пр.

(407) *Ник. Лѣт.* 113: «Приде же въ полки въ таборы «Полковникъ «Бобовской съ Литовскими людьми съ великою похвалою, и на Ружин«скаго Гетмана нача шумѣти, что по ся мѣста не умѣетъ Москвою про«мыслити, и поиде подъ Москву съ великою похвалою. Царь же В. во«зложи упованіе на Бога и повелѣ Бояромъ и Воеводамъ итти съ Москвы «противу ихъ, и бысть бой великій, и... Божіею милостію тѣхъ Литовскихъ «людей побиша на голову, о достальныхъ топташа до табаръ».

Столяр. л. 550: «Того жь 117 (1609) году, на Троицынъ день, изъ «Тушина подъ Москву приходили Поляки и Литва ротами, а воръ и из«мѣнникъ Ивашко Заруцкой съ Рускими со всякими людьми. А съ Москвы «противъ ихъ выходили Бояря и Воеводы въ обозѣ съ пѣшими со вся«кими и съ черными людьми съ огненнымъ боемъ и съ нарядомъ: Боя«ринъ Князь Дм. Ив. Шуйской, да Бояре жь по полкомъ Кн. Андр. «Вас. Голицынъ, да К. Ив. Сем. Куракинъ, да К. Бор. Мих. Лыковъ.

«И былъ бой съ Литвою великой, и Литва на бой напускали ротами и «обозъ разсѣвали, и въ обозѣ многихъ людей побили, и Бояре напу-«стили на Литву всѣми полки, и отъ обозу Поляковъ и Литву и Русскихъ «измѣнниковъ отбили, и ихъ гонили и многихъ побили, и на томъ бою «Польскихъ и Литовскихъ людей взяли въ языцѣхъ семь сотъ человѣкъ».

Ник. Лѣт. 114: «Гетманъ же Ружинскій и Полковники и Русскіе «воры, кои въ Тушинѣ... вознесошася гордостію великою, собравшеся «всѣ поидоша подъ Москву на томъ, что городъ Древянои пришедъ вы-«жечь и людей высѣчь. И прибѣгоша къ Москвѣ подъѣзщики, и сказаша «Царю Василію, что поднялися на Москву всѣми таборы Литовскіе люди. «Царь же В. бысть въ великой скорби, и совѣтова съ Патріархомъ Гер-«могеномъ и Бояры, и повелѣ Боярамъ и Воеводамъ итти противу ихъ «противно. Бояре же поидоша противу ихъ съ обозомъ, и бой бысть «чрезъ весь день, и начаша Московскихъ людей осиливати, и конныхъ «людей столкнувша съ мѣста, и пѣшіе люди едва устояше, что пріидоша «на помогу Бояринъ Князь Ив. Сем. Куракинъ, а съ другую сторону «Кн. Ондр. Вас. Голицынъ да Кн. Борисъ Мих. Лыковъ, и пріидоша они «на Литовскихъ людей и на Руск, измѣнниковъ, и ихъ побиша многихъ «людей и топташа до рѣчки до Ходынки. Литовскіе же люди и Рускіе «воры многіе со страстей изъ табаръ побѣжали, тако бы не отстоялися «Московскіе люди у рѣчки, и онѣ бъ и табары покиня побѣжали: таково «убо Московскихъ людей храбрство бысть, которой сѣлъ въ осадѣ въ «Московскомъ Государствѣ, какъ и все Московское Государство было «въ собранье, тако не бишася. Литовскіе же люди съ той поры подъ «Москву въ явѣ начаша приходити».

(408) См. выше, о сраженіяхъ на Восмѣ и на Медвѣжьемъ броду, «стр. 64 и 97.

(409) *Ник. Лѣт.* 114.

(410) Тамъ же 115 и 116: «Бояринъ же Θед. Ив. Шереметевъ съ «ратными людьми пріиде въ Нижней... на многихъ воровскихъ людей отъ «собя посылалъ, и многихъ воровскихъ людей побивалъ.—Пріиде вѣсть «въ Нижней, что изъ Суздаля идетъ Лисовской съ Литовскими людьми «и съ Рускими воры за Волгу воевати Костромскихъ и Галицкихъ и «Унженскихъ мѣстъ и Юрьевскихъ. И посла Θед. Ив. на нихъ судами, «и сошли ихъ подъ Юрьевцомъ Поволскимъ на острову, и побиша ихъ «на голову, иные потопаша. Лисовской же не съ великими людьми утече... «Изъ Нижнево Бояринъ Θед. Ив. поиде подъ Муромъ, а въ Муромѣ уже «до ево приходу Царю Василью крестъ цѣловали; изъ Мурома поиле подъ «Касимовъ и Касимовъ осади... взя... и кои мучился въ темницѣ за Царя «В., и тѣхъ всѣхъ освободилъ».

(411) Тамъ же: «Въ Касимовѣ же пріидоша къ нему съ Москвы «отъ Царя Василья К. Сем. Прозоровской да Пв. Чепчюговъ съ жало-«вальнымъ словомъ за службу, что Царю Василью служилъ и прямилъ, «да и про то ему говорилъ, что онъ идетъ мешкотно. Государевымъ дѣ-«ломъ не радѣетъ, а товарища его Ив. Салтыкова взяша въ Москвѣ».

(412) Тамъ же, 114: «Во градѣ же Владимери, узнавши людіе дья-«вольскую прелесть и помня свои души, Государево крестное цѣлованіе, «начаша обращатися къ Московскому Государству. Воевода же Михайло «Тумаксъ Всльяминовъ не похотѣ къ Моск. Гос... и начать прямити «вору. Людіе же града Володимера ево поимаша, и ведоша его въ Со-«борную церковь, чтобъ ему поновитца. Отецъ же его духовной Собор-«ной Протопопъ ево поновиша и ведоша ево изъ церкви, и рекоша всѣмъ «людемъ, сіи есть врагъ Моск. Государству. Они же ево взяша миромъ «и убиша ево каменьемъ, а сами поцѣловаше Царю Василью крестъ и

«съ воровскими людьми начаша битися, не щадя головъ своихъ, а къ «Москвѣ послаша съ повинною бити челомъ Царю В. о своихъ винахъ».

(413) Тамъ же, 117: «Подъ Астараханью проявися три вора, единъ «назвася Августъ Царя Иваиа сынъ, другой же назвался имя *Осановикъ* сынъ Царевича Ивана, а третій назвался Лаверъ Царя Ѳедора «Ивановича сынъ. Тѣже воры Казаки съ Августомъ и съ Лаврентьемъ «поидоша подъ Москву къ Тушинскому вору; товожь осиновика сами они «и повѣсиша на Волгѣ. А съ тѣмижъ пріидоша въ Тушино, и тѣхъ во«ровъ приведоша съ собою жъ; воръ же тѣхъ Казаковъ пожаловалъ, а «тѣхъ воровъ Августа и Лаврентія велѣлъ повѣсити въ Тушиѣ по Мо«сковской дорогѣ».

Столяр. л. 543 на об.: «Тово же 117 (1609) году на Саратовѣ съ «ратными съ низовыхъ городовъ были Воеводы Замятьня Ивановичь Са«буровъ, да товарищъ ему былъ Володимеръ Володим. сынъ Аничковъ, «а съ вими ратные люди, и подъ Саратовъ приходили воры изъ Астра«хани, а съ ними былъ воръ, назывался Царевичемъ *Иваномъ* Ивано«вичемъ, Царя Ив. Вас. сыномъ, и къ Саратову Рускіе воры приступали «жъ съ такими приступы. И въ Саратовѣ Воеводы и ратные люди отси«дѣлися, и на приступахъ и на вылозкахъ Астраханскихъ воровъ многихъ «побили. И воръ, который назывался Царевичемъ Иваномъ, отъ Сара«това пошелъ съ астраханскими людьми въ Астрахань».

(414) *Никон. Лѣт.* 116: «Грѣхъ ради нашихъ дьявольскимъ наученіемъ возставаху, не вѣмѣ отчуды имахуся такіе воры, называхуся «праведнымъ коренемъ, иногда Царя Ивановымъ сыномъ Васильевича, «иногда Царевича Ивана Ивановича сыномъ, а инъ назвася Царя Ѳе«дора Ивановича сынъ. Какоже у тѣхъ окаянныхъ злодѣевъ уста от«верзашеся и языкъ проглагола? невѣдомо откуда взявся, а называхуся «такимъ праведнымъ коренемъ, иной Боярской человѣкъ, а иной мужикъ «пашенной».

(415) См. выше, въ прим. 413, и въ Берѣ.

(416) *Столяр.* 550 на об.: «И послѣ тово побою Полякн и Литва и «Рускіе измѣнники большими людьми не приходили, а приходили легкіе «люди, Рускіе воры и Таторовя Юртовскіе и Черкасы на слободы и по «дорогамъ, и тѣ имъ приходы не удавывались. Государевы люди ихъ побивали и живыхъ имали».

Объ осадѣ Коломны и отраженіи Рязанцевъ Млоцкимъ см. *Ник. Лѣт.* 121 и 122.

(417) О медленности Шереметева см. прим 411. Онъ былъ въ Владимірѣ съ Мая мѣсяца, по словамъ Царя Василія (въ Грамотѣ его отъ 2 Іюн., къ Скопину, о которой см. выше, прим. 400): «А Бояринъ нашъ «Ѳед. Ив. Шереметевъ со многими Понизовскими людьми и съ Казан«скими Татары пришелъ въ Володимеръ Мая въ 29 день, а изъ Воло«димера велѣли «сими ему, сослався съ Ярославскими людьми, да будетъ «къ тебѣ они всходъ не пошли, и мы имъ велѣли итти на воровъ и на «Литовск. людей къ Троицкому Сергіеву монастырю».

Ник. Лѣт. 122: «Пріиде... Шереметевъ къ Володимеръ съ Понизо«выми людьми, и поидоша къ Суждалю; а тово не вѣдаша, что къ Суж«далю крѣпкаго мѣста нѣтъ; гдѣ пѣшимъ людемъ укрѣпиться, все при«шли поля. Лисовской же съ Литовскими людьми изъ Суждаля поиде «противу ихъ, и бысть бой великій, и Моск. людей и Понизовыхъ многихъ «побиша, едва утекоша въ Володимеръ».

(418) См. объ оныхъ выше, прим. 360.

Ник. Лѣт. 122 и 123: «Врагъ же, ненавидяй добра роду Христіан«скому, вложи на Москвѣ въ люди во многіе невѣріе, и всѣ глаголаху,

«что лгутъ будто про Кн. Михаила, и приходяху въ городъ миромъ ко «Царю Василью и шумяху, и начаша мыслити опять къ Тушинскому «вору, и хлѣбу жъ бяше дороговь велія, покупаху четверть въ семь «рублевъ». Аврам. Палиц. 191: «Ради неотступнаго враговъ обстоянія «паки начинается злоба, паки житопродавцы возвысиша цѣну хлѣбу «злѣйши перваго», и пр.—См. также *Лат. Ст. Книгу.*

(419) См. выше, около прим 398. *Ник. Лѣт.* 123: «Въ то же время «мятежное пріиде отъ К. Мих. Вас. къ Москвѣ Станица Елизарей Бе«зобразовъ съ товарыщи, и съ нимъ пріидоша многіе Дворяне, Москов«скіе же люди знаша ихъ, что прямо пріѣхали отъ Князя Михаила. «Царь же Василей, слыша то отъ К. Михаила письмо, посла по Патрі«арха Ермогена и сказа ему, и бысть на Москвѣ радость велія, и всѣ «людіе на Москвѣ укрѣпишася; Патріархъ же нача пѣти молебная, и по «всѣмъ церквамъ повелѣ пѣти молебны съ звономъ.

(420) *Ник. Лѣт.* 122.—*Латух. Ст. Кн.:* «К. Мих. Скопинъ посла «шурина Симеона своего Головина съ ратными людьми, да Григорья Волуева «съ полкомъ ко граду Переславлю; они же нощію взяша его. Тогда и самъ «К. Михаилъ въ Переславль пріиде». *Видек.* 102: «Christiernus Some, «acceptis Svecorum, qui aderant, turmis, nonnulis Moschorum adjunctis, «Peressaviam *derepente* agressus 11 die Septembris expugnavit, quin«gentis ex Sapiehae legione caesis, castrisque idoneo loco ibidem fixis».— «Нѣмцев. (*De Pan. Zygzm.* III, II, 354) говоритъ о плѣненіи 154 Поль«скихъ Дворянъ, со множествомъ слугъ и Козаковъ, кои всѣ были пре«даны мучительной смерти.

(421) Видек. 102: «Calazinum venit 28 die Sept. Omni honore gra«tulationeque excipitur a Scopino, qui illicó 30 die ejusdem mensis «mittit Duarenum (Дворянина) cum pelliccis mercibus aestimatione «14974 rublorum ab Arvidum Tonnonis Wildman inter appropinquantes «milites distribuendas».

(422) Тамъ же: «Jacobus Pontius et Scopinus... 6 die Octobris castra «movent. Viciniam omnem urbis Alexandri Slobodae (quae sex inde «milliaribus sita est) infestam tenebant hostes... Ad hos profligando. «destinatus Joh. Myr cum validâ manu Svecorum Moschorumque.. «100 in aquas merhit, reliquos in fugam agit... Urbs haec cum castello «excitata a Johanne Basilide, firmis munimentis tuetur incolas, et quin«que temple sede cultuque religionis ipsius M. Ducis olim celebria».— *Ник. Лѣт.*. 123.—*Лат. Ст. Кн.:* «Въ Александрову Слободу преиде и «постави тамъ острогъ».

(423) Видек. 107: Tunna frumenti, quae paulo ante quatuor rublis «vendebatur, jam ad vilitatem 70 denningorum pervenerat».

(424) *Ник. Лѣт.* 122: «Литовскіе же люди и Рускіе воры слышавше «приходъ про К. Мих. Васильевича къ Слободѣ, отоидоша отъ Коломны «и сташа въ Серпуховѣ».

Видек. 104: «Scopini evercitus, quotidie novis advolantibus copiis «auctus, 18000 circiter numerum implebat, praeter eos qui in praesidiis «arcium relicti sunt».

(425) Авраам. Пал. 171 и 173: «По семъ же изъ Сопѣгиныхъ та«боръ въ Троицкой Сергіевъ монастырь въѣхалъ Панъ Янъ, а съ нимъ «4 пахолки (слуги) да два человѣка Русскихъ, и сказали, что подъ Коля«зинымъ монастыремъ К. Михайло Литовскихъ людей побилъ и многихъ «поималъ живыхъ, и того же дни Воеводы устроили изъ Троиц. Серг. «монастыря вылазку на рѣчку Кошуру на бани Казачьи, и много «у бань «побили Литовск. людей Черкасовъ и Казаковъ, и бани ихъ сожгли и «шесть человѣкъ живыхъ взяли, и языки сказали тоже, что К. Михайло

«Литовск. людей побили... Богоборцы же Пол. и Лит. люди, также и «Руск. измѣнники, егда поражены быша отъ Моск. воинства, паче жъ «отъ Бога, бѣгуще изъ подъ Колязина монастыря плѣниша многи волости «и села и деревни и уѣзды: Ростовской, Дмитровской, Переславской и «Слободской, и множество всякаго скота награбиша, и наругающеся град- «скимъ людемъ гладнымъ, иже сѣдяху во обители Чудотв. Сергія, попу- «щаху великія стада по запрудной сторонѣ по Красной горѣ и на Кле- «ментьевскомъ полѣ, вкупѣ же и блазняще изъ града осадныхъ людей на «вылазку, чтобы отъѣхати ихъ отъ града... Мѣсяца же Августа въ 15 «день... изъ Сапѣгиныхъ таборъ по первому своему злому лукавству паки «попустиша скотъ... Троицкіе же сидѣльцы конные, выѣхавше изъ града «тайно Благовѣщенскимъ врагомъ, сторожей Литовскихъ побили и залу- «чивше стада ихъ погнаша ко граду.. Слышаще же въ Троицкомъ Сер- «гіевѣ монастырѣ, яко К. Михайло изъ Переславля изгна Литву и Руск. «измѣнниковъ, и мостяще путь трупомъ нечестивыхъ даже и до Слободы «Александровскія, и строящеся добрѣ пути кровныя изсушити. Архима- «ритъ же Іосафъ и Иноцы и Воеводы и прочіе сидѣльцы посылаютъ ко «К. Мих. Васильевичу отъ дому Чудотворца съ моленіемъ просяще по- «мощи, понеже оставшіи людіе уже изнемогоша, и посланъ бысть отъ К. «Михайла Давидъ Жеребцовъ, а съ нимъ 600 мужей избранныхъ воинъ «и 300 съ нимъ служащихъ; молитвами же Чудотворца проидоша ничимъ «не задержани, ни подзирати, ни стражми не увѣдани быша, и легцы «суще все то протекше скоро».

(426) *Никон. Лѣт.* 123: «Пріиде подъ Слободу изъ подъ Троицы «Сапѣга со всѣми Литовскими людьми... К. Мих. Вас. посла противъ «ихъ на бой къ селу х'Коринскому Головъ съ сотнями; Литовскіе же «люди Русск. людей столкнуша и топташа ихъ до самыхъ надолобъ (см. «прим. 252). К. Мих. Вас. со всѣми людьми выде самъ противу ихъ, и «бысть бой великъ, и по милости Божьей Литовскихъ людей побиша, и «отъ Слободы отогнаша; они же отоидоша опять подъ Троицу».

Видек. 107: «Die 28 Octob. Duces Rusinius, Sapieha et Zboro- «vius prope dictam Slobodam cum 4000 constitere. Illorum desti- «natum erat explorare quanta vi militum nostrates urbem insedis- «sent, eosque, si quà fieri posset, cum munimento igne ferroque per- «dere. Totus subsequens dies crebris invicem consertationibus, cruen- «tus erat; nec minimam pugnae strenuè initae laudem tunc Musco- «vitae retulere: hostis, missis duobus fortissimis centurionibus, 70 gre- «gariis caesis, pluribus captis, loco pulsus, intra castrorum suorum «munimenta se abdidit».

(427) Видек. 108: «Omnia compita et vias, in castra hostilia com- meatum ferentia, paIis fossisque muniverant».

(428) Видек. 108: «Ex re improvide gesta inter se discordes».

Нѣмцев. въ *D. P. Z. III*: «Князь Рожинскій, начальникъ войскъ «Самозванца, пришелъ съ мечемъ въ рукѣ къ жилищу Сапѣги, который, «вышедши къ нему на встрѣчу, сказалъ хладнокровно: Теперь ли время «враждовать между собою, когда намъ Скопинъ грозитъ нападеніемъ? «Лучше соединимся и дружно ударимъ на него! — Но Рожинскій не «внялъ сему благоразумному совѣту и, оставивъ Сапѣгу одного, уда- «лился отъ Троиц. монастыря въ свой станъ».

(429) Видек. 104: Iaroslavia advenere 15.000 justis armis, perites «lanceis longioribus, equites hostis ad morem Polonicum instructi».

Никон. Лѣт. 124.—*Латух. Ст. Кн.*: «Пріиде изъ Владимиря града «ко К. Михайлу Боляринъ Ѳеод. Шереметевъ съ Низовыми людьми, а «съ Москвы Боляринъ К. Ив. Сим. Куракинъ, да Бор. Мих. Лыковъ съ

«ратными людьми. И начаша вси вкупѣ радѣти о Государьскихъ дѣ-«лахъ и ратное дѣло строити».

(430) Видек. 106 и 107: «Cum et Demetrio et forte Poloniae Regi «brevi opponenda arma essent, literis quoque compellat regni Sena-«tores, ut praeter dictos milites, quos jam 4000 expectabat, monerent «Regem de novis suppetiis ad limites continuo mittendis».

(431) См. выше, стран. 155 и 176.—О Князѣ Михаилѣ въ *Псковск. Лѣтописи*, л. 39: «Онъ же беззлобивый ни во умѣ сего помысли, еже «о Царствѣ, но токмо, еще пострадати противу безбожныхъ за Божія «церкви и за Царя своего дядю... и не разумѣ дядина лукавства и «злыя мысли».

(432) См. выше, стран. 41 и 48.

(433) *Никон. Лѣт.* 124: «Пріидоша въ слободу съ Резани отъ Прок. «Ляпунова Станица, и писаше ко К. Мих. грамоты, аки змія уязвля-«юще люди смертоносною язвою, такоже и онъ льстивый человѣкъ хотя «остудити К. Мих. Васильевича Царю Василью, а К. Михаила возъ-«ярити на Царя В. написаша грамоты и здороваша на Царствѣ (въ «*Латух.*: «ублажая его лестно и Царство ему прорицая»), а Царя жъ «Василья укорными словесы писаше. К. Михайло жъ, прочетши грамоты «и изодравъ ихъ, тѣхъ же посланниковъ повелѣ поимати, хотя ихъ по-«слати къ Москвѣ; они же начаша плакати и бити челомъ и повѣдаша «Прокофьево житіе все, и къ себѣ и его Прохофьево насиліе. Онъ же «милостивый Бояринъ, не хотя ихъ крови, отпусти ихъ опять въ Ре-«зань. Зліи же человѣцы клеветники написаху о томъ ко Царю В. на «К. Михаила, что онъ ихъ къ Москвѣ переимавъ не прислалъ. Царь «же В. съ тое поры на К. Михаила мнѣніе держати, и братья Царя «Василья».

(434) *Никон. Лѣт.* 124 и дал.: «Москвѣ же стало великое тѣсненіе «отъ табаръ, а по Коломенск. дорогѣ тѣсненіе великое отъ Серпухова «отъ Млотцкова, да тутъ же собрался Хатунской (въ *Латух.*: «Хутын-«ской») мужикъ, именемъ Салковъ, а съ нимъ собрался многіе Рускіе «воры; отъ него же наипаче утѣсненіе великое бысть. Съ запасомъ же «прохождаху по одной Коломенской дорогѣ, и тое отняша. Царь же В. «посла на Коломну Воеводъ Князя Василья Мосальсково, и повелѣ ему «собратись съ запасы со всякими и итти съ великимъ береженіемъ. «Князь Василей, собрався на Коломнѣ съ ратными людьми,... приде на «Боршеву, не доходя Бранницъ за три версты. Придѣ же изъ Серпу-«хова Млотцкой да тотъ воръ Салковской, Князь Василья побиша, и «многихъ живыхъ поимали и запасы всѣ отбиша, и коихъ было запа-«совъ и поднять немочно, и тѣ пожгоша. На Москвѣ жъ опять бысть «сумнѣніе великое и дороговь хлѣбная... На Слободской дорогѣ К. Петръ «Урусовъ съ Юртовскими Татары».

Немцевичъ (въ *D. P. Z. III*, II, 337) пишетъ, что съ Мосальскимъ находился и Кн. Голицынъ; ихъ войски претерпѣли столь сильное пораженіе, что лишь не многіе, спасаясь бѣгствомъ, могли принести о томъ вѣсть въ Москву.—Сапѣга получилъ о томъ извѣстіе 7 Ноября (Нов. Ст.) См. *Жизнеописаніе Ян. Петра Сапѣги*, изд. Коновицкимъ.

(435) О Хлопкѣ см. Т. XI, 114.

Ник. Лѣт. 125 и 126: «Посылаше жъ Царь В. съ Москвы для бе-«реженья въ Красное село Головъ съ сотнями и Атамановъ съ Каза-«ками, и стояли по недѣлямъ: Атаманъ же имъ, именуемой Гороховой, «посла отъ себя къ вору въ Тушино, чтобъ онъ къ нему нощію при-«слалъ людей, а мы де Красное село сдадимъ и сотни конныя побьемъ. «Воръ же изъ Тушина присла тоежъ нощи, и Красное село взяша;

«конныя же сотни усмотрѣша отошли къ Москвѣ (*Латух.*: отъ убійства «ихъ къ Москвѣ отбѣжаша»), а Козаки Красное село сдали и пошли въ «Тушино, и Красное село выжгли.—Пріидоша жъ нощію подъ Москву, «а приведоша ихъ измѣнники сверхъ Неглинны рѣки, и пришедъ къ го«роду тайно и Древяной городъ зажгоша. Московскіе жъ люди послыша, «едва ихъ отъ города отбиша, а городъ утушиша, выгорѣло съ саженъ «сорокъ, и воровскихъ людей многихъ побиша, а тутъ поставиша острогъ «и укрѣпиша.—Тойже прежереченной воръ Салковъ приде подъ Николу «Угрѣшсково». (Монастырь Св. Николая Чудотворца въ 15 верстахъ отъ Столицы внизъ по Москвѣ на рѣчкѣ Угрѣшѣ. См. *Больш. Черт.* 192). «Царь же В. слыша то и посла на нево Воеводу Вас. Борис. Сукина «со многими ратными людьми. Онъ же соидеся съ нимъ въ Олексѣев«схой волости и ничего ему не сдѣла, только тотъ же воръ многую «шкоту Московскимъ людемъ учинилъ».

(436) *Ник. Лѣт.* 126: «Тойже воръ Салковъ пріиде на Володимер«скую дорогу и на иныя дороги, и многую шкоту почини. Царь же Ва«силей посла на нево Воеводъ своихъ по многимъ дорогамъ. И снидо«шася съ нимъ по Володимерской дорогѣ на рѣчкѣ на Пехоркѣ» (впадающей въ Москву: см. *Бол. Черт.* 193) «Воевода К. Дм. Мих. Пожар«ской съ ратными людьми, и бывшу бою на многое время, и по милости «Божіи тѣхъ воровъ побиша на голову, той же Салковъ утече съ неве«ликими людьми, и на четвертой день тойже Салковъ съ достальными «людьми пріидоша ко Царю В. съ повинною: а осталось всего съ нимъ «послѣ тово бою, съ коими утекъ, тридцать человѣкъ. — Полковникъ же «Млотцкой; стоя въ Серпуховѣ, слыша то, что приде въ Слободу К. Мих. «Вас. Шуйской, и про того Салкова, что ево подъ Москвою побили «на голову, поиде изъ Серпухова и нача утѣсненіе дѣлати и грабити «Московск. людей. Москов. люди съ нимъ начаша битися, и многихъ «Литов. людей побиша и отоиде онъ въ Можаескъ.—Посла К. Мих. Вас. «подъ Суздаль Боярина К. Бор. Мих. Лыкова, да К. Якова Борятин«сково со многими людьми, съ Рускими, съ Нѣмецкими; они же пріидоша «къ Суздалю ночью и приведоша ихъ Вожане узнаючи, и быша въ по«садѣ. Лисовскій же послыша, со всѣми людьми выде на бой, Москов«скіе же люди ничево граду не сдѣлаша, и едва сами нощію отоидоша «прочь».

(437) См. выше, стран. 81.

(438) 29 Сентября (Нов. Ст.), говоритъ Машкѣвичь, служившій въ семъ походѣ, Полковниковъ роты Князя Порицкаго. Онъ же «Kładro «się wszystkiego woyska na 12,000, a prócz piechoty i Tatarow Litew«skich i Kozakow Zaporowskich». Далѣе: «Przy manasterze Sgo Ducha «stał obóz Kozacki, których się liczilo na 10.000». См. *Zbior Pamietn. histor. o dawney Polszcze przez Niemcewicza*, стр. 352 и 355; также Сѣв. Архив. 1825, No 1.

(439) Машкѣвичь вмѣсто Борисоглѣбскаго монастыря называетъ Богородицкій; но въ перехваченномъ письмѣ Шеина къ Царю (отъ 9 Октября) именно сказано, что Король, Гетманъ его Жолкѣвскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, Стадницкій и прочіе Польскіе чиновники, пришедши подъ Смоленскъ, расположились въ монастыряхъ Троицкомъ, Спасскомъ, Борисоглѣбскомъ, Архангельскомъ и Св. Духовомъ. См. *D. P. Z. III*, II, примѣчаніе подъ No VIII.

(440) См. сей Универсалъ въ Томѣ D. *P. Z. III*, примѣчаніе подъ No VII: «Pan Bóg dla grzechów łakomstwa i hardości ich» (Бориса Годунова и пр.) «puścił gniew swóy Bozy na wszystek Krześciański «naród Moskiewski, Ruski, i siła krwie Krześciańskiey bez przestanku

«przelewa się... iedni drugich biią... tak sam z sobą własny naród «Moskiewski iako i postronnemi narody, których sam na siebie Mo«skiewscy ludzie nawiedli... Niemcy tez, wiele zamków i włości Mo«skiewskiego Hospodarstwa zabrać, rządzić, wiarę prawosławną Chrześ«cianską Ruską do końca zniszczyć, a swoją heretycką wystawić chcą... «Lecz ludzi siła Mosk. Hospodarstwa bolszy, srzedni i niższy, z wielu «zamków i z samego stołecznego miasta Moskwy, widząc swóy tak «wielki upadek, bili nam Hospodom czołem, różnemi tajemnemi przy«syłkami, coby im Hospodar jako Car Krześciański i naybliższy rod«zic Ruskiego Hospodarstwa, wspomniawszy powinowactwo i brater«stwo nasze... tego spadku i zniszczenia Hospodarstwa Moskiewskiego «uzalilisię, wiery Chrześcian, etc... zniszczyć nie dopuszczali... J my «Wielki Hospodar... idziemy ku wam... iżby za pomocą Bożą i mod«litwami Przenayświętszey Bogarodzice naszey i wszystkich Swiętych... «was od wszystkich nieprzyiacioł waszych obronić i z niewoli od ostat«niego zginienia wybawić... Wy by Smolanie takowemu miłosierdziu «Bosemu i naszéy Królewskiey łasce byli radzi, z chlebem i solą «przeciw nam wyszli i pod naszą wysoką Królewską reką bydź chcieli... «A my was... w wierze waszey Ruskiey nie naruszemy, w wolności «i we wszelakiy czci zachować obiecujemy... i tak wiele łaski i miło«sierdzia naszego Hospodarskiego uczyniemy, jak wiele godno, dostoyno «i naylepiey wam będzie... A jeśli byście pogardzili (czego o was nie «dzierzemy), tym wy sami siebie, żony, dzieci i domy swoje woyskom «naszym w spustoszenie podacie. A my w tym wam przed Panem Bo«giem winnymi nie będziem». Данъ въ станѣ, на границѣ Смоленской, 19 Сент. 1609.

(441) См. тамъ же, въ примѣч. подъ No VIII, перехваченное письмо Смоленскихъ старостъ и посадск. людей къ Царю, выписанное Нѣмцевичемъ изъ рукописи Г. Зелинскаго: «Мы, твои сироты, по совѣщанію «съ богомольцемъ твоимъ, Преосв. Сергіемъ, Архіепископомъ Смолен«скимъ, съ Бояриномъ и Воеводою твоимъ Мих. Борис. Шеинымъ, съ «Княземъ Петр. Ив. Горчаковымъ, съ Дьякомъ Никономъ Алексѣевымъ, «съ служивыми людьми, Стрѣльцами и пушкарями и со всѣмъ простымъ «народомъ, отвѣчали словесно Литовскому Королю и Панамъ Совѣта его, «что у насъ, у всякаго Инока, и у служивыхъ и у Житыхъ людей, данъ «обѣтъ въ храмѣ Преч. Богородицы, чтобы всѣмъ намъ за истинную «Христіан. Вѣру и за свят. Божіи церкви, и за тебя, Государя Царя «и Вел. Князя, и за твое царское крестное цѣлованіе умереть, а Ли«товскому Королю и Панамъ его не поклониться. А 6 Октября писалъ ты, «Государь Царь, свою Царскую грамоту въ Смоленскъ чрезъ Иванова «человѣка Левина съ Ваською Молчановымъ, съ своимъ Царскимъ ми«лостивымъ обѣщаніемъ, и мы, твои, сироты, обрадовались твоей Цар«ской грамотѣ. Изъ уѣздовъ же волостные жители не приходили въ за«мокъ къ господамъ и людей не дали къ защитѣ его: Король обманы«ваетъ ихъ вольностію; а ратныхъ людей у насъ въ Смоленскѣ мало. «Литовскій же Король стоитъ при Смоленскѣ съ сильными Литов. и «Нѣмец. полками; готовитъ всѣ злыя средства и подкопы.—Милосердый «Государь!... сжалься надъ нами сиротами, не предай насъ въ руки вра«говъ, а женъ и дѣтей нашихъ въ обиду: помоги скоро, да не погибнемъ «до конца».

(442) Въ Нѣмцев. (D. *P. Z. III*, Т. II, 585), въ вышесказанномъ письмѣ Шеина:—«Мы»—Шеинъ, Горчаковъ и Алексѣевъ—«совѣщавшись «съ Дворянами и посадскими людьми, сожгли Смоленскій посадъ и сло«боды, чтобы Королю не удобно было подойти, а сами затворились со

«всѣми людьми въ осадѣ. Потомъ же Сентября 23 дня, на разсвѣтѣ, «многіе Литов. люди подходили къ замку, къ Смоленску, дѣлали приступъ «у Копытинскихъ и Аврамовскихъ воротъ, но милостію Господа Бога «и твоимъ Государевымъ счастіемъ Литовскіе люди отъ замка отбиты, «и во время приступа взятъ въ плѣнъ твой Государевъ измѣнникъ, по- «садск. человѣкъ, Смолянинъ Игнашка Дмитріевъ, служившій у Литов. «людей проводникомъ; онъ при допросѣ показалъ, что Король намѣренъ «взять Смоленскъ приступомъ и подкопомъ». А въ письмѣ Старостъ (см. выше, прим. 441): «Первый приступъ былъ Сент. на 23 число, за два «часа до разсвѣта, въ трехъ мѣстахъ: къ Пятницкому Концу и къ во- «ротамъ Копытинскимъ и Аврамовскимъ».

Нѣмцевичъ, основываясь на современныхъ записках Жолкѣвскаго и Машкѣвича, описываетъ сей приступъ слѣдующимъ образомъ: «Сигиз- «мундъ, внявъ совѣту придворныхъ, желавшихъ употребить хитрость, «рѣшился напасть незапно и ночью. Для сего 12 Окт.» (ошибка, вмѣсто Сентября) «назначенъ былъ отрядъ пѣхоты, подъ начальствомъ Маль- «тійск. Кавалера Новодворскаго, который славился ратнымъ искусствомъ «и неустрашимостію. Сдѣлано распоряженіе, чтобы Королевскіе трубачи, «при взрывѣ воротъ, дали сигналъ, по которому стоявшее не вдалекѣ «войско должно было устремиться чрезъ проломъ въ городъ. Новодвор- «скій пробрался тихо, въ темнотѣ ночной къ воротамъ, держа рукою «огромную петарду, и согнувшись вмѣстѣ съ прочими воинами по при- «чинѣ тѣсноты прохода между стѣною и деревянными срубами (которые «построены были Русскими предъ стѣною со стороны поля, на подобіе «избъ, для прикрытія воротъ). Не взирая на сіи затрудненія, онъ подо- «шелъ къ однимъ воротамъ, потомъ къ другимъ, взорвалъ ихъ, и вло- «мился въ городъ съ нѣсколькими воинами. Жители въ ужасѣ искали «убѣжища въ церквахъ, и Смоленскъ былъ бы покоренъ совершенно; но «отъ того ли, что трубачи не исполнили приказа, или что сильный взрывъ «заглушилъ звукъ сигнала, вспомогательный отрядъ не подоспѣлъ во «время; осажденные ободрились, видя малочисленность нашихъ, и вы- «тѣснили ихъ, положивъ однакожь на мѣстѣ не болѣе 20 человѣкъ: ибо «въ темнотѣ стрѣляли на удачу». Машкѣвичь между прочимъ говоритъ, что Венгерецъ Маркъ, Капитанъ Королевской пѣхоты, не хотѣлъ итти въ проломъ по недостатку мужества, или по условію съ непріятелемъ, и тѣмъ остановилъ успѣхъ приступа.

О послѣдующихъ нападеніяхъ сказано въ письмѣ Старостъ: «Сент. «26 дня ночью, за четыре часа до разсвѣта, подошелъ къ стѣнамъ Литов. «Король съ людьми ратными; овладѣлъ въ Пятницкомъ Концѣ острогомъ «и сожегъ Пятницкій Конецъ съ посадомъ, такъ что во всемъ посадѣ «уцѣлѣло только 7 церквей; а 27 Сент. ночью же, за два часа до раз- «свѣта, приступалъ онъ опять къ Большимъ *Туловскимъ* (Тульскимъ?), «что у Днѣпровскаго моста, и къ Пятницкимъ воротамъ, по милости «Божіей, молитвами Пред. Богородицы и твоимъ царскимъ счастіемъ, «непріятель отбитъ отъ воротъ и ото всего замка, потерявъ въ замкѣ «много Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей. На третій же день Литовскіе «люди сожгли ночью Днѣпровскій мостъ, и стрѣляютъ безпрестанно изъ «пушекъ по стѣнѣ и по Богословской башнѣ, уже разбитой сверху».

(443) Сіе выраженіе употр. выше, при опис Троиц. осады, стр. 113.

(444) Въ Нѣмцев. (стр. 362): «Сигизмундъ думалъ опять прибѣгнуть «къ хитрости: овладѣть городомъ посредствомъ подкоповъ. Напрасны «были извѣстія, доставляемыя переметчиками, что Шеинъ вездѣ подѣ- «лалъ слухи: наши не переставали дѣлать покушенія; но осажденные, «слыша стукъ работавшихъ, портили ихъ труды, ранили и убивали ихъ».

Машкѣв. «Стѣны Смоленска устроены съ такимъ искуствомъ, что «посредствомъ тайныхъ, подземныхъ путей, можно со всѣхъ сторонъ «слышать работу подкоповъ. Такимъ образомъ непріятель, копаясь въ «землѣ противъ нашихъ, иногда же подкапываясь подъ ними, взрывалъ «наши подкопы, истребляя и работниковъ, которыхъ мы едва на третій. «или четвертый день добывали изъ земли, погребенныхъ за живо».

Машкѣвичь именуетъ Шеина *искуснымъ и свѣдущимъ Полководцемъ*. «Кобѣржицкій говоритъ объ немъ (стр. 84 и 363): «Gubernator bellandi «peritus.—Inerat Sehino infractum animi robur». Причиною сего упорства онъ считаетъ воспоминаніе Шеина объ отцѣ, потерявшемъ жизнь при осадѣ крѣпости *Сокола*, во время войны съ Баторіемъ. (См. сей *Исторіи* Т. IX, стран. 302 и 529).—Нѣмцев. 412: «Maz biegly w sztuce wojennéy wytrwaly, niewzruszony w przdsiecin swoiém».

Рукоп. Филар.: «Той же Михайло (Шеинъ) яко крѣпкій поборникъ «и разсмотрительный Воевода, нашествія иноплеменныхъ никако ужасеся «и градъ ополченіемъ своимъ мужески защищаше. И тако много время «противу сего Королевскаго воинства градъ той опасно удержаше; даже «и до того дойде, яко вси людіе града того изомроша, нужнаго ради «осаднаго утѣсненія. Онъ же небоязненымъ сердцемъ брашеся съ Поляцы «по всякъ день и нощь, на забралѣхъ града пребывая въ пораженіяхъ «смертоносныхъ, и прещенія Королевскаго и воинства множества не «бояшеся, ниже ласканію его внимая, и никако предадеся въ руцѣ его, «даже и до взятія града того».

(445) Кобѣрж. 94: «Venire videlicet Regem, cruentum ad praemia «et gloriam cursum remoraturum. Ergo ne ideo toto pene biennio «bellatum est, ut paratam alieno sanguine et sudore, recenterque «armatus Rex invaderet victoriam? et quando tandem et ubi debita «laboribus praemia recepturi eesent? aut a quo repetituri? Num a «Demetrio? at huic quae facultas tandem supererit exsolvendi pro- «missa? quandoquidem Severia nobilissima ac opulentissima terrarum «Moschoviae portio, regiis tenetur armis, in quam miles et castris «attritus et vulneribus invalidus, spes suas omnes intenderat».

(446) Тамъ же, стран. 95.

(447) Рожинскій созвалъ товарищей своихъ въ кругъ (w kolo) и сказалъ имъ, что они, давъ слово и клятву возвратить Димитрію Царство, будутъ гнусными вѣроломцами, если ему измѣнятъ, хотя бы и слушаясь Короля, что честь есть первый законъ для гражданъ свободныхъ, и кто ей слѣдуетъ, тотъ достоинъ не укоризны, а похвалы. Изобразивъ жалостную судьбу мнимаго Іоаннова сына, доказывая, что для нихъ не только безсовѣстно, но и безумно оставить его въ жертву врагамъ, а самихъ себя признать глупцами, которые, не зная для чего, столь долго обливались кровію въ битвахъ — онъ предложилъ товарищамъ взаимно обязяться слѣдующею клятвою: 1) Умереть или возвести Димитрія на престолъ; 2) казнить лютою смертію всякаго, кто бѣжитъ отъ знаменъ его; 3) дѣйствовать явно, чуждаясь тайныхъ кововъ; 4) не отлучаться никуда безъ дозволенія начальства; 5) отлучась по дозволенію, возвратиться къ празднику Пасхи или Троицыну дню 1610 года; 6) въ случаѣ Димитріева торжества требовать награды всѣмъ вмѣстѣ и не расходиться безъ полнаго удовлетворенія. — Всѣ отйѣтствовали громкимъ кликомъ усердія. См. Кобѣржицкаго (стран. 96) и Нѣмцевича (стран. 367).

(448) Сіи слова сказалъ Королю одинъ изъ посланныхъ, Мархоцкій, *забывая въ немъ лице Государя*. См. Кобѣрж. стр. 103: «Se neque Domi. «num Domini, nec fratres fratrum, neque patriam patriae habituros»

(449) См. въ Кобѣржицкомъ (стр. 104 — 111) и въ Нѣмцевичѣ (стр. 373). — Марина, вѣнчаясь на Царство съ Отрепьевымъ, именовалась *Цесаревною Маріею*. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 290 и 291; также сей *Исторіи* Т. XI, 263 и 264.

(450) См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.

(451) См. тамъ же. Сигизмундъ развѣдывалъ предварительно о Тушинскомъ станѣ чрезъ надежныхъ людей, Русѣцкаго и Бучинскаго. Ходя по шатрамъ, они подслушивали мнѣнія воиновъ и привлекали ихъ къ сторонѣ Короля.

(452) Все сіе подробно описано въ Кобѣржицкомъ, на стран. 128—137. Грамота Сигизмунда къ Царю Василію была писана 12 Ноября. Въ ней сказано между прочимъ: «Какъ Христіанскій Монархъ, желаемъ «съ помощію Бога, Присноблаженныя Дѣвы Богородицы и всѣхъ Свя«тыхъ, положить конецъ бѣдствію и разоренію великаго Московскаго «Царства, остановить пролитіе крови Христіанской, возвратить народамъ «миръ и тишину. Для сего отправляемъ Пословъ къ Польскимъ и Литов«скимъ войскамъ, стоящимъ близъ Московской столицы, и томъ тебя «извѣщаемъ, дабы и ты прислалъ своихъ Бояръ въ станъ ихъ, для сово«купнаго совѣщанія съ нашими Послами: во первыхъ, объ удовлетворе«ніи насъ, въ чемъ слѣдуетъ; потомъ, о заключеніи вождѣленнаго мира».

(453) «Si voluntatem suam (Regis) grato exciperent animo, ac in «patrocinium regium concedere, suaeque manûs excelsae beneficio pro«tegi cuperent. Quod vero attineret ad Fidem illorum Christianam «Graecam, verbo regio polliceri, se eam salvam et illaesam manu «tenere velle, institutaque omnia Ecclesiastica», etc. (Кобѣрж. 136).

Нѣмцев.: «Jesli wdzięcznym sercem pomoc i opiekę moje przyiąc «zechcecie». etc.

(454) Послы прибыли въ Тушино 17 Декабря, въ сопровожденіи ста конныхъ копейщиковъ и 280 человѣкъ пѣхоты, и были встрѣчены внѣ стана Александромъ Зборскимъ съ 200 чел. конницы, а подлѣ стана Княз. Рожинскимъ и Станисл. Мнишкомъ, ѣхавшими въ саняхъ. Иванъ Плещеевъ и Өед. *Униковъ* (Unicovus), привѣтствовали ихъ рѣчью отъ имени Самозванца. (Кобѣрж. 137).

(455) Удержаніе въ Москвѣ Пословъ, пролитіе крови Польскаго Дворянства въ день гибели Отрепьева, побужденіе Татарскихъ Ордъ напасть на Подолію, подкрѣпленіе Шведскаго Короля деньгами, и проч. (Кобѣрж. 139).

(456) См. Кобѣржицкаго и Нѣмцевича.

(457) Тамъ же.

(458) Нарушев.: «Nayprzód dobrze pięściami utłukłszy, potum «nadziakiem aż do złamania kiia srodze ubił, ze ledwo sam Dymitr «do pokoju dalszego uciekł. Samuel Tyszkiewicz w pewney z nim «poswarce, nazwawszy go łgarzem i filutem, wiele innych słów obel«zywych przydał». (*Zyc. Chodk.* I, str. 283 i not. 131).

См. также Кобѣржицкаго, 147.

(459) Кобѣржицкій.

(460) Годунову, Разстригѣ, Василію.

(461) Кобѣрж. 148, и Нарушев. 283.

(562) Кобѣрж. 150: «Illum (Regem) non regionis, sed Religionis «expugnandae, templorum, non urbium hostem, eversorem ritnum, «expilatorem Caenobiorum in Moschoviam advenisse». — Нѣмцевичъ, стр. 393.

(464) Сіе заключалось въ данномъ отъ Короля наставленіи См. Кобѣрж. 133, Нѣмцев. 133, и *Жизнеоп. Я. П. Сапѣги*, 226: «Rwać woysko

«tamto szkoda dla narodu Moskiewskiego, aby oni zdesperowawszy o «potędze Dymitrowey, nie rzucilisię do Szuyskiego». Слова Рукописи Корон. Канцлера Задзика подъ загл. *Acta Cancellariatûs.*

(464) Въ Берѣ и Петреѣ (стр. 427) отвѣтъ Рожинскаго: «Du Huren-«Sohn, was begehrestu zu wissen, was die Gesandten bey mir zuver-«richten haben; der Teuffel weis, wer du bist, wo du geboren und welchem «Geschlecht ersprossen? wir haben lange Zeit unser Blut deinet «halben vergossen und unsere Bezahlung noch nicht bekommen».

Лжедимитрій простился съ женою, по свидѣтельству Бера и Петрея, которые приводятъ и слова, сказанныя имъ на прощаньѣ. Нѣмцевичъ утверждаетъ, что онъ уѣхалъ, не давъ ей знать; но сего обстоятельства не находимъ въ другихъ. Кобѣржицкій говоритъ просто (стр. 152): «relictâ «Marinâ conjuge tristi et ob absentiam mariti contabescente, clam è «castris Kalugam profugit».

Аврам. Палиц. 202: «И того бо ради окаянный утече, понеже нѣцыи «отъ Козаковъ тайно возвѣстиша ему, яко Поляки, ждуще Князя Ми-«хайла, и тогда хотяще его отдати въ царствующій градъ». А въ *Латух. Ст. Книгѣ*: «Михаилъ же Салтыковъ и Ружинской, слышавше о семъ, «что Мих. Вас. Скопинъ вскорѣ будетъ въ Москвѣ, а надъ Москвою до «того времени ничего они зломысленнаго своего дѣла не возмогли сотво-«рити, и начаша умышлять, како бы имъ воровскаго своего Тушинскаго «Царика поимать и подъ Смоленскъ къ Королю отвесть. Воръ же, увѣ-«дахъ ихъ совѣтъ, и нощію отъ нихъ съ невеликими людьми въ Калугу «убѣжалъ». См. также *Ник. Лѣт.* 127.

О днѣ и прочихъ подробностяхъ его побѣга см. Бера.

(465) Беръ: «Нѣкоторые изъ приверженцевъ его думали, что онъ «былъ тайно убитъ». — Петрей, 428: «und heimlich in den Strom ge-«worfen».

(466) *Ник. Лѣт.* 127.

(467) Кобѣрж. 152: «Accurunt velut lymphati, invehuntur in Ru-«zinium quasi Demetrianae fugae auctorem... nunc ad Demetrii currûs «accurrunt, excutiunt et si quid auri argentique ac supellectilis pre-«tiosae lateret, diripiunt, omnia sua déque miscent», etc.

Латух. Ст. Кн.: «Тогда полки воровскіе смятошася и Русскіе «люди разбѣгошася, иніи къ Москвѣ, а иніи во своя городы, кто гдѣ «живяше. Литва же многихъ за то побиша и остановиша въ таборахъ «съ собою стоять».

(468) См. Нѣмцев. стран. 401: «Pamiętay Waszmość, iż kogo Bóg «raz blaskiem Majestatu oświeci, ten nigdy blasku tego nie strada. «ani słońce jasności swojéy nie traci dla tego, że przemijająca chmura «ácmi je czasem».

(469) См. изданную въ 1674 г. книгу: *The Russian Impostor*, 166: «She farther complained of the sad Vicissitudes of her Fortune, sub-«mitting herself and her Concerns to God, from whom she did expect «an end of her calamities and sorrows, she added: My adverse Fate «hath deprived me of all; I have nothing left but the justice of my «Cause, and my right to the Muskovitish Empire, confirmed by my «Inauguration, and the double Oaths of all Orders of men». Сіе письмо было отъ 15 Генваря 1610. См. Кобѣржицк. 157 и *Львов. Лѣтоп.* 240. Марина подписалась: «Вашего Королевскаго Величества доброжелатель-«ная Марина, Цесарева Московская» (Кобѣрж. Imperatrix Moschoviae).

(470) Въ семъ воззваніи именовалъ онъ Сигизмунда *поганымъ* Королемъ, а Поляковъ *коварными* отступниками, обѣщая истребить ихъ *ере-*

тическую вѣру, и не уступать имъ въ Россіи, *ни деревни, ни даже дерева*. Въ Калугу онъ прибылъ 1 Генваря 1610 года. См. Бера.

(471) См. выше, стран. 33.

(472) Шаховскій явился къ Самозванцу въ пятый день послѣ Праздника Богоявленія. См. Бера.

(473) Беръ: «Одному Богу извѣстно, что мы перенесли въ сіе бѣд«ственное время». Беръ, находясь тогда въ Козельскѣ, едва не убитъ.

(474) Беръ: «Несчастный Скотницкій спрашивалъ, за что его казнятъ? «Палачи отвѣчали: *Царь велѣлъ намъ не разсуждать съ тобою, а бро«сить тебя въ воду;* накинули ему петлю на шею и повлекли, какъ «стерво. Послѣднія слова его были: *И такъ вотъ награда за вѣрную «двухлѣтнюю службу и сильную осаду, мною выдержанную: Боже помо«луй меня!*»

(475) *Латух. Степ. Кн.*: «Мих. Бутурлинъ, собрався съ ворами, и «пріиде подъ градъ Колугу, и нача приступати. Въ томъ же градѣ си«дѣлъ Ив. Ив. Годуновъ, за нимъ убо бысть Ирина Никитична Рома«новыхъ, Ѳеодора Никитича сестра. Егдаже градъ взяша и Болярина «Ив. Годунова съ башни свергоша, людей же многихъ посѣкоша, а имѣ«нія ихъ разграбиша. Но еще Бояринъ Ив. Годуновъ живъ бысть и о «немъ возвѣщено бысть Мих. Бутурлину. Онъ же повелѣ его на Оку «рѣку привести и въ воду посадити; егдаже приведоша и въ воду его «ввергоша, тогда онъ за край струга удержася. Михайло же, вынявъ «саблю, и отсѣче ему руки и потопи его въ водѣ. И тако скончася му«ченически, но къ совѣтникомъ *Ростригинымъ* не приложися. Жена же «его Ирина Никитична, горько по немъ плакася, но отъ убійства ихъ «свободна бысть. А Михайла Бутурлина порази духъ непріязненный «лютъ зѣло, и пребысть тако до кончины своея». Въ сей *Степ. Книгѣ* смерть Ив. Ив. Годунова, описаная съ такими подробностями, отнесена къ временамъ Разстриги, что несправедливо: ибо тогда онъ находился не въ Калугѣ, а въ войскѣ Ѳеодора Борисовича подъ Кромами и взятъ въ плѣнъ (См. сей *Исторіи* Т. XI, 184); потомъ оставался въ званіи Окольничаго при Разстригѣ и Царѣ Василіи, и только въ 1610 году исключенъ изъ Послужнаго Списка Бояръ, гдѣ сказано: «*убитъ въ Колугѣ отъ вора*». См. *Др. Рос. Вивл.* XX, 84.

Беръ говоритъ, что Гансбергъ (объ немъ сказано и въ прим. 125) и Теннирсъ фонъ Виссенъ, «оставили на дорогѣ Боярина Ив. Ив. Году«нова, мужа *добраго и благочестиваго*, котораго Димитрій Второй утопилъ «въ Калугѣ».

(476) См. Бера.

(477) *The Russian Impostor*, 167: «Demetrius his Letters read «publikely did extremely foment their Seditions. but the presence and «carriage of Marina transported them beyond all bounds» — Кобѣрж. 154: «Rediturum se ad exercitum significabat, si novo iterum se Poloni «obstringerent sacramento, deque Moschis, qui fidem datam fefellis«sent, sumerent supplicium». Видек.: «amplissima praemia promittebant». *Льв. Лѣт.* 244: «обѣщевая имъ великое награжденіе».

(478) См. Бера. Онъ именуетъ Казимирскаго *прямымъ Вертумномъ*, который съ Русскими былъ Русскій, съ Поляками Полякъ. А Кобѣржицкій говоритъ о немъ: «notum per seditiones nomen». Вожди Польскіе въ Тушинѣ принуждены были грозить ему смертною казнію.

(479) Кобѣрж. 199.

(480) О семъ поступкѣ Марины см. въ Кобѣрж. 201, въ Видекинд. 125, въ *The Russ. Impostor*. 168, въ Нѣмцев. 419.—Два первые говорятъ: «faemina ingens animi, vasti animi».

(481) Двѣ тысячи, по словамъ Кобѣржицкаго (стр. 202). Въ *The Russ. Impostor* также: «They fought, and two thousand fell in that «Conflict on both sides». Но Беръ пишетъ, что къ Димитрію пристало только 500 Козаковъ, изъ числа коихъ многіе были побиты догнавшими ихъ Поляками.

(482) Беръ утверждаетъ, что 13 Генваря Самозванецъ получилъ въ Калугѣ извѣстіе отъ Марины, уже прибывшей изъ Тушина въ Дмитровъ. Сіе несогласно съ другими достовѣрнѣйшими показаніями. 1) Письмо, оставленное ею въ Калугѣ, (см. ниже, прим. 483) отъ 16 Февраля (по Стар. Ст. 6 Февр.): см. Нѣмцев. 421. — 2) Рожинскій, увѣдомляя Сигизмунда письмомъ отъ 27 Февраля о побѣгѣ Марины, говоритъ, что оный послѣдовалъ со Вторника на Среду (см. Нѣмц. 397). Первая предъ 27 числомъ Среда была 11 Февраля по Стар. Ст. И такъ Марина бѣжала съ $\frac{10}{20}$ на $\frac{11}{21}$ число; письмо могло быть ею приготовлено за нѣсколько до того дней ($\frac{6}{16}$ Февр.). — 3) Въ Дневникѣ Сапѣги (см. *Zyc. J. P. Sapiehi*, 238) сказано, что она прибыла въ станъ его 26 Февр. (16 по Стар. Стилю).

(483) Сіе письмо помѣщено вполнѣ въ *Hist. Vlad.* Кобѣржицкаго на стр. 203, и въ *Zyc. J. P. Sapiehi*, на стр. 234, а въ Нѣмцев. (стр. 421) и въ *The Russ. Impost.* (стр. 169) сокращенно. Представляемъ выписку: «Maryna z Wielkich Konczyc..... Niemogę już sobie okrutną «więcey być, abym to podeptać, i na to spuścić miała, i o to niedbać, «co nad wszystko samę cnotę ludzie miłuiący przekładaią, anim nad «bestie biedne nędznieysza, aby jeśli nie z natury trwożliwey y biało-«głowskiey, wżdy rozumiem w całey nadziei i obronie Boskiey ostawszy, «ostatecznego nieszczęścia i obelżenia mnie i stanu mego, od tych «samych którym by opieka o mnie i obrona powinnie należała, uchra-«niaćsie i o sobie radzić nie miała. Żalu pełne serce, że i na sławę ucz-«ciwą i dostoyność od Boga daną następuja! z niepoczciwemi mnie rów-«nali na posiedzeniach, i na bankietach swoich przy kuflu i trunkach «wspominali!... Nie da Bog, aby kto mną w prywacie swey targować «miał obelżywie, mnie i stan móy, przysługowawszy sie, zdradziecko «wydając, tam przemyślawając wywieść mial, i temu oddać (т. е. Си-«гизмунду) który jako do mnie tak i do Państwa tego żadnego prawa «i sprawiedliwości niema... Teraz bez rodziców, powinnych i bez krwie «i bez przyjaciela i opieki zostawszy, w żalu i utrapieniu moim Bogu «sie cało oddawszy, do małżonka mego, niewolą przyciśnioną, ujeżdżać «muszę, abym i przysięgę nienaruszoną i sławę i całą zachowała, i w «pokoju wżdy kiedy pomieszkać i wychanąć w żalu moim, mogła od «Boga samego opiekuna niewinności i sprawiedliwości dekretu i rezo-«lucyi prędszey czekając, z tym się tedy Bogu mojemu oświadczam, «iż jako dla obrony sławy, uczciwości dostoynosce przy prawie moim obsta-«wam, gdyż będąc Panią Narodow, Carową Moskiewską, wracać się «do stanu Szlachcianki Polskiey i znowu poddanką być nie mogę, tak «dla dobra Rycerstwa tego, które cnotę i sławę miłując na przysięgę «pomni, odjeżdżam».

(484) Тишкѣвича. Въ *The Rus. Impostor*, 170: «Neither would «they any more be Commanded by him, but chusing one Tiskevicius «for their General, prepare to follow Demetrius their old Lord».

Объ укоризнахъ мятежниковъ Рожинскому см. Кобѣрж. 297, Нѣмц. 422, и *The Russian Impostor*, 170.

(485) Въ письмѣ 27 Февр. (см. выше, прим. 482.): «Woysko się «bardzo buntuje, nie będzieli na zamierzony kres wiadomości jakiey, «którąby się mogło kontentować Rycerstwo, trudno go będzie hamowac... «Bojarowie ci, którzy z nami z Patryarchą zostali, nie smakuja sobie, «że żadnego pisania od W. K. Mci nie mieli, i tych dobrze pocieszyć, «stalszymi będą w zamysłach swoich.»

(486) См. выше, стран. 37.

Имена нѣкоторыхъ Русскихъ Тушинскихъ Пословъ исчислены въ Грамотѣ Короля, отъ 21 Сент. 1610, о награжденіи ихъ домами въ Москвѣ и помѣстными окладами (см. *Собр. Гос. Гр.* II, 451): «Бояре, «Окольничіе, Дворяня и Дьяки наши: Мих. Глѣб. Салтыковъ съ сыномъ «своимъ Иваномъ, К. Вас. Мосальской, К. Юрьи Хворостининъ, Ми«кита Вельяминовъ, Михайло Молчановъ, К. Ѳед. Мещерской, Тимоѳ. «Грязной, Левъ Плещѣевъ, Иванъ Грамотинъ, Ѳед. Андроновъ, Иванъ «Чичеринъ, Степ. Соловетцкой, Овдокимъ Витовтовъ, Ѳед. Опраксинъ, «Вас. Юрьевъ и всѣ, которые пріѣхали къ наш. Кор. Вел. и почали «служити прежъ всѣхъ... и втѣпоры, какъ они пріѣхали до насъ... подъ «Смоленскъ, Кн. Вас. Шуйской... дворы ихъ на Москвѣ разорилъ до «основанья,» и пр. Изъ нихъ Ѳ. Андронова именуетъ Б. Каменскій *Печатникомъ и Думнымъ Посольскимъ Дьякомъ* въ своемъ *Собр. Дипл. Дѣл* стран. 405. (Сигизмундъ въ 1611 году называлъ Андронова Боярином и Казначеемъ. См. *Собр. Гос Грам.* II, 543).

См. также *Ник. Лет.* 128 и *Лат. Ст. Книгу.*

(487) М. Салтыковъ, отправленный Посломъ въ Польшу отъ Царя Бориса, видѣлъ тамъ Владислава, еще семилѣтняго. См. сей *Исторіи*, Т. XI, 39.

Всѣ сіи рѣчи и отвѣтъ Канцлера Сапѣгина находятся въ Кобѣржицкомъ (стр. 163 и дал.), по словамъ коего К. Вас. Масальскій смѣнилъ Ивана Салтыкова (velut ex cond; cto juvit), а послѣ говорилъ Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ (Johannes *Parasovicius* См. *Гос. Гр.* II, 480.

(488) «Quia gens ut coelo, ita moribus asperior, hospitibus ini«mica, externorumque impatiens,» etc. См. Кобѣрж. 175.—Нѣмцев. 407 и 408.

(489) Нѣмцев. 409: «Nieszło u nich o swobody i prawa: cała «usiłność obrocona, by Krolewic wyrzekłsię Wiary Rz. Katolickiey, «był przez Patryarchę koronowanem, utrzymywał i pomnażał mona«stery i cerkwie Świętych. Ztaką zaciętością, mówi Kobierzycki,... iż «zdawałosie, że nie tylko duszne zbawienie, lecz jakaś słodycz i roskosz «w nich znaydowali».

(490) *Собр. Гос. Грам.* II, 441: «Присягалъ Король Боярину Мих. «Глѣб. Салтыкову съ товарыщи... что будучи Королевичю на Государ«ствѣ нашіе истинные православные Крестьянскіе вѣры не разорять, и «городовъ отъ Москов. Государства не отводить, и помѣстей и вотчинъ «и дворовъ и животовъ у насъ не отымати, и безъ сыску ни надъ «кѣмъ никакова дурна не учинити». (Въ окружн. Грам. Кн. Ѳ. И. Мстиславскаго и Бояръ, управлявшихъ съ нимъ Государствомъ, отъ 4 Сент.).

(491) Въ принадлежавшемъ А. И. Ермолаеву спискѣ съ Грамоты Москов. Бояръ въ Казань, 30 Августа 118 (1610) года: «Мы Бояре... «приговорили и укрѣпили и крестъ съ обѣ стороны цѣловали, и пр... на «томъ, что намъ служити и прямити Царю своему Владиславу Короле«вичю и его дѣтемъ, коихъ ему Государю впредь Богъ дастъ, а мимо «его изъ Москов. Государства и изъ иныхъ Государствъ на Москов. Го«сударство никого не хотѣти».

Въ *D. P. Z. III.* (Т. II, 410) помѣщена слѣдующая форма присяги, данной Послами: «Я (имярекъ) цѣлую сей Святый Животворя-«щій крестъ Государю моему Царю и Вел. Князю Владиславу Жиги-«монтовичу всея Русіи на томъ, что долженъ ему Государю своему «вѣрою и правдою служить и прямить и во всемъ добра желать, а къ «Шуйскому и къ тому вору, что именуетъ себя Царевичемъ Димитріемъ, «не приставать и никакого иного Государя на Москов. Государство не «желать, кромѣ Государя нашего Ц. и В. Кн. Владислава Жигимонто-«вича; а пока намъ Господь Богъ не дастъ на Москов. Государство. «обязуюсь служить и прямить и во всемъ добра желать отцу его, Госуд. «нашему, нынѣшнему Наияснѣйшему Королю Польскому, В. К. Лит. «Жигимонту Ивзновичу», и пр.

(492) См. сіе письмо въ *D. P. Z. III*, Т. II, въ примѣчаніи подъ No X: «Co się tknie samego miasta stołecznego Moskwy, i tam snadź «wielkie rozerwanie i częste bywają tumulty, dla tego iż między Sko-«pinem Szuyskim a teraznieyszym Wasiliem, co sobie regiment uzur-«pował, wielkie emulacye, a wszakże i tam wiele ich, lubo po cichu «do nas i do syna naszego nayduje się skłonnych... W tych tedy szczesliwych za łaską i miłosierdziem Bożym powodzenia naszego «początkach łacno Uprz. W. baczyć możesz, jaką się ściele druga «zamieszaniną jednych, a życzliwością drugich ku nam, do pomno-«żenia sławy Rycerstwa naszego i rozszerzania granic Rzpltéy, a zgoła «o opowania całey téy Monarchii Moskiewskiey, ieśli czego sam tylko «deficit skarbu i dostatków naszych nie rozwiedzie.» Писано $^{2}/_{13}$ Марта.

(493) «Prae gaudio erumpentibus manantibusque lacrimis.» Кобѣрж. 181.

(494) Кобѣржицкій говоритъ, что отъ сихъ городовъ прибыло къ Сигизмунду 16 Бояръ, изъ коихъ главные были: Князь Leoncius Jackovius и Гаврило Хрипуновъ.

(495) См. Кобѣрж. и Нѣмцев. — Въ отвѣтѣ Королевскомъ сказано: «lubo mniemany Dymitr nie godzien ni łaski, ni wiary.».

(496) Рожинскій въ письмѣ къ Королю (см. выше, прим. 482): «zbłądziła i do Dymitrowa zajechawszy, do tego czasu tam mieszka.»

(497) Слова, приводимыя Беромъ: «Прилично ли мнѣ, Царицѣ всея «Русіи, явиться тамъ въ видѣ презрительномъ? Я готова раздѣлять съ «мужемъ все, что Богъ ни пошлетъ ему». Она выѣхала въ Калугу верхомъ, въ красномъ бархатномъ Польскомъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, вооруженная пистолетами и саблею. Сапѣга далъ ей всѣхъ Нѣмцевъ, которые при немъ находились, и 50 Козаковъ. Съ тѣхъ поръ она учредила при себѣ придворный штатъ изъ Нѣмокъ.

(498) См. Нѣмцев. 424, и Нарушев. 298. Мятежники назначали себѣ въ грабежъ имѣнія Литов. Марш. Дорогостайскаго, Канцлера Сапѣги и Князя Збараскаго, какъ вредныхъ Королевскихъ совѣтниковъ.

(499) 5 ротъ (vexilla) Полков. Линка, 2 роты Поссе и Кваренгема, 600 чел. изъ Нарвы, и 700 изъ Выборга подъ начальствомъ Петра Дела Вилля, еще 300 Шведовъ и 2 роты (signa) Французовъ. См. Видек. 118.— А Далинъ въ *Gesch. des Reich. Schweden:* «Nachdem de la Gardie «den 17 Jenner aus Schweden eine Verstärkung von etwas über 3000 Mann unter welchen genug ungleiche Nationen, Nordländische Schnee-«Läufer und zwo Fahnen Franzosen, waren, erhalten hatte, so» etc.

(500) *Розр. Кн.:* «Тоежъ зимы послалъ К. Мих. Вас. въ Ростовъ «Воеводу Кн. Ивана Хованскаго да К. Якова Борятинскаго. А изъ «Ростова велѣно итти къ Кашину, да ко Твери.»—Въ *Ник. Лѣт.* 130: «Посла К. Мих. Васильевичь изъ Слободы К. Ив. Андр. Хованскаго

«противъ Нѣмецкихъ людей; К. Иванъ же сшолся съ Нѣмецк. людьми «съ Воеводою съ Ивелгоромъ подъ Старицею.».

(501) См. объ немъ выше, стран. 178.—Въ *Розр. Кн.*: «Да съ пѣ«шими людьми съ огненнымъ боемъ Воеводу Григорья Волуева, и онъ «пришолъ, Сопегу изъ Дмитрева выбили.»—Въ Авр. Пал. 178: «Мѣсяца «Генв. въ 4 день, въ 4 часъ нощи, пріиде изъ Слободы Александровы «отъ К. Мих. Вас. въ Троиц. Серг. монастырь Воевода Григ. Волуевъ, «а съ нимъ избранныхъ вой 500 муж. храбрыхъ и вси во оружіи: сіи бо «пріидоша извѣдатися съ Литов. людьми, и съ Руск. измѣнники и войско «ихъ смѣсити. Егда же освѣтающу дни, и совокупльшеся съ Давыдомъ «(Жеребцовымъ) и съ Троицкими сидѣльцы храбріи они воини изъ града «исходятъ храбрски, и наглѣ нападаютъ на Польскіе и Литовскіе роты, «и втопташа ихъ въ Сопѣгины таборы и станища ихъ около таборъ «зажгоша, и милостію Пребезн. Троицы Литов. людей многихъ побили, «и языки поимали; Сопѣга жъ и Лисовской со всѣми полки своими «исшедше противу ихъ, и бысть имъ бой великъ на Клементьевскомъ «полѣ, и на Келаревѣ прудѣ, и на Волкушѣ, и на Красной горѣ, и «много бившеся, и многи отъ обою страну пивше смертную чашу, мно«жайше жъ сугубо погибе полку еретическаго. и разыдошася обои, и «день той препроводивше, во Обители Чудотворца сотворше заповѣ«данное ими, паки возвратишася ко К. Мих. Вас., на Польскихъ же я «Литов. людей и Руск. измѣнниковъ тогда страхъ великъ нападе, и въ «недоумѣніи быша, яко же оставшіи по нихъ сказаша.»

(502) Остатки тридцати-тысячнаго воинства. См. выше, стран. 99.

(503) Авраам. Пал. 179 и дал.: «Генваря во 12 день Гетманъ Са«пѣга и Лисовской со всѣми полки... побѣгоша къ Дмитрову никимъ же «гоними, но десницею Божіею; толикожъ ужасно бѣжаша, яко и другъ «друга неждуще, и запасы своя мещуще, и велико богатство мнози по «нихъ на путехъ обрѣтаху не отъ худыхъ вещей, но и отъ злата и «сребра, и драгихъ портъ и коней.»

Видек. 119: «Ille (De la Gardie) XI die Januarii Sapieham tandem «diuturnam solvere obsidionem coëgit, repertique castra omni rerum «supellectile in longius tempus provisa, et inter illam nonnulla immanis «magnitudinis tormenta.»

(504) Авр. Пал. 180: «По отшествіи же сыновъ беззаконныхъ, пре«ждавше осмь дней, посылается отъ Обители Чудотворца къ царствую«щему граду къ Государю Старецъ Макарей Куровской со Святою водою «Генваря въ 20 день... Егда же и К. Михаилъ, не мало время преми«нувъ, пріиди изъ Слободы въ домъ Чудотв. Сергія со всѣмъ воинствомъ «съ Рускими людьми и съ Нѣмцы, и все воинство отъ тѣхъ малыхъ «останковъ довольствовашеся: такожде и весь скотъ свой отъ житницъ «же Чудотворца питаху довольнѣ, и по отшествіи его, и всего воинства «многимъ препитаніе бысть.»

Видек. 119: «Jacobum... ut liberatorem suum suspiciebant venera«banturque et aliquot millibus rublorum donabant.»

Ник. Лѣт. 130 «Бояр К. Мих. Вас. изъ Слободы поиде въ Троицк. «монастырь, Архимаритъ же и братья его встрѣтиша; онъ же ста въ «Троицк. монастырѣ.»

(505) Видекиндъ пишетъ, что за войскомъ Шведскимъ шло 4000 человѣкъ, частію изъ Нордботніи, частію изъ сѣверныхъ областей Россіи. Они имѣли лыжи въ 5 футовъ длиною, а шириною въ одинъ, и съ неимовѣрною быстротою ходили по замерзшимъ снѣгамъ на непріятеля, который не могъ противъ нихъ употребить ни конницы, ни пѣхоты.—О сраженіи подъ Дмитровымъ онъ говоритъ (стр. 121): «nec Moschorum,

«qui tunc intererant praelio, virtus defecit;» но жалуется, что Русскіе, опасаясь будтобы возвращенія непріятелей, сожгли оставленный Сапѣгою станъ. Сіе сраженіе происходило по словамъ его $^{6}/_{16}$ Февраля, а по Дневн. запискѣ Сапѣги (см. *Zycie J. P. Sapiegi*, 239) въ первыхъ числахъ Марта.

(506) «Uczynił ten krok Sapieha zmownie z Królem, który nie «chciał przygnieść do ostatka Samozwańca przez bojaźń, by trzy- «maiące z nim grody i prowincye nie poddały się Szuyskiemu.» (Нѣмцев. 424).

(507) См. выше, стран. 209, и прим. 500.

Въ Видекиндѣ: отступленіе Сапѣги къ Іосифову монастырю, стран. 127; къ Ржеву, стран. 145; прибытіе Горна въ Зубцовъ, стр. 146: приступъ къ Бѣлой, стр. 151.

Ник. Лѣт. 130: «И Старицу взяша; а изъ подъ Старицы пошли «подъ Ржеву, и пришедъ Ржеву взяша; а изъ подъ Ржову поидоша подъ «Бѣлую.» Тоже въ *Латух. Сп. Книгь.*

По словамъ Кобѣржицкаго (245) Русскіе вожди Хованскій и Борятинскій (Chouuacius et Boratinius), идучи къ Бѣлой, имѣли 4500 пѣшихъ и конныхъ воиновъ, а Горнъ 2500 Англичанъ и Французовъ, не считая шедшей за ними толпы крестьянъ. Поляки свѣдали о семъ отъ двухъ плѣнныхъ Англичанъ.—*The Russ. Impostor*, 173.

(508) См. Кобѣрж. 217, Нарушев. 299, Нѣмцев. 425.—Въ *Латух. Степ. Кн.* «Въ тоже время Ружинской и Русскіе воры, услышавше К. «Михайловъ приходъ и Куракина во Дмитровѣ бой, и отъ Москвы «Литва и воры побѣжаша, а иніи въ Москву пріидоша, и иніи въ Ту- «шино (?), а иніи подъ Смоленскъ къ Королю побѣгоша: Ростовскаго же «Митрополита Филарета Никитича съ собою взяша, а Тверскій Архіе- «пископъ Ѳеоктистъ изъ Тушина хотѣлъ убѣжать къ Москвѣ, егоже «Литва и воры убиша.»—*Никон. Лѣт.* 131: «Литов. люди и Русскіе воры «отъ Москвы поидоша прочь съ великимъ страхованіемъ, а иные Русскіе «люди поидоша по городомъ, а иные къ Москвѣ, а Ѳилар. Ник. Ростов- «скаго Митрополита взяша въ плѣнъ, повезоша съ собою съ великою «крѣпостію, и отшедъ сташа въ Осиѳовѣ монастырѣ».

Беръ: «Между тѣмъ поляки грабили и разоряли во всей окрестности «и оставили сіе мѣсто совершенно опустошеннымъ.»

Авраам. Палицынъ (стр. 201) говоритъ, что когда Сапѣга принужденъ былъ бѣжать отъ Лавры, то въ станѣ Тушинскомъ было великое смя- теніе: «Вси поляки вкупѣ начаша сѣщи Руск. измѣнниковъ, кои въ «Тушинѣ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, и Стрѣльцовъ и Козаковъ и «всякую чернь... Мнози же прибѣгше раненыя къ царств. граду съ кров- «ными слезами, просиша изрученія прочимъ: и не бысть избавляющаго, «и не бѣ никтоже помогая. И тако поидоша къ Смоленску стояти и по «инымъ градомъ воевати.»

(509) 8 Апрѣля Нов. Ст. (Нарушев. 300).—*Ник. Лѣт.* 131: «Гри- «горей же (Волуевъ) приде къ Осиѳову монастырю, и Литовскіе люди «изъ Осиѳова поидоша; онъ же соиде ихъ на дорогѣ и Литовскихъ людей «побилъ, и Ѳилярета Никитича отполонилъ, а самъ поидоша къ Москвѣ.»

Видекиндъ о взятіи Іосифова монастыря (Osipovia), и объ освобожденіи Филарета, стран. 149.

(510) Кобѣрж.: «Vir militiae strenuus ac bellicâ laude praeclarus.»—Нѣмц. «którego męstwo jedna tylko popędliwość przyćmiła.»

(511) Беръ пишетъ, что Сапѣга, отступивъ отъ Дмитрова и занявъ Іосифовъ монастырь, самъ отправился къ Королю въ Смоленскъ, и около Праздника Пасхи возвратился оттуда назадъ къ войску, стоявшему

симою вдоль рѣки Угры, въ мѣстѣ обильномъ стадами и хлѣбомъ, гдѣ еще не было военныхъ дѣйствій.—Сіе согласно съ *Дневн. записк.* Сапѣги. (См. его *Жизнеописаніе*, стр. 241).—Рукоп. Филарета: «Другія же «Полковницы и Ротмистры поидоша... иодъ воеводствомъ Пана Са«пѣги.»—Устье рѣки Угры въ 7 верстахъ отъ города Калуги. См. *Больт. Черт.* 184.—Кобѣрж. 219. «Caeteris Calugam contendentibus non leve «addidere robur J. Sapiehae legiones.»

(512) По словамъ Бера, Лисовскій держался цѣлую зиму въ Суздалѣ, откуда пошелъ въ Маѣ 1610 на Псковъ. Тамошніе измѣнники приняли его съ радостію. *Ник. Лът.* 145: «Лисовскому Полковнику, а «съ нимъ измѣнникомъ Ондрею Просовецкому съ товарищи, пришед«шимъ въ Колязинъ монастырь, и Коляз. мон. бысть въ осадѣ. Вое«вода жъ у нихъ бяше Дав. Жеребцовъ и бился съ ними крѣпко, и «Коляз. монастырь взяша взятьемъ и многоцѣлебныя Чюдотворца Ма«карія Колязинскаго (мощи) изъ раки сребряные повергоша на землю «и раку разсѣкоша; Воевода жъ Дав. Жеребцова и Игумена братью и «всѣхъ людей побиша и всю казну монастырскую поимаша и мона«стырь выжгоша... Тойже злодѣй Ондр. Просовецкой съ казаками поиде «войною, и быша подъ Иваномъ городомъ и подо Псковымъ, и тута съ «Литов. людьми разошлись.»

(513) *Ник. Лът.* 131: «К. Мих. Вас. III. поиде изъ Троиц. мона«стыря къ Москвѣ и пріиде подъ Москву. Царь же Василей повелѣ «его встрѣтить и Нѣмецк. Воеводу Якова Пунтусова съ товарищи; «Московскіе жъ люди, видя его приходъ къ Москвѣ, и воздаша ему «велію честь, встрѣтоша его честно: (*Столяр.*: «за Деревяннымъ горо«домъ по Ярославской дорогѣ») и биша ему челомъ, что онъ очистилъ «Москов. Государство, и пріиде ко Царю Василью. Царь же В. его «пожаловалъ, а мнѣніе на него нача держати по пріѣздѣ Резанскомъ, и »видѣлъ, что Москов. люди ему воздали честь великую и били ему че«ломъ со слезами. Нѣмецкаго жъ Воеводу Як. Пунт. и Нѣмец. людей «пожаловалъ Государь своимъ великимъ жалованьемъ».

Видек. 130; «12 die Martii... magnifice triumphantis ad instar «ingreditur. Advenientibus processêre obviam Nobiles, portisque emnis «aetatis ac sexus effusa multitudo, more patrio salem panemque affe«rens, hunc (Scopinum) *Patrem Patriae*, illum (De la Gardie) asser«torem publicae libertatis appellabant... Basilius Suischius, prae gaudio «ernmpentibus lachrimis, testabatur animi candorem, qui... tunc certe «sincerus apparuit».

(514) Аврам. Палиц. 203. «Отъ всего града царствующаго Москвы «яко Давидъ со юноши паче Саула прославляется». Видекиндъ о пирахъ въ Москвѣ, стр. 131. *Псков. Лът.* 39: «И срѣтоша его народъ съ «великою честію и яде (съ) Царемъ, и возвеселися, и дары многи и «честны отъ него пріятъ»

(515) Аврам. Палиц. 203: «Храбрый же той мужъ отъ многихъ «молимь бѣяше, дабы шелъ изгубити пути нечестивыхъ, и дабы не «престалъ отгоняти волки отъ стада Христова. Онъ же Царя яко «Исаакъ послушаше отца своего Авраама, и приходитъ цѣловати лице, «о немъ же многъ трудъ и борбы подъятъ».

(516) Тамъ же: «Неувяжемый удъ въ человѣцѣхъ — бѣсящійся «языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся: съ клятвою подхо«дятъ въ тайныхъ думѣхъ Самодержца, яко вся земля Россійская по«читаетъ К. Михаила паче тебе, великій Царю, еще же и скипетро«носца хотятъ его видѣти».

(517) *Псков. Лѣт.* л. 38 на обор.: «Слышаху бо тіи завистницы «дядья его въ народѣ глаголюще, яко достоитъ сицевый Князь сильный «и храбрый мужъ быти Царемъ, яко избави насъ отъ нашествія Ла«тынъ и градъ нашъ освободи отъ обстоянія и отъ глада». Тамъ же: «Позавидѣша... яко же Саулъ Давиду пастырю сущу, и уби Голіаѳа, и «пояху Саулу дѣвицы въ тысящахъ побѣду, а Давиду во тмахъ». См. также въ Аврам. Палиц., или выше, въ прим. 514.

(518) Въ *A Brief History of Moscovia, by Milton, Lond.* 1682, pag. 63: «And is said to have consulted vith Witches of the Samoeds, «Lappians and Tartarians, about the came fears; and being warn'd of «one *Michalowich,* to have put to death three of that name; yet a «fourth was reserv'd by fate to succeed him; being then a Youth «attendant in the Court, one of those that held the golden Aves, and «least suspected«. — Pag. 67: «And with *Boris Iacin* another great «Souldier of that Contrey fall into consultation about the choice of «an Emperour, and chose at last *Michalowich,* or *Michael Phcodo«rowich,* the fatal Youth, whose name *Shusky* so fear'd».

The Russ. Impostor 203: «And his nature by frequent practises «being hardened in cruelty, he caused three of his most faithful Ser«vants and Friends to be made away, only because their names were «*Michael;* for he had been told by his Soothsayers, that one of that «name should Succeed him in the Empire (which proved true, for all «his barbarous precaution) which wurried him upon doing these horrid «things that hardly any Story can parrallel».

(519) См. *Дипл. Собр. дѣл* Б. Каменскаго, стран. 391.—Въ *Зерцалѣ Рос. Гос.* Мальгина сказано, что Царь Вас. Іоан. имѣлъ двухъ дочерей, Анну и Марію, скончавшихся въ младенчествѣ.

(520) *Хронографъ Ключарева:* «Воевода сердца не храбраго, но жен«ствующими обложенъ вещьми, иже красоту и пищу любящій, а не «луки натягать и копія приправлять хотящій».

(521) *Псков. лѣт.* л. 38: «И сему Князю Михаилу позавидѣша три «братія, его дядья, его славѣ, и чести, и храбрству, и мужеству... и «оклеветаша Царю, глаголюще: слышахомъ, Царю, яко племянникъ «нашъ хощетъ Царемъ быти въ тебе мѣсто».

Ник. Лѣт. 132: «Дядья жь Князь Михаиловы, К. Дмитрей Ивано«вичь Шуйской со Княгинею, великую держаху на Князь Михаила «рень; чаяху, что онъ подъискиваетъ подъ Царемъ Василіемъ Царства: «а про то убо и всей земли вѣдомо всѣмъ людемъ, что того и въ «умѣ не было».

Видек. 136: «(Demetrius) ausus objicere affectati imperii ambi«tionem, et quod propriâ authoritate Regi Sveciae castella ditio«nesque et militibus feuda tribuisset». О сдачѣ Кекгольма, см. выше. прим. 406.

(522) Видек. 136: «Corripuit primum verbis Magnus Dux hanc «calumniandi intemperantiam, baculo que abegit delatorem; hinc misit, «qui Scopinum rectà ad palatium deducerent, ubi clementi ac ad «hilaretatem composito vultu exceptus, laudatusque ob insignem ope«ram... coramque incusatus, quod contra propinqui sanguinis jura... «auderet acceptare destinantis sibi populi imperii vota. Scopinus fre«tus conscientia fideliter rerum gestarum paululum confidentius res«pondit, nunquam animo suo obrepsisse tam praeposteram consequendi «imperii spem; caeterum, si vel fessos calamitatibus populos vel impe«ditos hactenus armorum progressus et invidiam procerum spectaret, «facile se ominari posse, impendentem toti Moschoviae ruinam. Dis«simulavit Suischius hanc fiduciam animi, hunc audacem patruelis sui

«sermonem ac per aliquot dies alto corde pressit indignationem; inte-«rim commisit ei et duobus aliis Senatoribus negotium deliberandi cum «Jacobo de la Gardie». etc.

(523) *Ник. Лът.* 132: «По приходѣ жь К. Мих. Васильевича на-«чаша нарежатися итти подъ Смоленскъ, и Яковъ ему Пунтусовъ гово-«рилъ безпрестани, чтобъ онъ шолъ съ Москвы, видя на него на Москвѣ «ненависть».

(524): *Псков. Лът.* 49: «Не по мнозѣ жъ времени сотвориша пиръ «дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства. И призваша, «и ядоша и пиша. Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, «яко же древняя змія льстива подоиде Княгиня Дмитрѣева Шуйского «*Христина* Малютина дочь Скуратова... сестра Борисовы жены Году-«новы, иже отравою окорми праведнаго Царя Ѳеодора и храбраго мужа,... «яко медъ на языцѣ ношаше, а въ сердцы мечь скова и... пріиде къ нему «съ лестію, нося чашу меду со отравою; онъ же незлобивый, не чая «въ ней злаго совѣта по родству, вземь чашу, испитъ ю. Въ томъ часѣ «начатъ сердце его терзати, вземше его свои ему принесоша и въ домъ. «И призва отца своего духовнаго, и исповѣда ему вся согрѣшенія, и «причастився Божественныхъ Таинъ Христовыхъ, и предастъ духъ свой «Господеви».

Ник. Лът. 132: «По малѣ жь времени грѣхъ ради нашихъ К. Мих. «Вас. впаде въ тяжекъ недугъ и бысть болѣзнь его зла, безпристани «бо идяше кровь изъ носа. Онъ же сподобися покаянію и причастися «Божеств. Таинъ... и соборовася масломъ, и предаде духъ свой, отъиде «отъ суетнаго житія своего въ вѣчный покой... Мнози же на Москвѣ «говоряху то, что испортила его тетка его Княгиня Катерина Князь «Дмитреева Шуйскаго».

О днѣ смерти его см. Видек. 339, и *Древн. Рос. Вивліов.* (XI, 232), въ которой помѣщена слѣдующая выписка изъ панихидной книжицы Архангельскаго собора: «Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ Царя «и Вел. Кн. Василья Іоанновича всея Руссіи племенникъ Кн. Михайло «Шуйскій-Скопинъ, по Государеву указу, а по своему храброму разуму, «Божіею помощію надъ враги Польскими и Литовскими людьми и Рус-«кими измѣнники, которые хотѣли разорить Государство Московское и «Вѣру Христіанскую попрать, явно показавъ преславную побѣду, пріиде «къ Москвѣ, Божіимъ судомъ представися въ лѣто 7118 (1610), Апрѣля «въ двадцать третій день, на память Великомученика Георгія, въ по-слѣдній часъ ночи».

Рук. Филар.: «Разболѣся... на крестинномъ пиру, *у К. Ив. Мих. «Воротынскаго, егда крести сына своего К. Алексѣя* (?), тако едва дойде «до монастырню пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изъ рта, и «пребысть похищеніе смертное».

Авр. Палиц. 203: «Грѣхъ же ради нашихъ по двою мѣсяцу при-«шествія его къ Москвѣ мало поболѣвъ, страшный юноша къ Гос-«поду отъиде».

(525) Видек. 139 и 140: «Clam sublatus veneno interiit... Hinc «suspicio rumorque per urbem sparsus, fraude Suischii periisse Sco-«pium... In authorem sceleris Demetrium Suischium maxime insurgere «caepit impetus indignantium... adeo ut vix a direptione aedium «ipsius se abstinuissent nisi ipse Mag. Dux Basilius vi manuque sua «tumultum quidem invadentium, sed animorum motum non com-«posuisset».

Беръ: «Благодарность Шуйскаго къ храброму Скопину оказалась «тѣмъ, что онъ велѣлъ его отравить ядомъ». — Также Нѣмцевича (стр. 432).

(526) Аврам. Пал. 203: «Не вѣмы убо, како рещи: Божій ли суд. «нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Единъ со- «здавый насъ се вѣсть. Но убо о таковомъ знаменитомъ человѣцѣ про- «плака вся земля неутѣшно, и горькаго того рыданія не моцно изгла- «голати днесь».

Ник. Лът. 132: «На Москвѣ же плачь бысть и стенаніе веліе, яко «уподобится тому плачу, како блаженные памяти по Царѣ Ѳеод. Ива- «новичѣ плакаху».

(527) *Ник. лът.* 132 «Царь же Василей повелѣ его погресть въ Со- «борѣ у Архангела Михаила, въ предѣлѣ у Рожества Іоанна Предтечи».— «*Стол.* Послѣ Велика дни вскорѣ».—К. Ѳ. Калайдовичь, въ письмѣ къ »Исторіографу отъ 3 Іюля 1824: Прахъ его покоится не между Цар- «скими памятниками, а въ особомъ придѣлѣ Усѣкновенія главы Іоанна «Предтечи» (такъ и въ Рукоп. Филарета). «Въ этомъ придѣлѣ, теперь «упраздненномъ, только и есть одна гробница Шуйскаго: она сложена «изъ кирпича (какъ и Царскія), не имѣетъ никакой надписи, и теперь «вся завалена обломками стараго иконостаса».

(528) Авр. Палиц. 203: «Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Эк- «торъ и Ахиллесъ; но не видѣша на себе попущаема стрѣлянія силы: «древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся .. нынѣ же и «горы основанія и стѣпы градовныя яко прахъ развѣваетъ; тогда же убо «сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды по- «стигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде «подъ землю».

Псков. Лът. 40: Мнози же народи, вѣрніи и невѣрніи, плакахуся «его смиренія и любве и милости къ малымъ и великимъ».

Хрон. Ключ.: «Бысть Воевода храбръ и мужественъ и добрымъ бла- «гоприятствомъ ко всему народу Рускому себе показа, скоро аки молніи «супостатныя полки обтече и вся овпохищныя волки люто устраши: па- «стырь бо звѣрогонитель бысть... во бранѣхъ лютъ, на враги стремле- «ніемъ зѣло искусенъ и ратнымъ непобѣдимъ». Кобѣрж. (стр. 226) пи- «шетъ о немъ тоже, что Видекиндъ. См. выше, прим. 376.

Рукоп. Филар.: «Сей же непобѣдимый Воевода... бяше красенъ ли- «цемъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренъ, пищелюбивъ бѣ и до- «бродѣтеленъ, никого же оскорби и никого презрѣ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ «полезная подавая».

(529) Аврам. Палиц. 197—201: «Той (Борисъ, первѣе взя изъ казны «Чудотворца Сергія взаймы на ратныхъ людей 15.400 рублевъ. По Бо- «рисѣ же... Григ. Отрепьевъ... по своему злому еретическомъ нраву... «30.000 руб... Потомъ же Царь Василей... взятъ изъ Обители первѣе «18.355 р.; второе же взя у Келаря Старца Аврамія Палицына въ осадѣ «на Москвѣ 1000 р., что была на Ананіевыхъ; паки же втретіе взя на «Москвѣ же во осадѣ 900 рубл. И всего взято бысть... 65.655 р... Аше «и благочестивъ сый Царь (Василій) и благовѣренъ, но обаче подстре- «каемъ нѣкіими небоящимися Бога, глаголю же Григорья Елизарова, Ва- «силья Явова, и поползеся яко человѣкъ... и воздаетъ злая за благая, «и напаяетъ вмѣста меда пелынью и забываетъ помошь и молитвы Чу- «дотворца, и оставшееся, чѣмъ строити домъ Чудотворца, по велицѣмъ «разореніи та вся расхищаетъ: присылаетъ бо во Обитель Живон. «Троицы Дьяка Семенку Самсонова... Аврамей же восходитъ ко Царю, и «многи слезы о семъ предъ нимъ пролія, возражая его отъ толика со- «вѣта и предлагаетъ предъ нимъ писаніе Архимарита Іасафа... Царь же «воздыханьми и плачевнымъ образомъ показуяся зѣло сѣтуя, дѣломъ же «не тако... Семенко же, по повелѣнію Самодержавнаго, дестальныхъ осад- «ныхъ сидѣльцовъ повелѣ всѣхъ грабить неповинно, не токмо мирскую

«чадъ и вдовъ, но и Иноковъ и Священныхъ чинъ, и останцы мона-«стырстіи и до послѣдняго плата, имъ же горькія слезы утираху... По «семъ же взятъ послѣднюю казну издавна старое сокровище, дачи Го-«сударей и Вел. Князей и Царей и Боляръ... сосуды златые и серебр-«ренные позлащены», и пр.—Видек. 141.

(530) *Хрон. Стол.* л. 551 на обор.: «А Нѣмецкіе Воеводы, Яковъ «Пунтусовъ, Ивергоръ, и всѣ Нѣмцы по К. Мих. Васильевичѣ плакали «жъ и тужили гораздо, что онъ къ нимъ былъ добръ и ласковъ».

(531) Отъ Петра Болотникова и Тушинск. Самозванца.

(532) *Ник. Лѣт.* 133.—*Лат. Ст. Кн.* «Слышавъ же о семъ Прокопіи Ляпуновъ, что К. Мих. Скопинъ скончался, и нача умышляти на «Царь В. І. злое свое коварствѳо. Посла къ вору въ Колугу и по инымъ «городамъ племянника своего Ѳеодора Ляпунова, чтобы помогали мстити «о смерти К. Мих. Вас. Скопина, будто по повелѣнію Цареву сродники «его уморили. Ѳеодоръ же пріиде въ Зараескъ». *Ник. Лѣт.* къ Николѣ «Зараскому».—Тамъ главная церковь Св. Николая) «къ Воеводѣ К. Дим. «Мих. Пожарскому, и дала ему письма отъ дяди своего Прокопія Ля-«пунова. К. Димитрій же къ совѣту тому не приложился, и письма тѣ «Ляпуновы посла въ Москвѣ, и безмотчанія Государь Царь прислалъ къ «нему на помощь Симеона Глѣбова да Голову Стрѣлецкаго Мих. Рчи-«нова съ ратнымъ людьми. Тоже услышавъ Прокопій Ляпуновъ, что при-«шли на помощь ратные люди въ Зараескъ и преста ссылаться съ во-«рами».—Въ бумагахъ, принадлежавшихъ покойному Исторіографу есть «любопытная выписка, сдѣланная К. Ѳ. Калайдовичемъ изъ находяща-«гося въ Зарайскѣ экземпляра напечатанной въ Москвѣ въ 1610 году «книги *Уставъ, сирѣчь око церковное*. Сей Уставъ былъ положенъ въ За-«райскую Соборную церковь Николая Чудотворца Княземъ Д. М. По-«жарскимъ и собственноручно имъ подписанъ киноварью по листамъ. При «ономъ сохранилось слѣдующее извѣстіе, писанное современнымъ почер-«комъ: «Лѣта 7118 (1610) году Февраля въ 8 день, при державѣ Гос. «Царя и В. К. Вас. Ив. всея Рос., въ царство ево въ 6 лѣто, и при «Св. Патр. Гермогенѣ Моск. и вс. Рос., святительства ево въ 6 лѣто, «былъ посланъ изъ царств. града Москвы въ Резанск. области къ ве-«лик. Чудотв. Николѣ въ Зарайской городъ Столникъ и Воевода К. Дм. «Мих. Пожарской... Въ тѣ поры многіе грады смутилися: Серпуховъ, и «Кошира, и Коломна, и во градѣ въ Зараскомъ смути была великая,.. «И Божіею милостію и помощію вел. Чуд. Николы Зараской городъ «устоялъ... И въ тѣ же лѣта 7119 (1610) году Декабря въ 1 день при-«слалъ врагъ богоотметникъ Исакъ Сунбуловъ съ товарищи многихъ «людей съ Михайлова города Черкасъ и Козаковъ и Татаръ подъ Зара-«ской городъ, плѣнити правосл. Христіанъ. И тѣ воры пришедъ къ остро-«гу Зарасково города, и остроѣ обманомъ взяли... Воевода К. Дм. Мих. «Пожарской съ невеликими людьми противъ ихъ изъ города вылѣзъ, и «помощію Вел. Чуд. Николы воровъ побили и языки поимали и изъ остро-«гу выбили вонъ, и градъ и остроѣ Никола Чудотворецъ невидимо со-«хранилъ. И въ тѣ поры Столн. и Воев. К. Дм. Мих. Пожарской об-«рекся дати къ вел. Чуд. Николѣ вкладу, и далъ въ храмъ Чуд. Николѣ «Протопопу Дмитрею съ братьею вкладу книгу глаголемую *Уставъ* печат-«ной... и за ево Бога молити и родителей его поминати и въ Сенаникъ на-«писати, а Богъ сошлетъ по ево душу, и ево тѣмъ же поминати, дон-«деже и градъ Св. Николы стоитъ (слѣдуетъ исчисленіе предковъ К. По-«жарскаго, или Помянникъ)». Описанное здѣсь происшествіе 1 Декабря «относится уже ко времени Междоцарствія (см. ниже прим. 553). На-«ходящійся же въ Зарайскомъ Соборѣ золотой гербъ (см. *Слов. Геогр. Рос. Гос.*, II, 581) пожалованъ Царемъ Вас. Іоан. вѣроятно въ память

«разсѣянія Тушинскаго стана: ибо въ надписи его изображено: «Лѣта 7118 *Іаннуарія 27 дня* Гос. Царь и Вел. К. В. І. всеи Русіи приложилъ къ «чудотворному образу велик. Чудотворца Зарайскаго какъ Богъ освобо- «дилъ *градъ его* отъ воровскихъ людей Чудотворцовою молитвою, и до- «били челомъ Государю».

(533) *Ник. Лют.* 124: «Въ то же время стоящу подъ Шацкимъ «Князь Васил. Ѳедор. Масальскому» (это былъ Литвиновъ-Мосальскій: см. «*Спис. Бояръ* и *Хрон Столяр.* л. 553) а съ воровскую сторону бывшу въ «Шацкомъ Князю Дмитр. Мамстрюковичу Черкаскому, Кн. Василья подъ «Шацкимъ побиша. Царь же Василей слыша и посла къ нему на по- «мощь Голову Ивана Мажарова, и Прокофей свѣдалъ то, что идетъ къ «Шацкому, и славъ, повелѣ Ивана переняти, и ихъ не пропустиша, «повелѣ имъ быти у себя».

(534) Беръ. Собственныя слова его: «Онъ (Ляпуновъ) подчинилъ себѣ «нѣсколько городовъ, велъ войну противъ Димитрія Втораго, Шуйскаго и «Короля Польскаго; называлъ себя Бѣлымъ Царемъ (Belozair) и увѣрялъ, «что стоитъ за Русскую Вѣру. Куда только приходило войско его, тамъ «не оставалось и травы въ полѣ».

Ник. Лът. 134: «Дума же у него большая на Царя Василья съ «Бояриномъ со Кн. Вас. Вас. Голицынымъ, и отъ Москвы отложися, и «не нача Царя Василья слушати». Тоже въ *Латух. Ст. Книг.*

(534) *Dz. Dan. Zygm*, III, T. II, 438.—Въ семъ отрядѣ находились слѣдующія дружины: Гетмана 170 всадниковъ, Кн. Порицкаго 130, Дапиловича 100, Балабана 130, Олизара 106, Малынскаго 100, Струса 200, Калиновскаго 100, Хвалибога 100. Къ нимъ послѣ присоединились дружины Стадницкаго, Казановскаго, Фирлея, Скумина, Сподвиловскаго, Годзиковскаго и Кн. Збараскаго: въ каждой было по сту всадниковъ. См *Дневныя записки* Машкѣвича, который самъ былъ въ дружинѣ Кн. Порицкаго—Нѣмцевичъ (II, 438) упоминаетъ о дружинахъ Тишкѣвича и Зборовскаго.

(536) См. письмо Короля, помѣщенное въ *Dz. Pan. Zyg. III*, T. II, 605. Тамъ же, письмо Гетмана къ Королю (стр. 594), въ коемъ сказано: «Dymitr Szuyski, jakom w liscie pisal, jest pewnie w Możausku».

О числѣ Русскихъ и союзниковъ ихъ подъ Бѣлою, см. выше прим 507.

Горнъ старался овладѣть Бѣлою посрадствомъ хитрости; завелъ тайные переговоры съ нѣкоторыми изъ ея жителей: но Госѣвскій открылъ замыселъ и казнилъ ихъ. Наступила жаркая битва съ Горномъ предъ стѣнами города, прекращенная темнотою ночи. Въ слѣдующій день Шведскій Военачальникъ прислалъ къ Госѣвскому трубача съ письмомъ, въ коемъ вызывалъ сто Польскихъ всадниковъ противъ такого же числа Шведскихъ, и требовалъ размѣна плѣнныхъ. Госѣвскій отказалъ въ послѣднемъ, говоря, что никто изъ Поляковъ не былъ взятъ въ плѣнъ; но обѣщалъ сразиться еще, и совѣтовалъ Горну перейти въ службу Короля Польскаго. Между тѣмъ приближеніе войска Жолкѣвскаго заставило Горна отступить къ Ржеву. См. Кобѣрж. стран. 246, и Видек. стр. 152.

Ник. Лът. 134: «Кн. Дм. Ив. Шуйской послалъ отъ себя Воеводу «Кн. Ѳед. Андр. Елецкова, да съ нимъ Григ. Валуева съ ратными людьми «въ Царево Займище, и повелѣ имъ въ Царевѣ поставити острогъ. Они «же придоша въ Кар. Займище и острогъ поставиша и осаду укрѣпиша, «и послаша съ вѣстію, что укрѣпился Кн. Дмитрей же Ивановичь съ «Нѣмецкими людьми поиде къ Клушину; тутo жь къ нему приде Воевода «К. Ив. Андр. Хованской да Нѣмецкой Воевода Иветъгоръ съ Нѣмец- «кими людьми, и пріидоша къ Клушину и укрѣпишася обозомъ».

По словамъ Кобѣржицкаго (стр. 256), Волуевъ и Елецкій имѣли съ собою *десять*, а по свидѣтельству Видекинда (стр. 155) *шесть* тыс. воиновъ.

(537) 23 Іюня, Нов. Стиля. См. Кобѣржицк. 259, и Нѣмцев. II, 441.

(538) См. Нѣмцевича (II, 444), который ссылается на собственныя записки Жолкѣвскаго.—Видек. 162.—Петрей, 440.—*Ник. Лѣт.* 134: «Нѣмецкіе люди начаша у него прощати найму; грѣхъ же ради нашихъ «ничтожь намъ успѣваше; нача у нихъ сроку просить, будто у него де«негъ нѣтъ; а у него въ тѣ поры денегъ было, что имъ дати. Нѣмецкіе «люди начаша сердитовати и умышляти». Сей Лѣтописецъ прибавляетъ, что Горнъ самъ убѣждалъ Жолкѣвскаго спѣшить на Русскихъ, и обѣщалъ не дѣйствовать противъ него.

Жолкѣвскій говоритъ въ письмѣ къ Королю (см. Нѣмц. II, 602): «Diak rozradny Jaków Dzienudow» (*Budek.*: «Dzienibovius») «który swieżo był z Moskwy pieniądze cudzoziemców przinyosł, w Sobote, «która poprzedzila potrzebę, dziesiec tysięcy rublow gotowych pieniedz«mi dał, a oprócz tego dwadziescia tysiecy rublów sobolach i w suknach «przyniosł, ale oprócz pieniędzy ieszcze byli tych fandow nie brali; «nasi je pobrali w Szuyskiego obozie».

(539) 4 Іюня, Нов. Ст. — См. Кобѣрж. 267, и письмо Жолкѣвскаго въ *D. Z. P. III*, T. II, 600: «3 Iulii godzin dwie albo trzy na dzień «wziąłem wiadomość, że Kn. Dymitr Szuyski, ruszywszy się z Mo«żayska w ośmiu mil odemnie nocował... Zarazem zezwałem do siebie «Panów Pułkowników i Rotmistrów woyska W. K. Mci, z wielu wiel«kich i ważnych przyczyn zdało mi się nieprzyjaciela nie czekać... «Zostawiwszy tedy część woyska przy tym hrodku, piechotę wszystkę «W. K. Mci i Kozaki expedito exercitu bez wozów tegoż dnia, to jest «3 Iulii nad wieczorem ruszyłem się ku Kłuszynu, gdziem się spodzie«wał zastać woysko nieprzyjacielskie, od obozu naszego jakby we czte«rech mil i szedłem na całą noc. Na rozświeci, przednia straż ex fre«mitu castrorum postrzegła woysko nieprzyjacielskie, które przybliżało «się było dali do nas pominąwszy Kłuszyn: przyszliśmy niespodziewanie «na nieprzyjaciela; nie miał o nas przestrogi, ani wiadomości nijakiey, «jeszcze bychmy ich podobno na posłaniu zastali; ale iż przez złość i «ciasność drogi woysko nie mogło się pośpieszyć, przyszło mi godzinę «i daley poczekać, że się woysko ze złey drogi wybiło, a w tym też «nieprzyjaciel się ocknął, i postrzegła nas straż: przyszło nam jeszcze «przed słońca wschodem dnia vczorayszego 4 Iulii zwiesć z nimi potr«zebę... Stawili się nam zrazu, zwłaszcza cudzoziemcy Francuzowie, «zbroyny dosyć dobrzę, jako się godzi ludziom Rycerskim; trwała bitwa «ancipite Marte naymniey trzy godziny... Dzielność i męstwo Rycer«stwa W. K. Mci przemogło nieprzyjaciela: nayprzod Moskwa, a potym «i cudzoziemcy ieli uciekać. Na cudzoziemcach konnych wjachali zoł«nierzę W. K. Mci w ich obóz, bijąc, siekąc tak, że ich i z obozu pęd«zili w las».

См. также Машкѣвича, который былъ очевидцемъ сей битвы и подробно описалъ ее. По словамъ его, Гетманъ, приближаясь къ Русскому войску, ободрялъ своихъ ратниковъ рѣчью, а Священники ѣздили по рядамъ и благословляли ихъ на сраженіе. Упорство съ обѣихъ сторонъ было столь велико, что нѣкоторыя Польскія роты принуждены были отступать по 8 и 10 разъ, но снова возвращались къ бою съ кликомъ: *do sprawy, do sprawy!* Жолкѣвскій стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ и съ подъятыми къ небу руками молилъ Бога о побѣдѣ.

(540) Видек. 167: «Jacobus, rei indignitate commotus, castra cir«cumiens, tractatum rescindere conatur, compellat legionarios, admo«net dedecoris, minis, precibus, promissis flectere refractarios studet... «Verum ad pervicaces nihil sanum... Omnem Ducis suppellectilem spo«liant, pecuniâque... repertâ, caesis obviis se in castra Suischiana prae-

«cipiti fugam dant. Jbi quoque, imparatos adorti, ablatisque, quae «casus obtulit, in castra hostilia effuso cursu transiliunt». — Тамъ же, 168: «Demetrius, copiarum Mosch. Supremus Dux... celeritate inse- «quentium elusâ, effuso cursu Mosaicum... contendit: sparserat enim «in limine castrorum impedimenta varii generis, ut vestes, pelles, ar- «gentea vasa, aliamque supellectilem, quae, celeritate equorum retar- «data, sequentium aviditatem praedae dulcedine detinuit».

(541) Тамъ же, 170: «Acceptisque in solutum ex reliquiis castren- «sibus 5450 rublis aureae argenteaeque monetae, et 7000 in panno pel- «liceisque mercibus». Тамъ же, 179: «praedam dividendam, certa pro «incertis capienda ratus».

(542) Жолкѣвскій въ письмѣ къ Сигизмунду (см. Dz. *Pan. Zygm. III*, T. II, 603): «Nie mianuję na ten czas nikogo, jako kto sobie poczy- «nał przy téy służbie W. K. Mci;... atoli o wszystkich nie tylko ja, ale «rzecz sama daje świadectwo, że sobie mężnie, jako się godzi onym «Rycerskim ludziom, poczynali przy téy służbie W. K. Mci... Raczyles «W. K. Mść do mnie pisać, żebyć P. Jwana Sołtykowa odesłał do «W. K. Mci; widzę że to ztąd poszło, że jego Pan Oyciec rozumie go «bydz szkodliwie rannym, ale on zdrów jest, był i teraz ze mną w «téy potrzebie, i dobrze W. K. Mci zasługował, także insi Bojarowie «Moskiewscy, którzy natenczas tu byli».

Тамъ же: «Powiedział mi P. Sołtykow, że widział zabitego Ja- «kowa Boratyńskiego, Wasili Buturlin poiman i jeden Diak Rozradny «Jakow Dzianudow». (См. выше, примѣч. 538). Тамъ же: «Dymitr «Szuyski... jął wielkim gwałtem uciekać, nasi też gonić, drudzy do «obozu jego z cudzoziemcy też wpadli, który oboz wielki był i dosta- «teczny, i jego własna kareta i insze wozy zostały, którego szable, «szyszak, buławę wzięto; w pogoni, jako to zwykło bywać, naywięcey «ich poginelo... Falkonetów przytym woyszcze było jedynaście, ale «mnie ich nie doszło rąk jedno siedm, i tem z pracą przyniosł, bom «nie miał czym pociagnąć, insze są tu między P. Rotmistrzami. Cho- «rągwi z kilkudziesiąt, też Burtulinowa, który przodek woyska wiódł, jest «i samego Szuyskiego nayprzednieysza chorągiew adamaszkowa z złotem».

См. также Видекинда, стр. 172.

(543) См. Нѣмцевича (II, 454), который ссылается на Рукопись Жолкѣвскаго.

Ник. Лит. 135: «Етманъ... нача тѣсноту чинити Цареву Займишу. «Воеводы жь ему говоряху: поди подъ Москву: будетъ Москва ваша; а «мы будемъ готови Королевскія. Етманъ же имъ отказа: какъ де возму «я васъ, тогда де и Москва будетъ за нами. Царево жь Займище, видя «*неизнеможеніе*» (вмѣсто: изнеможеніе) «поцѣловали крестъ Королевичу».

(544) См. принадлежавшій покойному А. И. Ермолаеву списокъ съ Грамоты Московскихъ Бояръ въ Казань: «Писали къ намъ изъ Можайска «Воевода Кіевской Гетманъ Коруны Польскіе... Стан. Станиславовичь «Желтовской, да Бояринъ и Воевода Иван. Михайл. Салтыковъ и осто- «рожковскіе сидѣльцы, Воевода Григорей Волуевъ и Головы писмяные и «Дворяне и Дѣти Боярскія и Стрѣльцы и Казаки и всякіе служивые «люди, чтебы намъ бити челомъ на Московское Государство Жигимонту «Королю Польскому и Великому Князю Литовскому о сынѣ его Вла- «дославѣ Королевичѣ, и прислалъ къ намъ листъ за Королевскою рукою «и печатью, на чемъ договоръ былъ и присегалъ Король Боярину Ми- «хайлу Глѣбовичю Салтыкову съ товарищи, запись, на чемъ былъ дого- «воръ и цѣловалъ крестъ Гетманъ Станиславъ Желтовской во Царевѣ «Занмищѣ Воеводамъ Кн. Ѳедору Елецкому да Григорью Валуеву и «всѣмъ ратнымъ людемъ».

См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 429: «А Гетманъ Ст. Желковской о томъ... «въ Царевѣ Займищѣ острожкеовскимъ сидѣльцомъ цѣловалъ крестъ... что «Москов. Государства всякихъ людей мужеска полу и женска, которые «въ нынѣшнюю смуту, при бывшемъ Царѣ Васильѣ, взяты въ полонъ «въ Польшу и Литву Вел. Гос. Жигимонту Королю велѣти, сыскавъ, «отпустити изъ Польши и изъ Литвы всѣхъ до одного человѣка... чтобъ «тѣхъ невинныхъ плѣнныхъ людей слезы обратити въ радость... А по ко-«торой записи Гетманъ цѣловалъ крестъ въ Царевѣ Займищѣ острожков-«скимъ сидѣльцомъ, и въ той записи написано: какъ городъ Смоленскъ «Государю Королевичу добьетъ челомъ, и Жигимонту Кор. Пол. и Вел. «Кн. Литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Поль-«скими и Литовскими людьми, а порухи и насильства на посадѣ и въ «уѣздѣ никакія не сдѣлати... (стр. 431) Острожковскимъ сидѣльцомъ. Все-«водамъ и всѣмъ ратнымъ людемъ Гетманъ цѣловалъ крестъ, что косте-«ломъ въ Россійскихъ Государствахъ не быти».

Объ условіяхъ, заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ, см. выше, стран. 206.

(545) См. Нѣмцевича.

(546) См. его же, II 456.

(547) *Ник. Лѣт.* 135: «Царь же Василей бысть въ великомъ стра-«хованіи и скорби, и посла по городомъ, повелѣ ратнымъ людемъ итти «къ Москвѣ».

(548) Нѣмцев. (II, 455): «Strwożony Szuyski to sypał ostatki skar-«bów na utrzymanie w wiernosci Strzelców, na zaciągi Tatarów, to «znów sklaniaiąc umysł do spokoynieyszych środków, niejakiego Stań-«skiego Polaka więźnia z listem ugodnem chcial wysłać do Hetmana, «i znów go wstrzymał», etc.

(549) *Ник. Лѣт.* 135: «Они же»—ратные люди—«не поидоша къ «Москвѣ, а Резанцы отказаша по умышленію Прокофья Ляпунова; Про-«кофей же наипаче нача со Княземъ Вас. Голицынымъ умышляти, како «бы Царя Василья ссадити».

(550) Беръ пишетъ, что войско Сапѣги увѣряло Лжедимитрія въ неизмѣнной своей къ нему преданности, требуя токмо жалованья за три четверти года и обѣщая служить ему при новой осадѣ Москвы, въ ожиданіи остальной суммы. Царикъ, собравъ *не одну тысячу* рублей, отправился къ оному на Угру, въ сопровожденіи своихъ Козаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, заплатилъ требуемое и далъ приказъ готовиться послѣ Троицына дня къ походу на Москву.

Лжедимитрій писалъ къ Сапѣгѣ изъ Калуги, отъ 29 Іюня 1610: «Posyłamy do Uprzeymości Waszey część pieniędzy ilśmy mogli nar-«ędce zebrać, a z ostatkiem sami w rychłym czasie będziemy... «Żądamy pilnie Uprz. W. abyście to Rycerstwo zatrzymali do «przyjazdu naszego».

(551) *Ник. Лѣт.* 135: «Воръ же то слышавъ въ Колугѣ, что подъ «Клушинымъ побили, а Литва пришла въ Можаескъ, а ратные люди «разъѣхалися по городомъ; онъ же сослася съ Сапѣгою и поидоша подъ «Москву. Въ тожь время пріидоша ко Царю Василью на помочь Царе-«вичи Крымскіе; Царь же Василей посла съ нимъ Бояръ своихъ, К. «Ив. Мих. Воротынсково, да К. Бор. Мих. Лыкова, да Окольничаго «Ортем. Васил. Измайлова; они же сошлися съ ними въ Серпуховскомъ «уѣздѣ, и быша у Царевичей и отъ Государя имъ здоровье отправиша, «и сташа тутъ съ Царевичемъ, а Мурзы пошли на вора, и сошлися съ «воромъ въ Боровскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ на Нарѣ; и бывшу бою тутъ «великому, едва воръ усидѣ въ табарахъ. Татарове жь, бишась съ нимъ, «поидоша къ Царевичемъ; Царевичи жь поидоша опять за Оку, а сказаша,

«что изнелъ ихъ голодъ, стоять не мочно; Бояре жь отондоша къ Москвѣ, «едва снарядъ увезоша отъ воровскихъ людей».

По словамъ Палицына (стр. 205) сіи Татары грабили Россію, которую призваны были защищать: «Христіанъ убо погубляющи, на Цари же «Василіи за то дары великіе вземше, и отъ всея земли плѣну, яко скотъ «въ Крымское державство согнаша».

(552) Въ гербѣ города Боровска серебряное поле изображаетъ непорочность, червленое сердце — вѣрность, а находящійся посреди онаго крестъ—усердіе къ закону Божію: сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ—символомъ славы. См. *Геогр. Слов. Рос. Госуд.* подъ словомъ: *Пафнутьевъ Боровской* монастырь.—*Ник. Лѣт.* 136 и 137: «Вложи врагъ въ Воеводъ «мысль злую, въ Якова Змѣева, да въ Ѳеонасья Челищева,... повелѣша «отворити острожные ворота, Литовскіе жь люди и Рускіе воры внидоша... «К. Михайло жь Волконской, видя свое неизнеможеніе, побѣжа въ цер«ковь. Тѣ же Воеводы зваху его на встрѣчу; онъ же имъ отказа, умереть «де мнѣ у гробу у Пафнутья Чудотворца... ста въ дверехъ церковныхъ «и... бился много и изнемогъ отъ великихъ ранъ и паде въ церкви у «крылоса лѣваго». Всѣхъ убитыхъ людей въ монастырѣ было по словамъ Лѣтописца 12.000 (?). Онъ продолжаетъ: «Веліе жь чудо Богъ показалъ «надъ тѣми убіенными: того жь К. Михаилова кровь прыснула на лѣвой «крылосъ на камень, и многижда тое кровь скребляху и мыша, не можаху «тое крови ни соскресть, ни смыти», и пр.—См. также въ *Лат. Ст. Кн.*

(553) См. *Рост. Лѣт.* л. 723 на обор.

Лат. Ст. Кн.: «Градъ Коломна, много въ немъ пребывающіе люди «немятежно и непоколебими быша, а въ то время голова Мих. Бобынинъ «съ сотнею своею измѣниша, и къ вору Тушинскому отъѣхаша. Потомъ «же и вси Коломенскіе жители тому же вору крестъ цѣловаша. Бояре же «К. Мих. Сампс. Туренинъ, да К. Ѳеод. Тим. Долгорукой, къ нему же «вору съ повинною послали. А въ Зараской и на Коширу о томъ же «писали, и тамо начаша вору цѣловати крестъ; Григорія же Петровича «едва не убиша и неволею ко кресту приведоша, и съ повинною къ «вору его послаша. У Николая же въ Зараскомъ бысть тогда Воевода «К. Дм. Мих. Пожарской, къ тому вору не приложился, и отъ всенарод«наго убійства съ небольшими людьми въ каменной городъ затворися: «тогда граждане отъ волненія престаша, и на томъ крестъ цѣловаша, «кто будетъ на Москвѣ и надъ всей Россіи Царь, тому и служити и «прямити».

Ник. Лѣт. 137 и 138: «Коломничи жь всѣ на дьявольскую прелесть «прельстишася... Владыко жь Коломенской Іосифъ за то стояше и «укрѣпляше ихъ. Бояре жь К. Мих. Самс. Туренинъ, да К. Ѳед. Тим. «Долгорукой не можаху имъ ничего сдѣлати, и приведоше ихъ ко кресту... «Въ Зараскомъ же городѣ былъ Воевода К. Дм. Мих. Пожарской, и «придоша жь на него всѣмъ градомъ, чтобъ поцѣловати крестъ вору, «онъ же сталъ въ крѣпости не съ великими людьми.... Никонской же» (должно быть: *Никольскій*) «Протопопъ Дмитрей крѣпляше его, и благо«словляше умерети за истинную православную Вѣру; онъ же наипаче «крѣпляшесь... Въ городѣ же у тѣхъ мужиковъ животы и запасы всѣ, а «въ острогѣ у нихъ нѣту ничево. Тѣ же воры, видя свое неизнеможеніе, «прислаша въ городъ и о томъ винишася, и цѣловати бъ крестъ на томъ, «кто будетъ на Москов. Государствѣ Царь, тому и служить. Онъ же, «помня крестное цѣлованіе Царя Василія, и цѣлуваше крестъ на томъ, «будетъ на Моск. Государствѣ по старому Царь Василій, ему и служити, «а будетъ кто иной, и тому также служити, и на томъ укрѣпися крест«нымъ цѣлованіемъ, и начаша быти въ Зараскомъ городѣ безъ сколебанія, «и утвердишася межь себя, и на воровск. людей начаша ходить и по-

«бивати, и градъ Коломну опять обратиша».— См. также, въ прим. 532, выписку изъ современнаго Церковнаго *Устава*.

(554) *Ник. Лѣт.* 137: «Воръ же, разоривъ монастырь (Пафнутьевъ), «поиде подъ Москву, и ста у Николы на Угрѣшѣ».—*Хрон. Стол.* л. 553 на об.: «А въ тожь время изъ Колуги пришелъ Колужской воръ со «многими воры съ Русскими людьми и сталъ за Москвою рѣкою въ селѣ «Коломенскомъ».

(555) *Псков. Лѣт.* л. 41: «Егда прибѣжалъ К. Дм. Шуйской съ по«бѣды бысть мятежъ великъ во всѣхъ людехъ... Подвигошася на Царя, «глаголюще: Тебе ради кровь Христіанская проливается; тебе ради же «есть земля раздѣлися, что не по избранію всея земли на Царство во«царился, и множество людей погубилъ еси неповинныхъ; твоя братія «своего племянника, а нашего Государя оборонителя и заступника «отравою окормиша. Къ кому нынѣ прибѣгнемъ? къ кому припадемъ? «кто насъ избавитъ отъ сихъ поганыхъ, нашедшихъ на ны? Нѣсть намъ «нынѣ надежда и нѣсть упованія. Сойди съ Царства и положи посохъ «Царской, да соединится земля и умирится».

(556) *Ник. Лѣт.* 139: «Присла Прок. Ляпуновъ къ Москвѣ ко К. «Вас. Вас. Голицыну да къ брату своему Зах. Ляпунову, и ко всѣмъ «своимъ совѣтникомъ Олешку Пешкова, чтобъ Царя Василія съ Госу«дарства ссадить... Къ ихъ же совѣту присташа многіе воры и вся «Москва».

(557) *Собр. Гос. Грам.* II, 441: «Воровскіе совѣтники К. Олексѣй Ситцкой, Олександро Нагой, Григорей Сунбуловъ, Өед. Плещеевъ, К. Өед. Засѣкинъ, да Дьякъ Петръ Третьяковъ».

Аврам. Палиц. 206: «Бывши же правители у ложнаго Царя, неправъ «совѣтъ изъявляютъ защитникомъ царствующаго града Москвы: вы убо «оставите своего Царя Василія, и мы такожде своего оставимъ, и «изберемъ вкупѣ всею землею Царя, и станемъ обще на Литву, и увѣ«ряхуся страшными клятвами, еже не ложно сицевому дѣлу быти».

Хрон. Стол. л. 553 на об.: «И Русскіе люди, которые пришли подъ «Москву съ воромъ, съ Московскими людьми съѣзжались и говорили «воровствомъ обманомъ, чтобъ оставилъ Царь Василей Царство, а мы де «своего вора, что называется Царевичемъ Дмитреемъ, и поимаемъ и при«веземъ къ Москвѣ». *Ник. Лѣт.* 139: «Начаша съѣзжатися съ воровскими «полками сговариватца, чтобъ они отстали отъ Тушинскаго, а мы де всѣ «станемъ отъ Москов. Царя Василья; Тушинскіе жь воры лестію имъ «сказаша, что отстанемъ, а выберемъ Сопега Государемъ». Свиданіе было въ полѣ у Данилова монастыря, какъ пишетъ Палицынъ.

(558) *Ник Лѣт.* 139: «Той же Зах. Ляпуновъ да Өед. Хомутовъ на «лобно мѣсто выѣхаша и съ своими совѣтники завопиша на лобномъ «мѣстѣ, чтобъ отставить Царя Василья; къ нхъ же совѣту присташа «многіе воры и вся Москва».

Беръ говоритъ, что сіе случилось 14 Іюля; Нѣмцевичъ 24 Lipca« (по Новому Стилю). Василей лишенъ престола 17 Іюля (см. *Соб. Гос. Гр.* II. 389), хотя въ Рукописи Филарета означено 18 число того же мѣсяца,

(559) *Хрон. Стол.* л. 554: «И Бояря К. Өед. Ив. Мстиславской и «всѣ Бояря, и Окольничіе, и Думные люди, и Стольники, и Стряпчіе, и «Дворяня, и гости и торговые лучшіе люди съѣзжалися за городъ, за Ар«бацкіе ворота, и совѣтовали, какъ бы Московскому Государству не быть «въ разоренъѣ и въ расхищенъѣ; что пришли подъ Москов. Государство «Поляки и Литва, а съ другую сторону Колужской воръ съ Русскими «людьми и Москов. Государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно. И Бояря «и всякіе люди приговорили бити челомъ Государю Царю и Вел. Князю

«Василью Ивановичу всея Русіи, чтобъ онъ Государь царство *отста-*«*вилъ* (т. е. оставилъ), для того, что кровь многая льется, а въ народѣ «говорятъ, что онъ Государь несчастливъ, а городы Украинные, которые «отступили къ вору, ево Росударь на Царство не хотятъ же».—*Псков. Лѣт.* л. 40 *Собр. Гос. Грам.* II, 388.

(560) *Латух Ст. Кн.:* «И весь народъ возмутиша»—Ляпуновъ и «Хомутовъ—«и взяша Боляръ и Патріарха Ермогена насильствомъ, и «поведоша за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ и начаша совѣ-«товати, чтобы Царя Василія отъ Царства отлучити. Патріархъ же Ер-«могенъ множицею о семъ возбраняще и увѣщаваше и заклинаше ихъ; «они же не послушаху его, но положиша на томъ, что тако имъ сотво «рити. Въ то время нѣцыи стъ Бояръ съ Патріархомъ за едино потща-«шася противу того совѣта стояти, но по малу и тіи къ нимъ же во едино «уклонишася». *Ник. Лѣт.* 139: «Патріархъ же тутъ Ермогенъ не дожи-«дався на нево злово совѣту, поиде въ городъ».

(561) *Хрон. Столяр.* л. 554.—См. также въ принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву рукописи списокъ съ Грамоты Мо ковскихъ Бояръ въ «Вологду 18 Іюля 118 (1610) года.

(562) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 409.—Тоже въ *Крестоприводной* записи (*Собр. Гос. Гр.* II, 390): «А бывшему Государю... отка-«зати, и на Государевѣ дворѣ не быти, и впредь на Государствѣ не сѣ-«дѣти, и намъ надъ Государемъ и надъ Государынею и надъ ево братьями «убивства не учинити и никакова дурна».

Въ той же Крестоприводной записи: «Били мы челомъ Бояромъ, К. «Θед. Ив. Мстиславскому съ товарыщи, чтобъ пожаловали прямили Мо-«сков. Государство, докуды намъ дастъ Богъ Государя... и крестъ намъ «на томъ цѣловати, что намъ во всемъ ихъ слушати и судъ ихъ всякой «любити. что они кому за службу и за вину приговорятъ, и за Москов. «Государство и за нихъ стояти, и съ измѣнники битись до смерти; а «вора, кто называетца Царевичемъ Дмитреемъ, на Моск. Государство «не хотѣти, и межь себя другъ надъ другомъ и надъ недругомъ никакова «дурна не хотѣти, и не дружбы своей никому не мстити, и не убивати «и не грабити, и зла никому ни надъ кѣмъ не мыслити. и въ измѣну во «всякую никому никуда не хотѣти. А выбрати Государя на Моск. Го-«сударство имъ Бояромъ и всякимъ людемъ всею землею: а Бояромъ К. «Θед. Ив. Мстиславскому съ товарыщи пожаловати, чтобъ имъ за Моск. «Государство стояти... и Государя... выбрати съ нами со всякими людьми «всею землею и сослався съ городы, ково дастъ Богъ на Моеков. Госу-«дарство)».

(563) *Ник. Лѣт.* 139: Царь же Василей, сѣдя на Царствѣ своемъ «многія бѣды прія, и позоръ и лай; напослѣди жь и отъ своихъ сродникъ «пріи конечное безчестіе; своякъ же его Бояринъ К. Ив. Мих. Воро-«тынскій поиде въ городъ съ тѣми заводчики, Царя Василья и Царицу «сведоша съ престола».

Нѣмцевичъ (II 456) приводя слова Захаріи Ляпунова, ссылается на *Записки* (Pamiętnik) Жолкѣвскаго.

(564) О днѣ свержения Василія см. выше въ прим. 558. Въ *Диплом. Собр.* Б. Каменскаго означено также 17 Іюля.

Псков. Лѣт. (л. 26 на об.) говоритъ о причинѣ народной нелюбви къ Царю Василію: «Не многими избранъ былъ грады, но единымъ Мо-«сковскимъ Государствомъ, а не всею землею; того ради не возлюбиша «его мнози на землѣ Рустѣй».—Объ избраніи Шуйскаго на Царство см. сей *Исторіи* Т. XI, 293.

Въ *Хрон. Стол.* (л. 554) сказано: «И Царь Вас. Ив. по Боярскому «и всея земли челобитью и *совѣту* Гермогена Патріарха Моск. и вс.

«Рус. Государство отставилъ изъ Царскова двора и съ Царицею съѣхалъ «на старой свой дворъ».

(565) Аврам. Палиц. 206: «На утрія же Москвичи изыдоша на поле «къ Даниловскому монастырю, еже бы клятвенное слово совершити».

(566) Тамъ же: «И тѣмъ не Христова же чада, но Антихристова «со смѣхомъ отказаша: Вы убо праведно сотвористе, неправеднаго Царя «изринувше, и служите Царю нашему истинному прямому вашему. Свя- «тѣйшій же отецъ отцемъ Ермогенъ Патріархъ молитъ весь народъ, дабы «паки возвести Царя, его же словесъ мудрыхъ никто же не послуша».— «*Ник. Лѣт.* 140: «Позоряху ихъ и глаголаху имъ, что вы не помните «Государева крестново цѣлованья, Царя своего съ Царства ссадили, а «намъ де за своего помереть. Они же посрамлены поѣхаша, и пріѣхавъ «въ городъ, сказаша Бояромъ и всѣмъ людемъ; они же въ недоумѣніи «быша».

(567) См, сей *Исторіи* Т. XI, 273.

(568) Аврам. Пал. 207: «Іюля въ 19 день, Рязанецъ Дворянинъ За- «харей Ляпуновъ, да К. Петръ Засѣкинъ со своими совѣтники, Царя «Василья силою постригоша въ чернеческій типъ». *Ник. Лѣт.* 140: «На «утріе жь тѣжь умыслиша, и взявъ изъ Чюдова монастыря Священни- «ковъ и Діяконовъ, пріѣхаша ко Царю Василью на старый дворъ, на- «чаша его постригати. Онъ же противу вопросовъ на постриганіи от- «вѣту не даяше и глаголаше имъ: нѣсть моево желанія и обѣщанія къ «постриганью»,

(569) Рукоп. Филар.: «О людіе Московстіи, что я вамъ сотворилъ? «которую обиду учинилъ? Точію тѣмъ месть воздахъ, иже возмущеніе «содѣваху на Святую нашу Христіанскую Вѣру и тщахуся разорити «домъ Божій и Преч. Богородицы, и намъ непокоряющимся, Гришкѣ Роз- «стригѣ и прочимъ его богомерзкимъ совѣтникомъ; вамъ ничто же зла «не сдѣлалъ?—Они же разсыпахуся сердцы своими и скрежетаху зубы «своими и нелѣпая много глаголаху».

(570) Аврам. Пал. 207: «Обѣщаніе же Царя отвѣщаваше К. Василей «Туренинъ, и предаша подъ начало въ Чудовъ монастырь». См. также «*Хронографы*.—По словамъ *Ник. Лѣтописи* (стр. 140) отвѣчалъ за Царя «Князь Вас. Тюфякинъ.—Въ *Латух. Степ. Кн.*: Единъ отъ Бояръ, К. «Вас. Тюфякинъ или Туренинъ». Въ *Посл. Спискѣ* (*Др. Рос. Вивл.* XX) нѣтъ К. Тюфякина въ числѣ Бояръ того времени.—*Хрон. Стол.* л. 555: «И отрекались въ ево мѣсто Иванъ Салтыковъ».

(571) Рук. Фил.; «Благовѣрная же его Царица и В. Кн. Марья Пе- «тровна плакася по немъ плачемъ великимъ, источники слезъ отъ очію «проливающи, жалостно глаголаше: О свѣте мой прекрасный, о драгій «мой животе, како оплачу тебе, или что нынѣ сотворю тебе? Самодер- «жецъ всей Руск. земли былъ еси; нынѣ же отъ рабъ своихъ посрам- «ленъ еси и никѣмъ же владѣеши... О милый мой Государь и Великій «Княже! Како ты отъ рабъ своихъ, отъ безумныхъ Москвичь сего свѣта «отреченъ.. А я тебе свѣтлѣйшаго живота и Царя лишена быхъ, и сира «вдова остаюся», и пр.—Авр. Пал. 207: Царицу Марію постригоша си- «лою же, отдаша въ *Ивановской* монастырь, а братію его К. Дим. да К. «Іоанна Іоанновичевъ Шуйскихъ отдаша за Приставовъ». См. также въ *Латух. Степ. Книгѣ* и въ *Хронографахъ;* а по *Ник. Лѣтописи* (стр. 140) Царица пострижена въ монастырѣ Вознесенскомъ».

(572) *Ник. Лѣт.* 140: «Ермогенъ вельми о томъ оскорбися, Царя же «Василья нарицаше мірскимъ именемъ Царемъ, а тово К. Василья про- «клинаше. и называше его Инокомъ». См. также *Лат. Ст. Кн.*

(573) См. выше, въ семъ Томѣ.

(574) См. *окружную* Грамоту, писанную 24 Іюля (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 389): «Іюля въ 17 день Гос. Ц. и В. К. Вас. Ив. вс. Рус. по «челобитью всѣхъ людей Государство отставилъ и съѣхалъ на свой на «старой дворъ, и нынѣ въ чернцахъ.... А на Моск. Государство выбрати «намъ Государя всею землею, собрався со всѣми городы, ково намъ «Государя Богъ дастъ. А до тѣхъ мѣстъ правити Бояромъ К. Ѳед. Ив. «Мстиславскому съ товарищи.... и стояти бъ всѣмъ за одно, чтобъ Го«сударства Московскаго Польскіе и Литовскіе люди и воръ, которой «называетца Царевичемъ Дмитреемъ, до конца.... и Вѣры Крестьянской не «разорили и всѣхъ православныхъ Крестьянъ до конца не погубили», и проч.

См. также Грамоту Моск. Бояръ въ Вологду отъ 18 Іюля, въ рукописи, принадлежавшей покойному А. И. Ермолаеву.

(575) Нѣмцев. (*D. P. Z. III.* Т. II, 458): «Przyniesiono odpowiedź. «że Bojarowie i mieszkańcy nie potrzebują pomocy i proszą Hetmana, «by się do stolicy nie zbliżał».

(576) Авр. Палиц. 207: «Мнози же хотяще тому Лжехристу служити, «и измѣны многи начаша бывати; изволиша людіе: се лучше убо Госу«даревичу служити, нежели отъ холопей своихъ побитымъ быти и въ «вѣчнѣй работѣ у нихъ мучитися».

(557) См. Т. XI, 290, и въ семъ Томѣ, стран. 32.

(578) Нѣмцевичъ (II, 458). Онъ ссылается на рукопись Жолкѣвскаго.

(579) См. Нѣмцевича и Маржерета.

(580) Въ окружной Грамотѣ К. Ѳед. Ив. Мстислав. и другихъ Бояръ (*Собр. Гос. Грам.* II, 441): «Іюля въ 31 день писали къ намъ «изъ Можайска Воевода Кіевской, Гетманъ Коруны Польскіе.... Стан. «Станиславовичъ Желковской, да Бояринъ и Воевода Ив. Мих. Салты«ковъ, и острожскіе сидѣльцы Воевода Григ. Волуевъ... чтобы намъ бити «челомъ на Моск. Государство Жигимонту Кор. Пол. и В. Кн. Лит. о «сынѣ его Владиславѣ Королевичѣ».

(581) Тамъ же: «И прислали къ намъ листъ за Королевскою рукою «и за печатью, на чемъ договоръ былъ и присягалъ Король Боярину «Мих. Глѣб. Салтыкову съ товарыщи, и запись, на чемъ былъ договоръ, «и цѣловалъ крестъ Гетманъ Ст. Желковской въ Царевѣ Займищѣ Вое«водѣ К. Ѳед. Елетцкому да Гр. Волуеву и всѣмъ ратнымъ людемъ».

См. выше въ прим. 514 объ условіяхъ договора въ Царевѣ Займищѣ.

(582) *Псков. Лѣт.* л. 41 на об.: «Патріархъ же, наказуя много, «глагола имъ словомъ, еже бѣ преже пакости много отъ нихъ Польскихъ «людей, егда пріидоша съ Гришкой Отрепьевымъ. А нынѣ же. чего еще «чаете токмо конечнаго разоренія Царству и Христіанству и Вѣрѣ? или «не возможно вамъ избрати на Царство изъ Князей Рускихъ».

(583) Такъ сказано въ письмѣ Жолкѣвскаго къ Королю, См. Нѣмцев. *Dz. Pan. Z. III*, Т. II, 461.

(584) 3 Августа (Нов. Стиля). См. Нѣмцев. II, 458. Въ окружной грамотѣ, 19 Авг. (см. *Собр. Гос. Грам.* II, 438): А Гетм. Желтовской «со всѣми Лит. людьми, и Ив. Салтыковъ съ Руск. людьми, стоитъ подъ «Москвою на Сѣтуни».

(585) См. выше, въ семъ Томѣ.

(586) Нѣмц. II, 459.

(587) См. (въ *Собр. Гос. Гр.* II, 399) *Договорную* Запись, данную съ Россійской стороны Жолкѣвскому.—Нѣмц. II, 460 и 503.

(588) *Нѣмцев.* II, 463.

(589) *Собр. Гос. Гр.* II, 418: «Чтобы Госуд. Королевичъ... будучи «на Москов. Государствѣ, отъ Папы Римскаго ихъ Закону о Вѣрѣ не «просилъ и благословенія не пріималъ и съ нимъ о томъ не ссылался.... «Которые будетъ Москов. Государства люди.... похотятъ своимъ мало-

«уміемъ отъ Греч. Вѣры отступити къ Римск. Вѣрѣ.... такихъ казнити «смертію.... Государю Королевичю взяти съ собою.... изъ Польши и изъ «Литвы немногихъ людей» (стран. 425: «больши пяти сотъ человѣкъ въ «Моск. Государство не имати»)... Въ титлѣ писатися Государю Корале- «вичю.... потомужь, какъ прежніе Велик. Государи Цари.... а передъ «прежнимъ титла.... ни въ чемъ не убавливати.... И ему бы Государю.... «женитися, изобравъ въ Москов. Государствѣ правосл. Христ. Греч. «Вѣры, у ково ему Государю Богъ благоволитъ».

(590) *Нѣмцев.* II, 462: «Nayhardziey jak sam Zołkiewski, powiada, «zmuszony coraz większym burzeniemsię woyska, na oniu 27 Sierpnia «podpisał pakta z Narodem Moskiewskim». — См. сей Договоръ въ *Собр. Гос. Грам.* II, 391.

(591) Кромѣ одного. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 393: «Алештобъ въ «столномъ городѣ на Москвѣ хотя одинъ Римскій костелъ быти могъ «для людей Польск. и Литовскихъ, которые при Госуд. Королевичу Его «милости мешкати будутъ, о томъ Государю Его милости съ Патріархомъ «и всимъ Духовнымъ Чиномъ и съ Бояры и всими Думными людьми «намова быти маетъ».

(592) См. Договорную Запись, данную съ Рос. стороны Гетману Жолкѣвскому (въ *Собр. Гос. Гр.* II, 403): «На Москвѣ и по городамъ «суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по Судебнику Рос. «Государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія «судовъ, и Государю на то поволити съ Думою Бояръ и всей земли, «чтобъ было все праведно».

(593) Тамъ же: «А кто бездѣтенъ умретъ, и то все, что останется, «отдавати ближнимъ его, или кому онъ прикажетъ; и о всемъ о томъ «дѣлати Государю съ приговору и съ совѣту Бояръ и всѣхъ Думныхъ «людей, а безъ Думы и приговору такихъ дѣлъ не совершати».

(594) Тамъ же (стран. 404): «Доходы собирати по прежнему... А «сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ Бояры, ни въ чемъ не «прибавливати».

(595) *Ник Лѣт.* 111: «И записи на томъ написаша, что дати имъ «Королевича на Моск. Государство, а Литвѣ въ Москву не входити; «стоять Етману Жолковскому съ Литовскими людьми въ Новомъ Дѣ- «вичьемъ монастырѣ, а инымъ Полковникомъ стоять въ Можайску, и «на томъ укрѣпишася и крестъ цѣловали имъ всею Москвою».

(596) См. выше, въ семъ Томѣ.

(597) См. выше, въ семъ Томѣ.

(598) См. 7, 8, 9 и 10 статьи вышесказанныхъ условій.

(599) Нѣмцев. *Dz. Pan. Zyg. III*, Т. II, 475 и 476. — Кобержиц. 297 и 298. — Обрядъ присяги продолжался въ теченіи семи недѣль ежедневно, кромѣ дней Воскресныхъ и большихъ Праздниковъ. См. Машкѣвича (Свв. Арх. 1825, No 3).

(600) *Собр. Гос. Гр.* II, 407.

(601) Такъ онъ названъ въ *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго (стран. 405); а въ *Дѣлахъ Польскихъ* (No 30, л. 133 на обор.) сказано при исчисленіи пожалованныхъ Сигизмундомъ: «Ѳедкѣ Ондронову велѣлъ «Царь вашъ быть Казначеемъ и Думнымъ Дворяниномъ». — Напротивъ того, въ *Рукописи Филаретовой* именуется онъ купцемъ: «Пріиде и бого- «отступный Королевскія Ближнія Думы Ѳедка Андроновъ, прежь бывый «Московскій купецъ». Тоже и *Ник. Лѣт.* 147: «Король прислалъ въ «Казначеи Московскаго измѣнника, торговаго мужика гостиной сотни «Ѳедку Андронникова».

(602) Нѣмцев. *Hist. Pan. Zygm. III*, Т. II. 476. Онъ ссылается на сочиненіе Жолкѣвскаго: *Progres woyny Moskiewskiey.*

(603) См. письмо Лжедимитрія отъ 18 Іюля (Нов. Ст.) 1610 помѣщенное въ концѣ *Zycia J. P. Sapiehy*, подъ No X: «Obiecujemy, i jak «pewny dług na się przyimujemy słowem naszym Carskim, Królowi «Polskiemu, zaraz usiadłczy na stolicy, trzykroć sto tysięcy złotych «oddać; do tego, do dziesięciu lat na każdy rok do skarbu Rzpltey, «po trzykroć sto tysięcy złotych powinni będziemy; do tego Królewi- «cowi także na każdy rok do tegoż czasu po sto tysięcy złotych; ziemię «wszystką Inflandzką kosztem naszym do Korony Polskiey rekuperować «obiecujemy. Do Królestwa także Szwedzkiego kosztem naszym dopo- «modz Królowi Polskiemu obiecujemy, i póki ta expedycya trwać «będzie, 15,000 woyska do boju sposobnego narodu tutecznego stawić «będziemy powinni, i obiecujemy do tego: przeciwko każdemu nieprzy- «jacielowi Korony Polskiey dopomodz zobopólnie ludźmi swemi, czego «i oni nam przeciwko nieprzyjaciołom naszym dopomodz mają», etc.

(604) Этотъ монастырь названъ у Нѣмцевича (стр. 478) *Nowe hroszy*, т. е. *на Угрешѣ*.

(605) Слова Самозванца: «Wolę służyć u chłopa, niż z rąk Króla «Jmci chleba patrzyć», и Марины: «J ja też z mojey strony uczynię «propozycye: niech też Król Jmć ustąpi Carowi Jmci Kracowa, a Car «Jmć da za to Królowi Warszavę». См. въ *Нѣмцевичѣ*, стран: 478.

(606) *Нѣмцев.* стран. 480 и 481.—*Zycie J. P. Sapiehy* стран. 233.

(607) Въ *окружной* Грамотѣ Боярина Кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, отъ 4 Сентября 1610 г. исчислены оставившіе тогда Самозванца: «Литовскіе «люди Янъ Сопѣга съ товарищи, да Рускіе люди Бояре К. Мих. Туре- «нинъ, К. Ѳед. Долгорукій, и воровскіе совѣтники, К. Олексѣй Ситцкой, «Олександро Нагой, Григорей Сунбуловъ, Ѳед. Плещеевъ, К. Ѳед. Засѣ «кинъ, да Дьякъ Петръ Третьяковъ, и всякіе служивые и неслужывые «люди вину свою Государю Королевичю принесли». (См. *Собр. Гос. «Грам.* II. 441).

Въ сей грамотѣ означенъ и день, въ который они оставили Лжедимитрія (26 Авг.). Далѣе: А воръ... не со многими людьми, съ своими совѣтники *въ ту пору* ночною порою утекли.

(608) Нѣмцевичъ (*D. P. Z. III*, Т. II. 484), кромѣ сихъ городовъ, именуетъ еще Переславль, Серпуховъ, Нижній, Вологду, Бѣлозерскъ, даже Новгородъ Великій со всею страною до Ледовитаго моря; упоминаетъ и о другихъ мѣстахъ подъ непонятными названіями *Czeranda* (Чердынь?), *Rożanka, Szyszyskie Zamki* (?).

(609) См. Рисунки сихъ медалей и монетъ въ *Dz. Pan. Zygm III*, Т. II. стран. 482. На медали, съ одной стороны грудное изображеніе Королевича (въ лѣтахъ зрѣлыхъ), вокругъ онаго надпись: WLADISLAVS E. Z. P. R. P. ET SV. M. DVX MOSCHOVIAE, съ другой младенецъ всходящій на обелискъ, который украшенъ вѣнкомъ и двумя пальмовыми вѣтвями; надъ ними въ облакахъ монограмма имени Христа Спасителя IHS, и вокругъ надпись: VEL SIC ENITAR; на монетѣ представленъ съ одной стороны Св. Великомученикъ Георгій, на оборотѣ остались слова: ВЕЛИКІ КНЯЗЬ..ЛЯДІСЛАВ..ЗІГМОНТ..ВІЧЪ.

(610) См. выше, стран. 202.

(611) См. выше, стран. 37.

(612) *Ник. Лѣт.* 142: «Будетъ пришли вы въ Соборную Апостоль- «скую церковь правдою, а не лестію, и будетъ въ вашемъ умыслѣ не «будетъ нарушеніе православной Христіанской Вѣрѣ, то буди на васъ «благословеніе отъ всего Вселенского Собору и мое грѣшное благосло- «веніе; а будетъ вы пришли съ лестію и нарушеніе будетъ въ вашемъ «умыслѣ православной Христіанской истинной Вѣрѣ, то не буди на васъ «милость Божія и Преч. Богородицы, и будте прокляты отъ всего Все-

«ленскаго Собору.... Той же Бояринъ Мих. Салтыковъ съ лестію и со «слезами глаголаше Патріарху, что будетъ прямой истинной Государь; «онъ же ихъ благослови крестомъ. Тутъ же къ нему приде ко благосло- «венію Михалко Молчановъ; онъ же ему возопи: окаянный еретиче, не «подобаетъ тебѣ быти въ Соборной Апостольской церкви, и повелѣ его «изъ церкви выбить вонъ безчестнѣ».

(613) См. въ Нѣмцевичѣ письмо Жолкѣвскаго къ Королю и проч.

(614) См. Нѣмцев. *D. P. Z. III*, Т. II. 482, 483, и письмо Жолкѣвскаго къ Королю. — Авр. Палиц. 210: «Мнози къ вору Калужскому «начаша прямити и ссылатися».

(615) *Ник. Лѣт.* 143. См. также *Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго*, Т. II, 20 и дал., гдѣ находится выписка изъ Наказа, даннаго симъ Посламъ.

(616) См. *двѣ вирющія* Грамоты, данныя симъ Посламъ въ Сентябрѣ 1610 г. и Грамоту Патріарха Ермогена и всѣхъ Россійскихъ Духовныхъ и другихъ всякаго чина и званія людей къ Королевичу Владиславу, писанную 12 Сентября (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 445 и 446).

Нѣмцевичъ (II, 484) утверждаетъ, что Послы отправились въ сопровожденіи 4000 человѣкъ. Это несправедливо: Кобѣржицкій говоритъ просто: «numeroso comitatu». Въ Статейномъ спискѣ (смотри *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* Т. II, 21) сказано: «Изъ Московскихъ Чиновъ «Стольники, Ив. Головинъ и Бор. Пушкинъ; Дворяне, К. Як. Борятин- «скій и Бор. Глѣбовъ; Стряпчій Леонт. Пивовъ; жильцы Ив. Коробинъ «и Сем. Ивановъ; Стрѣлец. Голова Ив. Козловъ; гости, Ив. Кошуринъ «и Григ. Твердиковъ и при нихъ 6 лучшихъ торговыхъ людей; 8 Стрѣль- «цевъ изъ Приказовъ; 4 Московскихъ жилецкихъ людей съ сотенъ и «слободъ; 7 подьячихъ; 46 Дворянъ изъ городовъ. Сверхъ того при Мит- «рополитѣ 8 Священниковъ, 1 Ризничій, 1 Духовникъ, 130 Митропо- «личьихъ Дѣтей Боярскихъ и слугъ, 211 людей Посольскихъ, да при «Дворянахъ людей и нижнихъ чиновъ 247 человѣкъ. Наконецъ дано для «сопровожденія Посольства 456 человѣкъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и «Стрѣльцевъ».

(617) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 445.

Ник. Лѣт. 143: «Патріархъ же Митрополита и Бояръ благослов- «ляше и укрѣпляше, чтобъ постояли за православную за истинную Хри- «стіанскую Вѣру, ни на какіе бъ прелести Бояре не прельстилися; Мит- «рополитъ же Филаретъ даде ему обѣтъ, что умереть за православную «Христіанскую Вѣру».—Тамъ же сказано вообще, что для Посольства избрали «мужей разумныхъ и грамотѣ досужихъ отъ Священническово «Чину и отъ Дьяконсково, *которые бъ умѣли говорити съ Латыни о «православной Вѣрѣ*». Однакожь въ Наказѣ Посламъ (*Дополн. къ Дѣян. Петра В.* II, 31) именно запрещено имъ входить съ Поляками въ прѣ- нія о Вѣрѣ. «А спороватися намъ о Вѣрѣ не наказано» (*Собр. Гос. Грам.* II, 422).

(618) См. выше, на стран. 250, 17-ю статью заключеннаго Гетма- номъ Договора.

(619) См. *Доп. къ Дѣян. Петра В.* (II, 96).—Въ *Ник. Лѣт.*: «Врагъ «же прельсти отъ Сугклитъ четырехъ человѣкъ.... и начаша вмѣщати въ «люди, что будто черные люди хотятъ; впустить въ Москву вора... и «пустиша Етмана съ Литовскими людьми въ городъ». Въ Нѣмцев. (II, 484): Zołkiewski uprzeymością swoją tyle dokazał, iż odebrał «od «Bojarów zaproszenie, aby wszedł do stolicy».

(620) Нѣмцевичъ.

Ник. Лѣт. 144: «Етманъ же ста на Царя Борисовѣ старомъ дворѣ, «а солдатовъ и гайдуковъ поставиша въ Кремлѣ городѣ, по полатамъ и

«по хоромамъ Государевымъ: а Полковниковъ и Ротмистровъ поставиша «въ Китаѣ городѣ и въ Бѣломъ, по Боярскимъ дворамъ, и ключи горо-«довые взяша къ себѣ, и по воротамъ поставиша своихъ людей Нѣмецъ «и гайдуковъ».

(621) Въ *Грамотѣ*, писанной изъ Казани въ Хлыновъ, въ Генварѣ 1611 года: «А стоитъ онъ»—Госѣвскій—«въ Кремлѣ городѣ на Борисов-«скомъ дворѣ Ѳедоровича Годунова, и иные Литовскіе люди въ Кремлѣ «и въ Китаѣ и въ большомъ каменномъ городѣ по Боярскимъ и по «Дворянскимъ и торговыхъ людей на дворѣхъ стоятъ многіе», и пр. (См. *Собр. Гос. Грам.* II, 491).

О дворѣ Царскомъ при Ѳеодорѣ, см. сей *Исторіи* Т. X, 199.

(622) См. *Собр. Гос. Грам.* II, 493 и 494: также *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* Т. II, 113.

(623) Нѣмцев. въ *D. P. Z. III*, Т. II, 486.

(624) См. Т. XI, 282.

Ник. Лѣт. 145: «Етманъ же Желковскій и съ тѣми измѣнники Мос-«ковскими нача умышляти, како бъ Царя Василья и братью его отвести «х'Королю, и умыслиша, что ево послати въ Осифовъ монастырь. Пат-«ріархъ же и Бояре, кои не присташа къ ихъ совѣту, начаша говорити, «чтобъ Царя Василья не ссылали въ Осифовъ монастырь, а сослать бы «на Соловки: они жь быша уже сильны на Москвѣ, тово не послушаху «и его послаша въ Осифовъ монастырь, а Царицу его въ Суздаль въ «Покровской монастырь».

Дѣла Польск. No 30. л. 128 на об.: «А Царя Василья мы Гетману «Желковскому не отдавывали, мы Бояре всѣ поговорили, что было его «отпустити по его обѣщанью къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а будетъ «тутъ за Королевичемъ, только бъ Гетманской приговоръ отъ васъ не «нарушился, у Троицы въ Сергіевѣ быти не льзя, и его бъ отпустити «въ Кириловъ, или на Соловки, куды онъ произволитъ... Ино ты Алек-«сандръ (Госѣвскій) и Михайло Салтыковъ съ товарыщи о томъ насъ «не послушали, а послали вы его, взявъ у насъ, въ Осифовъ монастырь; «да какъ Гетманъ Станиславъ Желковской пошелъ съ Москвы х'Королю «подъ Смоленскъ, и его въ Осиѳовѣ монастырѣ взялъ».

О назначеніи Госѣвскаго начальникомъ Стрѣльцевъ см. Нѣмцевича (II, 487) и въ *Дѣлахъ Польскихъ* (No 30, л. 134) «А ты, Александръ, «по Королевской грамотѣ сверхъ всего уряду учинился Бояриномъ въ «Стрѣлецкомъ Приказѣ».

О числѣ Стрѣльцевъ см. въ *Дневникѣ* Машкѣвича.

(625) См. *D. P. Z. III.*

(626) См. Кобѣржицкаго, стран. 339 и дал., и Нѣмцевича (II, 489).

(627) См. выше, стран. 257.

(628) *Дипл. Собр.* Б. Каменскаго, стр. 422: «См. отписки Пословъ «въ Польскихъ Столицахъ 1610 г.».

Голиковъ (въ *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 34 и 35) исчисляетъ сіи письма: отъ 18, 21 и 30 Сентября.

(629) См. *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 39. Тутъ помѣщена и рѣчь Канцлера Сапѣги.

(630) Въ наказѣ Посламъ (*Собр. Гос. Грам.* II, 422): «Королевичу «Влад Жигимонтовичу бьемъ челомъ со слезами, чтобъ онъ Государь «пожаловалъ... приняль крещеніе наше православные Христ. Вѣры Гре-«ческаго Закона и былъ бы... Государемъ Царемъ... въ нашей право-«славной Христ. Вѣрѣ также, какъ были прежніе Великіе Государи наши «Цари... А то вамъ самимъ всѣмъ вѣдомо, что наша Христіанская Вѣра «Греческого Закона изъ древнихъ лѣтъ истинная, святая, непорочная, «православная Вѣра, и во всемъ православномъ основаніи Божіею бла-

«годатію отъ начала и до сего дни стоитъ твердо и непоколебимо... Бити «челомъ... чтобъ онъ Государь пожаловалъ крестился въ Смоленску, или «гдѣ онъ Государь произволитъ, хотя и близко Москвы подшодчи, въ «которомъ городѣ, чтобъ ему Государю притти на свой Царской престолъ «въ царствующій градъ Москву въ нашей правосл. Вѣрѣ Греч. закона».

(631) Тамъ же (II, 430): «Великій бы Государь Королевичь пожа«ловалъ шолъ не мешкая, чтобъ его Великіе Государства, будучи *безго«сударны*, не пустѣли и не разорялись».

(632) *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* Т. II, 121.—Отвѣтъ Пословъ см. въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 468) въ отрывкѣ Грамоты, писанной ими въ Ноябрѣ 1610 г. къ Боярамъ въ Москву.

(633) Въ томъ же отрывкѣ: «Мы въ томъ даемъ души свои». Возраженіе Пановъ см. въ *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* (II, 58, и 62).

(634) «Чтобъ тѣмъ большіе смуты въ людяхъ не учинилося, нашедъ «бы не потерять и послѣ бъ о томъ раскаянья не было». См. отрывокъ Грамоты, о коемъ упомянуто выше.

(635) *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 67.—Землею Поморскою называлась сѣверная часть Россіи, отъ Бѣлаго и Ледовитаго моря.

(636) Тамъ же, 69.

(637) См. выше, стран. 249.

(638) Сіе было сказано послѣ продолжительнаго спора о происхожденіи Св. Духа и о ненадобности Владиславу повторять обрядъ крещенія въ Россіи. См. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 79.

(639) См. выше, стран. 246.

(640) См. въ *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 87, 92, 93 и 94.

(641) *Дѣл Полск.* No 30, л. 133 на обор.: «Ѳедькѣ Ондронову ве«лѣлъ Царь вашъ быти Казначеемъ и Думнымъ Дворяниномъ».—О прощаньѣ Жолкѣвскаго съ Московскими Боярами и оставшимися въ столицѣ Поляками, см. Кобѣрж. 349 и 352, и Нѣмцев. II, 495.

(642) См. Нѣмцев. *D. P. Z. III*, Т. II, 497. Кобѣржицкій не упоминаетъ о семъ.—Въ *Ник. Лѣт.* 147: «Зашедъ въ Осифовъ монастырь и «Царя Василья взяша съ собою и поидоша къ Королю подъ Смоленскъ». Тоже и въ *Дѣл. Пол.* No 30 (см. выше, прим. 624). Но Палицынъ повѣствуетъ, что Царь Василей находился въ Чудовѣ монастырѣ (стран. 207), а объ увезеніи его говоритъ только (стран. 210): «Желковской по«велѣ со Царя В. І. Шуйскаго черное платье сняти и отвести въ плѣнъ «къ Королю Жигимонту».

(643) *Ник. Лѣт.* 147: «О горе и люто есть Московскому Государству! «Како не побояшеся Бога, не помня своего крестнаго цѣлованія, и не «постыдясь ото всея селенныя сраму, не помроша за домъ Божій, Пре«чистыя Богородицы, и за крестное цѣлованіе Государю своему, само«хотѣніемъ своимъ отдаша Московское Государство въ Латыни и Госу«даря своего въ плѣнъ! О горе намъ! Како намъ явитися на праведномъ «судѣ избавителю своему Христу, и како намъ отвѣтъ дати за такіе «грѣхи, и како намъ инымъ Государствамъ противъ такіе укоризны «отвѣтъ дати; не многіе жь враги на то думаша, да мы всѣ душами «погибохомъ».

(644) Аврам. Пал. пишетъ, что съ него было снято монашеское платье. См. выше въ прим. 642.

(645) *Ник. Лѣт.* 148: «Царь же Василей ста и не поклонися Ко«ролю. Они же ему всѣ рекоша: поклонися Королю; онъ же крѣпко му«жественнымъ своимъ разумомъ напослѣдокъ живота своего даде честь «Московскому Государству, и рече имъ всѣмъ: не довлѣетъ Московскому «Царю поклонитися Королю: то судьбами есть праведными и Божіими, «что приведенъ я въ плѣнъ; не вашими руками взятъ быхъ, но отъ

«Московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабъ отданъ быхъ. Король же «и вся Рада Паны удивишася ево отвѣту».

(646) *Собр. Гос. Грам.* II, 476: «И по вашей де отпискѣ съ Москвы «Государю нашему указу не дожидатца: не Москва де Государю нашему «указываетъ; Государь нашъ Москвѣ указываетъ».

Въ началѣ Ноября и Гетманъ Жолкѣвскій сталъ участвовать въ переговорахъ съ Послами (см. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 107—114). Оправдываясь въ томъ, что обязавшись итти на Лжедимитрія, вступилъ вмѣстѣ того въ Москву, онъ говорилъ, что сдѣлалъ сіе по усильной просьбѣ самихъ жителей Московскихъ. Когда начали читать Договоръ его съ К. Елецкимъ и Волуевымъ, онъ отвѣчалъ: «Я не помню его и «подписалъ не читавъ: лучше говорить объ одной Московской записи, «которую и Король утверждаетъ».

(647) *Собр. Гос. Грам.* II. 474: «И Дворяне, господа, и Стольники, «и Дѣти Боярскіе розныхъ городовъ, которые съ нами посланы, и гости «и торговые люди Митрополиту и намъ говорили накрѣпко, чтобъ намъ «однолично на томъ стояти, чтобъ въ Смоленескъ Польскихъ и Литов«скихъ людей не пустити ни одного человѣка; а будетъ по грѣхомъ «Жигимонтъ Король похочетъ надъ Смоленскомъ промышляти и Смо«ленска доступати, и которая кровь прольется, и та де будетъ не отъ «насъ, потому что Великій Государь Жигимонтъ Король милости надъ «нами не показалъ и хочетъ дѣлати мимо договоръ... А Смолняне Дво«ряне и Дѣти Боярскіе намъ тожь говорили: хотя де въ Смоленску наши «матери и жены и дѣти погибнутъ», и пр.

(648) Тамъ же, 469.

(649) *Дѣла Пол.* No, л. 132 на об.: «И ты, Александръ» — Госѣвскій — «ключи городовые всѣхъ воротъ взялъ ты къ себѣ и нарядъ съ «большого и съ деревяннного и съ каменного города, все и зелье и «свинецъ и пушечныя ядра и въ казнѣ нарядъ же зелье и свинецъ и «всякіе пушечные запасы взялъ въ Кремль да въ Китай, а ино и на «Царевъ Борисовъ дворъ, гдѣ ты стоялъ, и по воротомъ, по всѣмъ по «городовымъ поставилъ сторожей своихъ, Польскихъ и Литовскихъ лю«дей, а Московскихъ Стрѣльцевъ отослалъ и прочь и рѣшотки у улицъ «посломалъ и сторожей отослалъ, и Московскимъ никакимъ людемъ съ «саблею не токмо при бедрѣ, и купцомъ съ продажными, и плотникомъ «съ топоры ходити, и ножа по бедрѣ никому носити не велѣлъ, и дровъ «мелкихъ на продажу крестьяномъ привозити не давалъ», и пр

Ник. Лѣт. 151: «Достальныхъ съ Москвы всѣхъ ратныхъ людей «разослаша, и рѣшотки по улицамъ всѣ посѣщи повелѣша, и на Москвѣ «съ саблями, съ пищалями не велѣша ходити, но и дровъ тонкихъ къ «Москвѣ не повелѣша возити и тѣсноту дѣлаша Московскимъ людемъ «великую».

(650) *Собр. Гос. Грам.* II, 491: «Рускимъ людемъ по утру рано и «въ вечеру поздно ходить не велять». Тутъ же и прочія подробности.

(651) *Дневникъ* Машкѣвича.

(652) Машкѣвичъ.

(653) Авр. Пал. 209 и 211.

(654) Отрывокъ сей Грамоты, писанной 21 Ноября, см. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 466: «Есть ли то есть вамъ самимъ варовно и безпечно, «поити намъ прочь изъ Смоленска, не испокоивши Государства Москов«ского?.. Надобеть впередъ вора Колуского знести и згладити, и людей «его, которые ему воровства помогаютъ, розвести и показпити и выгнати, «да и нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которыхъ тутъ будетъ «не надобеть, прочь отсюль вывести, кровь Хрестьянскую уняти, городы «очистити и все Московское Государство основательно успокоити; а

«потомъ... поити намъ въ Государства наши... и тамъ на Соймѣ вели-«комъ *валнемъ* (т. е. общемъ)... съ вашими великими Послы... договоръ «и докончанье учинити».

(655) Грамота о вознагражденіи измѣнниковъ дана 21 Сентября См. *Собр. Гос. Грам.* II, 451. Въ ней упомянуто еще о Вельяминовѣ, Грязномъ, Плещеевѣ, Андроновѣ, Чичеринѣ, Соловецкомъ, Витовтовѣ, Апраксинѣ и Юрьевѣ. Записку о другихъ Сигизмундовыхъ милостяхъ см. тамъ же, стран. 480.

(656) См. тамъ же, стран. 517: «А вмѣнилъ, отецъ де съ сыномъ «нераздѣльно».

(657) Авр. Пал. 211: «Сенаторы же и Гетманы рекоша Посломъ: «Вы одни Послы токмо бездѣльничаете, а Московское Государство все «Королю хочетъ служити и прямити во всемъ, и показываху челобитныя «за руками, кто что у Короля проситъ». — *Ник. Лѣт.* 149: «Бояре и «всякіе люди посылаху подъ Смоленескъ, и сами ѣздяху съ дарами и «прошаху честей, помѣстей и вотчинъ и жалованья».

(658) Авр. Пал. 211: «По всей же Русской земли начатъ» — Гетманъ—«посылати, дани великіи и оброки имати». См. также *Дѣла Польск.* No 30, и *Собр. Гос. Грам.*

(659) Донесенія Ивана Салтыкова Королю, отъ 17 Ноября 1610 г. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 454 и дал.

(660) См. Нѣмцевича (II, 499) который ссылается на Кобѣржицкаго (стр. 357) и на Ruch's T. IV, 69; также Видекинда *Hist. belli Sveco-Moscoviticі*, 190, и Донисенія Ивана Салтыкова.

(661) См. *Ник. Лѣт.* 145, и выше, прим. 512. См. также въ *Собр. Гос. Грам.* II, 457 и 460.

(662) См. Донесенія Салтыкова (въ *Собр. Гос. Грам.* II, 454) и *Псков. Лѣт.* л. 84.

(663) См. въ семъ Томѣ, стран. 136.

(664) Лжедимитрій отправилъ въ Астрахань Керносицкаго съ объявленіемъ милости ея жителямъ и съ извѣстіемъ, что желаетъ у нихъ основать свою столицу: ибо Москва и Сѣвера осквернились *некрестями* См. Бера.

(665) *Ник. Лѣт.* 150: «Воевода Богданъ Яковлевичь Бѣльской нача «говорити и крѣпити, чтобъ вору креста не цѣловати, а цѣловати крестъ, «кто будетъ Государь на Московскомъ Государствѣ. Дьякъ же Никоноръ «Шульгинъ умысля съ тѣми ворами, повелѣ Богдана убити; они жъ «Богдана поимавъ и взведоша ево на башню и скинуша съ башни и убиша». Имя сего Воеводы находится въ Грамотахъ писанныхъ изъ Казани въ Генварѣ, и въ Казань въ Мартѣ 1611 г.; но въ Маѣ того года о немъ уже не упоминается. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490, 492, 520. 523 и 541.

(666) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 541. Чрезъ два дня послѣ убіенія Бѣльскаго получена въ Казани вѣсть о смерти Лжедимитрія См. *Ник. Лѣт.* и *Ст. Лат. Кн.*

(667) См. Бера.

(668) Сей Ханъ былъ прежде въ сношеніяхъ съ Поляками. Рожинскій писалъ объ немъ къ Королю 27 Февр. (Н. Ст. 1610 г.: «Car Kasimowski «usilnie prosi, adyś mu W. K. M. do siebie przyjechać rozkazać rac-«zył». См. Нѣмц. *D. P. Z. III*, Т. II. 398.

Ник. Лѣт. 149: «Того жь сынъ Царя Урмометя сказа вору, что «отецъ его надъ нимъ умышляетъ и хочетъ убить; той же воръ... посла «по Царя, чтобъ ѣхалъ съ нимъ... и начаша ѣздити съ собаками... и на-«чаша отъѣзжати отъ людей, только взяша съ собою Мих. Бутурлина «да Игнашка Михнева, и отъѣхаша отъ людей подалѣ, и того Царя и «людей съ нимъ убиша и вкинуша въ Оку, а самъ выскоча къ людемъ

«и возопи, что Царь меня хотѣлъ убити и побѣжа къ Москвѣ, и посла «за нимъ гонятн». О заключеніи Кн. Петра Араслана Урусова, см. Бера. который называетъ его *Русланомъ*. — Палицынъ (стран. 212) пишетъ, напротивъ того, что Петръ Урусовъ умертвилъ Хана: «и оскорбѣ воръ»— Лжедимитрій— «по Цари Касимовскомъ, потужи Сатана по бѣсѣ; повелѣ «того Князя Петра ввергнути въ темницу».

День смерти Тушинскаго Самозванца означенъ въ Берѣ.

(669 См. Бера, Кобѣржицкаго (стран. 319) и Нѣмцевича (II, 501).

(670) Берх: «Въ дворцовой церкви». *Ник. Лѣт.* 150: «Въ Калугѣ «же увѣдаша то, что Кн. Петръ Урусовь убилъ вора, взволновашася «градомъ всѣмъ и Татаръ побиша всѣхъ, кои въ Колугѣ были; его жь «вора взяша и погребоша честно въ Соборной церкве у Троицы; а Сер- «домирсково дочь Маринка... роди сына Ивашка; Калужскіе жь люди «всѣ тому обрадовашесь, и называху его Царевичемъ и крестиша его «честно». Аврам. Пал. 213: «Остася сука со единѣмъ щенятемъ».

(671) Къ К. *Юр. Ник.* (?) Трубецкому и товарищамъ его писалъ Янъ Петръ Сапѣга въ Февралѣ 1611 г. *(Собр. Гос. Грам.* II, 507), увѣряя, что онъ не служитъ Королю, а желаетъ дѣйствовать за одно съ ними и съ Ляпуновымъ противъ враговъ Вѣры православной.

(672) *Хрон. Столяр.* л. 558: «Которые Бояре и Окольничіе и вся- «кихъ чиновъ люди у вора въ Колугѣ, и тѣ крестъ цѣловали, что имъ «съ Московскимъ Государствомъ быть въ соединеніи... и кого Богъ (дастъ) «на Московское Государство Государя, тому имъ Государю и служити». — *Ник. Лѣт.* 151.

(673) Нѣмц. *D. P. Z. III*, Т. II. 502.—*Ник. Лѣт.* 151.

(674) См. о самовластіи Сигизмунда выше, стран. 275.

(675) См. выше, стран. 239, и *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.*, Т. II, стр. 146 и 174.

(676) Московскіе Бояре донесли о томъ Королю въ Генварѣ 1611 года. См. *Собр. Гос. Грам.* II, 490.

(677) Тамъ же, стран. 486: «Приходили къ намъ».—Королю — «Спаса «Новаго монастыря Архимандритъ Еуѳимей, да Живонач. Троицы Сер- «гіева монастыря Келарь Старецъ Аврамей Палицынъ, бити челомъ о «сынѣ нашемъ Владиславѣ Жигимонтовичѣ, и мы ихъ челобитье слу- «шали, отпустили къ вамъ» — Боярамъ — «къ Москвѣ по монастыремъ, «по прежнему». Писано 12 Декабря 1610 г.—Самъ же Палицынъ, не упоминая о себѣ, говоритъ только: «Послы до конца отчаяшася и не «вѣдуще что сотворити. Нѣцый же отъ нихъ къ царствующему граду «возвратишася». Сукинъ и Васильевъ, по словамъ Лѣтописи, о коей упоминаетъ Голиковъ (см. *Доп. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 135), сами просили Короля поручить имъ привести всю Москву и Россію къ присягѣ ему. Вѣрный отечеству Луговскій говоритъ съ негодованіемъ: «Беззаконіе «неслыханное: оставить Государство и земское дѣло и товарищей, съ «коими посланы! Какими глазами измѣнники будутъ смотрѣть въ Москвѣ «на образъ Пречистыя Богоматери, ихъ отпустившей»?—*Ник. Лѣт.* 148: «Вас. Сукинъ да Дьякъ Сыдавной Васильевъ отъ Митрополичья совѣту «отсташа и прелстишася къ Литвѣ, и что думаху съ Митрополитомъ и съ Бояры, и то все разсказаше Литвѣ».

(678) *Собр. Гос. Грам.* II, 494: «За два дня предъ Рожд. Христ. «писали съ Москвы къ Королю Мих. Салтыковъ, да Ѳед. Андроновъ, да «К. Вас. Масальской и съ своими совѣтники, что вора убили, который «назывался Царевичемъ Дмитреемъ, и въ то время на Москвѣ Русскіе «люди возрадовалися и стали межь себя говорить, какъ бы де во всей «землѣ всѣмъ людемъ соединятись и стати противъ Литовскихъ людей,... «на чемъ крестъ цѣловали».—Московскіе жители писали въ Генварѣ мѣ-

сяцѣ въ разные города: «Душами и головами станьте съ нами обще про-«тивъ враговъ креста Христова» (Тамъ же, 496).—Машкѣв. 24 Сентября: «Niewypowiedzienie Moskwa rada: bo już pozbywszy tamtego nieprzy-«zyjaciela,... dopiero już wszelakiemi sposoby zamyślać zaczęli, jako «by nas mogli zbyć z stolicy».

Мстиславскій и проч. Бояре писали къ Королю въ Генварѣ о дѣйствіяхъ Прокопія Ляпунова: «Со всею Резанью... отложился... и въ го-«роды, которые были вамъ Великому Государю послушны, Воеводъ и «Головъ съ ратными людьми отъ себя посылаетъ, и городы и мѣста за-«сѣдаетъ... А на Тулу... прислалъ отъ себя нашего Государского измѣн-«ника Ивашка Зарутцкого съ Казаки; а... Захарей Ляпуновъ... изъ подъ «Смоленска съ братомъ своимъ съ Прокоѳьемъ ссылается грамотками и «людьми» (Тамъ же стран. 489). Прок. Ляпуновъ писалъ къ Нижегородцамъ 31 Генваря: «Мы сослався съ Калуженскими, съ Тульскими, и съ «Михайловскими и всѣхъ Сиверскихъ и Украиныхъ городовъ людьми «давно крестъ цѣловали, и пр... А Володиміръ... и иные города съ нами «одномышленны жь, хотятъ за Вѣру всѣ помереть... Да и во всѣ... По-«низовскіе городы и Поморскіе, и къ Андрею Просовецкому велите от-«писати, чтобъ они всѣ шли къ царствующему граду Москвѣ наспѣхъ, «къ намъ же въ сходъ; а мы о томъ къ нимъ писали жь». (Тамъ же, стран. 498). Въ началѣ Марта писали Ярославцы въ Казань, что они рѣшились *за православную Вѣру стояти и битися до смерти* (Тамъ же).

Ник. Лѣт. 151.

(679) *Собб. Рос. Грам.* 478.

(680) Тамъ же, 480: «Многочисленный народъ Россійскаго Царствія, «ожидаючи Государя Королевича многое время, скорбятъ душею и серд-«цемъ, и такова тяжка времени долго терпѣти не могутъ, яко овца безъ «пастыря, или яко звѣрь великъ главы не имѣетъ». Сія Грамота писана въ послѣднихъ числахъ Декабря 1610 года.

(681) Тамъ же, 494: «Послѣ Рождества Христова, на пятой недѣлѣ «въ Субботу, писалъ съ Москвы Ѳедоръ же Андроновъ, да Михайло Сал-«тыковъ съ товарищи, что въ Москвѣ Патріархъ призываетъ къ себѣ «всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: будетъ Королевичу не крес-«титься въ Крестьянскую Вѣру и не выдутъ изъ Московскія земли всѣ «Литовскіе люди, и Королевичь де намъ не Государь», и проч.

(682) Тамъ же, 495: «Не помните того и не смышляйте никоторыми «дѣлы, что быть у насъ на Москвѣ Королевичу Государемъ... за то что «видятъ — Полки — «на Мѣстѣ надъ лучшими людьми непостоянство во «всемъ крестопреступленіемъ». Сія Грамота писана въ Генварѣ 1611 года.

(683) См. тамъ же, 496. И сія Грамота также писана въ Генварѣ 1611 года.

(684) Тамъ же, 499 и 518.—Подорожныя гонцамъ выдаваемы были отъ имени Патріарха. Въ бумагахъ покойнаго Исторіографа найденъ слѣдующій списокъ одной такой подорожной: «Лѣта 7119, Марта 2 дня, *по благословенію Святѣйшаго Ермогена, Патріарха Моск. и всея Русіи*, «отъ Воеводы Олексѣя Ивановича Зузина, отъ Устюга Великаго до Соли «Вычегоцкіе и до Богоявленскаго Яму и до Паледина и до Каи городка «и до Гаечь и до Чердыни, по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, «всѣмъ людемъ безъ отмѣны, чей кто ни будь: чтобъ есте давали Чер-«дынскому гончю Иваньку Игошеву подводу съ саньми и съ хомутомъ «да проводникъ въ оглобли, вездѣ не издержавъ ни часу, безъ прогонъ, «*для всей земли ратнова, скорова дѣла*».

(685) На Грамотѣ Боярской Думы къ Королю надписано: *Всея Русіи Самодержцу*. См. тамъ же, 490. О данномъ Думою предписаніи Посламъ и Шенну, и объ отправленіи Куракина, тамъ же, 513 и 515.

Дѣл. Пол. No 30, л. 131: «Да ты жь, Александръ» — Госѣвскій — «и Мих. Салтыковъ да Ѳ. Андроновъ съ товарыщи, черезъ Гетманское «и Полковниковъ и Ротмистровъ крестное цѣлованье, учали въ Моск. «Царствѣ всякихъ людей прельщати и приводити на то, чтобы цѣловали «крестъ... Жигимонту Королю, мимо... Королевича».

(686) *Собр. Гос. Грам.* II, 506 и 522: «Ни въ грамотѣхъ вашихъ «тово не написано, чтобъ есте о томъ по совѣту и по благословенію «Патріаршескому писали».

(687) Тамъ же, 534: «А что писано къ намъ..., чтобъ намъ Вел. «Гос. Королю добити челомъ..., и мы Вел. Гос. Королю бьемъ челомъ, «и милости просимъ безпрестани... чтобы Вел. Гос. Король милость по- «казалъ... во всемъ учинити велѣлъ по твоему Гетманскому договору «Станислава Желкѣвского», и проч.

Тамъ же, 513: «К. Ив. Сем. Куракинъ съ товарищи съ Рускими и «съ Литовскими людьми приходили изъ Юрьевца Поволскаго подъ Воло- «димеръ Февраля въ 11 день; и изъ Суздаля... Андр. Просовецкой при- «сылалъ къ нимъ»—Владимірцамъ—«людей на помощь, и дѣло де у нихъ «подъ Володимеромъ было... и К. Ив. Куракина... побили, и К. Ив. Вор. «Черкаскаго взяли въ Володимеръ жива, и К. Ив. де Куракинъ съ Руск. «и съ Литов. людьми... побѣжали Московскою дорогою».

Палицынъ (стран. 216) говоритъ, что ихъ разбилъ Ив. Вас. Волынскій.

(688) Бояре писали къ Королю о Ляпуновѣ: «Ваши Государскіе «денежные доходы и хлѣбъ всякой збираетъ къ себѣ;» (*Собр. Гос. Грам.* II, 489) а Ляпуновъ къ Нижегородцамъ: «Мы Боярамъ Московскимъ «давно отказали, и къ нимъ о томъ писали, что они, прельстяся на «славу вѣка сего, Бога отступили и приложилися къ Западнымъ и къ «жестосерднымъ, на своя овца обратились». (Тамъ же. 497).

(689) О К. Воротынскомъ и К. Голицынѣ, см. *Ник. Лѣт.* 153. — О Засѣкинѣ въ *Дѣл. Пол.* No 30, л. 131 на об.: «Меня К. Ивана» — Воротынскаго — «да К. Ондрея Вас. Голицына, да Окольничего К. Але- «ксандра Ѳедор. Засѣкина... учиня на насъ составъ, подавали за При- «ставовъ».

(690) См. Машкѣвича и Нѣмцевича.

(691) См. Бера. Москвитяне говорили: «Сіи 6000 *влаголей* должны «добромъ убраться отсюда, если не хотятъ, чтобы мы ихъ истребили».

(692) См. Машк. и Нѣмц.

(693) Тамъ же.

(694) Тамъ же.

(695) См. Кобѣржицкаго, стран. 372, и Нѣмцев. II, 510.

Дѣл. Пол. No 30, л. 131: «Видя ваше такое злое дѣло, великій «Святѣйшій Ермогенъ... разжегся по Христѣ вѣрою... тѣхъ измѣнниковъ, «Мих. Салтыкова съ товарыщи, въ ихъ злыхъ дѣлѣхъ обличалъ, и многое «отъ нихъ злодѣевъ и отъ тебя Александра»—Госѣвскаго—«вмѣсто чести, «что было его по Гетманскому договору и по крестному цѣлованью во «чести держати, многое безчестье и тѣсноту и гоненье претерпѣлъ».

(696) *Ник. Лѣт.* 152: «Стану писати х' Королю грамоты..., и васъ «благословляю писати, будетъ Король дастъ сына своего на Московское «Государство и креститъ въ православную Христіанскую Вѣру и Литов- «скихъ людей изъ Москвы выведетъ... а къ Прок. Ляпунову стану пи- «сати... А будетъ Королевичь не крестится и проч.... и я разрѣшаю кои «крестъ цѣловали Королевичю».

Собр. Гос. Грам. II, 491: «И передъ Николинымъ днемъ, въ Пят- «ницу, въ вечеру къ Патріарху приходили Бояр. Мих. Салтыковъ, да «Ѳед. Андроновъ, а говорили о томъ, чтобъ... благословилъ крестъ цѣло-

«вати Королю, а на утрее того приходили о томъ же Бояр. К. Θед. Ив. «Мстиславской, да они жь, Мих. да Θедоръ; и Патріархъ имъ отказалъ... «и у нихъ де о томъ и брань была, и Патріарха хотѣли за то зарѣзати».

(697) *Лат. Ст. Кн.:* «Въ то время Мих. Салтыковъ, выступя изъ «Боляръ, и Патріарха скверно лаяше, и вынявъ ножъ свой, хотѣлъ его «заклати. Патріархъ же Ермогенъ, видя того Михайла безстудіе, и «крестомъ его осѣняше, глаголя: сіе знаменіе креста Господня буди «противу твоего сего дерзновенія и взыдетъ вѣчная клятва на главу «твою, (*Ник. Лѣт.:* «да буди ты проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ») «К. Θеодору же Ив. Мстиславскому Патріархъ рече сице (*Ник. Лѣт.:* «тихимъ гласомъ»): Твое есть начало и тебѣ достойно пострадати за «правду, но прельстился еси отъ истины; преселитъ тебе Господь и «корень твой отъ земли живыхъ, и Христіанскія кончины не получити: «еже и бысть».

(698) Никоновскій, и другіе: «Такожъ и сбысться ево пророчество».

(699) *Собр. Гос. Грам.* II, 521.

(700) Тамъ же, 494.

(701) Нѣмцев. II, 8.

(702) *Собр. Гос. Грам.* II, 486: Въ Грамотѣ 23 Генваря: Божіею «милостію, Вел. Гос. и Вел. Кн. Жигимонтъ... и сынъ нашъ, наяснѣйшій «Вел. Гос. Королевичъ Владиславъ Жигимонтовичь», и пр.

(703) Въ Февралѣ 1611 года. *Собр. Гос. Грам.* II, 505. Голицына упрекали въ преданности Самозванцу и пр. Онъ отвѣчалъ (См. *Доп. къ Дѣян. Петра. Вел.* II, 164 и 167): «Отпущали насъ къ Великимъ Госу- «даремъ бити челомъ Патріархъ и Бояре и всѣ люди Москов. Государ- «ства, а не одни Бояре... а нынѣ они такое великое дѣло пишутъ къ «намъ одни, мимо Патріарха,... и то ихъ дѣло къ намъ первое не «добро... Другая къ намъ Боярская немилость: намъ въ наказѣ написали «и бити челомъ Корол. Величеству велѣли, чтобъ Кор. Величество по- «жаловалъ отъ Смоленска отступилъ, и пр.... а нынѣ къ намъ писали, «что они къ Кор. В-ву со К. Андр. Масальскимъ писали... чтобъ Кор. «В-во шелъ на вора подъ Калугу... Мы Кор. В-ву бьемъ челомъ, и вамъ «своей братьѣ Паномъ говоримъ по наказу, каковъ намъ данъ, а К. «Андрей Масальской бьетъ челомъ, чтобы Кор. В-во пошелъ подъ Ка- «лугу, а того не вѣдаемъ... А К. Андрею было Масальскому съ такимъ «дѣломъ мочно и къ намъ ѣхати. А ко мнѣ ко К. Василью писали нынѣ «съ Игн. Хомутовымъ, по вѣтренной сказкѣ, что будто я, идучи подъ «Смоленскъ, съ воромъ ссылался, и тѣмъ меня позорятъ, и какъ дастъ «Богъ увижу на Московскомъ Государствѣ Государя нашего Владислава «Жигимонтовича, и ему Государю своему въ своемъ безчестьѣ учну на «нихъ бити челомъ въ томъ...»

(704) *Собр. Гос. Грам.* II, 502 и 503.

(705) Нѣмц. *D. R. Z. III*, Т. III, 7. — Кобѣрж. 382. — За Салтыковымъ гнался Потоцкій, но не могъ догнать его. Сему Салтыкову Поляки поручили убѣдить Пословъ Россійскихъ къ безпрекословному исполненію Королевской воли, *не заботясь о Патріархѣ, которому не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя.* Митрополитъ и прочіе Послы отвѣчали ему съ презрѣніемъ. 2 Апрѣля они сказали: «Ты говоришь «намъ дѣлати о Смоленску, а Приставы наши... грозятъ намъ вести насъ «въ Польшу... и суда къ намъ подъ дворъ подвезены, и намъ то не «страшно... Но надобно Паномъ Раднымъ о томъ Государю своему «радѣти, чтобъ кровь Христіанскую уняти, а нашею свозкою не уймется. «а больши литися станетъ; а тебѣ, Иванъ Никитичь, по томужъ надобно «попомнити Бога... а на разоренье Государства своего не посягати... И

«такъ сами есте видите, что надъ онымъ дѣлается». (См. въ *Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.* II, 190 и 224).

(706) *Собр. Гос. Грам.* II, 455 и 460.

(707) См. выше, стран. 162.

(708) *Лѣт. о мятежахъ*, 214.—*Ник. Лѣт.* 151: «Литва жъ слыша о «убіеніи воровскомъ и послаша въ Колугу К. *Юр. Ник.* (?) Трубецково, «чтобъ цѣловали крестъ Королевичю, и изъ Колуги жъ послаша къ Москвѣ... «и говориша Бояромъ къ Литвѣ: будетъ и Королевичь на Моск. Госу«дарствѣ и крестится... и мы ему всѣ ради служити, а теперь мы креста «цѣловати не хотимъ, покамѣста онъ будетъ на Моск. Государствѣ... А. «К. Юрья... убѣжалъ къ Москвѣ бѣгомъ».

(709) См. выше, стран. 260.

(710) *Собр. Гос. Грам.* II, 507 (выше, въ прим. 671), и 510: «Февраля «11 день послалъ язъ»—Ляпуновъ«—въ Калугу къ Боярамъ и къ Вое«водамъ племянника своего Ѳедора Ляпунова съ Дворяны; и велѣлъ ему «съ Бояры и съ Гетманомъ Сапѣгою о такомъ великомъ Божіи дѣлѣ го«воритъ, чтобъ ему съ нами быть въ соединеніи и стояти бы за право«славную Крестьянскую Вѣру нашу съ нами вмѣстѣ за одинъ... а за «служенье... ему гроши дать тогда кого намъ на Московское Государство «Государя Богъ дастъ». Тамъ же на стран. 535 и 541, исчислены по«двизавшіеся, кромѣ Русскихъ: «Мурзы, и служилые новокрещены, и Та«тара, и Чюваша, и Черемиса, и Вотяки, и всякіе люди Казанскаго Го«сударства».

(711) Тамъ же, 507.

(712) *Ник. Лѣт.* 151: «Въ Колугѣ собрася К. Дм. Тим. Трубецкой «да Ив. Заруцкой, на Резани Пр. Ляпуновъ, въ Володимерѣ К. Вас. «Масальской, Ортем. Измаиловъ, въ Суздалѣ Ондр. Просовецкой, на «Костромѣ К. Ѳед. Волконской, въ Ярославлѣ Ив. Волынской, на Рома«новѣ К. Ѳед. Козловской съ братьею, и всѣ соединяся во едину «мысль, что всѣмъ померети за православную Христіан. Вѣру». Что Заруцкій былъ въ Тулѣ, о томъ см. *Сказаніе* Аврам. Палицына, стр. 221, и въ *Доп. къ Дѣян. Петра. В.* II, 197.

Собр. Гос Грам. II, 512 и 519.

(713) Ляпуновъ писалъ къ Нижегородцамъ: «Про то вѣдаемъ под«линно, что на Москвѣ Святѣйшему Гермогену Патріарху... гоненье и «тѣснота велія... А какъ мы къ Боярамъ о Патріархѣ, и о мірскомъ го«неніи и о тѣсноті писали, съ тѣхъ мѣстъ Патріарху, учало быти по«вольнѣе и дворовыхъ людей ему не многихъ отдали». (*Собр. Гос Грам.* II: «497 и 498). Московскіе жители также увѣдомляли о Патріархѣ: «прямъ «яко самъ Пастырь, душу свою за Вѣру Крестьянскую полагаетъ не«сомнѣнно» (Тамъ же, II; 406).

Ник. Лѣт. 155: «Патріархъ рече: «Язъ де къ нимъ»—Ляпунову и «пр.—«не писывалъ, а нынѣ къ нимъ стану писати: будетъ ты измѣн«никъ Мих. Салтыковъ съ Литовскими людьми изъ Москвы выдешь вонъ, «и я имъ не велю ходити къ Москвѣ; а будетъ вамъ сидѣть въ Москвѣ, «и я ихъ всѣхъ благословляю помереть за Православную Вѣру, что ужь «вижу поруганіе Православной Вѣрѣ и разореніе святымъ Божіимъ цер«квамъ, и слышати Латынсково пѣнія не могу: въ то время бысть у «нихъ костелъ на старомъ Царя Борисовѣ дворѣ въ полатѣ. Слышаху «жъ они такія словеса, позоряху и лаяху его, и приставиша къ нему При«ставовъ и не велѣша къ нему никово пущати».

Тамъ же (стран. 156) о крестномъ ходѣ въ Недѣлю Ваій сказано: «Повелѣша всѣмъ ротамъ Литовскимъ коннымъ и пѣшимъ выѣхавъ стояти «по площадямъ всѣмъ наготовѣ, Патріарха же Ермогена взяша изъ за «Пристава и повелѣша ему дѣйствовати». Беръ говоритъ, что Поляки,

опасаясь народнаго возстанія, принуждены были дозволить обыкновенное въ сей день празднество.

(714) См. описаніе сего обряда въ Т. IX, 275.

(715) См. Бера.

(716) *Ник. Лѣт.* 156; «Не поиде никто за вербою».

(717) *The Russ Impostor*, 193: Garrison, consisting of 6000 Horse, and 4000 Foot».

(718) См. Машкѣвича. По его словамъ Ляпуновъ велъ съ собою 80.000, Заруцкій 50.000, Просовецкій 15.000. Если вѣрить Беру, число ополочившихся простиралось до 700.000!

(719) См. Машкѣвича.

(720) *Ник Лѣт.* 156.

(721) Авторъ книги *The Russian Impostor* утверждаетъ, что зачинщиками были Русскіе. Напротивъ того Машкѣвичъ пишетъ: «Tego twierd-«zić nie moge dobrym sumieniem, kto zacazął; jeżli z naszych, albo z «Moskwy przyczyna; ale bliżey tego że *nasi* dali przyczynę do tego «rozruchu, uprzataiąc pierwey w domu, niż drudzy nastąpią». Въ грамотѣ Короля Сигизмунда къ Московскимъ Боярамъ, писанной въ Апрѣлѣ, сказано: «И то учинилось Божіимъ судомъ... а для измѣны невинная «Хрестьянская многая (кровь) розлилась, и Москва городъ разоренъ и «вызженъ, того мы Великій Государь жалѣемъ».

Беръ описываетъ первый поводъ къ ссорѣ слѣдующимъ образомъ: «13 Февраля нѣсколько слугъ изъ Поляковъ покупали овесъ на рынкѣ. Продавецъ потребовалъ съ одного вдвое дороже противъ того, что бралъ съ Русскихъ. Слуга, укоряя его, сказалъ: «зачѣмъ грабишь насъ? развѣ мы не одному Царю служимъ?»—Купецъ отвѣчалъ, что Полякамъ не покупать овса дешевле. Слуга обнажилъ саблю: и на шумъ сбѣжалось человѣкъ сорокъ Русскихъ съ дубинами. Три Поляка остались на мѣстѣ; прочихъ спасла подоспѣшая стража отъ *Водяныхъ* воротъ, она разогнала толпы народа, убивъ 15 человѣкъ. Вѣсть о сей дракѣ пронеслась по предмѣстію и по Бѣлому городу. Жители начали стекаться отвсюду и кровопролитіе было бы неминуемо, если бы Госѣвскій не остановилъ его своею рѣчью къ народу, но лишь до слѣдующаго мѣсяца (то есть Марта 19 числа). «Тогда»—продолжаетъ Беръ—«Русскіе первые напали на Поляковъ».

(722) Такъ пишетъ Машкѣвичъ. См. выше, прим. 721.

(723) Машкѣв.: «Wszczęła się bida w Kitaygrodzie gdźie prędko «lud kupiecki targowy wysiekli». Онъ прибавляетъ, что въ Китаѣ однихъ лавокъ было 40.000!

Ник. Лѣт. 157: «Бысть въ лѣто 7119 году во Святый и Великій Постъ во Вторникъ, и начаша выходити роты по пожару и по площа-«демъ и первое начаша сѣщи въ Китаѣ городѣ въ рядахъ; потомъ же «придоша ко К. Ондр. Вас. Голицыну на дворъ, тово тутъ и убиша. По-«томъ же вышедъ изъ Китая по Тверской улицѣ, и начаша побивати, въ «Тверскіе же ворота ихъ не пропустиша, что быша тутъ Стрѣлецкіе. «Потомъ же поидоша на Устрѣтенскую улицу, на Устрѣтенской же улицѣ «совокупишась съ пушкари К. Дм. Мих. Пожарской, и нача съ ними «битися и ихъ отбиша и въ городъ втопташа, а сами поставиша острогъ «у Веденья Преч. Богородицы. Потомъ же поидоша на Кулишки; таможь «противъ ихъ собрась Ив. Матв. Бутурлинъ, и сташа въ Яузскихъ во-«ротахъ, а улицъ Кулижекъ и иныхъ не можаху отнять. Потомъ же они «поидоша за Москву рѣку, тамъ же противъ ихъ ста Ив. Колтовской».

Хрон. Стол. л. 558 на об.: «И на Страстной Недѣлѣ во Вторникъ «велѣли въ Кремлѣ городѣ Полякомъ и Литвѣ и гайдукомъ Московскаго «Государства всякихъ Русскихъ людей бить и побивать на смерть. И

«изъ города изъ Кремля побѣжали всякіе люди во всѣ ворота и Литва «за ними, гнали въ Китай, и въ Китаѣ на площадѣ и въ рядѣхъ и по «улицамъ Московскихъ всякихъ людей побивали... и ряды и домы гра- «били, и всякіе люди и съ женами и съ дѣтьми изъ Китая выбѣжали «въ Бѣлой каменной городъ, а побито народу много, и въ Бѣломъ городѣ «улицы заметали».

(724) Тамъ же: «И собрался по улицамъ, на Устрѣтенской, и на «Покровкѣ, и за Неглинною, и на Тверской, и на Никицкой, и на Ор- «батѣ, и на Знаменкѣ и на Черторской, и съ Поляки и съ Литвою билися».

(725) См. Машкѣвича.

(726) См. сей *Исторіи* Томъ XI.

Въ концѣ II Тома *Собр. Гос. Грам.* на стран. 604, 605 и 606, помѣщено подробное извѣстіе о Маржеретѣ.—Беръ пишетъ, что Маржеретъ отправилъ изъ замка 400 человѣкъ Москвитянъ въ помощь Полякамъ. По словамъ Машкѣвича сія помощь состояла лишь изо ста человѣкъ пѣхоты. Но Маржеретъ находился «въ Нѣмецкой ротѣ у Поляка Петра «Борковскаго въ Поручикахъ» *Соб. Г. Г.* II, 605). Такъ именуетъ его и Беръ.

(727) Машкѣвичъ пишетъ: «Наши слуги зажигали одинъ домъ, но «онъ не загорался: «зажигали его въ другой, въ третій, въ десятый разъ — и напрасно: онъ былъ какъ очарованный. Наконецъ, сыскавъ смолистыхъ «лучинокъ и льну, успѣли развести огонь. Сдѣлали тоже и въ другихъ «мѣстахъ, гдѣ кто могъ».

Ник. Лѣт. 157: «Видя жь они Литовскіе люди мужество и крѣпко- «стоятельство Московскихъ людей, начаша зажигати въ Бѣломъ гродѣ «дворы; той же зачинатель злу Михайло Салтыковъ первой нача дворъ «жечь свой». Сей Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ тотъ день по улицамъ лежали тѣла убитыхъ кучами, одни на другихъ, выше роста человѣче- скаго.—Кобѣржицкій (стр. 376) пишетъ, что по однимъ извѣстіямъ число погибшихъ простиралось до 60, по другимъ до 100 тысячь. Ленгнихъ, продолжавшій Хронику Бѣльскаго, говоритъ, что Русскихъ убито 6000 (стран. 771), а въ пожарѣ погибло безчисленное множество.

Въ *Дѣлахъ Польскихъ* (No 30, л. 131 на сбор.) сказано о тогдашнемъ мѣстѣ жительства сего Салтыкова и клеврета его Андронова: «Михайло «Салтыковъ мимо своего дворишка (жилъ) на Ивановѣ дворѣ Васильевича «Годунова, а Ѳетка Ондроновъ Благовѣщенского Протопопа на дворѣ, на- «которомъ николи нихто не ставалъ и не живалъ, а живали тутъ все «Благовѣщенскіе Протопопы».

(728) См. Машкѣвича.

(729) *Хрон. Стол.* л. 558 на об.: «И Поляки и Литва и гайдуки, «выходя изъ Кремля и изъ Китая во всѣ ворота на всѣ стороны, и въ «Бѣломъ городѣ зажигали дворы, и Московскіе всякіе люди, видя то... «изъ Москвы побѣжали по всѣмъ дорогамъ... гдѣ кому сручно, у ково «лошадь, на лошадѣхъ, а черные люди всѣ брели съ женами и дѣтьми «пѣши».

Никон. Лѣт. 158: «Литовскіе жъ люди, выѣхавъ изъ города зажгоша «за Олексѣевскою башнею Илью Пророка и Зачатейской монастырь, по- «томъ же и Деревянной городъ зажгоша за Москвою рѣкою». Тамъ же: «Пріидоша отъ Прокофья Ив. Вас. сынъ Плещеевъ; въ тожъ время пріиде «изъ Можайска Полковникъ Струсъ съ Литовскими людьми и съ ними «біющеся; они же противу его не постояша, покиня щиты побѣжаху всѣ «назадъ». *Машкѣв.*: Струсъ кричалъ: Za mną dziecі, kto cnotliwy!»

(730) *Хрон. Стол.* л. 558 на обор.

Ник. Лѣт. 158: «Въ той бо день мразу бывшу велію, онижъ идоша «пе дорогою прямо, яко жъ убо съ Москвы до самые Лузы не видѣху «снѣгу всѣ идяху людіе!»

(731) Тамъ же: «Вышли изъ Китая многіе люди къ Устрѣтенской «улицѣ и х'Кулишкамъ, тамъ же съ ними бился у Веденского острожку «и не пропустилъ ихъ за Каменной городъ прежереченной Князь Д. М. «Пожарской черезъ весь день, и многое время тое страны не далъ жечь, «и изнемогши отъ великихъ ранъ паде на землю, и вземъ его повезоша «изъ города вонъ къ Живонач. Троицѣ въ Серг. монастырь».

По словамъ Машкѣвича, въ слѣдующую ночь, при яркомъ пламени горящей Москвы, было въ Кремлѣ свѣтло, какъ днемъ. Ужасъ сей ночи, прибавляетъ онъ, можно было уподобить аду «Tedysmy już *bezpieczni* «byli, bo ogien w kolo nas strzegł».

(732) См. (въ *Д. къ Д. П. В.* II, 219) слова Лѣтописи: Царскую «казну, многое собранье изъ давнихъ лѣтъ прежнихъ Великихъ Государей Царей Россійскихъ, ихъ Царскія утвари, шапки и короны; и ихъ «Царское всякое достоянье, и чудотворные образы, къ Жигимонту Ко«ролю отослали; а достальную Царскую казну, въ церквахъ Божіихъ, и «въ монастыряхъ, и въ домѣхъ, и въ лавкахъ, и въ погребахъ, многія «неисчетныя богатства, Московскихъ всякихъ людей пограбя, по себѣ «раздѣлили. Кто не восплачетъ и не возрыдаетъ? превыше бо бысть сіе «Виѳлеемска плача, отъ беззаконнаго дѣтоубійцы Ирода; тамо бо младенцы «токмо убійственными закалахуся дланьми, здѣ же престарѣвшіеся и «сѣдинами цвѣтящіи, и въ возрастъ приходящіи юноши, и жены честно«образны и отроковицы нетлѣнны, и младенцы безгрѣшны, вкупѣ отъ «Ляховъ и отъ Германскаго роду раздробляхуся и закалахуся; рыданіе же «повсюду и плачь велегласенъ на аеръ восходитъ: и горы убо супротивъ «плачущихъ возглашаху; брегы же волнами супротивъ шумяху; и бысть «громъ по всему граду всемертвенный, и смертныя врата повсюду зряхуся».—Въ *Собр. Г. Г.* II, 535: «Божіи церкви и монастыри осквернили «и разорили, и раки чюдотворныхъ мощей разсѣкли и чюдотворные мощи «поругали, и во многихъ церквахъ лошади поставили».

(733) См. Бера.

(734) См. Машкѣвича.—Беръ говоритъ, что инымъ доставалось отъ 10 до 20 фунтовъ серебра; что они, презирая богатство, стрѣляли въ Русскихъ жемчужинами; даже истребляли съѣстные припасы не столь вкусные (а ихъ стало бы, прибавляетъ онъ, лѣтъ на шесть); проигрывали въ карты дѣтей знатныхъ Бояръ и купцевъ, и проч. и проч.

(735) См. *Доп. къ Дѣян. Петр. Вел.* II, 229. — У Бера: «Styrile «monastir». — А *Ник. Лѣт.* говоритъ: «Ермогена съ Патріаршества «сведоша въ Чюдовъ монастырь, и приставиша къ нему крѣпкихъ При«ставовъ».—*Машкѣвичъ:* «Patryarchę dano za przystawę Maćickiemu, z «roty Maćyńskiego towarzyszowi». Никто безъ вѣдома Пристава не могъ войти къ Патріарху, и его не выпускали никуда.

(736) Аврам. Палиц. 217: «Архимаритъ же и Келарь, и вси сущіи «во Обители, слышавше сія, зѣло сердцы своими возстенавше, и источ«ницы слезъ многи изліявше, и руцѣ свои воздѣюще ко Всемогущему «Творцу и Избавителю со слезами молящеся.... Того же дни отпустили «наспѣхъ къ царствующему граду на помощь Андрея Өед. Палицына, «а съ нимъ слугъ пятдесятъ человѣкъ, Князя Вас. Туменскаго съ това«рищи, да двухъ Сотниковъ Стрѣлецкихъ, Рахманина, Базлова, да То«мила Яганова, да съ ними Стрѣльцевъ двѣсти человѣкъ».

(737) Тамъ же, 219 и 220: «Разослаша грамоты во вся городы «Россійскія Державы... пишуще къ нимъ о многоплачевномъ конечномъ «разореніи Москов. Государства, моляще ихъ... ити немедленно къ «царств. граду на богомерзкихъ Польск. и Литовск. людей и на Рус. «измѣнниковъ, ко отмщенію крови Христіанскія, и постояти бы за «благочестіе крѣпко и мужественно, и добыти комуждо себѣ вѣчное имя

«и похвалы достойно.. Аще нынѣ о правдѣ не постраждемъ, потомъ «всяко и безъ пользы и безъ воздаянія умрети имамы».

(738) 4 Апрѣля (Нов. Ст.), въ Понедѣльникъ Святой Недѣли. См. Машкѣвича. — По его словамъ, войско Просовецкаго имѣло подвижную «ограду, составленную изъ большихъ саней съ воротами и самопалами. (О семъ, такъ называемомъ *Гуляй-городѣ* см. сей *Исторіи* Т. X, стр. 138). При каждыхъ саняхъ находилось по 10 Стрѣльцевъ: они двигали передъ собою сани и стрѣляли изъ-за нихъ. Сими санями войско было окружено со всѣхъ сторонъ.—См. также *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. II, 517.

(739) См. Нарушевича въ *Hist. Chodk.* Т. I, 331, и Ленгниха, продолжавшаго Хронику Бѣльскаго (стр. 771).

Въ числѣ присланныхъ къ покойному Канцлеру Графу Румянцову выписокъ изъ бумагъ Британскаго музеума есть одна съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Project without title, or date; but evidently from the writing, etc.: addressed to James I, King of England.* Въ сей бумагѣ, послѣ описанія тогдашняго плачевнаго состоянія Россіи, сказано: «This desperate state of theirs made them condescend to receive the «King Roland's sonne for their Prince, upon condition that he should «live amongst them, which the Poles at the first accepting, and «thereupon getting Mosco and some other places quietly into their «hands, and afterwards refuseing to performe it, the Russes revolted. «and beselged Mosco with 100.000 Men, and for aney thing is yet «known are still before it. This made them likewise offer themselves «since unto the King of Sweden, who instead of helping them, hath «possessed himself of a good part of their Countrie. And now finding «nothing but hostility from Poland, and unfaithfulness from Sweden, «the northern parts of that Empire which are yet entire and free «from anie touche of warre, but not from the apprehension and feare «of it, having had long commerce with our nation to the mutual be«nefit of both, and by long conversation grown into a liking of our «natures and conduct, and especially invited by the fame of his Ma«jesties great wisdom and goodness doe much more desire to cast «themselves into his handes than into anie others. And to this pur«pose they had conference with the Agent of the English Compony «there this last summer (as himself hath told me) and would have «sent Embassadors hither, to his Majestie, at the returne of the last «fleet, if the Agent durst have given them anie hope or encourage«ment that they should have prevailed in their desire».

Поляки осаждены въ Москвѣ 1 Апрѣля. См. Рукоп. Филарета, и *Собр. Гос. Грам.* II, 536.

Ник. Лѣт. 159: «Придоша жъ всѣ Воеводы изо всѣхъ городовъ къ «Николѣ на Угрѣшу, и совокупишася вси за едино, поидоша подъ Москву: «Литовскіе жъ люди выидоша за Яузскіе ворота, и поставиша съ ними «бою не много, поидоша всѣ въ городъ. Воеводы жъ придоша подъ «Москву и начаша становитися подлѣ каменново Бѣлово города: Проко«фей Ляпуновъ ста съ ратными людьми у Яузскихъ воротъ, К. Дм. Тим. «Трубецкой да Иванъ Заруцкой сташа противъ Воронцовского поля, «Воеводы жъ Костромскіе и Ярославскіе К. Ѳед. Волконской, Ив. Во«лынской, К. Ѳед. Козловской, Петръ Мансуровъ сташа у Покровскихъ «воротъ, у Устрѣтенскихъ воротъ Околничей Артемей Васил. Измайловъ «съ товарыщи, у Тверскихъ воротъ К. Вас. Ѳед. Масальской съ товарыщи».

(740) Аврам. Палиц. 222.

(741) Въ *Собр. Г. Г.* (II, 537) помѣщена *Крестоприводная запись*, по которой присягали всѣ собравшіеся подъ Москвою. Она оканчивается словами: «А кто не учнетъ по сей записи креста цѣловати, или крестъ

«цѣловавъ, не учнетъ такъ дѣлати, какъ въ сей записи писано, и не «буди на томъ милость Божія и Преч. Богородицы и всѣхъ Святыхъ, «и буди тотъ человѣкъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ».

(742) *Машк.*: «Мы теряли много: а у непріятеля каждый убитый «былъ замѣщаемъ десятью новыми воинами».—Рукоп. Филар.: «Поляцы, «видѣвъ Московское многое собраніе и изрядное ихъ ополченіе, страхомъ «ужасаемы, и начаша въ себѣ помышляти, како могутъ творити ополче- «ніе противу сего многовоинства... Той же бедренный разсмотрительный «Воевода»—Ляпуновъ—«всего Московскаго воинства Властель, скачетъ «по подкомъ всюду, *яко левъ рыкая*, направляюще воинство и вооружающе «крѣпцѣ, побѣду на враговъ своихъ воспріяти; такожъ иные Воеводы и «начальницы Московскаго воинства о своемъ дѣлѣ непрестанно попече- «ніе имѣютъ».

(743) См. выше, примѣч. 742.

Далѣе въ той же *Рукописи:* «Воевода же... Ляпуновъ возопи гла- «сомъ великимъ на своихъ, да не оскудѣетъ бранное ополченіе, и повелѣ «съ коней сходити и на градъ мужески наступати... И тако взяту бывшу «великому Царю граду, Поляцы же до внутренняго града бѣгутъ и врата «утверждаютъ крѣпкими затворы, и по семъ того дня преста бранное «ополченіе. Воеводы же Московскаго воинства, розъѣздивъ и розглядѣвъ «подобно мѣсто, и повелѣ воинству шатры ставити и лачуги и конемъ «стати. И тако уставиша воинство близъ стѣны градскіе и почиша отъ «трудовъ своихъ; токмо стражіе стрежаху. Сташе же не во единомъ «мѣстѣ, но койждо особь: Прокофій ста у Яузскихъ воротъ, К. Дм. Ти- «мофеевичъ»—Трубецкой—«мало отшедъ межь Яузскихъ и Покровскихъ «воротъ ста, а Иванъ Заруцкой у Покровскихъ воротъ, Иванъ Волын- «ской у Стрѣтенскихъ воротъ, а К. Вас. Масальскій у трубы на Не- «глиннѣ сталъ; потомъ же Петровскія и Тверскія ворота очистиша».

Аврам. Палиц. 222: «Божіею милостію одолѣша еретиковъ право- «славніи, и многихъ Поляковъ и Нѣмецъ побили, и во градѣ потоптали, «и Бѣлаго каменнаго города отъ Москвы рѣки взяли круглую башню, и «Яузскія и Флоровскія и Покровскія и Устрѣтенскія и Петровскія и «Тверскія ворота, и вниде все Христоименитое воинство въ Каменной «большей городъ, а Польскихъ и Литовскихъ людей осадили въ Китаѣ «городѣ и въ Кремлѣ».

Машкѣвичь говоритъ о семъ дѣлѣ: «Moskwa tak rezolute wpadła «do szeregów naszych, żeśmy się tak wracz z niemi z koni ściągali». Но потеря наша, продолжаетъ онъ, была не велика: погибло лишь нѣ- сколько человѣкъ при худой переправѣ чрезъ болото; въ иныхъ же ро- тахъ всѣ остались цѣлы: ибо бѣжали исправно: «*dobrze uciekali*».

(744) Машкѣв.: «Всякій разъ когда наши высылали кормовщиковъ «(фуражировъ), непріятель немедленно заводилъ съ ними битву, и съ «каждой стороны спѣшили подкрѣпить своихъ. Отъ того и путь нашъ «назывался *кровавымъ*, иногда же *смертнымъ;* и всегда былъ для насъ «пагубенъ: ибо въ нашихъ вылазкахъ мы встрѣчали болѣе Москвитянъ, «нежели сколько у насъ было всего войска».

(745) *Лът. о мятеж.* 227, и *Ник. Лът.* 161: «Ал. Гашевской да «Мих. Салтыковъ съ товарыщи посылаху къ Патріарху Ермогену и сами «къ нему прихождаху, чтобъ онъ послалъ къ Боярамъ и ко всѣмъ рат- «нымъ людемъ, чтобъ они отъ Москвы отошли прочь, а пришли они къ «Москвѣ по твоему письму; а будетъ де ты не станешь писати, и мы «тебя велимъ уморить злою смертію. Онъ же рече имъ, что де мнѣ вы «уграживаете? единаго де я Бога боюся; будетъ вы поидете всѣ Ли- «товскіе люди изъ Московского Государства и азъ ихъ благословляю отойти прочь, а будетъ вамъ стояти въ Московскомъ Государствѣ, и азъ

ихъ благословляю всѣхъ противъ васъ стояти и помереть за пра«славную Христіанскую Вѣру».

(746) *Лът. о мятеж.* 224, и *Ник. Лът.* 159: «Бысть у нихъ подъ «Москвою межь себя рознь великая, и дѣлу ратному спорыни не бысть «межь ими, и начаша всею ратью говорити, что выбрати однихъ на«чальниковъ, кому ими владѣть, и имъ бы однихъ ихъ и слушати. И «снидошася всею ратью, и думаша, и выбраша въ начальники К. Дм. «Тим. Трубецково, да Прок. Ляпунова, да Ив. Заруцково».

(747) Вид. (стр. 290) называетъ его: «cautum vigilantemque Ducem».

(748) См. выше, стран. 37 и 55.

(749) *Собр. Гос. Грам.* II, 542: «А Бога молятъ, на многолѣтьѣ въ «Казани и по инымъ городамъ поминаютъ *Благовѣрныя Князи и Бояра*, «а въ челобитныхъ пишутъ: *Великаго Московскаго Россійскаго Государ«ства и всей земли Бояромъ бьетъ челомъ*», и проч.

(750) См. выше, стран. 160.—Казанцы приглашали жителей Пермскихъ *быти со всею землею въ любви, и въ совѣтѣ и въ соединеньѣ*. См. Грамоту ихъ, писанную въ Маѣ (*Собр. Г. Г.* II, 541).

(751) См. выше, прим. 635.

(752) См. выше, стран. 157 и 163.

(753) *Лът. о мят.* 229. *Ник. Лът.* 162. Аврам. Палиц. 223. — Сапѣга, какъ пишетъ Машкѣвичь, пришелъ къ Москвѣ 17 Мая (Нов. Ст.): онъ расположился между монастырями Дѣвичьимъ и Симоновымъ.

(754) *Лът. о мят.* 230, и *Ник. Лът.* 163: «Сапѣга... нача посы«лати къ начальникомъ, что съ ними учинити съѣздъ; Бояре же съ ними «повелѣша съѣхатися, и въ закладѣ поимаху; съѣздъ же ихъ ни во что «же бысть: ничево добра не обрѣтеся на немъ и закладомъ размѣни«шася опять».

Машкѣвичь: «O. P. Sapiehzie takie tam na tenczas głosi były, że «sam chciał na Cesarstwo». См. также Нѣмцевича (II, 519) и Нарушевича (*Zyc. Ckodk.* I, 334), Машкѣвичь прибавляетъ, что Сапѣга, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ о себѣ, вздумалъ мирить Русскихъ съ Госѣвскимъ, но что сіи *грубые* люди ни на что не соглашались.

О походѣ Сапѣги внутрь Россіи и жестокихъ дѣйствіяхъ его см. Машкѣвича, также *Лът. о мят.* 232, и *Ник. Лът.* 164: «А съ Москвы «Бояре»—Мстиславскій и другіе—«съ ними послали въ войну К. Григ. «Петр. Ромодановскаго, а Гашевской послалъ съ Лит. людьми Пана Ко«сяковскаго. Бояре же»—Ляпуновы и пр.—«послаша *изъ подъ* Москвы «къ Переславлю К. Петра Володим. Бахтеярова» (въ *Лът. о мят.*: «Бахтѣева») «да Ондр. Просовецкаго» и проч.

(755) См. Машкѣвича.

(756) Поляки праздновали, получивъ ложную вѣсть о прибытіи Гетмана 31 Мая (Нов. Ст.). См. Машкѣвича.—*Лът. о мят.* (стран. 232) и *Ник. Лът.* (стр. 165) говорятъ въ краткихъ словахъ объ *очищеніи* Бѣлаго города отъ Литвы. Подробности въ Машкѣвичѣ.

(757) Машкѣвичь.—*Лът. о мят.* и *Ник. Лът.* также: «Отъ Китая «отбиша и многихъ людей на приступѣ побиша».

(758) Аврам. Палиц. 223: «Бѣлаго города взяли Алексѣевскую башню, «и Водяныя, и Чертолскія, и Арбатскія, и Никитскія ворота». — *Лът. о мят.* 232, и *Ник. Лът.* 164: «Первое взяша на Козьѣ болотцѣ острожки «Нѣмецкіе... потомъ же взяша башню Никитскую, тутъ Нѣмецъ побиша; «потомъ же взяша Алексѣевскую башню и Тресвятскія ворота, и Ли«товскихъ людей побиша и посадиша по тому Бѣлому городу по тѣмъ «башнямъ Московскихъ людей».—Машкѣвичь подробно описываетъ отчаянное сопротивленіе Нѣмцевъ и Поляковъ: одна пятиглавая башня (Алексѣевская) на углу Бѣлаго города надъ рѣкою Москвою была защищаема

300 человѣкъ Польской пѣхоты подъ начальствомъ Граевскаго (по Нѣмцевичу: *Гроицкаго*); Русскіе, узнавъ, что подъ нею запасъ пуль и разнаго горючаго вещества, пустили туда двѣ зажженныя стрѣлы, и скоро пламя объяло всю башню. Поляки, думая избѣгнуть смерти, спускались изъ оконъ на веревкахъ: Русскіе хватали ихъ и рубили.

(759) Палицынъ (стран. 223) упоминаетъ о взятіи Новодѣвичьяго монастыря вмѣстѣ съ занятіемъ Бѣлаго города. Но въ *Дневникѣ* Машкѣвича сказано, что монастырь сданъ 5 Іюня (по стар. Ст. 26 Мая): тамъ были двѣ Польскія конныя роты и 500 Нѣмцевъ. — *Лѣт. о мят.* 237, и *Ник. Лѣт.* 168: «Инокинь выведоша въ таборы и монастырь «разориша и выжгоша весь; Старицы же послаша въ монастырь въ Во«лодимиръ». Козаки дозволяли себѣ всякаго рода безчинства: ихъ вождь Зарудкій былъ тайно преданъ Ляхамъ. См. Машкѣвича.

О сдѣланныхъ Русскими укрѣпленіяхъ сказано въ Рукоп. Филар.: «Ляпуновъ о своемъ дѣлѣ попеченіе предивно творяще; и повелѣ у «Петра Чудотворца въ сорокъ туры землею насыпати и пушки поста«вити, и повелѣ по граду непрестанно стрѣляти: бѣ бо то мѣсто высоко «и удобно къ пушечному стрѣленію во градъ». Машкѣвичь говоритъ также: «Русскіе за рѣкою Москвою подлѣ каменной церкви сдѣлали для «себя острогъ, изъ котораго часто привѣтствовали насъ каленными ядрами». Онъ же говоритъ, что Госѣвскому удалось отправить нѣсколько человѣкъ съ письмами къ Гетману Хоткѣвичу. Посланные переплыли черезъ рѣку (Москву) при густомъ дождѣ и были замѣчены Русскими уже неподалеку отъ Новодѣвичьяго монастыря; одни изъ нихъ успѣли исполнить порученіе, другіе достались Русскимъ въ плѣнъ, когда монастырь взятъ.

(760) См. Голикова въ *Доп. къ Д. Петр. Вел.* II, 228, 229 и 231.

(761) Тамъ же.

(762) Тамъ же, 233: Послы говорили: «Того учинити нельзя, чтобъ «до Московскія обсылки Королевскихъ людей въ Смоленскъ впустить. «Да и Смольяне нынѣ насъ не послушаютъ. Они и не слыша такова «разоренья надъ Москвою, задолго до Королевскаго отходу не хотѣли «людей въ Смоленскъ пустити; а нынѣ услыша, что надъ Москвою учи«нилося, и досталъ того не сдѣлаютъ, и о томъ бы вамъ Сенаторамъ по«жаловати у Короля упросити, чтобъ пожаловалъ поволилъ наскоро гонца «къ Москвѣ послати, а вамъ бы всѣмъ статьямъ, о чемъ мы били че«ломъ ото всего Государства, и что били челомъ Смольяне, дати намъ «письмо, что на все то Королевская милость есть, а мы то письмо по«шлемъ ко всѣмъ людямъ Московскаго Государства, и противъ того тот«часъ къ намъ отпишутъ, и всѣ статьи вскорѣ совершатся... А что на«пишете жестоко, и имъ того не дѣлывати, и крови Христіанскія тѣмъ «будетъ не унятіе, а большее разлитіе». Услоія на коихъ Послы обѣщали впустить Поляковъ въ Смоленскъ, были слѣдующія: 1) Быть Полякамъ въ Смоленскѣ только до воцаренія Владислава. 2) Иновѣрцамъ не входить въ Греческія церкви. 3) Никого изъ Смоленска не высылать до прибытія Королевича въ Москву. 4) Королю прежде всего снять осаду и отвести войско, а потомъ уже принять Смоленскъ во временное владѣніе. 5) Назначить срокъ для выхода Польскаго войска изъ Россіи. 6) Остаться Смоленску за Россійскимъ Государствомъ по прежнему и безусловно. 7) Тѣмъ изъ Смолянъ, кои присягнули Королю, поступить снова въ вѣдомство сего города. 8) Ключамъ Смоленска быть у Градоначальника.—На угрозу Канцлера Сапѣги Луговскій отвѣчалъ: «Надобно «крокь Хриотіанскую уняти, чтобъ больше того не лилась, а Польшею «насъ стращати нечего: Польшу мы знаемъ». См. тамъ же, стр. 235. — 12 Апрѣдя объявлено было Посламъ, чтобы они готовились къ отъѣзду; 13-го они отправлены за стражею. (Тамъ же, 236, и *Собр. Гос. Грам.* II, 526).

(763) Тамъ же, стран. 173: «И Паны Рада Пословъ отъ себя отпу-«стили, сердитуя на нихъ; а какъ Послы пошли изъ хоромъ, Паны Рада «Пословъ лаяли, а говорили: не Послы, то воры».

(764) Нѣмцев. (въ *Dz. P. Z. III*, Т. III, 10) и Нарушев. въ *Zyc. Chodk.* I, 331 и 447.—Жолкѣвскій выѣхалъ изъ Смоленска 25 (15) Апрѣля (У *Нарушевича* сказано ошибкою *Czerwca*, т. е. Іюня). См. *Коберзицкаю*, стран. 396.

(765) *Доп. къ Дьян. Петр. В.* II, 236.

(766) *Собр. Гос. Грам.* II, 540: «А на томъ мы вамъ челомъ бьемъ «и пожалуемъ васъ, што есте серца свое обернули къ намъ» и проч.

(767) *Дипл. Собр. дѣлъ*, Б. Каменскаго, стран. 430. Сіе объявилъ Госѣвскому гонецъ Королевскій Янъ Комаровскій.—См. также *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. III, 9.

(768) *Льт. о мят.* 229, и *Ник. Льт.* 163 о Шеинѣ: «Съ послѣд-«ними людьми бьющеся безпрестанно, къ городу не пропускаше».—*Dz. Pan. Zygm. III*, Т. III, 14.—Кобѣржицкій говоритъ объ немъ: «Smo-«lensci Hector, ipsiusque fatorum mora».

(769) *Льт. о мят.*, *Ник. Льт.* и Беръ, который пишетъ, что въ Смоленскѣ оставалось едва 300 или 400 человѣкъ здоровыхъ.

(770) Тамъ же.—Въ Рукописи Филаретовой сказано: «Того же лѣта «Мая 26 дня Литов. Король Смоленскъ взялъ». Кобѣржицкій (на стран. 404 и 412), а за нимъ и Нѣмцевичъ (III, 15), пишутъ, что городъ взятъ 13 Іюня (3 Іюн. Стар. Ст.) въ день Св. Антонія. То же число означено и у Бера; но, вѣроятно, ошибкою: ибо онъ слѣдовалъ Старому Стилю.—Сказаніе Польскихъ Историковъ достовѣрнѣе: оно согласно съ надписью на медали, выбитой въ память сего событія. См. Нѣмцевича, II, 21.

(771) Кобѣрж. и Нѣмцевичъ такъ разсказываютъ о семъ послѣднемъ приступѣ къ Смоленску. Іаковъ Потоцкій, тогда уже главный Предводитель осаждающихъ, съ нѣсколькими тысячами Козаковъ, подходилъ къ городу съ восточной стороны; Вел. Лит. Маршалокъ Дорогостайскій и Малт. Кавалеръ Новодворскій съ сѣверной, а съ западной Стефанъ Потоцкій, имѣя съ права Нейкирха съ Нѣмецкою пѣхотою. Іак. Потоцкій велѣлъ своимъ сойти съ коней и, взобравшись по лѣстницамъ на валъ, первый ударилъ на русскихъ; въ тоже время Нѣмецкая пѣхота овладѣла стѣною съ другой стороны. Успѣхъ дѣла былъ сомнителенъ; наконецъ Новодворскій подорвалъ стѣну близъ Krolowskich (вѣроятно *Крестовскихъ*) воротъ, и тѣмъ открылъ Полякамъ свободный путь въ Смоленскъ. Жолкѣвскій въ своихъ Запискахъ разсказываетъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Спустя 16 дней (?) послѣ взятія Смоленска, воины, искавшіе добычи въ развалинахъ церкви, взорванной порохомъ, услышали человѣческій голосъ, выходившій изъ подъ камней; разрыли ихъ и нашли мущину и женщину, еще живыхъ. Женщина тутъ же умерла отъ прикосновенія свѣжаго воздуха, а мущина отведенъ въ станъ, просился въ баню, но, выпивъ вина, также умеръ.

(772) Кобѣрж. *Hist. Vlad.* 409 и 420.—Alexandri Cigli, Т. II, 149.—Нѣм. *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. III, 19.—*Ник. Льт.* 163.—*Льт. о мят.* 130.

(773) См. Кобѣржицк. и Нѣмцевича.

(774) См. *Ник. Льт.* и *Льт. о мят.* 230.

(775) См. Бера, и то что сказано выше, въ прим. 769. Но Кобѣржицкій пишетъ (стран. 414), что въ плѣнъ взято 2700 человѣкъ. О числѣ Русскихъ погибшихъ во время осады Беръ говоритъ, что ихъ было 80.000; а Кобѣржицкій, что болѣе 70.000.

(776) По словамъ Кобѣржицкаго, въ Смоленскѣ найдено 50 большихъ и 200 малыхъ пушекъ, пороха не много, но большой запасъ пуль и съѣстныхъ припасовъ, такъ что ихъ стало бы еще на годъ.

(777) См. Грамоту осажденныхъ въ Москвѣ Боляръ, писанную въ Іюнѣ (*Собр. Гос. Гр.* II, 550).

(778) Нѣмцев. въ *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. III, 22.—Наруш. въ *Zyc. Chodk.* Т. I, 332.

(779) См. Нѣмцевича *Dz. Pan. Zygm. III*, Т. III, 23. Тамъ же, на стран. 565, подробное *Описаніе торжества*, напечатанное также и въ журналѣ *Pamietnik Lwowski*, 1818 г. No. 3 Оно взято изъ одной древней Латинской рукописи.

(780) См. тамъ же.

(781) Тамъ же.

(782) Въ помянутомъ *Описаніи*: «Teraz, choć w więzieniu jest i w «niewoli, jakiego oporu z natury swey okrutnéy zażywa, lekce sobie «wszystko poważając, i jeszcze wszystkim potrząsając».

(783) О твердости Василія см. выше, стран. 155.

(784) См. *Ник. Лѣт.* 148, и *Лѣт. о мят.* 208: «И постави надъ «ними столпъ каменной себѣ на похвалу, а Московскому Государству на «укоризну, и подписаху на столпѣ всѣми языками», и пр.—Польскіе Историки говорятъ объ одной Латинской надписи.

(785) См. *Описаніе торжества*, и въ Нѣмцевичѣ:

Iesu Christi Dei Filii
Regis Regum Dei exercitûs
Gloriæ.
Sigismundus Rex Poloniæ et Sveciæ
exercitu Moscovitico ad Clusinam cæso,
Moschoviæ Metropoli deditione accepta,
Smolensco Rpeæ restituto
Basilo Szuyski M. Duce Moschoviæ
et fratre ejus Demetrio Militæ Præfecto,
captivis jure belli acceptis, ac in arce Gostinensi sub
custodia habitis, ibique vita
functis; sortis humanæ memor
ossa illorum huc deferri,
et ne se regnante etiam hostes injusteque sceptra
parantes justis ac sepultura carerent,
in hoc a se ad publicam posteritatisque memoriam
Regnique sui nomen extructo trophæo
deponi jussit.
Anno a partu Virginis 1620.
Regnorum nostrorum Poloniæ 33, Sveciæ 27.

Нынѣ надъ гробницею Царя Василія Іоанновича Шуйскаго въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ слѣдующая надпись: «Лѣта 7121 «(1612), Сентября въ 12 день, на память Святаго Священномуч: Авто«нома преставися благовѣрный и Христолюбивый Вел. Государь, Царь «и Вел. Князь Василей Ивановичь, всея Русіи Самодержецъ, въ Польск. «Королевствѣ въ 60 лѣто живота его, а въ Польшѣ лежало тѣло его въ «Варшавѣ 23 года. И 143 (1635) году Вел. Государь Царь и Вел. Князь «Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи Самодержецъ со Владиславомъ Коро«лемъ Польскимъ учинился въ братствѣ и въ вѣчномъ докончаніи; для «того докончанья посылалъ ко Владиславу Королю Пословъ своихъ ве«ликихъ, Боярина К. Алексѣя Мих. Львова съ товарищи, и о тѣлѣ Царя «и Вел. Князя Василья Ивановича всея Русіи, чтобъ ево отпустили, «велѣлъ Королю говорить; и Владиславъ Король тѣло Царя Василья Ива«новича всея Русіи Царьскаго Величества Посломъ отдалъ, и въ цар-

«ствующій градъ Москву принесено тѣло его въ лѣто 7143 (1635) Іюня «въ 10 день, въ 23 лѣто государства его».

(786) Кобѣржицк. *Hist. Vlad.* 428, и Нѣмцевича *D. P. Z. III*, T. III, 24.

(787) Шеинъ казненъ въ 1634 году за потерю сраженія подъ Смоленскомъ. Сіе несчастное дѣло названо измѣною. См. *Лѣт. о мят.* 365.

(788) *Ник. Лѣт.* 166.—*Лѣт. о мят.* 234.

(789) Подлинныя слова ея: «Wyzwolcie dla Boga, wyzwolcie! Dwie «niedzieli mam tylko zostawionych do życia. Pełniście sławy; nabądźcie więcéy, wybawiając nieszczęsną: Bóg będzie wiekuistą zapłatą». Т. е.: «Освободите ради Бога, освободите! Мнѣ даютъ жить только двѣ «недѣли. Вы славны; будьте еще славнѣе: спасая несчастную: Богъ на«градитъ васъ».—Аврам. Палиц. о Маринкѣ: «Къ ней-же припряжеся «закопомъ сатанинскимъ Полякъ Иванъ Заруцкой». (Пясецкій пишетъ, что Заруцкій былъ родомъ изъ Тарнополя, но юность свою провелъ у Татаръ, а послѣ у Донскихъ Козаковъ).—*Ник. Лѣт.* 165: «У Заруцково же «съ Казаками бысть съ Бояры и съ Дворяны непрямая мысль: хотяху «на Москов. Государство посадити воренка Калужскаго, Маринина сына, «а Маринка въ тѣ поры была на Коломнѣ».

(790) См. Машкѣвича.

(791) См. выше, въ прим. 789. выписку изъ *Ник. Лѣт.*

(792) *Лѣт. о мят.* 235, и *Ник. Лѣт.* 166: «Начальникомъ же двумъ, «Трубецкому и Заруцкому, та ихъ челобитная не люба быста, Прокоф«фей же Ляпуновъ къ ихъ совѣту приста, повелѣ написати приговоръ».

(793) Выписываемъ сію любопытную Грамоту: «Лѣта 7119 (1611) «году Іюня въ 30 день. Моск. Государства разныхъ земель Царевичи, и «Бояре, и Окольничіе, и Чашники, и Стольники, и Дворяне, и Стряпчіе «и Жильцы, и Приказные люди, и Князи, и Мурзы, и Дворяне изъ го«родовъ, и Дѣти Боярскіе всѣхъ городовъ, и Атаманы, и Козаки, и «всякіе служилые люди и дворовые, которые стоятъ за домъ Пресв. Бо«городицы и за прав. Христ. Вѣру, противъ разорителей Вѣры Христі«анскія, Польск. и Литовск. людей подъ Москвою, приговорили и вы«брали всею землею Бояръ и Воеводъ, К. Дм. Тим. Трубецкаго, да Ив. «Март. Заруцкаго, да Думн. Дворянина и Воеводу Прок. Петр. Ляпу«нова на томъ, что имъ, будучи въ правительствѣ, земскимъ и всякимъ «ратнымъ дѣламъ промышляти и расправа всякая межь всякихъ людей «чинити вправду, а ратнымъ и земскимъ всякимъ людямъ ихъ Бояръ во «всякихъ земскихъ и въ ратныхъ дѣлахъ слушати всѣмъ».

«А помѣстьямъ за Бояры быти Боярскимъ, а взяти имъ себѣ по«мѣстья и вотчины Боярскія и Окольничихъ и Думныхъ Дворянъ, Бо«ярину Боярское, а Окольничему Окольническое, примѣряся къ преж«нимъ Большимъ Боярамъ, какъ было при прежнихъ Россійскихъ приро«женыхъ Государяхъ. А которыхъ дворцовыя села и черныя волости, и «монастырскія села и Боярскія, и Окольничьихъ и Думныхъ Дворянъ «помѣстья и вотчины розняли Бояры по себѣ безъ земскаго приговору, «и Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ роздали они же Бояре вновь въ «додачу къ старымъ ихъ окладомъ или сверхъ ихъ окладовъ: и тѣ новыя «помѣстья у тѣхъ у всѣхъ отняти и отписати дворцовыя села и черныя «волости въ дворецъ; а помѣстныя и вотчинныя земли отписавъ роздати «безпомѣстнымъ и разореннымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые помѣстей «своихъ отбыли отъ Литовскаго разоренья, а дворецъ и большой при«ходъ и четверти устроить по прежнему, какъ было прежъ сего на Мо«сквѣ и доходы хлѣбные и денежные сбирати въ дворецъ и въ четьи».

«А въ дворцовыя жъ села и черныя волости, которыя розданы Бо«ярамъ, и Окольничьимъ, и Стольникомъ, и Стряпчимъ; и Дворяномъ

«Большимъ и Дворяномъ же изъ городовъ и Дѣтямъ Боярскимъ, кото-«рые сидѣли на Москвѣ въ осадѣ и по городомъ за Московское жъ Го-«сударство и которые были въ Тушинѣ и въ Калугѣ и по инымъ Сѣвер-«скимъ городомъ не по ихъ мѣрѣ оклады и дачи, и ихъ верстать съ тѣми, «которымъ давано на Москвѣ за осадное сидѣнье и за раны по ихъ «мѣрѣ, и въ помѣстномъ окладѣ, и въ дачахъ и въ денежномъ жало-«ваньѣ учинить ихъ равно. А которыхъ за Московское сидѣнье на Мо-«сквѣ и въ Тушинѣ и въ Калугѣ даны оклады и дачи и денежное жа-«лованье не по ихъ мѣрѣ и не за службу, и у тѣхъ по сыску окладовъ «и денежного жалованья убавливать, и оставливать имъ по ихъ мѣрѣ; а «лишекъ, что у нихъ возмутъ, роздать въ роздачу».

«А которымъ Бояромъ же и Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ и «всякимъ людемъ помѣстья даны вновь на Королевское и на Корале-«вичево Владиславово имя изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ воло-«стей, а старыя помѣстья за ними оприче тѣхъ дачь есть, и у тѣхъ ту «новую Королевскую и Королевичу дачу отнять и роздати безпомѣст-«нымъ же и разореным; а которымъ новикомъ безпомѣстнымъ, или «малопомѣстнымъ, и при Королѣ и при Королевичѣ даваны выморочныя «или отцовскія помѣстья, а старыхъ помѣстей за ними оприче тѣхъ «дачь нѣтъ, и у тѣхъ помѣстей не отымать».

«А которые Воеводы нынѣ по городамъ и здѣся въ полкѣхъ имали «себѣ помѣстья самовольствомъ безъ Боярсково и всей земли совѣту и «изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, и изъ Боярскихъ и изъ «Дворянскихъ помѣстей и изъ вотчинъ, или которые взяли, бивъ челомъ «ложно о стѣ четвертяхъ, а владѣютъ пятью сты, и иные и тысячами, «и въ тѣхъ лишнихъ земляхъ и въ доходѣхъ тѣхъ помѣщиковъ счесть, «а по счету съ тѣхъ лишнихъ земель доходы и владѣные на нихъ до-«правити; а тотъ лишекъ, что за ними было помѣстныя и вотчинныя «земли роздать въ роздачу; безпомѣстнымъ же и малопомѣстнымъ и разо-«реным, что кому доведется; а дворцовыя села и черныя волости от-«писать въ дворецъ».

«А которые Чашники, и Стольники, и Стряпчіе, и Дворяне Боль-«шіе, и Жильцы, и Дворяне жъ и Дѣти Боярскіе изъ городовъ, и всякіе «служилые люди нынѣ подъ Москвою въ полкѣхъ служатъ и за право-«славную Христіанскую Вѣру стоятъ, землею вмѣстѣ безъ съѣзду, а по-«мѣстей за ними нѣтъ, или у которыхъ помѣстья разорены и помѣстьями «своими не владѣютъ отъ Литовскаго разоренія, и тѣхъ для ихъ бѣд-«ности и разоренья испомѣстить всѣхъ изъ тѣхъ помѣстей, что по нынѣш-«нему Боярскому и всей земли приговору отпишутъ у Бояръ, и у Дворянъ и «Дѣтей Боярскихъ, которые нынѣ на Москвѣ, и что отпишутъ у Бояръ же «и у всякихъ людей новыхъ помѣстей, и что кому давано сверхъ ста-«рыхъ помѣстей или сверхъ окладовъ и излишнихъ земель; а будетъ «бѣдныхъ, безпомѣстныхъ и разореныхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ «тѣми помѣстьи не испомѣстятъ, и имъ испомѣстить, поговоря Бояромъ «со всею землею, гдѣ пригоже».

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе разныхъ городовъ посланы «съ Москвы съ Послы подъ Смоленскъ съ Бояриномъ со К. Вас. Вас. «Голицынымъ съ товарищи и нынѣ заложены въ Литвѣ, и которые си-«дѣли въ Смоленску въ осадѣ и побиты отъ Литвы, а у нихъ остались «жены и дѣти, и у тѣхъ помѣстей не отымать, а велѣти владѣти же-«намъ ихъ и дѣтямъ; а у которыхъ женъ и дѣтей нѣтъ, и тѣ помѣстья «и вотчины отписать и доходы съ нихъ всякіе сбирати въ дворецъ; а «людей ихъ изъ помѣстей изъ и вотчинъ не высылать, и велѣти имъ да-«вать кормъ, какъ мочно сытимъ быти, а кого Богъ изъ Литвы вынесетъ, «и тѣмъ помѣстья ихъ и вотчины поворотить назадъ».

«А которыя старыя вотчины за Патріархомъ и за Митрополиты «и за Владыки, и которыя села даны въ вотчины жъ въ домъ къ Со- «борной Преч. Богородицы, и къ Благовѣщенію, и къ Архангелу, и къ «инымъ Соборнымъ церквамъ и въ монастыри Блаж. памяти по Госуда- «рехъ Царехъ и по ихъ Царск. родителяхъ, и тѣхъ вотчинъ у Патрі- «арха и у всякихъ властей и у монастырей и у Соборн. церквей вся- «кихъ церковн. земель не отымать и въ роздачѣ не роздавати, а кото- «рыя роздавы до сѣхъ мѣстъ, и тѣ поворотити опять за Патріарха и «къ Соборн. церквамъ и за монастыри; а про ратныхъ людей собирать «съ нихъ кормъ въ дворецъ».

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе померли и побиты, а послѣ «ихъ остались жены и сыновья, и у тѣхъ вдовъ и у сыновей помѣстей «не отнимати: а у которыхъ остались жены съ дочерьми, а сыновей «нѣтъ, и тѣмъ вдовамъ давати помѣстья съ дочерьми на прожитокъ по «уложенью, примѣряся къ прежнему, какъ прежъ сего вдовамъ съ до- «черьми на прожитокъ давано; а у которыхъ женъ и дѣтей не осталось, «и тѣ помѣстья роздавати въ роздачу роду ихъ и племени, безпомѣст- «нымъ и мало помѣстнымъ; а мимо родства ихъ не отдавати».

«А которымъ Дворяномъ и Дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ людемъ «за Московское сидѣнье и за ту службу, которые были въ походѣ съ «Бояриномъ и Воеводою съ К. Мих. Вас. Шуйскимъ, и которые сидѣли «по городомъ за Моск. Государство, давалъ на Москвѣ вотчины изъ «которыхъ нибудь земель, опричь городовыхъ вотчинъ и старинныхъ «помѣстей, и тѣхъ вотчинъ ни у кого не отымать. А у которыхъ Дво- «рянъ, и у Дѣтей Боярскихъ, и у Приказныхъ и у всякихъ людей въ «розгромъ, какъ за грѣхъ всего православнаго Христіанства Литовскіе «люди Московское Государство разорили и выжгли, вотчинныя жало- «ванныя грамоты и людскія и всякія крѣпости погорѣли, и тѣмъ давать «новыя вотчинныя жалованныя грамоты и всякія крѣпости; а которымъ «за Московское осадное сидѣнье дано, и имъ о томъ бити челомъ Боя- «ромъ и всей землѣ, чтобъ имъ дати вотчины изъ ихъ изъ старыхъ и «изъ новыхъ помѣстей противъ тѣхъ вотчинниковъ, которымъ давано на «Москвѣ; а Бояромъ, поговоря со всею землею вотчины давати вольно: «а давати вотчины противъ прежняго приговору съ окладовъ со ста «четьи по двадцати четвертей, и прежняго приговору Патріарха Ермо- «гена Московскаго и всея Руси и нынѣ пожаловати Бояромъ ни въ «чемъ не нарушити».

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякихъ чиновъ люди «съѣзжали съ Москвы и были въ Тушинѣ и въ Калугѣ, и сидѣли по «городамъ: и тѣмъ давати вотчины противъ Московскихъ сидѣльцевъ, какъ «давано на Москвѣ изъ старыхъ и изъ новыхъ ихъ помѣстей, кто кому «вверсту, а не противъ тѣхъ окладовъ, которые имъ учинены въ таборѣхъ».

«А у которыхъ Стольниковъ и у Стряпчихъ, и у Дворянъ Боль- «шихъ. и у Жильцовъ, и у Дворянъ же и у Дѣтей Боярскихъ изъ го- «родовъ и помѣстья въ Смоленску, въ Дорогобужѣ, на Бѣлой, въ Вязьмѣ, «въ Можайску и въ иныхъ въ порубежныхъ городѣхъ отъ Литовскія «стороны, и въ Украйныхъ въ Сѣверскихъ городѣхъ отъ Крымскія сто- «роны разорены и запустошены отъ Литовскихъ и отъ Крымскихъ «людей, а сами они нынѣ служатъ съ землею вмѣстѣ, и противъ Дво- «рянъ и Дѣтей Боярскихъ сыскивать городы и по сыску давати помѣстья «въ иныхъ Замосковныхъ городѣхъ, какъ имъ мочно сытимъ быти, а «Смольняномъ, и Бѣляномъ, и Дорогобужаномъ, и Вязьмичемъ, и Мо- «жайчемъ и всѣмъ разоренымъ городамъ помѣстья давати напередъ».

«А которымъ Дворяномъ даваны вотчины на Москвѣ за Москов- «ское осадное сидѣнье въ Смоленску, и на Бѣли и въ Дорогобужѣ и въ

«Вязьмѣ; а нынѣ тѣ ихъ вотчины отъ Литвы разорены и ими не вла-
«дѣютъ, и тѣмъ Дворяномъ давати вотчины въ иныхъ городѣхъ изъ ста-
«рыхъ и изъ новыхъ помѣстей по прежнему уложенью, а Дворяномъ и
«Дѣтемъ Боярскимъ всѣхъ городовъ про разоренье свое и про помѣстье
«сказывать, и Бояромъ и всей землѣ бити челомъ вправду и старыхъ
«помѣстей за собою не таити, и помѣстнымъ безпомѣстными себя не
«называти, и не разоренныхъ помѣстей въ разоренье ложно не писать, и
«въ четвертяхъ лишку себѣ не имать. А кто помѣстной Сынъ Боярской
«назоветъ себя безпомѣстнымъ, а помѣстье старое за собою утаитъ, или
«не разоренное помѣстье назоветъ разореннымъ, а вновь возметъ себѣ
«помѣстье ложно, или въ четвертяхъ кто принишетъ себѣ лишекъ, и кто
«на кого скажетъ вправду, и про то подлинно сыщется, и у тѣхъ, кто
«возметъ ложно тѣ помѣстья, имати назадъ и отдавати безпомѣстнымъ
«и разоренымъ».

«А которые Бояре и Дворяне и Дѣти Боярскіе и Дьяки и всякіе
«Приказные люди нынѣ на Москвѣ съ Литвою, а братьи ихъ и дядья
«и дѣти и племянники нынѣ въ полкѣхъ, а помѣстей за ними нѣтъ, а
«сами служатъ, и тѣмъ помѣстья въ ихъ оклады давати, какъ пригоже,
«а что за ихъ окладомъ останется, и то отдавати разнымъ городовъ
«Дворяномъ и Дѣтямъ Боярскимъ въ роздачу; а которые поимали пле-
«мени своего помѣстья и вотчины до сего приговору умышленьемъ для
«береженья, а помѣстья за ними старыя есть, и у тѣхъ помѣстья и
«вотчины отнять, и въ роздачу роздать инымъ, кому доведется. А кото-
«рые по ся мѣста сидятъ на Москвѣ съ Литвою безъ женъ и безъ дѣ-
«тей, а въ полки не ѣдутъ воровствомъ, и тѣмъ помѣстей и вотчинъ не
«отдавать».

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе на земскую службу подъ
«Москву Маія по 29 число не бывали, а по Боярскому и всей земли
«прежнему приговору велѣно у нихъ помѣстья отымать и въ роздачу
«роздавать безповоротно, и послѣ того приговору многіе на службу пріѣ-
«хали и бьютъ челомъ Бояромъ и всей землѣ, что они по ся мѣста не
«бывали для бѣдности и разоренья, и про тѣхъ сыскать городы, и сыски
«имать за Дворянскими руками, да будетъ по сыску, которые по ся мѣ-
«ста не бывали для бѣдности и разоренья, а не лѣнью и не воровствомъ,
«и тѣмъ по ихъ челобитью для бѣдности и разоренья помѣстья поворо-
«тить. А которые по ся мѣста Іюня по 29 число не бывали и впредь
«вскорѣ на службу не будутъ, а въ сыску про нихъ Дворяне скажутъ,
«что они не ѣдутъ своею лѣнью и воровствомъ, а не отъ бѣдности, или
«которые, бывъ на службѣ, съѣхали безъ Боярскаго отпуску, а на службу
«имъ быти мочно, и у тѣхъ помѣстья отнять и въ роздачу роздать тѣмъ,
«которые служатъ безповоротно».

«А у которыхъ Дворянъ и у Дѣтей Боярскихъ помѣстья иманы не
«по нетямъ, по ложному челобитію, а они были на Москвѣ по неволѣ
«или по городомъ отъ Литовскаго разоренья, а впередъ они сами на
«службѣ объявятся, и тѣмъ помѣстья и вотчины поворотити назадъ: или
«которыя вдовы и недоросли были на Москвѣ, а нынѣ и съ дѣтьми
«вышли, или которые скитаются по городамъ у родимцевъ, а помѣстья
«у нихъ поимали заочно, а впредъ они объявятся жъ, и тѣмъ вдовамъ
«и недорослемъ помѣстье отдати, чтобъ имъ до конца въразореньѣ не быти».

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе посланы по городомъ въ Вое-
«воды и на всякія посылки въ сборъ, а на службѣ имъ быти мочно, и
«тѣхъ изъ городовъ и изъ посылковъ перемѣнить и велѣти имъ быти въ
«полки тотчасъ, а на ихъ мѣсто послати Дворянъ сверстныхъ и ране-
«ныхъ, которымъ на службѣ быти не мочно; а съ которыми Воеводы и
«съ Дворяны поѣхали по городомъ дѣти ихъ и племянники безъ отпуску,

«а помѣстья за ними есть, и у тѣхъ помѣстья отымать и въ роздачу «роздати безповоротно».

«А въ Помѣстномъ Приказѣ для помѣстныхъ дѣлъ посадити Дворя- «нина изъ Большихъ Дворянъ, а съ нимъ Дьяковъ, выбравъ всею зем- «лею, и велѣти испомѣстити напередъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ бѣд- «ныхъ, разореныхъ, безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ, которые по- «мѣстьями своими не владѣютъ отъ Литовскаго разоренья; а за которыми «были въ помѣстьяхъ дворцовыя села и черныя волости нынѣшняя Боярь- «ская новая дача, и тѣмъ помѣстей напередъ не отдавати до тѣхъ «мѣстъ, пока мѣста бѣдныхъ и разореныхъ всѣхъ не помѣстятъ».

«А которые Атаманы и Казаки служатъ старо, а нынѣ похотятъ «верстаться помѣстными и денежными оклады и служить съ городы, за «нихъ службы помѣстными и денежными оклады поверстать, смотря по «нихъ отечеству и по службѣ; а которые Атаманы и Казаки верстаться «не похотятъ, и тѣмъ Атаманомъ и Казакомъ и Стрѣльцомъ давати хлѣб- «ный кормъ съ дворца, а деньги съ большаго приходу и изъ четвертей «во всѣхъ полкѣхъ равно, а съ Приставства изъ городовъ и изъ двор- «цовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей; а Атамановъ и Казаковъ свесть «и насильства ни котораго по городомъ и въ волостяхъ и на дорогѣ «грабежемъ и убивства чинити не велѣти, а посылати по городомъ и въ «волости для кормовъ Дворянъ добрыхъ, а съ ними для разсылки Дѣтей Боярскихъ и Казаковъ и Стрѣльцовъ, и велѣти кормы сбирати по указу, почему приговорятъ и укажутъ Бояре, и мимо указу никакого наспль- «ства и разоренья крестьяномъ не чинити».

«А только на Москвѣ въ полкѣхъ и подъ Москвою и по городомъ «и въ волостяхъ и по дорогамъ Дѣти Боярскіе, и Казаки, и Стрѣльцы «и холопи Боярскіе, или какіе люди ни буди, учнутъ воровати, разби- «вати и грабити и душегубство чинить, и про то сыскивать всякими «мѣрами, и ото всякого воровства унимать, и наказанье и смертную «казнь чинить. А на то устроить Разбойной и Земской Приказъ по тому «жъ, какъ прежъ сего на Москвѣ было».

«А строить землю и всякими земскими и ратнымъ дѣломъ промыш- «лять Бояромъ, которыхъ изобрали всею землею по сему всее земли «приговору; а смертною казнью безъ земскаго и всей земли приговору «Бояромъ не по винѣ не казнити и по городомъ не ссылати, и семьями «и заговоромъ никому никого не побивати, и недружбы никоторыя ни- «кому не мстити; а кому до кого какое дѣло, и о томъ о управѣ бити «челомъ Бояромъ и всей землѣ. А кто учнетъ ходити скопомъ и загово- «ромъ, и кого кто убьетъ до смерти по недружбѣ, или на кого кто ска- «жетъ какое измѣнное земское дѣло, и про то сыскивати вправду; а по «сыску наказанье и смертную казнь надъ ними чинити Бояромъ, пого- «воря со всею землею, смотря по винѣ; а, не объявя всей землѣ, смерт- «ныя казни никому не дѣлать и по городомъ не ссылать. А что кого «убьетъ безъ земскаго приговору, и того самого казнити смертью».

«А меньшимъ Воеводамъ безъ Боярскаго вѣдома изъ полковъ отъ «себя по городомъ Воеводъ и Приказныхъ людей, и въ сборъ для вся- «кихъ дѣлъ и для денежныхъ доходовъ не посылать; а у которыхъ Вое- «водъ въ полкѣхъ кабаки и торги, и тѣ кабацкія и таможенныя деньги «впередъ сбирати изъ большаго приходу вѣрнымъ цѣловальникомъ, и «отдавати въ казну въ большой приходъ. А которые Воеводы до сего «приговору имали кабацкія и таможенныя деньги, и съ пріѣзжихъ телегъ «сбирали пошлины на себя, и про то сыскать записными книгами; а по «сыску тѣ деньги взяти у нихъ въ большой же приходъ; и впередъ со «всѣхъ городовъ всякія таможенныя и кабацкія деньги и всякіе доходы «сбирать вѣрнымъ цѣловальникомъ и отдавати въ большой приходъ и

«въ четверти. А печать къ грамотамъ о всякихъ дѣлахъ устроити зем-«скую. а о большихъ о земскихъ дѣлахъ у грамотъ быти рукѣ Боярской».

«А ратныя всякія большія дѣла вѣдать Бояромъ и Розрядным«Дьякомъ въ Большомъ въ одномъ Розрядѣ и неты Дворянъ и Дѣтей «Боярскихъ изо всѣхъ полковъ присылать въ Большой же Розрядъ. А «которые Дворяне и Дѣти Боярскіе и всякіе ратные люди нынѣ подъ «Москвою за православную Христіанскую Вѣру отъ Литовскихъ людей «будутъ побиты, или отъ ранъ изувѣчены, и тѣхъ убитыхъ и раненыхъ «записывати въ Розрядѣ; а послуги ихъ писать Воеводамъ и Головамъ «по полкомъ и присылать въ Большой Розрядъ за руками, какъ и предъ «сего было, чтобъ впередъ всякихъ ратныхъ людей служба въ забвенье «не была; а послуги всякимъ ратнымъ людемъ писати про себя вправду, «какъ душа Богу и всей землѣ дана, а не лгати».

«А помѣстныя и вотчинныя всякія дѣла вѣдати въ одномъ Помѣст-«номъ Приказѣ, а въ ихъ полкѣхъ помѣстныхъ дѣлъ не вѣдати, и гра-«мотъ помѣстныхъ и вотчинныхъ не давати, чтобъ въ помѣстныхъ дѣлахъ «смуты не было».

«А которые Дворяне и Дѣти Боярскіе въ нынѣшнее смутное время «и въ разоренье вывозили у своей же братьи у Дворянъ и у Дѣтей «Боярскихъ крестьянъ и людей, и которые, отъ нихъ выбѣжавъ, живутъ «по городомъ по посадомъ, и про то по ихъ челобитью сыскивати, а по «сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ».

«А буде Бояре, которыхъ выбрали нынѣ всею землею для всякихъ «земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣти «и росправы чинити не учнутъ во всемъ вправду, и по сему земскому «приговору всякихъ земскимъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ. и за «ними всякія земскія дѣла постановятся, или которые Воеводы Боярѣ «во всякихъ дѣлахъ слушати не учнутъ, и намъ всею землею вольно «Бояръ и Воеводъ перемѣнити, и въ то мѣсто выбрати иныхъ, поговоря «со всею землею, кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодится».

(794) На оборотѣ подлинной Грамоты подписано: «Діокъ Истома «Карташовъ, Діокъ Миколай Новокщеновъ, Діокъ Марко Поздѣевъ, «Бояринъ К. Дм. Тим. Трубецкой, Прок. Ляпуновъ и въ (мѣсто) Боя-«рина Ив. Март. Заруцкаго руку приложилъ... Окольничей Артем. Вас. «Измайловъ руку приложилъ; К. Иванъ Княжь Андреевъ сынъ Голи-«цынъ; Миронъ Вельяминовъ руку приложилъ; Стольникъ Тимоѳ. Измай-«ловъ руку приложилъ; къ сему приговору Иванъ Шереметевъ руку при-«ложилъ». Слѣдуютъ рукоприкладства Ключника Вѣкошкина, Жильца, да отъ городовъ: Кашина, Лихвина, Дмитрова, Смоленска, Ростова, Яро-славля, Можайска, Калуги, Мурома, Владиміра, Юрьева, Нижняго Нова-города, Пошехонья, Брянска, Романова, Вологды, Галича, Мещерска, Архангельска, Переславля Залѣскаго, Костромы, Воротынска, Юрьева Польскаго, Волхова, Звенигорода; также отъ полковъ К. Трубецкаго, Заруцкаго, К. Петра Влад. Бахтеярова, Прок. Ляпунова, Мирона Вель-яминова – Атамановъ, Судей, Есауловъ, Сотниковъ и многихъ другихъ, безъ означенія чиновъ.

(795) Не за долго предъ симъ Ляпуновы, и съ ними Голицынъ, хо-тѣли непремѣнно имѣть Царемъ Русскаго. См. выше, стр. 138.

(796) Такъ говорили Новогородцы Генералу Делагарди. См. Видек. *Hist. bel. Sveco-Mosc.* 237.

(797) Тамъ же, 222.

(798) Тамъ же, 217.

(799) См. его донесенія къ Сигизмунду, въ *Собр. Гос. Гр.* II, 452.

(800) *Лът. о мят.* 228, и *Ник. Лът.* 161: «Онъ же»—Салтыковъ— «обѣщавашеся, что онъ мысли никакія не вѣдаетъ надъ Московскимъ

»Государствомъ, а подъ Новгородъ хотя отецъ мой придетъ съ Литов-«скими людьми, и я не буду съ нимя битися».

(801) См. письмо Жолкѣвскаго къ Сигизмунду въ *D. P. Z. III*, Т. II, 603, и выше, въ прим. 542.

(802) *Лѣт. о мят.* 233 и 237.—*Ник. Лѣт.* 165 и 168.

(803) Видек. 235: «Fata Moschoviæ aspernari internum Dominum».

(804) Тамъ же, 236 и дал.

(805) *Лѣт. о мят.* 238, и *Ник. Лѣт.*: «Василей же»—Бутурлинъ—«съ Нѣмецкими людьми ссылашеся... Василей же съ ними съѣзжашеся... «а мысль ихъ никому же не знаема». (Далѣе, см. прим. 808).—Виде-«киндъ пишетъ (стран. 240), что Делагарди, еще будучи въ Москвѣ, «свелъ тѣсное знакомство съ Бутурлинымъ: что сей послѣдній былъ въ «Клушинскомъ сраженіи, и обѣщалъ подчинить Новгородъ Шведамъ. «Онъ кипѣлъ злобою на Ляховъ за претерпѣнное въ плѣну у нихъ; бывъ «присланъ изъ-подъ Москвы отъ Ляпунова, самъ далъ Генералу Дела-«гарди совѣтъ овладѣть Новымъ-городомъ (стран. 246).

(806) См. Видекинда; также *Лѣт. о мят.* и *Ник. Лѣт.*

(807) Въ Рукоп. Филар.: «Того же лѣта Свійской Воевода Яковъ «Пунтусовъ Новгородъ великій взялъ Іюля въ 16 день». *Псков. Лѣтоп.* л. 87 на об.: «Свѣйстіи Нѣмцы... пришедше взяше великій Новградъ «Іюля въ 16 день». Видек. (248) говоритъ о началѣ приступа: «Nec «dum in caliginem merso die, qui decimam sextam Iulii lucem ante-«cessit, Dux Jacobus, vocatis ad se ductoribus ordinum, institutum «suum propalat, admonet virtutis bellicæ», etc.

(808) Видек. 250.—*Лѣт. о мят.* 238, и *Ник. Лѣт.*: «Бысть у Нѣ-«мець въ полону Ивановъ человѣкъ Лутохина Иванко Швалъ, и обѣ-«щася имъ ввести ихъ въ городъ. Во градѣ жъ въ тѣ поры бысть по «стѣнамъ стража худая. Той Ивашка приведя ихъ нощію въ Чудинцов-«скія ворота, и въ Новъ-городъ внидоша, никто бо ихъ не слыша; послы-«шаша жъ въ тѣ поры, какъ начаху сѣщи стражи по городу и по дворамъ».

(809) *Лѣт. о мят.* 239, и Видекиндъ.

(810) Сей договоръ напечатанъ въ *Собр. Гос. Грам.* (II, 553), но не съ подлинника, а съ Латинскаго перевода, помѣщеннаго въ *Исторіи* Видекинда (стр. 271). Временемъ заключенія онаго означено 11 іюля: во мы знаемъ, что 15 и 16 сего мѣсяца еще продолжалась осада Новагорода. См. Видекинда (стран. 301: «die 16 Julii») и Далина (Gesch. des Reiches Schweden, T. III, Ч. II, 497), который именно говоритъ, что Договоръ заключенъ 17 Іюля.—Въ Договорѣ сказано: «*Ex consilio «Procerum consensuque populi Moschovitici*, ego Knäsius Joh. Nic. «Oduievius et Palatini reliqui ets... omnesque qui sub Magnæ Novo-«gardiæ Ducatu continentur, *suo posterumque nominibus*.... non co-«acti, sed sponte inter nos convenimus, consensimus, et id ipsorum «*osculo crucis et tasto sancto Evangelio* confirmavimus».

(811) Или *Тявзинскаго*. См. сей *Исторію* Т. X, 97.

(812) См. въ *Собр. Гос. Грам.* II, 660: «Dorpatensibus, Volsinen-«sibus, Torschensibus et Jamensibus, regionumque aliarum Procura-«toribus et Cossacis liber commeatus concedatur» etc.

(813) Сверхъ сего опредѣлено было назначить квартиры Шведскому войску, но *въ дальнихъ частяхъ города*, чтобы оно не было въ тягость гражданамъ; за исключеніемъ однакожь тѣхъ случаевъ, когда сіе будетъ необходимо для отраженія непріятеля: съ симъ вмѣстѣ постановлено жителямъ въ обязанность снабжать войски деньгами и съѣстными припасами. См. *Собр. Гос. Гр.* II, 562.

(814) Видек. стран. 273: «Præter quingentos rublos nihil in ære «repertum».

(815) Тамъ же, стран. 275: «Georgii Hansons Boie equites omnes «ferme plenis signis excessero, remanentibus 9 ordinum ductoribus».

(816) Тамъ же, стран. 274 и 277, и *Лът. о мят.* 240.

(817) *Лът. о мят.* 233: «Сей же Прок. Ляпуновъ не по своей мѣрѣ «вознесся и гордость ево много отецкимъ дѣтямъ позору и безчестія «дѣлаше, и токмо Боярскимъ Дѣтямъ, но и самимъ Боярамъ. Приходяху «бо къ нему на поклоненіе и стояху у его избы много время, никакова «бо человѣка къ себѣ не пущаше; къ Козакамъ же жестокость имѣяше: «за тожъ на него бысть ненависть великая».—*Авр. Пал.* 224: «Ревнуя «о Правовѣріи, ненавидя же до конца хищенія и неправды, бывшіе «тогда въ Казачьи воинствѣ».

(818) *Ник. Лът.* и *Лът. о мятежахъ.*

(819) Кобѣржицкій, стран. 434: «Cum nullius se scripti literarumve «conscium esse per omnia sacra contestaretur juraretque hostium eam «esse imposturam fraudemque, frustra Superos testes suæ innocentiæ «advocans».—Объ участіи Госѣвскаго въ семъ ковѣ, см. въ Машкѣвичѣ.

(820) *Лът. о мят.* 236: «Иванъ же (Ржевскій) ему былъ недругъ «велій, а видя туть ево правду, за нево сталъ и умеръ съ нимъ вмѣстѣ».

(821) *Авр. Пал.* 224: «По неправедномъ же ономъ убіеніи Прокофьевѣ бысть во всемъ воинствѣ мятежъ великъ и скорбь всѣмъ православнымъ Христіаномъ, врагомъ же Полякомъ и Рускимъ измѣнникомъ «бысть радость велика. Казаки же начаша въ воинствѣ велико насиліе «творити, по дорогамъ грабити и побивати Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. «Потомъ же начаша и села и деревни грабити и крестьянъ мучити и «побивати. И такова ради отъ нихъ утѣсненія мнози разыдошася отъ «царствующаго града».

Лът. о мят. 236: «Козаки жъ... домъ ево (Ляпунова) весь разграбиша, и многіе станы послѣ ево пограбиша».

(822) *Лът. о мят.* и *Ник. Лът.*: «Многіе подъ тѣмъ (Новодѣвичьимъ) «монастыремъ Дворяне и Стольники искаху сами смерти на себя отъ «насилія и позору, и многіе побиты и отъ ранъ многіе изувѣчены быша». По сказанію сихъ Лѣтописцевъ Новодѣвичій монастырь взятъ и разоренъ послѣ смерти Ляпунова; но свидѣтельство современниковъ (Авраамія Палицына и Машкѣвича) гораздо достовѣрнѣе. См. выше, прим. 759, и ниже, прим. 823.

(823) Аврам. Палиц. 225: «Литовскій же Гетманъ Сапѣга тогда «стоялъ подъ градомъ Переславлемъ Залѣскимъ... слыша о убіеніи Прокофьевѣ и неустроеніе велико усмотривъ въ воинствѣ Православныхъ «и пріиде вскорѣ на помощь Полякомъ со множествомъ воинства и съ «запасы. И отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ большаго «Бѣлаго города взяли, и за Москвою острожки всѣ высѣкли и запасы «въ городъ провезли».

См. *Дневникъ* Машкѣвича: «Мы возвратили себѣ все потерянное. Русскіе оставили и Дѣвичій монастырь, который мы должны были снова занять своими людьми». Списокъ *Дневника*, съ коимъ справлялся покойный Исторіографъ, былъ ему доставленъ изъ Витебскаго Іоіезуитскаго моастыря.

(824) На сіе жаловались Послы наши въ переговорахъ своихъ подъ Смоленскомъ: «То ли Московскому Государству успокоенье? Какъ «воръ былъ въ Калугѣ не убитъ, то которые городы были за нимъ, Орелъ, «Волховъ, Бѣлевъ Карачевъ, Алексинъ, и иные многіе тогда Государя «вашего люди къ тѣмъ городамъ и помыслити итти не смели; а какъ «Божіею милостію вора убили, и тѣ города цѣловали крестъ Государю «нашему Королевичу,... и Государя вашего люди, пришедъ въ тѣ городы.

«людей побили и въ полонъ попмали, и городы пожгли, и тѣ всѣ мѣста «до конца разорили и запустошили». *Доп. къ Дьян. Петр. В.* II, 198,

(825) См. выше, стран. 160.

(826) *Псков. Лѣт.* л. 367: «Тагожъ (7119) году Марта въ 28 день, «въ Великую Субботу, проявися послѣдній воръ изъ Новагорода, наз- «вався Царевичемъ Дмитріемъ».—*Лѣт. о мят.* 242: «Пріиде въ Иванъ- «городъ съ Москвы изъ за Яузы рѣки Дьяконъ Сидорка, и назвася Ца- «ревичемъ Дмитреемъ».

(827) Видек. стран. 326.

Псков. Лѣт. л. 84 и дал.: «Псковичи жъ слышавше Пана Лисов- «сково съ Литвою и Русскими людьми стояща въ Новгородцкой земли «въ Порховщинѣ, посланша къ нему бити челомъ, чтобъ онъ пошолъ съ «Русскими людьми во Псковъ. Онъ же. много плѣнивъ Новгородчину «жъ, пріиде во Псковъ и пустиша и во градъ, а Литву за городомъ «поставиша и на посадѣ въ Стрѣлецкой слободѣ; но по малу начаша и «Литва во градъ входити и начаша многую казну пропивати и платьемъ «одѣватися: понеже бѣ многое множество имаху злата и серебра и жем- «чугу, иже грабили, и плѣнили бяху славныя грады, Ростовъ и Кострому, «и Обители и Лавры честныя, Паисотія въ Боровскѣ и Колязинѣ, и «многія иныя, и раки Святыхъ разсѣкаху, и суды и окладу образного «и полону множество женъ и дѣвицъ и отрокъ; егда же та вся прово- «роваша и пропграша зерцью и пропиша, начаша буесгію глаголати и «грозити гражаномъ, что мы убо многія грады плѣнили и разорили, та- «кожъ будетъ отъ насъ граду сему Пскову.... И не бысться ихъ злая «мысль. .. Слышавъ же гражане у злыхъ человѣкъ сіе злое умышленіе, «и пришедъ къ варвару начаша льстивыми слевесы глаголати, чтобъ «шолъ на Иванъ-городъ на испорученіе, понеже тогда обстоимь бѣ Свѣй- «скими Нѣмцы и за хребромъ бѣ Новаграда и Пскова, а мы де, казну «собравъ, пришлемъ къ тобѣ. Онъ же ни мало постоявъ о семъ, и вскорѣ «взыде изъ града со всѣми и иде къ Иванюгороду. Нѣцыи же услы- «шавше бѣжаше на свою страну, въ Ругодевъ. Той же окаяпный вар- «варъ послѣди уразумѣ въ себѣ, како умыслиша Псковичи о немъ об- «обманъ... и много опечалися. Паки жъ сію лесть умысли еще: дабы «толикъ крѣпостію Иванъгородъ лестію взяти, то де могу исъ того града «и прочая достати, и посла напредъ себе нѣколико ратныхъ съ хлѣбомъ «во градъ ити... И никтоже во градѣ помысли коварства того быти, но «вельми возрадовашась.... Но единъ Діякъ начальникъ, именемъ Ѳео- «насей Ондропниковъ, уразумѣ злое его коварство, и повелѣ затворити «врата граду и не пусти ихъ... и того часу многоковарный и самъ приспѣ... «и вопроси у начальниковъ градцкихъ пребыти во градѣ съ немногими «людьми, и пустиша и честь ему воздаша о испорученіи; онъ же поди- «вися великой крѣпости граду... и похвали державцовъ Рускихъ, рекъ, «яко ни въ коемъ градѣ Рускомъ не могоша узнати моего многораз- «личнаго коварства и сѣтей... сего жъ града не удастъ ми ся лестію «взяти... и изыде изъ града. И начаша между собою Литва и Русь со- «биратись, и пондоша, Русь во Псковъ, а Панъ Лисовскій съ Литвою, «и Нѣмецъ полоненыхъ на Иванѣгородѣ, и поимавъ пондс мимо Пскова. «и шедъ выше Пскова и взятъ пригороды Вороночъ и Красной и За- «волочье, и начатъ оттуда по вси дни и нощи подъ Псковъ и подъ «Изборской и подъ Печоры и прочимъ и высѣче всю Псковскую землю».

(828) Видек. стран. 312 и 313.

Конецъ примѣчаній XII тома.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ,

приложенныхъ къ двѣнадцатому тому

„ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“.

Рис. I. 1. *Одежда запорожскихъ козаковъ.* Представленные на этомъ рисункѣ запорожцы изображены по сохранившимся до настоящаго времени современнымъ рисункамъ, въ длинныхъ казакинахъ, широчайшихъ шароварахъ и мѣховыхъ (бараньихъ) шапкахъ съ цвѣтнымъ верхомъ. На обоихъ широкіе пояса, за которые, обыкновенно, затыкались «пистоли» и ножи, кинжалы или небольшіе ятаганы. — 2. *Печать войска запорожскаго.* Такъ какъ запорожское войско составляло весьма существенную и правильно-устроенную военную силу, то у него была, для дѣловыхъ бумагъ, своя печать. На ней былъ изображенъ сторожевой казакъ около степного кургана, въ который воткнуто копье. Вокругъ этого изображенія помѣщалась, по широкому, гладкому краю печати надпись: «*Печа (ть) славнаго войска запорозкого низ(о)вого*».

Рис. II. Войсковыя клейноды Запорожцевъ. Клейнодами войсковыми назывались тѣ знаки военной власти, которые постоянно должны были сопровождать войско въ его походахъ и находиться при особѣ главнаго начальника или атамана. Здѣсь видимъ мы: бунчукъ, замѣнявшій запорожцамъ знамя, палицу (или булаву), литавры съ палками и торели. При звукѣ этихъ двухъ послѣднихъ инструментовъ, войско, обыкновенно выступало въ походъ и собиралось въ *коло*—т. е. въ *войсковой кругъ* (или совѣщаніе). Въ углу этого-же рисунка изображено полевое орудіе запорожцевъ, которое, при помощи большого острія укрѣплялось въ земляную напись, а при посредствѣ подвижного и раскладного клина наводилось для стрѣльбы.

Рис. III. Оружіе и утварь запорожцевъ. Подъ №№ 1, 2 и 3 здѣсь изображены главныя части запорожскаго вооруженія: сабля, кинжалъ и пистолетъ. Подъ № 4 легкая ручная пушка (или, скорѣе, *фалконстъ*), деревянная и обтянутая желѣзными обручами: такія пушки возились запорожцами въ обозѣ и укрѣплялись для битвы на простыхъ телѣгахъ. Подъ № 5 помѣщенъ любопытный старинный рисунокъ, изображающій гайдамака, во время остановки на походѣ въ степи, играющаго на бандурѣ. Онъ отдыхаетъ и варитъ себѣ пищу въ котлѣ, привѣшенномъ къ тычкамъ. *Люлька* (трубка) у него въ зубахъ; *горилка* (водка) въ сулеѣ и чарка стоятъ подъ рукою. Но въ то-же время, приняты и всѣ предосторожности на случай внезапнаго нападенія: неразсѣдланный конь привязанъ къ копью, воткнутому въ землю; сабля повѣшена на суку дерева; рогъ съ порохомъ положенъ на землѣ, рядомъ съ ружьемъ.

Рис. IV. Жилища, укрѣпленія и станы казацкіе. 1. Представляетъ чертежъ одного изъ укрѣпленій запорожскихъ на малой Хортицѣ, въ низовьяхъ Днѣпра.—2. Изображаетъ общій видъ Сѣчи Запорожской, во время войскового круга или сбора.—3. Казачій станъ, во время похода, окруженный обозными тѣлегами или, такъ называемымъ, *гуляй-городомъ*.—4. Зимовникъ запорожцевъ, состоящій изъ нѣсколькихъ куреней, въ видѣ небольшого поселка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго.

Г. 1606 — 1608.

Стр.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Вторый Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедимитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій. 3

ГЛАВА II.

Продолженіе Василіева царствованія.

Г. 1607 — 1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедимитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мнишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мнишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему . . 47

ГЛАВА III.

Продолженіе Василіева царствованія.

Г. 1608 — 1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новагорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедимитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедимитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда

Стр.

надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбои. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедимитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедимитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву . . . 87

ГЛАВА IV.

Низверженіе Василія и междоцарствіе.

Г. 1610 — 1611.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горесть народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василія и супруги его. Совѣтъ Князя Мстиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермогена 131

ГЛАВА V.

Междоцарствіе.

Г. 1611 — 1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состояніе Россіи. 185

РОДОСЛОВНЫЯ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ

РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь представлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оставляю другому сочинить полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (†), или тотъ, въ которомъ объ нихъ упоминается.—*Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая; третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

РОСПИСЬ I.

ЯРОСЛАВЪ ВЕЛИКІЙ.

ИЛЬЯ. 1020.

ВЛАДИМІРЪ. 1052.

ИЗЯСЛАВЪ. См. № II.

СВЯТОСЛАВЪ. См. № III.

ВСЕВОЛОДЪ (женатъ на Греческой Царевнѣ). См. № IV.

ВЯЧЕСЛАВЪ (женатъ на Одѣ, Графинѣ Штадской).

ИГОРЬ (женатъ на Кунигундѣ, Графинѣ Орламундской).

ЕЛИСАВЕТА (за Гаральдомъ, Королемъ Норвежскимъ).

АННА (за Генрихомъ I, Королемъ Французскимъ).

АНАСТАСІЯ (за Андреемъ, Королемъ Венгерскимъ).

РОСТИСЛАВЪ. † 1065.

РЮРИКЪ. † 1094.

ВОЛОДАРЬ.

ВАСИЛЬКО.

БОРИСЪ. 1079.

N. N.

ДАВИДЪ.

РОСТИСЛАВЪ. 1126.

ВЛАДИМІРКО. † 1153.

Дочь за сыномъ императора греческаго Алексія.

ИВАНЪ. ГРИГОРІЙ.

МСТИСЛАВЪ. 1099.

ВСЕВОЛОДКО. (Зять Мономаховъ) 1127.

ІОАННЪ Берладникъ. 1144.

ЯРОСЛАВЪ. † 1188.

БОРИСЪ. 1151.

МСТИСЛАВЪ. 1167.

ГЛѢБЪ. 1167.

РОСТИСЛАВЪ.

ВЛАДИМІРЪ (женатъ на Болеславѣ, дочери Святослава Всеволодовича Черниговскаго). 1198.

ОЛЕГЪ, сынъ наложницы.

Дочь за Королемъ Венгерскимъ Стефаномъ III. 1167.

Сынъ, женатъ на Ѳеодорѣ, дочери Романа Галицкаго).

РОСПИСЬ II.

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

МСТИСЛАВЪ.

РОСТИСЛАВЪ. 1093.

СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

МСТИСЛАВЪ (отъ наложницы). 1099.

БРЯЧИСЛАВЪ. † 1127.

ЯРОСЛАВЪ, или Ярославецъ. † 1123.

ЮРІЙ (ж. на дочери Всеволодка, внукѣ Мономаховой). 1144.

ЯРОПОЛКЪ. 1190.

ИВАНЪ. 1166.

СВЯТОПОЛКЪ. 1168.

ГЛѢБЪ. 1185.

ЯРОСЛАВЪ. 1185.

МАЛЬФРИДА (за Всеволодомъ, сыномъ Ярослава Изяславича, внука Мстислава Великаго).

АННА, супруга Рюрикова).

ВЯЧЕСЛАВЪ. 1127.

ИЗЯСЛАВЪ. † 1127.

ЕВПРАКСІЯ (за сыномъ Болеслава II)

СБЫСЛАВА (за Болеславомъ Кривоустымъ, Королемъ Польскимъ). 1102.

ПЕРЕДСЛАВА (за сыномъ Коломана, Короля Венгерскаго). 1104.

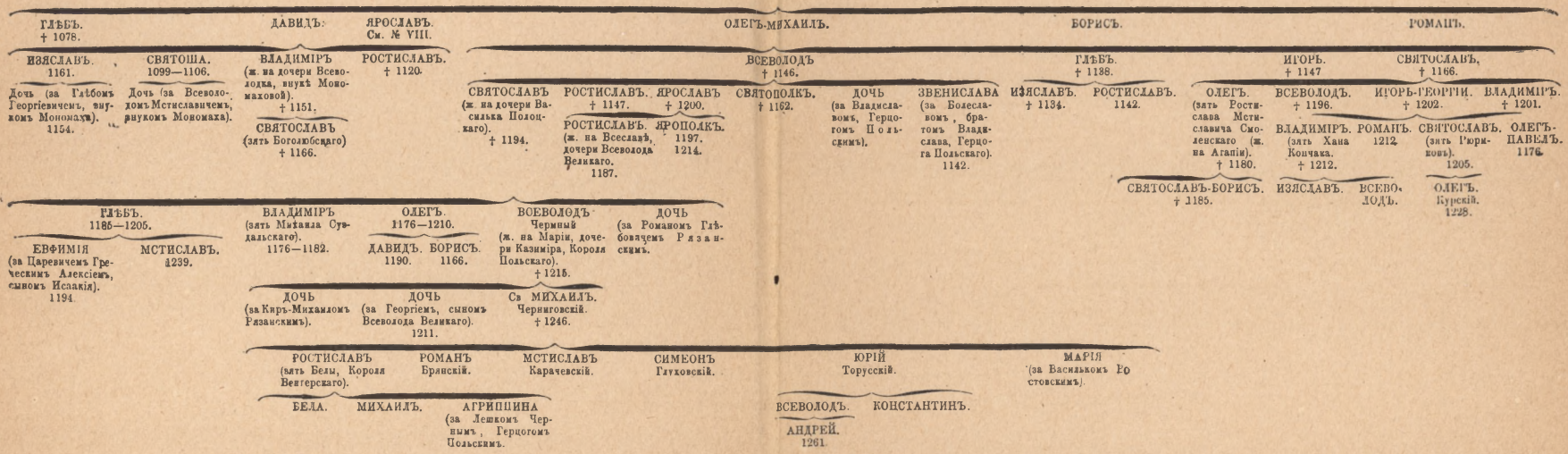
ЯРОПОЛКЪ.

ЯРОСЛАВЪ. † 1102.

ВЯЧЕСЛАВЪ. † 1105.

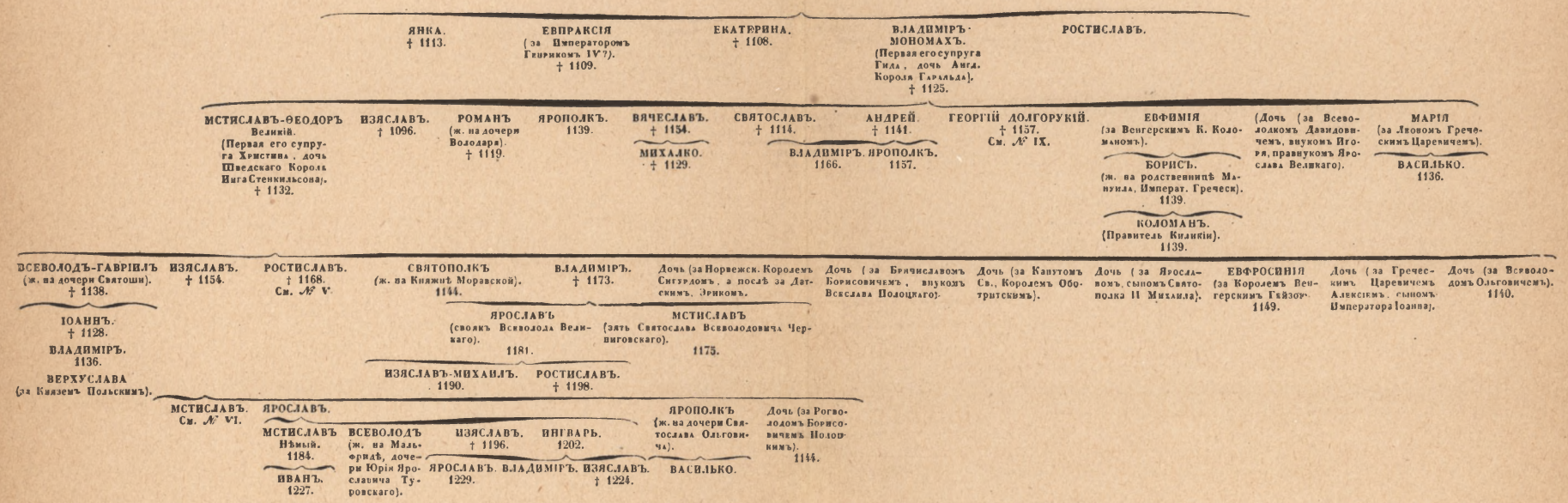
РОСПИСЬ III.

СВЯТОСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.



РОСПИСЬ IV.

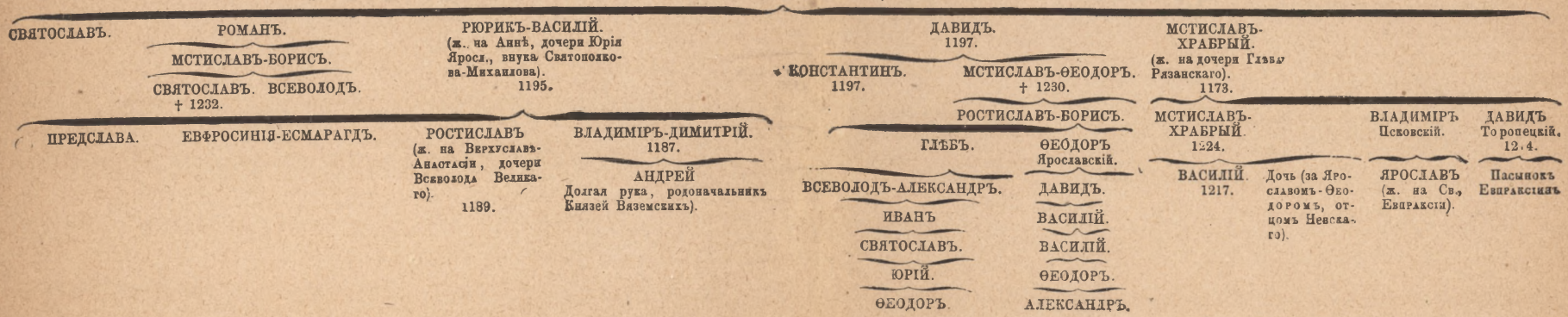
ВСЕВОЛОДЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.



РОСПИСЬ V

РОДЪ КНЯЗЕЙ СМОЛЕНСКИХЪ.

РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ МОНОМАХОВЪ.

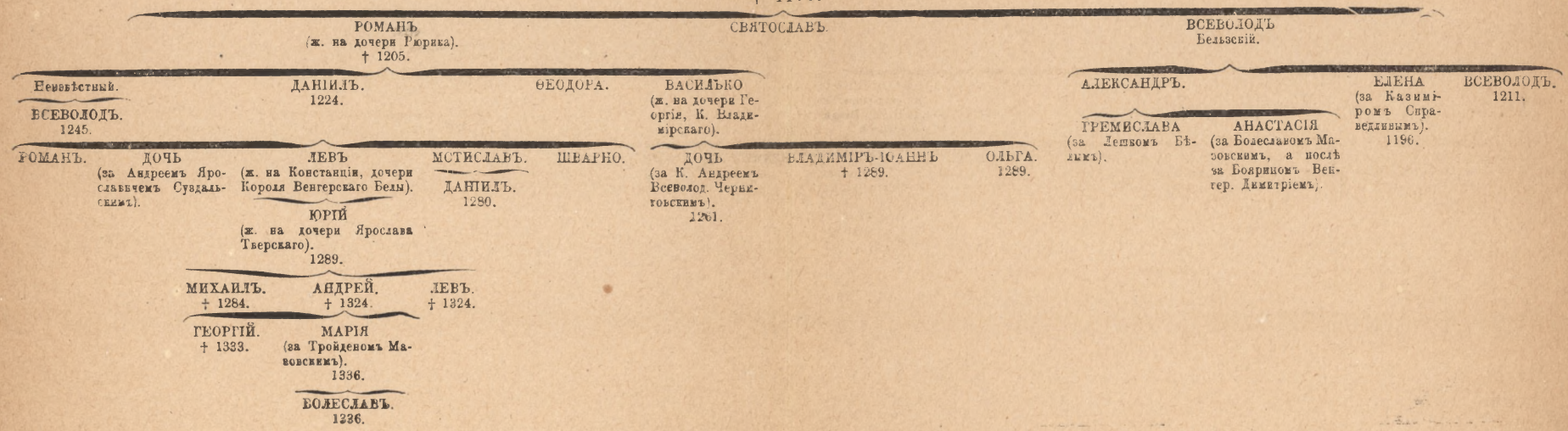


РОСПИСЬ VI.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ГАЛИЦКИХЪ.

МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЪ, ПРАВНУКЪ МОНОМАХОВЪ, ЗЯТЬ БОЛЕСЛАВА КРИВОУСТАГО, К. ПОЛЬСКАГО.

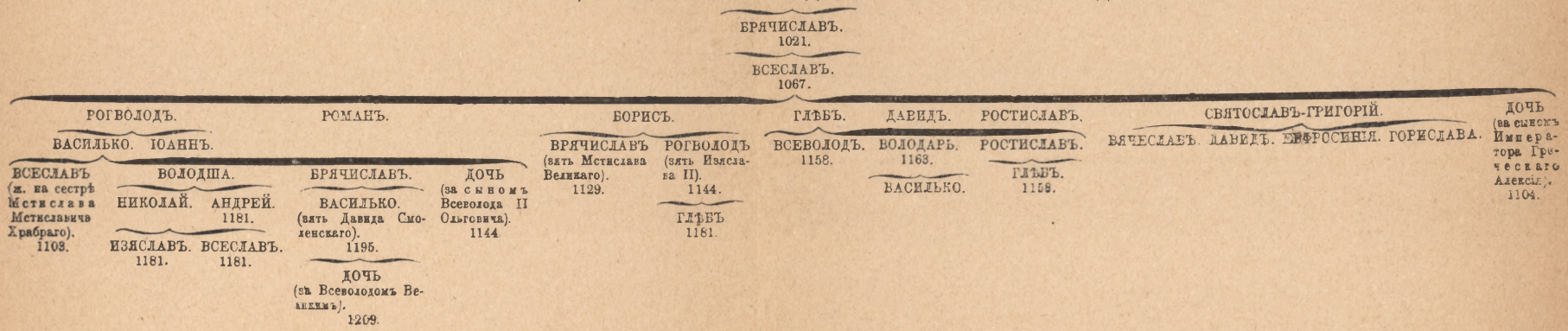
† 1170.



РОСПИСЬ VII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ ПОЛОЦКИХЪ.

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ СВ ВЛАДИМІРА ОТЪ РОГНѢДЫ.

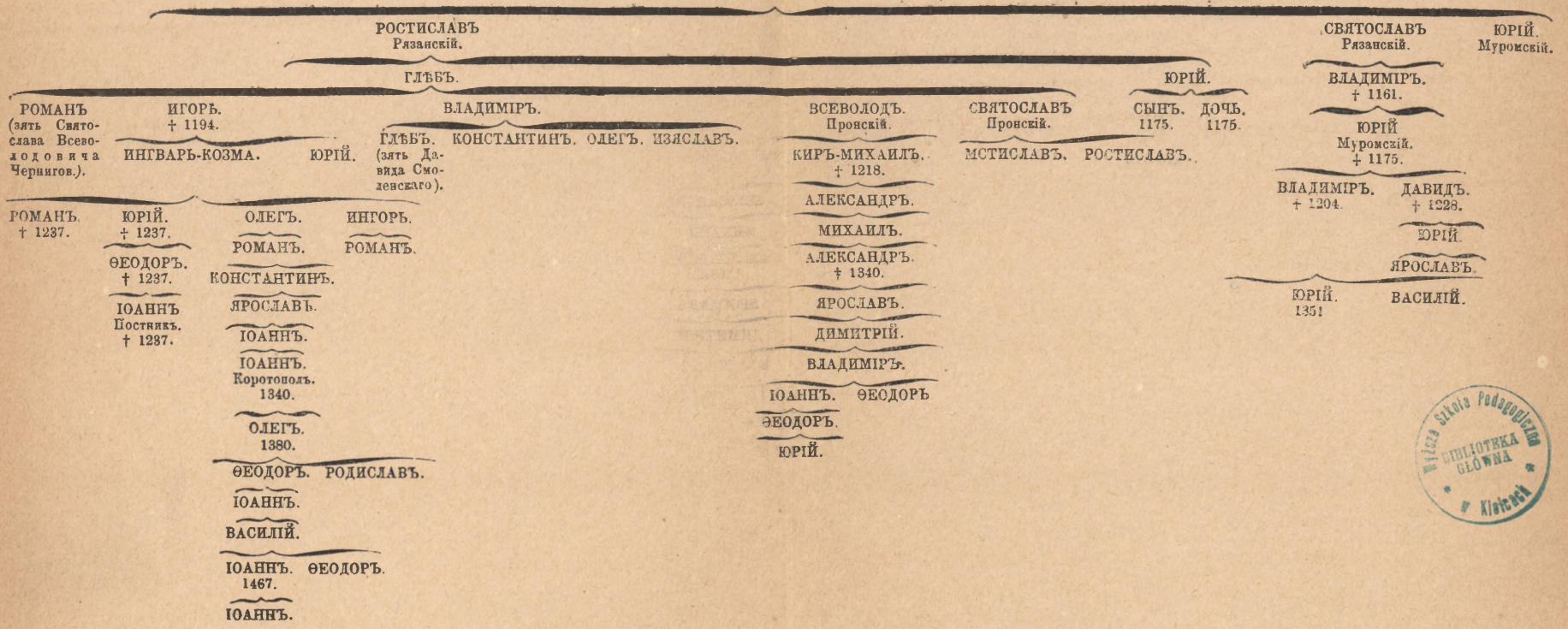


РОСПИСЬ VIII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ РЯЗАНСКИХЪ, МУРОМСКИХЪ и ПРОНСКИХЪ.

ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

1127.



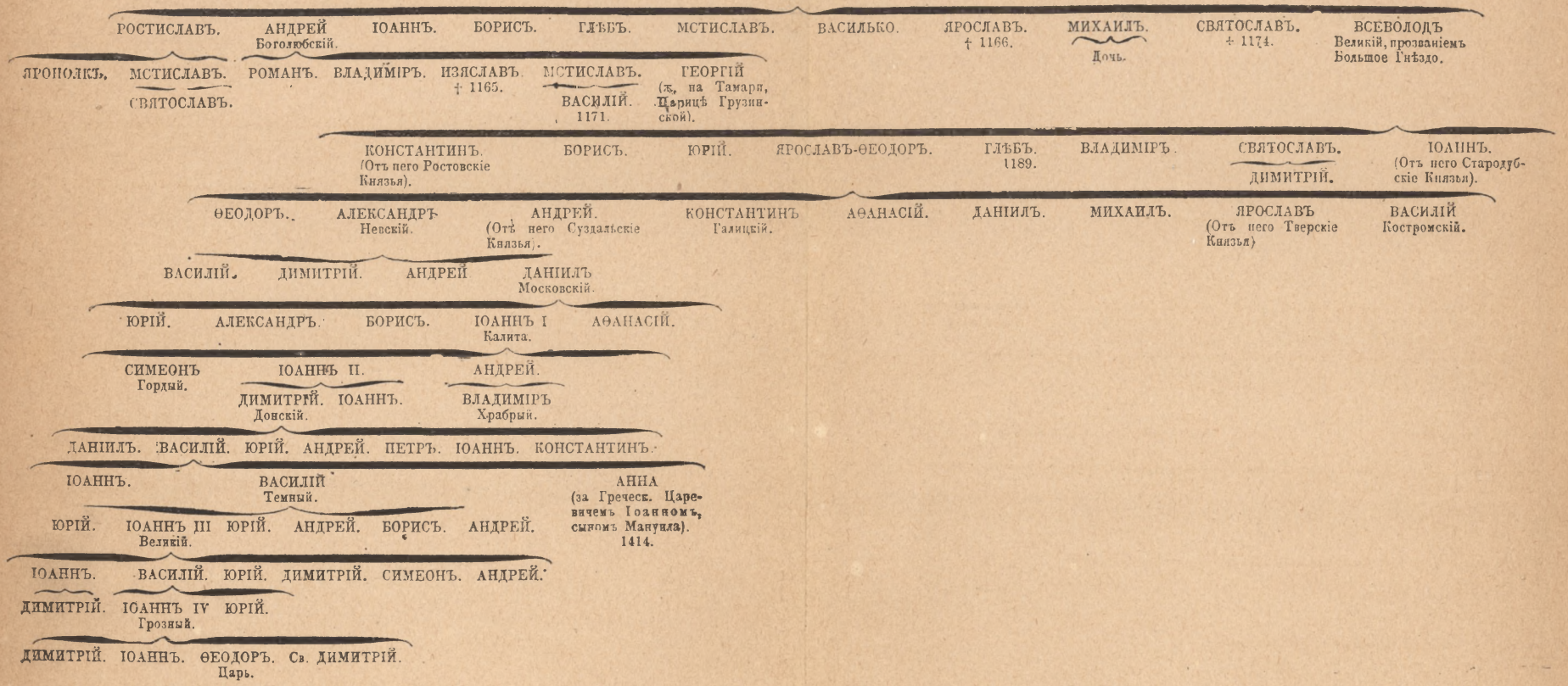
Wyższa Szkoła Pedagogiczna BIBLIOTEKA GŁÓWNA Kielce

РОСПИСЬ IX.

РОДЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ВЛАДИМІРСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.

ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ, СЫНЪ МОНОМАХОВЪ.

† 1157.



Дозвол. цензурою. Спб., 27 ноября 1892 г.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итал., № 11.

40,—

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
098291

Biblioteka WSP Kielce
0258796